

АРОМАТЫ И ЗАПАХИ В КУЛЬТУРЕ

СОСТАВИТЕЛЬ
О. Б. ВАЙНШТЕЙН

ИЗДАНИЕ
ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ

АРОМАТЫ И ЗАПАХИ В КУЛЬТУРЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

Новое
Литературное
Обозрение

МОСКВА
2010

ББК 71.04
УДК 930.85
А 84

В оформлении обложки использована картина
Джузеппе Арчимбольдо (1527 – 1593)

А 84 Ароматы и запахи в культуре. Изд. 2-е, испр. Книга 1 /
Сост. О.Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обо-
зрение, 2010. – 616 с.: ил.

Как классифицировать запахи? Что такое «синдром Пруста»? Как связаны духи «Красная Москва» и «Букет императрицы»? Все эти и другие не менее захватывающие темы обсуждаются в сборнике «Ароматы и запахи в культуре».

Эта книга – первое в России исследование запахов как аспекта нашей повседневной жизни. Авторы статей – отечественные и западные парфюмеры, биологи, лингвисты, психологи, антропологи – стараются расшифровать символические смыслы ароматов, понять, почему запахи неразрывно связаны с человеческим телом, с работой интуиции, памяти и воображения.

Среди «героев» книги – Патрик Зюскинд, Бодлер, Оскар Уайльд, Фрейд и знаменитый парфюмер Эдмон Рудницка. Ученые пытаются создать новые дисциплины – «историческую ароматику» и «грамматику ароматов», «обнюхать» и осмыслить обонятельные пейзажи различных исторических эпох.

ББК 71.04
УДК 930.85

883405

ISBN 978-5-86793-719-5
ISBN 978-5-86793-721-8

© О.Б. Вайнштейн. Сост., 2010

© Авторы, 2010

© «Новое литературное обозрение», 2010

Ольга Вайнштейн

ГРАММАТИКА АРОМАТОВ

Предисловие составителя

Случалось ли, мой друг читатель, вам
Блаженствовать и томно длить мгновенья,
Безумно, долго, до самозабвенья
Вдыхая мускус или фимиам.

Ш. Бодлер

Нередко образы прошлого кажутся нам плоскими, сухими и скучными: слишком много тонких и нежных нюансов безвозвратно разрушаются со временем. Исчезают объем и дыхание, динамика живого жеста; лучшие книги по истории костюма не могут передать сопутствующую одежде звуковую гамму — так пропадает загадочный шелест юбки фру-фру, столь волновавший людей конца XIX века. Шорох шелковой оборки тогда воспринимался как сигнал и секрет женского очарования — теперь же это ощущение восстановить, наверное, невозможно.

Очень часто такой утраченной культурной ассоциацией оказывается запах. Знаковый эффект аромата — самый мощный и одновременно самый хрупкий компонент, составляющий (и в буквальном, и в переносном смысле) атмосферу эпохи. В этом потерянном измерении скрыты мегабайты значимой информации, поскольку именно запахи интимно связаны с человеческим телом, с работой интуиции, памяти и воображения. Запах есть испаряющаяся аура тела и вещи, ее вибрирующий контур, первый, подвижный пограничный слой между оболочкой и внеш-

ней средой. Наслаждение ароматом — метафора владения материальным миром в его самой эфемерной, летучей субстанции, на грани перехода в небытие.

Не оттого ли самые изощренные писатели всегда старались найти верные слова, чтобы хоть как-то уловить дразнящую прелесть запахов? Бальзак, Бодлер, Оскар Уайльд, наш современник Патрик Зюскинд посвятили благовониям прочувствованные страницы, а в романе «Наоборот» Гюисманса возникает образ денди-парфюмера Дез Эссента, который сам синтезирует запахи, экспериментируя с ароматическими веществами как вольный художник.

Самый, наверное, известный литературный эпизод, связанный с запахами, содержится в романе Марселя Пруста «По направлению к Свану» (первой книге из цикла «В поисках утраченного времени»). Рассказчик приходит в гости к матери, которая угощает его бисквитным печеньем «мадлен». Вкус и запах печенья, размоченного в липовом чае, внушают ему удивительный беспричинный восторг: «Я наполнился каким-то драгоценным веществом». И вслед за этим странным чувством пробуждаются воспоминания о детстве в Комбре: «Весь Комбре и его окрестности — все, что имеет форму и обладает плотностью — город и сады, — выплыло из чашки чаю»¹. Марсель словно вновь получает ключи от утерянных владений, восстанавливая обонятельный пейзаж своего детства. К нему возвращаются запахи «разных времен года, но уже комнатные, домашние, смягчающие колючесть инея на окнах мягкостью теплого хлеба; запахи праздные и верные, как деревенские часы, рассеянные и собранные, беспечные и предусмотрительные, бельевые, утренние,

¹ Пруст М. По направлению к Свану / Пер. Н.М. Любимова. М.: Республика, 1992. С. 44.

благочестивые... тонкий аромат тишины... сухие ароматы буфета, комода, пестрых обоев и сложный, липкий, приторный, непонятный, фруктовый запах вышитого цветами покрывала»².

Процесс обретения воспоминаний через запахи получил название «феномен Пруста» и стал литературным топосом, источником бесконечных индивидуальных вариаций у самых разных авторов. Вот Ролан Барт в дневнике ловит утраченные воспоминания детства через запахи: «В моих воспоминаниях ничто так не важно, как запахи старинного квартала между Нивом и Адуром, который называют «малая Байонна»: там смешивались запахи всевозможной мелкой торговли, образуя неподражаемый аромат: дратва, которой старые баски прошивают сандалии (здесь не говорят «эспадрильи»), какао, испанское оливковое масло, спертый воздух темных лавок и узких улочек, ветхая бумага книг из муниципальной библиотеки – все это действовало как химическая формула ныне исчезнувшей торговли этого квартала (хотя он и поныне сохраняет частицу своего очарования) или, вернее, действует сегодня как формула ее исчезновения. Через запах я улавливаю даже перемены в образе потребления: сандалии теперь уже не ручной работы (а подметки у них уныло-резиновые), какао и масло теперь покупают в загородном супермаркете»...³ Очевидно, что для Барта восстановление обонятельного ландшафта малой Байонны подчинено иным целям, нежели у Пруста: это не сентиментальное воспоминание атмосферы детства, а анализ «химической формулы ныне исчезнувшей торговли этого квартала»; ностальгия здесь оттеняется критическим взглядом на современный консьюмеризм.

² Пруст М. По направлению к Свану. С. 45–46.

³ Ролан Барт о Ролане Барте / Пер. С.Н. Зенкина. М.: Ad Marginem, 2002. С. 234–235.

Исторические смыслы запахов очень подвижны. Фактически перед гуманитариями — историками, литературоведами, культурологами — открывается новая дисциплина: назовем ее «историческая ароматика» или «грамматика ароматов». Это и необозримое (вернее, «незанюханное»!) поле материалов⁴, и новое пространство для размышления.

Один из первых вопросов, который неизбежно встанет перед любым, кто вступит в это пространство, — вопрос об оценочном восприятии запахов. Если простодушно спросить, существуют ли приятные и неприятные запахи сами по себе, то ответ культурного релятивиста будет отрицательным: эмоциональная аура запаха целиком зависит от традиции, воспитания, момента и контекста; «объективной» оценки запаха нет и не может быть. Среди профессионалов, изучающих запахи, к культурному релятивизму наиболее склонны психологи, социологи и антропологи, в то время как биологи занимают более строгие «объективистские» позиции.

С точки зрения гуманитария восприятие запахов действительно зависит от множества культурных параметров: ранних обонятельных впечатлений, кулинарных традиций, гигиенических установок, проживания в крупном городе, степени терпимости по отношению к Другим — представителям иной расы, религии, сексуальной ориентации. Проводились специальные исследования⁵, продемонстрировавшие довольно большой разброс национальных предпочтений по шкале «приятных» запахов. Так, у немцев приятные ассоциации вызывают запахи свечей, чистых простыней, леса и трав. У японцев — предме-

⁴ Первая подборка научных статей на эту тему появилась в № 43 журнала «Новое литературное обозрение» (С. 5–112).

⁵ См. статью Б. Шаала, К. Руби и др. в настоящем сборнике (С. 89–121).

ты, связанные с ванной, и цветы. Напротив, традиционно неприятные запахи кала, мочи, гниющих продуктов в ряде случаев могут расцениваться вполне позитивно: бедуины смачивают тело мочой верблюда, эскимосы с наслаждением уплетают выдержанное мясо, а французы «навязали» свою любовь к резкому запаху «заплесневелого» сыра рокфор, кажется, всем без исключения гурманам. Но симптоматично, что результаты опросов все же выявляют сравнительно устойчивый ассортимент неприятных запахов, тогда как приятные запахи куда более вариативны. Многое зависит и от концентрации запаха: любой, даже самый положительный запах будет раздражать, если окажется чересчур сильным и резким.

Наиболее сложные (но и наиболее интересные) проблемы ставит как перед практиками, так и перед теоретиками смешение разных запахов. И тут уместно условиться о терминах. В нашей «грамматике» полезно будет различать простой, элементарный «запах» и многосоставный «аромат». (Поэтому название нашего сборника, «Запахи и ароматы», — отнюдь не тавтология.) Во французском языке этой оппозиции соответствует пара понятий «odeur» (запах) и «parfum» (аромат). Настоящий парфюмерный аромат воспринимается во времени как аккорд, складывающийся из нескольких (обычно трех) нот — начальной, срединной и базовой, самой стойкой.

Опытные парфюмеры нередко добавляют для пикантности в свои ароматические композиции толику «неприятных» запахов: в духах XIX века эту роль исполняла серая амбра, которую добывали из выделений кашалота. Считалось, что серая амбра, как и мускус, — афродизиак. А вот новый аромат «Odeur 71» от Comme des Garçons содержит, среди прочих элементов, запах горелой резины, пыли на раскаленной лампочке, горячего металла, тостера со свежеподжаренным хлебом, чернил для каллигра-

фии и электробатарейки. Этот оригинальный парфюм предназначен для байкеров и рокеров и, вероятно, пришелся им по вкусу.

Относительность обонятельных предпочтений неожиданно подтвердил и недавний эксперимент, проведенный в английской столице. Весной 2001 года в лондонском метро опробовались новые освежители воздуха: городские власти хотели улучшить традиционно затхлый запах подземки. На центральных станциях специальные кондиционеры распыляли синтетический аромат «Мадлен», в состав которого входили бергамот и лимонник. (Аромат этот был французского производства, и тут, очевидно, не обошлось без иронической отсылки к прустовским бисквитным пирожным!) Через месяц эксперимент пришлось свернуть, поскольку от горожан стали поступать многочисленные жалобы. «Приятный» и «освежающий» аромат, увы, воспринимался многими как раздражающий и назойливый, а аллергики дружно восстали против «Мадлен» по чисто медицинским основаниям. На всех не угодишь!

Обычно человек быстро реагирует на запах, хотя бы на уровне «нравится»/«не нравится». Но в грамматике ароматов поспешные умозаключения неуместны: хоть наше обоняние и физиологично, «дешифровка» запаха регулируется культурными установками.

Знаменитый парфюмер Эдмон Рудницка писал: «Запах, или собственно обонятельное (ольфакторное) впечатление — это феномен сознания, вызванный действием определенного материала (натуральной эссенции или синтетического продукта)». Эта схема предполагает несколько этапов: действие пахучего вещества — возбуждение обонятельных рецепторов — выработка «ольфакторного послания» — обонятельное впечатление. Из них для нас наиболее интересна стадия оформления «послания», поскольку

ку именно в этот момент активно подключается смысловое поле культуры: «возбуждение, чтобы вызвать общую реакцию, сначала переводится и кодируется», а затем уже передается через нервные импульсы в головной мозг, где этот сигнал соотносится с другой информацией, то есть попадает в знаковое поле и дешифруется как приятный или неприятный, опасный или, быть может, расслабляющий; далее уже следует реакция на уровне поведения и социальных императивов. Таков самый условный алгоритм обонятельного впечатления: его траектория ведет от природы к культуре.

Культурный контекст включает, например, такой параметр, как ситуативная неуместность. Запах бензина нормально воспринимается в гараже, но по меньшей мере странно — в гостиной. Концептуально это весьма напоминает определение «грязи» известного британского антрополога Мэри Дуглас: грязь — это «беспорядок», смещение границ привычного, вещь не на месте⁶. Сходными понятиями, располагающимися «между» природой и культурой и оттого служащими традиционным предметом для дискуссий, являются «вкус» (сколько спорили о вкусе в XVIII веке!) и «красота».

Грамматике ароматов меньше повезло в плане интердисциплинарной рефлексии, но ее законы исполнены смысла: сейчас все больше входит в моду изучение истории запахов как особой части культуры. Проблематикой запахов изначально занимались представители самых разных профессий — и биологи, и антропологи, и психоаналитики, и социологи, и литературоведы, и лингвисты. В гуманитарных науках тон в ольфакторных исследованиях задают французы, что неудивительно: именно во Франции изучение истории чувств и повседневной жизни —

⁶ Дуглас М. Чистота и опасность. М.: Канон-Пресс-Ц., 2000. С. 23.

давняя и успешная культурная традиция. Поэтому в нашем сборнике среди переводных статей доминируют французские, хотя нельзя не отметить в англоязычном ареале замечательные труды Констанс Классен, Энтони Синнотта и Дэвида Хоувза. И, конечно, мы постарались уделить особое внимание современной парфюмерии — духам и людям, которые эти духи делают.

Отношение к аромату во многом определяет парфюмерная мода, а ее движущие силы — новизна и престиж, ограниченная доступность продукта. В наши дни драматически тают ряды любителей ланкомовского «Trésor» — притом что в 80-х годах, когда этот сладкий восточный аромат был новинкой, он пользовался исключительной популярностью. Некоторые фирмы прилагают нешуточные усилия, стремясь изменить сложившийся имидж старых духов. Так, последний вариант «Chanel № 5» отличается новой формой флакона-пульверизатора, и вся его рекламная кампания ориентирована на молодежную аудиторию.

В 2000 году дом Givenchy, ранее известный своим бестселлером «Amagige», также попытался привлечь молодых покупателей, выпустив духи «Oblique». Плавный овал флакона по форме напоминает пульт дистанционного управления; потребителю предоставляются на выбор три сменных блока: fast forward, play и rewind. Ароматы рекламируются как «футуристические», а дизайн явно эксплуатирует эстетику техностиля.

Другой пример из сложной жизни классических духов — всем известная «Красная Москва». Этот аромат, десятилетиями пользовавшийся всенародной любовью, на самом деле был составлен еще в 1913 году знаменитым парфюмером Генрихом Брокаром, работавшим в России. Духи тогда назывались «Любимый букет императрицы»: их выпуск был приурочен к 300-летию Дома Романовых. После революции фабрика Брокера была переименована

в «Новую Зарю», и бывший имперский аромат стал советским — изменилась только упаковка: художник А. Евсеев сделал новый дизайн красно-золотой коробки. Так этот аромат, меняя идеологическую «окраску» и упаковку, умудрился остаться среди парфюмерных долгожителей.

Итак, запахи и ароматы как предельно эластичная культурная модель каждый раз получают новое символическое наполнение в зависимости от требований момента. Запах с легкостью воплощает наше желание быть другими, меняться и играть. Это идеальный знак, столь же чувственно-конкретный по форме, сколь и прозрачный, абсолютно пустой по содержанию. Парадокс? Но только на парадоксах, наверное, и может держаться эфемерная грамматика ароматов.

ТЕОРИЯ ОБОНЯНИЯ

Иммануил Кант

АНТРОПОЛОГИЯ С ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ*

(фрагменты)

§ 20. Вкус и обоняние в большей мере субъективные чувства, чем объективные; первый состоит в соприкосновении языка, глотки и нёба с внешним предметом; второе [возникает] от втягивания посторонних испарений, смешанных с воздухом, причем само тело, испускающее эти испарения, может находиться на некотором расстоянии от органа. Оба чувства близки друг другу, и тот, у кого слабое обоняние, всегда имеет притупленный вкус. – Можно сказать, что на оба этих чувства оказывают воздействие соли (твердые и жидкие), из которых одни должны растворяться при помощи жидкости во рту, а другие – при помощи воздуха; и эти соли должны проникнуть в орган, чтобы вызвать в нем свое специфическое ощущение.

Обоняние есть как бы вкус на расстоянии, и другим приходится слышать запах, хотя бы они этого или нет; поэтому оно, как противоречащее свободе, меньше содействует общительности, чем вкус, когда из многих блюд или напитков гость может выбирать по своему желанию что угодно, не принуждая других употреблять то же самое. – Грязь, по-видимому, возбуждает отвращение не столько потому, что она противна для глаз и языка, сколько пото-

* Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 1999. С. 184–186.

ТЕОРИЯ ОБОНЯНИЯ

му, что ожидают от нее дурной запах. Ведь вдыхание запаха (в легкие) – нечто более внутреннее, чем вбирание пищи всасывающими сосудами рта или глотки.

*Чем легче жизненное чувство поддается впечатлениям (чем более тонко и восприимчиво оно), тем человек несчастнее; чем более восприимчив человек к чувствам, связанным с определенным органом, но более закален в отношении своего жизненного чувства, тем он счастливее, – говорю счастливее, а не лучше в моральном отношении, – ибо он более властен над своим самочувствием. Способность ощущать, возникающую из силы [субъекта] (*sensibilitas sthenica*), можно назвать тонкой чувствительностью, а способность ощущать, возникающая из слабости субъекта, из неспособности в достаточной мере противиться проникновению в сознание чувственных влияний, т.е. из [необходимости] обращать на них внимание вопреки воле, называется нежной впечатлительностью (*sensibilitas asthenica*).*

§ 22. *Какое внешнее чувство самое неблагоприятное, без которого, как нам кажется, легче всего обойтись? – Обоняние. Не стоит культивировать или тем более изощрять его ради наслаждений: ведь предметов, возбуждающих (особенно в густонаселенных местностях) отвращение, больше, чем предметов, доставляющих удовольствие; и наслаждение, испытываемое через это чувство, всегда бывает лишь мимолетным и преходящим. – Но это чувство имеет немаловажное значение как негативное условие хорошего самочувствия, предохраняющее нас от того, чтобы вдыхать вредный воздух (угар, дурной запах болота и падали) и употреблять в пищу гнилые продукты.*

Георг Зиммель

ИЗ «ЭКСКУРСА О СОЦИОЛОГИИ ЧУВСТВ»*

Тот факт, что мы вообще воспринимаем чувственно людей, находящихся рядом с нами, обладает двумя измерениями, взаимодействие которых имеет фундаментальное социологическое значение. Действуя внутри субъекта, чувственное впечатление о человеке вызывает в нас чувства симпатии или антипатии, собственной возвышенности или приниженности, возбуждения либо успокоения при виде его или при звуке его голоса или просто при его чувственном присутствии в том же пространстве. Все это служит не опознанию или определению Другого; лишь мне хорошо или не хорошо, когда он рядом и я его вижу или слышу. Его самого эта моя эмоциональная реакция на его чувственный образ не затрагивает. В противоположную сторону простирается измерение чувственного впечатления, когда оно становится средством познания Другого: данные о человеке, которые я получаю, когда я вижу, слышу, чувствую его, теперь являются лишь мостиком, по которому я приближаюсь к нему как к моему объекту. Звучание языка и его значение являются, может быть, самым ярким тому примером. Как речевой орган человека совершенно непосредственно действует на нас, привлекая либо отталкивая, независимо от того, что он

* *Simmel G. Exkurs Über die Soziologie der Sinne // Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. 3. Aufl. München; Leipzig, 1923. S. 460–526 (483–493) (рус. пер. см.: НЛЮ. № 43 (2000). С. 5–14).*

говорит; как, с другой стороны, то, что он говорит, помогает нам узнать не только его мысли в данный момент, но и его душевную сущность, — так же, вероятно, обстоит дело и со всеми прочими чувственными впечатлениями; они ведут нас внутрь субъекта (как его настроение и чувство) и наружу, к объекту (как познание его). По отношению к неодушевленным объектам это, как правило, две далекие друг от друга вещи. В их чувственной данности мы либо подчеркиваем их субъективное эмоциональное значение: аромат розы, благозвучность тона, красоту ветвей, склоняющихся под ветром, мы воспринимаем как состояние счастья, имеющее место внутри души. Либо же мы хотим познать розу, или звук, или дерево — тогда мы используем для этого абсолютно иные энергии, зачастую осознанно отказываясь от первых. То, что в этом случае сменяет друг друга почти без связи, по отношению к человеку, как правило, сплетено воедино. Наши чувственные впечатления о нем совместно и практически неразделимо превращают эмоциональное значение, с одной стороны, и использование их в целях инстинктивного или целенаправленного ознакомления с объектом — с другой, в основу нашего отношения к этому человеку. И то и другое — и звук голоса, и содержание сказанного, и внешний вид, и его психологическая интерпретация, притягательное и отталкивающее в атмосфере человека, и инстинктивный вывод, делаемый на ее основе о его душевной окраске и иногда также о его культурном уровне, — в очень различной мере и сочетаниях, конечно, выстраивают наше отношение к нему.

Среди органов чувств глаза созданы для уникальной социологической функции: соединения и взаимодействия индивидов, которое заключено в обмене взглядами. Это, может быть, самая чистая и непосредственная взаимосвязь, какая вообще бывает. Обычно там, где сплетаются социологические нити, они обладают объективным содержанием и порождают объективную форму. Даже ска-

занное и услышанное слово имеет все же некое предметное значение, которое могло бы быть передано и еще каким-то другим способом. Но то живейшее взаимодействие, в которое вовлекает людей взгляд глаза в глаза, не кристаллизуется ни в какое объективное образование, и то единство, которое такой взгляд между людьми устанавливает, остается растворенным непосредственно в событии, в действии. И так сильна и тонка эта связь, что осуществляется она только по кратчайшей, прямой линии между глазами, и малейшее отклонение от нее, малейший взгляд в сторону полностью разрушит уникальность этой связи. Тут не остается никакого объективного следа, какой обычно остается, опосредованно или непосредственно, от всяких видов связей между людьми, даже от слов, которыми они обменялись; взаимодействие умирает в тот момент, когда ослабевает непосредственность действия; но все общение людей, их взаимопонимание и взаимоотталкивание, их близость и их холодность друг к другу изменились бы непредсказуемым образом, если бы не существовало взгляда глаза в глаза — того, который, в отличие от простого смотрения или разглядывания Другого, означает совершенно новую и ни с чем не сравнимую связь между людьми.

Теснота этой связи обуславливается тем примечательным фактом, что взгляд, направленный на Другого и воспринимающий его, сам имеет выражение, проявляющееся в том, как человек смотрит. В том взгляде, которым один человек вбирает в себя Другого, он и сам открывает себя; тем самым актом, которым субъект стремится познать объект, он открывает себя объекту. Невозможно глазами взять без того, чтобы одновременно отдать. Глаза обнажают Другому ту душу, которая пытается обнажить его. Поскольку это происходит, как можно видеть, только при непосредственном взгляде глаза в глаза, здесь устанавливается самая полная взаимность во всей области человеческих отношений.

Отсюда только становится окончательно ясно, почему стыд заставляет нас смотреть вниз, избегать взгляда Другого. Несомненно, не только потому, что так мы освобождаем себя по крайней мере от того, чтобы чувственно констатировать, что Другой смотрит — и как он смотрит — на нас в этот неловкий и трудный момент; нет, более глубокая причина этого в том, что опускание моего взгляда частично лишает Другого возможности меня разоблачить. Взгляд в глаза Другого служит не только мне для того, чтобы познать его, но и ему для того, чтобы познать меня; по линии, соединяющей глаза, взор переносит к Другому личность человека, его настроение, его импульс. «Страусовая политика» имеет в этом непосредственно чувственно-социологическом отношении действительную целесообразность: тот, кто не смотрит на другого, в самом деле до некоторой степени лишает того возможности видеть себя. Один человек присутствует для другого в полной мере не тогда, когда тот на него смотрит, а только тогда, когда он и сам смотрит на него.

Социологическая важность зрения в первую очередь связана, однако, с выразительным значением лица, представляющегося взору в качестве первого объекта при контакте между людьми. Мы редко отдаем себе отчет в том, насколько практическая сторона наших отношений зависит от взаимного знания, знакомства — не только в смысле всего внешнего или мгновенных намерений и настроений Другого, но того, что мы сознательно либо инстинктивно узнаем о его бытии, о его внутреннем фундаменте, о неизменности его сущности, — это неизбежно окрашивает наше моментальное и долговременное отношение к нему. Лицо же является геометрическим местом всех этих познаний, оно есть символ всего того, что индивид принес с собой в качестве обстоятельств своей жизни, в нем отложилось все то из его прошлого, что осело

на дно и превратилось в его постоянные черты. Когда мы воспринимаем лицо человека в таком значении, хотя последнее и служит прежде всего практическим целям, в общение привносится надпрактический элемент: благодаря лицу человека понимают уже по его виду, а не только по его действиям. Лицо, рассматриваемое как орган выражения, имеет, так сказать, сугубо теоретическую сущность, оно не действует, подобно руке, ноге, всему телу; оно не осуществляет внутреннего или практического поведения человека, а только рассказывает о нем. Тот особый, богатый социологическими последствиями тип «знания», который достигается благодаря зрению, определяется тем, что облик есть существенный объект межиндивидуального видения. Это знание-знакомство есть не что иное, нежели познание. До некоторой, хотя и очень непостоянной степени мы с первого же взгляда на человека знаем, с кем имеем дело. Если мы, как правило, не осознаем этого факта и его фундаментального значения, то потому, что мы, минуя этот сам-собой-разумеющийся базис, сразу же направляем наше внимание на опознаваемость особых черт и уникальных смыслов, которые будут определять наше практическое поведение по отношению к данному конкретному человеку. Но если попытаться достичь осознания этого само-собой-разумеющегося, то поражаешься, как много мы знаем о человеке уже после первого взгляда на него. Это не выразить в понятиях и не разделить на отдельные характеристики; мы, быть может, вообще не можем сказать, кажется ли он нам умным или глупым, добрым или злым, темпераментным или вялым. Все это — предмет познания в обычном смысле — суть скорее всеобщие свойства, которые он разделяет с бесчисленным множеством других людей. А то, что нам сообщает первый взгляд на человека, не может вовсе быть разложено и сформулировано в понятия и выраже-

ния — хотя это навсегда останется тональностью всего, что мы впоследствии узнаем о нем; это есть непосредственное схватывание его индивидуальности, которую обнаруживает вид его, в первую очередь его лица, перед нашим взором, и при этом принципиально не важно, что тут происходит достаточно много ошибок и многое подлечит потом коррекции.

Лицо являет взору самые наглядно совершенные знаки неизменной природы человека и всего того, что из его жизненного опыта осело на неизменное дно его существа, но вместе с тем оно меняется под воздействием переменчивых моментальных обстоятельств. Здесь имеет место нечто совершенно уникальное: всеобщая, надындивидуальная природа индивидуума постоянно являет себя в специфической окраске минутного настроения, его наполненности, импульсивности; едино-твердая и текуче-многообразная составляющие нашей души предстают абсолютно совместно — так сказать, одна все время видна в форме другой. В этом — крайняя социологическая противоположность между зрением и слухом: слух дает нам только откровение человека, заключенное во временную форму, а зрение — еще и постоянную составляющую его природы, отражение его прошлого в вещественной форме его черт, так что мы видим перед собой, так сказать, последовательность его жизни в одновременности. Ибо вышеупомянутое мгновенное настроение, которое, конечно, документируется и лицом, нам сообщается главным образом посредством речи, а в действительном эффекте зрения значительно преобладает постоянный характер познаваемой личности.

Поэтому социологическое настроение слепого совсем иное, нежели у глухого. Для слепого Другой фактически присутствует только в последовательности, в сменяющихся друг друга высказываниях. Беспокойная и беспоко-

ящая одновременность всех сущностных черт, следов всех прошлых переживаний, которая отображена на лицах людей, скрыта от слепого, и в этом, возможно, причина того мирного и спокойного, равномерно дружелюбного ко всем окружающим настроения, которое столь часто наблюдается у слепых. Именно множественность того, что может показывать лицо, делает его часто загадочным; как правило, то, что мы видим по человеку, интерпретируется с помощью того, что мы от него слышим, в то время как обратное бывает много реже. Поэтому тот, кто видит, не слыша, гораздо более смущен, обескуражен и обеспокоен, чем тот, кто слышит, не видя. Здесь, вероятно, заключен момент, важный для социологии большого города. Жизнь в нем, по сравнению с малым городом, обнаруживает гигантский перевес оптического восприятия Других над акустическим, и не только потому, что на улицах в малом городе человек сравнительно часто встречает знакомых, с которыми он обменивается парой слов и вид которых воспроизводит для него всю личность, а не только ее видимую часть; дело прежде всего в общественном транспорте. До распространения автобусов, поездов и трамваев в XIX веке люди вообще не попадали в ситуации, когда они могли или должны были смотреть друг на друга в течение многих минут или часов, не разговаривая при этом друг с другом. Современный транспорт во все возрастающей мере отдает подавляющую часть всех чувственных связей между людьми во власть одного лишь зрения и неизбежно изменяет тем самым в корне условия функционирования общих социологических чувств. Только что упомянутая большая загадочность человека, которого мы только видим, по сравнению с тем, которого мы слышим, является, в силу упомянутого дисбаланса, составной частью проблематики современного жизнеощущения, чувства дезориентации в жизни, одиночества и впечатления, что нас со всех сторон окружают запертые двери.

В высшей степени целесообразная в социологическом плане компенсация разницы между органами чувств заключается в том, что услышанное запоминается во много раз лучше увиденного, хотя то, что человек сказал, само по себе безвозвратно уходит, в то время как для глаза он представляет собой относительно стабильный объект — уже поэтому человеческое ухо гораздо легче обмануть, чем глаз. Очевидно, что именно такая структура наших чувств и их объектов, в той мере, в какой этими объектами являются другие люди, определяет весь характер общения между людьми: если бы услышанные слова не ускользали немедленно от нашего уха, которое удерживает их в форме воспоминания, и если бы зрению, которое не обладает такой репродуктивной силой, не помогало постоянство облика и его значения, — то наша межиндивидуальная жизнь стояла бы на совершенно иной базе. Было бы праздной спекуляцией придумывать эту иную ситуацию, но осознание ее принципиальной возможности освобождает нас от слепого убеждения в том, будто человеческая социализация (*Vergesellschaftung*), какой мы ее знаем, является чем-то само собой разумеющимся и, так сказать, не подлежащим обсуждению и что нет никаких особых причин, по которым она такова, какова она есть. Применительно к крупным общественным формам эту догму устранила историческая наука: мы знаем, что наша семья и наша форма экономики, наше право и наша мораль суть результаты условий, которые в других местах были иными и имели поэтому иные результаты; что мы не живем в мире, данности которого суть нечто безусловно необходимое и не могущее рассматриваться как специфическое порождение специфических причин. Но применительно к самым общим социологическим функциям, действующим между людьми, этот вопрос еще не поставлен. Первичные, непосредственные отношения, которые будут определять и все более высокие образования, представляются

столь согласными с природой общества вообще, что мы упускаем из виду тот факт, что согласны они только с природой человека; из особых условий таковой они поэтому и должны объясняться.

Только что описанная противоположность зрения и слуха в их социологическом значении является, со всей очевидностью, продолжением той двойкой роли, к которой, как представляется, предназначен был глаз сам по себе. Как всякий смысл реальности всегда распадается на категории бытия и становления, так они (эти категории) господствуют и над тем, как один человек хочет и может воспринимать другого. Мы хотим знать: что есть этот человек по своей сути, какова неизменная субстанция его существа? И — каков он в данный момент, что он хочет, думает, говорит? Этим, в общем и целом, и определяется разделение труда между чувствами. С оговорками можно сказать: то, что мы видим в человеке, — это то, что в нем есть неизменного; на его лице, как на геологическом срезе, видна история его жизни и то, что лежит в ее основе как неподвластное времени наследие, полученное им от природы. Изменения выражения лица не могут сравниться по многообразию дифференциаций с тем, что мы фиксируем ухом. То, что мы слышим, — это сиюминутное, это текущая составляющая существа человека. Лишь всякие вторичные знания и выводы открывают нам и в чертах лица человека выражения минутного настроения, а в его словах — его неизменные свойства. Во всей остальной природе, открытой непосредственному чувственному восприятию, вечное и текучее распределены гораздо более неравномерно, нежели в человеке. Вечный камень и текучая река — вот полярные символы этой неравномерности. Один только человек для наших чувств является всегда в одно и то же время неизменным и меняющимся; и то и другое достигло в нем такой степени, при которой одно всегда измеряется другим и проявляется в нем. Об-

разование этой двойственности взаимосвязано с двойственностью зрения и слуха; ибо, хотя ни то ни другое не закрыто полностью для восприятий обеих категорий, все же в целом они созданы дополнять друг друга, так что глаз фиксирует неизменно-пластическую сущность человека, а ухо — его появляющиеся и исчезающие выражения.

В социологическом отношении, далее, ухо отличается от глаза отсутствием той взаимности, которая возникает при взгляде глаза в глаза. Глаз по сути своей не может брать без того, чтобы одновременно давать, в то время как ухо — орган сугубо эгоистический, который только берет, ничего не отдавая. Его внешняя форма как бы символизирует это: оно кажется несколько пассивным придатком к человеческой внешности; это самый неподвижный из органов головы. Этот свой эгоизм ухо искупает тем, что, в отличие от глаза, не может закрываться или отворачиваться: оно обречено, раз уж берет, брать все, что попадет, — и у этого еще обнаружатся социологические последствия. Только вместе со ртом, с языком ухо порождает внутренне единый акт, в котором человек и дает, и берет, — но и то поочередно, так как невозможно хорошо говорить, когда слушаешь, и хорошо слышать, когда говоришь, в то время как глаза сочетают одно с другим в чуде «взгляда». С другой стороны, формальному эгоизму уха противостоит его своеобразное отношение к частной собственности. Вообще, только зримым предметом можно «владеть», а то, что можно лишь слышать, исчезает вслед за моментом своего появления и не допускает обладания собою как «собственностью». Было, правда, одно диковинное исключение из этого правила, когда в XVII и XVIII столетиях знатные семьи стремились владеть музыкальными произведениями, которые были написаны только для них и не подлежали публикации. Несколько концертов Баха возникли именно по такому заказу от одного принца. Владение музыкой, которая

больше никому не была доступна, являлось делом престижа для семьи. С нашей точки зрения в этом есть нечто извращенное, ибо слух по самой сути своей есть нечто неиндивидуалистическое: то, что происходит в помещении, слышно всем, и если один человек это воспринимает, то он не отнимает это тем самым у другого. Отсюда же истекает особая душевная интонация того, что говорится исключительно для одного человека. То, что один говорит другому, чувственно могли бы услышать бесчисленные третьи, если бы присутствовали при этом. Если же содержание сказанного эксплицитно исключает такую формально-чувственную возможность, то сообщение обретает за счет этого несравненную социологическую окраску. Почти не бывает такой тайны, которая могла бы быть передана посредством одних только глаз. Передача же посредством ушей вообще-то содержит в себе противоречие. Она заставляет форму, которая сама по себе, чувственно, предусматривает неограниченное количество участников, служить содержанию, которое их всех полностью исключает. В этом — примечательная особенность устно сообщенной тайны, разговора с глазу на глаз: она открыто отрицает чувственный характер устной речи, предусматривающий физическую возможность бесконечного числа слушателей. В обычных условиях не слишком много людей могут иметь одно и то же зрительное впечатление, но очень многие могут получать одинаковое слуховое впечатление. Достаточно сравнить публику в музее с публикой на концерте; предназначение слухового впечатления, заключающееся в том, чтобы быть переданным единообразно и равномерно массе людей (это предназначение никоим образом не только внешне-количественное, оно глубоко связано с глубинной сутью слухового впечатления) социологически приводит публику в концертном зале в несравненно более тесное единство и

общность настроения, чем у посетителей музея. Там, где в порядке исключения глаз сообщает большому количеству людей столь же одинаковое впечатление, также наступает объединяющий социологический эффект. Тот факт, что все люди одновременно могут видеть небо и солнце, есть, я полагаю, существенный момент единения, предусматриваемого всякой религией. Ибо всякая религия обращается так или иначе — либо по своему происхождению, либо по своим формам — к небу или к солнцу и как-то связана со всеобъемлющим Сводом и со Светилом, правящим миром. То обстоятельство, что столь эксклюзивное в практике жизни чувство, как зрение, которое за счет разницы точек зрения модифицирует для каждого даже то, что одновременно увидено несколькими людьми, имеет все-таки одно содержание, которое абсолютно не эксклюзивно и открывается каждому одинаково, — небо, солнце, звезды, — должно, с одной стороны, способствовать тому выходу из узости и личности субъекта, который заключен во всякой религии, а с другой стороны, оно обеспечивает или облегчает единение верующих, которое также свойственно любой религии.

Отмеченные различия в отношениях зрения и слуха к их объектам определяют очень различные в социологическом плане отношения между индивидами, которые объединены на основе того либо другого. Рабочие в фабричном цеху, студенты в аудитории, солдаты одного подразделения ощущают себя так или иначе как нечто единое. Даже если это единство проистекает из надчувственных моментов, все же характер его определяется не в последнюю очередь тем, что существенной является для него именно функция зрения: хотя индивиды могут видеть друг друга во время совершения действий, объединяющих их, они не могут друг с другом разговаривать. Сознание единства в этом случае будет иметь гораздо более

абстрактный характер, чем в том случае, когда находящиеся рядом люди еще и общаются друг с другом устно. Зрение демонстрирует в гораздо большей степени, нежели слух, наряду с индивидуальными особенностями человека, заложенными в его внешности, еще и одинаковое для всех. Слух же передает всю полноту разнообразных настроений каждого отдельного индивида, течение и моментальные всплески мыслей и порывов, всю полярность субъективной и объективной жизни. Людей, которых мы только видим, мы гораздо легче сводим в единое понятие, нежели в том случае, когда мы с каждым из них можем поговорить. Обычное несовершенство зрения способствует этому. Лишь очень немногие люди способны с уверенностью сказать хотя бы, какого цвета глаза у их друзей, или наглядно представить себе в уме изгиб рта человека, находящегося рядом с ними. Они на самом деле и не видели этого; человек, очевидно, в гораздо большей степени видит в другом человеке то, что объединяет его с остальными, нежели слышит это всеобщее. Непосредственному возникновению весьма абстрактных, неспецифических социальных образований поэтому покровительствует — в той мере, в какой оно зависит от техники чувств, — в первую очередь зрительная близость при отсутствии возможности разговора. Такая констелляция, ввиду вышесказанного, весьма способствовала возникновению современного понятия «рабочий». Это необычайно эффективное понятие, объединяющее в себе то общее, что есть во всех наемных работниках независимо от рода их деятельности, было немислимо в прошлые столетия; тогда объединения подмастерьев зачастую были гораздо теснее и душевнее, поскольку базировались они на личном и устном общении; тогда не было фабричных цехов и массовых собраний. Только в последних, где человек наблюдал бесчисленное множество других людей,

но не слышал их, произошло вычленение того, что было общим для них всех и что зачастую сковывается в своем развитии теми моментами индивидуальности, конкретности и переменчивости, какие передаются через слух.

По сравнению со зрением и слухом социологическое значение низших чувств второстепенно, хотя значение обоняния не настолько мало, как можно было бы предположить ввиду свойственной этому чувству тупости и неспособности к развитию. Нет сомнения в том, что каждый человек наполняет окружающий его слой воздуха характерным запахом, причем существенным для возникающего таким образом обонятельного впечатления является то, что аспект чувственного восприятия, касающийся субъекта, т.е. его удовольствие или неудовольствие, в нем значительно преобладает над восприятием, направленным на объект, т.е. познанием. Обоняние не создает объект, как это делают зрение и слух, а остается, так сказать, заключенным в субъекте, что символически проявляется в отсутствии самостоятельных, объективных называющих выражений для различных запахов. Когда мы говорим «от него кисло пахнет», то это означает только «он пахнет так, как пахнет то, что кисло на вкус». Обонятельные ощущения не сравнятся с восприятиями других чувств по описуемости словами, их невозможно спроецировать на уровень абстракции. Тем меньше сопротивления со стороны сознания и воли встречаются инстинктивные антипатии и симпатии, которые связаны с окружающей человека сферой запаха и которые наверняка имеют зачастую большие последствия для социологических отношений, например между двумя расами, живущими на общей территории. Принятие негров в высшее общество Северной Америки, похоже, исключено уже хотя бы из-за атмосферы, окружающей тело негра. И часто встречающуюся смутную взаимную неприязнь между евреями и германцами тоже объясняли этой причиной.

Личный контакт между образованными людьми и рабочими, который часто так активно пропагандируется в качестве важного фактора современного социального прогресса, — то самое, принятое уже и образованными в качестве этического идеала, сближение двух миров, «из которых один не знает, как живет другой», — оказывается невозможным просто в силу непреодолимости обонятельных впечатлений. Многие представители высших сословий, несомненно, пожертвовали бы значительной долей личного комфорта, если бы это потребовалось во имя морально-социальных интересов, они бы отказались от многих привилегий и удовольствий в пользу тех, кто не получил наследства, и если это на данный момент еще не происходит в больших масштабах, то наверняка потому, что для этого еще не найдены подходящие формы. Но отдавать и жертвовать они согласились бы в тысячу раз охотнее, чем физически соприкоснуться с народом, покрытым «благородным трудовым потом». Социальный вопрос есть не только вопрос этики, но и вопрос носа. Но это, разумеется, действует и в положительную сторону: никакое зрелище пролетарской нищеты и уж тем более никакой реалистический рассказ о ней, кроме самых вопиющих случаев, не потрясет нас так чувственно и так непосредственно, как тот дух, что встречает нас, когда мы входим в подвальную квартиру или в притон.

До сих пор не оценено в достаточной степени то значение, какое имеет для социальной культуры следующий факт: с совершенствованием цивилизации сфера собственно восприятия всех чувств очевидно уменьшается, а их приятность либо неприятность, наоборот, возрастает. Причем я полагаю, что повышенная в этом смысле чувствительность несет с собой в целом гораздо больше страданий, чем радостей, — запахи гораздо чаще оказываются отталкивающими, нежели привлекательными. Современного человека шокируют и кажутся невыносимы-

ми для его чувств бесчисленные вещи, которые менее разборчивые и нежные натуры принимают без какой-либо реакции подобного рода. Этим, должно быть, объясняются тенденция современного человека к индивидуализации и возросшая персональность и избирательность его связей. С такой отчасти непосредственно чувственной, отчасти эстетической реакцией, как у него, уже не так легко вступать в традиционные объединения, в тесные связи, в которых не спрашивают о его личном вкусе, о его личной чувствительности. И это неизбежно ведет к большей изоляции, к более четкому очерчиванию личной сферы. Может быть, на примере обоняния эта тенденция заметнее всего: современное стремление к гигиене и чистоплотности является в равной степени ее следствием и причиной. В целом с ростом культуры действие чувств на расстоянии ослабевает, а действие вблизи усиливается; близорукими становятся не только наши глаза, а все органы чувств — но тем чувствительнее мы становимся на этих более коротких дистанциях. Обоняние же изначально есть чувство, рассчитанное на меньшее расстояние по сравнению со зрением и слухом, и если мы не можем теперь так много объективно воспринимать с его помощью, как некоторые первобытные народы, то субъективно мы тем острее реагируем на обонятельные впечатления. Это происходит в принципе так же, как и с другими чувствами, но в более сильной степени: человек с особо чутким носом получает из-за этой утонченности много больше неприятностей, нежели удовольствий. Кроме того, изолирующий эффект обонятельного отвращения, которым мы обязаны утончению наших чувств, усиливается здесь еще вот чем: нюхая что-нибудь, мы втягиваем это впечатление или этот объект, источающий запах, так глубоко в себя, в наш центр, мы, так сказать, ассимилируем его с собой посредством витального процесса дыхания так полно, как

это не бывает ни с одним другим чувством, кроме тех случаев, когда мы едим. Обоняя атмосферу другого человека, мы воспринимаем его самым интимным образом; он, так сказать, проникает в виде воздуха в самую сердцевину наших чувств, и понятно, что при повышенной раздражимости по отношению к обонятельным впечатлениям вообще это не может не приводить к селекции и дистанцированию, которое образует в определенной мере одно из чувственных оснований социологического резерва современного индивида. Характерно, что человек, отличавшийся таким фанатически исключительным индивидуализмом, как Ницше, очень часто говорил о человеческих типах, которые были ему ненавистны: «Они дурно пахнут». Другие органы чувств наводят тысячи мостиков между людьми; те неприятные впечатления, которые были ими вызваны, они могут вновь компенсировать приятными, и переплетение положительных и отрицательных данных этих чувств придает ту или иную окраску всем отношениям между людьми. Обоняние, в противоположность этому, может быть названо диссоциирующим чувством. Не только потому, что оно опосредует гораздо больше антипатий, чем симпатий; не только потому, что его решения имеют в себе нечто радикальное и безапелляционное и лишь с большим трудом могут быть отменены решениями других чувственных и умственных инстанций, но и потому, что именно ситуация, когда рядом находится много людей, никогда не доставляет обонянию каких-либо удовольствий, которые она хотя бы при некоторых обстоятельствах может породить для других чувств. В целом обонятельный шок будет возрастать прямо пропорционально массе, в которой он происходит. Уже в силу самого этого факта утончение культуры означает тенденцию в сторону индивидуализирующей изоляции, по крайней мере в более холодных странах; на со-

ТЕОРИЯ ОБОНЯНИЯ

циальные отношения в южных странах, несомненно, оказало влияние то, что там в основном нет необходимости скученного пребывания людей в закрытых помещениях.

И наконец, искусственный запах играет свою социологическую роль, совершая своеобразный синтез индивидуально-эгоистической и социальной телеологии в области обоняния. Духи совершают посредством носа то же самое, что другие украшения — посредством глаз. Они добавляют к личности нечто совершенно безличное, взятое извне, однако настолько сливающееся с нею, что оно как бы исходит от нее. Духи увеличивают сферу человека, как сияние золота и брильянта: тот, кто находится поблизости, погружается в их аромат и таким образом как бы вовлекается в сферу этой личности. Подобно одежде, духи покрывают человека чем-то, что вместе с тем призвано производить эффект собственного очарования его личности. Поэтому духи — типичное средство стилизации, которое растворяет личность в целом, однако дает ей характером своего воздействия на чувства более мощное и отточенное выражение, нежели ее непосредственная реальность. Духи перекрывают личную атмосферу, заменяют ее объективной и одновременно привлекают к ней внимание. Предполагается, что аромат духов, создающий фиктивную атмосферу, будет приятен любому, что он представляет собой социальную ценность. Как и украшения, духи должны нравиться независимо от человека, субъективно радовать окружающих, и при этом доставляемая радость должна относиться на счет личности их носителя.

Перевод К. Левинсона

Мишель Серр

НЕ ТОРОПИТЕСЬ, МОЛЧИТЕ,
ВКУШАЙТЕ! *

Вернемся к непосредственности чувств.

Можно ли определить нулевой уровень восприимчивости, своего рода точку отсчета? По крайней мере, об этом можно мечтать. Изучая вещи и предметы, мы узнаем, что такое вода — нечто исключительно жидкое и текучее, к тому же не имеющее ни запаха, ни цвета, ни вкуса. Ее нельзя ни взять, ни пощупать, она почти прозрачна и, когда ее ничто не возмущает, тиха и бесшумна. Перед нами словно определение умопостигаемого пространства, данное школой Платона в эпоху зарождения геометрии: замечательная абстракция! Но очевидно, что такое определение неверно: у воды есть вкус, цвет, мы по запаху догадываемся о ее близости, закрыв глаза, мы различаем множество оттенков вкуса, пресную воду, воду из-под крана, стоячую, городскую или горную. Нулевой уровень сдвигается. <...>

Ощущение, говорили когда-то, предшествует пониманию. В данном случае вкус ведет к знанию. Определяя, что такое человек, наши латинские предки, образованные, но еще сохранившие свежесть чувств, с полной серьезностью утверждали, что если бы мы не обладали вкусом, то перестали бы быть людьми и скатились на уровень зверей. Реконструировать мысль исходя из ощущения кажется

* *Serres M. Prenez le temps, taisez-vous, goûtez! // Odeurs: L'essence d'un sens / Dir. par J. Blanc-Mouchet, avec la coll. de M. Perrot. P.: Autrement, 1987. P. 12–15. © Autrement, 1987*

ся довольно странным предприятием, и сперва они, видимо, хотели, чтобы мы порассуждали от противного: стоит нам пренебречь ощущениями, заменить их чем-то искусственным, какими-то ортопедическими средствами, и мы впадаем в животное состояние. Зверь пожирает, человек вкушает. Запахи служат ему для наслаждения, а не для охоты. Хищник чует только запах крови.

Прежде чем восторженно вдохнуть разнообразный, живой букет запахов, который, подобно фейерверку, рассыпается множеством узоров и звезд, прежде чем ощутить переливающийся, бахромчатый муар, покрывающий щеки, словно четкая географическая карта, разделяющий верх и низ, пространство спереди и сзади, расписывающий узорами небный свод, обволакивающий со всех сторон язык, прежде чем узнать о существовании не одного, а нескольких языков, претворить объем в пестрое, разноцветное, татуированное, украшенное вязью пространство, прежде чем елей вина превратит единое во множественное и холодность в нежность, до того как наступит терпеливое, медленное, подробное узнавание, можно, наверное, напиться, утолить жажду, даже упиться, — и при этом ничего не почувствовать. Ощущений нет, и человек говорит. Он узнал, что такое потребность, прибегнул, жаждущий, к целительному средству или к отраве, в любом случае — к наркотику, но ничего не ощутил. Анестезия отняла у него эстетическое чувство.

Конечно, все оттого, что обоняние и вкус подчеркивают отличия, тогда как речь, подобно зрению и слуху, объединяет. Рот сперва складывает, затем тратит. Слова скапливаются в словарях, пища, замороженная, хранится в холодильниках, словно счета в банке. Эфемерные — дифференцирующие — аромат и вкус исчезают, улетучиваются. Карта становится все более причудливой, словно легкий шелк, паутина. Она не знает ни складов, ни счетов, никакой ветоши.

Подвижный муар, многосоставное тело.

Смирение второго языка: простой, рудиментарный, бедный, как разум, вкус едва различает четыре или пять качеств: сладкое, горькое, вяжущее, кислое... Он требует у обоняния его праздничного богатства. Жадный, ничтожный, прозорливый, чавкающий, болтающий рот, повелительный, каким обычно бывает слабый, требует от носа, от слуха того, чем он похвально. Варвары узнаются по тому, как они едят, шумя и болтая на убогом языке, не замечая ни летучих запахов, ни вкуса. Они словно бочки поглощают все без разбора, едят и пьют вперемешку сладкое и соленое, заменяя нос ртом, сводя обоняние к вкусу, изысканное разнообразие — к грубым ощущениям.

Вот карта.

Вот сосуд, из которого расходится веер.

Вот область нижней Гаронны, левый берег, где кончается лес, отступают болота, сливаются одиннадцать притоков, вот мягкий склон, ведущий к Икему, с которого видно, как, словно павлиний хвост, разворачивается карта местности, скатерть-самобранка.

Второй язык, неиссякаемый, скрытый до поры между двух других, целомудренный, не сказавший еще ни слова, не начавший вкушать, требует теперь молчания и времени. Их ему всегда не хватает.

Не торопитесь, молчите, вкушайте.

Из рога изобилия или вокруг маленького мохноногого тела птицы Юноны возникает пестрое, переливающееся, узорчатое, тигровое, муаровое, украшенное глазками тело. Можно ли указать, сосчитать? Вот сменяют друг друга весенние цветы, шиповник и сирень, ломонос, плоды месяца мессидора вплоть до персиков, осенние и зимние плоды, груши, яблоки, виноград, грецкие орехи, за ними вдоль темного подлеска и сочных папоротников катятся лесные орешки, вот притаившиеся в сером перегнутом трюфели с липкой, смолистой кожей, потом льются ред-

костные, приятные ароматы, запахи минералов, кремня, но и животные испарения, мускус и амбра, запах влажной шерсти, любовных игр, а вот, вслед за двумя букетами, растительным, затем животным и каменным — еще один, третий букет, изысканный, словно *pizzicato* в искусстве декламации, мелкие штрихи на ткани в разводах. Попробуйте распознать их, эти эфирные запахи ацетона, ароматы мяты и герани, амброзию жасмина, ванили и липы, бальзам росного ладана, гвоздики, камфары, резкий аромат кофе и табака. Икем несет печать недалежного леса, хранит воспоминание о старинном арманьяке, напоминает о своем соседе, белом бордоском вине. Но вот равновесие нарушено, перед нами самый край скатерти, павлиньего хвоста, резкая перемена, катастрофа, отвратительная смесь меркаптана, мазута, дегтя, сточных труб, серы. Что происходит? Закройте дверь, дует восточный ветер. Прямое мышление автострады растоптало, подобно гнусной и тупой толпе гуннов, выкорчевало с корнем виноградники, и нет больше сотерна, его герб разбит, карта разорвана, язык вырезан. Автострада пересекает священный виноградник, и на него указывает установленный щит: для тех, кто едет быстро, с грохотом, оставляя позади грязный хвост выхлопов, дар сводится к написанным на щите словам. Карта дорог строго расчерчена — с той прямотой, что заставляет проезжать через лес, не замечая его, и нагло, без единого слова приветя, рассекать древний виноградник.

Не пересекайте виноградник, как пересекает море болтун, вы не увидите ничего, кроме зеленых и красных, в зависимости от времени года, листьев, как болтун увидит только море. Склонитесь над бороздой: вот земля, или исчерченное, переливающееся, узорчатое, тигровое тело... кремень, бульжник, песок, глина и известняк, отложения, принесенные Гаронной из верховьев, издалека. Изящество кремня, мощь известняка, елейность глины, исток всего этого — песок и гравий.

Смешанная почва. Пройдите через виноградник, где уже вырвана мускатная груша: от семильона исходит сладость, совиный источает разнородные, сменяющие друг друга ароматы. Следовало бы наложить друг на друга несколько карт: географическую, карту почвы, виноградников, и получится мозаика, где смешаны желтый, розовый, синий цвет, цвет бутылочного стекла. Удивительная смесь. Слово подпочва — поразительно! — всплывает на поверхность, словно старые виноделы, геологи сами того не ведая, являют нам, обустроивая участки, черные тайны земли: это морские карты, позволяющие плавать в океане Борделе. Так и писатель, сочетая слоги, гласные, ритмы и созвучия, пытается создать карту глубочайших залежей и заставляет переливаться на поверхности муар подземных жил. <...>

Чудо первого языка: по-французски слово «погода» (*temps*) входит и в понятие «непогода» (*intempérie*). Чудо благоприятных, урожайных времен года оттеняют скудные, неурожайные сезоны. Благоприятный и неблагоприятный климат накладывает отпечаток на виноградник и на вино; стоящие на бутылках годы говорят об этой смеси тепла и холода, влаги и суши, о ясном или облачном небе. Эту смесь называют непогодой, но, если бы мы исходили из ощущений нашего тела, мы бы назвали это равновесием или умеренным климатом: в таких областях он никогда не бывает суровым. Отведайте же это отменное вино, оно отпечатает на вашем языке метеорологическую карту, неподражаемые особенности того или иного сезона. Вспомните, что тогда-то никак не кончалась долгая, неподвижная, высокая осень, вся в желто-оранжевых разводах, такая легкая, воздушная. В белом вине, этом золотом календаре, смешаны вырвавшийся на свободу ветер, солнце и дождь. <...>

Растительный букет, источающий резкий запах гниющего подлеска, уступает животному по силе запахов, бо-

ТЕОРИЯ ОБОНЯНИЯ

лее разнородных и тяжелых, не столь летучих, более густых и низких. Регистр всегда нисходящий, за альтами следуют виолончели. Запах увядших цветов смешивается с вонью помойки, солома чернеет, превратившись в навоз, в подстилку для животных. Не отворачивайтесь, горожане, сладкий запах коров чарует мудрого.

Так мы узнаем и тела других, не уступая в этом животным, нам недостает только навыка, а быть может, мешает стыд. Уважение к запаху делает хорошим санитаром, с этого начинается искусство диагностики. Ветеринару лучше перестать быть ветеринаром, если ему не нравится ни мускус, ни жировой выпот. Мудрость превосходит интуицию или определяет ее, мудрый узнает, конечно, мяту или сирень, апельсиновую кожуру или стебель шалфея, но он узнает и людей, их слабости, недостатки, болезни или приливы энергии, их особость. Он узнает животных, воздействующих на других, попугая, акулу, свинью, животных доверчивых или недоверчивых, подпускающих к себе или спасающихся бегством. Этот опыт источает запах ненависти и плохого пищеварения, кислого пота и неприязни. Когда из уст весны исходит цветочный аромат, вы полагаете, она что-то говорит? Любовь начинается с сочувствия. Только счастливая любовь сочетает два согласных букета, такие глубинные запахи пола, соития, что порой нам кажется, что мы теряем сознание. Мудрый ведает, в духе Священного Писания, чем обязаны чувству обоняния ум и знание. <...>

Обоняние, дающее ощущение встреч и союзов, редкостное чувство своеобразия, — претворяет знание в память, пространство — во время, а быть может, и вещи — в живые существа.

Перевод Е. Гречаной

Констанс Классен, Дэвид Хоувз,
Энтони Синнотт

ЗНАЧЕНИЕ И ВЛАСТЬ ЗАПАХА *

Запах — великая сила. Обонятельные ощущения воздействуют на нас на физическом, психологическом и социальном уровнях. Однако в большинстве случаев мы вдыхаем окружающие ароматы, не осознавая в полной мере их значения в нашей жизни. И лишь когда по каким-то причинам у нас что-то не в порядке с обонянием, мы начинаем понимать, сколь важно восприятие запахов для психологического комфорта. Один человек, утративший обоняние в результате черепно-мозговой травмы, выразил это следующим образом:

Когда я потерял [восприимчивость к запахам], я будто ослеп. Изрядная часть вкуса к жизни ушла вместе с обонянием. Мы даже не представляем себе, насколько этот самый «вкус» состоит из запахов. Мы ощущаем *запах* людей, *запах* книг, *запах* города, *запах* весны... Быть может, мы не фиксируем эти ощущения, однако они составляют исключительно важный бессознательный фон, на котором разворачивается жизнь. Весь мой мир неожиданно потерял львиную долю прежнего богатства¹.

Энтони Синнотт провел опрос 270 студентов и профессоров Монреальского университета Конкордия. Всех

* Введение к кн.: Classen C., Howes D., Synnott A. Aroma. The cultural history of smell. L.; N.Y.: Routledge, 1994. P. 1–10. © 1994, Routledge. Reproduced by permission of Taylor & Francis Books UK.

¹ Sacks O. The Man Who Mistook His Wife for a Hat. L., 1987. P. 159.

их попросили высказаться на тему о роли запахов в их жизни². На вопрос о любимых запахах ответы последовали самые разнообразные: от предсказуемых — «запах младенца», «свежескошенной травы», «роз», «хлеба домашней выпечки» — до самых неожиданных типа «запахи Монреальского Форума и Олимпийского стадиона», «запах потного тела», «псины», «бензина».

Ответы на вопрос о неприятных запахах не уступали в разнообразии: «вонючие мужчины в автобусе», «свинофермы и курятники», «сигаретный дым», «больницы», «сырое мясо». Интересно, что, хотя у многих людей фабричные духи вызывают вполне приятные ассоциации, многие причислили их к нелюбимым запахам. Некоторые подчеркивали физический дискомфорт, вызываемый у них запахом духов: «мгновенная головная боль и тошнота»; «от запаха духов я чихаю» — вот некоторые из описанных респондентами вариантов реакции на аромат духов. Другие говорили, что духи перебивают естественные запахи и вообще резко снижают сенсорную восприимчивость³.

Запах может спровоцировать глубокую эмоциональную реакцию. Запах, ассоциирующийся с положительными переживаниями, может вызвать прилив радости; отвратительный запах или запах, связанный с неприятными воспоминаниями, — гримасу отвращения. Респонденты

² *Synnott A. Roses, Coffee, and Lovers: The Meanings of Smell.* Неопубликованная рукопись, 1993.

³ Такое отношение к парфюмерии выражено в стихотворении Е.Б. Уайта «Даме, благоухающей духами на концерте»:

Мадам, струящая запах роз,
С огнем в волосах и сережкой-жемчужиной,
Меня привел сюда вовсе не нос,
Скорее, мадам, нужны были уши мне.
Коту под хвост концерт, мадам, —
Спасибо вам.

(*White E.B. The Fox of Peapack and Other Poems.* N.Y., 1938. P. 63)

упомянутого опроса отмечали, что многие их ольфакторные пристрастия и антипатии основаны на эмоциональных ассоциациях. У некоторых людей такие ассоциации оказываются настолько сильными, что запахи, традиционно считающиеся неприятными, могут перейти в разряд любимых — и наоборот. К примеру, запах бензина обычно считается неприятным, однако один из респондентов любил его, объясняя это так: «[он] напоминает мне обо всех местах, куда я могу съездить или уже съездил на своей машине, т.е. о свободе». Другой человек испытывал слабость к запаху стадионов, поскольку последний ассоциировался у него с любимым спортом. Подобным же образом некоторые на первый взгляд нейтральные или приятные запахи — типа запаха моркови, мускусной дыни или цветов — вызывали у отдельных респондентов стойкое отвращение из-за связанных с ними тяжелых или неприятных воспоминаний:

Два года назад, когда умер отец, мы поставили какие-то цветы перед его фотографией. Теперь запах этих цветов напоминает мне о горе, беспомощности и маминых слезах — самых горьких из всех ее слез.

Таким образом, восприятие запаха состоит не только из непосредственно обонятельных ощущений, но и из воспоминаний и эмоций, с этим запахом связанных⁴.

Запахи представляют собой важнейший элемент социальных отношений. Один из респондентов проведенного опроса отметил: «Мне кажется, *эмоциональные* связи не могут быть подлинными без тактильных и обонятель-

⁴ См.: *Engen T. Odor Sensation and Memory. N.Y., 1991. P. xii. Об индивидуальных обонятельных кодах см.: Almagor U. Odors and Private Language: Observations on the Phenomenology of Scent // Human Studies. 1990. Vol. 13. P. 253–274.*

ных ощущений. Чтобы воистину почувствовать связь с любимым человеком, непременно нужно «уткнуться в него носом»». В самом деле, вскоре после рождения младенец начинает узнавать запах своей матери, а взрослые могут идентифицировать по запаху своих детей или супругов. В одном из ставших уже классическими тестов мужчины и женщины выбирали из дюжины футболок одежду своих партнеров по браку — исключительно по запаху⁵. До эксперимента большинство из этих людей никогда в жизни не отдавали себе отчета в том, что запах может стать ключом к идентификации членов их семей. Однако, как показал эксперимент, запахи — пусть и на бессознательном уровне — *регистрируются* мозгом.

Несмотря на важнейшую роль, которую играет обоняние в нашем эмоционально-сенсорном восприятии, из всех человеческих чувств современная западная культура уделяет ему наименьшее внимание⁶. Чаще всего столь презрительное отношение к обонянию объясняют тем, что по сравнению с той ключевой ролью, какую оно играет в жизни животных, человеческое восприятие запахов можно считать атрофированным и ничтожным. Спору нет, острота обоняния у людей не идет ни в какое сравнение с тончайшим чутьем некоторых животных, и

⁵ См.: *Schaal B., Porter R.* «Microsmatic Humans» Revisited: The Generation and Perception of Chemical Signals // *Advances in the Study of Behavior*. 1991. Vol. 20. P. 135–139; *Doty R.* Olfactory Communication in Humans // *Chemical Senses*. 1981. Vol. 6. № 4. P. 351–376.

⁶ К примеру, респонденты опроса в Университете Конкордия определяли обоняние как наименее важное для них чувство, комментируя это следующим образом: «Мне практически все равно, ощущаю ли я запахи вещей» или «Моя зависимость от этого чувства минимальна, а обоняние оставляет желать лучшего». Ответив на все предложенные вопросы и повысив таким образом «обонятельную сознательность», некоторые респонденты изменили свое мнение относительно значения запахов. Так, один из них написал: «Смешно сказать, но, заполнив эту анкету, я осознал, сколь важную роль в нашей жизни играет запах».

тем не менее человек гораздо тоньше, чем принято думать, различает запахи. Человеческий нос может распознать тысячи запахов, источники которых представлены в ничтожных количествах.

И все же запах — исключительно трудноопределимый и сложный для изучения феномен. В отличие от, скажем, цвета запахи не имеют собственных названий — во всяком случае, в европейских языках. Описывая тот или иной запах, мы вынуждены говорить: «пахнет как...», нащупывая точную метафору для описания нашего обонятельного переживания. Запахи нельзя увековечить: не существует ни эффективного способа улавливания ароматов, ни метода их сохранения. В царстве обоняния нам приходится полагаться на описания и воспоминания.

Большинство предпринятых исследований в этой области носили естественно-научный характер. Были достигнуты значительные успехи в понимании химико-биологической природы обоняния, однако множество фундаментальных вопросов по-прежнему остаются без ответа. Обоняние — это одно или два чувства (одно — отвечающее за непосредственное восприятие запахов, а другое — регистрирующее выделяемые во внешнюю среду химические вещества без запаха — феромоны)? Является ли нос единственной частью тела, воспринимающей запахи? Как и по каким параметрам производить объективные замеры запахов? Огромное поле деятельности остается также для изучения психологического аспекта восприятия запахов. Была проведена масса исследований с целью выяснить влияние запахов на работоспособность, настроение, рацион и т.д.⁷

Однако запах — не просто биологическое и психологическое явление. Запах — феномен *культурный*, а значит,

⁷ См.: Carterette E.C., Friedman M.P. (eds.). Handbook of Perception. Vol. 6 A: Tasting and Smelling. N.Y., 1978; Toller van S., Dodd G. (eds.). Perfumery: The Psychology and Biology of Fragrance. L., 1988.

социально-исторический⁸. Запахи наделены культурно релевантными значениями и участвуют в общественной жизни в качестве парадигмы идентификации мира и взаимодействия с ним. В силу личной, эмоциональной природы ольфакторного опыта такого рода значимые запахи усваиваются членами общества на глубоко личностном уровне. Следовательно, исследование истории запахов в культуре представляет собой не что иное, как проникновение в самую *суть* человеческой культуры.

Девальвация обонятельного аспекта в современной западной культуре есть прямое следствие ревальвации чувств, имевшей место в XVIII и XIX столетиях. Философы и ученые этого периода решили, что в той же мере, в какой зрение есть превалирующее чувство разума и цивилизации, все, что связано с восприятием запахов, есть знак безумия и дикости. Как доказывали Дарвин, Фрейд и другие, в процессе эволюции чувство обоняния отступило на задний план, а зрение приобрело первостепенное значение⁹. Тем самым современные люди, придающие большое значение запахам, были сочтены либо недостаточно развитыми дикарями, дегенеративными маргиналами, либо не вполне нормальными психически: извращенцами, безумцами или идиотами.

Такая тотальная диффамация запаха со стороны европейской интеллектуальной элиты оказала сильное влияние на статус обоняния. Феномен запаха в наши дни «замалчивается». Даже в тех редких случаях, когда он *оказывается* предметом популярного дискурса — скажем, в некоторых

⁸ Способ презентации обоняния как биопсихологического феномена в современной западной культуре сам по себе — культурологический феномен.

⁹ Одна из последних попыток рационально объяснить в эволюционистских категориях «упадок обоняния» у людей представлена в кн.: *Stodart D.M. The Scented Ape. Cambridge, 1990.*

современных произведениях художественной литературы, он не выходит за рамки все тех же стереотипных категорий – категорий нравственного и психического вырождения.

Примером тому может служить невероятно популярная книга Патрика Зюскинда «Парфюмер». Главный герой книги, Жан-Батист Гренуй, человек с исключительно тонким обонянием, – одновременно и «идиот», и «извращенец», а заодно еще и выходец из «вырождающегося» низшего класса. Гренуй удовлетворяет свою патологическую страсть к запахам, убивая девушек, с тем чтобы сполна насладиться их восхитительным ароматом. В конечном итоге Греную, вдоволь напивавшемуся этим девичьим ароматом, удается самому приобрести столь заманчивый запах, что беснующаяся толпа разрывает его на куски и пожирает¹⁰.

Популярность «Парфюмера» объясняется не только необычным сюжетом и захватывающей интригой, но и (возможно, главным образом) тем, что в романе подтверждается состоятельность многих наших излюбленных ольфакторных стереотипов: маньяк, вынюхивающий свою жертву; благоуханная несчастная девушка; опасная дикарская составляющая восприятия запахов.

Откуда эта культурная несправедливость и диффамация запаха? В общих чертах можно сказать, что элементы, систематически подавляемые в той или иной культуре, подавляются не только потому, что почитаются низменными, но еще и потому, что в них видят угрозу социальному порядку. Возникает вопрос: каким же образом развитая культура восприятия запахов может угрожать устоявшемуся социальному порядку Запада?

¹⁰ *Suskind P. Perfume: The Story of a Murderer / Trans. by J. Woods. N.Y., 1986.*

Начнем с того, что современной западной трактовке запахов предшествовала иная. Запахи понимались как врожденные «сущности», индикаторы внутренней истины. Иначе говоря, посредством обоняния человек взаимодействовал скорее с *внутренней* сутью, чем с поверхностной видимостью, — в отличие от зрения. Мало того, запахи не так-то легко удержать. Неуловимые и всепроникающие, они сплавляют различные сущности в единое обонятельное целое. Именно такая сенсорная модель, очевидно, противостоит нашей современной одномерной концепции мироздания, с ее акцентом на неприкосновенности личной жизни, дискретными составляющими и поверхностными взаимодействиями.

Все это не означает, что общество с высокоразвитой культурой восприятия запахов оказалось бы эгалитарной утопией, что все его члены гармонично слились бы в аромате общей культуры. Как мы увидим, обонятельные коды часто служат инструментом не столько объединения, сколько разделения и подавления личностей. Наши выводы относительно причин вытеснения обонятельного аспекта на периферию современной культуры сводятся скорее к тому, что бескомпромиссная способность запаха обнажать внутреннюю сущность, его индифферентность к любого рода границам, его эмоциональный потенциал воспринимается ныне как осязаемая угроза господствующему абстрактному и безличному укладу. Нынешнее общество требует, чтобы мы дистанцировались от эмоций, чтобы социальная структура и социальные барьеры были объективными, рациональными, а не эмоциональными; оно требует уважения к личностным границам. Таким образом, обонятельным кодам по-прежнему дозволено укреплять социальную иерархию на бессознательном или полубессознательном уровне, зрение же, как наиболее беспристрастное (согласно запад-

ным стандартам) чувство, призвано обеспечивать современное бюрократическое общество непреложными эталонами¹¹.

Академические теории запаха оказались такими же изгоями современной культуры, как и сам запах. Высокий статус зрения, культивируемый на Западе, обеспечивает абсолютно серьезное отношение к исследованиям, посвященным зрению и визуальной реальности, даже если исследования эти носят небесспорный характер. Зато любая попытка анализа обоняния и запахов рискует быть попросту уничтоженной общественным мнением как фривольная и неуместная. Тем не менее роль запаха и обоняния в современной культуре — тема столь глубокая и привлекательная, что множество ученых, подвизающихся в самых разных областях знания, в том числе историков, социологов и антропологов, предпринимали попытки исследовать этот вопрос. <...>

Перевод О. Литвиновой

¹¹ См.: *Howes D., Lalonde M. The History of Sensibilities: Of the Standard of Taste in Mid-Eighteenth Century England and the Circulation of Smells in Post-Revolutionary France // Dialectical Anthropology. 1992. Vol. 16. P. 125–135.*

Алексей Левинсон

ПЯТЬ ПИСЕМ О ЗАПАХЕ*

ПИСЬМО ВСТУПИТЕЛЬНОЕ

Дорогая редакция, некоторое время назад я поделился с вами мечтой написать нечто эдакое о запахах. Внутренняя настоятельность писать на подобную тему была для меня в тот момент настолько же тверда, насколько расплывчато было все остальное — формат, содержание, жанр и пр. Безоговорочность, с какой вы меня поддержали в этом стремлении, сыграла для меня самую значительную роль, она помогла отыскать в конце концов все те средства, с помощью которых я как-то сумел реализовать свою означенную потребность.

Словом, текст есть, и теперь я обращаюсь к вам и с благодарностью за помощь в его появлении, и с просьбой напечатать его в вашем издании.

Чувствуя странность в том сочетании интимности и публичности, которым отдает данное мое предприятие, эту странность оставлю без комментариев. Но не могу не предварить свой текст признаниями в бесстыжести жанра. Им попораны основные нормы научных публикаций. Я отношусь с трепетным восхищением к тому, как работают люди, задающие образцы воистину классической науки. И все же рискую проситься под ту же обложку, сознавая при этом, что не только не смог соответствовать утверждаемым им нормам интеллектуальной работы, но из некоторых побуждений иные нарочно нарушил.

* НЛО. № 43 (2000). С. 14–34.

Повинившись в одном, решусь сделать дальнейшее признание и сказать, что меня влечет деятельность, которой всегда хотелось дать имя «лирическая социология». Таковая не испытывает иллюзий насчет безусловной доказательности, то есть обязательности своих выводов для всех. Никаких гарантий научной истины. Правдоподобие — вот что нужно в описании социального. Опиши то, что хочется описывать, объясни так, как хочется понимать, и подожди тех или того, кому это покажется правдоподобным.

Позвольте рассказать вам, как предлагаемое приобрело те формы, в которых оно предлагается. Рассказываю потому, что это в основном история нереализованных замыслов. Вдруг кому-нибудь какой-нибудь из них пригодится.

Желание написать о социологии запахов возникло очень давно. В последнем из предложенных к публикации опусов об этом кое-что рассказано. Долго не удавалось отыскать форму, адекватную замыслу. Поначалу было выбрано целых три варианта.

Первый — «запахи в ощущениях» — запись и анализ наблюдений за самим собой. Но наблюдения продолжаются, анализ еще не завершен, потому писать об этом рано.

Второй — «запахи в речи» — анализ рассказов других людей относительно их наблюдений над самими собой. Пробная работа в этом жанре написана¹.

Наконец, третий вариант — «запахи в тексте». Он вырос из заурядной идеи: собрать как можно больше социологической литературы по данному вопросу и затем оную литературу обозреть подобающим образом. Первым номером, разумеется, в списке стоял Георг Зиммель, поскольку он в своем трактате «Социология чувств» посвя-

¹ Левинсон А. Повсюду чем-то пахнет (К социологии обоняния) // Логос. 2000. № 1 (22). С. 24–41 (см. наст. изд. Кн. 2. С. 7–39).

тил три страницы социологии обоняния*. Однако движение к номеру второму и далее задержалось в силу нескольких существенных причин, и в результате достижения социологии на этом поприще здесь обсуждаться не могут. Но окликания Зиммеля в предлагаемых записях встретятся неоднократно.

Свой фронт исследования данной проблематики развернула нынешняя историческая наука. С ним, насколько мне известно, читателя познакомят другие материалы вашей подборки.

Очень много литературы по психологии обоняния, по психофизиологии и физиологии ольфакторных², то есть обонятельных, систем у животных и человека. Искусение попасть на чужих нивах и употребить материалы этих братских дисциплин для целей социологии было временно преодолено, и пришло другое решение.

Это решение было таким. Попробовать сделать предметом социологического анализа то о запахе, что приобрело статус факта благодаря попаданию не в научный, а в литературный текст. Я стал готовить картотеку упоминаний запаха в литературе. Не меньше, чем самих упоминаний, нашлось идей, как искать и где искать.

Однако по мере продвижения в этом направлении работа все очевиднее окрашивалась светлыми цветами бессмыслицы. Стало ясно, что составить полный корпус таких упоминаний невозможно, а было бы возможно, неясно, что за статус имела бы эта совокупность.

Вместо этого пути был избран иной. Считать фактом литературы не написанное, а прочитанное. Считать интересным для исследователя не авторский текст, а читательский, то есть тот, который остается в голове читате-

* См. выше перевод этого текста, выполненный К. А. Левинсоном. (*Прим. ред.*)

² А может, лучше «олфакторных»?

ля после прочтения текста авторского, а также после всех иных воздействий на эту голову.

Иными словами, стало казаться, что ясен предмет данной работы — запах и обоняние, их использование людьми в построении взаимодействия и его устойчивых форм, то есть институтов. Метод, который будет адекватен, состоит в сборе воспоминаний людей о социальной функции описаний и упоминаний ольфакторных реалий в литературных и литературоподобных текстах.

Итак, было решено собирать у людей их воспоминания о том, что им приходилось читать о запахах в книгах. Когда первые интервью показали, как активно по ассоциации присоединяются воспоминания о маргинальных по отношению к художественной литературе формах, решено было добавить и журналы с газетами. Затем стало ясно, что статус воспоминаний о виденном по телевизору, слышанном по радио точно такой же, а пласт этих впечатлений у многих респондентов гораздо более мощный.

Таков был очередной этап — назовем его «полевым», чтобы придать всей затее видимость социологии.

Затем наступил этап предания всех этих результатов бумаге или ее электронному подобию. На этом этапе замысел снова изменился. Рассматривать индивидуальные случаи, индивидуальные сочетания литературных впечатлений, размышлений о них, а также индивидуальные сцепления ассоциаций, окказиональные ветвления тем показалось интереснее, чем прилежно обобщать, прямо скажем, не очень массовый материал интервью.

На место композиции упоминаний пришли композиции соображений, высказанных в той или иной связи с этими воспоминаниями. Статус факта приобрели не феномены (коллективной) памяти, а феномены дискурса, явленные, как и полагается, через индивидуальные случаи.

В итоге дело пришло к тому, чтобы обсудить эти индивидуальные случаи в письмах, адресованных нескольким собеседникам. По понятным причинам их имена за-

менены буквами алфавита, распределенными по порядку появления в тексте. Себе, как появившемуся ранее прочих, я взял букву А.

Ею и подписываюсь:

Благодарный А.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Любезные Б и В, дорогая юная Г, с удовольствием вспоминаю наш с вами продолжительный разговор на даче о запахах и обонянии. Позвольте вернуться к нему уже на бумаге. Речь у нас, в частности, шла о «больших» и «малых» запахах (вы мне рассказали, что такое различие использовала Г в детстве).

Я, помнится, сказал: Зиммель прав, говоря, что обонятельная система обслуживает ближнюю зону взаимодействия. Его я, собственно, и явился с вами обсуждать. Но В, много от нее и не ждал, сразу возразила, что это если и верно, то лишь применительно к взаимодействию людей. Взаимодействие со стихиями (а Вы, дорогая В, любите понятие стихий), мол, подчиняется другим правилам. «Большие» запахи моря или пожара, снега или леса могут быть ощущаемы на значительном расстоянии. Это, заметил Б, запахи не индивидуализируемые. «Большие запахи» считаются — на манер знаков — одинаковыми для всех. Индивидуальные особенности субъекта проявляются лишь в том, чувствует он данный запах или нет, отдает себе в этом отчет или нет. На таких расстояниях в основном ощущаются запахи коллективно переживаемые, значимые для больших масс людей. Как мы тогда согласились, социально чуткое дитя Г потому и назвала их «большие запахи».

Я согласился с В, что это могут быть антропогенные запахи, но никогда — запахи собственно людей (кроме

мертвецов, пришлось заметить мне). То есть это может быть запах города, лесопилки, жнивья, сенокоса, газона. Предлагаю, сказала В, считать антропогенными также запахи животноводческих ферм, помоек, полей орошения. В этом ряду – запах зоопарка. У меня это вызвало детские ассоциации, а Вы, дорогой Б, вспомнили слова героя одной песенки Э. Соловьева конца 1960-х гг.:

Я живу на Пресне около зверинца:
В засранные клетки смотрится луна.
Утром, понимаешь, начинаю бриться –
Запахом неволи тянет из окна.

«Большие», или средовые, запахи, как правило, имеют названия, настаивали вы трое, в отличие от человеческих «малых», неопишуемых. «Большой» запах назван по объекту, который его порождает или о котором он сообщает. В силу простоты, определенности и общепризнанности именно эти запахи служат в литературе (и жизни!) средствами, во-первых, показать место и время действия, а во-вторых, социально привязать героя.

На запахах дальней дистанции основаны образы родного места, малой родины и родины вообще. Суша, которую почуяли мореплаватели, оазис, который почуяли верблюды, стойбище, которое почуяли ездовые собаки, и т.п. В последних случаях роль детектора «своего, родного» отдана домашним животным.

В эту категорию, хочу теперь добавить к нашей беседе, попадает пресловутый «дым отечества», который тогда упомянула отличница Г. Действительно, известный всем со школьного детства сильный и внутренне напряженный образ существует как очень важный инструмент для выяснения отношений современного человека русской культуры со своей социально-территориальной принадлежностью.

Традиционализирующий подход при этом будет заключаться в том, чтобы связать индивида с «землей», то есть с территориально определенной общностью. И тогда — в эпопеях ли, в песнях ли — вовсю работают образы запахов, нагруженные функцией поддержания солидарности, верности общинным ценностям, — это запахи пашни или родного завода, причала и т.п.

Противоположная тенденция будет выражаться в отождествлении себя не с территориальной, а с подчеркнуто экстерриториальной общностью, такой как культура, литература, язык. (На последнем, как вы помните, особо настаивал Бродский.) Тогда ольфакторные коды неуместны. Эксплуатируя в политических целях понятие русскоязычного населения, люди, весьма далекие от позиций этого поэта, сами того не замечая, развеивают легендарный дым отечества.

Говоря о действии обонятельных отношений на дальних дистанциях, мы имели с вами случай отметить два края образующегося ряда. Край предельной конкретности задает команда «Газы!». В истории нашей популярной словесности отразилась эпоха изобретения и распространения первого оружия массового поражения. В литературно-отработанном словце «Осоавиахим» о газах — последний слог, он же первый в названии Академии химзащиты. Газ, договорились мы с вами, можно считать особой разновидностью запаха. Особо интересно это делать в применении к тем самым страшным газам, про которые говорилось: «без вкуса, цвета и запаха». Вы привели воспоминания старшего поколения вашей семьи об осоавиахимовских тексточках, которые, как ваши старики вам рассказывали, никто не хотел учить, а они застряли в памяти. «Табун-зарин-зоман». У какого-то запах чесночный, у какого-то горчичный, а у еще одного — коварство! — запах миндаля.

Тема: смерть, причиненная вдыханием, особенно вдыханием через нос, то есть «смерть от запаха», сим-

метрична теме «запах смерти», но не совпадает с ней. Смерть от аромата цветка или смерть от запаха, который не имеет запаха, — вы правы, дорогая В, соблазны для массовой литературной культуры очевидны.

Химическое оружие, говорил Б, осталось в воспоминаниях о давно читанном Ремарке, рассказах Леонида Соболева о финской кампании (это о лошадиных противогасах). Дешевое оружие массового уничтожения, оно, как и ядерное, уничтожило пока меньше людей, чем дорогостоящее огнестрельное с его честным запахом пороха.

Наш разговор тогда сделал петлю об оружии как литературной теме и топосе. Вспомнили, что почитаемый вами Бродский не где-нибудь, а в своей Нобелевской речи упомянул автоматическое оружие. Его распространение он счел фактором формирования новой эпохи с ее новой нравственностью и новой литературой. Вспомнили, как теперь выясняется, вполне «по теме». Хоть порох нынче бездымный, но автоматическое оружие в таком изобилии вошло в нашу повседневность, что не только вид его и звуки выстрелов, но и семиотика порохового запаха присутствует в ней и в обслуживающих ее текстах. Рядовой чеченский телесюжет связывает «большой» запах автоматного пороха с «малым» запахом человека (пленного), а там и с его жизнью и смертью. Если пленный пахнет порохом, значит, он убивал, значит, с ним поступят соответственно морали этой войны, морали этой эпохи.

Вернемся к нашему разговору про газ. Газ и смерть. Б вспомнил строки:

А на кухне дремлет газ,
С газом нужен глаз да глаз.

(Кажется, Б сказал, что это Вс. Некрасов.)

В моих разговорах с другими собеседниками, любезные Б и В, корпус околотитулярных воспоминаний о

газе, запахе газа, об отравлениях газом, о самоубийстве посредством газа оказался значительным даже без привлечения относительно недавних телесюжетов о взорвавшихся домах в Москве. (Там тема газа как возможной причины взрыва переплеталась с темой терроризма, страхов, «чеченского следа», ФСБ и т.д.)

Кто-то из знающих людей заметил, что поступающий в дома газ вообще-то не имеет запаха. Тот «запах газа», о котором пишут на жестяных плакатиках, требующих звонить «04», получается за счет специальной пахучей добавки к горючему газу. Расчет, стало быть, на ту самую остерегающую функцию обоняния на дальней дистанции, про которую мы с вами вели речь. Расчет, надо теперь добавить, на наличие в обществе достаточно широкой и достаточно жесткой конвенции по поводу того, что именно считается «запахом газа».

Эта жесткость конвенции характеризует затронутый в нашей беседе край поля «больших» запахов. На другом, напротив, ничего определенного, ничего обязательного, то есть, как Б жестко сформулировал, отсутствуют нормы на опознание запаха. И именно в их отсутствии — при наличии ценностей — вся прелесть, смягчила В. Речь пошла о контекстах, в которых встречаются клише вроде «воздух времени», «дух эпохи», «аромат прошлого» и им подобные.

Такими формулами чаще пользуются в текстах не книжных, а из массмедиа (хотя пришли они, как заметила В, конечно, из «настоящей» литературы предыдущих столетий). В силу этого вы, мои собеседники, включая юную Г, могли легко воспроизводить подобные клише, но никто не мог сослаться на конкретный источник (самая интересная мне, постороннему, форма бытования литературы).

Итак, для обозначения неких важных для участников коммуникации обстоятельств используют понятия, отсы-

лающие к обонятельным впечатлениям. В то же время никаких конвенций по поводу того, каков «аромат прошлого», не говоря уж о «духе времени», нет. Значит, здесь работают пустые конструкции, которые может всяк заполнять на свой вкус либо которые даже и не предназначены к заполнению. Тогда отсылка к аромату, запаху, духу означает отсылку к самой этой неопределенности, которая, однако, является не дезорганизующей, но, напротив, определяющей и направляющей движение смыслов.

Иначе говоря, перед нами опять-таки конвенция, но совсем иного рода.

Запах и шире — дух, выступают в этом случае как примеры или метафоры согласия по некоторым общим смысловым определениям ситуации или объекта. Говоря словами Б, согласие и общность оценок со стороны некоторого множества социальных субъектов по поводу данной ситуации или объекта существуют, несмотря на то что конкретные определения, которые они дают этим объектам, могут не сходиться. Так на ценностном уровне достигается согласие по поводу определения некоторого сочетания обстоятельств как относящихся к чему-то одному, как наделенных единым смыслом. Это единство далее будут звать эпохой, ситуацией, темой и пр. У нее будет свое особое место и значение в ряду подобных ей объектов — других эпох, ситуаций и т.п. На протяжении какого-то времени будет сохраняться эта конвенция, позволяющая каждому из ее участников, подчеркнули мы, давать собственные частные интерпретации и конкретные оценки этому объекту. В мире запахов царит свобода интерпретаций, подытожила В, потому метафоры запаха удобны для обслуживания подобных случаев.

Разговор наш завершался. Винный запах вокруг нас, как сообщила строгая Г, был густ, несмотря на свежие дачные воздуха. Пора было собираться. Поговорить о

«маленьких» запахах не удалось, зато много сказали о «больших».

Надеюсь, что вы не сердитесь на меня за мою обсессию.

А.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Мой милый Д,

некоторое время назад я отправился в семейство Б и В и их взрослеющей Г. Я собирался обсудить с ними ту идею Зиммеля, о которой когда-то давно говорили с тобой. Почему с ними — потому, что мне казалось, что интимное нужно обсуждать интимно, то есть за бутылкой. А с тобой ведь не сядешь, как бывало. Знаю, ты снова будешь говорить, что три часа на самолете — не дольше чем три часа на метро и электричке, а билеты ты оплатишь. Но...

Как бы то ни было, моя идея говорить с ними об интимном не реализовалась. Может быть, потому, что мы пили не на кухне, а на открытом воздухе, против чего ты всегда возражал по методологическим, как ты говорил, основаниям.

Не рискуя более злоупотреблять их гостеприимством, обращаюсь к тебе. Представь, что ты принимаешь меня в своей чудной студии над парком и что между нами то, что привез я, и то, что в ответ выставил ты. Представь, что первую за Зиммеля мы уже подняли, вторую за ольфакцию — тоже, и вот я говорю.

Говорю, что в телесном и действенном плане обоняние информирует о том, с чем нам в следующий момент предстоит вступить в контакт. Если зрение и слух можно рассматривать как системы раннего оповещения, то обоняние (у современного человека, оговаривался Зиммель) — это система информирования в последний момент.

Это ты и сам знаешь. Но теперь я предлагаю связать обоняние с движением, перемещением в пространстве, перемещением человека, его рук, предметов или веществ рядом с ним. Это тебе должно понравиться. Это малые движения, крупный план. Близко к твоей идее времени внутри позы и жеста. Соответственно, расстояния, о которых в данном случае шла бы речь, измеряются в сантиметрах и десятках сантиметров. Это та дистанция, та зона, которая недаром, недаром, дорогой Д, вульгарно называется «у тебя под носом»! Скорости перемещения в ней — несколько сантиметров в секунду.

Обоняние сообщает нам, как пахнет еда либо рюмка, которую мы с тобой несем в рот, как пахнет человек, с которым мы вот-вот вступим в телесный контакт (объятия, драка, давка), как пахнет дом, в который мы сейчас войдем, и т.п. (Черт возьми, действительно, сейчас входил бы через эти дубовые двери и чувствовал бы полужужой запах твоего дома, а потом все еще московский запах твоего свитера, а потом дух «Черноголовки», которая, как ты признал в прошлый раз, почти не воняет.)

Да, в условиях ближнего движения на то, чтобы реагировать по результатам анализа обонятельных ощущений, у человеческого существа остается одна или несколько секунд. Эта реакция, согласись, не может не быть предельно простой: продолжать действие или прекратить, или начать действие с обратным знаком. Брать в рот кусок, который нес, или нет. Вступать в контакт с человеком или уклониться. Идти, куда шел, или остановиться, или бежать назад.

По этой причине сами сигналы, поступающие от ольфакторной системы, выдержаны в двоичном коде: «хорошо» или «плохо», запах благоприятный или неблагоприятный. Я знаю, ты никогда не одобрял увлечения двоичными моделирующими системами. Но здесь у меня в союзниках Зиммель.

Обоняние, говорит он, — в отличие от всех других чувств, столь «высоких», как зрение и слух, и столь же низменных, как и обоняние, — вкус, осязание, — дает поляризованные впечатления, оно пристрастно. Всем сказал и тебе скажу, что вторить Зиммелю в том, что большинство обонятельных впечатлений относится к отрицательным, я не стану. Почему он такого мнения, сие само по себе, возможно, составит предмет особого разговора. Но факт значительного преобладания оценочных реакций над нейтральными в сфере обоняния неоспорим. С этим и ты согласишься.

Это и делает обоняние столь интересным предметом при подходе со стороны слов и словесности, вот в чем мой пафос, милый друг Д. Обонятельные реакции, такая мысль Зиммеля, невербализуемы, зачастую следуют ниже словесно оформляемого сознания. В этом смысле, скажем уже мы с тобой, они сложны, то есть сложны для дискурсивного подхода и выражения. И продолжим: они не выходят на тот семиотический уровень, где существуют смысловые связки с закрепленными значениями, то есть слова. Слов, какие есть для ушей (устная речь) и для глаз (письменная речь), для носа нет, так скажем мы. В то же время обонятельные впечатления гораздо четче означены в элементарном двоичном коде (извини!), чем сложные зрительные и слуховые.

Мы таким путем приходим к выводу, что именно это сочетание большой определенности с плохой пригодностью для вербализации и дискурсивного осмысления делает запах парадоксальной действительностью, осязаемой, но неуловимой (если выражаться в коде другого чувства).

Это делает литературные выражения типа «ваш милый запах», «волос окутан ароматом», «в душистых седи-нах» и пр. очень сильными. Сообщается о запахе, но нет

возможности сказать, каков он. Соответственно, его (запаха), а тем самым и его (приема) действенность оказывается очень велика и напоминает чары.

Нет, право, именно наложение на элементарно-детскую дихотомию «хорошо пахнет» / «плохо пахнет» бесконечного разнообразия ароматов и зловоний делает ольфакторную действительность такой напряженной, пронизанной если не смыслами и отношениями, то возможностями смыслов и отношений.

Ругай меня за пансемиотизм, но каждый «малый» или «ближний» запах, в котором мы отдаем себе отчет, предстает для нас значащим. Чаще всего мы не знаем, что он значит, но знаем, что значение есть. (Это и создает напряжение, которое, мой дорогой Д, можно использовать в целях создания высокохудожественных образов. А образы затем продать. А на вырученные...)

«Малых запахов» с определенным и вербализуемым значением найдется немного (если не говорить о парфюмах, то есть об искусственных связках ароматов и слов). Поэтому «язык запахов» – еще более слабая конструкция, чем «язык цветов». Не любимая тобой семиотика, действительно, малопродуктивна в применении к ольфакторной реальности.

Тебя, я знаю, порадует и заявление о невозможности полицейской семиотики запахов. Вот, выписал специально для разговора с тобой: «Не предусмотрены УПК (а значит, незаконны)... методы ведения дознания, следствия, связанные с применением... постулатов одорологии (наука о запахах, изъятии “образцов запахов” и пр.)... эти методы неоправданны с точки зрения криминалистики»³.

Последнее, что скажу тебе о простой дихотомии в ольфакторной сфере, признаться, пугает грубостью и са-

³Тюрьмы и колонии России / Под ред. Г.Б. Мирзоева. М.: Лига Прав, 1998. С. 200.

мого меня. Но, знаешь, ничего иного не могу придумать, кроме примитивного витализма. Получается, что на малых дистанциях все запахи, считающиеся дурными, отгаливающимися для человека, связаны так или иначе с разложением органики, плоти. Это может быть разложение, связанное со смертью живого, его тлением и гниением, а может — с его разложением ферментами пищеварительной системы человека или животного. Труп, помойка и дерьмо, ну а также прокисший пот и прочие органические выделения, гниющая кость и мышца... Мы с тобой помним, где пахло всем этим сразу и почти от всех. Мы с тобой приходили туда вместе, и один посетительский халат надевали по очереди. С тех пор оба не выносим ни одного из этих запахов длящейся смерти.

Что до запахов приятных, то они связаны, извини, с продолжением рода, размножением и т.п. Понимаю, что сводить прекрасное к «этому делу», видеть в красном маке и ландыше серебристом лишь орган размножения — значит напрашиваться на диагноз «маньяк». Но чем ругаться, придумай что-нибудь не такое примитивное.

Только не говори мне о том, что в современной парфюмерной промышленности добавляют гадкие запахи к хорошим — для пикантности. Это не меняет сути дела.

Теперь мне хочется тебя порадовать и добавить кое-что к простому различению запахов «больших» и «малых». Главный социологический и литературный интерес представляют, на мой взгляд, ольфакторные события в промежуточной зоне — не такой пространной, как коллектив в целом и атмосфера вообще, и не такой узкой, как диада или индивид наедине с запахами ближайшей дистанции. Интереснее и богаче оказывается обонятельная действительность на внутригрупповом и межгрупповом уровне.

Здесь, как и подобает сложному, то есть нормальному, социологическому состоянию, правят одновременно

и жесткие нормативные регуляторы, и обобщенные ценностные. У лица или иного социального субъекта появляется возможность вести себя сложно (иначе: у субъекта нет возможности не вести себя сложно).

Запахи в этой зоне не теряют своей поделенности на приятные и неприятные, но они уже не имеют значения оперативных сигналов для немедленного реагирования в режиме стой! / беги! Запахи, или часть из них, сохраняют обобщенное и всеми разделяемое значение «атмосферы», но оно распространяется не вообще на всех, но на «нас».

В Москве уже отговорили про книгу Зюскинда (тебе она не понравилась, верно?). У меня было немало респондентов, которые припоминали роман «Парфюмер», стоило завести разговор об обонянии. Бог весть, что можно считать адекватным читательским восприятием, но собранные мной впечатления о читательских впечатлениях говорят: один ход автору удался. Энергетику зоны ближнего ольфакторного контакта (в данном случае — сексуального) он вообразительно распространил на гораздо более широкую зону городского сообщества. Запахи, которыми повелительно управляется взаимодействие в диаде, его герой сумел употребить для командования множеством людей в масштабах городского пространства. Последнее, что немаловажно, выступает прообразом социального пространства вообще. Нормативное регулирование из инструмента в зоне первичных отношений перенесено авторской волей на уровень коллективный, а далее и социальный. А там оно не может быть ничем иным, кроме как властью. Притом властью абсолютной. Она составляет цель безумного героя.

Литературное клише: безумный одиночка, который чуть было не становится властелином мира, — у нынешнего читателя, такого как ты, вызывает, конечно, литера-

турную же реакцию. Волнений за судьбу мира или судьбу персонажа он испытывать уже не станет. Но то, как автор именно обонятельными метафорами сумел растянуть и сделать напряженной дистанцию между происхождением героя и его (героя) претензиями, одобряют и такие искушенные читатели, как Б и В. Гротескное описание вони в начале книги, судя по реакциям этих и иных моих собеседников-читателей, самое развернутое из тех, что встречалось их глазам.

Французская культурная традиция вообще с вниманием относится к запаху. Так, по крайней мере, может показаться российскому читателю.

Помнится, при нашей первой встрече на твоём новом месте ты мне сочувственно приводил эмигрантские впечатления Аксенова. После парижских автобусов и метро попав в нью-йоркские, он ощущал нехватку «человеческих» запахов. Может быть, это российские концепции Франции и Америки, сказал тогда я, все-таки Аксенов себя чувствует российским литератором в любом метро. (Это я пытался тебя дергать. Ты уклонился.) Ты на это припомнил Стейнбека, еще в довоенные годы обвинявшего богатых американок в том, что они всяческой химией лишают секс не только опасности, но и запаха. А чувствительность французов к теме миазмов и воздуха доказывал ссылкой на забытый полушутливый-полуфантастический рассказ Жюль Верна «Причуды доктора Окса». Герой, как и в «Парфюмере», пробует управлять людьми посредством газа. Ему удается изменить поведение жителей целого городка, заставив их вдыхать возбуждающий газ.

Затем мы пошли с тобой и твоими гостями наперебой вспоминать ситуации — из книг и кинокомедий, — когда люди, сами того не заметив, надышались или нанюхались возбуждающего или усыпляющего. Со времен немого кино это — безотказно действующий ход. Дело, мы

заклучили, в том, что действующая причина изменений в поведении незрима (запах, газ, дух), а потому похожа на чары, волшебство. Но зрителю известно, что она хоть и дух, но материальна, принадлежит естественной, а не сверхъестественной стороне мира. «Разоблачение духов», сказал ты.

Позволю себе напомнить историю, прозвучавшую в том разговоре. В еврейском местечке Городок богатый нанимает своего бедного родственника привезти из соседнего Каменец-Подольского бочку с (пасхальным?) вином. Маленький человечек, всю жизнь самый забитый и незаметный, вкатывает в родной Городок с буйными криками, дерзит нанимателю и прочим уважаемым лицам, бросает шапку в угол... Словом, является родне и соседям кем-то настолько другим, что случай далее превратится в рассказ и будет передаваться через долгие десятилетия. Тривиальное объяснение этой метаморфозы, рождающееся у нынешних слушателей этого рассказа, мол, отхлебнул дорогой из бочки — свидетелям истории и в голову прийти не могло. Выпившим и пьяным его не видели никогда, потому все представляло непостижимой загадкой. Не мог назавтра ничего объяснить и сам герой, напуганный рассказами о своем буйстве. Но объяснение нашлось при тщательном осмотре бочки понимающими людьми. От тряски вино плескалось и сочилось через щели. Тщедушный герой незаметно для себя нанюхался, надышался — и явился в Городок единственный раз в своей жизни другим человеком.

Рассказ, имеющий статус семейного предания, слушатели пытались приписать Шолом-Алейхему. Потом заговорили об О. Генри, о топосе маленького городка и маленького человека в американской прозе и кинематографе, и разговор незаметно перешел к Гоголю.

Замечательный поворот темы тогда не закрепился. Я потом обсуждал намеченные нами сюжеты: еврейство,

запах, Гоголь — с известными тебе К и Л. Ты найдешь следы этих обсуждений в соседних письмах.

Привет,

твой далекий А.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Старина Е,

мы встретились недавно — после стольких лет! Разливая в сквере, мы вспоминали, как некогда в арбатском садочке мы с тобой впервые открыли самими купленную бутылку и вскрыли первую самими купленную пачку. Поговорив об алкогольно-никотиновом дебюте, как водится, перешли к тому, что стало потом с нами и со страной, и с курением и винопитием в ней. Толковали о том, спился или не спился народ, скурился или нет.

Ты, я заметил, куришь все ту же «Приму». Я уже несколько лет как погасил последний «Кэмел», но зато все последние годы по заказу отравляющих нас монополий усердно изучал, что и с каким чувством курят и пьют наши с тобой современники и соотечественники.

Я тебе начал рассказывать о том, что на сей счет мне удалось заметить в ходе интервью с курильщиками и потребителями напитков, что приходило в голову после десятков таких встреч.

Не успел сказать тебе тогда, в сквере, и спешу договорить здесь. Это к вопросу о повелительных воздействиях жидкостей и запахов на массы людей.

Управление обществом через вдыхаемое и обоняемое, вообще говоря, часть нашей повседневности. Отличие от скандальных, сенсационных и фантастических версий, вроде «Парфюмера», одно: это управление (как и вообще управление, по большей части) принимается добровольно. Хочу вспомнить идею социолога Левады,

брошенную походя в его знаменитых лекциях по социологии на журфаке МГУ в конце 60-х. Как-то раз он рассказывал об органицистских моделях общества, которыми увлекались лет двести тому, воображая, что общество — это организм с мозгом, сердцем, нервами и пр. (Тебе, как врачу, должно понравиться). Так вот, Левада пошутил, что если бы эти давно отброшенные модели приложить к современным реалиям, то можно было бы, например, обнаружить систему гуморальной (жидкостной) регуляции в обществе-организме. Обнаружить, как жизнь общества регулируется и управляется посредством специальной жидкости, направляемой из специального центра по специальным каналам. Имелось в виду централизованное и регулируемое государством распределение алкоголя среди собственного населения. В отличие от уважаемых и неуважаемых авторов идеи о «спаивании русского народа» социолог Левада обращал внимание на осуществляемую посредством вина власть как управление поведением людей.

Нынче не те времена. С падением госмонополии на алкоголь нельзя говорить об управлении, разве только о самоуправлении или гуморальной саморегуляции в нашем обществе.

Перенося этот же прием с алкогольного духа и перегара на дым и запах другого наркотика, табака, хочу обратить твое внимание, друг Е, на то, что и он выступает средством организации массового поведения. Пусть он мягче, чем вино, управляет общественным поведением, не делает его, простите, «антиобщественным поведением», но факт регуляции налицо.

Очевидность этой регуляции для социолога лучше всего удостоверяется ее неочевидностью, неощутимостью для субъектов поведения. Опыт моих собственных многочисленных групповых интервью о табаке и курении показывает: у курильщиков нет ответа на вопрос, почему

они курят. Каждый отвечает, что он / она курит потому, что курят другие (друзья, подруги, «все»). Для действия в той или иной степени порицаемого, предосудительного отсутствие причины и мотива очень интересно.

Интересно и то, что для понудительности курения — а о ней говорят охотно и много — находят причину либо в себе (не могу бросить), либо в табаке (образует зависимость). То есть для начала курения всегда находят социальную причину (подражание другим, стремление приобщиться), а в самом феномене курения социальные вожжи видеть не хотят, не могут.

О регуляции коллективного поведения посредством курения можно говорить очень много. Темы заявляют себя сами, стоит посмотреть на предмет под этим углом зрения. Назову лишь несколько. Одна из самых «близколежащих» — ритуальность курения. Перекур — акт совместного возжигания, воскурения и вдыхания дыма. На что я намекаю, ясно.

Занимательная тема — дым и время. Перекуры возможны всегда, но более часты перекуры — и особенно индивидуальные закуривания — в определенные моменты времени.

Под временем я, дорогой Е, будучи, извини за выражение, социологом, желал бы понимать взаимную соотнесенность действий и существований социальных субъектов (людей, групп, сообществ, институтов). А действия вроде курения тогда оказываются узелками и узлами этой соотнесенности. Они, собственно, и создают время, реализуют эту соотнесенность.

Как и все самое главное в социальной жизни, это происходит безотчетно. Просто все знают, что перед тем, как начать любое дело, хорошо закурить. А в середине полагается перекурить. И после того, как дело сделано, тоже надо бы по сигаретке.

Дым, эта неосязаемая сущность, и запах, эта невидимая субстанция, и переживаемые от них несказуемые ощущения — все это столь похожие на невидимое время узлы социальной организации действия. Без этого дыма как пометить, что у нас начался, а затем закончился важный разговор, а может, роман? Коллективное или в тройцах, в диадах курение — простейшая форма синхронизации коллективного поведения, а с ним — настроений, переживаний, мыслей и прочих духовных процессов.

Более интересно курение в одиночку. Закурить — подключиться к коллективному времени, связать свое внутреннее с ним. Ты вроде с этим согласился тогда при встрече.

Мы сидели в скверике, помнится, и глядели на огромного ковбоя из Мальборо. Ты заговорил о рекламе и о засилье американской культуры. Я не сторонник этой точки зрения, но здесь есть о чем потолковать.

Нынче чуть ли не все новое, происходящее на международном рынке табака и сопряженном с ним рынке табачной рекламы, связано именно с Америкой, что интересно для тебя, и с социальной стороной курения, что занимает меня. В Америке острое борьбы против курения — антисоциальность такового. Дым нарушает права некурящих. Сообщества курильщиков объявлены вне закона. Желаете получать дозы никотина в кровь, желаете получать толчки синхронизации — изволь. Но не сможешь делать это публично, через дым и запах. Наклеивай себе пластырь, незаметный для других, он тебе через кожу пустит в кровь эти алкалоиды.

(Способ, между прочим, тот же, что практикуют наши малолетки-нюхачи и токсикоманы, когда запаха нитролака уже недостаточно для кайфа. Ватку с ацетоном прибинтуй к выбритому месту на подростковом затылке и смотри мультики.)

Наше социально бедненькое общество все еще ищет возможно большей интеграции. Ритуалы солидарности и импульсы синхронизации у нас все еще превалируют над тенденциями дифференциации. Потому курение у нас — на подъеме, все новые категории приобщаются к нему.

А Америка — бывший пионер, затем лидер курения и производства сигарет — в значительной своей части перестала нуждаться в таких относительно примитивных средствах регуляции социального поведения. Конечно, избавиться от этого она тоже стремится коллективно-государственно, оттого немного смешно и по-советски. — Но в общем пытается с переменным успехом вытеснить эту манеру брать круглые продолговатые предметы в рот.

Изгоняемое из Америки американское зелье и зло триумфально шествует по нашему миру, поддакну я тебе, мол, мы — их помойка. При этом, хочу усугубить, оное рекламируется именно через американский образ жизни. Не говорю о пресловутом засилье, но, действительно, рекламируемых заимствований из Америки в нашей повседневности немало. Однако заметь, дорогой Е, кроме сигарет, ни одно так не тычет в глаза свое американское происхождение. Взять напитки «Кока-кола» и «Пепси-кола», взять жевательную резинку — бывшие хрестоматийные атрибуты американского образа жизни: они нам подаются как вообще молодежные или «общечеловеческие». Сигареты же («Мальборо», «ЛМ», «Уинстон»), оказывается, все еще могут эксплуатировать образ Америки как страны свободы, ковбоев и небоскребов. Не фантомный ли это эффект? И не в том ли штука, что именно ритуал, имеющий дело с запахом и дымом, вещами нематериальными, легче всего связать с не материализовавшимися у нас духами индивидуализма, свободы?

Не надо думать, как ты полушутя сказал, что компании, продающие эти сигареты, выполняют тайный при-

каз ЦРУ по идеологическому разложению нашего общества и внедрению американских ценностей в массы курящих и взирающих на рекламу. Ихние торговцы дымом куда циничнее. Если работает идея «Ответного удара», символически реализующая безумные планы времен нашей с тобой начальной военной подготовки: вдарить ракетой по всем этим небоскрегам, они с дорогой душой возьмут ее для проталкивания принадлежащей ныне им «нашей» «Золотой Явы». Они придумали и вывели на царство в своем сегменте рынка сигареты «Петр I», благодаря чему двуглавый орел растиражирован так, как не мечталось ни одному его поклоннику.

Вообще, поддержанный верховной российской властью лозунг «Покупай отечественное» обратили себе на пользу прежде всего крупные иностранные производители, мигом наводнившие рынок изделиями или рекламой со словом «русское», с визуальным и лексическим рюсом. Патриотический «Беломор» — едва ли не самая литературная (по проникновению в литературные контексты прошлых лет) марка, и та выпускается уже «не нашей» компанией, приносит деньги не в наш карман.

Дым, спирт и запах оказались вообще тесно связаны с имперским духом, если судить по маркам водок и сигарет. Сказанному насчет Америки и ее символов свободы это утверждение не противоречит. Бродский, в эмиграции печатно называвший США империей, выражал, как и подобает советскому поэту, мнение миллионов своих соотечественников. Отношение к этой стране как к империи особо обострилось в России после утраты собственного имперского статуса. А утрата статуса, совпавшая с утратой госмонополии на водку и на импорт, ознаменовалась, вспомним, небывалым выплеском имперской символики в водочных названиях и этикетках. Позже это произошло с сигаретами. Идея центральности и тради-

ционности, то есть гегемонии в пространстве и времени, более невозможная в реальной политике, легче всего сцепилась с дурманом алкоголя и никотина, а затем перешла в беспокойные сны на телеэкранах.

Далее, однако, с водкой произошли презамечательные события, лично мне подарившие определенные надежды насчет судеб отечества. Тебе, я думаю, это тоже будет по душе.

Первое заключалось в деимпериализации, децентрализации имиджа водки. В советское время, как известно и непившим, главной водкой была либо «Московская», либо «Столичная», где бы ее ни выпускали и чем бы ни разило из бутылки. В первое постсоветское вослед орлам «Смирноффи», ты помнишь, полезли из любых заграниц и любой провинции прочие столично-самодержавные символы. Но в этой жестокой конкурентной ситуации сумел (благодаря относительной простоте технологии) пробиться на рынок тот самый отечественный производитель. Что очень важно — не московский, а тот, который в Москве называется «провинциальный». Поддержанный зачастую своим губернатором, этот множественный производитель стал выпускать едва ли не в каждой области свою первоклассную водку. Символика названий изменилась принципиально. Названия не сошли на уровень вин, которые воспроизводят микрогеографию, но закрепились на уровне «субъектов Федерации».

«Развал России на удельные княжества», о котором не ты один мне с беспокойством говорил, в части водочного производства состоялся. Это я видел сам. И я же видел, что он оказался одним из редких благих и реальных завоеваний рынка на пользу потребителю. Эти местные водки, не имитирующие (в отличие от «левых») столичный продукт, не травят (в отличие от «левых») потребителя и при умеренных ценах помаленьку наполняют местную казну местными, не выклянченными у центра деньгами. Много

ездивши по России, я их много и пробовал. И доложу тебе, дружище Е, запах имеют пристойный, вкус мягкий и даже перегар, извиняюсь, наутро — умеренный.

Идея метить водку державным гербом связана не только с давней отечественной традицией госмонополии, но и с не менее давней идеей, что водка — главный напиток подданных империи или, по-другому, что водка — это русская душа.

Мне с моими коллегами пришлось немало этим заниматься, и скажу тебе, что вопрос этот весьма серьезный, ибо касается самопонимания русских. По многократно подтвержденным результатам исследований, люди, считающие себя русскими, считают русских прежде всего «открытыми, простыми». В этом, собственно, заключается для них «русский дух». Готовность открыть душу другому ценится как атрибут этой души. А водка, соответственно, ценится как средство это сделать. Оттого и хвалима, родимая, не тобой одним как напиток простой, прямой, открытый.

При этом, далее, не тобой одним считается, что, мол, это мы такие, и вовсе не все народы так готовы открываться душой, и не все крепкие напитки столь же просты и прозрачны.

Согласно традиции, которую я излагаю не затем, что ты ее не ведаешь, а затем, чтобы далее показать ее изменения, пить водку надо не одному, а непременно сообща. Совместное распитие есть повод для особых отношений вроде дружбы, родства, впрочем, включающих взаимное причинение телесных повреждений. То есть водка выступает интегратором на уровне первичных коллективов.

Настоятельное требование совместно выпить, а затем «раскрыть душу», или, в другой терминологии, «попиздить», в этом контексте оказывается мерой достаточно жесткого социального контроля внутри такового

коллектива. Право на безудержность и правонарушения, которое признается при этом за пьяным, жесткости этого контроля отнюдь не отменяет, ибо контроль касается помыслов, а не действий. Душа должна оставаться чистой, душа.

Незабвенная поэма Ерофеева — ты ведь ее, как сказал, от себя не отпускаешь — трактует эту же тему, но не на грубо-социологическом, а на изысканно-философском уровне. И, что очень важно, при этом не ставит под сомнение сами основания этой системы взаимоотношений.

И вот, докладываю тебе, друг Е, в последнее десятилетие произошло событие всемирно-исторического значения. Оно сыграло решающую роль в судьбе поэмы. Она, как говорится, «утратила актуальность». Она лишилась роли потешной энциклопедии русской жизни, которую играла для многих, роли ключа к душе народа, которую ей предлагали многие. Событие это отправило ее на совсем другую полку, полку книг, не имеющих никакого познавательного, увеселительного, утешительного и иного прикладного назначения.

В поколении, что много младше нас с тобой, в поколении, повзрослевшем хоть и рано, но уже после кончины автора поэмы, а именно — во второй половине девяностых, — эта система, это уравнение «водка = душа» оказалось поставлено под сомнение.

Пришедший на социальную сцену России новый средний класс, в рождении и становлении которого главную роль сыграло упомянутое появление в России многочисленных иностранных и немногочисленных местных производителей, обнаружил совершенно новый подход к водке и к своей национальной идентичности.

Этот класс молодых людей — менеджеров и служащих, специалистов и предпринимателей, всех так или иначе связанных с новым сектором экономики, — был со школы и колледжа интегрирован в новую интернацио-

нальную бытовую и офисную культуру. Не из них ли твой сынок, дружище Е, сынок, которого я так и не видел, но о котором ты с тревогой и гордостью рассказывал?

Исследования, которые мне довелось проводить в этой среде, показали, что этика внутри этого класса диаметрально противоположна описанной выше традиционной. Под контролем — жестким и коллективным — должно быть поведение. Внутренняя жизнь, чувства и «душа», напротив, приватизированы. Они если и открываются другому, то только по выбору (любовь, дружба), а не по ритуалу или требованию.

Для этого поколения быть русскими значит быть не чудом и исключением, а быть такими же, как все, что в том числе означает — иметь собственный язык, собственное лицо и собственное достоинство.

Водка в этом пост-ерофеевском поколении занимает совершенно иное место. В ней впервые находят вкус, а не градус, ей придают свой собственный вкус, смешивая с другими компонентами, лишают ее «простоты». Но и употребляют ее как один из множества напитков. В их мире никто не главный, и водка не главный напиток. И уж тем более — не государственный.

Именно этот класс предъявил спрос на разнообразные напитки как на тонко настраиваемые медиаторы общения, на сложные средства/установления отношений. Табак, с его дымком и ароматом, также участвует в этой игре. Он уже не средство темного самоистязания, как самосад, махра, «Памир» или твоя «Прима». От грубости дыма, от вредных смол защищает угольный фильтр. Дело сигареты — создавать атмосферу, амбианс. Запах табака приобрел особое значение. Лучше вообще не курить, но уж если... то первое требование — «запах хороших сигарет». Ты сам рассказал это про сына, про его офис, куда не решаешься ходить. Про запахи его офиса.

Действительно, именно этот новый средний класс предъявил основной спрос на парфюмы, новые духи и запахи. Они стали для него одним из важных знаков разметки времени и пространства, ролей и статусов.

Но это другая история. Авось еще как-нибудь увидимся и потолкуем.

Будь здоров,

твой А.

[По договоренности с автором письмо четвертое, обращенное к З, в данной публикации опущено. — *Ред.*]

ПИСЬМО ПЯТОЕ

(пер. с англ., публикуется с сокращениями)

Дорогой мистер F, рискую обратиться к Вам и надеюсь, что сумею сейчас объяснить, почему я решился на это. Я вам, безусловно, не знаком <...>. О Вас же много знал от мистера G, лучшего, на мой взгляд, из повествователей.

Я не имел чести знакомиться с Вашими сочинениями по эстетике Возрождения и потому не могу говорить о сходстве наших воззрений, да у меня их на сей счет и нет, но с его слов я тогда узнал о Вашей сензитивности к запахам (цветов, детей, даже телефонных собеседников) и поразился близости к моим чувствованиям. Мистер G рассказывал и про близкие мне ольфакторные страдания мистера I, но все же с последним — бывшим десантником и путешественником по Африке — я не мог найти столько прочих соответствий, как с Вами. Ваш опыт американского горожанина — чикагского уроженца совершенно неожиданно для меня, коренного москвича, оказался близким прежде всего на чувственном, затем на эстети-

ческом уровне. Дальше последовали сериями биографические параллели и сходства — конечно, в той мере, в какой это была Ваша биография, а не мои домыслы. Мне выпал случай говорить об этом с мистером G, он тоже нашел этот факт примечательным.

Понимая, что Вашего согласия о его наличии не имею, я все же позволю себе считать такое сходство — хотя бы в отношении к запахам — фактом. И в своем письме, собственно, и хочу его объяснить. К объяснению я собрался идти достаточно круглым путем, привлекая в качестве опорной фигуру Георга Зиммеля с его близкой к Вашей ольфакторной чувствительностью и склонностью отдавать себе в ней отчет.

По сути дела, мое предприятие состоит в том, чтобы затесаться в собранную моим же желанием компанию из Вас и Зиммеля. И поскольку не вижу шанса сделать это по основаниям, которые в социологии называют достижениями, делаю это по признакам, зовущимся аскриптивными. К таковым в данном случае относится такой, как еврейство, и такой, как обонятельная чувствительность. (Сомнительность в «природном» характере обоих очевидна, но таковы все аскриптивные признаки при ближайшем рассмотрении, не так ли?)

Является ли чувствительность к запахам эпифеноменом еврейства или нет, это — один из вопросов для обсуждения в данном обращении к Вам. Сначала два слова о самом феномене.

Под названием евреев в нашей нынешней повседневной речи обычно понимают таких людей, как мы с Вами, уважаемый мистер F. Это люди, воспитанные целиком или в основном на содержаниях культуры иных этносов. Они и внутренне и внешне принадлежат этим культурам, идентифицируются с ними, их еврейство — это обозначение особого типа идентификации, которая заключается

в одновременной причастности к базовым, осевым и высшим ценностям данной культуры и сосуществующей с ней тонкой маргинальности. Еврейство выступает как зазор в идентичности, порождаемый культурной памятью о своем ином происхождении.

Случай с Зиммелем позволяет предполагать, что обостренная ольфакторная чувствительность свойственна как раз таким ассимилятам и является, собственно говоря, одним из средств этой ассимиляции. Сам Зиммель в своем очерке мимоходом поминает, что в германских высших слоях считают невозможным смешиваться с евреями, поскольку, как считается, от таковых плохо пахнет. Можно говорить о приятии этой стигматизации и внутренней борьбе с ней, попытке отмыться от своего родового запаха и о пребывании вечно настороже, что изоцряет нюх и повышает внимательность не только к своему, но и к чужим запахам. Это значит, что мы известную и в психологии, и в литературоведении фигуру усвоения чужого взгляда на себя относим и к ольфакторной сфере.

Но может быть объяснение и попроще. Маргиналам свойственно обходить и превосходить коренных носителей осваиваемой ими культуры в ценящихся данной культурой способностях. Так американское общество, высоко ценящее науку, обнаруживает (поправьте меня, если я ошибаюсь) одну за одной инвазии в американскую науку новопереселенцев-маргиналов — итальянцев, корейцев, русских и т.д. (Евреи — одна из прошлых волн в этом процессе.)

Обойти высокостатусных немцев в чувствительности к тому, к чему те чувствительны, — такова возможная программа маргинала в Германии конца XIX века. А чувствительность к прекрасному или к противному — разница в этом социальном смысле не так важна.

Зиммель истолковал собственную ольфакторную сверхчувствительность как особенность своего культурно-

социального слоя. В те годы, когда он писал свой очерк, в России такой слой назывался бы, конечно, интеллигенцией. А запахи, которыми был оскорблен его нос, у нас бы тогда назывались вонью и считались атрибутом жизни простонародья. Зиммель также дает запаху социальное истолкование (иначе и не может быть в курсе «социологии чувств»). Он пишет о толпе, о рабочем классе и т.д. как о средах, где люди терпят (не замечают, либо не осуждают, либо не переживают) те запахи, которые для сословия Зиммеля нестерпимы.

Несколько человек, с которыми я обсуждал в России этот очерк, независимо друг от друга высказали мнение, мол, Зиммель — еврей, оттого и к запахам так чувствителен. Расспрашивая их, а затем и других людей, я обнаружил существование такого мнения, что еврейский нос (нюх) особо чуток к запахам. О том, что это мнение разделяют поголовно все, нет и речи, большинство вообще отказывается обсуждать эту тему. Но наличие мнения несомненно, и это меня заинтересовало.

В разговорах на эту тему замелькали имена Бабеля и Багрицкого, Пастернака и Мандельштама. (Часть имен Вам, может быть, известна.) У всех читатели находили как слегка прикрытое еврейское происхождение, так и не сразу заметное использование обонятельных кодов.

Очередная беседа с читателями привела «еврейско-обонятельную» тему к неожиданному повороту. Незвестный Вам Н, которого не я один недолюбиваю за то, что называют местечковостью, но и не я один ценю как одного из последних носителей этого синдрома, является специалистом по выискиванию антисемитских высказываний или мотивов у разных великих писателей. Им собрана, скажем прямо, роскошная библиотека, венки имен. Так вот, из разговоров с ним вышло, что краса его коллекции — Достоевский, Чехов, Гоголь могут быть

объединены, помимо неласкового отношения к сынам Израиля, еще и по чувствительности к запахам, и именно к дурным. Речь идет, разумеется, не об их обонянии, а об использовании ольфакторных образов (соответственно, и не об их личных взаимоотношениях с евреями, а о еврейских образах и темах) в их книгах.

Для меня особо значимым было это внимание к дурным запахам. Именно об этом писал Зиммель: чувствительность современного человека, говорил он, причиняет ему более страданий, чем приносит удовольствий. Его мнения на этот счет я, как объявлял, не разделяю. Тем интереснее увидеть его рядом с великими российскими его одиночувственниками. Так неожиданно для меня установилась связь между еврейством и запахом как факторами литературного процесса в России.

В довоенной советской литературе зафиксирована еврейская обида на Гоголя (у Кассиля) — признание его величия и недоумение и даже стремление пожалеть его за эту слабость, которая ему так не идет. Это — модель отношения и к другим выпучпомянутым классикам, на которых воспитывалось российское еврейство. Это, собственно, модель отношения к святыне российской еврейской интеллигенции — к самому народу России. Мы тебя чтим и любим, а ты... Приходится тебя прощать. Собственно, приходится делать то же самое, что и с неприятными запахами от других (уважаемых) людей. «Умей не замечать!»

(Такого, похоже, нет у американской еврейской интеллигенции.)

Интереснее всего, конечно, строить домыслы насчет обонятельной чувствительности Гоголя. Его безусловная чуткость к ольфакторной социальной границе, его напряженно-изысканная и подавленная сексуальность нашли реализацию в несравненном гротеске. «Нос». Нос он превратил в героя. Нос, а не что-нибудь.

Кто же не знает о сладострастных истолкованиях, мол, это вовсе не нос, а... Приглашаю вкусить радость от возвращения образа к тому, что Гоголь — как-никак великий писатель, хоть и не юдофил — написал. Он написал — нос. Если бы хотел другое, написал бы другое. В своем месте так и сделал (почти). Написал «заплатанной...».

Нет, право, приятно уходить, хотя бы на время, от психоаналитических толкований. Уходишь — отдыхаешь, к тому же чувствуешь себя в очередной прекрасной компании. Великие российские писатели, оказавшиеся у Вас там — то есть в эмиграции, Набоков и Бродский, истратили столько сил на поношение психоанализа... Видно, он их испугал.

Они испугались не за себя лично — не думайте, что я хочу их поймать на постыдной мелочи.

Они нюхом почуяли, что великой русской литературе несдобровать. Эта литература имела дело с народом, человеком, его душой, любовью и стала великой именно в круге этих понятий. Иначе — в этой парадигме. А тут повеяло другой. Они почувствовали, что великой русской литературой был исследован не человек вообще, не его душа, единственная как Дух, а лишь одна определенная концепция человека с определенной частной концепцией его психологии и что существует еще одна, а там еще и еще.

Они заклинали Фрейда как могли. Интересны прощакивающие мысли о том, что нам водка заменяет психоанализ. Фрейд бы, подумав, согласился.

Итак, Гоголь сказал, что нос — это отдельное существо, ведущее свою собственную социальную жизнь. Человек, бывает, им не управляет. Обонятельный орган помещен Гоголем в среду истинно социальную, ту, о которой потом напишет Зиммель.

Парадокс в том, что социолог Зиммель будет, показывая ольфакторно-чувствительного субъекта (т.е. нос),

оперировать запахами как метафорами общественных групп (статусов), а художественный писатель Гоголь убирает метафоры и показывает, как этот субъект обоняния движется непосредственно среди носителей статусов. Вот кто, оказывается, с носом («когда без носа будешь ты», как сказал Пушкин, у коего найдем и про запахи, и про жидов).

Отъезды русских писателей за границу, в среду чужую для социального чувства, но и чужую для чувства обоняния, — важный фактор развития русской литературы. Русская литература, именно та, которая обозначается как великая, обсуждала все вопросы душевной жизни человека, его отношений с другими людьми, с Богом и с дьяволом не в пустоте, а в социологически совершенно определенном месте. Она обсуждала их в виду резкой социальной границы. Что за граница, все у нас знают с пятого класса школы. В XIX веке ее наличие схватывалось получившим хождение словом «народ». В отличие от нынешнего слова «население», охватывающего всех, включая говорящего, слово «народ» в письменных текстах обозначало тех, кто находится по другую сторону социальной границы, задаваемой образованием, способностью породить письменные тексты и оперировать ими.

Оказаться в том месте, где этой границы нет (а есть другие), где «народа» и его запахов нет, этот сильный эффект отмены действовал и действует. Чувство присутствия сословной границы обостряется вдали от нее. Похоже, что этот лиминальный статус и сделал русскую литературу столь долго живущей и универсально важной. Быть вблизи, в атмосфере социального пограничья, для перекраивавшей эти границы Европы и Америки XX века стало нормальным состоянием человеческой души. Точнее — обычным, а не нормальным. Патологические состояния, вызываемые этим состоянием, стал описывать и пытался лечить Фрейд. Болящие души, во всяком случае,

приняли его объяснение их страданий, неврозов. В частности — навязчивых, в частности — обонятельных. По крайней мере поняли, что не в том, чтобы чаще мыться, вся штука.

Совершенно другое объяснение душевным мукам и радостям давала литература русских. Она отсылала не к подсознательному, а к совести, сквозящее в ней повсюду разделение на чистое и нечистое с присущим второму запахом то ли пота, то ли серы оказывалось важным для людей, уже вдыхавших дым заводов и паровозов, запах светильного газа и автомобильного выхлопа. Наша литература именно в этой атмосфере сделалась всемирно значимой и великой.

Потому «современный человек» Зиммеля смог понять, о чем говорит у Чехова воздух в комнате, где ждали, когда умрет ребенок, и даже о чем у Достоевского говорят ожидания, запахнет ли тело умершего старца? А это понять поверх барьеров нелегко. Не то что сообразить про «особенный запах» от Петрушки. Ведь Зиммель писал прямо о нем.

Запах разложения как знак смерти, присутствующей здесь, среди живых, вспоминали респонденты, использован Достоевским. Провонял или не провонял Зосима — коллизия, отважно введенная писателем, как видно, для того, чтобы в выстроенной лиминальной ситуации поставить существенный для него вопрос — какие критерии святости утверждать в практическом православии. Выбор между критериями нормативными, и в этом смысле безусловными, — или нравственными, и в этом смысле относительными. Безусловные опираются на внешнее и тем самым эмпирическое свидетельство чуда. Запах, трупный смрад будет безусловным свидетельством.

Оно не устраивает Достоевского по той, видимо, причине, что снимает вопрос об ответственности верующего за саму свою веру. По сути дела, такие чудеса при-

равнивают верование к научному знанию и делают его неинтересным для Достоевского, желавшего утвердить верование, опирающееся только на самое себя. Недаром он разошелся с Менделеевым в вопросе о том, стоит ли экспериментальным (научным) путем проверять возможность «чтения мыслей». Менделеев стоял за проведение строго контролируемых экспериментов (и не сумел, кстати говоря, добиться внятных и всеми признанных результатов). Достоевский занял совсем иную позицию — эти чудеса не христианны и потому невозможны.

Его не устраивает ни научный эксперимент, ни народный, оба опирающиеся на ясность и явность наружной чувственности, а не на зыбкость внутренней убежденности. Иначе говоря, ему не требуется внешнего доказательства, поскольку нужна внутренняя убежденность. *Credo, quia absurdum est* — вот что, собственно, он желал утвердить в годы, когда позитивизм, как мы теперь знаем, получил смертельные удары именно в экспериментальной физике.

Важно ли было при этом держать в уме современное ему еврейство? Думаю, что ни ему, ни иным упомянутым великим не важно. Маргиналии на то и маргиналии, что они сбоку от главного текста. То же, разумеется, и с запахами. Эко дело, что как пахнет.

Разобравшись с этим в меру своих сил, я теперь тоже так думаю. О чем и хотел известить именно Вас, дорогой мистер F.

Недавно мне случилось быть в Чикаго. Хотелось встретиться с Вами лично, но не удалось. Я, впрочем, не теряю надежды.

Остаюсь Ваш

А.

Бенуа Шаал, Катрин Руби,
Люк Марлье, Робер Суссиньян,
Файез Контар, Ришар Э. Трембле

ИЗМЕНЧИВОСТЬ И УНИВЕРСАЛИИ В ВОСПРИНИМАЕМОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАХОВ

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ОБОНЯТЕЛЬНОГО
ГЕДОНИЗМА *

Механизмы обоняния и роль этого способа чувственного восприятия в регулировании социального поведения животных изучены сравнительно хорошо. Однако мы еще далеки от того, чтобы оценить по достоинству место, которое занимает обоняние в повседневной жизни человека, в формах его личностной адаптации и социального взаимодействия. Наиболее глубокие исследования обоняния человека проводятся в высокоразвитых урбанистических странах Западной Европы, Северной Америки и в Японии¹. Следовательно, их результаты, скорее всего, будут давать лишь частичную и плохо поддающуюся обобщению картину «ольфакторного внимания» человечества, учитывая, что культуры этих стран (особенно англоязычных, по-прежнему несущих на себе сильную печать пуританизма) являются лишь небольшой частью мирового фонда обычаев и представлений, относящихся к запахам. В основном их вклад ограничивается запретом на ольфакторные выделения человеческого тела, что получило выражение в по-

* *Schaal B., Rouby C., Marlier L., Soussignan R., Kontar F., Tremblay R.E.* Variabilité et universaux au sein de l'espace perçu des odeurs. Approches interculturelles de l'hédonisme olfactif // *Géographie des odeurs / Sous la dir. de R. Dulau et J.-R. Pitte.* P., Montréal: L'Harmattan, 1998. P. 25–47. © Editions l'Harmattan

¹ См., например: *Schaal B.* Olfaction et processus sociaux chez l'homme: Bref bilan // *Revue Internationale de Psychopathologie.* 1996. № 22. P. 387–421.

всеместном насаждении гигиенических и косметических практик, а также дозволенном и восторженном восхвалении искусственных ароматов и в кулинарии, и в частном, и в общественном пространстве. Поэтому представляется особенно полезным сравнить обонятельные компетенции, воплощенные в знаниях, традициях и представлениях более разнообразных культурных универсумов, чтобы попытаться более полно обрисовать разнообразные функции обоняния в жизни человека.

В данной статье представлено несколько исследований, предметом которых стали реакции на запахи в аспекте «межкультурной психобиологии». Запахи рассматриваются здесь главным образом с точки зрения гедонизма, то есть деления ольфакторного пространства по принципу приятное / неприятное. Действительно, как повседневный опыт, так и исследования, проведенные в лаборатории и на местности, свидетельствуют о том, что гедонистическое деление выражено в структуре ольфакторного пространства наиболее отчетливо. «Мне нравится» или «мне не нравится» — первичные реакции на любой воспринимаемый обонянием объект². Таким образом, ниже мы попытаемся определить степень однородности «преференциального поля запахов»³ в контрастных культурных средах.

Одна из целей межкультурной психобиологии — поиск перцептивных, когнитивных, лексических, поведенческих и т.п. универсалий. В интересующей нас области сенсорики целью будет обнаружение в разнородных культурных средах инвариантных реакций на сенсорные стимулы на уровне их словесного описания или категоризации. Подобный «универсалистский» подход оказался

² *Le Magnen J.* Odeurs et Parfums. P.: PUF, 1949; *Engen T.* The Perception of Odors. N.Y.: Academic Press, 1982; *Holley A.* Sensibilités chimiques // *Richelle M., Requin J. Robert M.* (éds.). *Traité de psychologie expérimentale.* P.: PUF, 1994.

³ *Roubin L.A.* Le Monde des odeurs. P.: Klincksieck, 1989.

плодотворным в сфере восприятия цвета⁴, зрительных образов⁵ и мимики⁶. Но межкультурная конвергенция этих процессов отнюдь не исключает известного культурного релятивизма. Поэтому наряду с поиском инвариантов необходим вспомогательный подход, учитывающий культурные различия, которые позволяют объяснить изменчивость индивидуальных форм восприятия, поведения и оценки⁷.

Мы исходим из гипотезы, что для всех культур характерна аффективная поляризация запахов. Исходя из многочисленных работ в этой области, существующих на сегодняшний день, мы, в частности, попытаемся выяснить, насколько совпадают гедонистические границы, которые делят ольфакторное пространство в различных культурах, а также внутри одной культуры, в разных половозрастных группах. До сих пор при психобиологическом подходе использовались два метода, позволяющие сопоставить структуры ольфакторной модальности в разных культурах. Первый подход основан на опросе информантов, которых просят изложить в вербальной форме свои ольфакторные воспоминания, описать ситуации, в которых проявилась роль запахов, назвать объекты, чей запах выпадает из их повседневного окружения, и рассказать все, что они о них знают. Второй метод состоит в

⁴ Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: their Universality and Evolution. Berkeley: Univ. of California Press, 1969; Tornay S. (éd.). Voir et nommer les couleurs. Laboratoire d'Ethnologie et de Sociologie Comparative, Univ. de Paris X-Nanterre, 1978.

⁵ Segall M.H., Campbell D.T., Herskowitz M.J. The Influence of Culture on Visual Perception. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966.

⁶ Ekman P. Universals and Cultural Differences in Facial Expressions of Emotion // Nebraska Symposium on Motivation. Vol. 19. Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 1971.

⁷ Segall M.H., Dasen P.R., Berry J.W., Poortinga Y.H. Human Behavior in Global Perspective. An introduction to Cross-cultural psychology. N.Y.: Pergamon Press, 1990.

выделении гаммы запахов в какой-то одной культуре (как правило, в культуре самого исследователя, что влияет на выбор репрезентативных запахов и на способ их презентации) и последующем перенесении этой серии запахов в иные культурные группы. Сопоставимость результатов зависит от выбора ольфакторных тождеств и вопросов относительно этих тождеств. В отличие от цветов, связанных с легко описываемым физическим континуумом, отбор репрезентативных запахов повседневной ольфакторной гаммы во многих культурах затруднен из-за значительного многообразия и неустойчивости одорантов. Тем не менее неоднократно предпринимались попытки сравнить обонятельные предпочтения взрослых и детей, принадлежащих к различным культурам. Методологические границы каждого из подходов будут обозначены в ходе дальнейшего изложения.

ПРОСТРАНСТВО ЗАПАХОВ И ОЛЬФАКТОРНАЯ ЛЕКСИКА

Одна из первых попыток сравнить категориальные нормы организации запахов была предпринята в 1988 г. Шлейдтом, Ньюменом и Мориситой⁸ в Западной Германии и в Японии, двух глубоко различных, но высокоразвитых странах. При этом не использовались ни обонятельные, ни вербальные стимулы, кроме просьбы назвать все знакомые запахи, приятные и неприятные, и описать объекты/контексты, с которыми они ассоциируются. 166 немецких и 88 японских респондентов употребили в

⁸ *Schleidt M., Neumann P., Morishita H. Pleasure and Disgust: Memories and Associations of Pleasant and Unpleasant Odours in Germany and Japan // Chemical Senses. 1988. № 13. P. 279–293.*

общей сложности 2040 слов, имеющих отношение к запахам, и привели 3520 контекстных запаховых ассоциаций.

В целом результаты японской выборки дают меньшую пропорцию ольфакторных терминов и ассоциаций, нежели результаты опроса немцев (26% слов, обозначающих запахи, против 74% и 17% ольфакторных ассоциаций против 83% соответственно). В целях сравнения двух культур все слова, обозначающие запахи, были разбиты на 5 больших функциональных групп («цивилизация»: искусственные запахи повседневной среды; «пища и напитки»; «природа»: запахи естественной среды; «человеческие запахи»; «иные запахи», в частности связанные с разложением). Авторы отмечают прежде всего совпадения двух изучаемых культур и указывают на ряд значимых различий между ними. Ответы и японцев, и немцев сходным образом (в пропорции) распределяются внутри больших классов, причем содержат примерно равное количество приятных и неприятных запахов. Как и следовало ожидать, источники запахов, входящие в каждый из классов, могут значительно различаться. Так, например, в категории «цивилизация» приятно пахнущими предметами для немцев являются свечи, чистые простыни, свежестырированная одежда, а для японцев — те, что имеют отношение к ванной. В категории «пища» японцы отдают предпочтение рису, немцы — мясу и субпродуктам. Наконец, в категории «природа» немцы чаще всего упоминают лес и траву, а японцы — цветы. В обеих группах отмечается важное значение человеческих запахов, преимущественно с негативной оценкой. Внутри каждой категории обе группы респондентов согласны относительно источников неприятных запахов («цивилизация»: дымы, выхлопные газы; «пища и напитки»: пригоревшее, испорченное, тухлые яйца и рыба; «природа»: экскременты животных; «человеческие запахи»: телесные выделения и экскременты).

Следует отметить, что исследование Шлейдта и др. строится на классификации скорее источников запаха, чем самих запахов. Группируя слова, авторы фактически имеют в виду объекты, связанные в семантическом плане; сомнительно, чтобы речь действительно шла о запахе этих объектов. Напротив, зачастую в эти категории входят объекты, по-разному пахнущие в разных культурах. Если цель этой классификации состоит в том, чтобы установить функцию обоняния, то вопрос о существовании не семантических, а ольфакторных универсалий остается открытым. Мы тем не менее исходим из гипотезы, что в области запахов, как и в области цвета, существуют если не универсалии, то по крайней мере точки перцептивного пересечения⁹, на которых строится категоризация объектов окружающего мира. Поиск подобных «фокусов» предполагает создание классификации запахов, а не слов, означающих запахи.

Исследование Дюпира¹⁰ представляется более «ощутимым». Дюпир изучил с этнографической точки зрения лексику запахов у сенегальской народности сереер н'дуг, у которой ольфакторное и вкусовое восприятие служит эксплицитным организующим началом окружающего мира; иначе говоря, в этом обществе оппозиции предметов недвусмысленно основаны на оппозиции запахов. Собранные им обширные данные (опрошен целый ряд жителей одной деревни, среди них 4 основных респондента) мы представим выборочно, сделав акцент на гедонистических разграничениях туземцев. Ольфакторные категории, действующие в этой группе, схематически представлены в таблице 1. Судя по всему, н'дуг четко выделяют, с одной стороны, класс хороших запахов, а с другой — три

⁹ Ср. понятие «фокус» у Берлина и Кея: *Berlin B., Kay P.* Op. cit.

¹⁰ *Dupire M.* Du goût et des odeurs: Classification et universaux // *L'Homme.* 1987. № 27. P. 5–25.

<i>hen</i>	<i>hes</i>	<i>hot</i>	<i>sun</i>	<i>pirik pen</i>
«душистый»	«молоко-рыба»	«тухлый»	«пахнущий мочой»	«кислый»
цветы	молоко	некоторые грибы	обезьяны	некоторые корни
фрукты	рыба	свинья	лошадь	
сырой лук	коза	утка	собака	томаты
арахисовый соус	корова	верблюд	мочегонные растения	осел
лимон	антилопа	собака	дети	
сереер н'дут	шакал	труп	взрослые н'дут	
бамбара	кормящая мать	кишечные газы	европейцы	
	соседние племена			
Приятный	Приятный или неприятный	Неприятный		

Туземные термины выделены курсивом; к ним дан перевод, ряд репрезентативных источников запаха и местная гедонистическая характеристика (по Дюпиру)

Таблица 1. Ольфакторные категории сенегальского племени сереер н'дут

категории плохих запахов и одну категорию запахов двойственных, приятных или неприятных в зависимости от контекста. Все пять классов имеют свои особые названия, и мы вправе задаться вопросом, не выполняют ли эти названия функцию точек перцептивного пересечения, обозначающих четкие ольфакторные ощущения, не соотносящиеся с объектом-источником запаха (ср. понятие «базового термина» у Берлина и Кея). В таблице 1 дано несколько

ко источников запаха, репрезентативных для данных терминов. Интересно, что пять различных терминов относятся к различным нюансам человеческих запахов. Так, *hen* характеризует соседние этносы, бамбара и н'дут, которые моются и пользуются духами; *sun* обозначает ребенка (мочу), взрослого н'дут или этносы (европейцев и ливанцев), которые, как считается, редко моются; *hot* определяет телесную вонь, вызванную испусканием кишечных газов или запахом изо рта, а *hes* — кормящую мать или другие соседние этносы (диола и маниак).

Вербальная классификация запахов у н'дут усложнена в силу пересечения трех планов — перцептивного, метафорического и ритуального. Например, в лексике зафиксированы две формы человеческих запахов: первая (*kiili amef*) — это личный запах человека, самым очевидным источником которого является потная подмышка; вторая (*soona*) — форма абстрактная: это проявление души, материализующейся в пульсации родничка новорожденного; с ней связаны погребальные ритуалы. Впрочем, этот метафорический элемент присутствует и в ольфакторной лексике европейских языков (ср., например, выражение «вонючий тип»).

Если попытаться сравнить результаты, полученные при изучении сенегальских н'дут, с предыдущим исследованием, касающимся немцев и японцев, то можно отметить, что внимание респондентов привлекали схожие категории запахов, и на них же основана структура ольфакторного пространства или, во всяком случае, ольфакторной лексики. Во всех трех языках закрепившиеся в перцепции категориальные нормы функционируют, по видимому, сходным образом: в частности, запахи растительности в большинстве случаев оцениваются как приятные, тогда как человеческие запахи, запахи экскрементов и гнили считаются очень неприятными.

В засуху в густонаселенных деревнях преобладают неприятные запахи — экскрементов, кишечных газов, трупов, человеческого тела и домашних животных, содержащихся вблизи жилья, — поэтому все усилия сосредоточены на том, чтобы их избежать, удалить, скрыть¹¹.

Другие исследования ольфакторной лексики, проводившиеся независимо друг от друга в Австрии¹², Великобритании¹³ и в США¹⁴, свидетельствуют о той же тенденции: сходстве в гедонистической оценке неприятных запахов (фекалий, пота, мускуса, аммония; едкого запаха, запаха гниения). В целом результаты последних работ указывают на то, что запахи человеческого тела, как правило, отвергаются, но запахи близких людей или соплеменников оцениваются не столь негативно, а иногда даже позитивно, как в случае с детскими запахами. Ниже мы еще будем говорить о месте неприятных запахов в ольфакторном пространстве.

ГЕДОНИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЗАПАХОВ У ВЗРОСЛЫХ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ К РАЗЛИЧНЫМ КУЛЬТУРАМ

Второй подход заключается в создании ольфакторной палитры, то есть серии запахов, отобранных в силу репрезентативности их химико-сенсорных свойств для

¹¹ Dupire M. Op. cit. P. 7.

¹² Srendrödi V. Die Verwendung des «semantischen Differentials» bei Produkt-Testungen // Zeitschrift für Kommunikation, Werbung und Public Relation. 1982. № 83. S. 78–86.

¹³ Harpar R., Bate-Smith E.C., Land D.G. Odour Description and Odour Classification. L.: Churchill, 1968.

¹⁴ Dravnieks A., Masurat T., Lamm R. Hedonics of Odors and Odor Descriptors // Journal of the Air Pollution Control Association. 1984. № 34. P. 752–755.

данной культуры. Критериями отбора служат функциональные (пищевые, социальные запахи, запахи окружающей среды), гедонистические, психологические (знакомый, новый) и химические понятия (запахи чистые или сложные). Затем эти запахи предъявляются респондентам, принадлежащим к различным культурным средам. Ниже приведены результаты трех экспериментов, где были использованы выборки взрослого населения.

В рамках первого исследования¹⁵ 16 отобранными группам по 30 человек, принадлежащим к 16 разным этносам и национальностям, были предложены 22 запаха (из них 18 – пищевые запахи). Каждый участник оценивал эти запахи и наносил их на шкалу – от 1 (очень неприятный) до 9 (очень приятный). На схеме 1 отражены средние гедонистические параметры, установленные для каждого запаха в изучаемых выборках. Уже на глаз видно, что рисунок гедонистических реакций на предложенную серию запахов на удивление сходен. Многие запахи во всех исследуемых культурах получили однозначно позитивную оценку. К таким аппетитным ароматам относятся запахи растительных субстанций – банана, мяты, лимона, ванили, вишни, клубники, аниса и винограда (в убывающем порядке предпочтений). И наоборот, представители всех стран единодушно относят многие запахи (такие, как запах газа, скунса, дыма) к негативной части шкалы. Однако результаты свидетельствуют и о ряде существенных различий. Так, например, запах метилсалицилата в странах Северной Америки оценивается весьма высоко, но в других странах к нему относятся скорее нейтрально, а «нос» англичанина и швейцарца ставит ему такую же оценку, как запаху скунса. С другой стороны, запах газа (меркаптана), который почти во всех странах

¹⁵ Pangborn R.M., Guinard J.X., Davis R.G. Regional Aroma Preferences // Food Quality and Preference. 1988. № 1. P. 11–19.

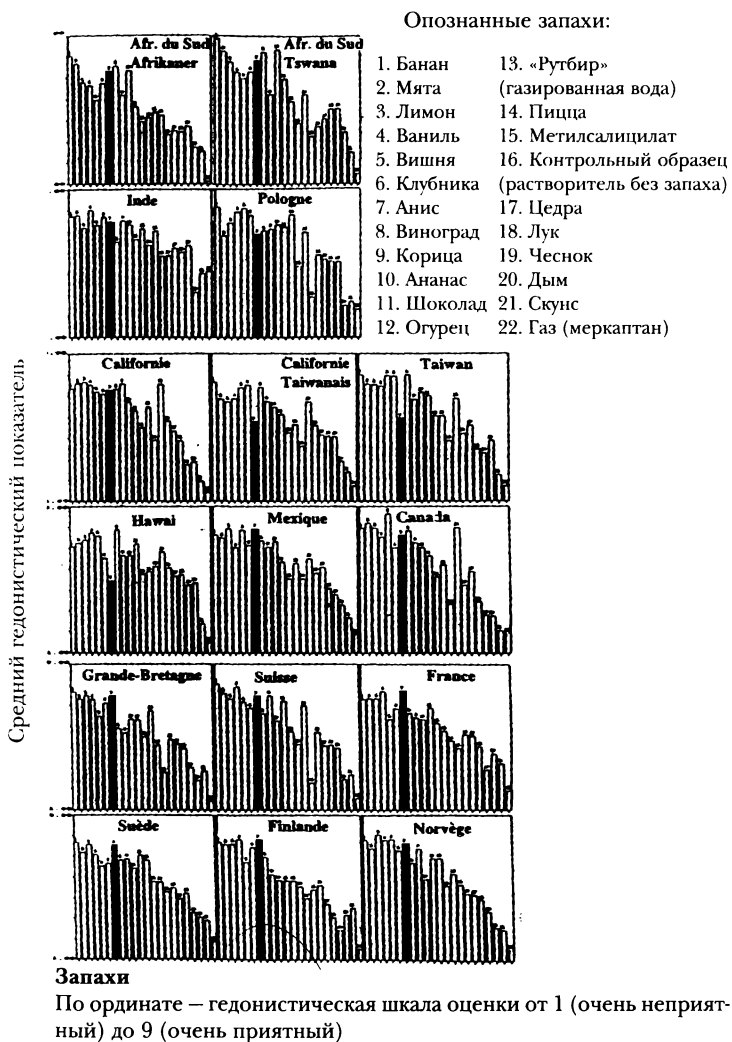

Схема 1. Средняя гедонистическая оценка 22 запахов, данная в выборках по 30 человек из 16 различных стран и регионов (по Пенгборну, Гайнарду и Дэвису)

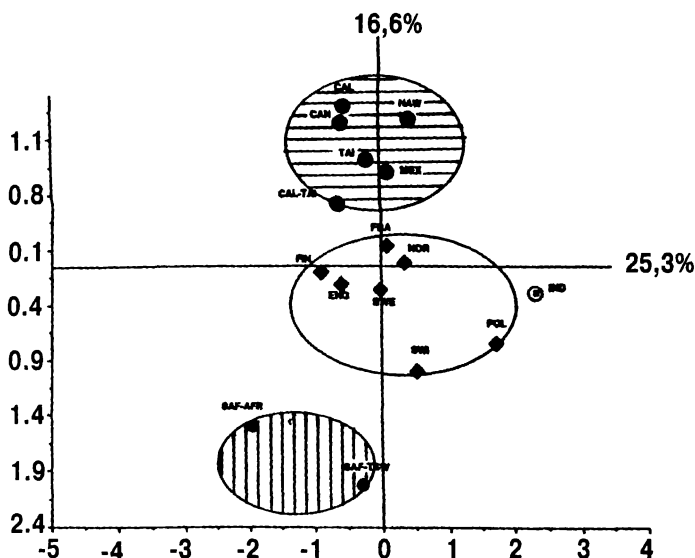
считается самым неприятным, вызвал гораздо менее негативную реакцию у респондентов-индийцев.

Анализ близких гедонистических оценок по регионам позволяет, однако, предположить наличие региональной специфики в сфере ольфакторных предпочтений (см. схему 2). Так, например, семь обследованных европейских стран образуют однородное целое. То же самое можно сказать и о группах стран Северной, Центральной Америки и Азии. Еще поразительнее, что между реакциями различных этнических групп, проживающих в одной стране, по-видимому, нет принципиальных различий (как между выходцами из Тайваня, живущими в Калифорнии, и коренными калифорнийцами или между африканерами и тсвана в Южной Африке); этот факт подразумевает наличие региональных гедонистических конвергенций, вызванных общностью экологической и пищевой «химиосферы».

Еще одно исследование, осуществленное при финансовой поддержке Национального географического общества США (NGS), отличается широтой охвата: 1,42 млн человек со всех континентов выразили свое отношение к 6 одорантам¹⁶. Имеется в виду часть подписчиков ежемесячного журнала этого научного общества, выходящего 11-миллионным тиражом. Нужно сразу подчеркнуть, что, несмотря на грандиозные размеры выборки, в ней есть лукавство: к опросу привлекаются люди, читающие англоязычный специализированный журнал. С этой важной оговоркой неспешный анализ полученной массы данных позволяет выявить интересные тенденции.

Читателям были предложены микрокапсулы с 6 запахами: пота-мочи (андростенон), банана (амилацетат),

¹⁶ *Gibbons B.* The-Intimate Sense of Smell // National Geographic Magazine. 1986. № 170. P. 324–361; *Gilbert A.N., Wysocki C.J.* The National Geographic Smell Survey: Results // National Geographic Magazine. 1987. № 172. P. 514–525.

На схеме четко видны 4 модели сходных гедонистических реакций на серию из 22 запахов: европейская модель (FIN – Финляндия, ENG – Англия, FRA – Франция, SWE – Швеция, NOR – Норвегия, SWI – Швейцария, POL – Польша), американо-азиатская модель (CAL – Калифорния, CAN – Канада, HAW – Гавайи, TAI – Тайвань, MEX – Мексика и CAL-TAI – калифорнийские тайваньцы), южноафриканская модель (SAF-AFR – ЮАР-африканеры и SAF-TSW – ЮАР-тсвана) и, наконец, индийская модель (IND – индийцы)

Схема 2. Анализ основных компонентов гедонистических оценочных данных схемы 1 (по Пенгборну, Гайнарду и Дэвису)

мускуса (галаксолид), гвоздики (евгенол), розы, газа (меркаптаны). По каждому запаху нужно было ответить на 6 вопросов (таблица 2). Здесь мы рассмотрим лишь ответы на вопросы 1 и 2¹⁷.

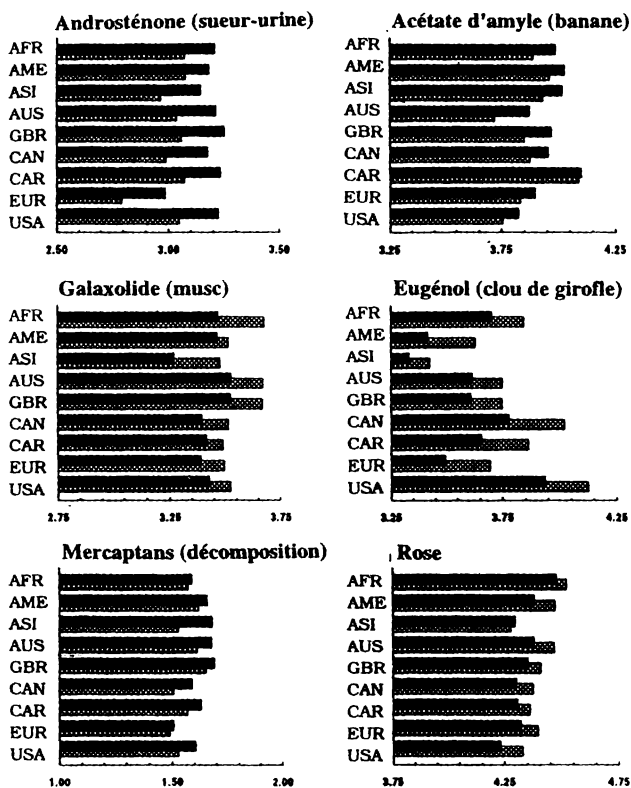
¹⁷Подробнее см.: Wysocki C.J., Pierce J.D., Gilbert A.N. Geographic, Cross-cultural, and individual variation in human olfaction // Getchell T.V., Bartoshuk L., Doty R.L., Snow J.B. (eds.). Smell and Taste in Health and Disease. N.Y.: Raven Press, 1991.

<p>1) Ощутили ли Вы какой-либо запах? (ответ: да/нет)</p>
<p>2) Как Вы оцениваете этот запах? (ответ по пятибалльной шкале, от очень приятного до очень неприятного)</p>
<p>3) Какова интенсивность этого запаха? (ответ по пятибалльной шкале, от очень слабого до очень сильного)</p>
<p>4) Вызывает ли у Вас этот запах какое-либо воспоминание? (ответ: да/нет; описание)</p>
<p>5) Могли бы Вы съесть что-нибудь, имеющее этот запах? (ответ: да/нет/не знаю)</p>
<p>6) Могли бы Вы использовать этот запах для тела? (ответ: да/нет/не знаю)</p>
<p>7) Каким словом можно точнее всего описать этот запах? (ответ: без запаха, цветочный, мускусный; запах мочи, гниения, краски, пряностей, леса, фруктов, горелого; сладковатый, другое)</p>

Таблица 2. Анкета относительно восприятия 6 запахов, предложенная в ходе опроса Национального географического общества¹⁸

Все респонденты, независимо от принадлежности к той или иной культуре, придерживались следующей иерархии предпочтений: роза > гвоздика > банан > мускус > пот-моча > газ. Однако этот усредненный порядок несколько варьировался в зависимости от пола и местожительства респондентов. Так, мужчины более позитивно оценили запахи банана, пота-мочи и газа, тогда как женщинам больше понравились запахи мускуса, гвоздики и розы (см. схему 3). Географический же фактор по-разному влияет на гедонистические оценки респондентов. Для его анализа ответы о предпочтениях между 6 запахами были

¹⁸ См.: Gibbons B. Op. cit.

Средний гедонистический результат

Схема 3. Распределение гедонистических оценок, данных 6 одорантам 1,42 млн чел., в зависимости от пола и географического ареала (по Высоцки, Пирсу и Гилберту)

Черным обозначены мужчины, точками – женщины.
Географические подгруппы: AFR – Африка, AME – Центральная и Южная Америка, AS – Ближний, Средний и Дальний Восток, включая СССР, AUS – Австралия, GBR – Британские острова, CAN – Канада, CAR – Карибские острова, EUR – Европа

поделены на 9 групп стран (из-за языка анкеты подход оказался очень англоцентричным). Среднестатистические результаты приводятся на схеме 3. Так, запах потамочи (андростенон) ниже всего ценится в Европе, тогда как во всех остальных регионах его средняя оценка выше 3/5. Запах мускуса меньше всего нравится жителям азиатских стран, а больше всего — респондентам из Африки, Великобритании и Австралии, 50% которых выразили готовность использовать его как духи. Запах газа (напоминающий также запах разлагающейся органики) низко ценится везде: его преференциальная оценка — 1,5/5. Фруктовый запах банана очень нравится жителям Карибских островов, Центральной и Южной Америки, Азии и Африки, меньше — в США и в Европе. Очень неоднородны оценки запаха гвоздики: реже всего его предпочитают респонденты из Азии, Латинской Америки и Европы, тогда как в США и Канаде к нему относятся более позитивно. Наконец, запах розы, как правило, оценивается положительно, особенно в Африке и Латинской Америке.

Два представленных выше исследования позволяют выявить разные среднестатистические модели гедонистической оценки запахов в зависимости от культурной и национальной среды. На данный момент эти различия в ответах носят чисто описательный характер и требуют объяснения, для чего необходимо изучение различных переменных, например раннего химико-сенсорного опыта, режима питания, гигиенических привычек, межличностной толерантности, гигиены городской среды и т.д.

Кроме того, исследование, проведенное Национальным географическим обществом¹⁹, показывает, что ольфакторные способности респондентов могут варьиро-

¹⁹ Wysocki C.J., Pierce J.D., Gilbert A.N. Op. cit.

ваться в зависимости от географического ареала проживания. Умение распознавать некоторые одоранты распределяется среди населения неравномерно. Так, 33% американских респондентов-мужчин и 24% женщин (соответственно 24% и 16% европейцев и 22% и 16% африканцев) проявили пониженную чувствительность к запаху андростенона, тогда как у остальных уровень чувствительности к нему был нормальным. В обычных случаях недостаточная чувствительность обнаруживается в отношении запахов со многими составляющими и меняется в зависимости от возраста, пола и ольфакторного опыта индивида. Эта ограниченная чувствительность может отражаться на гедонистических оценочных суждениях; действительно, в гедонистической оценке андростенона опрошенные разделились на две группы: взрослые люди с гипочувствительностью к нему оценили его положительно, респонденты с нормальной чувствительностью — скорее негативно.

В рамках третьего исследования сравнивались реакции мужчин и женщин трех стран (Германии, Италии и Японии) на запахи реального мира, а именно на телесные запахи супруга (в частности, на запах пота)²⁰. Исследование имело двоякую цель: изучить способность супругов узнавать друг друга только по запаху и оценить эмоциональное значение телесных запахов знакомых и незнакомых людей. В каждой культурной выборке каждому респонденту предлагалось 10 футболок, которые до этого носили на голое тело разные люди, включая его самого и его супруга. Ученые исходили из гипотезы, что представители т.н. «контактных» культур (Италия), в отличие от представителей культур «неконтактных» (Япония, Герма-

²⁰ *Schleidt M., Hold B., Attili G.* A Cross-cultural Study on the Attitude Towards Personal Odors // *Journal of Chemical Ecology*. 1981. № 7. P. 19–31.

ния), дадут ответы, свидетельствующие о лучшей способности к распознаванию запаха и большей толерантности по отношению к неприятным запахам других людей. Однако результаты исследования не подтвердили этой гипотезы. Напротив, представители всех трех культурных единиц вели себя сходным образом, демонстрируя одинаковую способность распознавать в предложенном ряду привычные запахи (свой и супруга). Больше того, гедонистические оценки мужчин и женщин во всех трех культурных группах оказались сходными: запах мужчины везде оценивался как менее приятный, чем запах женщины. В целом женщины отнесли запах своего супруга к числу неприятных; самыми категоричными в суждениях оказались японки. Напротив, мужчины, независимо от культурной принадлежности, оценили запах партнерши как приятный. Сходные результаты были получены и в ходе аналогичного исследования, проведенного в США²¹.

Таким образом, представители как минимум трех урбанистических культур с различными социальными и гигиеническими нормами обнаружили сходные гедонистические оценки телесных запахов. Представляется, однако, что японки сильнее реагируют на ольфакторные признаки супруга. Можно предположить, что эта тенденция связана с резким осуждением телесных запахов (в частности, запаха пота) в данной культуре. Так, запах пота стал в Японии причиной военной реформы; к тому же он считается симптомом болезни (бромидроза), и японские врачи разработали радикальную методику его лечения — удаление потовых желез²².

²¹ Doty R.L., Orndorff M.M., Leyden J., Kligman A. Communication of Gender from Human Axillary Odors: Relationship to Perceived Intensity and Hedonicity // Behavioral and Neural Biology. 1978. № 23. P. 373–380.

²² Inaba M., Inaba Y. Human Body Odor, Etiology, Treatment and Related factors. Tokyo: Springer Verlag, 1992.

В целом в ходе всех этих межкультурных ольфакторных опросов, касающихся как непосредственных реакций на запахи, так и связанных с ними воспоминаний, были выявлены как сходство, так и изменчивость гедонистических оценок. В качестве сходных межкультурных моментов можно назвать единодушное неприятие запахов, сопровождающих гниение (меркаптаны), и запахов фекалий; правда, разные культуры демонстрируют и разную степень толерантности по отношению к ним. Так, например, респонденты-индийцы более терпимы к запахам скунса и газа (меркаптанам), по крайней мере предложенным в виде микрокапсул²³. В то же время телесные запахи, в частности запах пота и мочи, всюду получили негативную оценку. Мужские запахи (или их синтетические заменители, как андростенон) неприятны всем, если на их оценку не влияют интимные или дружеские отношения, тогда как запахи женские (с менее выраженным запахом пота и мочи) оцениваются как более привлекательные. Оценка запаха как неприятного часто дублируется у респондентов его оценкой как очень сильного или же незнакомого. Если слабый запах может быть назван приятным, то в более сильной концентрации он вызывает неприятие (использование жасминной, скатоловой и мускусной эссенций в духах, но в слабой концентрации).

На гедонистическую оценку запаха, по-видимому, оказывает сильное влияние контекст, в котором она высказывается, и метаболизм индивида: так, запах жареной рыбы будет приятным до еды, но менее приятным, когда человек сыт; он будет приемлемым в ресторане, но наверняка не в концертном зале. Этим можно объяснить тот факт, что внеконтекстуальные сенсорные исследования иногда приводят к парадоксальным результатам: например, согласно указанному исследованию Пенгборна и

²³ *Pangborn R.M. and al. Op. cit.*

др., у французской выборки слабо выражено приятие запаха чеснока, хотя считается, что эта приправа очень популярна во Франции.

АФФЕКТИВНЫЕ ЗАПАХОВЫЕ РЕАКЦИИ У ДЕТЕЙ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ К РАЗЛИЧНЫМ КУЛЬТУРАМ

Сочетание межкультурной перспективы и изучения человеческого развития может быть плодотворным для выявления и лучшего понимания генезиса гедонистических ольфакторных инвариантов. Можно а priori предположить, что влияние культурной среды на детей раннего возраста менее устойчиво и в меньшей степени отмечено ассоциациями с нравственными или символическими ценностями. Тем самым сравнительное изучение детских гедонистических реакций могло бы помочь при рассмотрении гипотезы о существовании оценочных инвариантов в сфере запахов. Объектом сравнения будут служить как дети и взрослые, принадлежащие к одной культуре, так и дети одного возраста, принадлежащие к разным культурам.

Межкультурное исследование детских ольфакторных предпочтений проводилось в Канаде (Квебек) и в Индонезии (Ява, народность сунды)²⁴. В двух выборках детям 6–7 лет были предложены 12 одорантов, различных в гедонистическом плане и репрезентативных для пищи, парфюмерии и человеческих запахов. Детей попросили дать вербальную гедонистическую оценку запаха, а затем

²⁴ Kontar F., Schaal B., Soussignan R., Marlier L., Karimah I.S., Tremblay R.E. Odor Preferences in Children from three Cultures // 14th Biennial Conference of the International Society for the Study of Behavioral Development. Québec, 1996.

расположить его на 5-балльной шкале — от очень неприятного до очень приятного. Результаты опроса свидетельствуют об очевидном согласии относительно запахов, тяготеющих к «неприятному» полюсу (см. схему 4); неприятными являются запахи, связанные с тактильными ощущениями (уксус), плохо знакомые ребенку (горький миндаль), но прежде всего те, что напоминают запахи испражнений и пота. У индонезийских детей отмечается, однако, менее выраженный сдвиг к «неприятному» полюсу в отношении тиогликолиновой кислоты (запаха кишечных газов). Напротив, гедонистическая классификация запахов, считающихся приятными, отличается сильной межкультурной изменчивостью. Некоторые запахи вызывают почти одинаковую реакцию (анис, яблоко, жасмин, клубника), другие оцениваются положительно лишь в одной культуре (метилсалицилат в Канаде, жасмин, роза и ваниль на Яве). Таким образом, предварительные результаты детских опросов подтверждают гипотезу, выдвинутую после изучения взрослой аудитории: запахи, ассоциирующиеся с человеческим телом и экскрементами, обычно отвергаются, тогда как оценка пищевых запахов варьируется в разных культурах и, скорее всего, зависит от привычки к этим запахам. Действительно, запах метилсалицилата присутствует во многих привлекательных пищевых продуктах в Квебеке (конфеты, жевательная резинка, газировка «Рутбир», зубная паста); напротив, он практически неизвестен в Индонезии, где в повседневной жизни часто встречаются ароматы жасмина, розы и ванили.

Если бы это относительно стабильное межкультурное распределение ольфакторных предпочтений — в частности, на «неприятном» полюсе гедонистической шкалы — удалось обнаружить у индивидов, принадлежащих к разным подгруппам одной культуры, подтвердилось бы наличие системы гедонистической оценки запахов, формирующейся почти независимо от культурной среды. По-

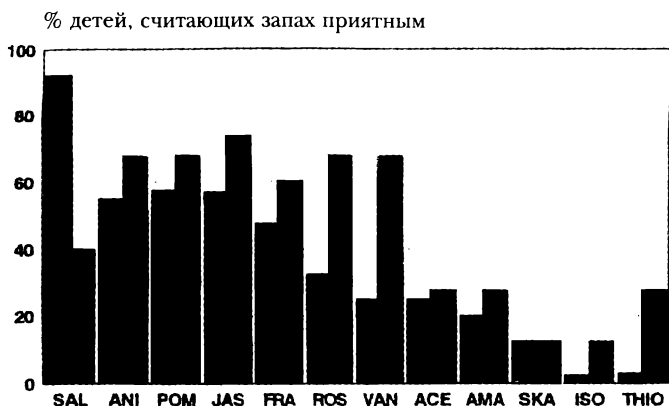

Схема 4. Процентное соотношение детей из двух выборок (Канада – 40 и о. Ява – 15), оценивших как приятные запахи 12 ольфакторных раздражителей

Коды запахов: SAL – метилсалицилат, ANI – анис, POM – яблоко, JAS – жасмин, FRA – клубника, ROS – роза, VAN – ваниль, ACE – ацетиловая кислота, AMA – горький миндаль, SKA – скатол, ISO – изовалериановая кислота, THIO – тиогликолиновая кислота

этому в целом ряде исследований были проанализированы эмоциональные реакции на различные серии запахов у детей разного возраста и у взрослых. Так, например, американским детям 7–9 и 11–13 лет, а также взрослым были предложены 14 запахов²⁵. Схема 5, где представлены результаты данного исследования, свидетельствует о выраженном сходстве гедонистических реакций на серию запахов у индивидов из всех возрастных групп (степень корреляции оценок во всех трех группах выше 0,90).

В ходе другого эксперимента, проведенного в США с детьми до 3 лет, была использована игровая методика,

²⁵ *Книеп Н.Н., Morgan W.L., Young P.T. Studies in Affective Psychology, XI. Individual Differences in Affective Reactions to Odors // American Journal of Psychology. 1931. № 43. P. 406–421.*

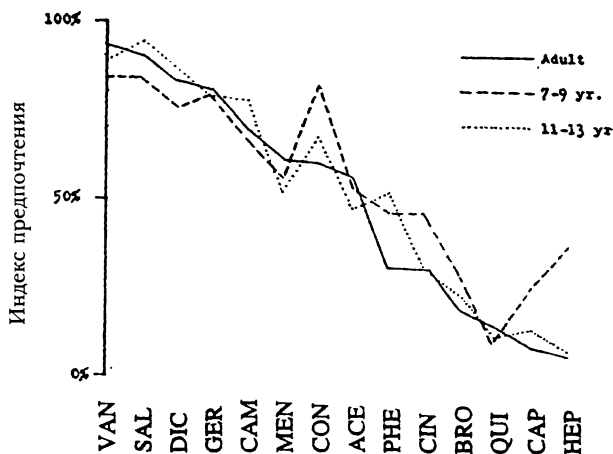

Схема 5. Аффективные оценки 14 обонятельных раздражителей тремя группами респондентов (по 50 чел.), принадлежащих к одной культуре (США), но к разным возрастным категориям (по Книпу, Моргану и Юнгу)

Взрослые обозначены непрерывной линией, дети 7–9 лет – прерывистой линией, дети 11–13 лет – пунктиром.

Коды запахов: VAN – ванилин, SAL – метилсалицилат, DIC – дихлорбензол, GER – гераниол, CAM – камфара, MEN – ментол, CON – контрольный образец, ACET – ацетофенон, PHE – фенол, CIN – циннамат этила, BRO – о-бромотолуол, QUI – квинолин, CAP – капроиновая кислота, HEP – гептилальдегид

разработанная для доречевого периода развития²⁶. Она состоит в том, что детей просят дать каждый флакон с одорантом одному из двух в равной степени известных телегероев: приятные запахи предназначены положительному герою, неприятные – отрицательному. В целом реакции детей отвечают тем же гедонистическим тенденциям, что и результаты, полученные во взрослой группе

²⁶ Schmidt H.J., Beauchamp G.K. Adult-like Odor Preferences and Aversions in Three-year-old children // Child development. 1988. № 59. P. 1136–1143.

(за некоторыми исключениями: например, андростенон получил более положительную оценку у взрослых, чем у детей, поскольку дети, как правило, более чувствительны к запаху пота-мочи и оттого более негативно реагируют на андростенон). Совсем маленькие дети, судя по всему, способны давать гедонистическую реакцию на контрастные запахи в полном соответствии с предпочтениями взрослых. Так, например, исследовалось отношение 9-месячных детей к трем одорированным предметам: один из них имел запах, считающийся приятным, второй — неприятным, а третий — нейтральным²⁷. Заснятые на пленку материалы об изучении детьми данных предметов показали «простым» наблюдателям-взрослым, которые должны были оценить запах этого предмета в гедонистическом плане. Наблюдатели оказались способны дать такую оценку на основании детской реакции; это подразумевает, что 9-месячные дети уже могут выказывать явные признаки влечения или отвращения к запахам, контрастным в гедонистическом плане.

Наконец, в ходе целого ряда исследований, проведенных на материале различных культур (США, Израиль, Бразилия), было установлено, что уже новорожденные дети способны к дифференцированным поведенческим реакциям, свидетельствующим об очень раннем развитии способности к гедонистической оценке. Гедонистические разграничения у новорожденных сильнее выражены применительно к вкусовым раздражителям²⁸, однако реакции на запах у них, по-видимому,

²⁷ Schmidt H.J., Beauchamp G.K. Sex Differences in Responsiveness to Odors in 9-month-old infants // *Chemical Senses*. 1989. № 14. P. 744.

²⁸ Ganschrow J.R., Steiner J.E., Daher M. Neonatal Facial Expressions in Response to Different Qualities and Intensities of Gustatory Stimuli // *Infant Behavior and Development*. 1983. № 6. P. 189–200; Chiva M. Le doux et l'amer. P.: PUF, 1985; Rosenstein D., Oster H. Taste-Elicited Facial Expressions in Newborns // *Child Development*. 1987. № 59. P. 1555–1568.

тоже дифференцированы. Дж. Стайнер и его коллеги²⁹ предположили, что новорожденные в первые 12 часов, еще до послеродового кормления, способны по-разному реагировать на различные запахи. Использованная запаховая гамма была подобрана в соответствии с гедонистическими предпочтениями взрослых: запахи банана, ванили и молока считались а priori приятными раздражителями, а запах креветок и тухлых яиц — раздражителями неприятными. Контрольный стимул представлял собой растворитель без запаха. Применялся следующий метод: к носу новорожденного подносили запах и одновременно фотографировали его выражение лица. Затем фотографии предлагались группе «слепых» взрослых (ничего не знавших о характере данного стимула), которые должны были дать гедонистическую оценку выражению лица. Как правило, запахи, «приятные для взрослых», вызывали мимические реакции, расцененные как изъяснение «удовольствия» или «одобрения», тогда как при запахах, «неприятных для взрослых», возникало выражение лица, воспринятое как изъяснение неприятия и отвращения. Процент одинаковых ответов у оценивающих был заметно выше относительно реакций на неприятные запахи (в частности, на запах тухлого яйца), чем на запахи неприятные или нейтральные, из чего следует, что либо мимика новорожденных как реакция на неприятные запахи более однозначна, либо оценивающие лучше воспринимают выражение лица, связанное с негативным аффектом. На основании этих исследований Стайнер сделал вывод, что с момента появления на свет младенец оказывает предпочтение одним ольфакторным

²⁹ Steiner J.E. Facial Expressions of the Neonate Infant Indicating the Hedonics of Food-related Stimuli // Weiffenbach J.M. (ed.). Taste and Development. The Genesis of Sweet Preference. Bethesda, MD: NIH-DHEW, 1977.

раздражителям перед другими. Чтобы объяснить эти почти рефлекторные реакции на гедонистическую коннотацию запахов, Стайнер постулирует наличие церебрального механизма, контролирующего гедонистические мимические реакции новорожденного на химические раздражители. В подкрепление этой гипотезы он приводит тот факт, что новорожденные со значительными церебральными нарушениями (анэнцефалией, гидроанэнцефалией) реагируют на гедонистические контрасты, вызванные химико-сенсорными раздражителями, той же мимикой, что и нормальные дети. Тем не менее выводы Стайнера в настоящее время были перепроверены с помощью более строгой методологии³⁰. Оказалось, что если ранняя способность по-разному реагировать на запахи не подлежит сомнению, то мимические реакции новорожденного на ольфакторные гедонистические контрасты, по-видимому, далеки от автоматической рефлекторности, постулированной Стайнером. В ходе многочисленных экспериментов было установлено, что новорожденный в своих реакциях может оказывать предпочтение тем запахам, которые стали для него аффективно значимыми³¹. Напротив, запахи, отобранные на основании гедонистических реакций взрослых — как в описанных выше исследованиях, — не обязательно имеют значение для новорожденного, если только они не входили предварительно в окружающую его среду (пренатальную или постнатальную).

³⁰ *Soussignan R., Schaal B., Marlier L., Jiang T.* Neonatal Facial Responses to Odours: Reexamining early Hedonic Discrimination // 14th Biennial Conference of the International Society for the Study of Behavioral Development. Québec, 1996.

³¹ *Schaal B.* L'organisation de la perception olfactive au cours de la période périnatale // Jouen F., Hénocq A. (éds.). Du nouveau-né au nourrisson. P.: PUF, 1991.

**ВЫВОДЫ:
ГЕДОНИСТИЧЕСКИЕ ИНВАРИАНТЫ
И ПЕРЕМЕННЫЕ В РАМКАХ
ОЛЬФАКТОРНОГО ПРОСТРАНСТВА**

Гедонистическое восприятие и выражение — условие нормального психологического и биологического функционирования человека. Особенно ярко оно проявляется в индивидуальной структуре обонятельного и вкусового восприятия. Из нашего краткого обзора работ, посвященных ольфакторному гедонизму, явствует, что эта поляризация сохраняется и на уровне социальной группы.

Вышеупомянутые межкультурные подходы, основанные как на эксперименте, так и на «партиципации», скорее в целом подтверждают гипотезу об относительном оценочном консенсусе применительно к отрицательному полюсу запаховой гаммы и значительной вариативности гедонистических суждений применительно к ее положительному полюсу. Сравнение различных возрастных групп в рамках одной культуры дает аналогичные результаты. Более выраженное согласие в гедонистических оценках наиболее «негативных» запахов, по-видимому, почти не связано с возрастом и полом индивида, но может быть связано с особенностями химико-сенсорного восприятия (частичной anosmией), меняющимися в зависимости от пола и возраста. Напротив, различия в оценке «нейтральных» или «положительных» запахов, видимо, в значительной мере обусловлены этими переменными³².

Аффективная поляризация приятных запахов (и вкусов), как представляется, связана в первую очередь с питанием. Культурные влияния в этой сфере осуществляют-

---

³² *Köster E.P. Tonalité affective et maîtrise de la pollution odorante // Martin G., Laffort P. (éds.) Odeurs et désodorisation. P.: Tec à Doc-Lavoisier, 1991.*

ся на индивидуальном уровне, через многообразные процессы привыкания, обучения, выработки условных рефлексов, подражания, регулируя систему личностных предпочтений в соответствии с нормами, присущими данной локальной группе³³. Тем самым индивидуальные обонятельно-вкусовые предпочтения сложным образом «нормализуются» в сфере питания (и, скорее всего, в области гигиены и окружающих ароматов). Нередко случается, что изначально отталкивающие запахи (для детей или взрослых, принадлежащих к иной культуре) через эти механизмы культурного моделирования предпочтений могут приобретать позитивную окраску. Этот особый случай часто описывается применительно к запахам с сильным тактильным компонентом, таким как запах табака, кофе, уксуса, горчицы, хрена, перца и т.д.³⁴ Меньшее отвращение к запаху фекалий (человека и животных) отмечено также в группах, для которых характерна высокая агрономическая оценка экскрементов.

По отношению к некоторым запахам общество может испытывать фобию в одной функциональной сфере (например, в гигиене) и одновременно считать их привлекательными в другой (например, в питании). Так, отторжение неприятных запахов в контексте человеческих отношений вовсе не препятствует гастрономической приверженности к ним: немало продуктов ценятся в какой-либо местности, несмотря на то что пахнут почти как экскременты (мюнстерский, маруальский и корсиканский сыры во Франции, дуриан в Азии, дичь с душком у эскимосов, подтухшая рыба у скандинавов). Однако, по крайней мере по отношению к сыру, региональная привержен-

³³ *Fischler C.* L'omnivore: le goût, la cuisine et le corps. P.: Odile Jacob, 1990.

³⁴ *Rozin P.* The Use of Characteristic Flavoring in Human Culinary Practice // Apt C.M. (ed.). Flavor: its Chemical, Behavioral and Commercial Aspects. Boulder, CO: Westview Press, 1978.

ность к сильнопахнущим сортам возникла, по-видимому, не так давно³⁵. Таким образом, химико-сенсорные предпочтения и толерантность являются также результатом исторических процессов: Корбен³⁶ показал это на материале фекальных миазмов и духов, Фландрен³⁷ – кулинарных предпочтений, а Кампорези³⁸ – пахучих сыров. Все эти психологические изменения, описанные для больших временных протяженностей, могут происходить и в течение сравнительно коротких периодов. Часто такие изменения предпочтений выявляются в ходе маркетинговых опросов (например, с 1974 по 1994 г. максимальное содержание сахара в апельсиновых напитках, наиболее популярных среди населения экваториальных территорий Америки, Африки и Азии, снизилось с 17% до 13%)³⁹.

Инвариантная гедонистическая реакция на неприятные запахи, по-видимому, концентрируется прежде всего в области интенсивных запахов с коннотацией фекалий, мочи и гниющей органики. Телесные запахи воспринимаются особым образом. Поскольку они являются общевидовыми, то можно ожидать, что основанные на них гедонистические категории будут почти неизменными. Запахи секрета (пота, в частности подмышечного) и выделений (мочи, кала, менструальной крови) в большинстве рассмотренных нами культур имеют негативную коннотацию; то же отвращение зафиксировано и в большинстве этнографических исследований, осуществ-

³⁵ *Letablier M.T., Nicolas F.* Genèse de la «typicité» // *Sciences des Aliments*. 1994. № 14. P. 541–556.

³⁶ *Corbin A.* Le Miasme et la Jonquille. L'odorat et l'Imaginaire Social, XVIII–XIX siècles. P.: Aubier Montaigne, 1982.

³⁷ *Flandrin J.L.* Pour une histoire du goût // *L'Histoire*. 1986. № 85. P. 12–19.

³⁸ *Camporesi P.* L'officine des sens. Une anthropologie baroque. P.: Hachette, 1989.

³⁹ *Sinki G.* Soft Drink Flavor Preferences // *Perfumer and Flavorist*. 1994. № 19. P. 19–23.

ленных в иных культурных группах⁴⁰. Если для некоторых групп характерно менее нетерпимое отношение к этим запахам, то причиной тому будет либо их неустранимость из-за отсутствия канализации, либо агрономические и технологические практики (применение мочи эскимосами) или особые ритуалы (примочки бычьей мочой у скотоводов долины Нила или верблюжьей мочой у бедуинов; «скатологические» обряды индейцев зуньи). Однако и для этих групп характерна та же реакция отвращения по отношению к телесным запахам соседних народов.

Мы предполагаем, что запахи человеческого тела образуют одну из перцептивных универсалий, о которых говорилось выше, и что в ольфакторной лексике разных языков должны существовать специальные термины для их передачи. В тех редких этнографических исследованиях, где уделяется внимание человеческим запахам, содержатся многочисленные подтверждения этой гипотезы⁴¹. Действительно, первый опыт лексикографического анализа, осуществленный недавно на материале (зафиксированном в словарях) более 60 языков и языковых семей, показывает, что лексика, относящаяся к негативным запахам, гораздо обширнее, нежели та, что обозначает запахи позитивные или нейтральные⁴². Лучше всего в языке представлены негативные запахи человеческого

⁴⁰ См., например: *Buckley T., Gottlieb A. (eds.). Blood Magic: the Anthropology of Menstruation. Berkeley: Univ. of California Press, 1988; Loudon J.B. On Body Products // Blacking J. (ed.). The Anthropology of the Body. L.: Academic Press, 1977.*

⁴¹ См., среди прочего: *Seeger A. Nature and Society in Central Brazil: The Suyu Indians of Mato Grosso. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981; Dupire M. Op. cit.; Roulon-Doko P. Une société d'autosubsistance et d'abondance alimentaire dans la savane africaine: les Gbaya 'Bodoe. Thèse de doctorat d'Etat et Lettres. Univ. de Paris V. LACITO, 1990; Classen C., Howes D., Synnott A. Aroma. L.: Routledge, 1994.*

⁴² *Boisson C.P. Quelques généralités sur la dénomination des odeurs. Неопубликованная рукопись. 1994.*

тела, особенно связанные с потом, мочой и дыханием (заявлено, что запах фекалий редко передается средствами языка: можно предположить, что это объясняется исключением части лексики из академических словарей). За ними следуют запахи испорченной органики, включающие такие слова, как «гнилой», «прогорклый», «затхлый» и «заплесневелый», «подгорелый», запахи пищи («рыба», чаще всего тухлая, и «сырое мясо») и запахи животных (в частности, животных с сильно развитыми пахучими железами, среди которых чаще всего упоминаются козлообразные и циветта)⁴³.

Несмотря на то что гедонистические оценки телесных запахов всегда тяготеют к негативному полюсу, они могут смягчаться под действием различных факторов — возраста (детский запах, как правило, оценивается более позитивно), пола (и мужчины, и женщины предпочитают женские запахи) и особенно близких отношений между носителем запаха и респондентом. Влияние близости или родства, по-видимому, само является инвариантом: все культурные группы либо различные социальные группы, принадлежащие к одной культуре (родственные, этнические либо профессиональные), ссылаются на телесный запах, чтобы отличать свою группу от соседних групп либо различать последние между собой. Так, у арабов иностранец — это «тот, кто воняет»⁴⁴. В Японии европейцев называют «воняющие маслом»⁴⁵. То же самое наблюдается у н' дут, которые оценивают соседние этносы низко или высоко в зависи-

⁴³ *Boisson C.P.* Op. cit. P. 86–87.

⁴⁴ *Champault D.* Maghreb et Proche-Orient // *Le Courrier du Musée de l'Homme* (Journal de l'Exposition Hommes, Parfums et Dieux). 1980. № 6. P. 6.

⁴⁵ *Birilli B.* A l'Ouest, sommes-nous tous des «pue-le-beurre»? // *Blanc-Mouchet J., Perrot M.* Odeurs, l'Essence d'un Sens. P.: Autrement, 1987.

мости от их запаха⁴⁶. Таким образом, личные запахи служат основой «социографии» других людей, а значит, наверняка регулируют отношения обмена; на это указывают многие социологи⁴⁷ и этнографы⁴⁸.

В плане теории исследования можно условно разделить на два течения: сторонники культурного релятивизма, к числу которых принадлежат главным образом психологи-«эмпирики» и антропологи, утверждают, что все гедонистические свойства запахов человек усваивает исключительно извне. По их мнению, человек рождается «чистой доской», а ргюг не имея ольфакторного восприятия, и запахи для него «не имеют значения до тех пор, пока не будут связаны с определенным контекстом»⁴⁹. Противоположное течение, «универсалисты», представлено главным образом биологами, а также некоторыми антропологами, полагающими, что индивид может без всякой предварительной подготовки классифицировать запахи и вкусы по принципу психологического деления на приятное и отвратительное. Этой универсалистской концепции сопутствует «нативистский» подход, согласно которому гедонистическая классификация запахов не требует существенных культурных опор (она является функциональной с момента рождения), хотя и остается открытой для обучающего воздействия культуры. Тем не менее в свете рассмотренных выше работ оба течения, нередко замыкающиеся в рамках своего кредо, могут сочетаться между собой. Варианты и инварианты, не исключая друг друга, могут располагаться на разных уров-

⁴⁶ Dupire M. Op. cit.

⁴⁷ Например: Largey G.P., Watson D.R. The Sociology of Odors // American Journal of Sociology. 1972. № 77. P. 1021–1034; Synnott A. A Sociology of Smell // Canadian Review of Sociology and Anthropology. 1994. № 28. P. 437–459.

⁴⁸ Например: Fabre-Vassas C. La bête singulière. P.: Gallimard, 1994.

⁴⁹ Engen T. Odor Sensation and Memory. N.Y.: Praeger, 1991. P. 111.

нях психобиологического функционирования индивида. Сравнительно устойчивые инварианты, расположенные ближе к «неприятному» полюсу гедонистического пространства, нисколько не мешают чрезвычайной открытости и вариативности, характерной для «приятного» полюса. Таким образом, приобщение индивида к культуре может происходить очень рано, через универсальные процессы социализации запахов, основанные либо на закреплении уже существующих гедонистических тенденций, либо на усвоении тенденций новых. Подобные феномены описаны у многих видов млекопитающих; не исключено, что они существуют и у рода человеческого.

Перевод И. Чунихиной

Виктория Гулимова

«ПЯТЬ НОСОВ» ЧЕЛОВЕКА И 2500-ЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Инда взопрели озимые. Рассупонилося солнышко, расталдыкнуло свои лучи по белу светушку. Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдобился...

И. Ильф, Е. Петров. «Золотой теленок»

Торопиться некуда... До конца света еще миллиард лет... Можно много, очень много успеть за миллиард лет, если не сдаваться и понимать, понимать и не сдаваться.

А. и Б. Стругацкие. «За миллиард лет до конца света»

Что же там, в носу? Обоняние — несомненно, одна из самых модных тем в современной науке. Можно ли говорить о «научной моде»? Как бы странно ни выглядела эта формулировка, явление существует, и оно не так безобидно, как кажется. Настоящий ученый может достаточно равнодушно относиться к тому, что носят, на чем ездят, где отдыхают и какими мобильными телефонами пользуются «престижные» люди, однако ему никогда не будет безразлично, чем и почему заняты его коллеги. Даже очень сходные задачи можно решать, двигаясь в различных направлениях, а ведь известно, что «хромой калека, идущий по верной дороге, опередит рысака, сбившегося

с пути. И очевидно, что чем более ловок и быстр бегущий не в ту сторону, тем дальше он от своей цели»¹.

Чтобы понять, почему столь интригующий предмет науки, как обоняние, оказался до сих пор так малоисследован и каковы наши дальнейшие перспективы в познании собственных обонятельных возможностей, придется по-новому взглянуть на историю науки, которую почему-то любят излагать сухо и академично, притом что она всегда была полна страсти, любви, самоотверженности и коварства, напрасных жертв и непостижимых взлетов. Популярность обоняния среди современных ученых имеет две основные причины. Первая состоит в том, что «там, в носу» действительно очень много непонятого и интересного. Вторая — в том, что об остальных органах чувств мы уже слишком много знаем. Например, каждому очевидно, что у человека имеется два глаза, два уха, язык для восприятия вкусовых ощущений и кожа, богатая тактильными рецепторами — они позволяют получать информацию о предметах и других живых существах, прикасаясь к ним. А нос? Казалось бы, и тут все ясно — он, разумеется, один. Однако замечательный объект, столь живописно расположенный на лице и воспетый еще Гоголем, сам никаких запахов не воспринимает — то, чем мы нюхаем, называется органами обоняния и находится глубоко внутри, за наружным носом. Эти загадочные структуры при ближайшем рассмотрении начинают множиться, как кролики в штате Айова: их числом пять. Каким образом? Очень просто: первый и общеизвестный орган обоняния — небольшой участок эпителия внутри носового хода, богатый чувствительными клетками. Расположен он весьма странно — не вблизи ноздрей, что было бы естественно, поскольку именно через них в нос попадают

¹ The works of Francis Bacon... / Coll. and ed. by J. Spedding, R.L. Ellis and D.D. Heath. L., 1857–1874. Vol. 4. P. LXI.

молекулы пахучих веществ, а далеко и глубоко — в верхней части носовых ходов, гораздо ближе к мозгу, чем ко входным отверстиям носа. Ученые с давних времен интересовались, каким же образом запахи добираются до столь удаленного и недоступного места? Чтобы получить ответ на этот вопрос, они производили крайне трудоемкие, а иногда и не слишком приятные опыты. Например, голову покойника разрезали вдоль и накладывали на разные участки носового хода маленькие квадратики из розовой лакмусовой бумаги. Затем половинки головы складывали, возвращая голове «естественный» вид, а в ноздри с помощью мехов вдували пары аммиака, под воздействием которых лакмус меняет цвет, из розового становясь синим. Результат озадачил экспериментаторов: поглубившие лакмусовые квадратики были расположены гораздо ниже, чем зона обонятельных рецепторов; это означало, что при обычном дыхании запах восприниматься не должен². Сходные опыты проделывались и на животных: изготовив гипсовую модель носовых полостей лошади, к ним присоединяли обычную керосиновую лампу, копоть от которой втягивалась через нос. Естественно, те части модели, которых достигали частички копоти, становились черными, и результат, полученный на человеке, подтвердился — почернело все, кроме тех участков, где у живой лошади расположены обонятельные клетки³. Таким образом, наличие основного органа обоняния — это прекрасно, но улавливать запахи только с его помощью почему-то нельзя. Как же решается проблема? Здесь на помощь приходит так называемый орган Мазера — небольшой бугорок, расположенный на перегородке носа, при-

² Paulsen E. Experimentelle Untersuchungen über die Stromung der Luft in der Nasenhöhle // Sitzungsbericht der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 1882. № 85. S. 348–373.

³ Zwaardemaker H. Die Physiologie des Geruchs. Leipzig: Engelmann, 1895.

мерно в средней ее части, куда пахучие частицы попадают легко и естественно даже при спокойном дыхании. Орган этот был найден и описан известным итальянским анатомом и гистологом Родольфо Мазера совсем недавно, всего лишь в 1943 г.⁴, и про него пока очень мало известно, однако большинство исследователей сходятся на том, что он, скорее всего, выполняет функции своеобразного «сторожа», проверяющего вдыхаемый воздух на наличие пахучих веществ⁵. Пока их нет, животные дышат спокойно. Но как только «сторож» подает сигнал: «Внимание, появился запах, надо разобраться!», дыхательные движения изменяются, возникает то, что мы называем принюхиванием. В результате задействуются совершенно иные мышцы, чем при обычном вдыхании воздуха, и воздушные потоки искусственно направляются именно туда, где их ожидают рецепторы основного органа обоняния. Неудивительно, что в XIX веке ученым не удалось обнаружить это явление: ведь его можно наблюдать только на живом организме, но никак не на трупе или гипсовой модели. Однако это — животные, а как обстоят дела с человеком? Про человеческий орган Мазера пока почти ничего не известно, мы даже не знаем точно, существует ли он у взрослых людей или возникает только на раннем этапе развития, а затем редуцируется наподобие зачатка хвоста. Как бы то ни было, дополнительное приспособление, некая «сигнализация на входе» необходима для восприятия запахов как животным, так и человеку; поэтому, если у людей и нет органа Мазера, должен существовать какой-то другой механизм, о котором мы, возможно, до сих пор не догадываемся. Итак, два органа

⁴ *Masera R.T.* Su l'esistenza di un particolare organo olfattivo nel setto nasale della cavia e di altri roditori // Arch. Ital. Anat. Embriol. 1943. № 48. P. 157–212.

⁵ *Marshall D.A., Maruniak J.A.* Masera's organ responds to odorants // Brain Research. 1986. № 366. P. 329–332.

обоняния, два, образно выражаясь, «носа», уже налицо. Но это еще не все.

«Главный нос», при всех своих ценных качествах, распознает запахи только высоколетучих веществ, то есть тех, что состоят из маленьких и легких молекул. Достаточно ли этого? Вовсе нет, поскольку существуют гораздо более «увесистые» пахучие вещества (одоранты), без которых большинству животных не обойтись. Это феромоны, или сигнальные молекулы, через которые передается важнейшая информация. Пища, многие предметы и химические вещества обладают запахом, но их запах может быть побочным эффектом, не имеющим отношения к той биологической роли, которую они играют в природе. А для феромона главная задача — именно пахнуть, служить сообщением о настроении и состоянии животного, о степени его миролюбия или агрессивности, готовности к спариванию или родительских чувствах. Во многих случаях феромоны прекрасно заменяют речь и оказываются даже более информативны — ведь с их помощью нельзя обманывать: выделяя эти вещества во внешнюю среду, животное неизбежно сигнализирует именно о реальном своем состоянии. Размножение, забота о детенышах, дальние миграции и охрана территории для множества живых существ были бы просто невысказаны без феромонов. Достаточно сказать, что самцу одной из бабочек — тутового шелкопряда — хватает единственной молекулы феромона самки в нескольких кубических метрах воздуха, чтобы он мог выбрать нужное направление и немедленно отправиться на поиски подруги. Однако «нос» бабочки с нашим носом не сравнить. И у позвоночных животных, от лягушки до человека, возник так называемый *дополнительный, или второй, орган обоняния* (когда его открыли, про бугорок Мазера еще ничего не было известно). Он имеет вид двух крошечных трубочек и расположен в основа-

нии носовой перегородки, вблизи косточки под латинским названием *vomer* (сошник), отчего и получил свое основное название — *вомероназальный*, по-русски — *сошниково-носовой*. Трубочки открываются по-разному: у одних животных — в рот (так устроены, например, змеи, волки и олени), у других же — непосредственно в полость носа (таковы мышцы, лягушки и мы с вами). Не вдаваясь в тонкости анатомии и гистологии, можно сказать, что чувствительные клетки вомероназального органа устроены несколько иначе, чем рецепторы основного обоняния, и немудрено — ведь дополнительное обоняние обычными запахами не интересуется⁶. Вомероназальный орган, подобно хорошо настроенному локатору, улавливает только запахи феромонов и по собственному нерву (отличному от основного обонятельного) передает сигнал непосредственно в мозг. Очень важно, что все это происходит без нашего ведома: в отличие от обычных запахов воздействие феромонов на чувствительные клетки носа и следующие за ним всплески активности в разных отделах мозга не осознаются. Таким образом, без лишних размышлений, очень быстро и почти всегда безошибочно животные принимают решение: драться, спариваться, уступить дорогу вожаку или спокойно играть с детенышами. Разобраться с восприятием феромонов у человека оказалось гораздо сложнее. Да и есть ли они вообще? Для «царя природы» с его самомнением утверждение о том, что его поступками могут управлять какие-то жалкие молекулы, пусть и очень тяжелые, звучало почти кощунственно. К тому же в XX веке многие именитые врачи и патологоанатомы вполне ответственно заявили, что вомероназального органа у взрослых людей нет: он закладывается в раннем развитии, а за-

⁶Гулимова В.И. Запах и подсознание: влияние обонятельных стимулов на эмоциональное восприятие и поведение человека // Косметика и медицина: Научный альманах. 2002. № 3. С. 6–23.

тем, к моменту рождения или чуть позже, дегенерирует⁷. Таким образом, ни о каком восприятии феромонов на животный манер якобы и речи быть не может. Тем не менее к началу XXI века неожиданно оказалось, что вомероназальный орган существует не только у эмбрионов и плодов, но и у взрослых людей — если не у всех, то у одной трети всего населения нашей планеты наверняка⁸. Более того, вполне вероятно, что он может функционировать примерно так же, как у животных: мужчины и женщины восприимчивы к разным запахам, и запахи эти могут влиять не только на такие «эффемерные» вещи, как настроение и поведение. Оказывается, феромоны человека способны регулировать уровень синтеза половых и иных гормонов, а структуры вомероназальной системы непосредственно влияют на формирование мозга человеческого эмбриона. Масштабные нарушения этого процесса могут приводить к таким серьезным последствиям, как умственная и физическая неполноценность, а незначительные отклонения — «все-навсего» к тому, что у человека изменяется сексуальная ориентация или возникает anosmia (неспособность ощущать все или какие-то определенные запахи)⁹. Итак, органов обоняния уже стало три.

Чтобы не мучить уважаемого читателя, добавлю вкратце, что оставшиеся два — системы тройничного и терминального нервов. Первая реагирует на слишком резкие, вызывающие боль раздражители. Тут не до раз-

⁷Пэттен Б.М. Эмбриология человека. М.: Медгиз, 1959. С. 358; Фалин Л.И. Эмбриология человека. М.: Медицина, 1976. С. 294–300.

⁸Trotier D., Eliot C., Wassef M. et al. The vomeronasal cavity in adult humans // Chem. Senses. 2000. № 25 (4). P. 369–380.

⁹Bosma J.F., Henkin R.I., Christiansen R.L., Herdt J.R. Hypoplasia of the nose and eyes, hyposmia, hypogeusia and hypogonadotrophic hypogonadism in two males // J. Craniofac. Genet. Dev. Biol. 1981. Vol. 1. № 2. P. 153–184.

личения, чем именно пахнет, — раз *тройничный нерв* подал сигнал «Больно!!», значит, в нос вам попало что-то уж очень нехорошее и надобно срочно мобилизовать все силы, чтобы избавиться от неприятного воздействия или покинуть место, где оно вас настигло. Когда человеку, упавшему в обморок, суют под нос ватку, смоченную нашатырным спиртом, — это классическое воздействие на тройничный нерв: не слишком приятно, зато очень эффективно.

И, наконец, *терминальный нерв*. Это вообще загадочная структура: так называемый нулевой черепно-мозговой нерв. Всякому студенту-медику известно, что черепно-мозговых нервов всего 12 пар (считая с первой). О терминальном нерве долгое время никто ничего не знал, поэтому его и не принимали во внимание. Когда же игнорировать новый нерв, достоверно существующий не только у животных, но и у людей, стало невозможно, ему присвоили нулевой номер. По-видимому, роль нулевого нерва состоит в выработке веществ, способных регулировать процесс обоняния, в частности восприятие феромонов вомероназальным органом. Не исключено, правда, что он и сам может реагировать на присутствие феромонов, соответственно влияя на половое поведение животных: известно, что самцы хомяка после перерезки терминального нерва значительно меньше интересовались сексом, чем животные, которым была сделана ложная операция. Однако все это пока лишь гипотезы. В частности, у золотых рыбок терминальный нерв связан еще и со зрением¹⁰, поэтому не исключено, что попытки ряда художников передавать цветом запах или улавливать в запахе цвет вовсе не причуда, а отражение доселе не понятых нами физиологических механизмов.

¹⁰ Demski L.S., Northcutt R.G. The Terminal Nerve: A New Chemosensory System in Vertebrates? // Science. 1983. Vol. 220. P. 435–437.

НАУКА И... ЖИЗНЬ

Итак, пять в одном. Однако до сих пор речь шла только о чисто научных причинах интереса к обонянию. Да, мы многого о нем не знали, и сейчас как будто самое время наверстывать упущенное, однако дело не только в этом. Если бы проблема запахов и их восприятия представляла собой всего лишь увлекательный ребус для приятного времяпрепровождения, ею заинтересовались бы отдельные ученые-энтузиасты, но вряд ли она смогла бы снискать такое пристальное внимание естественников, социологов, философов, филологов и бизнесменов, не говоря уже о журналистах и широкой общественности. Почему же это происходит? Причина очень проста: спустя 2500 лет более или менее интенсивного исследования органов обоняния человека мы наконец-то... нет, не дошли, а только приблизились к тому моменту, когда наши знания можно будет применить на практике, причем открывающиеся перспективы заставляют в прямом смысле слова неровно дышать слишком многих людей, не имеющих ни малейшего отношения к науке о восприятии запахов. Неожиданно оказалось, что на запахе может быть основана суперреклама, которая незаметно для вашего сознания заставляет вас приобретать навязываемый продукт. Запахи могут использоваться в медицине: в терапии онкологических больных и для облегчения родов, как успокаивающие и тонизирующие средства, для улучшения памяти и внимания, коррекции психосексуальных расстройств, не говоря уже о регуляции менструальных циклов и прерывании беременности без лекарств и абортов. Парфюмеры пытаются применять новые сочетания пахучих веществ для изготовления духов, вызывающих непреодолимое влечение к их носителю или создающих определенное настроение. Ароматерапия и вовсе делает ароматы неотъемлемой составляющей вашей жизни,

предлагая свои запахи для прихожей и гостиной, средства для душа и массажа, ароматические лампы на все случаи жизни и специальные аромамедальоны, чтобы потребитель, даже будучи оторван от привычной обстановки, мог наслаждаться любимым запахом, обретая комфорт и уверенность. Бизнесмены настойчиво требуют от ученых составлять ароматные смеси, которые могли бы влиять на представителей конкурирующей фирмы во время деловых переговоров (естественно, что параллельно предполагается разработка «антидота», позволяющего самим заказчикам избегать пагубного воздействия и гнуть свою линию). Даже в отношениях между родителями и детьми запахи играют не последнюю роль, и не исключено, что в скором времени появятся средства, стимулирующие внимательное и нежное отношение к ребенку или купирующие приступы чрезмерной «заботливости» со стороны родителей либо подростковой агрессивности их отпрысков. «Запах, устанавливающий авторитет отца», «аромат сыновней самостоятельности», аэрозоль «гармония между матерью и дочерью» — неплохо, не правда ли? Не говоря уже о том, что запахи могут служить афродизиаками, то есть стимулировать сексуальное влечение, усиливать потенцию, избавлять от фригидности и приносить в интимную жизнь современного человека новизну и разнообразие, не требуя смены партнера, не всегда желательной и всегда небезопасной.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что третья причина всеобщего интереса к обонянию — востребованность подобной информации и наличие реальных возможностей с ее помощью изменить жизнь к лучшему. Однако, любясь этими лучезарными перспективами, стоит ненадолго от них отвлечься. Всего лишь один взгляд в прошлое — на тех, кто из совершенно бескорыстного, «детского» любопытства раздобывал информацию о запахах и их восприятии. Это было непросто, зачастую тре-

бовало материальных лишений и отказа от мирских благ, заставляло терпеть насмешки и высокомерное пренебрежение более успешных в практической жизни обывателей. Но именно эти усилия в конечном счете принесли нам знание и надежду на то, что жертвы не были напрасны, реальный прогресс возможен, а кроме «жизни насекомых» есть еще «жизнь людей», которая до сих пор ожидает своих писателей и исследователей. Итак, как же все это было?

ИСТОРИЯ В СЛОВЕ

Идея, что запахи могут обладать большой силой, влияя на здоровье и самую жизнь человека, зародилась очень давно. На многих языках слова «колдун», «чародей» или «ведьма» происходят от терминов, означающих «обонять зло»¹¹. Для исследователей-полиглотов здесь открывается обширное поле деятельности: почти во всех известных языках «обонятельные» слова и выражения очень экспрессивны и многозначны, причем нередко они используются в ситуациях, к обонянию, казалось бы, отношения не имеющих. В английском слово «sweet», означающее «душистый, благоуханный», может переводиться также как «любимый, милый, дорогой» и иметь множество других значений. «Scent» означает «запах, аромат, духи» и вместе с тем — «нюх, чутье», как в прямом, так и в переносном смысле (предчувствие, интуиция). «Odour» — «запах, привкус», и он же — «репутация, слава» (*to be in good odour* — «быть в милости, в фаворе у кого-либо»). Примерно та же картина с немецким словом «Geruch», производное от которого, «Gerücht», означает «слухи, молва, толки» (*Gerüchtmacher* — «распространитель слухов», попросту

¹¹ Summers M. The History of Witchcraft and Demonology. N.Y.: Knopf, 1926.

говоря, сплетник). В итальянском языке есть глагол «sapere» со значением «пахнуть», точнее, «иметь запах (вкус) чего-либо, отдавать чем-либо» (*il vino sa di fragola* – «вино отдает земляникой»). При этом первое словарное значение глагола «sapere» – «знать». Впрочем, не исключено, что это просто омоним слова «sapore», означающего «вкус». В отличие от итальянского в нашем родном русском языке связь между обонянием и познанием (сознанием) очевидна: «разнюхать» в смысле «разузнать», «этим здесь и не пахнет» – о достоверном отсутствии чего-либо, «держат нос по ветру» – быть в курсе происходящих событий или подстраиваться под них со знанием дела. «Пахнет жареным, пахнет керосином» – все эти иносказательные выражения общеизвестны и в расшифровке не нуждаются. С виду – всего лишь забавная игра слов, однако она может быть источником серьезных и вполне научных умозаключений. Почти все термины, означающие запахи и связанные с ними действия или переживания, имеют выраженную эмоциональную окраску – именно поэтому их так удобно применять в «необонятельных» ситуациях: слова эти, зачастую лишь очень приблизительно обозначающие запах, предельно ярко и четко характеризуют то состояние, которое возникает у человека под его воздействием. На уровне анатомии «неописуемость» обонятельных ощущений легко объяснима: в отличие от других органов чувств обоняние не представлено в новой коре – той части нашего мозга, которая отвечает за сознание и анализ. Но тем интереснее сведения, которые мы можем почерпнуть из истории языка, в котором, помимо воли его носителей, отражался их обонятельный и эмоциональный опыт. Применительно к изучению обоняния язык может быть использован как антикварная летопись, в которой зафиксирована роль запахов в человеческой жизни и отношение к обонятельным впечатлениям, характерное для разных стран и эпох. В современном языке

(не только слов, но и жестов) могут быть отражены древнейшие традиции — такие, как использование приятных ароматов для привлечения людей или желаемых событий, а испражнений и других веществ с отталкивающими запахами — для отпугивания врагов, демонов и злых духов, как это делали, например, в Египте и других ранних культурах¹². Однако прикосновения носами при встрече и прощании, нанесение на тело пахучих веществ, использование благовоний и ряд других дошедших до нас традиций, связанных с обонянием, не просто представляют собой явления культуры — они позволяют понять, как функционируют части нашего тела, предназначенные для испускания запахов или их восприятия.

ОТ АРИСТОТЕЛЯ ДО ГАЛЛЕРА

Чем лучше человечество осознавало значение обоняния, тем чаще становились попытки исследовать пахучие вещества и чувствительность к ним людей и животных. «Обонятельные» воззрения Античности разительно отличались от современных. Тогда считалось, что запахи воспринимаются вовсе не чувствительными клетками в носу, а непосредственно мозгом. В V веке до н. э. в Древней Греции Алкмеон был уверен, что нос служит только для втягивания пахучих веществ в мозг, подобно тому как зрение является результатом прохождения огня через глаз. Примерно веком позже свой вклад в ольфактологию (науку, изучающую обоняние) внес не кто иной, как Платон. По его мнению, «те жилы в нашем теле, которые для этого предназначены [возбуждать определенный запах], слишком тесны для частиц земли и воды, но слишком просторны для частиц огня и воздуха, а потому

¹² *Finger S. Origins of Neuroscience. Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. P. 176–190.*

никто и никогда не мог обонять собственного запаха какой-либо из этих [стихий]», запахам «дает жизнь то переходное состояние, которое возникает, когда вода претворяется в воздух либо, напротив, воздух в воду. <...> Понятно, что многообразии запахов остается безымянным, ибо оно не сводится к большому числу простых форм. Здесь существует только одно четкое двучленное разделение – на запахи приятный и неприятный»¹³.

За Платоном последовал Аристотель, который сделал огромный шаг вперед: он пришел к выводу, что обонятельные рецепторы расположены внутри носа, и проводил аналогии между обонянием и вкусом¹⁴. Аристотель счел обонятельные ощущения менее определенными, нежели вкусовые, но отмечал, что некоторые запахи соответствуют вкусовым качествам. Он выделял запахи сладкие, кислые, острые, терпкие и сочные, а также зловонные (запах сероводорода, который он сравнивает с горьким вкусом). По-видимому, именно Аристотель был первым, кто отметил, что люди обладают меньшими способностями к восприятию запахов, чем многие животные.

Совершенно замечателен тот способ, которым древние греки пытались объяснить, почему одни запахи приятны, а другие отвратительны и даже могут обладать раздражающим действием. Атомисты Демокрит и Эпикур пришли к выводу, что приятные запахи вызываются гладкими, округлыми частицами, в то время как ощущения резких и неприятных запахов возникают при воздействии неровных, кривых или «крючковатых» атомов, которые ранят и разрывают проходы в стимулируемых областях.

¹³ Фрагмент диалога «Тимей» в переводе С.С. Аверинцева. (*Прим. пер.*)

¹⁴ *Beare J. Greek Theories of Elementary Cognition from Alcmaeon to Aristotle.* Oxford, U.K.: Clarendon Press, 1906.

Естественно, что уже во времена Античности и позже, в Средние века, были предприняты попытки классифицировать запахи, однако они сразу же натолкнулись на большие трудности. Понятия, характеризующие другие органы чувств, по-прежнему нередко применялись для описания обонятельных ощущений; стоит ли этому удивляться, если до сих пор мы, говоря о запахе, вынуждены использовать такие обороты, как сладкий, теплый, холодный, горький или терпкий?

По мере преодоления средневековых ограничений в развитии науки не только возникали новые идеи, но и непрерывно пересматривались античные представления. Отчасти эта тенденция сохранилась и в эпоху Возрождения, когда велись бесконечные и весьма темпераментные дискуссии о том, какая именно часть тела ответственна за восприятия запахов: носовые ходы, мозг или, возможно, полости (желудочки) мозга. Даже в XVII веке большая часть относительно образованного населения разделяла представления о том, что пахучие вещества могут попадать в мозг, поэтому растущее потребление курительного табака вызывало серьезное беспокойство. Жан ле Руа Сюр де Прад (псевдоним – Эдм Байярд) в 1668 г. написал об этом целый трактат, в котором, успокаивая курильщиков, утверждал, что частицы, подобные табачным, в мозг проникнуть не могут. В дискуссию о табаке и других летучих веществах, а также о том, как они могут повлиять на человека, включились не только ученые, но и писатели. Тогда же многие исследователи, например Альбрехт фон Галлер, чьи труды широко публиковались в XVIII веке, выражали удивление по поводу того, что «человеческий интерес к частицам, вызывающим обоняние, всегда был так незначителен». Галлер признавал трудность классификации запахов и соглашался с Аристотелем в том, что люди не обладают таким же хорошим обонянием, как большин-

ство диких животных, лишенных человеческой способности к рассуждению и речи¹⁵.

КАК ОТКРЫЛИ «ВТОРОЙ НОС»

1703 год ознаменовался событием, которое не потрясло современников хотя бы потому, что большинство о нем ничего не знало. Да и сам «виновник торжества» вряд ли представлял себе всю важность своего незначительного с виду открытия. Именно тогда, в начале XVIII века, голландский профессор анатомии и ботаники (именно так!) Фредерик Рюйш (1638–1731) описал два небольших канальца по бокам носовой перегородки¹⁶ — тот самый вомероназальный орган, предназначенный для восприятия феромонов человека; споры о котором не утихают и сегодня. Мы знаем о Рюйше слишком мало, но и по сохранившимся скудным сведениям можем судить, что это был человек, способный идти наперекор обстоятельствам, «начинать черными» и выигрывать. Мальчик рано остался без отца и был отдан в ученики к аптекарю. Наблюдательный и стремящийся к независимости, он вскоре начинает самостоятельно изготавливать лекарства и уже в возрасте 23 лет открывает собственный аптекарский магазин, не будучи еще принят в гильдию аптекарей, — поступок по тем временам более чем крамольный, требующий большой решительности и уверенности в своих силах. Возмущенные фармацевты добиваются закрытия аптеки Рюйша, однако он вновь открывает ее в том же самом году и уже став членом гильдии. Затем был Лейденский университет и возможность заниматься анатомией, к чему он стремился еще в юношеские годы, когда — неисправимый

¹⁵ *Finger S. Op. cit.*

¹⁶ *Ruisch F. Thesaurus Anatomicus. Amsterdam: Wolters, 1703. Vol. 3. P. 49.*

нарушитель законов — уже умел втайне договориться с могильщиками, чтобы те поставляли ему материал для исследований. Всякий, кто хоть немного знаком с моралью и нравами Европы XVII века, легко представит себе, чем рисковал этот молодой человек, не имевший даже отцовской поддержки, если бы его смелые начинания были обнаружены и преданы гласности. Еще совсем недавно людей посылали на костер за прегрешения куда менее серьезные, чем выкапывание усопших христиан: в 1619 г. Джулио Чезаре Ванини сожгли за то, что он, намного опередив Дарвина, осмелился предположить наличие родства между обезьяной и человеком. Но вот испытания и искушения молодости для Фредерика Рюйша позади, он профессор, уважаемый человек, доктор судебной медицины и смотритель ботанического сада — счастливые времена, когда такие сочетания были возможны, хотя бы и для очень выдающихся личностей. Между прочим, у него было двенадцать детей, и среди них дочь Рэчел, известная рисовальщица цветов, позднее помогавшая престарелому отцу в изготовлении анатомических препаратов. Казалось бы, нет больше надобности вести себя необычно и шокировать окружающих, однако профессор Рюйш — из тех, кто привык не подчиняться общественному мнению, а создавать его. В результате бесчисленных проб и ошибок он изобрел собственный уникальный метод бальзамирования, позволявший ему сохранять тела умерших так, «что они кажутся спящими, даже когда прошло уже много лет». Рецепт уникального состава хранился в тайне и был утрачен со смертью его создателя. Однако прежде Рюйш с помощью нового метода успел создать музей препаратов, часть которого, так называемый «Анатомический кабинет», современники считали восьмым чудом света и платили немалые деньги за возможность им полюбоваться. Одним из посетителей кабинета оказался в 1717 г. русский царь Петр I, который был настолько потрясен увиденным, что немедленно приобрел целиком его коллекцию за

30 тысяч гульденов, изрядно удивив не только экономных голландцев, но и своих соотечественников. Петр, как известно, деньги тратить попусту не любил, Россия в то время вела изнурительную Северную войну со Швецией, а на подобную сумму вполне можно было приобрести военный корабль со всем снаряжением. Чтобы понять, что побудило русского самодержца совершить столь экстравагантный поступок, нужно знать, что Рюйш был не грубым патологоанатомом, но романтиком и эстетом. Научная достоверность и сохранность препаратов для него, несомненно, были важными целями, однако он ни в коей мере не считал их единственными; поэтому экспонаты его музея, изготовленные с необычайным искусством, образовывали высокохудожественные композиции, наводившие на философские размышления. Однако сказать, что причиной столь дорогой покупки было одно лишь восхищение работами Рюйша, мог бы только человек, совсем не знавший русского царя. В отличие от многих Петр прекрасно понимал ценность уникальных научных коллекций и ту пользу, которую они со временем могут принести его подданным. По-видимому, все еще находясь под впечатлением от увиденного, он издает в 1718 г. особый указ о монстрах, гласивший, что «всех уродов, как человеческих, так скотских, звериных и птичьих» подданные обязаны сдавать местным властям. Сдавшим выплачивали денежное вознаграждение, а собранные экземпляры отправляли в Санкт-Петербург. Так возникла знаменитая кунсткамера — первый российский музей, где до сих пор можно увидеть несколько сохранившихся препаратов из коллекции профессора Рюйша. А что же сам Рюйш? К тому моменту, когда предприимчивый русский царь лишил его препаратов, собранных за долгие годы неустанного труда, анатому было уже 79 лет, но неутомимый профессор, вместо того чтобы почить на лаврах, тут же начал собирать новую коллекцию. Одновременно он организовал регулярные публичные вскрытия при свечах, во время которых звучала

музыка, подавались кушанья и прохладительные напитки. (Интересно, как сегодня отнесся бы «высший свет» к предложению выпить, закусить и послушать музыку в виду аккуратно препарированного трупа? Скорее всего, в наше циничное время от одного упоминания такой перспективы многие почувствовали бы себя... не совсем комфортно. А в XVII веке, когда и в медицину-то верили далеко не все, одному-единственному человеку легко удалось убедить окружающих, что это и есть самое изысканное времяпрепровождение — для знатных и, разумеется, состоятельных особ.)

Наряду со всеми перечисленными занятиями Рюйш на протяжении многих лет публиковал каталог своего музея, в который в итоге вошли детальные описания 1189 анатомических препаратов и 27 собраний экзотических растений. Причем не просто публиковал, а снабжал их литографиями — изображениями, отпечатанными с медных гравюр, что по тем временам являлось вершиной полиграфического искусства. Изданием каталогов Рюйша занимался не кто иной, как Иоганн Волтерс — основатель и поныне наиболее известного в Голландии издательского дома, изобретатель разнообразных новых способов печати иллюстраций. Помимо того, что Рюйш был человеком, абсолютно преданным науке, он стремился сделать ее достижения широко доступными: этому служили не только «Анатомический кабинет» и публичные вскрытия, но и его книги, которые он стремился издавать максимально качественно. Более того, современные переводчики текстов Рюйша, написанных на голландском и латыни, поражаются «ненаучности» его терминологии. Разумеется, великий анатом, учившийся у лучших профессоров Лейденского университета, отлично знал «ученые термины», но сознательно избегал их, полагая, что знания не должны быть скрыты от людей, не владеющих научным языком. Сам постоянно занимаясь анатомированием, он

описал несколько новых частей человеческого тела, названных его именем. В их числе мускул Рюйша (кольцевой мускул дна матки) и трубка Рюйша, которую ныне чаще называют Стеноновым или носо-нёбным протоком (эта крошечная трубочка, соединяющая носовые ходы с полостью рта на уровне резцов, также связана с обонянием). Опубликовав множество научных трудов и сделав почти невероятное для одного человека количество открытий, Фредерик Рюйш умер в возрасте 93 лет, не зная и вряд ли беспокоясь о том, что его открытия будут сперва основательно забыты, а затем вновь совершены уже другими людьми и названы их именами. Именно такая участь постигла вомероназальный орган, или вторую обонятельную систему человека — более ста лет спустя, в 1811 г., ее переоткрыл датчанин Людвиг Якобсон¹⁷, и до сих пор вомероназальный орган нередко называют Якобсоновым. Не умаляя научных заслуг Якобсона, отметим все же, что первенство Рюйша в данном случае неоспоримо; одно из доказательств тому — первое в истории науки изображение органа дополнительного обоняния человека, сделанное триста лет назад профессором анатомии и ботаники Фредериком Рюйшем, несомненно заслуживающим нашего восхищения и доброй памяти.

«ВЕК КОРОНОВАННОЙ ИНТРИГИ», ИЛИ О ТОМ, ЧТО И ПОЧЕМУ МЫ ПОМНИМ

XVIII век. Своеобразнейшая эпоха, когда уездные князьки «от скуки... становятся даже покровителями искусств и интеллектуальными гурманами, переписываются с Вольтером и Дидро, собирают китайский фарфор,

¹⁷ *Jacobson L.L. Description anatomique d'un organe observé dans les mammifères // Annales du Museum national d'histoire naturelle de Paris. 1811. Vol. 18. P. 412–424.*

средневековые монеты и барочные картины...»¹⁸. Время роскоши рождает людей, стремящихся ею пользоваться, несмотря на отсутствие возможностей, путем мошенничества и обмана. Их имена «на слуху» даже у тех, кто только мимоходом слышал о проделках таких выдающихся мистификаторов и интриганов, как деревенский парень из Сицилии Калиостро, «маг» Сен-Жермен и непобедимый покоритель женских сердец (которого, возможно, и не существовало в реальности) Джакомо Казанова. Они развлекали современников не без выгоды для собственного кармана и исчезли, оставив после себя несметное количество исторических анекдотов, из которых писатели и драматурги последующих веков извлекли, кажется, все, что можно, — и только. Однако XVIII век — еще и эпоха Просвещения, когда развиваются самые разнообразные отрасли знания. В числе прочих расцвета достигает антропология — наука о человеческом разнообразии. Перед ней стоит множество вопросов: отличаются ли человеческие расы друг от друга больше или меньше, чем виды животных? То, что одни люди командуют, а другие подчиняются, одни пишут книжки, а другие пахут землю, — оправданно, является результатом чьего-либо произвола или простой случайностью? Читатель может предположить, что эти проблемы не имеют никакого отношения к обонянию, и будет не прав. Признаки, связанные с носом, многочисленны и разнообразны, причем могут характеризовать отнюдь не только восприимчивость к запахам. Многие слышали про френологию — метод Франца Галля (1758–1828), который по форме черепа определял характер человека, узнавал его прошлое и предсказывал будущее, отличал гениев от преступников и простых обывателей. Подобную дифференциацию пытались проводить и по форме носа. Так, например, считалось, что вы-

¹⁸ Цвейг С. Эпоха великих авантюристов // Мемуары Казановы. М.: Олимп, 1991. С. 3–18.

ступающий нос с горбинкой является признаком высокого интеллекта и, наоборот, нос широкий, приплюснутый или вогнутый говорит о недалекости и примитивной нервной организации его обладателя¹⁹. Все это могло бы быть очень лестно для уроженцев Кавказа и, напротив, чрезвычайно обидно для австралийских аборигенов или коренных жителей Западной Сибири, многие из которых курносы, однако впоследствии оказалось, что подобные утверждения совершенно безосновательны. Здесь нелишне вспомнить о том, что Галь в свое время действительно сделал ряд поразительных догадок и предсказаний. К нему выстраивались очереди из желающих узнать о себе «всю правду», а многие великие мира сего (Наполеон, например), напротив, старательно избегали встречи с ученым, — видимо, опасаясь услышать нечто не совсем лестное о своих душевных качествах и дарованиях. Однако после смерти Галья никому из учеников и последователей не удалось добиться ничего хотя бы отдаленно похожего. Вероятно, основу его пророчеств составляла не столько форма черепа наблюдаемого, сколько феноменальная интуиция и проницательность самого наблюдателя, и нужно было для этого, как водится, «что-то особенное, кроме знания, чем обладал в мире только один человек...»²⁰. То же и с формой носа. Однако не зря слова «знать» и «обонять, чувствовать носом» употребляются в сходных смыслах. Не в меньшей степени, чем по уровню интеллекта, люди различаются по способности воспринимать запахи. Больше того, существуют ароматы, которые одному человеку кажутся восхитительными, другому — неприятными, а третий их просто не различает.

¹⁹ Рунге. Нос и его отношение ко всему телу / Монография с предисловием профессора д-ра М.И. Россбаха. Пер. с нем. под ред. Л. Силича. СПб., 1888. С. 6—37.

²⁰ Булгаков М.А. Ханский огонь: Повести и рассказы. М.: Худ. лит., 1988. С. 140.

Учитывая, что от влияния этих запахов может зависеть обучаемость человека, его память, интеллектуальная работоспособность или умение различать оттенки цвета и вкуса, их исследование продиктовано отнюдь не праздным любопытством. Но прежде чем осознать это, ученым предстояло еще во многом разобраться — в связи не только с носом, но и с воздухом, в котором происходит распространение запахов.

До второй половины XVIII века воздух рассматривали как стихию и средство для пассивного переноса чужеродных частиц, влияющих на здоровье организма. Люди научились избегать воздуха, зараженного гнилостными испарениями. Они считали, что несвежий воздух способен ускорять гниение, нарушая равновесие между четырьмя «основными соками»: кровью, флегмой, желчью и черной желчью. Уже тогда во многих странах существовало убеждение, что запахи непосредственно связаны с эмоциями и душевным состоянием человека.

Высвобождение отвратительно пахнущих органических веществ, которое происходило, например, при земляных работах, могло вызвать настоящую панику. Предполагали даже, что запах тела умершего может стать причиной смерти других людей. Распространялись слухи о некоем студенте-медике, который, подержав в руках печень разложившегося трупа, якобы внезапно почувствовал слабость и был доставлен домой, где умирал 70 часов в страшных мучениях²¹. Запахам приписывалась способность вызывать сыпь, лихорадку и даже помрачение рассудка. Люди начали бояться скученности в бараках и церквях, но особенно — в тюрьмах и на кораблях во время длительных плаваний. Философ Роджер Бэкон, живший в XIII веке, считал наиболее опасным запах чумы, а

²¹ *Corbin A. The Foul and the Fragrant. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.*

на второе место по «вредности» ставил тюремный запах. В то же время очень многие люди полагали, что атмосфера вокруг тела ребенка душиста, благоуханна и может оказывать целительное действие.

Бытовало мнение, что существуют расовые различия, связанные с запахами и выражающиеся в том, что эскимосы, готтентоты и чернокожие африканцы испускают более сильный запах, чем европейцы. Эти соображения хорошо «подтверждали» распространенную тогда идею, что названные группы людей ближе к диким животным, чем слабо пигментированные и, соответственно, «высшие» расы²².

В конце XVIII века ароматы широко применяли для «ревитализации» или оздоровления дурного воздуха. Душистые вещества использовались не только потому, что они делали запах человека более приятным и привлекательным, но и ради их предполагаемой способности предотвращать инфекционные болезни. Традиционно во время эпидемий практиковались как прозаические, так и достаточно экстравагантные способы: одни считали лучшим средством губку, смоченную в винном уксусе, другие предпочитали лимон, утыканный гвоздиками²³, или ароматизированный тряпичный мячик, который надлежало нести в руке и время от времени нюхать. Для тех, кто не мог позволить себе держать дома кастрюли с духами, лучшие авторы рекомендовали саше из руты, мелиссы, майорана, мяты, шалфея, розмарина, апельсинового цвета, базилика, тимьяна, лаванды, лавровых листьев, апельсиновой и лимонной кожуры, а также корки айвы. Такие саше должны были постоянно находиться в помещении

²² *Finger S. Op. cit.*

²³ *Corbin A. Op. cit.* Речь идет о сухих бутонах гвоздичного дерева (*Caryophyllus aromaticus L.*, или *Eugenia aromatica L.*), которые современные хозяйки используют при изготовлении маринадов и сладкой выпечки; ныне они применяются также в парфюмерии и медицине.

во время чумы. Букхоз советовал нюхать красные гвоздики и опрыскивать одежду из пульверизатора настоем лесного дягиля²⁴.

Даже во времена Чарльза II (1630–1685), короля Англии, Шотландии и Ирландии, считалось, что душистые травы могут быть эффективны против чумы (запаха смерти). Розмарин задавал тогда уровень цен на рынке. Напротив, постоянно усиливающийся в больших городах запах промышленных отходов (например, от сжигаемого угля) ни у кого не вызывал беспокойства — до серьезной озабоченности проблемами экологии человечеству было куда как далеко.

ХІХ ВЕК: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И НОВЫЕ ЗАГАДКИ

Только к концу ХІХ века француз Феликс Вик д'Азир опроверг представления о предполагаемой эффективности ароматических паров или веществ, применяемых для окуривания. (Мог ли он предполагать, что в ХХІ столетии вера в сверхъестественные способности эфирных масел и курительных палочек вновь восторжествует?) Вскоре сделался общепризнанным тот факт, что воздух — не элемент, а смесь газов; это заставило ученых заняться поисками веществ, не просто маскирующих запах, но разрушающих его источник. Химическая борьба со зловонием была усовершенствована применением известковой воды, серной и азотной кислот и сходных с ними веществ²⁵.

В 1821 г. Ипполит Клоке (1787–1840) написал 758-страничную книгу про обоняние, рассматривая его в контексте как эволюции научных взглядов, так и соци-

²⁴ *Corbin A. Op. cit.*

²⁵ *Finger S. Op. cit.*

альной истории запахов. Его «Осфрезиология» (*osphre* по-гречески означает «обонять, пахнуть») стала основным источником «обонятельной» информации для современников и регулярно цитировалась на протяжении всего XIX века. Клоке использовал систематический подход к классификации запахов, описывал возможные их аномалии, анализировал разнообразные возможности использования ароматов и индивидуальные различия в их восприятии. Несомненным достоинством его книги было и то, что она делала достоянием широкой публики открытия ученых, такие как наблюдение Роберта Бойля (XVII век), согласно которому вещество, испускающее запах, теряет вес. При этом реальные научные достижения мирно уживались у Клоке с фантастическими идеями, основанными на интуиции и социальной философии, а многие его утверждения не соответствовали фактам²⁶.

В противоположность Клоке, Иоганн Мюллер посвятил обонянию всего семь страниц в своем научном руководстве²⁷. Мюллер, как и многие другие ученые XIX века, решительно отказался от смешанного подхода, в рамках которого точно установленные естественно-научные факты объединялись с умозрительными социальными и философскими идеями, — подхода, преобладавшего в более ранних попытках изучать обоняние. Несомненно, это пошло на пользу истине.

В короткой главе невозможно рассказать все о людях феноменальных способностей и невероятной судьбы, стоящих за сообщениями о новых научных открытиях. Если Рюйш был первым, кто описал орган дополнительного обоняния человека, то другой малоизвестный сего-

²⁶ *Cloquet H. Osphresiologie ou Traits des Odeurs, du Sens et des Organes de l'Olfaction. 2-e éd. P.: Chez Mequignon-Marvis, 1821.*

²⁷ *Muller J. Handbuch der Physiologie des Menschen. Coblenz: Verlag J. Holscher, 1838.*

дня ученый — немец Иоганн Бернхард фон Гадден (1824—1886), по-видимому, впервые обнаружил представительство вомероназального органа в переднем мозге — добавочную обонятельную луковицу. С именем Гаддена связана одна из самых загадочных, нераскрытых и поныне детективных историй. Дело в том, что он был не только выдающимся нейроанатомом, но и крупнейшим психиатром. Сейчас редко кто помнит, что в недавнем прошлом способы лечения душевнобольных почти не отличались от содержания опасных преступников, а иной раз оказывались и много хуже: их запирали, заковывали в колодки и цепи, жестоко избивали, нередко показывали за деньги публике, которой разрешалось дразнить несчастных и насмехаться над ними. Гадден осмелился оппорить утверждения старейших психиатрических школ своего времени: долгие годы он последовательно и настойчиво утверждал необходимость гуманного обращения с душевнобольными. В клинике под Цюрихом, которой он руководил, пациентам предоставлялась беспрецедентная степень личной свободы — притом что сама клиника не имела себе равных по рациональной организации и в ней использовалась любая возможность для оказания помощи больному. В 1870 г. Гадден описал добавочную обонятельную луковицу, а в 1875-м его посвятили в рыцари — подобно Рюйшу, этот уникальный человек успешно сочетал общественную, врачебную и административную деятельность с научной работой. Все шло прекрасно вплоть до 1886 г., когда Гадден в составе комиссии из четырех наиболее известных психиатров был приглашен для освидетельствования вменяемости короля Баварии Людвига II. Врачи установили у него паранюю (сейчас это заболевание было бы названо параноидальной формой шизофрении). На основании диагноза король был отстранен от исполнения своих официальных обязанностей и всего через три дня (об оперативности,

видимо, кто-то позаботился) отправлен под наблюдением Гаддена в свою летнюю резиденцию на озере Старнберг. На следующее утро после прибытия Гадден с несколькими сопровождающими отправился с королем на прогулку. Что произошло потом — неизвестно: через несколько часов оба были найдены утонувшими недалеко от берега. Расследование завершилось в кратчайшие сроки. Было объявлено, что, по-видимому, король во время прогулки внезапно бросился бежать к мелкому озеру, Гадден сделал попытку его остановить, но физически крепкий сорокалетний король оказался сильнее и утопил врача — которого, вероятно, считал главным виновником своего заточения, — после чего покончил с собой. Имелось, впрочем, множество странных обстоятельств: свидетели происшествия отсутствовали, всех слуг короля немедленно арестовали, а окрестным жителям было запрещено покидать дома до окончания следующей ночи. Все это выглядело подозрительно даже для современников — особенно если учесть, что Гадден был опытным врачом и хорошо знал короля, которого наблюдал на протяжении 11 лет. Кажется невероятным, чтобы он отправился на прогулку с опасным пациентом, не приняв необходимых мер предосторожности. Обоих погибших похоронили с почти неприличной поспешностью, вскрытие не проводилось. Скорее всего, мы уже никогда не узнаем, что в действительности произошло на берегу озера Старнберг, однако не исключено, что великий психиатр и баварский монарх стали жертвами убийства. Врачебные таланты Гаддена были широко известны, все знали и о том, какую свободу он предоставляет своим подопечным. По-видимому, при дворе нашлись люди, всерьез опасавшиеся, что Гадден сумеет вернуть здоровье сумасшедшему королю либо же необычный пациент воспользуется мягкими условиями содержания, чтобы отомстить своим обидчикам. Увы, мало кто вспомнил, что в лице Гаддена погиб талантливый нейроморфолог, который еще многое мог сделать.

К 1880 г. были получены новые научные данные об анатомии, физиологии и феноменологии обоняния. Однако перед учеными по-прежнему вставали вопросы, ответить на которые казалось невозможным.

ЖЕРТВЫ И ГЕРОИ КЛАССИФИКАТОРСТВА

Долгая история ольфакторных исследований показывает, что внимание чаще всего уделялось поиску неких «первичных» запахов и сведению в стройную систему всех остальных. Это закономерно: вспомним, какое значение для науки имело создание периодической таблицы Менделеева. Возможности использования запахов, безусловно, могли бы оказаться гораздо шире, если бы удалось классифицировать пахучие вещества и понять механизмы обонятельного восприятия. О сложности этой задачи можно судить хотя бы по тому, что она была актуальна еще для Аристотеля и не решена до сих пор, — притом что проблемы обоняния постоянно привлекали внимание незаурядных исследователей. Шведский ученый Карл Линней (1707–1778) широко известен как выдающийся ботаник и создатель первой рациональной системы живой природы — настолько удачной, что биологи используют ее и по сей день. Однако мало кто знает, что гениальный швед, помимо прочего, создал одну из первых классификаций запахов, которая оказала серьезное влияние на дальнейшие попытки их систематизации. Линней составил ряд из семи основных, по его мнению, запахов: пряный, благовонный, амброво-мускусный, чесночный, козлийный, отталкивающий, зловонный²⁸. Через более чем сто лет после Линнея, в 1895 г., новую попытку классифицировать запахи делает известный голландский исследова-

²⁸ *Finger S. Op. cit.*

дователь обоняния Гендрик Цваардемакер. На удивление даже своим современникам, он не находит ничего лучше, чем взять за основу список Линнея, добавив к нему только два запаха — «горелый» и эфирный. Ярый противник Цваардемакера, Ханс Хеннинг, предложил в начале XX века (1916) свою систему запахов, оформленную в виде полой призмы. Хеннинг полагал, что разместил по углам этой призмы так называемые основные, или базовые, запахи, а все остальные могут быть локализованы внутри призмы, на ее сторонах или гранях. Не буду утомлять читателя пространным анализом этой идеи: если вы сами попытаетесь разместить на хеннинговской призме, к примеру, запах моря, ацетона или сушеных грибов (равно как и большинство других), то столкнетесь с непреодолимыми трудностями. Любопытно другое: на ряде сайтов современного Интернета желающим поэкспериментировать с изучением обоняния всерьез и небесплатно предлагаются тесты, основанные именно на призме Хеннинга.

Понятно, что до тех пор, пока неизвестно, какие именно особенности вещества определяют его способность пахнуть, любая попытка классифицировать запахи будет гаданием на кофейной гуще (кстати, именно запах поджаренного кофе нередко использовался классификаторами в качестве нейтрального примера). Справедливости ради надо заметить, что если этого не знали Линней с Цваардемакером, то не знают и современные ученые, несмотря на несомненный прогресс науки. Существуют многочисленные гипотезы, объясняющие запах либо химическими свойствами молекул, либо их физическими особенностями. Проблема заключается в том, что многие соединения, сходные по любому из выбранных признаков, пахнут очень по-разному, и наоборот. Известны, например, два вещества: андростенол и андростенон. Оба — феромоны, обладающие, однако, различным для боль-

шинства людей запахом. Оба имеют достаточно тяжелые молекулы, которые отличаются всего лишь на один атом водорода; но при столь незначительной разнице андростенол пахнет мускусом, а андростенон — мочой.

КАК ИЗУЧАЛИ ОБОНЯНИЕ

Отважные ученые XIX века, пытаясь выяснить, только ли воздух может пахнуть, проводили любопытные эксперименты, в том числе и на самих себе. Эрнст Вебер в 1847 г. помещал в собственный нос 10%-ный раствор одеколona, запрокидывал назад голову и старался уловить его запах. Из этого ничего не вышло, по-видимому, из-за неудачно выбранного стимула: одеколон в использованной концентрации мог лишать чувствительности обонятельные рецепторы. Тем не менее, пока не был заново открыт вомероназальный орган, бытовало мнение о том, что для распространения запахов необходима воздушная среда.

Выяснилось, правда, что обонятельные ощущения можно вызвать и еще одним, весьма необычным способом. Гийом Дюпон (1777—1835), знаменитый французский хирург, вводил пахучие растворы в вену собаки. Собака после этого начинала принюхиваться и вообще вести себя так, как если бы пахло что-либо в воздухе вокруг нее. Позднее тот же эксперимент удалось повторить на людях²⁹ — с тем же результатом. Объяснить это явление, названное «гематогенным обонянием», до сих пор не удалось.

Исключительно сложным оставался также вопрос о центральных проекциях органов обоняния — о том, какие

²⁹ *Bednar M., Langfelder D. Über das intravenöse (Hamatogene) Riechen // Monatsschrift für Ohrenheilkunde Laryngo-Rhinologie. 1930. № 64. S. 1133—1139.*

именно отделы человеческого мозга занимаются анализом и переработкой информации, поступающей от обонятельных рецепторов. Установить, где именно локализованы центры обоняния, можно было только в ходе экспериментов на животных и тщательного обследования пациентов с повреждениями определенных центров мозга и одновременно с нарушениями обоняния.

В 1870 г. Вильям Оугл обратил внимание на тот факт, что многие люди с аносмией (частичным или полным отсутствием обоняния), вызванной ударом по голове, имеют повреждения в нижней части височной доли или рядом с ней. Однако клинические данные были очень противоречивыми.

В 1889 г. Джон Хаглинз Джексон представил работу по обонятельным аурам при эпилепсии. В переводе с греческого слово «аура» означает «дуновение, ощущение легкого ветерка»: так у врачей обозначаются ощущения, возникающие у эпилептиков незадолго до приступа и являющиеся его первыми признаками. Существуют ауры двигательные, сенсорные, вегетативные и психические. К примеру, последние могут выражаться в том, что эпилептик впадает в мрачное, подавленное состояние, подобно человеку, который перенес ужасное горе или предчувствует, что оно должно вот-вот его постигнуть (пугающе реалистичные описания этого явления можно найти в произведениях Ф.М. Достоевского). У ряда больных эти тягостные чувства усугубляются чудовищными обонятельными галлюцинациями. Пациентам с большим трудом удавалось описать свои «обонятельные миражи», но почти всегда они были отвратительны: напоминали запах фосфора, тухлых яиц, горелых тряпок; вызывали тошноту; несли в себе непередаваемое ощущение угрозы. При посмертном исследовании таких больных у них, как правило, обнаруживали достаточно крупные опухоли головного мозга, затрагивающие височную долю.

Наблюдения больных с поражениями головного мозга наводили также на мысль о возможной связи между anosmией и афазией (отсутствием речи). Дело в том, что речевые центры расположены в височной доле, достаточно близко к центрам переработки обонятельных сигналов, и при заболевании могут поражаться одновременно. Один из исследователей высказал также предположение, что острота обоняния может быть связана с цветом кожи. По объективным причинам вопрос этот было нелегко исследовать беспристрастно. Мы знаем, что люди, принадлежащие к разным расам, по-разному различают запахи, однако до сих пор неизвестно, носят ли эти различия биологический характер или же в их основе лежат культурные традиции.

Эксперименты на животных позволили ответить на многие важные вопросы. Уже в XIX веке в основном подтвердилось предположение, что для восприятия запахов необходимы обонятельный нерв и обонятельные луковицы, однако целый ряд результатов объяснить так и не удалось. В 1933 г. Дюссе де Барен отмечал нормальные обонятельные реакции у кошек с полностью удаленной новой корой головного мозга (более древняя кора экспериментальных животных оставалась неповрежденной). Сходные данные были получены и о людях с нарушенными функциями коры; таким образом, было показано, что новая кора человека и животных не участвует в первичном анализе воспринимаемых запахов.

В ряде случаев обонятельные нарушения у человека, несомненно, имели генетические причины. В одной работе начала XX века описан пациент-киевлянин, который был не способен различать запахи, если они не были раздражителями, воздействующими на тройничный нерв³⁰.

³⁰ *Glaser O. Hereditary deficiencies in the sense of smell // Science. 1918. № 48. P. 647–648.*

При обследовании семьи больного выяснилось, что многие его родственники имели тот же дефект, в сочетании с аномалиями зубов, увеличенными большими пальцами рук и чрезмерной сексуальностью. По-видимому, наследственная anosmia могла быть вызвана сцепленным с полом рецессивным геном.

Естественно, ученые проявляли повышенный интерес к случаям «специфических anosmий», полагая, что выяснение их причин может пролить свет на базовые запахи и их восприятие. В журнале «Science» 1920-х гг. была опубликована короткая статья, основанная на забавном казусе³¹. Перебирая цветы вербены, ученый заметил, что один из них имеет особенно приятный запах. Он указал на это своему ассистенту, однако когда ассистент понюхал предложенный ему цветок, то никакого запаха не ощутил. Вместо этого он выбрал другой цветок, отличающийся особым ароматом, однако на сей раз никакого запаха не почувствовал автор статьи! Затем оба попробовали расположить цветы вербены по степени их пахучести — и снова, к их удивлению, у них получилось два несоответствующих ряда, при описании которых они пользовались абсолютно разными терминами.

Чтобы выяснить, не вызван ли этот факт каким-либо обонятельным дефектом одного из исследователей, надлежало протестировать других людей. Добровольцам предложили выбрать из множества растений вербены цветок с самым приятным запахом. Результат в точности совпал с начальным: хотя группа волонтеров была достаточно велика, одни выбирали запах, понравившийся автору, другие — тот, который предпочел его ассистент; дополнительных вариантов обнаружено не было. При этом все тестируемые вследствие своеобразной «обоня-

³¹ *Blakeslee A.F.* Unlike reactions of different individuals to fragrance in verbena flowers // *Science*. 1918. № 48. P. 298–299.

тельной слепоты» в принципе не могли понять, как можно было сделать другой выбор. Межполовых различий между ними не было, но предпочтения распределялись таким образом, что на одного человека, восприимчивого к запаху «вербены ассистента», приходилось два человека, чувствительных к запаху «вербены автора», — соотношение, подтверждающее генетическую природу данной закономерности.

В дальнейшем восприимчивость человека к запахам стали изучать с помощью специальных приборов — ольфактометров, один из которых был сконструирован еще в 1887 г. уже известным читателю голландцем Цваардемакером. Этот инструмент был предельно прост: в ноздри ведут две стеклянные трубочки, к ним подсоединены трубочки резиновые, на внутреннюю поверхность которых нанесено пахучее вещество определенной концентрации. По тому, сколько сантиметров резиновой трубочки требовалось испытуемому, чтобы ощутить присутствие запаха, оценивали остроту его обоняния. Таков был самый совершенный ольфактометр конца XVIII — начала XIX века.

ДЕГЕНЕРИРУЮЩАЯ СЕНСОРНАЯ СИСТЕМА ИЛИ НЕОБХОДИМОЕ ЧЕЛОВЕКУ «ШЕСТОЕ ЧУВСТВО»?

Вопрос о том, является ли обонятельная система у приматов, и особенно у человека, «дегенерирующей», интенсивно обсуждался в прошлом. По мнению ряда авторов, обонятельный аппарат претерпел «инволюцию» у птиц, некоторых китов, обезьян и человека³². Не раз вы-

³² *Harrison D. Preliminary thoughts on the incidence, structure and function of the mammalian vomeronasal gland // Acta Otolaryngol. (Stockh.). 1987. № 103. P. 489–495.*

сказывались предположения, что у предков человека чувство обоняния было развито лучше и играло более важную роль — как у современных млекопитающих-макросматиков³³.

Есть, однако, и противоположная точка зрения: люди не обнаруживают хорошего обоняния потому, что редко им пользуются, а вовсе не из-за его эволюционного упрощения. К примеру, Э. Тиченер полагает, что «даже тот факт, что запахи не имеют установленной системы названий, как холод или боль, красный или синий, указывает, что они не использовались в жизни человека». Доказывая, что люди все еще наделены достаточно острым чувством обоняния, которое можно развить, он ссылаясь на племена охотников ботокудо из Бразилии и аборигенов Малайзии: представители этих традиционных сообществ обучаются мастерству в охотничьих играх, где значительную роль играет именно обоняние³⁴.

Мнение, близкое к позиции Тиченера, высказал в 1917 г. в своем учебнике Луиджи Лучани³⁵. Он хотя и утверждает, что чувство обоняния более развито у «диких рас», нежели у «цивилизованного человека», однако признает, что поведенческие отличия, возможно, возникли в результате более частого использования обоняния и обонятельного «обучения». Лучани упоминает наблюдения Александра фон Гумбольдта, согласно которым перуанские индейцы могут выслеживать добычу по запаху, как охотничьи собаки, и добавляет, что благодаря тренировке фармацевты могут определять по запаху лекарства,

³³ Макросматиками — животные с хорошо развитым обонянием (насекомоядные, хищники, многие травоядные). Тех, у кого обоняние развито слабо, называют микросматиками. Это птицы, водные млекопитающие (киты, дельфины, тюлени) и приматы, среди которых самым «малонюхающим» является человек.

³⁴ *Titchener E.B. A Beginner's Psychology. N.Y.: Macmillan, 1915.*

³⁵ *Luciani L. Human Physiology / Trans. by F. Welby. L.: Macmillan, 1917.*

врачи — ставить диагнозы, а слепые и глухие люди — отличать одного человека от другого.

Итак, наступил XX век. Поскольку век этот был предельно насыщен событиями, в том числе и научными, мы не слишком погрешим против исторической справедливости, если будем судить о происшедшем с высоты наших дней.

МНЕНИЯ И СПОРЫ СОВРЕМЕННЫХ УЧЕНЫХ

Сказать, что о запахах и их восприятии все давно известно, может только человек, весьма далекий от реальной науки. Между тем эта фраза в последние годы все чаще стала мелькать в популярной печати и электронных СМИ и, как следствие, звучать из уст не только обывателей, но и тех, кто претендует на роль создателей «общественного мнения». Подлинное же положение дел и сложнее, и интереснее, чем его нередко изображают.

Современной науке известно, что восприимчивость к запахам не только очень индивидуальна — она зависит от пола, возраста, особенностей воспитания, культурных традиций и состояния здоровья индивидуума. Например, запах андростенона большинству людей напоминает запах мочи, но есть и такие, кто воспринимает его как аромат сандалового дерева или не различает вовсе³⁶. Но и здесь обнаружилось много неожиданного. Так, предположение, что с возрастом обоняние ухудшается, подтвердилось лишь отчасти. Ухудшения на уровне рецепторов действительно начинаются очень рано, уже лет в двадцать,

³⁶ *Eskenazi B., Cain W.S., Novelly R.A., Mattson R.* Odor perception in temporal lobe epilepsy patients with and without temporal lobectomy // *Neuropsychologia*. 1986. № 24 (4). P. 553–562.

однако способность различать запахи может зависеть также от умения назвать запах, обонятельной памяти и жизненного опыта, а потому испытуемые в возрасте далеко за тридцать нередко лучше справляются с обонятельными тестами, чем дети и подростки. Более того, вкусовая и обонятельная чувствительность к некоторым веществам (аминокислотам) с возрастом повышается: по результатам испытаний семидесятилетние легко «обходят» двадцатилетних!³⁷

Примерно треть людей способны идентифицировать собственный запах и запах своего партнера среди 10 предложенных на выбор образцов. Около 50% ошибаются при определении того или другого. Еще примерно треть человечества может отличить мужской запах от женского. Характеризуя «вслепую» человеческие запахи как «приятные» или «неприятные», испытуемые обоюбого пола, как правило, относили к числу приятных именно женские запахи. Женщины чаще, чем мужчины, считают свой запах приятным (Адольф Гитлер, которому, по слухам, очень нравился запах собственных подмышек, видимо, был исключением из правила). Наконец, представители обоих полов обычно относят запах своего сексуального партнера к приятным – независимо от того, что думают по этому поводу окружающие³⁸.

В абсолютном большинстве случаев матери легко узнают по запаху вещи и одежду своих детей, а новорожденные младенцы предпочитают запах материнского молока чужому. Есть сведения о том, что детеныши млекопитающих вырабатывают особые феромоны, которые стимулируют материнское поведение у самок и позволяют ма-

³⁷ Plattig K.H., Kobal G., Thumfart W. The chemical senses of smell and taste in the course of life – changes of smell and taste perception [Article in German] // Z. Gerontol. 1980. № 13 (2). P. 149–157.

³⁸ Hold B., Schleidt M. The importance of human odour in non-verbal communication // Z. Tierpsychol. 1977. № 43 (3). P. 225–238.

терям отличать своих малышей от чужих³⁹. За подобное действие запахов также отвечает дополнительное обоняние: известно, что кормящие овцы, у которых был поврежден вомероназальный орган, кормили всех ягнят без разбора, тогда как в норме они подпускают к себе только собственных детенышей.

Новейшие методы исследований — компьютерная томография, ядерно-магнитный резонанс — позволили обнаружить явление так называемого «слепого обоняния», когда человеку кажется, что он не чувствует никаких запахов, однако сигнал о воздействии одоранта поступает в мозг и вызывает там определенные реакции, влияющие на поведение. Именно так действуют запахи, воспринимаемые дополнительным обонянием⁴⁰. Кстати, согласно новейшим данным, вомероназальный орган млекопитающих обладает почти невероятной чувствительностью: он способен воспринимать вещества в концентрации 10^{-11} М⁴¹ — это количество, соответствующее примерно 0,00000000001 грамма углерода!

Современные исследования отчасти подтвердили опыты XVIII—XIX веков, доказывающие зависимость обоняния от височной доли головного мозга, однако эта проблема пока далека от однозначного разрешения⁴². Кроме того, связь между мозгом и обонянием, по-видимому, сложнее, чем предполагалось ранее. При эксперимен-

³⁹ Booth K.K., Katz L.S. Role of the vomeronasal organ in neonatal offspring recognition in sheep // Biol. Reprod. 2000. № 63 (3). P. 953–958.

⁴⁰ Sobel N., Prabhakaran V., Hartley K. et al. Blind smell: brain activation induced by an undetected air-born chemical // Brain. 1999. № 122 (2). P. 209–217.

⁴¹ Leinders-Zufall T., Lane A.P., Puche A.C. et al. Ultrasensitive pheromone detection by mammalian vomeronasal organ // Nature. 2000. № 405 (6788). P. 792–796.

⁴² Eshenasi B., Cain W.S., Novelly R.A. Mattson R. Op. cit.

тальном «отключении» восприятия запахов у животных не только нарушалось поведение, непосредственно зависящее от обоняния, но и менялась возбудимость и эмоциональность, гормональный статус и функции основных нейрохимических систем⁴³.

Непросто оказалось разобраться не только с мозгом, но даже с ноздрями. Выяснилось, что правая ноздря лучше различает незнакомые запахи, чем левая. Для знакомых запахов такой закономерности не наблюдается: обе ноздри различают их одинаково, причем точнее незнакомых⁴⁴. Левая ноздря оценивает запахи менее положительно, чем правая, и точнее определяет происхождение запаха. Здесь уместно вспомнить, что в трактатах йогов еще за тысячи лет до нашей эры различались «правый» и «левый» вдохи; возможно, вскоре нам удастся понять и причину подобных различий.

Сегодня ученые по-прежнему применяют ольфактометр, однако его изобретатель Цваардемакер вряд ли узнал бы свое детище в современных приборах, позволяющих выявить реакцию одной-единственной обонятельной клетки, различимой лишь с помощью микроскопа. Причем реакция определяется по электрофизиологическим признакам, а не со слов испытуемого, который легко может ошибиться, особенно когда речь идет о ничтожных концентрациях одоранта. Из научной диковинки ольфактометрия превратилась в рядовое медицинское обследование: обнаружено, что первым признаком таких грозных болезней, как синдром Альцгеймера и шизофрения, не говоря уже об обычных и столь час-

⁴³ Марчук Н.Е., Калугев А.В. Обоняние и поведение. К.: КСФ, 2000. С. 7.

⁴⁴ Savic I., Berglund H. Right-nostril dominance in discrimination of unfamiliar, but not familiar, odours // Chem. Senses. 2000. № 25 (5). P. 517–523.

тых ныне неврозах, являются именно нарушения обонятельной чувствительности⁴⁵.

Много интересного сулит изучение «новых» органов обоняния, и прежде всего вомероназального органа — загадочной структуры, способной управлять сексуальным, общественным и родительским поведением человека помимо его воли, а также регулировать настроение⁴⁶. Обнаружив источники феромонов в растениях (эти разработки сейчас активно ведутся), мы получим не только новые духи и косметические средства, позволяющие чувствовать себя именно так, как хочется, но и, возможно, новые медицинские препараты и просто вещества, способные сделать жизнь более комфортной.

Оказалось, например, что обонянием активно пользуются не только люди, но и отдельные клетки человеческого тела, в частности сперматозоиды. В Америке ученые работают над созданием противозачаточных средств нового поколения, которые должны будут блокировать «обоняние» сперматозоидов, мешая им находить яйцеклетку по запаху. В перспективе это может означать отказ от гормональных противозачаточных средств, большинство которых обладает нежелательными побочными эффектами.

Давно известно, что наша симпатия или антипатия к человеку может зависеть от его запаха, который, подобно отпечаткам пальцев, у каждого абсолютно индивидуален и определяется набором генов. Больше узнав о соответствии между генетическим кодом, запахом и психикой, люди могли бы успешно решать самые разнообразные проблемы — от создания «идеальных» семейных пар

⁴⁵ *Попелянский Я.А.* Ольфакторные нарушения и неврозы // Неврологический журнал. 1998. № 6; *Doty R.L.* Olfaction // Annu. Rev. Psychol. 2001. № 52. P. 423–452.

⁴⁶ *Гулимова В.И.* Указ. соч.; *Jacob S., McClintock M.K.* Psychological state and mood effects of steroidal chemosignals in women and men // Horm. Behav. 2000. № 37 (1). P. 57–78.

до сведения к минимуму производственных и этнических конфликтов⁴⁷. Действительно, ксенофобия может возникнуть под действием запаха. Быть может, прежде чем мы столкнемся «нос к носу» с представителями иных цивилизаций, стоит подумать о том, как может подействовать на нас их запах? Что, если после столь долгого и трепетного ожидания контакта с «космическим разумом» мы начнем палить друг в друга изо всех пушек только потому, что кому-то чей-то запах покажется «агрессивным»? Впрочем, и в нашем сегодняшнем обществе существуют сложнейшие проблемы доминирования, сотрудничества и конкурентных отношений. Они до сих пор стоят человечеству большой крови, а ведь многие из них могли бы быть решены уже сейчас, будь наши знания о влиянии запахов более совершенными...

Ароматерапия... Одни воспринимают ее как панацею от всех проблем и болезней, для других же она — жульничество и шарлатанство. Среди первых преобладают люди, далекие от биологии, косметологии и медицины, вторые — в основном профессионалы; и, однако, обе стороны заблуждаются. Конечно, человечество использовало эфирные масла на протяжении тысячелетий. Еще Гиппократ утверждал, что путь к здоровью лежит через ароматические ванны и массажи. Однако навязчивая современная реклама ароматерапии с ее соблазнительными посулами нередко принимает почти анекдотический характер. Декларируемая «естественность и безопасность» ароматерапевтических воздействий сплошь и рядом оборачивается у доверчивого потребителя аллергиями, головными болями и обострениями хронических заболеваний. К счастью, ситуация постепенно меняется к лучшему. Тестированием ароматических масел сейчас занимаются серьезные клиницисты, а покупатели постепенно учатся понимать, что одинаковые баночки с надписью

⁴⁷ Гулимова В.И. Указ. соч.

«Масло чайного дерева», чуть ли не на порядок отличающиеся по цене, разнятся не только цветом этикетки. При этом положение дел в разных странах неодинаково. Если в Великобритании эфирные масла активно используются в уходе за больными (притом что научные данные об их эффективности весьма скудны), то в других европейских государствах, например во Франции, ароматерапия применяется в медицине крайне редко и осторожно, зато количество научных публикаций в ее поддержку непрерывно растет⁴⁸. Доказано, что некоторые эфирные масла обладают выраженным бактерицидным действием, которое можно усилить, правильно комбинируя эти вещества. В ряде случаев ароматерапевтические воздействия приносили несомненную пользу как мягкие успокаивающие средства, в послеоперационной терапии, онкологии, а также при беременности и родах⁴⁹. С их помощью можно снимать усталость, улучшать настроение, стимулировать местное кровообращение и отпугивать насекомых. Есть также данные о том, что эфирные масла влияют на состояние головного мозга и поведение человека. Таким образом, утверждать, что польза ароматерапии всегда была основана только на эффекте плацебо⁵⁰, видимо, нельзя. В то же время приходится признать, что большая часть привлекательных обещаний, звучащих из уст производителей и рекламодателей, не имеет под собой научных оснований.

⁴⁸ *Cawthorn A.* A review of the literature surrounding the research into aromatherapy // *Complement Ther. Nurs. Midwifery.* 1995. № 1 (4). P. 118–120.

⁴⁹ *Cooke B., Ernst E.* Aromatherapy: a systematic review // *Br. J. Gen. Pract.* 2000. № 50 (455). P. 444–445.

⁵⁰ Плацебо – «мнимое лекарство» (вещество, безразличное для организма). Может вызвать реальное улучшение, если больной верит в его эффективность (название происходит от латинского глагола *placere* – «нравиться»). По статистике, на прием плацебо реагирует в среднем до 40% больных.

Много нового стало известно и о «языке» феромонов. Так, ранее считалось, что феромоны строго видоспецифичны, а следовательно, пахучие сигналы собаки абсолютно непонятны лисице, и наоборот. Ныне же выяснилось, что в природе есть вещества, которые могут служить феромонами одновременно для бабочек и... слонов!⁵¹ Наличие такого «химического эсперанто» открывает новые перспективы не только для зоопсихологов, но и для парфюмеров. Примечательно и то, что смысл информации, передаваемой при помощи феромонов, возможно, зависит от количества пахучих молекул: мало — одно сообщение, много — совсем другое.

Однако же не все в одорологии⁵² идет успешно. Восходящие еще к Аристотелю попытки систематизировать запахи до сих пор не привели к значимым результатам. Несмотря на обилие исследований, публикуемые классификации по-прежнему основаны на эмпирических, полуэмпирических или чисто статистических данных⁵³. По-видимому, наука о запахах еще ждет своего Менделеева.

Не лучше обстоят дела и с нашей способностью характеризовать запахи или ощущения от них при помощи слов. Однако взаимосвязь между речевыми центрами в мозге человека и структурами, отвечающими за восприятие запахов, активно исследуется, и прогресс в этой области возможен в самое ближайшее время.

По большому счету, сейчас только начинается изучение такой загадочной области, как взаимовлияние разных органов чувств. Понятно, что и люди, и животные почти никогда не полагаются только на зрение или только на обоняние — как правило, для получения любой информа-

⁵¹ Kelly D.R. When a butterfly like an elephant? // Chem. Biol. 1996. № 3 (8). P. 595–602.

⁵² Одорология — наука, изучающая запахи.

⁵³ Chastrette M. Data management in olfaction studies // SAR QSAR Environ. Res. 1998. № 8 (3–4). P. 157–181.

ции используется комплекс сигналов, в котором, в зависимости от ситуации, могут преобладать те или иные стимулы. Однако лишь недавно было установлено, что зрительное восприятие может зависеть от того, что мы одновременно едим, нюхаем или трогаем, — и наоборот. Некоторые запахи, например запах карамели, могут усиливать сладкий вкус пищи, другие же, напротив, подавляют его (то же и с кислым вкусом)⁵⁴. Есть данные о том, что под влиянием определенных эфирных масел — розового, бергамотового и гераниола — чувствительность зрения к зеленому цвету в дневное время повышается, а к красному — понижается.

Качество, а значит, и эмоциональная окраска восприятия запахов зависит от множества причин: тока воздуха через носовую полость и секреты слизи, состояния рецепторов и отношения человека к тому, что с ним происходит. К примеру, если испытуемым говорили, что предлагаемые ароматы естественны и полезны для здоровья, наблюдалось очень быстрое привыкание к запаху; когда же участникам эксперимента давали понять, что данный запах может быть вредным и опасным, происходила сенситизация, то есть увеличение обонятельной чувствительности (на самом деле в обеих группах предлагались нейтральные запахи, не приносящие ни вреда, ни пользы)⁵⁵. Другой крайне любопытный результат был получен японскими исследователями. Две группы людей находились в помещениях, где присутствовал слабый запах одного и того же искусственно синтезированного химического вещества. Одной группе запах предьявили в момент радостного события (неожиданная выплата

⁵⁴ *Stevenson R.J., Prescott J., Boakes R.A.* Confusing Tastes and Smells: How Odours can Influence the Perception of Sweet and Sour Tastes // *Chem. Senses*. 1999. № 24. P. 627–635.

⁵⁵ *Dalton P.* Odor perception and beliefs about risk // *Chem. Senses*. 1996. № 21 (4). P. 447–458.

премии), а другой — при решении простой с виду математической задачи, которая содержала запрограммированную ошибку и потому в принципе не могла быть решена, несмотря на все старания испытуемого. Волонтеры не знали, какого рода эксперимент с ними проводят, а концентрация вещества была так мала, что никто из них обонятельных воздействий не ощутил. Когда через некоторое время обеим группам снова дали понюхать это же вещество в большей концентрации и попросили сказать, что они думают о запахе, первая группа оценила его как однозначно приятный, вторая же — как отвратительный⁵⁶. Таким образом, запах не только может испортить или улучшить настроение: само обонятельное восприятие человека зависит от эмоций, которые он в данный момент испытывает.

XX век в науке был эпохой генетических и молекулярно-биологических исследований; их результаты оказались очень важны и для понимания обонятельных процессов. Сейчас уже никто не рискнет назвать человеческие органы обоняния «примитивными и дегенерирующими», как это нередко делали ученые в XIX—XX веках. Да, наше обоняние хуже, чем у большинства животных. И тем не менее каждая обонятельная область человека площадью всего 2,5 квадратного сантиметра содержит миллионы чувствительных клеток, образующих более тысячи различных классов, причем в каждой из них работает только один, строго определенный ген из семейства обонятельных рецепторов⁵⁷. Примерно по 10 000 нейронов вырабатывают и несут на поверхности «свой» рецептор, и каждый из них посылает отросток в обонятельную луковицу своего типа, в результате чего там формирует-

⁵⁶ *Рязанцев С.В.* Тайна запахов и звуков. М.: Посад, 1997. С. 250.

⁵⁷ *Mombaerts P., Wang F., Dulac C. et al.* The molecular biology of olfactory perception // Cold Spring Harb. Symp. Quant. Biol. 1996. № 61. P. 135–145.

ся объемная «обонятельная карта». Давно ли вомероназальный орган считали еще более примитивным, чем орган основного обоняния? В конце XX века выяснилось, что нейроны вомероназального органа могут иметь не один, а несколько типов рецепторов; при этом «вомероназальная карта» клубочков, расположенных в добавочной обонятельной луковице, намного сложнее, чем основная. Только за восприятие феромонов отвечают целых три генных семейства, в каждом из которых более ста генов⁵⁸.

Механизм обоняния, судя по всему, весьма совершенен, поскольку мы в состоянии воспринимать не только тысячи запахов привычного для нас мира, но и запахи синтетических веществ, которых ранее в природе не существовало, или, например, запах лунного грунта.

Похоже, что большая часть человеческих генов, кодирующих обонятельные рецепторы, — это гены неработающие, так называемые «псевдогены»⁵⁹; отсюда и наша обонятельная несостоятельность в сравнении с млекопитающими-макросматиками. Однако исследование генетических основ обоняния человека продолжается, и делать грустные выводы о том, что природа «обделила» нас обонятельными генами, пока преждевременно.

Завершая этот краткий экскурс в историю изучения обоняния, хочется еще раз вернуться к науке о человеке — антропологии. Эта область знаний у нас не слишком популярна, и мало кому известно, что французские энциклопедисты и немецкие философы XVIII века возлагали на нее огромные надежды: считалось, что антропология не только сосредоточится на проявлениях человеческо-

⁵⁸ Pantages E., Dulac C. A novel family of candidate pheromone receptors in mammals // *Neuron*. 2000. № 28 (3). P. 835–845.

⁵⁹ Mombaerts P. Odorant receptor genes in humans // *Current Opinion in Genetics & Development*. 1999. № 9. P. 315–320.

го разнообразия, но и объединит усилия других наук для его изучения. Мы могли бы знать значительно больше о человеческом обонянии, если бы строили его исследование на антропологических принципах. Участие культурологов, историков, социологов, философов и лингвистов в решении обонятельных проблем могло бы стать залогом успеха в стремлении ученых овладеть «последним бастионом» неизведанного в области человеческих органов чувств. Весьма важную роль в решении столь многоплановой проблемы может сыграть и художественная литература: ведь именно писатель Марсель Пруст пробудил интерес ученых к такому интереснейшему явлению, как «обонятельная память» (оно даже было названо по его имени — «феномен Пруста»⁶⁰).

⁶⁰ *Chu S., Downes J.J. Odor-evoked Autobiographical Memories: Psychological Investigation of Proustian Phenomena // Chem. Senses. 2000. № 25. P. 111–116.*

Люсьенн А. Рубен

ЗАПАХОВЫЕ СИГНАЛЫ И ПРОСТРАНСТВО ПРАЗДНЕСТВА В ЕВРАЗИИ *

Любая группа людей постоянно окружена многочисленными запахами, которые обволакивают ее сложным, зависящим от сезона облаком самых разных ароматов. Распространяемые таким образом импульсы подобны сообщениям, поступающим в повседневную реальность — как будничную, так и праздничную — в качестве всем понятного текста.

Эта сигнальная система, основанная на ольфакторной информации, устанавливает иерархию предметов, животных и людей в пространстве, занимаемом данной группой, и одновременно определяет ее положение на оси времен года. Любопытно, что эта жестко упорядоченная и всеобъемлющая обонятельная информация как система классификации до сих пор не учитывалась учеными. Поэтому мне показалось необходимым, во-первых, дать название этой системе, а затем определить ее характеристики и функцию. Таков предмет исследования в «Мире Запахов»¹.

Когда я в общих чертах обрисовала направление этой работы Роже Бастиду, он со свойственным ему остроумием заметил: «Знаете, мне тут, не понюхав, не ра-

* *Roubin L.A. Signaux odorants et espaces de fête en Eurasie // Géographie des odeurs / Sous la dir. de R. Dulau et J.-R. Pitte. P.; Montréal: L'Harmattan, 1998. P. 119–128. © Editions l'Harmattan*

¹ *Roubin L. Le Monde des Odeurs. P.: Méridien; Klincksieck-Chaunu, 1990.*

зобратся!» В самом деле, каждая группа людей, включая разные комбинации запахов в систему соответствующих смыслов, делает запах носителем латентного сообщения, побуждающего к действию. Другими словами, в любой точке земли цепи запахов неотделимы от определяемого ими конкретного пространства, в котором они действуют — временно или же постоянно.

Однако в самой сердцевине человеческого быта есть особые места, где концентрация запахов максимальна; в частности, это места, которые данная группа отводит под празднества. Более того, к какой бы категории ни относилось празднество — будь то семейное чествование какого-то этапа индивидуального жизненного цикла, или ликование горожан или крестьян в честь святого покровителя, или церемония вступления в цех, — оно обычно выбивается из будничной повседневности; сценарий, закрепленный в нем коллективной памятью, всегда открыт для нововведений, но все же имеет свой собственный, традиционный порядок², полностью независимый от повседневных обстоятельств, и от начала до конца нацелен на выполнение определенных функций, ради которых он и существует.

Кроме того, если речь идет о ежегодном деревенском празднестве, в ходе которого под эгидой святого заступника каждый раз заново подтверждается молчаливый договор солидарности всех местных жителей, то организация праздничного пространства являет собой порядок, прямо противоположный обычному: это время «преизбытка бытия», по выражению Арлетт Фригу, порой даже крайности, никогда, впрочем, не превращающей празднества в хаос³.

² *Bastide R. Entretiens de recherche. P., 1970.*

³ *Frigout A. La fête populaire // Histoire du Spectacle. P.: Gallimard, 1965 (Coll. Pléiade). P. 265–292.*

РОЛЬ ПАХУЧЕГО ВЕЩЕСТВА КАК ПРЕДВЕСТИЯ ПРАЗДНЕСТВА

Прежде чем приступить к рассмотрению многочисленных связей, существующих между пучками запахов и пространством празднества, следует подчеркнуть устойчивую роль пахучего вещества как предвестия праздничной поры.

В самом деле, приготовления к дням отдыха и веселья повсюду непременно включают в себя чистку места торжества — государственных зданий, частных домов, улиц и площадей квартала, — так что вся эта широкая кампания по ассенизации, сосредоточивая вокруг праздничного пространства по-царски приятные запахи, помещает его в зону благоухания. Безусловно, со времен Античности, а быть может, и с неолита, все человеческие учреждения поддерживают вокруг пространства обитания букет запахов, по опыту воспринимаемый как благоприятный для выживания, и особенно во время подготовки к предстоящему празднеству. Короче говоря, шлейфы приятных запахов предупреждают о близящемся празднике и, создавая ощущение эйфории, подготавливают к нему людей на подсознательном уровне.

У известных праздников можно выделить еще одну черту, относящуюся непосредственно к конфигурации праздничной ауры. Эта аура создается в конкретном, всем известном месте, чей периметр очерчивается с помощью ярких знаков: душистых букетов, гирлянд из зелени или цветов, разноцветных бумажных лент. Тем самым на время празднества среди пространства жилой зоны четко выделяются особые секторы, которые не затрагивают отдельные изолированные от праздника островки. Там, например, укрываются семьи, которые из-за недавнего траура избегают праздничной ауры.

Внутри очерченного таким образом периметра пути к кульминационным точкам праздника нередко обозначаются пахучими сигналами. Так, издавна закрепились традиция разбрасывать по земле ворохи душистых трав: она существовала в Европе на протяжении всего Средневековья, затем перекочевала в Латинскую Америку, прежде всего в Гватемалу, и по сей день сохраняется в Средиземноморье.

Как явствует из исследования о Саравелли-Ретали о Сартене⁴, еще в начале XX века этот обычай соблюдался на корсиканских свадьбах. На дорожке, ведущей к дому новобрачных, под камни подкладывали букетики цветов. Гости подбирали их и клали на их место несколько монеток, на радость детворе.

Еще и сегодня в греческих церквах принято в праздничные дни разбрасывать по центральному проходу мирт и лавр; на острове Гидры в Страстной четверг храм Божий устилают свежим шалфеем⁵.

Какова же, в свете распределения запахов между обычным пространством и полюсами праздника, роль пахучих веществ внутри самой церемонии? Каков их удельный вес в метаморфозе, превращающей данное географическое пространство — деревенскую площадь, горный склон или гостиную жилого дома — из простого «места для вещей», как говорил Гольбах, в пространство почитаемое, несущее в себе связную систему коллективных образов и тем самым подготовленное к торжествам, которые их увековечат?

Мы рассмотрим действие этих запаховых актантов на двух примерах: обрядах приема в цеховое братство в дореволюционной Франции и похоронных ритуалах в Непале.

⁴ *Saravelli-Retali F.* Si Sartène m'était conté. Sartène, 1900.

⁵ *Adam G.* Entretien de recherche. P., 1971.

ПАХУЧИЕ ФЛЮИДЫ,
РАСПОРЯДИТЕЛИ ЦЕХОВЫХ ОБРЯДОВ
ВО ФРАНЦИИ СТАРОГО РЕЖИМА

Благодаря «Книге ремесел» Этьена Буало, написанной в XII веке, мы точно знаем, что старинный цех *talleme liers*, в XVI веке превратившихся в булочников, относится к первой группе ремесел, связанных с продуктами питания. Он платит королю цеховую подать (*droit de maîtrise*) и при каждой смене царствования должен уплачивать подать за подтверждение своих привилегий. После трех лет ученичества, необходимых для получения звания подмастерья, своего рода помощника мастера, человек обязан еще полных три года прослужить в лавке своего хозяина, при этом нередко в качестве члена семьи — через брак с хозяйской дочерью. В конце последнего этапа соискатель получает звание мастера, недоступное для многих подмастерьев-зятьев из-за дороговизны пирушек и расходов на создание кулинарного «шедевра»; это означает, что цех в лице его старшины, Главного Пекаря, признает его высшую компетентность в ремесле.

Для нашей темы полезно рассмотреть, где и как происходила церемония по приему мастера в цех в Париже XVI века. Церемония эта, своего рода пропуск из компаньонов в мастера, проводится спустя три года после официального допуска к званию мастера. Она происходит в доме главы цеха, в специально отведенной для этого комнате; назначается она на первое воскресенье после Крещения. Новый мастер-булочник, заплатив все, что положено, должен принести новый глиняный или фаянсовый горшок с розмарином, с корнем и с ветвями, увешанными сладостями — засахаренными орехами, апельсинами и другими подходящими фруктами, в зависимости от времени года⁶. Но

⁶ *Hivonnait P. Histoire de la corporation des anciens talleme liers à Paris du XII au XVIII siècle. P.: Librairie de la Société du Recueil Sirey, Larose et Tenin, 1990. P. 168.*

вый мастер в присутствии прочих мастеров и цеховых присяжных подносит этот горшок Главному Пекарю со словами: «Хозяин, я отслужил свой срок». Тогда Главный Пекарь спрашивает у присяжных и у сопровождающих его старых мастеров, «верно ли это, имеет ли горшок положенную форму и следует ли его принять». В случае утвердительного ответа Главный Пекарь принимает мастера и вручает ему грамоту. К середине XVII века горшок с розмарином и прилагающиеся к нему сладости были заменены одним луидором.

Розмарин, *Rosmarinus officinalis*, еще со времен Античности считался во всей Европе особо почитаемым ароматическим растением. И поныне на огромных территориях, от Англии до Польши, а в особенности в Провансе, Эльзасе и на Крите, он используется в свадебных церемониях⁷. Кроме того, розмарин часто воскурляли в церквях во время отпевания вместо слишком дорогого ладана.

Именно этот престижный статус растения проливает свет на церемонию приема в цех. Действительно, церемония выстраивается вокруг вноса в комнату цеха ароматного растения, живого, укорененного в земле и празднично наряженного — его ветви украшены сладостями. Именно появление пахучих флюидов делает кандидата достойным признания и приема в цех. Тем самым вопрос Главного Пекаря обретает все свое символическое значение: ведь согласно обычаю горшок с розмарином, имеющий «положенную форму», гарантирует профессиональную компетентность претендента.

В этом цеховом пространстве комната, где происходит прием в мастера, в полном смысле слова «украшена» ароматом пахучей эмблемы, позволяя тем самым совершить ритуал самым благоприятным образом. Душистый запах здесь освящает одновременно и помещение, отве-

⁷ См.: *Roubin L. Le Monde des Odeurs.*

денное для цехового ритуала, и признание профессиональной состоятельности нового члена цеха.

Таким образом, в коллективной памяти закрепляется тесная связь между запаховыми полюсами и определенным пространством: первые сообщают второму то достоинство и жизненную силу, которыми оно в каком-то смысле наделяет события, разворачивающиеся в его границах.

ПРОСТРАНСТВО ЗАПАХА И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ РИТУАЛЫ В НЕПАЛЕ

В торжествах кусваров по поводу окончания траура обнаруживается еще более глубокая связь между праздничным пространством и пучком душистых растений. В конечном счете через эту связь устанавливается прямое сообщение между миром живых и загробным, потусторонним миром. В Непале кусвары принадлежат к касте лодочников и проживают вдоль рек, что орошают гималайские долины на средней высоте. Длительные наблюдения, которые вела за ними на протяжении нескольких лет наша коллега Корнелия Жест, и работы, опубликованные ею начиная с 1977 г., дают нам представление об этой чрезвычайно значимой обрядовой системе⁸.

Судя по всему, главным элементом религиозной жизни кусваров является почитание предков и верования, касающиеся загробного мира. Мы рассмотрим только последние.

Их незримый мир населен множеством «питров» (душ умерших), благодетельных или зловредных, но в любом случае внушающих страх своим слугам, «ботам», божествам низшего

⁸ *Jest C. Le tambour à deux voix, ou le monde a l'envers. Cérémonie de fin de deuil chez les Kuswars de Népal // Le buffle dans le labyrinthe. Hommage a Paul Lévy. Eurasie. № 5. P.: L'Harmattan, 1994. P. 59–73.*

разряда, а также разного рода гениям, и духам... способным воплощаться в людей; такие люди, вследствие своей одержимости, приобретают некоторые сверхъестественные возможности.

Корнелия Жест

Рассматриваемый обряд должен быть проведен в течение года после смерти; сердцевиной ритуала, длящегося три дня, является возвращение души покойного. Жест пишет:

Он глубоко упорядочен и требует участия всей общины.

В действительности ход церемонии распадается на два взаимодополнительных отрезка, в рамках которых источник запаха играет прямо противоположную роль. Первый отрезок организуется вокруг призывания души покойного его семьей, облаченной в траур, затем вокруг приготовлений к встрече души на территории деревни и, наконец, ее вступления в родной дом, где для нее символически обустраивается жилище. Именно на этом пространстве, четко обозначенном через определенный аромат, умерший даст знать о своих желаниях голосом одержимой им женщины, погруженной в транс. Второй отрезок связан с чувствованием деревней «питра». Ему подносится запас провизии и символическая упряжь, необходимые для долгого путешествия обратно, в мир умерших, куда его настойчиво зовут вернуться ритуальные песнопения.

Весь ход этого праздника демонстрирует, что коллективное сознание отводит первостепенную роль душистым растениям: благодаря испускаемому ими благоуханию они позволяют жителям деревни общаться с иным миром, миром мертвецов и богов. В песнопениях, придающих ритм обряду, последовательно упоминаются мно-

гие виды душистых растений; но основное место в них отводится базилику, для непальцев — *бабафи*.

Как я показала в другом месте⁹, в Евразии базилик, *Ocimum basilicum*, имеет разный статус: от обычной кулинарной специи в Западном Средиземноморье до почитаемого благовония, основы социальных отношений, связанного с погребальными приношениями на всем Ближнем Востоке. Однако именно у непальских кусваров он приобретает наибольшее значение.

Уже в первый же день ритуала он прославляется в песнопениях о возвращении «питра» в мир живых:

У цветка *бабафи* хороший запах.

У цветка *годавери* хороший запах.

У цветка *макамали* хороший запах.

У цветка *дитурханги* хороший запах.

Приходите вдыхать хороший запах.

После того как гости, иногда после целого дня пути, приходят в дом, где царит траур, на стене напротив входной двери торжественно очерчивается белой краской жилище для души умершего. Оно изображается в виде большого квадрата, разбитого вертикальными и горизонтальными чертами на отсеки, где изображается также все имущество «питра». Когда рисунок закончен, перед ним протягивают веревочку, на которую вешают новую одежду для возвращающейся души умершего и большие пучки базилика. На время трехдневного ритуала индивидуализированное таким образом пространство настенного рисунка становится священным. Второй день ритуала отведен для возведения высокого алтаря для всех душ данного рода; он строится в пределах деревенской ограды, но в стороне от жилых домов. Нужно также, чтобы «бот» (на-

⁹ *Roubin L. Hiérophanies odorantes. Constantes et variations en Eurasie // Le sacré en Eurasie. Eurasie. № 5. P.: L'Harmattan, 1994. P. 59–73.*

помним: второстепенное божество, слуга усопшего) завладел своим представителем-человеком, юношей лет двадцати. В одеянии и аксессуарах последнего повсюду присутствует базилик.

Молодой «бот», ноги и лицо которого вымазаны каолином, держит в правой руке саблю, украшенную колокольчиком, а в левой — веточки базилика. Чуть позже юноша, погруженный в транс, начинает танцевать, а затем в сопровождении четверых молодых людей отправляется к родовому алтарю, возведенному предками. Ближе к вечеру к алтарю под барабанный бой подходит глава семьи усопшего. Душе покойного приносится жертва на четыре стороны света. Затем все пляшут вокруг алтаря и процессия возвращается к дому, причем семеро юношей, вымазанных каолином и с ветками базилика в руках, поют:

Мы держим в руках
Ветви *бабари*.
У цветка *бабари* хороший запах.
У цветка *макамали* хороший запах.
У цветка *годавери* хороший запах.
Придите, питр, придите!
Придите, питр, придите!

В принципе, уточняет Корнелия Жест, душа умершего садится на базилик, когда на пути назад, к дому умершего, непрерывно звучит «песнь цветов». В этом случае растение начинает дрожать, а человек, который держит его в руках, становится одержим духом покойного. Песнопение с перечислением душистых цветов вновь исполняется по возвращении в дом «питра». Вечером его повторяют все участники ритуала, уже внутри дома. Затем семья усопшего, а с ними и молодой «бот» с саблей и базиликом, выходит наружу. Тогда одна из женщин, держа в руках ветвь

базилика, впадает в транс, пляшет, и вскоре ею завладевает дух усопшего. Она устремляется в дом, садится под настенным рисунком, то есть перед жилищем «питра», и, в окружении всех участников ритуала, начинает вещать пронзительным голосом. Глава семьи толкует ее речи, подобно дельфийским жрецам в Древней Греции, толкующим, как оракулы Аполлона, слова пифии. Заметим, что пифия хоть и не держала в руках веточки базилика, но жевала листья лавра, то есть пахучего растения. Это свидетельство — важный этнографический вклад в изучение ныне существующих форм очень древних ритуалов, которые оно помогает понять.

После того как дух умершего высказал в течение ночи свою последнюю волю, женщина, в которую он вселился, смазывает лоб членов семьи специальным маслом, очищая их тем самым от нечистоты траура. Певцы вновь исполняют «песнь цветов и хорошего запаха». Тем временем занимается заря третьего дня ритуала, а с нею начинается и второй его отрезок.

Здесь нельзя не заметить весьма значимого для нас обстоятельства: из дальнейшего ритуала полностью исключен базилик. Его больше не упоминают в песнях; юный «бот», воплощающий слугу души умершего, теперь держит в руках не базилик, а цветущий кунжут. Наконец, в песнопении, служащем сигналом того, что «питр» отправился в Мир Мертвых, упоминаются сотрапезники базилика из первого дня ритуала, но сам базилик, распрошавшийся с покойным, отсутствует. «Питр» пришел. Он навестил семью, сообщил ей свои желания, и теперь ему пора уходить. Одновременно с ним исчезает и базилик, на протяжении трех дней бывший его запаховой конкретизацией в пространстве деревни. Тем самым это пространство освобождается от потустороннего гостя и целиком возвращается миру живых.

Ритуал непальских кусваров служит прекрасной иллюстрацией того, какое значение они придавали пахучим сигналам на отведенном им пространстве. Попеременно заполняя различные его участки, запахи на миг устанавливают связь с загробным миром, в ходе которой вся община вновь воссоединяется с этой иной, незримой и страшной реальностью.

Итак, благодаря пахучим веществам пространство праздника размечается целым рядом мимолетных или устойчивых сигналов, наделенных четкими функциями. Все рассмотренные нами до сих пор запахи относятся к ряду благовоний, ясно отражающему эстетические предпочтения данной группы.

ЗЛОВОННЫЕ КОМПЛЕКСЫ В ОБРЯДОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Напротив, при более широком подходе, учитывающем различные категории празднеств, в ряде случаев в праздничном пространстве наблюдается настоящее засилье зловонных комплексов. Остается расшифровать смысл этих тошнотворных сигналов.

Особенно показательны в этом смысле празднества, до сих пор существующие в припронском Провансе и связанные с фигурой Тараски и ее приближенных. Наиболее блистательное из них — празднество в Тарасконе, приуроченное к понедельнику после Троицы. Главным моментом празднества является жертвенная процессия Тараски¹⁰, в которой принимают участие все ремесленные корпорации. Церемониал ее был установлен еще королем Рене, основавшим в 1474 г. орден Тараскаиров, или Ры-

¹⁰ *Benoot F. La Provence et le Comtat venaissin. 3-e éd. P.: Gallimard, 1949. P. 242–243 (Coll. Les Provinces françaises).*

царей Тараски, чьей обязанностью было шествовать вокруг чудовища, которое ведет облаченная в голубой плащ святая Марта, покровительница города.

Праздничное шествие обходит весь город, тем самым очерчивая вокруг жилищ охранный круг. Характерной чертой этой ритуальной процессии по традиции является испускаемое ею тяжелое зловоние, к которому добавляются разного рода насильственные действия по отношению к присутствующим — то пастухи мажут прохожих можжевелевым маслом, то моряки обливают их грязной, воняющей тиной водой. Особенно опасно приближаться к самой Тараске: шутихи и петарды брызжут из глотки и глаз чудовища и его длинного, напоминающего жердь хвоста, который несут пятьдесят мужчин и от которого прохожие шарахаются во все стороны.

По свидетельству Мишле, посетившего город, в прошлом веке праздник считался неудачным, если никому из зрителей не сломали хотя бы руку! Эти излишества проясняют главную функцию празднества. Действительно, Дракон, с которым отождествляется Тараска, принадлежит к разряду фантастических существ, со времен греко-римской Античности опознаваемых по зловонному дыханию. Лернейская Гидра, чудовище из Меца (Graouilly), Дракон из Ниора и им подобные испепеляют приближающегося человека своим тлетворным дыханием.

Кроме того, известно, что зловоние повсюду сопровождается общественный беспорядок. Еще в древней Месопотамии проявляется устойчивый и тесный союз между вонью и демоническими силами, тогда как благоухание всегда сопутствует благодетельным божествам.

В этом свете тарасконское шествие обретает внутреннюю логику. Благодаря ритуальному упоминанию злодеяний, связанных с мифическим чудовищем и сведенных в пространстве дурно пахнущей процессии, периодиче-

ски провоцируется образование своего рода гигантского фиксационного абсцесса, который из года в год обеспечивает очерченному им жилому пространству безнаказанное существование: жители препоручают себя покровительству святой Марты, чей голубой плащ — как показывает Пастуро в своих великолепных работах о семантике цвета — служит напоминанием о победе над драконом.

В отличие от приятных запахов зловоние, распространяясь в заданном пространстве, выступает в нем носителем порицания — как общественных беспорядков, так и природных бедствий. В любом случае это громкий протест против состояния дел, пагубного для конкретной человеческой группы.

Несколько рассмотренных нами примеров ясно показывают, что пространство праздника повсюду и во все времена имеет специфическое запаховое содержание. Именно в нем сходятся излюбленные ароматы, которые выбирают люди для собраний, чтобы ощущать радость жизни и чувство гармонии со своим биотопом.

Перевод М. Микаэлян

ЗАПАХИ В ПСИХОАНАЛИЗЕ

ФРЕЙД О ЗАПАХАХ

Психоанализ заполнил имевшийся еще изъян в понимании фетишизма, указав на значение оставленного благодаря вытеснению копрофильного обонятельного наслаждения при выборе фетиша. Нога и волосы представляют собой сильно пахнущие объекты, становящиеся фетишами после отказа от ставших неприятными обонятельных ощущений. В перверсии, состоящей из фетишизма ноги, сексуальным объектом всегда является грязная, дурно пахнущая нога. Другой материал для выяснения предпочтения, оказываемого ноге как фетишу, вытекает из инфантильных сексуальных теорий. Нога заменяет недостающий пенис у женщины. В некоторых случаях фетишизма ноги удалось доказать, что направленное первоначально на гениталии влечение к подглядыванию, стремившееся снизу приблизиться к своему объекту, задержалось на своем пути благодаря запрещению и вытеснению и сохранило потому ногу или башмак как фетиш. Женские гениталии, в соответствии с детскими представлениями, рисовались воображению как мужские.

Три очерка по теории сексуальности (1905)

(Цит. по: *Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. С. 137. Прим. 5.)

Когда в пубертатный период наступает половое полового потребности, то это половое находит себе плотины в так называемых реактивных образованиях и сопротивлениях, которые заставляют его течь по так называемым нормальным путям и делают невозможным воскрешение потерпевших вытеснение влечений. Осо-

бенно копрофильные, то есть связанные с испражнением, наслаждения детских лет, а также фиксация на лицах первого выбора подвергаются самым радикальным образом вытеснению.

О психоанализе (1909)

(Цит. по: *Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. С. 374.)

Половое влечение распадается на большое число компонентов — не все могут войти в состав его позднейшего образования, — но их нужно прежде всего подавить или найти другое применение. К ним относятся сначала копрофильные части влечения, которые оказались несовместимыми с нашей эстетической культурой; вероятно, с тех пор, как мы благодаря вертикальному положению тела при ходьбе удалили наш орган обоняния от поверхности земли.... Все процессы развития захватывают только верхние слои сложной структуры. Основные процессы, вызывающие любовное возбуждение, остаются незатронутыми. Экскрементальное слишком тесно и неразрывно связано с сексуальным, положение гениталий остается предопределяющим неизменным моментом.

Об унижении любовной жизни (1910)

(Цит. по: *Фрейд З.* Влечения и их судьба. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 94.)

Органическая периодичность сексуального процесса хотя и сохранялась, но ее влияние на психическое сексуальное возбуждение превратилось едва ли не в нечто противоположное. Это изменение, скорее всего, связано

с отступлением на второй план обонятельного раздражения, посредством которого менструальный процесс воздействовал на мужскую психику. Его роль взяло на себя зрительное раздражение, способное в противоположность непостоянным обонятельным раздражениям действовать непрерывно. Табу менструации возникло из этого «органического вытеснения» как защита от преодоленной фазы развития; все другие мотивы, по всей вероятности, вторичной природы. (Ср.: *Daly C.D. Hindu-mythologie und Kastrationskomplex // Imago. 1927. P. XIII.*) Этот процесс повторяется на другом уровне, когда боги преодоленного культурного этапа становятся демонами. Но, видимо, отступление обонятельного раздражения — само следствие отделения человека от земли, готовности к прямохождению, сделавшего до сих пор скрытые половые органы видимыми и нуждающимися в защите, вызывая тем самым чувство стыда. В начале неотвратимого процесса развития культуры стояло, следовательно, выпрямление человека. Цепочка начинается отсюда, через обесценивание обонятельных раздражений и изоляцию женщины в период менструации к преобладанию зрительных раздражений, обнаружению половых органов, а далее к постоянству сексуального возбуждения, к основанию семьи и тем самым к первой ступени человеческой культуры. Все это только теоретическое умозрение, но достаточно важное для проведения тщательного обследования образа жизни ближайших к человеку животных.... Тяга к чистоплотности возникает из побуждения устранить экскременты, ставшие неприятными для чувственного восприятия. Мы знаем, что дело обстоит иначе в детской. Экскременты не вызывают у ребенка никакого отвращения и, видимо, дороги ему как отделившаяся часть его тела. В этом случае воспитание особенно энергично форсирует предстоящий ход развития, призванный сделать экскременты никчемными, мерзкими,

отвратительными и предосудительными. Такая переоценка едва ли была возможна, если бы эти выделившиеся из тела вещества не были обречены из-за своего сильного запаха разделить судьбу, уготованную обонятельным раздражением после выпрямления человека. Итак, анальная эротика пала жертвой прежде всего «органического вытеснения», проложившего путь к культуре. Социальный фактор, который осуществляет дальнейшее преобразование анальной эротики, подтверждается тем фактом, что, несмотря на все прогрессирующее развитие человека, запах собственных экскрементов почти не противен, в отличие от испражнений других людей. Неопрятный человек есть тот, кто не скрывает свои экскременты, тем самым оскорбляет другого, не уважает его, и об этом, безусловно, свидетельствуют самые сильные и употребительные ругательства. Иначе было бы непонятно, почему человек имя своего вернейшего друга из животного мира употребляет как ругательство, не вызывая собака пренебрежение людей к себе двумя свойствами: тем, что она является животным с тонким обонянием, не испытывающим отвращения к своим экскрементам, и тем, что она не стыдится своих сексуальных действий.

Неудобство культуры (1930)

(Цит. по: *Фрейд З. Художник и фантазирование*. М.: Республика, 1995. С. 315–316. Прим. 1.)

С прямохождением человека и обесцениванием обонятельного чувства над всей сексуальностью, а не только над анальной эротикой, нависла угроза стать жертвой органического вытеснения, так что с той поры сексуальная деятельность сопровождается далее не поддающимся обоснованию сопротивлением, препятствующим полному удовлетворению и оттесняющим ее от сексуальной

цели и сублимации к другим сдвигам либидо. Я знаю, что Блейлер («Der Sexualwiderstand» // Jahrbuch für psychoanalyt. und psychopathol. Forschungen. 1913. Bd. V) однажды указал на существование такой первичной установки, пренебрегающей сексуальной жизнью. В факте «Inter iginas et faeces nascirum» («Рождение в моче и грязи») находят препону все невротики и многие кроме них. Половые органы вызывают также сильные обонятельные ощущения, невыносимые для многих людей и отбивающие охоту к сексуальному общению. Таким образом, в качестве самой глубокой причины сексуального вытеснения, прогрессирующего по мере развития культуры, выступает органическая защита новой, возникшей вместе с прямохождением формы жизни от более раннего животного существования; этот результат научного исследования совпадает, как ни странно, с часто высказываемыми, банальными предрассудками. Но все это в настоящее время лишь недостоверные и наукой пока не подтвержденные варианты. И не будем забывать, что, несмотря на бесспорную недооценку обонятельного раздражения, даже в Европе есть народы, которые высоко оценивают сильные, для нас отвратительные запахи половых органов как средство, возбуждающее сексуальность, и не намерены от них отказываться. (См.: Данные фольклористического исследования в «Опроснике» Ивана Блоха — «О чувстве обоняния в сексуальной жизни», в различных номерах ежегодника «Antroprophyteia» Фридриха С. Крауса.)

Неудобство культуры (1930)

(Цит. по: *Фрейд* З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 318–319. Прим. 2.)

Составитель Е. Мафунина

Анник Ле Герер

ТРИ ИСТОРИИ О НОСЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПСИХОАНАЛИЗА*

Значение обоняния в генезисе психоанализа во многом обусловлено знакомством Фрейда с Вильгельмом Флиссом, который считал нос самым важным человеческим органом. Возможно, на выбор этим выдающимся отоларингологом своей медицинской специальности, вокруг которой вращались его обширные научные интересы, повлияла назальная патология его отца. Флисс был убежден, что открыл новое клиническое понятие: рефлексивный невроз, вызванный заболеванием носовых проходов. Согласно его теории, поражения носовых раковин и пазух, опухоли слизистой оболочки носа порождают целый комплекс симптомов: мигрени, невралгии почти во всех частях тела, функциональные расстройства дыхательного аппарата, пищеварительного тракта, сердечно-сосудистой и половой системы. У всех этих в остальном чрезвычайно различных болезней была одна общая черта: при анестезии кокаином соответствующих назальных областей они мгновенно исчезали.

Уверенный, что причина его собственных мигреней кроется в носу, Флисс произвел на нем ряд хирургических операций, чем иногда повергал Фрейда в замешательство: «Ты что, хочешь на моих глазах весь превратиться в гной? К черту все эти операции; кончай с ними раз и

* *Le Guérier A. Trois histoires de nez aux origines de la psychanalyse // Odeurs du monde: écriture de la nuit / Textes édités par D. Rey-Hulman et M. Voccaro. P.: INALCO; P.; Montréal: L'Harmattan, 1998. P. 111–125. © Editions l'Harmattan*

навсегда», — пишет он Флиссу 29 августа 1894 г.¹ Тем не менее Фрейд, мучившийся головными болями и проблемами с сердцем, в конце концов решил вверить себя опытным рукам своего берлинского друга. Назальная патология, служившая у обоих источником большого дискомфорта, многочисленных лечебных процедур и обильных комментариев, еще больше сплачивает их вокруг этого телесного отростка. Действительно, оба они, как подчеркивает Дидье Анзье, «в известном смысле повязаны носами, и кокаин еще больше скрепляет эти узлы»².

Возможно, такое почти навязчивое внимание к носу было вызвано еще одной причиной. Она, как полагает Джей Геллер, состоит в многочисленных негативных упоминаниях евреев в контексте ольфакторного воображаемого XIX — начала XX века. Антисемитские карикатуры, расклеенные на улицах Берлина и Вены, могли заставить двух друзей, пытавшихся переосмыслить расистский образ, придавать назальному органу преувеличенное значение. «*Judennase*» был для них уже не объектом насмешки и не знаком декадентской сверживиральности», — указывает Сандер Гилман³, но источником научной истины, способной облегчить человеческие страдания.

Интерес к носу, и без того пронизывавший все их интеллектуальные контакты и повседневные заботы, еще усилился после злополучной операции на носу Эммы Экштейн, в котором Вильгельм Флисс забыл полметра бинта.

Напомним вкратце историю этой молодой вдовы, страдавшей истерией и вдохновившей Фрейда на знаме-

¹ *Schur M.* La mort dans la vie de Freud. P.: Gallimard, 1975. P. 106.

² *Anzieu D.* Le Moi-peau. P.: Dunod, 1985. P. 201.

³ *Geller J.* «A glance at the nose»: Freud's inscription of jewish difference // *American Imago.* 49, 4. P. 427–444; *Gilman S.* The Jew's body. N.Y.: Routledge, 1991.

нитое сновидение об «инъекции Ирме». Фрейд обратился к Флиссу с просьбой проверить состояние ее носа, чтобы убедиться, что абдоминальные симптомы ее болезни не имеют органической этиологии. Флисс диагностирует ряд нарушений и, приехав в конце февраля 1895 г. в Вену, оперирует нос Эммы. Заодно он делает прижигание носовой полости своему другу Фрейду, страдавшему гнойным ринитом. Но после отъезда Флисса нос молодой дамы начал болеть, гноиться и издавать зловоние.

Первый специалист, вызванный Фрейдом, ничего не обнаружил. Второй, более дотошный, замечает в назальной полости нечто напоминающее нитку. Потянув за нее, он, ко всеобщему удивлению, извлекает кусок хирургического бинта длиной в 50 сантиметров. Больная, смертельно бледная, с выкаченными глазами, лежит в обмороке в луже крови. Кровотечение остановлено, но Фрейду, потрясенному халатностью Флисса и удручающим состоянием пациентки, становится плохо. Он вынужден удалиться, чтобы прийти в себя с помощью рюмочки коньяка.

8 марта, все еще не оправившись от шока, он извещает Флисса о случившемся. Оба они ошибались: постоперационные носовые кровотечения Эммы, вопреки их первоначальному мнению, не носят истерического характера. Все дело в куске бинта, который, оставаясь в полости носа в течение двух недель, препятствовал заживлению и привел к катаклизмической геморрагии. Тем не менее Фрейд всеми силами старается успокоить друга и снять с него вину: он сделал все от него зависящее, никто и не думает его обвинять.

В последующие недели трагикомический эпизод с носом Эммы получает продолжение. Вновь начинаются кровотечения, угрожающие жизни, вновь требуются операции. Фрейд в этот период пытается скрыть сомнения относительно профессиональной компетенции своего наперсника и хирурга.

Эти колебания между доверием и недоверием ясно видны в письме от 20 апреля 1895 г. Оказавшись свидетелем очередного кровотечения, едва не ставшего роковым для молодой женщины, Фрейд тем не менее вновь выражает Флиссу все свое уважение: он — «исцелитель»⁴, человек, которому можно без колебаний верить и свою жизнь, и жизнь родных. Упрекать его в чем-то «глупо» и «несправедливо». Однако сомнения Фрейда смещаются в другую плоскость: «Что до моей болячки, то я бы предпочел, чтобы ты оказался прав и все дело было бы в носе, а отнюдь не в сердце. Лишь самый строгий судья осудит меня за то, что мне, с моим сердцебиением и сердечной недостаточностью, часто кажется обратное. Я не могу сейчас принять твое предложение и приехать в Берлин». В последних строках вновь возникают двойственные чувства: Флисс был прав, именно нос является причиной всех сердечных нарушений, поскольку перназальное применение кокаина остановило тяжелый криз. Он вновь готов рассмотреть возможность операции, однако уточняет, что «сейчас это исключено»⁵.

Шесть дней спустя Фрейд сообщает Флиссу, что назальное применение кокаина вызвало у него сильное нагноение в носу и вновь помогло избавиться от ужасных сердечных болей. Он также «очень доволен» гнойником на клиновидной кости. К этим добрым вестям добавляется еще одна: у их общей «мучительницы» Эммы Экштейн с носом, кажется, гораздо лучше. В письме от 25 мая — новая радость: выдающийся физиолог Йозеф Брейер благосклонно отозвался о назальных теориях Флисса и создаст ему в Вене «отменную» репутацию. Далее Фрейд сообщает о своем собственном носе:

⁴ Schur M. Op. cit. P. 110–111.

⁵ Ibid. P. 112.

У меня были обильные гнойные выделения, и я почувствовал себя превосходно. Сейчас нагноение почти прекратилось, и я по-прежнему чувствую себя очень хорошо⁶.

Что же касается Эммы, у которой снова были небольшие проблемы, то у нее все прекрасно.

На самом деле чем сильнее у Фрейда болел нос, тем больше у него было оснований доверять диагнозу Флисса о назальной этиологии его сердечных болей. Выздоровление их пациентки также усиливало его желание забыть обо всем, что смущало его в этой истории. Уверившись в неопасном характере своих расстройств и в способностях своего хирурга, 22 июня Фрейд наконец извещает, что в начале сентября собирается приехать в Берлин.

Новые сомнения пробудились у Фрейда через некоторое время после принятия этого решения, когда он, к своему удовольствию, переехал на дачу. Оскар Рие, педиатр, лечивший его детей, сообщил, что посетил Эмму и ее семью в их загородном доме. Фрейд осведомился о молодой женщине. В ответ коллеги — «ей лучше, но она не совсем здорова»⁷ — ему почудился упрек. Чтобы избежать критики, особенно со стороны Йозефа Брейера, он немедленно доводит до сведения этого медицинского светила историю болезни своей пациентки. На следующую ночь он видит сон:

Большой зал — много гостей, у нас прием. — Среди гостей Ирма, я быстро отвожу ее в сторону и, в ответ на ее письмо, упрекаю за то, что она так и не начала принимать мой «раствор». Я говорю ей: «Если у тебя по-прежнему боли, то ты сама виновата». Она отвечает: «Если бы ты знал, как у меня болит горло, и желудок, и живот — я просто задыхаюсь». —

⁶ Schur M. Op. cit.

⁷ Freud S. L'interprétation des rêves. P.: PUF, 1976. P. 99.

Мне становится страшно, я смотрю на нее. Лицо бледное и опухшее; я говорю себе: уж не упустил ли я какой-нибудь органический симптом? Я веду ее к окну и смотрю ей горло... вижу какие-то странные изогнутые образования, похожие на носовые раковины, а на них – крупные серовато-белые струпья⁸.

Позднее Фрейд напишет в «Толковании сновидений», что струпья на раковинах связаны с его беспокойством относительно собственной назальной патологии и с пагубным воздействием кокаина. Одно время он часто прибегал к этому средству, чтобы успокоить болезненное воспаление слизистой носа. Неосмотрительно прописывая этот наркотик, он навлек на себя упреки коллег и ускорила смерть своего друга, морфиниста Эрнста фон Флейшл-Марксова. Чуть дальше в его анализе сновидения вновь возникает ольфакторная тема:

В тот вечер, когда я записывал историю болезни пациентки, – рассказывает Фрейд, – моя жена открыла бутылочку с настойкой, на которой значилось слово «ананас» (это слово созвучно фамилии Ирмы, моей больной) и которую подарил нам наш друг Отто... Из открытой бутылки так запахло сивухой, что я отказался попробовать настойку⁹.

Упоминанием этого запаха открывается целый ряд ассоциаций, которые в конце концов приводят к Флиссу, к его трудам по обонянию и сексуальности, к беспокоившим его выделениям из носа, а также к просьбе обследовать Эмму, чтобы бесценный друг проверил состояние ее носа.

Тем самым назальные отростки всех трех действующих лиц маленькой драмы, разыгравшейся в Вене в фев-

⁸ Freud S. L'interprétation des rêves. P. 99–100.

⁹ Ibid. P. 108.

рале 1895 г., занимают важное место в сновидении, смысл которого, согласно Фрейд, — снять с него всякую ответственность за Эмму и отомстить Оскару Рие за его обвинения.

В коротком письме от 24 июля Фрейд задает лишь самые общие вопросы: «Как дела с носом, с месячными, родовыми болями, невротами, как твоя милая жена и ее беременность?»¹⁰ Показательно, что Фрейд ни слова не говорит о таком важном сновидении и его скрытом смысле. Он только что открыл, что всякое сновидение — это исполнение желания, но не может признаться ни себе, ни Флиссу, что сам он желает оправдать его и любой ценой сохранить по отношению к нему чувство восхищения. Но чуть позже у него вновь прорывается тревога: достанет ли ему сил излагать свои психологические теории после того, как он пройдет назначенное лечение? Однако в сентябре, как и планировалось, он приезжает в Берлин на операцию. Спустя два месяца он вновь пишет Флиссу, что всецело ему доверяет:

Я чувствую себя на удивление хорошо, как не чувствовал с самого начала всего этого дела. К тому же гной у меня больше не идет, а есть просто какие-то выделения наподобие насморка. Впрочем, я никогда не сомневался в твоих операциях¹¹.

Однако подобный процесс вытеснения уже встречался Фрейд в другой истории, связанной с обонянием и запахами. В 1892 г. кто-то из коллег направил к Фрейд молодую англичанку, которая служила гувернанткой в семье управляющего заводом, жившего в пригороде Вены, и страдала парадоксальными ольфакторными расстройствами. Она ощущала запахи и слишком сильно, и слиш-

¹⁰ Schur M. Op. cit. P. 116.

¹¹ Ibid. P. 121.

ком слабо: из-за гнойного ринита у нее развилась аносмия, но в то же время ее преследовали тяжелые ольфакторные галлюцинации. Кроме того, она жаловалась на усталость, подавленное состояние, тяжесть в голове и отсутствие аппетита. Поначалу Люси Р. мучит запах подгоревшего пирога. Когда она забавы ради занималась готовкой с двумя маленькими дочками хозяина, почтальон принес ей письмо от матери, живущей в Глазго. Она хочет его открыть, но девочки не дают ей это сделать.

Дети весело прыгают вокруг меня, и вдруг доносится сильный запах горелого. Девочки оставили в плите пирог, и он подгорел. Этот запах преследует меня, я чувствую его все время, и он усиливается, когда я нервничаю¹².

Таким образом, в реальности запах возникает впервые в связи с конфликтом интересов: вернуться к матери или остаться с детьми, вверенными ее попечению. Столкновение двух противоречащих друг другу стремлений придало мелкому происшествию травматический характер. Но почему в качестве мнемонического символа этой сцены был выбран запах — ведь у нее был насморк и обоняние почти отсутствовало?

Фрейд подозревает, что подобная мелочь не могла вызвать истерию. Скорее всего, девушка — быть может, сама того не зная — влюблена в хозяина. Она охотно это признает. Однако, вопреки ожиданиям, никакого значительного улучшения не происходит: теперь ее мучит другой запах — запах сигары. «Должно быть, этот запах существовал и раньше, но был заслонен запахом подгоревшего пирога. Теперь же он появился в чистом виде»¹³.

¹² Freud S., Breuer J. Etudes sur l'hystérie. P.: PUF, 1956. P. 88–89.

¹³ Ibid. P. 93. Напомним, что Фрейд был большим любителем сигар и что этот запах мог сыграть определенную роль в процессе переноса.

Когда он появился, Люси Р. не знает. Сильно надавливая рукой ей на лоб, Фрейду удастся вызвать некий образ: утро, завтрак, все сидят за столом в столовой. У них в гостях главный бухгалтер, старый господин, который любит дочерей хозяина как родных.

Девочки прощаются с бухгалтером, он хочет их поцеловать. Вдруг хозяин вскакивает и кричит ему: «Не целуйте детей!» Во мне словно все перевернулось, а поскольку мужчины уже курили, у меня в памяти и остался этот запах¹⁴.

Анамнез продолжается. Возникает еще более далекое воспоминание: одна гостя поцеловала девочек в губы. После ее ухода присутствовавший при этом отец осыпает гувернантку гневными и несправедливыми упреками; одновременно рушатся и все ее любовные надежды. Тем самым обнажается подлинная травма. Через пару дней Люси Р. кажется другим человеком, веселым и радостным. Назальная чувствительность и рефлексy почти полностью восстанавливаются. Она начинает различать запахи.

Как пишет Фрейд в примечании, посвященном любовным чувствам Люси Р.,

мне никогда не попадалось иного, лучшего описания того необычного состояния, когда человек знает обо всем, сам того не зная. [Он вспоминает, что и с ним бывало нечто подобное.] Я видел тогда, что что-то противится моим ожиданиям, но и не подумал отказаться от вполне определенных планов, хотя это ощущение должно было бы отвратить меня от них... На меня нашло то ослепление зрячих, которое мы с удивлением подмечаем у матерей, когда дело касается дочери, у мужей, когда речь идет о женах, и у государей в отношении фаворитов¹⁵.

¹⁴ Freud S., Breuer J. Op. cit.

¹⁵ Ibid. P. 92.

Однако эти весьма уместные воспоминания и разбор не заставят его реально пересмотреть свое отношение к Флиссу. Его взгляд замутнен страстной привязанностью, не лишенной, как он признается позже, гомосексуального оттенка.

13 февраля 1896 г. Фрейд с нетерпением ожидает, когда друг пришлет ему свою работу о связи носа и проблемы пола. Он надеется найти в ней ряд их общих идей относительно сексуальности. Флисс посылает ему рукопись о «Взаимосвязях между носом и женскими половыми органами», где развивает выдвинутую в предыдущем исследовании теорию о наличии соотношения между носом и женскими гениталиями. Назальные нарушения возникают во время менструации, зачатия, беременности, родов. Опухание слизистой, повышенная чувствительность, носовые кровотечения возникают именно в эти моменты. И более того:

Носовое кровотечение имеет сходство с менструацией не только потому, что оно происходит в тот самый момент, когда должно было бы начаться маточное кровотечение, но и потому, что оно может прекращаться при тех же обстоятельствах, что и нормальные месячные, то есть при беременности¹⁶.

Но сходство на этом не заканчивается: эректильные тела «генитальных точек», имеющих в назальном органе, обладают пещеристой структурой, как и у клитора, и связаны с симпатической системой. Применение кокаина и операции на носе излечивают дисменорею, влияют на продолжительность менструального цикла и на родовые боли. Эта терапия творит чудеса также при расстройствах, связанных с мастурбацией и менопаузой. Полученные

¹⁶ *Fliess W. Les relations entre le nez et les organes génitaux de la femme / Trad. de l'allemand par P. Ach et J. Cuir. P.: Seuil, 1977. P. 24.*

результаты не позволяют ему усомниться в своих выводах: значение носа обусловлено не только его дыхательной и обонятельной функцией, но и его связями с половой сферой. Эта связь между носом и сексуальностью особенно отчетлива у женщин, но существует и у мужчин. В этом его убеждает случай из практики: один пятидесятичетырехлетний врач на протяжении многих лет страдал обильными кровотечениями из носа, которые друзья называли его «менструацией». Флисс делает вывод, что «у этого человека месячные шли непосредственно через нос»¹⁷.

В то время Фрейд, движимый страстными дружескими чувствами, не находит возражений против этих спорных теорий:

Я не отрываясь прочел твою рукопись. Она доставила мне огромное удовольствие — как легкостью и точностью, с какой ты излагаешь свои идеи, так и предельно ясной, вполне очевидной связью между различными ее положениями... мне нечего было править¹⁸.

Итак, Фрейд и дальше мог восстанавливать причину болезни Эммы и реабилитировать Флисса. В письме от конца апреля он подтверждает, что кровотечения их пациентки были вызваны желанием: диагноз Флисса, считавшего их истерическими, оказался верным. Совершенно очевидно, что ее кровотечения всегда были способом заставить себя любить. Еще в детстве она страдала обильными носовыми кровотечениями. В 15 лет она прибегла к этому средству, чтобы привлечь к себе внимание одного молодого врача. Увидев, как потрясло Фрейда обильное кровотечение, свидетелем которого он оказался, она, несмотря на угрожавшую ей опасность, почувствовала

¹⁷ *Flieiss W.* Op. cit. P. 244.

¹⁸ *Freud S.* La Naissance de la psychanalyse. Lettres à Wilhelm Flieiss (1887—1902). P.: PUF, 1969. P. 140.

себя как никогда счастливой: давнее желание быть любимой в своей болезни наконец исполнилось.

Эмма Экштейн чувствует себя «как нельзя лучше», и ее история все больше проясняется, пишет он Флиссу 4 июня. Вне всякого сомнения, ее кровотечения связаны с желанием. Отдать должное проницательности друга и классифицировать это щекотливое дело ему позволяет ольфакторная метафора: «Твой нос и на этот раз вывел тебя на нужный след»¹⁹. 4 декабря 1896 г., отбросив все сомнения, он пишет Флиссу: «Я мечтаю найти что-нибудь такое, что бы позволило скоординировать наши общие труды, а мне — установить мою колонну на твоём цоколе»²⁰.

Спустя несколько месяцев Фрейд устанавливает прямую связь между обонянием и вытеснением:

Проще говоря, воспоминание в данный момент воняет так же, как и реальный объект. Точно так же, как мы безразлично отворачиваем наш сенсорный орган (голову и нос) от дурно пахнущих предметов, так и наше подсознание и сознательное восприятие отворачиваются от воспоминания. Это и называется вытеснением²¹.

Подобная тематика, которая была разработана в рамках основанных на переносе отношений со специалистом по носоглотке, попавшим в «дурно пахнущую» историю, вполне в духе эпохи. Уже великий натуралист Чарльз Дарвин утверждал в 1871 г., что обоняние, играющее важнейшую роль у большинства млекопитающих, сохранилось у

¹⁹ Freud S. The complete letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess, 1887–1904. Cambridge, Mass., L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1985. P. 192.

²⁰ *Idem*. La Naissance de la psychanalyse. P. 153.

²¹ *Ibid*. P. 206.

человека лишь как рудиментарная способность, наследие кого-то из далеких предков, которые широко ею пользовались. Австрийский медик Рихард фон Краффт-Эбинг в своей знаменитой работе «Psychopathia Sexualis», опубликованной в 1886 г., в свою очередь, пишет, что если в сексуальной жизни животных обоняние занимает главное место, то в человеческой сексуальности, по крайней мере нормальной, оно почти не участвует. В этот период все психиатры и сексологи единодушно полагают, что обостренная ольфакторная чувствительность является симптомом животного и патологического сексуального поведения.

Фрейд разделяет эти взгляды, но, в отличие от коллег, устанавливает прямую связь между вытеснением и ослаблением обоняния:

Мне часто казалось, что в вытеснении участвует какой-то физиологический элемент, и я тебе как-то писал, что дело тут в утрате прежних эрогенных зон... Я связывал эту гипотезу с изменением роли ольфакторных ощущений: с прямохождением, когда ноздри отдаляются от земли и потому масса прежде интересных запахов, исходящих от почвы, становятся отталкивающими — вследствие какого-то процесса, мне пока неизвестного²².

Идея о взаимосвязи обоняния и вытеснения, развитая впоследствии Фрейдом и возникшая в эпоху, когда требования к дезодоризации публичного и частного пространства возросли²³, а научные²⁴, психиатрические и фи-

²² Freud S. The complete letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess, 1887–1904. P. 205.

²³ Le Guérier A. Du miasme au microbe // Autrement. 1987. № 92. P. 115–121.

²⁴ Idem. Le déclin de l'olfactif, mythe ou réalité? // Anthropologie et Sociétés. Montréal, 1990. Vol. 14. № 12. P. 25–45.

лософские²⁵ представления об обонянии были главным образом негативными, неразрывно связана со встречей с Флиссом и с Эммой.

Дружба с Флиссом, длившаяся семнадцать лет, прервалась в 1904 г., однако Фрейд не утратил интереса к проблеме запаха. В 1929 г., за десять лет до смерти, он вновь возвращается к некоторым изложенным ранее идеям в «Неудобстве культуры». Роль обоняния, по его мнению, убывала по мере выпрямления человека: значение ольфакторных стимулов сокращалось, и на первый план выходили визуальные впечатления, которые, заменив собой возбуждающие менструальные запахи, способствовали возникновению длительных сексуальных отношений и привязанности к партнеру. Из прерывистого сексуальное возбуждение становится регулярным, что создает условия для создания семьи — первого шага к цивилизации.

Процесс цивилизации требует жертв, и обоняние заплатило ему тяжелую дань. Его ослабление — условие, делающее невозможным возврат к более раннему этапу человеческого развития, — сопровождается удалением женщин на весь период менструации. В самом деле, их запах, действуя на самцов, создает угрозу регресса, новых проявлений архаического сексуального поведения. Таким образом, преодоление животной стадии развития потребовало подавления и изоляции, причем обоняние и женщины представлялись дополнительными препятствиями на этом пути. Впрочем, эта негативная роль женщин будет сказываться и на последующих этапах развития цивилизации:

Их влияние направлено на то, чтобы его замедлить, затормозить. Они будут защищать интересы семьи и сексуальной жизни, тогда как культурная деятельность, все больше становя-

²⁵ *Le Guéret A. Les philosophes ont-ils un nez? // Autrement. 1987. № 92. P. 49–56.*

щаяся делом мужчин, возлагает на последних все более сложные задачи, вынуждая их к сублимации своих инстинктов, — сублимации, к которой женщины почти не способны... Так в результате требований культуры женщина оттесняется на второй план и вступает с ней во враждебные отношения²⁶.

Кроме того, для расцвета цивилизации необходимо, чтобы человек отказался от своих копрофильных пристрастий, сближающих его с собакой, «ольфакторным животным» — любителем экскрементов. В ходе развития чистоплотности возникает отвращение к фекалиям, причем возможность для этого создает именно запах:

Тяга к чистоте возникает из настоящей потребности уничтожить экскременты, ставшие неприятными для обоняния. Мы знаем, что маленькие дети, напротив, не испытывают к ним никакого отвращения. Воспитание особенно энергично стремится ускорить переход к следующему этапу, на котором экскременты должны утратить всякое значение, стать предметом отвратительным, отталкивающим, то есть вызывающим отторжение. Подобная переоценка была бы невозможна, если бы из-за своего сильного запаха эти телесные выделения не были обречены разделить судьбу обонятельных раздражений после того, как человек, выпрямившись, отделился от земли. Таким образом, анальная эротика стала первой жертвой «органического вытеснения», проложившего путь к культуре²⁷.

Однако ослабление обоняния, необходимое для приобщения к культуре, небезопасно. Ограничения, которые оно налагает на либидо, делают индивида менее счастливым и могут стать источником психозов и неврозов.

²⁶ Freud S. Malaise dans la civilisation. P.: PUF, 1971 (рус. пер. см.: Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995. С. 317).

²⁷ Ibid. P. 50. (Ср.: Фрейд З. Указ. соч. С. 316–317.)

Подобно Ницше, Фрейд выявляет низкую роль обоняния в западной цивилизации, но подходит к его недооценке иначе. Если философ рассматривает ее в первую очередь с точки зрения познания, тех границ, которые она ему ставит, то психоаналитик видит в ней прежде всего ограничения, налагаемые на удовольствие. Оба, однако, сходятся в том, что подобная недооценка связана с подавлением инстинкта и вытекающим из этого ущербом для индивида. Тем не менее Фрейд отводит ей гораздо большее значение, поскольку устанавливает прямую зависимость между началом процесса окультуривания и физиологическим вытеснением обоняния²⁸.

Этот тезис будет подхвачен в рамках фрейдомарксистского гуманизма Маркузе, который, однако, вводит в анализ подавления обоняния дополнительное разграничение. Обоняние подвергается двойному вытеснению: первичному, базовому, которое необходимо для законных целей цивилизации и затрагивает те его составляющие, что относятся к копрофильным инстинктам; и вторичному, бесполезному, которое касается ольфакторных удовольствий и служит интересам социального господства. Обоняние, равно как и вкус, подавляются сильнее прочих чувств, ибо они доставляют острое физическое наслаждение и тем самым препятствуют вовлечению личности в коллектив и ее эксплуатации:

Обоняние и вкус доставляют, так сказать, несублимированное удовольствие, удовольствие-в-себе (вкус при этом не вытесняется). Они объединяют (и разделяют) людей непосредственно, вне воздействия общих и конвенциональных форм сознания, морали, эстетики... Удовольствие, рождаемое ближними чувствами, действует на эрогенные зоны тела только и исклю-

²⁸ *Le Guérer A. Les Pouvoirs de l'Odeur. P.: Éd. François Bourin, 1988. P. 270–278.*

чительно ради целей удовольствия. Если бы эти чувства развивались, не подвергаясь вытеснению, организм человека был бы эротизирован настолько, что не поддавался бы десексуализации, необходимой для его социального использования как орудия отчужденного труда²⁹.

Обоняние — подрывное чувство, враждебное как подавлению частных влечений, так и императивам данного социального устройства, — служит «хорошим примером взаимосвязи между первичным подавлением и сверхподавлением»³⁰. Именно сверхподавление накладывает на людей бесполезные ограничения, не принося пользы делу цивилизации. В противоположность пессимисту Фрейду, видевшему в подавлении самую суть цивилизации, социолог пытается представить себе менее принудительный тип цивилизации, в котором не будет места сверхпринуждению. Следовательно, отказ от вспомогательного вытеснения обоняния способствовал бы такому освобождению. Однако он нигде не указывает, как это можно осуществить, не поставив под угрозу первичное вытеснение обоняния, благодаря которому свершилась эволюция рода человеческого.

Логично было бы ожидать, что психоаналитики, уделяющие столь пристальное внимание половой жизни пациентов, проявят особый интерес к чувству, теснейшим образом связанному с сексуальностью. Как ни парадоксально, но это не так. Идея архаической, животной способности человека, связанной прежде всего с анальной сексуальностью, словно парализовала ученых. За исключением отца психоанализа и первых его последователей — Карла Абрахама, Эрнста Джонса, Шандора Ферен-

²⁹ *Marcuse H. Eros et civilisation. P.: Éd. de Minuit, 1970. P. 47.*

³⁰ *Ibid.*

ци, Георга Гроддека, Лу Андреас-Саломе, Рут Мак-Брун-вик, Абрахама Брилла или Дали, — мало найдется психоаналитиков, которые бы занимались впоследствии проблемами обоняния³¹. Лакан, развивая идеи Фрейда, ограничивается констатацией: «Органическое подавление обоняния у человека играет большую роль в достижении им измерения Другого»³². Его изучение связывалось с целым рядом негативных моментов и было заброшено. У некоторых ученых, например, у Франсуазы Дольто, Дидье Анзье или Бориса Сирюльника, такая трактовка даже вызвала удивление. В самом деле, складывается впечатление, что, хотя обоняние было связано с выработкой теории вытеснения, в дальнейшем ему суждено было покинуть пространство психоанализа. Однако у истоков психоанализа без носа и обоняния не обошлось нигде.

Перевод Е. Маруниной

³¹ *Le Guérier A. Le nez d'Emma. Histoire de l'odorat dans la psychanalyse // Revue Internationale de Psychopathologie. La passion des odeurs. PUF. 1996. Juillet. № 22. P. 339–385.*

³² *Lacan J. L'identification. P.: Éd. du Piranha, s.d.*

Виктор Куперман
Иосиф Зислин

ОБОНЯНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ВИЗИОНЕРА

Нарративы психотических больных поставляют обширный, необычный и в большой степени невостребованный материал для фольклористики и антропологии. По сути, любой случай клинической нарративизации демонстрирует слияние коллективных культурных моделей с индивидуальным сознанием рассказчика¹. Однако именно в развитии психоза, где внутренняя реальность болезненного мышления подменяет реальность «объективную», обнажается основа фоновых культурно-социальных представлений о мире, усвоенных больным. Настоящее исследование, посвященное роли запахов в нарративах психотиков, проводилось в фольклорно обедненной среде современных образованных городских жителей — носителей разных этнических, культурных и религиозных традиций. Но и у таких больных психотическое видение мира демонстрирует поразительную близость к множественным мотивам и сюжетным элементам, сохранившимся в сказочных, мифологических и легендарных текстах. В рамках ольфакторной темы мы стремимся показать, что материалы клинических интервью могут привлекаться для проверки гипотез о присутствии, распространенно-

¹ Garro L.C. Narrative Representations of Chronic Illness Experience: Cultural Models of Illness, Mind, and Body in Stories Concerning the Temporomandibular-Joint (TMJ) // Social Science and Medicine. 1994. № 38. P. 775–788.

сти и вариативности следов фольклорной архаики в «наивной» картине мира современного человека.

Мотив обоняния часто появляется в нарративах тех психотиков, которые приписывают себе всезнание или одну из его частных разновидностей: визионерство, причастность к государственным или военным тайнам, профетизм. Такие пациенты практически всегда отождествляют себя с высокопоставленными служащими, пророками, божественными посланниками или собственно божествами. В их картине мира обоняние может играть ключевую идентификационную роль в определении границ своей группы; в выявлении избранников, обладающих сходными качествами, или чужаков; в опознании болезни, опасности или ущерба. Отрывок клинического интервью психиатра И. Зислина с Л., русскоговорящей пациенткой 62 лет (диагноз: шизоаффективное расстройство, маниакальная фаза), демонстрирует такое использование обоняния. Л. говорит о своей особой, богоданной миссии защищать Израиль от внешней агрессии. В числе необычных свойств своей личности она называет прозорливость, способность к быстрому изучению иностранных языков и умение моментально диагностировать болезни.

И. Есть еще такие же люди, как вы?

Л. Конечно. Безусловно.

И. Много их?

Л. Конкретно ответить на вопрос?

И. Много или мало? Сотни, тысячи, миллионы?

Л. Планета Земля, сколько всего людей на сегодняшний день?

И. Миллиарды, пять миллиардов.

Л. Не больше?

И. Ну, может быть.

Л. Из этих пяти миллиардов, может быть, ну сто тысяч, нет, навряд ли, нет, меньше, меньше таких, как я...

И. Это избранные люди?

Л. Избранные Богом, да.

И. Богом?

Л. Да, Богом.

И. Вы можете узнать этих людей по каким-то признакам?

Л. Да.

И. По каким?

Л. Я сейчас не могу вам так...

И. Ну по каким признакам – по взгляду, по виду, по одежде, по...

Л. По запаху, который меня будет раздражать или не раздражать. По тому, как моя голова повернется в его сторону или не повернется. Потому что вот этим зрением боковым я вижу все, что никто не видит. Вот так (обводит руками окружность на уровне головы. – В.К., И.З.).

И. Это у вас такая способность? То есть вы вот смотрите прямо, у вас поле зрения широкое?

Л. О! Еще какое.

И. Сколько? Вы можете видеть и сзади?

Л. Да.

И. Абсолютно все, что происходит?

Л. Да.

Следующая запись подтверждает, что ольфакторная сверхчувствительность воспринимается в качестве особого дара. Больная X., 30 лет (диагноз: параноидная шизофрения), считает себя божеством мужского рода и одновременно идентифицирует себя с Богом, Сатаной, Хеопсом, Эйнштейном, Моцартом и Клеопатрой. Отрывок приводится в переводе с иврита:

И. *Х., я хотел бы расспросить вас о запахах.*

Х. *Я кошка!*

И. *Что запахи значат для вас?*

Х. *Запах – это то, что люди делают, дела хорошие и дела плохие. Например, запах духов, хорошего кофе, хороших вещей. Знать, что хорошо, что плохо, что испорчено, а что не испорчено, что можно есть, а что нельзя. Чувство обоняния у меня очень развито.*

В. *Что это значит?*

Х. *Я могу чувствовать запахи, которые вы все не чувствуете.*

В. *Вы хотите сказать, что вы можете чувствовать запахи, которые обычные люди не чувствуют?*

Х. *Да. (нюхает лист бумаги)... могу понять, лист старый или новый...*

В. *А что еще вы можете понять по запаху?*

Х. *Хороший ты человек или плохой человек, стоит иметь с тобой дело или нет.*

Практически то же применение обонянию находит пациент-Мессия, утверждающий, что доктор (или другие люди, находившиеся ранее в этом помещении) совершал в прошлом дурные поступки. Плохой запах этих поступков мешает пациенту отвечать на вопросы и находиться в одной комнате с недостойным доктором. У другой психотической больной пророческие способности, в частности, выражаются в повышенной обонятельной способности чувствовать чужую болезнь на расстоянии.

Характерно, что ни в одном из нарративов запах не специфичен: он не сличается с известными объектами ольфакторного пространства, не несет никакой собственно обонятельной характеристики («тухлый», «свежий», «кислый», «сладкий»), а задается лишь в универсальных терминах «хороший/плохой», «приятный/неприят-

ный»². Источником запаха назначается некоторая нематериальная субстанция: дурной поступок, избранничество, болезнь, явно выступающая здесь не в материальном, а в идеальном качестве, либо же личностные характеристики. При очевидной нефизиологичности обонятельных явлений, описываемых больными, кажется существенным упомянуть о биомедицинских исследованиях сенсуальных отклонений при душевных расстройствах психотического ряда.

* * *

В становлении психотического мироощущения могут быть задействованы в разной степени все органы чувств, и посредством любого из них больной может регистрировать отклонения в собственном состоянии. Существенно, что природа галлюцинаторных феноменов вообще и ольфакторных в частности представляет собой не «болезнь» какого-либо периферического анализатора (например, тактильного или слухового), а сложное нейрокогнитивное нарушение³. В маниакальных состояниях, где мессианские и пророческие бреды встречаются наиболее часто, больной может испытывать резкое обострение всех чувств: мир наполняется звуками, красками и запахами, способность к улавливанию оттенков утончается и усиливается многократно. Тем не менее объективные измерения в сенсорной сфере (например, измерения порогов чувствительности) не регистрируют существенных перемен у таких больных. Как и при галлюцинаторном переживании, речь здесь идет о внутреннем ощущении, психотическом по происхождению.

² См. работу Б. Шаала, К. Руби и др. в настоящем сборнике.

³ См.: *Siegel R.K., West L.J. (eds.). Hallucinations: Behavior, Experience, and Theory. N.Y.: Wiley Biomedical Publications, 1975; Feigenberg J., Zislin J. «Receptor component» and «active component» in the psychology and psychopathology of perception // Medical Hypotheses. 2000. № 54 (2). P. 169–171.*

Наиболее часто встречаемые галлюцинации при шизофрении – вербальные, т.е. слуховые (в частности, разного рода голоса, произносящие обычно тексты приказного или комментирующего содержания). За ними следуют зрительные, затем осязательные (как при «дерматозе» или «паразитозе»⁴). Еще реже врачи наблюдают ольфакторные (обычно в составе дисморфофобических бредов) и вкусовые галлюцинации. Необходимо отметить, что тактильные, ольфакторные и вкусовые галлюцинации обычно встречаются в картине экзогенных психозов, т.е. психозов, вызванных внешними, в том числе токсическими, факторами⁵. Ольфакторные галлюцинации описаны также при депрессии, эпилепсии, старческом слабоумии и некоторых других состояниях⁶.

Распространенное мнение о редкости обонятельных галлюцинаций при шизофрении привело к полному практическому игнорированию данной психопатологической симптоматики среди врачей. Скажем, если при стандартном психиатрическом интервью вопрос о «голосах» обязателен, то вопрос о нарушениях обоняния и вкуса является скорее исключением, чем правилом. Наш клинический опыт показывает, что при целенаправленном опросе ольфакторные изменения среди психотических больных совсем не редки. Такие нарушения, впрочем, не достигают уровня истинных галлюцинаций: как правило, они остаются лишь составными элементами бредовой интерпретации.

⁴ См.: *Bhatia M.S., Jagawat T., Choudhary S.* Delusional parasitosis: a clinical profile // *International Journal of Psychiatry and Medicine*. 2000. № 30 (1). P. 83–91.

⁵ *Kerekovic M.* The relationship between objective disorders of smell and olfactory hallucinations // *Acta Otorhinolaringologia Belgica*. 1972. № 26. P. 518–523.

⁶ *Adams R.D., Victor M.* Principles of Neurology. 5th ed. N.Y.: McGraw-Hill Inc., 1997; *Martzke J., Kopala L., Good K.* Olfactory Dysfunction in Neuropsychiatric Disorders: Review and Methodological Considerations // *Biological Psychiatry*. 1997. № 42. P. 721–732.

Сам характер ольфакторных явлений при шизофрении неоднороден по происхождению и по клиническим проявлениям. Иначе говоря, эти явления могут вызываться нарушениями нейрофизиологической системы на совершенно разных уровнях. Первоначальные представления об ослаблении обоняния при шизофрении – в плане распознавания и различения запахов, изменений в пороге чувствительности в определении запахов, нарушений памяти на запахи и т.д. – сменились новыми⁷. Результаты последних исследований показывают, что ольфакторное ослабление может вызываться не развитием болезни, а применением лекарств. При этом отмечено, что больные, которые прежде не получали лекарственного лечения, имеют значительно более выраженную чувствительность к отдельным запахам даже по сравнению со здоровыми респондентами⁸.

* * *

Несомненно, идея обоняния как ведовского инструмента у психотиков восходит к архаическому комплексу воззрений на пророчество, зафиксированному в фольклорных и мифологических традициях. Попытаемся конспективно проследить эту связь. В своей среде фольклорный человек лишен ольфакторных характеристик. Так, в славянской традиции запахами наделяются лишь болезни, пороки или благие деяния: часто аромат праведности или греховности проявляется лишь по смерти человека⁹. «Со-

⁷ См. обзорную статью: *Moberg P.I., Agrin R., Gur R.E., Gur R.C., Turetsky B.I., Doty R.L.* Olfactory Dysfunction in Schizophrenia: A Qualitative and Quantitative Review // *Neuropsychopharmacology*. 1999. № 21. P. 325–340.

⁸ См.: *Sirota P., Davidson B., Mosheva T., Benhatou R., Zohar J., Gross-Isseroff R.* Increased olfactory sensitivity in first episode psychosis and the effect of neuroleptic treatment on olfactory sensitivity in schizophrenia // *Psychiatry Research*. 1999. № 86. P. 143–153.

⁹ *Кабакова Г.И.* Запахи в русской традиционной культуре // *Живая старина*. 1997. № 2. С. 37 (см. наст. изд. Кн. 2. С. 50–61).

гласно славянским народным воззрениям, лишь немногие из живых людей обладают даром видения как бы невидимого мира. Это люди особой праведности. Они видят, потому что приближаются духом своим к существам как бы «бестелесным» и общаются с ними»¹⁰. Запах как предмет моральной оценки возникает и в еврейском каббалистическом трактате Сефер Зоар: «а Мессия будет различать людей по запаху» (Иофор, Исх. 18:1–20:26). Эти наблюдения крайне близки диагностическим свидетельствам психотических больных о чутье на дурные поступки или недомогания. Например, больная О. указывает, что именно запах подсказал ей, что ее ребенок подвергся физическому насилию (см. также примеры выше).

Обоняние прежде всего упоминается фольклористами как канал взаимодействия и взаимоузнавания живых и мертвых: «Соотношение слепоты и смерти понятно в контексте психофизического опыта зрения и социокультурного различения видимого и невидимого, явного и скрытого, социального и не-(анти-)социального <...>. Умереть – значит потерять зрение»¹¹. Достаточно вспомнить классический анализ фигуры Бабы-яги, проделанный В. Проппом в «Исторических корнях волшебной сказки»¹². Мир мертвых не способен видеть живого человека, но улавливает его запах: фактически мертвецами управляет обоняние. Стойкость этого поверья подкрепляется многочисленными появлениями слепой, но обонятельно чуткой нежити в мировом фольклоре и литературе (Панночка в «Вие», назгулы во «Властелине колец» Толкина,

¹⁰ *Толстой Н.И.* К реконструкции семантики и функции некоторых славянских изобразительных и словесных символов и мотивов // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Ленинград: Наука, 1990. С. 47–67.

¹¹ *Богданов К.* Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001. С. 112.

¹² *Пропп В.Я.* Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. С. 147–174.

сказочный Кашей и др.). Лишь немногие из мира мертвых (Вий, Горгона) зрят живых, и то лишь в особых обстоятельствах: например, при контакте «глаза в глаза»¹³. В свою очередь, живые в фольклоре чувствительны к запаху мертвечины и сторонятся его. В силу сюжетной симметрии ожидается, что проникающие в мир мертвых живые (Одиссей, Орфей, Тесей, многочисленные сказочные персонажи) ориентируются в нем лишь нюхом. Однако это не так — живых визионеров слепота настигает именно в своем мире.

Вопрос о связи избранничества и оптической немощи задан еще Проппом: «Специальное исследование слепоты, может быть, покажет, почему пророки и провидцы (Тиресий), освободители народа (Самсон), праотцы (Яков, Исаак), вещие поэты (Гомер) часто представляются слепыми»¹⁴. В обозначенный ряд персонажей входят такие мифологические или мифологизированные фигуры, как богиня Фемида, современная болгарская ясновидящая Ванга, поэт Джон Мильтон и пр. Предположительно, зрение оставляет тех, кто причастен к не- или сверхъестественным сферам. Сверхъестественное недоступно обычному зрению и губительно для него. Отсюда табу на видение божества или священного ритуала и сопряженное с ним наказание слепотой, отраженное в разнообразных мифорелигиозных традициях (ср. разделы С311.1.2, С943 и Q451.7.0.2 в указателе мотивов Томпсона¹⁵, а также описание вятского женского обряда «троецпылятницы» у Зеленина¹⁶ и средневековый сюжет о леди

¹³ Неклюдов С.Ю. О кривом оборотне (к исследованию мифологической семантики фольклорного мотива) // Проблемы славянской этнографии. Ленинград: Наука, 1979. С. 141.

¹⁴ Пропп В.Я. Указ. соч. С. 168.

¹⁵ Thompson S. Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958.

¹⁶ Зеленин Д.К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С. 108.

Годиве). И в контексте кары связь незрячести с визионерством сохраняется. Так, по одной из версий античного мифа, Тиресий был ослеплен Афиной за то, что видел ее обнаженной во время купания; в возмещение она наделяет Тиресия пророческим даром. См. также «Моисей закрыл лице свое, потому что боялся воззреть на Бога» (Исх. 3:6); «И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть меня и остаться в живых <...>. И когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо» (Исх. 33:20, 23). Той же природы и слабое зрение Иакова, видевшего лестницу с ангелами Божьими и Господом (Быт. 28:12–13). Видимо, здесь действует компенсаторная логика: у человека может быть лишь одно зрение, и если он провидец, обладающий потусторонним зрением, то зрения посюстороннего он лишен.

Итак, от визионера требуется другое зрение, не то, которое предоставляют глаза. Отсутствие или слабость зрения становится признаком провидческой силы, показателем высшего зрения. Этим объясняется традиция (ритуального или фактического) ослепления тех, чье предназначение заключается в общении с иными мирами, например царей и жрецов, заключаемых в полную темноту. Известное подтверждение этим выкладкам мы видим в истории болезни Р., пациентки 24 лет, диагноз — шизофреноформное расстройство. Больная объявляет о своем пророческом даре и решительно связывает свою способность с объективно существующим нарушением зрения. При этом Р. подчеркивает, что ее способность к ясновидению усиливается, когда она не носит контактных линз. Если зрение визионера подавлено, то непосильное для обычных органов чувств восприятие находит другие сенсорные каналы, часто ольфакторные. В известном смысле провидеть — значит обонять. В пользу такой подмены говорит и бытовое представление об обострении чувств при утрате одного из сенсорных каналов: считает-

ся, скажем, что слепцы обладают повышенной чувствительностью к запахам и обостренным слухом.

О связи зрения с обонянием в контексте провидения говорит следующий отрывок из интервью с больной О., 37 лет, диагноз — острый психоз. Отрывок приводится в переводе с иврита:

И. *Что для вас значат запахи?*

О. *С помощью запахов я проникаю в суть вещей и вижу их.*

И. *Каких вещей?*

О. *В суть любимых вещей, каких только захочу, будь то вещь или человек. Так я вижу форму, цвет, суть вещи.*

И. *Вы способны все это понять с помощью запаха?*

О. *Да, и если это не проходит через запах, то проходит через голову. Но в последнее время у меня нет больших способностей по части запахов.*

И. *Запахи вам важны для предвидения будущего?*

О. *Да, через запах я предвидела корабль «Кафин А» и убийство министра (недавние события в Израиле: поимка корабля с контрабандным оружием для палестинской автономии и убийство израильского министра Зеэви палестинскими террористами. — В.К., И.З.). Запах поднимается в глаза и таким образом проникает в суть вещей. Ведь если в глаза закапывают глазные капли, то капли спускаются в нос. Значит, есть связь между глазом и носом и, возможно, ухом, но с ухом я не уверена.*

И. *Какой запах для вас самый важный?*

О. *Запах моего ребенка. С помощью этого запаха я могу проникнуть в суть вещей и видеть, что произойдет.*

В актуализации провидческого дара обоняние лишается самостоятельного значения и семантически смыкается с любой другой сенсуальной модальностью, задействованной для той же цели. Такого рода синестезия в равной степени применима к фольклорным текстам и записям психотических больных. Возможно, мотив обо-

нения чаще появляется в качестве визионерского инструмента у психотиков, чем, скажем, осязание, в силу большей фразеологической и паремической задействованности ольфакторной лексики. Нам не встречались случаи, когда ясновидение осуществлялось бы только при помощи осязания или вкуса. По всей видимости, именно в таком ключе следует воспринимать появление необычайно чутких носов и широких полей зрения в упомянутых психотических нарративах: как альтернативный показатель профетической слепоты, как знак *другого* зрения.

Итак, современные провидцы, которых мы находим среди разноязыких, разновозрастных и разноэтнических психотических больных, разделяют традиционные воззрения на связь органов чувств и визионерского дара. Примечательно, что психотики не составляют единой референтной группы для целей фольклористского или культурологического исследования. Психотики не объединены традицией производства, передачи и сохранения текстов; не создают собственного фольклора, по крайней мере сознательно; не ощущают культурной или социальной причастности к коллективу, который задается исключительно диагностическими параметрами¹⁷. Тем значительней для исследователя сходство представлений, полученных от случайно подобранной группы информантов. Концепция ущербности зрения и компенсаторной развитости обоняния у ясновидящих — это лишь один из возможных вариантов в синхронном развитии темы провидения и прорицания. Тем не менее ольфакторное восприятие мира у душевнобольных разрушает семиотическую прозрачность привычного круга идей, связанных с обонянием, и обеспечивает панорамный взгляд на проблему.

¹⁷ Куперман В., Зислин И. К структурному анализу бреда // Солнечное сплетение. 2001. № 18–19. С. 254–270.

В. СТИЛ. ОБЪЕКТ ЖЕЛАНИЯ: ФЕТИШ В СОВРЕМЕННОЙ ПАРФЮМЕРИИ

В последние десятилетия дизайнерская мода становится все более откровенной. Кожаные корсеты с шипами; странные туфли, формы которых, похоже, рождены чьими-то нездоровыми видениями; резиновые комбинезоны, облегающие тело столь плотно, что человек кажется в них голым; кружево и шелк нижнего белья вместо вечерних платьев — столь радикальные наряды раньше можно было увидеть лишь в клубах, адреса которых передавали только самым надежным знакомым. Сегодня эта одежда перекочевала на подиумы. Ажурные чулки, перехваченные бесстыдными подвязками, массивные лакированные ремни на армейских пряжках; шнуровки, украшавшие платья «работниц» дешевых борделей и сомнительных кабаре, заполнили коллекции актуальных модельеров — Аззедина Алайа, Дольче и Габбаны, Джона Гальяно, Жана-Поля Готье, Тьерри Мюглера, Вивьен Вествуд. Состоятельные клиенты домов моды теперь хотят играть не только в хулиганов и «свободных художников», но и в извращенцев.

Фетишизм выбрала темой своих исследований известный историк моды, профессор нью-йоркского Института технологии моды и куратор музея при нем Валери Стил. «*Fetish: Fashion, Sex & Power*» — таково название одной из ее книг. «Не понимая природы фетишизма, сегодня невозможно понять моду», — полагает Стил.

С модным бизнесом тесно связана и индустрия красоты. Как превращаются в фетиш духи известных дизайнерских марок? Почему символы маргинальной субкультуры становятся рекламными штампами? Об этом и рассказывает в своем интервью Валери Стил.

Выпускница Йельского университета, доктор наук в области истории культур, профессор нью-йоркского Института технологии моды, Валери Стил возглавляет Музей моды, созданный при институте. Любая из организованных ею выставок, будь она посвящена «биографии» корсета или обуви, китайской или французской моде, становилась событием. Стил — автор монографий «Мода Парижа» (1988), «Фетиш: мода, секс и власть» (1996), «Пятьдесят лет моды» (1997), «Сумки: лексикон стиля» (1999), «Китайский шик» (1999), «Культурная история корсета» (2001), «Красное платье» (2001).

— *Г-жа Стил, предметом Ваших исследований стал фетишизм в одежде. А могут ли стать объектом поклонения духи или, шифе, запах? Насколько реален, по-вашему, феномен обонятельного «безумия», крайняя степень которого описана в «Парфюме» Патрика Зюскинда?*

— Фетиш — это сюжет, который лишь притворяется вещью. Иными словами, он — не обувь или корсет, а «истории», в которые вовлекают эти предметы сексуальные фантазии людей. Именно «легенды» превращают самые обычные вещи в фетиш.

Одежда, обувь, аксессуары — самый распространенный объект фетишизма. Ничего удивительного, ведь они непосредственно соприкасаются с человеческим телом и, по ассоциации, могут легко «замещать» его. Однако предметом поклонения могут стать и сами части тела, например длинные волосы, большая грудь. Но в фетиш готова превратиться и самая неожиданная вещь — от расчески до руля спортивного велосипеда.

Порой «обожают» не предметы, а понятия более абстрактные. Например, голос, мелодия. Или — запах. Так, фетишизм, объектом которого становится кожа, подразумевает не только созерцание одежды из этого материала — корсетов, курток, сапог, их блестящей и жесткой фактуры, но и наслаждение звуками, которые издает кожаная одежда, ее хрустом и скрипом. И, безусловно, прекрасным животным ароматом.

Есть еще один путь, по которому запах проникает в фетишистские фантазии. Героиней эротических сценариев нередко становится особый тип женщины, так называемая *phallic woman*. Это очень сексапильная, яркая, привлекательная героиня, обладающая всеми внешними женскими достоинствами — большой грудью, узкой талией, широкими бедрами. И при этом наделенная мужским характером — властная, агрессивная, стремящаяся доминировать в любых, в том числе и сексуальных, отношениях. Фетишист приписывает ей и особенности мужской физиологии. Как правило, в его фантазиях такая женщина не только носит определенную одежду и обувь, но и обладает определенным (например, мускусным) запахом. В то же время другой тип фетишизируемой женщины, например облаченной в шелк и кружева, может быть наделен более легким, женственным — цветочным или фруктовым — ароматом.

В подобных сексуальных фантазиях большую роль играет и запах, связанный с определенной частью тела. Например, некоторые фетишисты утверждают, что кожа рыжеволосых женщин пахнет иначе, чем блондинок или брюнеток, и этот запах — обязательное условие зарождения эротических желаний.

— *Используют ли элементы субкультуры фетишистов создатели парфюмерной рекламы, как это делают, например, компании, разрабатывающие постеры для одежды или обуви?*

— Безусловно, авторы рекламы духов эксплуатируют визуальные стереотипы культуры фетишистов не менее широко — ведь они тоже «создают историю». Часто элементы этого стиля можно увидеть в рекламе духов тех брендов, которым дали свои имена модельеры, «цитирующие» фетишистский гардероб и при создании коллекций одежды, — Жан-Поль Готье, Тьерри Мюглер, Вивьен Вествуд, Александр Маккуин, Джон Гальяно, Джанни Версаче.

Очень интересным примером фетишизации духов стала рекламная кампания аромата «Opium» марки Yves Saint Laurent. Название духов откровенно провокационно, ведь речь идет о сильном наркотике. И их реклама была всегда столь же двусмысленна. Каждый раз на ней появлялась женщина, как бы на время потерявшая рассудок, впавшая почти в полуобморочное состояние, будто умирающая от передозировки наркотиков — или оргазма. Откровенный эротизм модели — ее типаж и поза — как бы предполагал в зрителе то же желание экстаза и избытка чувственных удовольствий, будь то наркотики или секс. Все рекламные образы «Opium» пронизаны духом декаданса. Они всегда имели исключительный успех и для многих превращали сами духи в объект потребительского фетиша.

Один из самых скандальных рекламных образов «Opium» особенно наглядно показывает, как именно используется в парфюмерных постерах фетишистский стиль. На рекламе изображена совершенно обнаженная манекенщица Софи Далл. Девушка обладает роскошным телом и по идее должна быть полна жизни и сексуального желания. Но ее кожа мертвенно бледна, какой она бывает у наркоманов — или ведьм. Доказательством «ведьминской» природы героини становятся для зрителя ее длинные рыжие волосы и единственная «одежда» —

туфли на высочайшей шпильке. Оба «аксессуара» в контексте европейской культуры выдают женщину одновременно желанную и опасную, а в рамках интересующей нас субкультуры — типичную *phallic woman*. Кроме того, и длинные густые волосы, и туфли на каблуках-стилетах — хрестоматийные объекты фетиша.

— *Элементы фетишистского стиля используются не только в рекламе духов, но и в их флаконах...*

— Один из наиболее поразительных примеров — духи «Jean-Paul Gaultier». Их флакон повторяет формы женского торса. Эту идею Готье взял у Эльзы Скьяпарелли, одни из духов которой в 1930-х гг. имели похожий флакон (ей, в свою очередь, подсказали идею флакона пышные формы актрисы Мей Уэст). Но если Скьяпарелли выбрала традиционный случай фетиша, когда объектом желания становится определенная часть тела, то духи Готье «обожествляются» вдвойне. Он не только представляет классический женский торс — пышный бюст, узкая талия, широкие бедра — воплощение женской эротической привлекательности. Он к тому же «одет» в металлический корсет, излюбленный предмет фетишистского гардероба. Так вполне благопристойная и коммерчески успешная индустрия парфюмерии заимствует образы из арсенала субкультуры, еще недавно считавшейся исключительно маргинальной.

(Материал подготовлен Е. Жирицкой)

**ЗАПАХИ В ИСТОРИИ
ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Бальтасар Грасиан

ЧУТКИЙ НОС*

Ведь нос – орган пронизательности, потому-то нос всю жизнь растет! Вместе с тем он – для дыхания, оба этих дела равно необходимы. Нос отличает хороший запах от дурного, чует, что добрая слава – это дыхание духа; зловонный же воздух весьма вреден, все нутро человека заражает. Итак, пронизательность чутко улавливает аромат или вонь нравов – чтобы не заразилась душа, – и посему носу отведено столь высокое место. Он – поводырь слепого вкуса, он заранее извещает, что пища испорчена, он первый отвеживает все кушания. Он упивается ароматом цветов и услаждает разум благоуханием добродетелей, подвигов и славы. Он распознает мужей доблестных и благородных не по запаху амбры, но по аромату достоинств и высоких деяний, ибо именно в этом они обязаны лучше пахнуть, чем плебеи.

* Критикон 1, Кризис III: Красота природы (цит. по: Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон // Лысенко Е.М., Пинский Л.Е. М.: Наука, 1981. С. 143).

Марсель Детьен

СВЯЩЕННЫЕ БЛАГОВОНΙΑ И ПИФАГОРЕЙСКАЯ КУХНЯ

(из книги «Сады Адониса:
МИФОЛОГИЯ АРОМАТОВ В ГРЕЦИИ»)*

Рожденные от совершенно особого сочетания земли и солнечного тепла, ароматические вещества — это дар дикой природы, который люди присваивают себе особыми приемами; цель этих приемов — соединить далекое и близкое, связать верх и низ. Хотя многие из этих ароматических растений на самом деле — возделываемые культуры, греки, к которым они доходят после долгих странствий, в виде уже готовых продуктов, считают их не растениями, которые выращивают, но такими, с которых собирают плоды. В греческом мире ароматические вещества, распространившиеся там уже в VII веке¹, играют тройную роль: это приправы, культовые благовония и афродизиаки. Природные продукты, отличные в то же время от выращиваемых растений, ароматические вещества потребляются только в виде благовоний и приправ. Очень малого их количества достаточно, чтобы наполнить запахом огромные объемы еды, твердой и жидкой. В то же время, если многочисленные виды ароматических веществ служат специями в древнегреческой кулина-

* НЛО. № 43 (2000). С. 34–60. Перевод выполнен по итальянскому изданию: *Detienne M. I Giardini di Adone: I miti della seduzione erotica* / Trad. di Letizia Berrini Pajetta. Torino: Einaudi, 1975. P. 47–80 (Cap. II: «Il bue di aromi»). Оригинальное издание: *Detienne M. Les jardins d'Adonis: Mythologie des aromates en Grèce*. Paris: Gallimard, 1972. © Editions Gallimard, Paris, 1984

¹ Судя по всему, слово «мирра» (μύρρα) встречается впервые у Сапфо (fr. 44 30 Lobel-Page). См.: *Masson E. Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en grec*. Paris, 1967. P. 54–56; *Pfister F.*, s.v. *Rauchopfer* // *Real-Encyclopädie* (1914). Coll. 277–278. Однако благовония очень часто упоминаются в надписях на микенских табличках.

рии², такие вещества, как ладан и мирра, используются почти исключительно³ для производства мазей и благовоний и во время ритуальных жертвоприношений, посвященных культуре небесных сил.

Один из мифов, связанных с ладаном⁴, позволяет нам обнаружить первое значение ароматических веществ в сфере культовых практик. Чтобы отомстить Солнцу, которое раскрыло ее незаконные любовные связи, Афродита влюбила его в Левкотою, дочь Оркама, персидского царя, который властвует над Страной ароматов^{5*}. Царь, разъяренный тем, что Солнце посмело соблазнить его дочь, решает скрыть ее от любовника: он прячет ее в глубоком рву, который приказывает засыпать песком. Когда Солнце хочет освободить ее, уже слишком поздно: его лучи не могут согреть девушку. Тогда Солнце обрызгивает тело Левкотои благовонным нектаром и дает ей следующее обещание: «Ты вознесешься на небо, несмотря ни на что». «Тотчас же тело, пропитанное нектаром божественного происхождения, растворяется, наполняет зем-

² Приправы (*arçumata*) и специи (*hēdysmata*) играли важную роль в греческой кухне. См. перечни, встречающиеся у Антифана (fr. 142 Kock, II 69) и у Алексида (fr. 127 Kock, II 343).

³ Мирра может входить в состав некоторых «аперитивов» (*gróroma*: перец, душистые травы, мирра, сыть, египетское масло, в: Афинея II 68C–D) или использоваться для ароматизации каких-либо напитков (ср. вино, ароматизированное миррой, игравшей роль абсорбента, как показал *André J. Vin myrrhé // Annales de la Faculté des Lettres d'Aix*. Т. XXV. Fasc. 1. E 2. 1951. P. 45–62).

⁴ *Овидий*. Метаморфозы IV 190–255. По утверждению Плачидо Латтанцио, этот миф впервые встречается у Гесиода (fr. 351 ed. West – Merkelbach [fragmenta dubia]). Ср.: *Kroll W.*, s.v. *Leukothoe // Real-Encyclopädie* (1925). Coll. 2306.

⁵ *Овидий*. Метаморфозы 209. В стихах 214 и 215 говорится о гесперийском небе, под которым расстилаются луга, изобилующие амброзией – пищей коней Солнца.

* В предыдущей главе книги Детьена анализируется греческое представление о «стране ароматов», которая устойчиво отождествляется с Аравийским полуостровом. (*Прим. ред.*)

лю своим благоуханием, и, пробиваясь сквозь комья земли, в которую уже пущены корни, поднимается стебель ладана, который разламывает могилу своей верхушкой».

Наказанию, которому отец подверг свою соблазненную дочь, чтобы разлучить ее с любовником и поместить как можно дальше от Солнца, соответствует превращение обреченного на гниение тела в свою противоположность, в ароматическое растение: рожденное Солнцем и предназначенное для того, чтобы снова к нему вернуться, оно позволяет двум влюбленным соединиться вновь, сблизившись еще теснее, чем раньше. С этого момента ароматические вещества — в данном случае ладан — получают преимущественное право соединять Низ и Верх.

Именно таково значение воскурений ладана и мирры, с которых в Греции начинается ритуал кровавого жертвоприношения. Как замечает античный комментатор, автор схолий к оратору Эсхину, «ароматы предназначены для того, чтобы привлекать богов»⁶. Брошенные на жертвенный огонь в виде тщательно измельченных зерен или лепешек, ладан и мирра устанавливают связь между двумя мирами, неизбежно отделенными друг от друга: миром людей и миром богов. Предназначенные далеко не только для того, чтобы заглушать неприятный запах горелого мяса и жира, воскурения благовоний⁷ определяют важнейший аспект жертвоприношения у греков; доказательством тому служит важность понятий дыма и запаха в самых древних описаниях культа, посвященного богам⁸. Целая серия слов из технического словаря жертвоприношения происходит от корня *thy-, се-

⁶ Схолии к Эсхину I. Против Тимарха 23. Ed. Dindorf. P. 13 9–11. Схолиаст напоминает, что подобное всегда притягивается подобным.

⁷ *Fritze H. von. Die Rauchopfer bei den Griechen*, диссертация на соискание ученой степени, Berlin 1894; *Pfister F., s.v. Rauchopfer // Real-Encyclopédie* (1914). Coll. 267–286.

⁸ См.: *Casabona J. Recherches sur le vocabulaire des sacrifices en grec, des origines à la fin de l'époque classique*. Aix-en-Provence, 1966. P. 69–125.

мантическое поле которого, определяемое такими лексемами, как *thýo-*, *thysia*, *thýos*, свидетельствует о решающей роли огня и дыма в том, чтобы предназначенные богам подношения достигли жилищ бессмертных. Так, было отмечено, что один из самых древних терминов, использованных в гомеровском эпосе для обозначения подношений богам, слово «*thýos*» (множественное число *thýea*) первоначально имело смысл «вещество, сжигаемое для того, чтобы получить благовонный дым»⁹.

Эти разнообразные наблюдения лингвистического характера полностью подтверждаются свидетельствами «антикваров», которые в конце IV века до н. э. разработали настоящую теорию жертвоприношения. Для Теофраста, в его трактате «О благочестии», наиболее архаичным жертвоприношением было, задолго до того, как ароматические вещества попали в Грецию, сжигание разных видов пахучих кустарников; доказательством этому, по его мнению, служил обычай, которого все еще придерживались для некоторых ритуалов и его современники, когда для разведения огня использовались пахучие вещества¹⁰. По мнению Филохора Афинского¹¹, прорицателя, толкователя и великого знатока жертвенных обычаев, именно тимьян (*thýmos*) сжигался в огне наиболее древних жертвоприношений, *perphalia*, — тех жертвоприношений, во время которых воздерживаются от любых возлияний вина и не кладут в огонь ни виноградную лозу, ни фиговое дерево. Почему же «тимьян» (что по-гречески означает разновидность чабреца¹²), а

⁹ *Casabona J.* Op. cit. P. 110.

¹⁰ *Теофраст.* О благочестии. Fr. 2 ed. W. Potscher. Leiden, 1964. P. 146–150.

¹¹ *Fragmente der griechischen Historiker (Jacoby)* 328F 194.

¹² *Satureia thymbra* L. Ср.: *Плиний.* Естественная история XXI 56, с комментариями J. André. Paris, 1969. P. 114; *Andrews A.C.* Thyme as a condiment in the Graeco-roman Era // *Osiris*, 13. 1958. P. 150–156.

не кедр¹³ и не лавр, а также не ячменная мука, которую, согласно Плутарху¹⁴, античная Пифия сжигала на алтаре Аполлона? Не потому ли, что само название, *thýmos*, отчетливо указывает, что именно этот вид кустарника наиболее подходит, чтобы порождать дым (*thymi-ân*), исходный элемент и основу акта жертвоприношения¹⁵?

Устанавливая между людьми и богами вертикальную связь, запах благовоний, сжигаемых на алтаре, выполняет функцию, явно аналогичную той, которую выполнял ароматный дым¹⁶ жиров, сжигаемых в честь олимпийских богов. В «Икаромениппе» Лукиана «кабинет» Зевса представляет собой пол, в котором открываются люки, закрытые круглыми крышками: отец богов приподнимает одну из этих крышек и внимательно слушает доставляемые ему дымом имена совершающих жертвоприношение, но гневно дует на благовония, полные преступных просьб, чтобы они не попали на Олимп¹⁷.

¹³ *Плиний*. Естественная история XIII 2. «[Во времена Троянской войны] еще не приспособились сжигать ничего, кроме ветвей местных деревьев — кедра и лимона. Во время жертвоприношения они, утопая в клубах дыма, источали скорее вонь, чем аромат». Некий комический поэт, чье имя не сохранилось (см. 34 Кокк, III 404), употребляет выражение *alla thýe toùs kédrouis*, где глагол *thýsai** используется вместо *thymiâsai*** (ср.: *Фригидий*. *Epitome*, s.v. *thýsai*. Ed. D. Borries. P. 74 3–6).

* Совершать жертвоприношение. (*Прим. пер.*)

** Кадить, курить. (*Прим. пер.*)

¹⁴ *Плутарх*. Об оракулах Пифии 397-A: *dþhñē* и *krithinon áleuron*. В Схолии Q к Одиссее XIV 429 говорится, что до открытия ладана греки при жертвоприношениях возжигали (*thymiân*) ячменную муку (*álphita*).

¹⁵ *Thymiân* соотносится с *thýein* также в: *Теофраст*. О благочестии. Fr. 8. Ed. W. Pötscher. P. 160.

¹⁶ Это характерный элемент жертвоприношения (*Rudhardt J. Notions fondamentales de la pensée religieuse et actes constitutifs du culte en Grèce classique*. Genève, 1958. P. 254).

¹⁷ *Лукиан*. *Икароменипп* 25–26. Ed. Jacobitz. T. II. P. 417–418.

На той же системе связи основана целая комедия Аристофана¹⁸. Когда птицы, по наущению Писфетера, захотели отнять у олимпийских богов власть над миром, ставкой в игре сразу же становится дым жертвоприношений и запах благовоний. Как только Писфетер убедил птиц основать город посередине между землей и небом, между людьми и богами Олимпа, ни малейшая струйка жертвенного дыма не может больше подняться от жителей земли к богам. До Олимпа не доходит больше никакого запаха жареного мяса. Прометей потихоньку приходит сообщить людям, что жители Олимпа постыятся, как на празднике Фесмофорий: лишенные подношений, они голодают¹⁹. Блокада дает результат; Зевс вынужден уступить птицам Василию, Державу. И когда Писфетер празднует свою свадьбу с Василией, в то время как он выступает вперед сияющий подобно светилу, держа одной рукой молнию, а другой – Державу, именно в этот момент «неописуемый аромат поднимается вглубь небес и легкие порывы ветра разносят кольца дымящегося ладана»²⁰.

Связь между Низом и Верхом восстановлена: аромат благовоний приходит на смену запаху мяса, с которым новые цари неба не знают, что делать.

В повседневной практике жертвоприношений благоухание ароматических веществ и дым от мяса смешиваются, можно сказать, до неразличимости; между тем они имеют не совсем одно и то же значение. Чтобы определить, что кладет границу между ними, и тем самым выявить важнейший аспект благовоний, нам необходимо остановиться на системе практик в области питания, при-

¹⁸ Птицы 555 ff.

¹⁹ Ibid. 1515 ff. Этот мотив воспроизводит Лукиан («Зевс трагический» 3.18): богам угрожает голод, если люди перестанут совершать жертвоприношения.

²⁰ Птицы 1706–1717.

нятых в одной маргинальной социальной группе. Именно ее маргинальное положение в греческом мире делает ее особенно подходящей для того, чтобы подчеркнуть некоторые контрасты и выявить некоторые оппозиции, часто неразличимые в других сферах. Именно в секте пифагорейцев выстраивается сложная система представлений о различных пищевых продуктах²¹, в рамках которой оказывается возможным проследить позицию ароматических веществ по отношению к целой серии других продуктов. Основанное в конце VI века до н. э. в городе Кротоне, в Великой Греции, содружество пифагорейцев²², одновременно религиозная секта, политическая группа и философская школа, отличается целым рядом признаков, среди которых не самым обычным является соблюдение жестких норм в области питания²³.

²¹ На последующих страницах воспроизводится – с незначительными отклонениями – анализ, опубликованный в: Archives de Sociologie des Religions. 29. 1970. P. 141–162 под заголовком «La cuisine de Pythagore».

²² Помимо фундаментального труда *Burkert W. Weisheit und Wissenschaft. Studien zu Pythagoras, Philolaos und Platon.* Nuremberg, 1962 (при ссылках обозначается W.W.), достаточно упомянуть статьи: *Fritz K. von, Dörrie H., Waerden M.B.L. van der*, s.v. Pythagoras, Pythagoreer, Pythagorismus, Pythagoreische Wissenschaft // *Real-Encyclopädie* (1963). Coll. 171–300, где представлен качественный обзор феномена пифагореизма.

²³ Из классических исследований такого рода табу можно назвать: *Hölk C. De acusmatis sive symbolis Pythagoricis*, диссертация. Kiel, 1894; *Boehm F. De symbolis Pythagoreis*, диссертация. Berlin, 1905; *Delatte A. Etudes sur la litterature pythagoricienne.* Paris, 1915. P. 285–294; *Burkert W.W.* P. 150–175. Начиная с IV века до н. э. некоторые историки, например Андрокид и Анаксимандр, предлагали различные аллегорические интерпретации этих табу, которые стоит рассмотреть. Мы имеем в виду приписываемый Пифагору запрет жарить вареную пищу: *hephthòn de paraggèllei me optan* (*Ямвлих. Жизнь Пифагора* 154. P. 87, 6–7 Deubner). Согласно Аристотелю (*Проблемы* III 43. Ed. Bussemaker. Т. IV. P. 331 15 ff; см. также: *Reinach S. Cultes, mythes et religions.* Т. V. Paris, 1923. P. 62 f), такая кулинарная практика, запрещенная в мистериях, означала бы движение вспять, возвращение к низшей стадии развития общества, поскольку варить

Еще и во времена Плутарха соблюдение пищевых табу сразу указывало на последователя Пифагора²⁴. Пифагорейцы делили большинство пищевых продуктов на допустимые и строго запрещенные. Не довольствуясь тем, чтобы признать в этих табу и странных привычках «пережитки фольклора, в которых и понимать нечего», как недавно утверждал один историк философии²⁵, можно попытаться показать, что выбор некоторых продуктов и отказ от других — это взаимодополняющие части единой системы. Но смысл этой системы нельзя расшифровать в отрыве от социальной группы, которая потребовала соблюдения данных правил питания и придерживалась их на протяжении всей своей истории.

А то, что проблема питания являлась фундаментальной для этой социальной группы, становится очевидным из спора, возникшего в конце IV века между двумя исто-

пищу — гораздо «цивилизованнее», чем жарить (см.: *Lévi-Strauss C. L'érigine des manières de table. Paris, 1968. P. 398 f.*). Однако у пифагорейцев речь идет не о двух уровнях цивилизованности, а о двух этических характеристиках. Они интерпретировали этот запрет следующим образом: нежность не нуждается в ярости, *tên praótēta lé-gōn mé grosdeisthai tēs orgēs*. Т.е. два противоположных по значению этических термина отождествляются с двумя способами приготовления пищи. Первый представляет собой медленную обработку, в результате которой в продукте устанавливается совершенное равновесие между сухостью и влагой (кулинарный термин *hepsesis*, варка в кипящей воде, на уровне природных процессов соответствует понятию *repansis*, созревание). Согласно второму способу, пища помещается непосредственно в огонь, т.е. отдается на растерзание яростному пламени.

²⁴ Это подтверждают не только «Застольные беседы» VIII. P. 727B и 730F Плутарха, но и фрагменты комедий, написанных в Афинах в последней трети IV века до н. э. такими поэтами, как Аристофан, Алексид, Антифан, где в качестве комического персонажа фигурирует пифагореец, «списанный» с уцелевших после политического разгрома пифагорейства адептов движения, которые бежали в Афины (см.: *Méautis G. Recherches sur le pythagorisme. Neuchâtel, 1922. P. 10–18; Burkert W.W. P. 194*).

²⁵ *Robin L. La pensée hellénique des origines à Epicure. Paris, 1942. P. 35.*

риками, наиболее сведущими в пифагореизме; предмет спора состоял в том, употреблял ли Пифагор с учениками в пищу мясо животных²⁶. К Тимею Тавромению, историку Сицилии и Великой Греции, восходит традиция изображения Пифагора отказывающимся есть мясо и наряду с этим отвергающим кровавые жертвы. Этот образ Пифагора-вегетарианца предстает в трудах Тимея неотделимым от культа делосского алтаря Аполлона Отчего (Genétōr)²⁷. Култ этот был учрежден самим основателем секты; на этом алтаре нельзя было приносить в жертву никакое живое существо. И действительно, многие свидетельства тесно связывают запрет на мясную пищу и отказ от кровавых жертв. Пифагор, пишет Ямвлих, жил, отказываясь от мясной пищи и почитая алтари, не орошенные кровью; в этом контексте отказ от употребления мяса коррелирует с запрещением приносить в жертву богам (thúein) животных²⁸, приведенным в том же свидетельстве непосредственно перед данной цитатой. В аналогичном запрете, приводимом Диогеном Лаэртским²⁹, даже ничего не говорится о запрете есть мясо; формально запрещается лишь кровавая жертва. Однако этот запрет имеет дополнительную эмоциональную окраску, что явствует из употребления технического термина sphágia³⁰, закрепленного за жертвами, в которых главным приношением является кровь, и призванного таким образом подчеркнуть, что жертвоприношение приравнивается к

²⁶ Материал этой дискуссии собран в работе: Delatte A. La Vie de Pythagore de Diogène Laërce. Bruxelles, 1922. P. 176 ff, 192 ff.

²⁷ Здесь нельзя не отметить близость Диогена Лаэртского VIII 13 и Тимея, «Фрагменты греческих историков» 566F 147 (см. наблюдения Jacoby F. P. 592). См.: Lévy I. Recherches sur les sources de la légende de Pythagore. Paris, 1926. P. 57.

²⁸ Ямвлих. Жизнь Пифагора 107–108. Ed. L. Deubner. P. 62 6–12.

²⁹ Диоген Лаэртский. VIII 22. Ed. A. Delatte. P. 12210–12211.

³⁰ См.: Casabona. Op. cit. P. 155–196.

убийству. Тот же Диоген подтверждает и уточняет позицию пифагорейцев в отношении убийства животных: Пифагор запретил своим ученикам *phoneúein*³¹, т.е., буквально, совершать убийство. Однако учитель хотел отвлечь своих последователей не только от пролития крови сограждан или родственников, но и от того, чтобы поднять руку на животных, «которые имеют равное с нашим право на жизнь и обладают душой». Есть мясо — значит совершать преступление, *phoneúein*. Соответствие между этими двумя терминами столь строгое, что Пифагор, по свидетельству Евдокса Книдского, отказывался вступать в общение с поварами и охотниками и рассматривал их как преступников, *phoneúontes*³². С этим тройным отказом от употребления в пищу мяса животных, приношения кровавых жертв и пролития крови живых существ³³ соотносится в той же пифагорейской среде обязанность совершать бескровные жертвоприношения, *thysíai anaímaktoi*, и приносить богам простые и чистые жертвы³⁴: фигурки из теста (*psaistá*), медовые соты (*kēía*) и

³¹ *Диоген Лазертский*. VIII 13. Ed. A. Delatte. P. 114 8. См.: *Ямвлих*. Жизнь Пифагора 168–169. Ed. Deubner. P. 95 7–12; 54, P. 29 24–25. В противоположность к *spházō* — резать, *phoneúō* вводит чисто пейоративный оттенок — это еще и «убивать» или «истреблять» (см.: *Casabona*. Op. cit. P. 160–162).

³² Евдокс Книдский, у Порфирия в Жизни Пифагора 7. В надписи *Asoka* — греко-арамейской билингве, обнаруженной в 1958 г. близ Кандагара в Афганистане, гласящей, что «царь воздерживается от живых существ» (*arékhesthai tōn empsýkhōn*), уточняется, что «все царские охотники и рыбаки перестали охотиться» (л. 7–8, цитируется по греческому тексту, опубликованному в коллективной статье: *Schlumberger D., Robert L., Dupont-Sommer A., Benveniste E.* Une bilingue gréco-araméenne d'Asoka // *Journal Asiatique*. 1958. P. 3 (греческий текст); P. 15–16 (комментарии Л. Робера к выражению *arékhesthai tōn empsýkhōn*).

³³ Три термина *thýein*, *esthíein* и *phoneúein* в этой пифагорейской традиции выступают в качестве синонимов.

³⁴ *Плутарх*. Нума 8.15.

ладан (*libanōtón*). Пифагор призывал кротонских женщин собственноручно приносить лишь такие жертвы, вместо того чтобы почитать богов кровью и убийством³⁵. Все это жертвоприношения того же рода, что и ритуальные приношения пшеницы, ячменя, сладостей, предназначенные для алтаря, который Пифагор почитал больше всего, для алтаря Аполлона Отчего на Делосе³⁶: в обоих случаях речь идет о прямой противоположности животным, приносимым в кровавую жертву.

Несомненно, противоречит образу Пифагора-вегетарианца, который рисует Тимей, представление о пифагорейцах, которое доносит до нас музыковед Аристоксен из Тарента. В своем описании образа жизни последних членов прежнего братства, пифагорейцев Флиунта, с которыми Аристоксен был лично знаком³⁷, говоря о совместных трапезах — сисситиях, он хочет уточнить природу пищи, совместно вкушаемой пифагорейцами³⁸. Наряду с основным блюдом — *deípron*, вином, ячменным хлебом — *ptáza*, зерновым хлебом — *ártos*, соусом — *ópson*, вареными и сырыми овощами Аристоксен упоминает мясо животных, определяемых как *thýsima*, то есть предназначенных для жертвоприношения и употребления в пищу³⁹. Эту терпимость пифагорейцев к употреблению в пищу мяса Аристоксен подтверждает неоднократно: и когда изобра-

³⁵ Ямвлих. Жизнь Пифагора 54. Ed. L. Deubner. P. 29 23–24.

³⁶ Диоген Лазертский. VIII 13. Ed. A. Delatte. P. 115 3–5.

³⁷ См. замечания по этому поводу в работе: *Boyancé P. la vie pythagoricienne // Revue des études grecques. 1939. P. 47–49.*

³⁸ Ямвлих. Жизнь Пифагора 98. Ed. L. Deubner. P. 57 8–14. Что этот пассаж действительно представляет собой извлечение из «Изречений Пифагора» Аристоксена, продемонстрировал *Rohde E. Rheinisches Museum. 1872. P. 35–37*, и в существенных случаях подтвердил *Boyancé P. // Revue des Otudes grecques. 1939. P. 37–40.*

³⁹ *Casabona. Op. cit. P. 139.*

жает Пифагора питающимся козлятами и молочными поросятами⁴⁰, и когда заявляет, что философ охотно ел все виды мяса, за исключением баранины и мяса пахотных быков⁴¹. Относительно тех же пифагорейцев, не исключавших мясо из своего рациона, Аристотель сообщает, что они «воздерживаются от внутренностей и крови животных... но едят все остальные части»⁴²; а Плутарх в «Застольных беседах» описывает учеников, признающих, что едят мясо, особенно при жертвоприношениях⁴³. Наконец, известны ученики, называемые «акусматиками», или «политиками», которым Пифагор рекомендовал практиковать жертвоприношения, но в меру, и приносить лишь малые жертвы, ограничиваясь мелким скотом, никогда не выбирая быка⁴⁴.

Приписывая таким образом пифагорейцам два различных режима питания, греческая историография IV века попросту делает предметом спора двусмысленность всей пифагорейской традиции, в которой два этих режима сосуществовали. Причем олицетворением одного режима был Учитель, а олицетворением другого — Первый Ученик. С одной стороны, перед нами Пифагор Самосский, который питался только некими странными субстанциями, «которые подавляют голод и жажду»; с другой же стороны, перед нами Милон Кротонский, на всю Грецию прославившийся своими подвигами в поедании мяса. Эти две системы питания сосуществуют в одной и той же

⁴⁰ *Аристоксен*. fr. 25 Wehrli (= *Авл Геллий*. Аттические ночи IV 11.6). Ср. фр. 28 и 29 и *Порфирий*. Жизнь Пифагора 36.

⁴¹ *Аристоксен*. Fr. 29a Wehrli (= *Диоген Лаэртский* VIII 20. Ed. A. Delatte. P. 121 3–6).

⁴² *Аристотель*. fr. 179 Rose (= *Авл Геллий*. Аттические ночи IV 11.12).

⁴³ *Плутарх*. Застольные беседы VIII 8.3, p. 729C. См. также: *Ibid.* 728E; *Афиней* VII 308C; *Порфирий*. О воздержании II 28.

⁴⁴ *Ямвлих*. Жизнь Пифагора 150. Ed. L. Deubner. P. 84 18–21.

социальной реальности⁴⁵. Когда Пифагор около 530 г. обосновался в Великой Греции, Милон был одним из наиболее видных граждан города Кротона⁴⁶. Он не только принадлежал к одной из наиболее могущественных семей⁴⁷, но был и жрецом Геры Лацинии — богини-покровительницы города Кротона⁴⁸ — и знаменитым атлетом, много раз побеждавшим на крупных греческих играх⁴⁹.

⁴⁵ Современные ученые колеблются между двумя подходами в отношении этой двойной традиции пифагорейской историографии: с одной стороны, подчеркивая противоречивый характер свидетельств о раннем пифагореизме, восходящих к IV веку, они находят таким образом достаточное основание для признания того, что мы практически не имеем достоверных свидетельств о первом поколении пифагорейцев; с другой стороны, объявляют несостоятельной версию Аристоксена, отрицая рационализм автора, пытавшегося представить своим современникам, жившим в IV веке, образ Пифагора лишенным всех его странностей. Последнее решение получило широкое распространение — среди прочих ученых этой точки зрения придерживались Барнет, Виламовиц и И. Леви. Но какое бы из этих объяснений ни было принято, один пункт, как кажется, никогда не ставился под сомнение: различия в подходе к питанию в пифагореизме сводятся к идеологическому конфликту между двумя точками зрения, двумя реконструкциями античных историков, бывших почти современниками. Речь идет о предположении, совершенно искажающем способ постановки и разрешения проблемы пифагорейского питания. Так Пифагор с учениками ели мясо или нет? Этот вопрос рождается не только в умах историков пифагорейского движения, он является не только частью историографической проблематики IV столетия. Он возник, поскольку был реальной проблемой пифагореизма, проблемой, сформулированной в реальной практике пифагорейцев и вставшей в связи с нестандартным поведением некоторых членов секты, в том числе и наиболее влиятельных.

⁴⁶ Все сведения о Милоне Кротонском собраны в: *Olivieri A. Civiltà greca nell'Italia meridionale*. Napoli. 1931. P. 83–98; *Modrzejewski S. v. Milon (II) in Real-Encyclopädie* (1932), 1672–1676.

⁴⁷ В качестве свидетельства можно привести Геродота III 137–138, где описывается то, как знаменитый Демокед Кротонский ускорил брак с дочерью гражданина своего полиса Милона.

⁴⁸ См.: *Филострат*. Жизнь Аполлония Тианского IV 28; замечания *Bayet J. Les Origines de l'Hercule romain*. Paris, 1926. P. 157–159.

⁴⁹ *Moretti L. Olympionikai // Atti della Accademia nazionale dei Lincei: Memorie, Scienze morali, storiche e filologiche*. Vol. VIII. Roma, 1959. P. 72–74.

И именно он вступил в самые тесные отношения с основателем пифагорейского движения и совершил это самым аристократическим образом: имеются сообщения, что Милон женился на дочери Пифагора⁵⁰; он стал одним из выдающихся членов секты⁵¹. Но этот человек, ставший одним из первых пифагорейцев, как оказалось, являл собой резкий контраст самосскому философу по целому ряду качеств, и одно из наиболее поразительных различий как раз и касалось режима питания. Пифагор вызывает восхищение Милона как «божественный муж» (*theîos anêr*) и идет по стопам Аполлона Гиперборейского, питавшегося чудесной пищей, — а Милон известен всей Античности своим неумеренным аппетитом. Когда Аристотель хочет привести пример обжорства, естественно, что он упоминает о Милоне⁵². Его основные гастрономические подвиги изложены в «Пирующих софистах» Афиней⁵³. Однажды он поглотил около десяти килограммов мяса и столько же хлеба и выпил больше десяти литров вина. В Олимпии, где Милон шесть раз побеждал на играх, он взвалил на плечи четырехлетнего быка, сделал круг по стадиону, принес животное в жертву, а потом один, без посторонней помощи, сожрал его до последнего кусочка. В другой раз он на спор позавтракал таким же образом, расположившись перед алтарем Зевса. Прожорливость Милона можно было бы расценить как чисто анекдотическую черту. Но думать так — значит упустить из виду важнейший аспект этого персонажа, связанный с его социальным положением и с той ролью, которую он играл

⁵⁰ См.: *Ямелих*. Жизнь Пифагора 267. Ed. L. Deubner. P. 147 I; критические замечания в: *Olivieri*. Op. cit. P. 89 ff.

⁵¹ Одним из наиболее выдающихся, как отмечает Страбон, VI 1.12.

⁵² *Аристотель*. Никомахова этика II 6. P. 1106b 3; fr. 520 Rose. См. также: *Порфирий*. О воздержании I 52.

⁵³ *Афиней* X 412 E–F.

в истории своего города: мы имеем в виду гераклический⁵⁴ характер Милона. Действительно, в Кротоне он выполнял функции жреца Геры Лацинии, божества, покровительствующего городу и обладающего военным могуществом, *hoplasmía*⁵⁵, культ которого был тесно связан с Гераклом. Именно поэтому в 510 г., по случаю битвы, на которую выстроились друг против друга Кротон и Сибарис, Милон появился во главе городских войск передетый Гераклом, с львиной шкурой на плечах и палицей в руке⁵⁶. Любовь Пифагорова зятя к мясу раскрывает здесь все свое значение: он ест так, как достойно Геракла; его аппетит выдерживает сравнение с булимией мифического героя, ставшего образцом для жреца Геры. С другой стороны, гастрономические подвиги Милона нельзя отделить от его воинских подвигов, которые он совершает в Кротоне по примеру Геракла, связанного с Герой-Гоплосмией. И Милон-воитель приводит кротонцев к победе над сибаритами. Милон является военачальником не только благодаря своему положению жреца воинственного божества, защищающего город, но также потому, что принадлежит к аристократической среде, которая по традиции сохраняет в своих руках политическую власть. Великий едок, знаменитый атлет, победоносный воитель, выдающийся гражданин: все эти качества сочетаются в человеке, занявшем центральное место в пифагорейском движении — не случайно его дом был выбран местом собраний Пифагора и его учеников для обсуждения дел города⁵⁷.

⁵⁴ См.: *Detienne M. Héraclès, héros pythagoricien // Revue de l'Histoire des religions.* 1960. P. 20–21.

⁵⁵ *Giannelli G. Culti e miti della Magna Grecia.* Firenze, 1963 2. P. 137–138.

⁵⁶ *Диодор XII 9.2 ff.*

⁵⁷ См.: *Аристоксен.* Fr. 18 Wehrli; многочисленные свидетельства, приведенные в: *Olivieri A. Op. cit.* P. 85 ff.

Неразрывно связанные с образом атлета-воина и пифагорейца-гражданина, гастрономические привычки Милона Кротонского обозначают тип поведения, явно во многом отличный от поведения Пифагора. И, однако же, этот тип поведения определяет очень многое в пифагорействе, составляет как бы другую сторону движения. Пифагорейцы — это не только аскеты, подчиняющиеся требованиям чистоты, сосредоточенные на очищении собственной души; это и люди действия, связанные с политической активностью, ставящие своей задачей реформу полиса. С одной стороны — Пифагор, экстатический маг, смиряющий себя в очищении мудрец, который питается лишь сверхъестественной пищей; с другой стороны — Милон, деятельный гражданин, воин, пожиратель мяса. В этих двух типах поведения проявляются две ориентации пифагорейства, которые могут показаться противоречащими друг другу, — на самом же деле они связаны отношениями глубокой взаимодополнительности: с одной стороны, требование личного спасения, с другой — стремление реформировать город. С одной стороны, замкнутая религиозная секта: это Триста пифагорейцев, живущих практически за рамками общества и города; с другой стороны, открытое общество, объединенное политическим идеалом: это Десять тысяч кротонцев, которых, согласно традиции, Пифагор обратил в свое учение и привлек к воплощению своего замысла политической и религиозной реформы⁵⁸.

Есть мясо или быть вегетарианцем — в данном случае речь идет не только о выборе системы питания. Для пифагорейцев еда — это способ принимать или отвергать

⁵⁸ См.: *La cuisine de Pythagore // Archives de Sociologie des religions*. 29. 1970. P. 146–147; замечания, которые мы имели случай высказать на V Симпозиуме по изучению Великой Греции и опубликовать в предварительном виде в *Filosofia e Scienze in Magna Grecia*. Napoli, 1966 (1969). P. 149–156.

мир. Ведь что значило для грека есть или не есть мясо? В обществе, где потребление мясной пищи было неотделимо от практики кровавых жертвоприношений, представлявших собой наиболее важный ритуал государственной религии, отказ от мясной пищи не мог иметь форму личной причуды или гастрономических пристрастий: он означал отвержение вообще всей системы ценностей, определенным образом отраженной в общении между богами и миром людей⁵⁹. Кровавая жертва выражает идеологию, которую следует рассмотреть подробнее. Не случайно в «Птицах» Аристофана именно Прометей приходит возвестить Писфетеру, основателю Тучекукуевска, в каком плачевном состоянии пребывают из-за него боги, похудевшие от «фесмофорического» поста, наступившего вследствие устроенной птицами блокады. Давший людям огонь для приготовления пищи и научивший их совершению жертвоприношений, Прометей несет ответственность за первое разделение и изначальное разъединение богов и людей. С того самого дня, когда он распределил части первого жертвенного животного в Меконе⁶⁰, он установил правила питания, обозначающие различие между людьми и богами. Первым, желая им угодить, титан оставил лучшие части, все мясо огромного быка, а вторым дал лишь пахучий дым сжигаемого жира и запах жареного мяса. Сам того не ведая, совершивший это не-

⁵⁹ См.: *Sabbatucci D. Saggio sul misticismo greco. Roma, 1965. P. 69–83.* Именно Саббатуччи принадлежит честь этого открытия. Однако, сочтя пифагореизм простым вариантом орфизма, Д. Саббатуччи сводит на нет признание особенностей феномена, который его очерк осветил совершенно по-новому.

⁶⁰ *Гесиод. Теогония 535–560.* Что той же самой моделью жертвоприношения и питания вдохновляется и гомеровская эпопея, продемонстрировал *Vidal-Naquet P. Valeurs religieuses et mythiques de la terre et du sacrifice dans l'Odyssee // Annales Economies – Sociétés – Civilisations, 1970. P. 1278–1297.*

справедливое разделение Прометей тем самым признал за человеческим родом жизненную потребность в мясной пище. Он исполнял волю Зевса, обрекшего человечество на страдания от голода и на познание смерти. И наоборот, оставив обитателям Олимпа кости и жир, сохранив за ними лишь запах и дым, учредитель первого жертвоприношения освятил превосходство бессмертных над их партнерами-людьми. И поскольку потребность в пище непосредственно связана с жизненной силой, поскольку Голод и Смерть подобны близнецам, сверхъестественная сущность богов проявляется в том, что они довольствуются чем-то высшим, нежели пища, недоступным для созданий из плоти и крови, которые не в силах питаться одним лишь запахом жареного мяса и не могут для поддержания жизни удовольствоваться ароматом мирры и ладана.

Отказываясь от употребления мясной пищи, пифагорейцы, подобно орфикам, отвергали то первое разделение, которое определило судьбу людей, противопоставив их богам. Но этим жестом пифагорейцы исключали себя и из жизни города⁶¹, вся культовая практика которого, неразрывно связанная с политической деятельностью, была организована вокруг этого фундаментального отношения между людьми и богами. Однако если орфики были однозначны в своем отказе, то пифагорейцы от них радикально отличаются: они совместили две позиции по отношению к кровавой жертве и отвели в своей общественной деятельности равное место обоим режимам питания. Мясная пища и отказ от нее: эта оппозиция кажется достаточно значимой, чтобы стать основой для дешифровки всей пифагорейской системы питания, важнейшими членами которой являются мирра и ладан.

⁶¹ Это путь «отречения». См.: *Dumont L. Le renoncement dans les religions de l'Inde // Archives de Sociologie des Religions. 7. 1959. P. 45–69* (= *Homo hierarchicus. Paris, 1966. P. 342–350*), выводы этого исследования находятся под влиянием очерка Д. Саббатуччи.

Вся первая часть системы питания пифагорейцев основана на отказе от убийства, жертвоприношения и употребления в пищу животных. Тройной отказ, выражающий одно и то же неприятие жертвоприношения плоти. Это исток нескольких обычаев, укладываемых в рамки такого режима питания, при котором людей и богов не разделяет непроходимая пропасть; режима, самыми разными способами стремящегося к восстановлению былой традиции совместных трапез людей и богов — подлинной сисситии (*syssitia*), как это называли пифагорейцы⁶². Об основных способах питаться вместе с богами или подобно богам можно судить по составу так называемых «чистых» жертвоприношений, каждый день совершавшихся членами братства. Канонические жертвы делились на две категории: злаки и благовония⁶³. Под последними подразумеваются ладан и мирра, под первыми — пшеница, ячмень, просо или даже ячменная мука и лепешки. Злаки возлагали на алтарь, не сжигая⁶⁴, а благовония предавали огню. Понять истинное значение этих двух типов даров в практике жертвоприношения можно лишь сравнив их — главным образом в аспекте мифологической символики — с совокупностью всех репрезентаций, имеющих отношение и к рациону самого Пифагора, и к

⁶² *Аристофан*. Пифагорец // Diels, *Fragmente der Vorsokratiker* I. P. 480, II. 20–25: в ином мире только пифагорейцы пользовались привилегией есть за столом Плутона.

⁶³ *Ямвлих*. Жизнь Пифагора 54: *rópana, psaiста́, kēría, líbanotos*; *Ibid.* 150: *kenkhroi, ropana, kēría, líbanos, smyrna, ta alla thymiamata*; *Порфирий*. Жизнь Пифагора 36: *alphita, rópanon, líbanotos, myrrhine*.

⁶⁴ Вспомним «образцовое» жертвоприношение, совершавшееся Пифагором в честь Аполлона Отчего Делосского: ячмень, пшеница и лепешки возлагались на алтарь *áneu rугós* *Диоген Лаэртский* VIII 13. Ed. Delatte. P. 115 3–4). В общепринятой практике жертвоприношений лепешки либо сжигались, либо возлагались на алтарь. В схолиях к Аристофану, Плутос 661, проводится различие между *rélanos* (сжигалась в жертвенном огне) и *rópana* (возлагались на алтарь). Об *ápyга* как особом типе жертвоприношения см.: *Stengel*, s.v. *Аpyга* // *Real-Encyclopädie* (1895). Coll. 292–293.

«образцовым» жертвам, принесенным самосским философом в дар Аполлону. На Делосе был алтарь Аполлона Отчего, на котором запрещалось приносить в жертву животных. Рассказывали, что именно на этот алтарь Пифагор возложил ячмень, пшеницу и лепешки — предусмотренные ритуалом жертвенные дары Аполлону Отчему⁶⁵. Дело не только в том, что жертвы, возложенные на алтарь Аполлона, были «простыми природными» продуктами, — в этом делосском ритуале они трактовались как «воспоминания о первобытной трапезе и ее образец». Плутарх⁶⁶, у которого мы и почерпнули эти сведения, добавляет, что вместе с пшеницей, ячменем и лепешками в жертву Аполлону приносились мальва и асфодель — два растения, которые, как нам известно из других источников, играли исключительную роль в жизни пифагорейцев, ибо воспринимались ими как «первобытная пища». Все ветви традиции, восходящей к Аполлону Отчему, ясно показывают, что речь в данном случае идет о божестве, щедро дарящем плоды земли: Аполлон Отчий — «податель плодов» (*καρπῶν δοτήρ*)⁶⁷. Делийский миф об Ойнотрофах может послужить иллюстрацией этой живительной щедрости. У мифического царя Ания, сына Аполлона, было три дочери, наделенные удивительной способностью: стоило им пожелать, из земли произрастали любые плоды. Ойно дарила вино, Спермо — зерно, а Элайо — оливковое масло. Божества, в изобилии одаривающие людей (без каких бы то ни было усилий со стороны последних) уже готовой к употреблению пищи, — несомненный атрибут Золотого века⁶⁸. Как и Ойнотрофы, Аполлон Отчий

⁶⁵ Диоген Лаэртский VIII, 13 (ср. Тимей в: *Fragmente der griechischen Historiker* 566F 147); *Ямвлих*. Жизнь Пифагора 25; *Ibid.* 8.

⁶⁶ *Плутарх*. Пир семи мудрецов. P. 158A. Ed. J. Defradas.

⁶⁷ *Idem.* Об оракулах Пифии. P. 402A.

⁶⁸ См.: *Gallet de Santerre H.* *Délos primitive et archaïque*. Paris, 1958. P. 176–177.

царил в Золотом веке человечества⁶⁹. Он покровительствовал первым человеческим сообществам, возникшим в эпоху, когда земля сама взращивала пищу для людей, даря им «природные» (*autophyés*) плоды, произрастающие самопроизвольно, без всякого технического вмешательства (т.е. без сельского хозяйства), не нуждаясь в изнурительном людском труде. На первый взгляд может показаться, что эти продукты Золотого века — злаки (пшеница и ячмень) и растения (мальва и асфodelь) — относятся к двум разным типам растительной пищи: первые принадлежат к культивируемым растениям, вторые — к диким. Однако мифологическое сознание видело в них продукты одной природы: подобно мальве и асфodelи, пшеница и ячмень тоже самопроизвольно произрастали из земли, причем в абсолютно пригодном к употреблению виде — их не нужно было подвергать никакой термической обработке. Следовательно, для пифагорейцев ритуальные жертвы Аполлону Отчему имели парадигматическое значение: они представляли ту пищу, которой люди когда-то питались наравне и совместно с богами⁷⁰. Очевидно, что в эпоху полисов, когда быка впрягли в ярмо и заставили тянуть плуг, злаки не могли в полной мере сохранить свою репутацию природных продуктов Золотого века,

⁶⁹ Делосский мир являет уникальный контраст: два изображения Аполлона настолько же соответствуют друг другу, насколько противоположны два алтаря, каждый — со своим ритуалом. По свидетельству Аристотеля, цитируемому Диогеном Лаэртским (VIII 13), алтарь Аполлона Отчего находится позади алтаря, называемого *keratōn*. Последний посвящен Аполлону как сыну Лето и брату Артемиды и сделан, как явствует из его названия, из переплетенных между собой рогов животных, принесенных в жертву этому богу. Т.е. в одном случае мы имеем дело с растительными жертвами, в другом — с кровавыми жертвенными закланиями.

⁷⁰ Делосские предания, связанные с гиперборейями (миф о гиперборейских девах), также объясняют привлекательность культа Аполлона Делосского для религиозной пифагорейской мысли. Ориентированный на Аполлона мистицизм пифагорейства отводит важную роль гиперборейской традиции.

пищи, общей для богов и людей. А значит, лишь мальва и асфодель могли олицетворять для пифагорейцев идеальную пищу. Эти два растения, пригодные к пище в своем первоизданном диком виде⁷¹, стали важнейшей частью универсального состава — смеси *álíma* и *ádipsa* — продуктов, способных удовлетворить и голод, и жажду. Такая пища была привилегией высших существ, ее могли вкушать лишь такие экстатические пророки, как Пифагор, Эпименид и Абарий. В случае с Эпименидом отказ от обычной для людей пищи означал одновременно решимость питаться по образцу богов. Ежедневный рацион этого знаменитого «жреца очищения» составляла некая пилюля, позволявшая ему забыть и о голоде, и о жажде⁷². Итак, в состав этой чудесной пищи входила смесь мальвы и асфодели — растений, в которых Эпименид открыл чудотворную питательную силу. Именно их избрал Пифагор для жертвы Аполлону Отчему⁷³. В пифагорейской традиции все те же *álíma* и *ádipsa*, открытые людям богами, выступают в качестве составной части рациона питания людей. Их изобрела Деметра — божество, подающее пищу, — когда хотела помочь Гераклу пересечь пустыню и добраться до Ливии⁷⁴. Конечно, пифагорей-

⁷¹ Общее освещение вопроса см.: *Murr J.* Die Pflanzenwelt in der griechischen Mythologie. Innsbruck, 1890, перепечатка Groningen, 1969. P. 240–243. Более подробно о мальве см.: *Steier G.*, s.v. Malve // *Real-Encyclopädie* (1928). Coll. 922–927; об асфодели: *Verpoorten J.M.* Les noms grecs et latins de l'asphodèle // *L'Antiquité Classique*. XXXI. 1962. P. 111–129.

⁷² *Плутарх*. Пир семи мудрецов 157D. В «Пире» Плутарха Солон настаивает на том, что Эпименида вдохновил на такой режим питания Гесиод. Труды и дни 41 («что на великую пользу идут асфодели и мальва», цит. В. Вересаева), как уже отмечал *Платон*. Законы 677E. Это высказывание Платона цитируется в *Scholia vetera in Hesiodi Opera* 41. Ed. Pertusi. P. 23, где собраны ученые изречения об *álíma* и *ádipsa*.

⁷³ Эту версию отстаивает и Периандр в том же Пире, 158A.

⁷⁴ *Порфирий*. Жизнь Пифагора 35. Судя по всему, это предание было известно уже в V веке Геродору Гераклеяскому (*Fragmente der griechischen Historiker* 31F i с примечаниями Jacobi).

ский рецепт приготовления этих составов весьма сложен⁷⁵: в них входили самые разные семена (мак, кунжут, семена арбуза и др.), злаки (ячмень и пшеница) или даже некий местный сорт сыра. Тем не менее листья мальвы и асфодели играли важнейшую роль при приготовлении этой пищи, утолявшей голод и избавлявшей от жажды. Пифагор питался исключительно ею в периоды своего общения с богами, когда он надолго уединялся в пещерах⁷⁶.

В пифагорейской системе питания мальва и асфодель наряду со злаками знаменуют собой первый способ питаться подобно богам. Искусство питаться подобно богам сочетает в себе самые разноплановые религиозные представления о Золотом веке. Оба растения произрастают самопроизвольно, как и подобает первобытной пище. Их возлагают на алтарь Аполлона в самом безупречном из всех жертвенных ритуалов. Их едят божественные люди, чей жизненный уклад приближается к образу жизни людей Золотого века.

Наряду с очищенными злаками, взятыми вкупе с мальвой и асфоделью (выше мы показали, в каких отношениях находятся злаки с этими дикими растениями), пифагорейцы практиковали жертвоприношения иного типа: благовония — ладан и мирру. Разница между злаками и благовониями, составляющими неотъемлемую принадлежность ритуала, представляется весьма значительной. И не только потому, что первые не уничтожались при жертвоприношении, в то время как вторые подвергались сожжению. Дело еще и в том, что в одном случае речь идет о растениях, выращенных человеком и со-

⁷⁵ У Плутарха в «Пире семи мудрецов» 157F утверждается, что продукты эти представляют собой целебное снадобье: *mállon phármaka è sitía*.

⁷⁶ Другие бытовавшие предания об этих чудесных продуктах можно найти среди свидетельств, собранных в: *Detienne M. La notion de daimôn dans le pythagorisme ancien. Paris, 1963. P. 115–159.*

ставляющих основной элемент его рациона, а в другом — о растениях диких, непригодных в пищу людям и предназначенных исключительно небесным силам. Этот разрыв сокращается, если интерпретировать жертвоприношение благовоний в соответствии с подходом, избранным нами для анализа роли съедобных растений, т.е. соотнося некоторые мифологические предания с пифагорейской системой питания. Сопоставим свидетельства, относящиеся к *álīma* и *ádipsa*, с пифагорейскими легендами о необыкновенных существах, питающихся ароматами и благоуханиями. Аристотель в «*De sensu*»⁷⁷ утверждает, что пифагорейцы исповедовали именно такую систему питания. Литературная традиция античной Академии, приводимая в «Беседах» Плутарха⁷⁸, тоже описывает странных созданий, которые не едят и не пьют. Они — жители Луны, этого небесного двойника Земли, существа безо рта (*ástomoi*), питающиеся только запахами; существа-демоны, образ питания которых в этой традиции явно сравнивается с рационом Эпименида⁷⁹. Таким образом, общая картина параллельна ситуации с мальвой и асфоделью: ароматы, которыми питаются некие сверхчеловеческие существа, соотносятся с приношениями ладана и мирры, практиковавшимися пифагорейцами.

Благовония — по самой своей природе — соответствуют религиозным правилам пифагорейского братства еще полнее, чем мальва и асфодель. Будучи пищей богов, одного достоинства с амброзией и нектаром, ароматические вещества в то же время представляют собой неотъемле-

⁷⁷ Аристотель. О чувственном восприятии V. P. 445a 16.

⁷⁸ Плутарх. О лице на диске луны 937D и 940F. Ed. H. Cherniss. Отсутствие экскрементов вкупе с чистой ротовой полостью, согласно Диксарху (в: Порфирий. О воздержании IV 2 = fr. 49 Wehrli) и пифагорейской традиции (Detienne M. La notion de daimôn. P. 143—145), — одна из характеристик людей Золотого века.

⁷⁹ Плутарх. О лице на диске луны 940B—C.

мый элемент божественной природы. Алтарь, храм, одежда — все атрибуты богов — источают благоуханные ароматы⁸⁰. Приятный запах, *euōdia*, есть специфическое свойство, присущее богам, знак их надприродного положения. Наряду с блеском глаз, царственной осанкой и вечной молодостью, он выражал для греков божественное достоинство. Самые восхитительные запахи источают светлые божества, обитающие на Олимпе. И напротив, божества смерти издают тошнотворный запах, подобный, например, зловонию, распространяемому чудовищными Гарпиями (порой их отождествляли с грифами⁸¹). Когда они неожиданно слетали с небес, чтобы осквернить блюда, стоящие на столе преступного царя Финея, об их явлении возвещал гнилой запах тления⁸². Следовательно, предназначив для жертвенных воскурений мирру и ладан, люди просто выбрали в качестве подношения олимпийским богам сущность, наиболее близкую природе небожителей. Да и все традиционное благочестие IV века, так же как и пифагорейцы, отдает предпочтение жертвоприношению благовоний. Ладан и мирра — самые удобные богам дары, ибо, сгорев в жертвенном огне, благовония возносятся непосредственно к небожителям, и последним не приходится делить их с людьми⁸³. Именно здесь совершенно от-

⁸⁰ Ср.: *Lohmeyer E. Vom göttlichen Wohlgeruch // Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philos.-histor. Klasse. Heidelberg. 1919. 9 Abh. P. 4 ff; Deonna W. Euōdia. Croyances antiques et modernes: L'odeur suave des dieux et des Olus // Geneva. XVII. 1939. P. 167–262; Puech H.-C. Parfums sacrés, odeurs de sainteté, effluves paradisiaques // L'Amour de l'Art. 1950. P. 36–40.*

⁸¹ Ср.: *Smith C. Harpies in Greek Art // Journal of Hellenic Studies. XII. 1892. P. 109–114.*

⁸² *Аполлон Родосский. Аргонавтика II 272. Эринии источали болезнетворное зловоние (Эсхил. Эвмениды 53). Ср.: Deonna W. Euōdia cit. P. 220–222.*

⁸³ *Менандр. Брюзга. 449–453; Fr. 117 Körte; Антифан. Fr. 164 Kock, II 78. Ср.: Теофраст. О благочестии. Fr. 8. Ed. W. Potcher (p. 160), а также*

четливо проявляется разница между воскурениями благовоний и дымом от сжигаемых жертв. Запах горелого мяса — наиболее непреложный знак изначального деления⁸⁴: поднимающийся вертикально вверх дым подчеркивает непреодолимое расстояние, отделяющее мир людей от мира богов. А воскурения ладана и мирры были для пифагорейцев тем самым жертвоприношением, которое воистину объединяло людей и богов в единой трапезе, в совместном вкушении высшей пищи.

На эти параллельные линии традиции, определяющие роль ритуально чистых злаков, мальвы и асфодели, ладана и мирры, накладывается пифагорейская регламентация питания и жертвоприношений, сводящаяся все к тому же отказу от употребления в пищу мяса. Из трех типов растительных продуктов — злаков, «диких» растений и ароматических веществ, — в пифагорейской системе определявших три формы «антимясного» уклада, ароматические вещества, несомненно, занимают высшую ступень: во-первых, они представляют собой противоположность жертвенному дыму, при традиционных публичных жертвоприношениях мешавшемуся с их запахом; во-вторых, они отнюдь не призваны символизировать разницу между Смертными и Бессмертными, а, наоборот, в возобновленной совместной трапезе людей и богов утверждают их вновь обретенное единство — более долговечное, чем прежде.

Анализ значения этой высшей пищи не будет исчерпывающим без сопоставления ее с теми продуктами, наблюдения *Boyancé P. Le Culte des Muses chez les Philosophes grecs. Paris, 1936. P. 282–284.*

⁸⁴ А ведь несправедливый дележ ведет к скандалу: «Кто настолько безумен или выказывает себя столь легковерным, чтобы надеяться, что все боги удовлетворяются костями без мяса и жженой желчью — тем, чем погнушались бы и голодные псы, — и что именно такое подношение им подбает?» (Аноним, цитируется в: *Порфирий. О воздержании II 586. Ed. Nauck. P. 183 12–16).*

ношение к которым пифагорейцев являло собой полную противоположность всему изложенному выше. Один из учеников Пифагора приравнивает к «мясоедению» употребление в пищу семян растений семейства бобовых — бобов. Известно, что запрет на употребление в пищу бобов был одним из самых суровых. Члены братства не только отказывались их есть, но испытывали перед этим продуктом подлинный ужас, мотивы которого широко представлены в пифагорейской традиции⁸⁵. Первый довод — из области ботаники: боб — единственное из всех растений, которое обладает гладким, а не коленчатым стеблем (*agónaton*⁸⁶). Благодаря этой своей особенности боб стал самым распространенным средством сообщения между Аидом и миром людей. Вот как определяется функция бобовых в двух стихах «Священной речи» пифагорейцев: «Они служат опорой и лестницей душам [людей], исполненным жизненной силы, когда те поднимаются на свет из обителей Аида»⁸⁷. Полый бобовый стебель — своего рода переправа, место непрекращающегося обмена между жизнью и смертью. Боб — посредник при переселении душ в бесконечном круге рождений. Этот первый довод пифагорейцев «против» бобов не был единственным. Так, бобам вменялось в вину произошедшее смешение жизни и смерти. Именно это были призваны доказать странные опыты, проводившиеся некоторыми членами пифагорейского братства. Бобовое зерно помещали в шкатулку или в горшок, плотно закрывали и закапывали в землю или в навоз. Через сорок или девяносто дней сосуд доставали, и на месте боба обнаруживалась полностью сформировавшаяся детская головка, или женский

⁸⁵ Все предания, связанные с отношением пифагорейцев к бобам, изложены в классическом очерке у *Delatte A. Faba Pythagorae cognata // Serta Leodiensia. Liège; Paris, 1930. P. 33–57* (впредь ссылки на: *Faba*).

⁸⁶ Аристотель в: *Диоген Лазертский VIII 34. Ed. Delatte. P. 131 5.*

⁸⁷ Схолия Т.; *Евстафий. Илиада XIII 589. Ср.: Delatte. Faba. P. 37.*

половой орган, или мужская голова, а порой — кровь⁸⁸. Можно было бы отнести эксперименты такого типа, нашедшие продолжение в греко-египетской магии⁸⁹, к более поздней эпохе, однако два аргумента не позволяют нам согласиться с подобным предположением. Во-первых, засвидетельствовано, что первые опыты такого рода относятся к IV веку до н. э.⁹⁰ Кроме того, здесь налицо явная связь с исторически засвидетельствованным отношением пифагорейцев к бобам: как рассказывает Аристотель, ученики Пифагора считали бобы похожими на половые органы⁹¹. Лукиан, развивая то же сравнение, высказывается еще яснее: «Со всех точек зрения бобы суть не что иное, как зачинающее семя [γονεῖ]»⁹². Эти странные опыты, задуманные с тем, чтобы подтвердить причастность бобов к процессу зачатия и родов, напрямую связаны с некоторыми пифагорейскими космогоническими представлениями, где бобы выступают в роли первой живой сущности, рожденной из первородного тления одновременно с первым человеком⁹³. «Во время хаоса, царившего в самом начале, при рождении вещей, когда земля являла собой смешение множества сущностей, одновременно зарождающихся и истлевающих⁹⁴, когда мало-помалу начинали определяться и отделяться друг от друга животные, появившиеся на свет в виде одной нераздельной сущности, и пустившие первые побеги растения, — из этого всеобщего распада образовался человек и пророс боб». В этой космогонической картине происхождения бобовых обращают на себя внимание два момента.

⁸⁸ См.: *Delatte. Faba*. P. 42—43.

⁸⁹ *Ibid.* P. 43—46.

⁹⁰ Гераклид Понтийский, цитируется в: *Иоанн Лидиец*. О месяцах IV 42; это — первое свидетельство.

⁹¹ Аристотель, в: *Диоген Лазертский VIII* 34. Ed. A. Delatte. P. 131 4.

⁹² *Лукиан*. Аукцион образов жизней 6.

⁹³ *Антоний Диоген* // Порфирий. Жизнь Пифагора 44.

⁹⁴ *Syspeigroménōn kai sysse potémōn*.

Во-первых, боб появился на свет из тления и гнили. Тот факт, что бобовые связаны с разложением и гниением, что они появились в виде чудовищной смеси крови и гениталий, свидетельствует только об одном: в пифагорейской системе ценностей боб представляет полюс смерти — смерти и неизбежного перерождения. Такой круг противопоставляется жизни бессмертных богов, чье тело не состоит из плоти и крови, а значит — нетленно, подобно ароматическим веществам и благовониям. Второй важный момент, высвеченный этой космогонией, заключается в том, что боб на своем стебле — своего рода растительный двойник человека, его брат-близнец. Последний вариант «опыта с бобом» демонстрирует все выводы, вытекающие из подобной концепции: если пару минут подержать бобовое зерно на солнце, а затем разгрызть его или слегка надкусить зубами, через некоторое время оно начнет испускать запах человеческого семени или, согласно другой версии, запах человеческой крови, пролитой при убийстве⁹⁵. В этом последнем случае есть бобы — то же, что проливать кровь. Весь драматизм такого представления открывается в предостережении, постоянно встречающемся в пифагорейской литературной традиции: «Есть бобы — не меньшее преступление, чем есть головы собственных родителей»⁹⁶. Стало быть, есть бобы (здесь мы имеем дело с их самой глубинной ипостасью) — то же самое, что поедать себе подобных⁹⁷. Пифа-

⁹⁵ Этот опыт, приписываемый Антонию Диогену, известен нам в двух вариантах: *Порфирий*. Жизнь Пифагора 44; *Иоанн Лидиец*. О месяцах IV 42. В первом случае речь идет об *anthrōreíou gónou*, во втором — об *anthrōreíou rhónou*.

⁹⁶ *Ison toi kyamou te phagein kephalas te tokeon*. Первое свидетельство и здесь принадлежит Гераклиду Понтийскому, цитируется в: *Иоанн Лидиец*. О месяцах IV 42. Другие свидетельства см. в: *Delatte*. *Faba*. P. 36, nota 2.

⁹⁷ О пожирании себе подобных, равным образом свойственным диким животным и варварам, живущим как звери, а не как люди, объединен-

горейская традиция свидетельствует об этом абсолютно недвусмысленно, приписывая Пифагору такой же строгий запрет на «употребление в пищу бобов, как и на поедание человеческого мяса»⁹⁸. Есть бобы — все равно что пожирать человеческое мясо, т.е. вести себя подобно диким зверям, придерживаться образа жизни, являющего полную противоположность жизни Золотого века.

Таким образом, в пифагорейской системе питания «употребление в пищу бобов» оказалось неким эзотерическим эквивалентом мясоедения и практики кровавых жертвоприношений⁹⁹. Для пифагорейцев питаться бобами означает есть мясо — в это вкладывается ровно столько же буквального смысла, насколько буквально употребление перевозносимой ими высшей пищи — ароматов, мальвы и асфодели, ритуально чистых злаков — предполагает отказ от потребления мяса. Пифагорейская система питания представляется построенной на контрасте двух полярно противоположных элементов: положительный полюс — ароматы, отрицательный — бобы. Что речь действительно идет об антитезе, доказывают две выделяемые характеристики каждой из растительных субстанций. С одной стороны, боб, со своим лишенным сочленений стеблем, вступает в такие же непосредственные отношения с Нижним миром, миром мертвых, как арома-

ные в сообщество (т.е. не как греки, которые питаются злаками и приготовленным на огне мясом домашних животных), см.: *Hausleiter J. Der Vegetarismus in der Antike. Berlin, 1935. P. 65 ff; Festugière A.-J. A propos des aréalogies d'Isis // Harvard Theological Review. XLII. 1949. P. 217 ff.*

⁹⁸ *Порфирий. Жизнь Пифагора* 43–44. В сочинении «О воздержании» 1 23 Порфирий свидетельствует о существовании некоего предания, объясняющего вегетарианство Пифагора стремлением удержать людей от каннибализма.

⁹⁹ Изложенная нами точка зрения несовместима с объяснением, предложенным *Delatte. Faba. P. 56–57* (возникновение широко бытовавшего поверья о том, что между бобовыми растениями и душами мертвых непременно должна существовать некая связь, Делатт объясняет свойством бобов «вызывать газы»).

ты — с миром Вышним, миром богов; с другой стороны, боб настолько же безраздельно принадлежит миру гниения и разложения, насколько с ароматами связано представление о сухости и горении.

Коль скоро противопоставление бобов и ароматов обозначает магистральное направление системы, которую мы пытаемся определить, нам следует сейчас уточнить природу отношений, связывающих эту — первую — группу употребляемых в пищу продуктов с другими категориями, фигурировавшими в системе питания пифагорейцев. Какова мясная диета, которой придерживались так называемые пифагорейцы-«политики»? Какое место по отношению к ароматам и бобам занимает рабочий бык — животное, мясо которого столь же строго запрещено к употреблению в пищу, как и бобы? «Гастрономический» аспект отношения к этому животному занимает центральное место в проблематике, связанной с системой питания пифагорейцев, вовлеченных в общественную жизнь полиса. Ученики Пифагора, о которых говорит Аристоксен, не связывают себя непреложным отказом от мясной пищи, однако и не едят всякое мясо без разбору. Некоторые сорта мяса разрешены, другие строго запрещены. Скажем, можно есть мясо козлят и поросят, а употребление в пищу баранины и мяса пахотного быка категорически запрещается. Такую классификацию дает Аристоксен. Деление приносимых богам жертв на два типа не есть плод некоего продуманного решения, но и не элемент фольклора, «в котором и понимать нечего». В XV книге «Метаморфоз» Овидия подробно излагаются мифологические и религиозные основания, мотивирующие такую классификацию¹⁰⁰. Излагая основные вехи истории человечества, «сам» Пифагор в словах, приписываемых ему Овидием, представляет следующую картину.

¹⁰⁰ Это впервые отметил *Boyancé P.* Op. cit. P. 40—43.

После Золотого века, когда люди нуждались только в злаках, плодах и растениях, в изобилии рождаемых земель¹⁰¹, первой пролитой людьми кровью была кровь диких зверей – вредоносных животных, которых можно было убивать, но нельзя – есть¹⁰². Следующим этапом человеческой истории стала практика принесения в жертву домашних животных. Пифагор обозначает еще одно существенное разделение – между жертвами «преступными» и невинными животными. Животными, заслужившими смерть и первыми принесенными в кровавую жертву, были свинья и козел. Свинья – потому, что она враждебна Деметре: она вырыла из земли семена, уничтожила посевы; а козел оскорбил Диониса, съев виноградную лозу и разорив виноградник¹⁰³. Этим двум преступным жертвенным животным Пифагор противопоставляет двух других, совершенно невинных, которых ни в коем случае

¹⁰¹ *Овидий*. Метаморфозы XV 75–100: «...злаки, плоды, растения, вкусные сами по себе, и те, которые делает сладкими и нежными огонь. Одним словом, земля, подательница своих богатств, давала прекрасную пищу». Кулинарный огонь – лишь продолжение созревания, завершение процесса обработки, начатого землей, возвращающей всех и вся.

¹⁰² Все было мирно тогда. Потом, меж смертными первый, –
 Кто – безразлично – от той отвратился еды и впервые
 В жадное брюхо свое погружать стал яства мясные.
 Он преступлению путь указал. Зверей убиеньем
 Часто бывал и дотоль согреваем клинок обгаренный.
 Не было в этом вины: животных, которые ищут
 Нас погубить, убивать при всем благочестии можно, –
 Именно лишь убивать, но не ради же чревоугодя!

(*Овидий*. Метаморфозы 103–110. Пер. С. Шервинского)

То же утверждается в стихах, цитируемых в: *Плутарх*. Об употреблении в пищу мяса II 3–4. Р. 998А–В. Эти стихи были частью Пифагорейской Священной речи, реконструированной в: *Delatte A. Études sur la littérature pythagoricienne*. Paris, 1915. Р. 41: здесь тоже изобретение военного оружия неотделимо от смерти рабочего быка.

¹⁰³ *Овидий*. Метаморфозы XV 110–115.

нельзя приносить в жертву. Это — овца и рабочий бык¹⁰⁴. Первая дает людям шерсть и молоко с той же щедростью, с какой земля дарит урожай. Второй — товарищ человека в трудах, самых близкий родственник крестьянина, его двойник, его второе «я». Убить быка, говорит Пифагор, — все равно что «зарезать крестьянина», а стихи 120–145 XV книги представляют собой настоящий «плач по душе пахотного быка»¹⁰⁵.

Эти мифологические предания, подтверждающие разделение, проведенное аристоксеновскими пифагорейцами между двумя типами жертвенных животных, вписываются в религиозный контекст многих других легенд о первом жертвоприношении животного, бытовавших в Афинах и в Элевсине. Свинья и козел были убиты за то, что провинились перед Деметрой и Дионисом. Свинья разорила посевы¹⁰⁶, уничтожила дары Де-

¹⁰⁴ *Овидий*. *Метаморфозы* XV. 116–126. «Почему мы думаем, что должны быть справедливыми по отношению к диким и по-скотски неотесанным людям, но можем вести себя как угодно с рабочим быком, с собакой, помогающей нам загонять скот на пастбище, с овцами, дающими нам молоко и шерсть, а стало быть, питающими и одевающими нас?» (*Порфирий*. О воздержании III 19).

¹⁰⁵ Мы полагаем, что это иранский источник, Гаты (Ясна 29). Того же мнения придерживаются: *Dumézil G. Naissance d'archanges*. Paris, 1945. P. 119–124; *Duchesne-Guillemin J. Zoroastre*. Paris, 1948. P. 193–198 и *Ormazd e Ahriman*. Paris, 1953. P. 35–38. Позднее Дюмезиль вернулся к анализу Ясны 29, но его целью было найти элементы, попавшие в «скотоводческо-земледельческий фольклор»: *A propos de la Plainte de l'ame du boeuf (Yasna 29) // Bulletin de l'Académie Royale de Belgique. Classe des Lettres*. LI. 1965. P. 23–51.

¹⁰⁶ Схолия к «Лягушкам» Аристофана 338; *Сервий*. Комментарий к Георгикум Вергилия II, 380; *Варрон*. *De re rustica* II 4.9. В: *Порфирий*. О воздержании II 9 есть некая Климена, которая неумышленно убивает свинью (akousioi hamartiai), между тем как Дельфийский оракул в ответ на вопрос некоего Епископа объявляет, что можно принести в жертву животное, которое непосредственно во время жертвоприношения подает знак о том, что оно согласно на собственное заклятие. Дельфийский оракул придает

метры; козел¹⁰⁷ разорил виноградник Икария, осквернил плоды Диониса. Оказавшись пагубными осквернителями, *lymantikoí*, свиньи и козы были приговорены служить жертвами тем богам, которых они в свое время оскорбили. Однако пифагорейская концепция кровавой жертвы, хотя и разделяет некоторые греческие фольклорно-мифологические верования, представляет собой вполне оригинальную теорию, что позволяет нам говорить о некоторых особенностях пифагорейской трактовки этого вопроса. Прежде всего, пифагорейские теории содержат косвенный запрет на убийство и нанесение увечий (*mête phteírein mête bláptein*) животным, не причиняющим никакого вреда роду человеческому. За этими животными положено ухаживать, как за культурными растениями или плодовыми деревьями¹⁰⁸. Далее, существует уже во вполне эксплицитной форме рассказ о первом жертвоприношении животного, приписываемый Плутархом некоему пифагорейцу, однако речь в нем идет о традициях и практике «древних»¹⁰⁹. Люди того времени, говорится в рассказе, «считали святотатством и преступлением *érgon enagèè kai áthesmon*) не только есть, но и вообще убивать невинных животных. Тем не менее, когда люди видели, что их теснит все увеличивающееся поголовье животных, они, говорят, — заручившись одобрением Дельфийского ораку-

очень большое значение движения приносимого в жертву животного: при окроплении жертвы священной очистительной водой животное определенным образом трясло головой — и совершающий жертвоприношение трактовал это как одобрение своих действий (*kataneúō*).

¹⁰⁷ *Варрон*. *De re rustica* I 2.19; *Вергилий*. Георгики II 380 (а также *Сервий*. In loc.); *Порфирий*. О воздержании II 10.

¹⁰⁸ Аристоксен в: *Ямалих*. Жизнь Пифагора 99. Ed. Deubner. P. 57 20—23; *Диоген Лазертский* VIII 23. Ed. A. Delatte. P. 123 4—5; *Порфирий*. Жизнь Пифагора 39.

¹⁰⁹ Согласно *Hausleiter*. *Vegetarismus*. P. 112, nota 1, представляется вполне вероятным, что речь здесь идет о подлинной древней пифагорейской традиции: *Плутарх*. Застольные беседы VIII 8.3. P. 729F f.

ла — все же допускали жертвоприношения животных, дабы спасти плоды земли от опасности истребления». Первыми кровавыми жертвами богам были животные, которых сочли виновными в преступлениях против людей и плодов человеческих трудов, — животные, опустошавшие посевы, пожирившие виноградники, уничтожавшие семена¹¹⁰. Они вели себя подобно диким зверям, вынуждая людей поступать с ними как с врагами. Все эти уложения восходят к одной и той же модели общества: к тому его состоянию, когда человек ощущал свое единство с растениями и животными, к Золотому веку, когда земля сама приносила восхитительные плоды, когда люди и звери жили вместе по единым законам справедливости¹¹¹. Представление о Золотом веке, сочетавшееся у греков с идеей о некоем диком состоянии, свойственном первобытным людям¹¹², пифагорейцы разделяли и с Гесиодом, и с соответствующей греческой традицией, служившей ему источником.

Именно к этому «официальному» образу религиозно-политической мысли восходит дихотомия, которая в случае с пифагорейцами выступает в виде деления жертвенных животных на два типа: к одному принадлежат свинья и козел, к другому — рабочий бык и овца. В практике публичных жертвоприношений, когда закалали сразу трех животных, когда приносили в жертву *trittúa*, быки составляли главную часть жертвенного подношения, а мелкие жертвы выбирались из коз и овец¹¹³. Примечательно

¹¹⁰ В 730В вредоносных животных определяют три эпитета: *leĩ-bóteiros*, опустошающий посевы; *spermológos*, собирающий семена; *trygéphagos*, пожирающий виноградники.

¹¹¹ Попытка реконструкции пифагорейской модели Золотого века представлена нами в: *La Notion de daimón dans le pythagorisme ancien*. Paris, 1963. P. 93–117.

¹¹² О стадии дикости, когда люди вели себя подобно диким зверям, см.: *Festugière*. *Op. cit.* P. 217 f.

¹¹³ *Stengel P. Opferbräuche der Griechen*. Leipzig; Berlin, 1910. P. 191–196; *Dumézil G. Tarpeia*. Paris, 1947. P. 133–138.

лишь одно отличие между пифагорейской и общепринятой практической классификацией жертвенных животных: в классическом варианте *trittya* овца квалифицировалась как мелкая жертва, пифагорейцы же приравнивали ее к рабочему быку. Объяснение простое: в пифагорейской системе деление жертвенных животных на два класса носило не только религиозно-экономический характер. Учитывалась также степень одомашненности животного, т.е. физическое расстояние, отделявшее животное от человека. Поскольку свиньи и козы пасутся стадами, без крыши над головой, на необработанной земле, вдали от человеческого жилья, за пределами человеческих поселений, они представляются самыми «дикими» из всего домашнего скота. Овцы и быки, напротив, считаются самыми близкими человеку животными. И в первую очередь, конечно, бык, тянущий плуг, традиционно представляется неотъемлемой частью сельскохозяйственного уклада, членом семьи, ойкаса¹¹⁴: он живет под одной крышей с крестьянином, он — самый верный товарищ человека в трудах. О том, что критерий физической близости к человеку играет существенную роль в пифагорейской классификации жертвенных животных, свидетельствует оправдание первого убийства животных, предла-

¹¹⁴ Гесиод. Труды и дни 405–406:

В первую очередь — дом (*oikos*, в смысле жилье) и вол работающий для пашни (*boin arotēra*),

Женщина (*gynaika*), чтобы волов погонять, не жена — покупная!

(Пер. В. Вересаева)

Для Гесиода все три компонента простейшего сельскохозяйственного сообщества, ойкаса в широком значении этого слова, — равноценны. А вот Аристотель (Экономика I 2. Р. 1343a 20–21; Политика I 2. Р. 1252b 11), цитируя эти стихи Гесиода, подчеркивает в комментарии солидарность крестьянина с рабочим скотом: «В самом деле, для бедняков бык заменяет раба (*oikētēs*)». В связи с этим см. наблюдения А. Hoekstra в: *Mnemosyne*. 1950. Р. 91–98.

гавшееся Пифагором и его учениками: свинья и козел были закланы, поскольку они — животные вредоносные, что вполне соответствует их полудикой природе.

Еще одним доводом в пользу важности этого критерия могут стать пифагорейские представления о рабочем быке и его месте в группе животных, предназначенных к закланию. В этом вопросе, как и в предыдущем, пифагорейская система вполне согласуется с основными религиозными принципами греческого полиса. В самом деле, именно вопрос о статусе рабочего быка при кровавой жертве составлял для полиса одну из самых сложных проблем. 14-го числа месяца скирофорион в Афинах отмечался праздник Буфония, дословно — «убийство быка»¹¹⁵.

В центре ритуала — драматически обставленное жертвоприношение: рабочий бык, воспользовавшись тем, что хозяин отвлекся, приближается к алтарю Зевса Полиевса (Polieús) и принимается поедать разложенные на нем жертвенные дары — злаки и лепешки, предназначенные Зевсу — покровителю города. Видя такое святотатство, жрец Зевса в гневе хватает топор, ударяет животное и убивает его. Испугавшись содеянного, «убийца быка»,

¹¹⁵ Из многочисленных и разнообразных работ, посвященных этому ритуалу, упомянем: *Strengel. Buphonien*. 1893; 1897, перепечатка в: *Opferbräuche der Griechen*. Leipzig; Berlin, 1910. P. 203–221; *Hubert H., Mauss M. Essai sur la nature et la fonction du sacrifice* (1899), перепечатка в: *Mauss M. Œuvres I: Les fonctions sociales du sacré*. Paris, 1968. P. 274–283; *Harrison J. Prolegomena to the Study of Greek Religion*. Cambridge, 1903, переизд.: N.Y., 1955. P. 111–113; *Themis*. Cambridge, 1912. P. 142–150; *Deubner L. Attische Feste*. Berlin, 1932. P. 158–173; *Gernet L. Sur le symbolisme politique: le foyer commun* (1952), перепечатка в: *Ego же. Anthropologie de la Grèce Ancienne*. Paris, 1968. P. 391–392; *Otto W.F. Ein griechischer Kultmythos vom Ursprung der Pflugkultur* (1950), перепечатка в: *Das Wort der Antike*. Stuttgart, 1962. P. 140–161; *Meuli K. Griechische Opferbräuche // Phyllobolia für Peter von der Muhll*. Basel, 1945. P. 275–277; *Pestalozza U. Le Origini delle Buphonia Ateniensi // Rendiconti dell'Istituto Lombardo di Scienze e Lettere*. Vol. 89–90. I. Milano, 1956. P. 433–454.

bouphónós, обращается в бегство, бросив орудие преступления. Вторая часть ритуала разворачивается в двух актах. В первом дело разбирается Пританией — перед лицом суда по кровавым преступлениям¹¹⁶. Виновным в убийстве признается топор, который и приговаривается к изгнанию за пределы Аттики. Во втором акте этого драматического представления мясо жертвы съедалось, причем весь город принимал участие в ритуальной трапезе. Шкуру же быка набивали соломой, чучело ставили на ноги и впрягали в плуг, изображая полевые работы.

Весь ритуал Буфонии основан на признании кровавой жертвы святотатством: приносить в дар богу жертвенное животное означало проливать кровь, совершать настоящее убийство. Принесенное в жертву животное становилось как бы преступлением общины, однако преступлением неизбежным и необходимым, поскольку убийством быка скреплялась связь между полисом и божественными силами. Свое беспокойство и тревогу перед лицом пролитой крови и убийства животного община заглушала и преодолевала¹¹⁷ драматически обставленным

¹¹⁶ См. наблюдения L. Gernet в его комментариях к IX книге Законов Платона. Paris, 1917. P. 164—167.

¹¹⁷ Два жреческих рода играли ведущую роль в этом политическом ритуале: Бузиги и Этеобутады. Первые были официальными защитниками пахотного быка: именно они провозгласили в Афинах запрет на убийство рабочих быков (*Элиан*. Пестрые истории V 14; *Варрон*. De re rustica II 5.3). Запрет был сформулирован в виде проклятия — одновременно с целой серией других проклятий, грозивших нарушителям общественных установлений, ответственность за соблюдение которых взяли на себя Бузиги как изобретатели плужной обработки почвы и возделывания земли. На Бузигах лежала обязанность священной вспашки земли в Аттике. Они отвечали за плодородие почвы и покровительствовали производству пищи — в тесном «сотрудничестве» с рабочим быком. Функции Этеобутадов носили прямо противоположный характер. Это был род наследственных жрецов Посейдона Эрехфея. Этеобутады отвечали за жертвоприношения быков, практиковавшиеся в Афинах в честь этого божества. Они возводи-

ритуалом, выявлявшим взаимную двойственность положения жертвы и человека, эту жертву убивающего. Будучи невинным животным, рабочий бык в то же время преступник: он, кормилец людей, податель хлеба насущного, принимается поедать злаки, сам себя приговаривая таким образом к съедению. Мало того, приближаясь к алтарю, чтобы съесть освященную пищу, он как бы берет на себя роль жертвы грядущего жертвоприношения. Человек, нанесший ему смертельный удар, тоже в двойственном положении. Он — «убийца быка» и одновременно — жрец Зевса Полиевса, т.е. человек, на котором лежит обязанность совершать жертвоприношения. В одной из версий мифа, связанного с ритуалом Буфонии, двусмысленность положения этого персонажа еще более очевидна, ибо в ходе драмы меняется его статус. Он — крестьянин-чужеземец, который наносит смертельный удар своему собственному быку. «Убийца быка» бежит на Крит, однако по велению Дельфийского оракула его призывают обратно, ибо только он может снять с города проклятие, постигшее его за убийство животного. На этот раз он должен в качестве гражданина полиса совершить жертвоприношение и расчлнить убитую жертву — это вернет земле плодородие и богатые урожаи. Все это драматическое представление возможно только благодаря совершенно особому статусу быка, который, будучи животным, в некотором смысле причастен человеческой природе. Именно потому, что рабочий бык — самый близкий из всех животных товарищ человека¹¹⁸, в определенный момент

ли свой род к Буту (Βούτῆς), Волопасу, брату Эреxfея, который после смерти автохтона Эрихтония, истинного сына Земли, взял на себя функции верховного жреца. Таким образом, противоположные роли Бузигов и Этеобутадов взаимно дополняли друг друга.

¹¹⁸ Запрет на убийство рабочего быка встречается в целом ряде текстов: Схолии к «Явлениям» Арата 132; *Элиан*. Пестрые истории XII 34; Схолии к Одиссее XII 353; Николай Дамасский в: *Fragmente der griechischen Historiker* (Jacoby) 90F 103i (где убийство рабочего быка и похищение сель-

истории полиса ритуальное убийство быка вызывало в обществе сильнейшую тревогу¹¹⁹.

Итак, мы проанализировали отношение пифагорейцев к рабочему быку с точки зрения обряда Буфонии и в контексте религиозных представлений полиса: категорически запрещая жертвоприношение этого животного, пифагорейство разделяет с полисом тревогу по поводу кровавой жертвы. Однако то же сравнение прежде всего позволяет определить изначальную позицию пифагорейского движения. Движение это выглядит как религиозная секта — и в силу своего, ориентированного на культ Аполлона, мистического устремления к абсолютно чистому существованию, и в силу ужаса, проявляемого перед практикой поедания себе подобных, перед звероподобной жизнью. Несмотря на то что жертвоприношение быка было одним из самых существенных моментов религиозной жизни полиса, пифагорейцы категорически отказывались есть мясо такой жертвы — даже те из них, кто принимал непосредственное участие в политической жизни. К этому — первому — расхождению пифагорейской системы с практикой общественных жертвоприношений можно добавить еще два, дающие точное представление о том, насколько далеко заходил компромисс пифагорейцев как политической группы с полисом. Жертвенное мясо позволялось есть, однако постулировались два ограничения: во-первых, можно было есть лишь мясо животных, признанных преступными и вредоносными; во-вторых, к употреблению в пищу разрешались лишь наименее «витальные» части жертвенного животного,

скохозяйственного орудия — преступления одного ранга: и то и другое называется смертной казнью); *Элиан*. Пестрые истории V 14; *Варрон*. De re rustica II 5.4; *Калумелла* VI, Praefatio; *Плиний*. Naturalis historia VIII 180.

¹¹⁹ В рамках данной работы невозможно подробно остановиться на этой проблеме — ключевой для понимания места, принадлежащего Буфонии в религиозной мысли Древней Греции.

т.е. полагалось воздерживаться от сердца, матки и мозга — частей, определяемых пифагорейцами как «средоточие жизни»¹²⁰. Таким образом, противопоставление в пифагорейской традиции двух типов жертвенных животных выявляет критерий, лежавший, судя по всему, в основе системы питания этой социальной группы: это дихотомия «мясо — не мясо». Пифагорейцы-«политики» не считали съедобные части мелких жертв мясом¹²¹, и, говоря об употреблении в пищу мяса, они имели в виду только рабочего быка. В рамках общественной жизни в почитании рабочего быка заключался и им ограничивался для пифагорейцев полный отказ от мясной пищи. В свою очередь, принесение его в жертву определяло для них ту самую систему питания, которая воспринималась как прямо противоположная пифагорейскому укладу.

Отсюда можно сделать вывод, что в системе питания, практиковавшейся в пифагорейском сообществе, рабочий бык представляет третий ключевой элемент, наряду с первыми двумя — ароматическими веществами и бобами. Причем этот последний элемент занимает привилегированное положение по отношению к первым двум, что явствует из двух пифагорейских легенд о рабочем быке. Сюжет первый — история священного быка Пифагора¹²².

¹²⁰ *Ямвлих*. Жизнь Пифагора 109. Ed. L. Deubner. P. 63 2–5; *Порфирий*. Жизнь Пифагора. Ed. Nauck. P. 40 9 f (= Анаксимандр по: *Diels*. *Fragmente der Vorsokratiker* I. P. 466 9–12; *Delatte* A. *Etudes sur la littérature pythagoricienne*. Paris, 1915. P. 291–292); *Аристотель*. Fr. 104 Rose. Углубленный анализ запрета на употребление в пищу мозга см. в: *Delcourt* M. *Tydée et Mélanippe* // *Studi e materiali di Storia delle Religioni*. T. XXXVII. 1966. P. 169–180.

¹²¹ Добавим, что эти животные, подлежавшие принесению в жертву и употреблению в пищу, были исключены пифагорейцами-«политиками» из числа живых существ, в которые могла переселяться человеческая душа. См. Аристотель в: *Ямвлих*. Жизнь Пифагора 856. Ed. L. Deubner. P. 49 14–17 и *Boyané* // *Revue des études grecques*. 1939. P. 42, nota 2.

¹²² *Порфирий*. Жизнь Пифагора 24; *Ямвлих*. Жизнь Пифагора 61. Ed. L. Deubner. P. 33 f.

Однажды в Таренте Пифагор увидел быка, мирно пасущегося на бобовом поле под присмотром пастуха. Философ обратился к пастуху с просьбой вмешаться и не позволять быку есть бобы. Однако пастух в ответ лишь рассмеялся и сказал, что не владеет бычьим языком. Тогда Пифагор подошел к животному и сказал ему на ухо что-то столь убедительное, что тот не только ушел с бобового поля, но за всю свою жизнь ни разу больше не притронулся к бобам. Говорят, что этого быка поселили после этого в святилище Геры в Таренте и что он прожил очень долгую жизнь. Его прозвали «священным быком Пифагора» и кормили «человеческой пищей»¹²³. К какому бы времени ни восходила эта легенда, ее сюжет¹²⁴ поддается толкованию только в категориях пифагорейской системы питания. Убедить быка не есть бобов и перейти на пищу, употребляемую людьми, означает осуществить на практике переход из дикого состояния к чистому и безупречному образу жизни. Вначале мы имели дело с фактом поедания себе подобных: бык, питающийся бобами, в такой же степени каннибал, как и человек, пожирающий другого человека. Конец истории знаменуется обращением в пифагорейство: этому почти одичавшему животному Пифагор открывает человеческую систему питания, в полной мере ему подобающую, ибо бык всегда рассматривался как самый близкий товарищ человека. Тарентийский бык больше не будет есть ничего, кроме продуктов, которыми питается человек, а под ними, без сомнения, подразуме-

¹²³ Anthrōpinais trophais sitoúmenon: *Ямелих*. Жизнь Пифагора. Бык не питался больше дикой травой, botánē ek gēs, — он получил право есть культивируемые человеком растения, trophē ek gēs. Об этом различии см. в: *Festugière A.-J.* Hippocrate. L'Antienne Médecine. Introduction, traduction et commentaire. Paris, 1948. P. 35, n. (b).

¹²⁴ Аналогичный сюжет имеет история о даунийской медведице: дикое животное, питавшееся человеческим мясом, перешло, благодаря Пифагору, на диету, состоявшую из ячменного хлеба и плодов (*Ямелих*. Жизнь Пифагора 60. Ed. L. Deubner. P. 33 2–8; *Порфирий*. Жизнь Пифагора 23).

ваются «чистые» продукты, составлявшие рацион истинных пифагорейцев.

Однако преобразование быка этим не ограничивается. Есть еще одна история, тоже мифическая, повествующая о его последнем перевоплощении. Это рассказ о жертвоприношении, совершенном Эмпедоклом после победы в олимпийском колесничном состязании¹²⁵. Согласно этой легенде, Эмпедокл¹²⁶, ученик Пифагора, полностью воздерживался от употребления в пищу мяса. Чтобы не нарушить традицию, согласно которой победителям олимпийских соревнований полагалось вкушать мяса жертвенного быка, Эмпедокл прибег к знаменательной уловке: он приказал соорудить быка¹²⁷ из мирры, ладана и самых дорогих ароматов, а затем разделил его между всеми присутствующими в соответствии с требованиями ритуала. Таким образом, бык-поедатель бобов преобразуется в ароматическую сущность, бык-людоед становится благовоной субстанцией.

Эти легенды о рабочем быке демонстрируют принципиальную, сущностную противоположность друг другу ароматических веществ и бобов, раскрывая диаметрально противоположный характер отношения каждого из

¹²⁵ *Афиней* I 3Е.

¹²⁶ Не важно, идет ли речь о философе, как полагает *Rostangi A. Il Verbo di Pitagora*. Torino, 1924. P. 248–249, или о его деде (этого мнения придерживается *Delatte. La Vie de Pythagore de Diogène Laërce*. Bruxelles, 1922. P. 174).

¹²⁷ Подобно тому, как при многих жертвоприношениях взамен чресчур дорогостоящего животного использовали быка, слепленного из теста, *psaistón*. В этом случае пифагорейская практика тоже не расходится с обычаями полиса: в Тере в IV веке один из ритуалов предполагал публичное жертвоприношение быка, сделанного из одного медимна пшеницы и двух медимнов ячменя (*Collitz. Sammlung griechischer Dialektinschriften*. Göttingen, 1884–1915. 4765. ll. 6–15, цитируется в: *Casabona*. Op. cit. P. 76). Подобного же быка Пифагор принес в жертву богам после того, как открыл геометрическую формулу квадрата гипотенузы (*Пифагорий. Жизнь Пифагора* 36).

этих элементов — к третьему. Тем самым они становятся решающим аргументом в пользу того, что пифагорейская система питания базируется на трех ключевых компонентах: ароматы, бык (рабочий), бобы. И что сопоставление и противопоставление этих трех элементов лежит в основе системы питания, в основе позволения мясоедения или запрета на него. Вследствие двойственности своего положения как религиозной секты и одновременно открытого общества, принимающего активное участие в политике, пифагорейское братство оказалось центром конфликта между двумя жизненными моделями — конфликта, вытекающего из уже обрисованной нами оппозиции: с одной стороны — антисоциальная установка, выражаемая религиозной сектой, с другой — деятельность по реформированию полиса, проводимая политической группой. Система питания — выражение и отражение этого противоречия. Она не просто сочетает две прямо противоположные диеты — она сводит воедино два разных подхода к самой проблеме. Первый характеризуется педалированием оппозиции «мясо — не мясо», находящей наиболее полное выражение в оппозиции «бобы — ароматы». Для второго подхода релевантна грань (не слишком четкая) между двумя типами жертвенных животных: рабочим быком, с одной стороны, и свиньей и козлом — с другой. Такое тесное переплетение двух концепций питания ясно показывает, что пифагорейская система исходит из обеих оппозиций, определяющих употребление мяса и отношение к кровавой жертве.

Как одна, так и другая легенда подтверждает тот факт, что для пифагорейцев система питания представляет собой самый настоящий язык, посредством которого социальная группа выражает свои принципы и в котором раскрываются ее противоречия¹²⁸. При этом второй

¹²⁸ Эта формула вписывается в проблематику работы: *Lévi-Strauss C. L'Origine des manières de table. P. 411.*

ЗАПАХИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

из двух приведенных анекдотов, описывая преобразование быка в ароматическую субстанцию, не просто иллюстрирует контраст между двумя типами жертвоприношения, но максимально обостряет антитезу между запахом дыма от сжигаемого при жертвоприношении мяса и воскурениями мирры: воскурения суть продукты сожжения жертвенного дара, в свою очередь представляющего собой субстанцию, аналогичную той, которая получается в результате сожжения мяса. Итак, эта система питания, разработанная и культивировавшаяся одной из маргинальных социальных групп, являет нам наиболее отчетливое выражение культурного значения ароматических воскурений в Древней Греции. Ладан и мирра – антиподы хтонического тления и гниения, воплощенных в бобах, и, будучи высшей пищей, способны вновь объединить людей и богов в совместной трапезе.

Перевод О. Литвиновой и Е. Широниной

Анник Ле Герер

БЛАГОУХАННАЯ ПАНТЕРА *

«Едва Сван, пожимая руку маркизе, взглянул сверху и вблизи на ее грудь, <...> его ноздри, втянув пьянящий запах женских духов, затрепетали, словно бабочка, готовая опуститься на цветок»¹. Но манящим ароматам госпожи де Сюржи противостоят запахи, о которых, не стесняясь в выражениях, говорит барон де Шарлю: «Я бы не стал ее расспрашивать о тех завлекательнейших временах: у меня слишком чувствительный обонятельный орган. Стоит этой даме подойти поближе, и я сразу говорю себе: “О боже! чистят выгребную яму”, — а это просто маркиза открыла рот и собирается пригласить меня»².

Притяжение и отталкивание — первичные, непосредственные и обратные реакции на запах — определяют две его основные функции: заманить и отделить. Притягательный аромат влечет, обволакивает; это орудие охоты, колдовства и обольщения. Он также позволяет выделить среди вещей и живых существ будущих избранников, ибо они отвечают определенной ольфакторной норме. Напротив, запах отталкивающий или просто неприятный склоняет к отказу, удалению, отрицанию.

* *Le Guérier A. La panthère parfumée // Odeurs. L'essence d'un sens / Dir. par J. Blanc-Mouchet, avec la coll. de M. Perrot. P.: Autrement, 1987. P. 55–58. © Autrement, 1987*

¹ *Proust M. Sodome et Gomorre // Proust M. A la recherche du temps perdu. P.: Gallimard, Bibl. de la Pléiade, 1954. T. II. P. 707.*

² *Ibid. P. 700.*

Запахи исключены из семантического поля, это «символы *par excellence*»³, неизменно присутствующие в мифологических и фантазматических представлениях.

КОШАЧЬЕ ОБОЛЬЩЕНИЕ

«Как получилось, — задается вопросом Аристотель, — что пантера — единственное животное, чей запах приятен и привлекателен даже для других зверей, ибо говорят, что дикие звери с удовольствием вдыхают его?»⁴ В античной мифе этот аромат соотносится одновременно с охотой, колдовством, любовным оболыщением; в христианской же символике, претерпев любопытные метаморфозы, он превращается в образ мистического уловления душ словом Христовым.

Греки считали, что пантера использует свое благоухание для привлечения добычи. «Пантера издает запах, приятный всем прочим зверям, а потому охотится из засады, приманивая зверей собственным ароматом»⁵, — утверждает Теофраст. Плутарх и Элиан уточняют, что к ее ароматам особенно чувствительны обезьяны.

Пантера — зверь особый, она охотник, на нее же не охотится никто, кроме человека, который умеет пользоваться тем же оружием и заманивает ее в ловушку запахом вина, до которого она падка⁶; ее сила — в осторожности и уме. Она умеет хитрить. Ее ловушка — восхитительный аромат, орудие смертоносного оболыщения. «Говорят, пантера наделена даром источать благоухание, впрочем,

³ *Sperber D. Le symbolisme en général. P.: Hermann, 1974. P. 130.*

⁴ *Аристотель. Проблемы. XIII, 9, 4, 907 b 35.*

⁵ *Теофраст. De causis plantarum. VI, 5, 2.*

⁶ См.: *Festugière A.J. Le bienheureux Suso et la panthère // Revue de l'histoire des religions. P.: PUF, 1977. № 191. P. 82. Ср. также: Detienne M. Dionysos mis à mort. P.: Gallimard, 1977. P. 95.*

неощутимое для нас, и знает о своем даре. Равно и все прочие звери знают о нем, и ловит она их следующим образом. Когда пантере нужна пища, она прячется в частых зарослях или в густой листве; ее нельзя обнаружить, она неподвижна и позволяет себе только дышать. Оленята, газели, дикие козы и прочие подобные животные приближаются к ней, их привлекает приятный запах, своего рода *iunx* [волшебное колесо]⁷. Тогда пантера выпрыгивает из засады и бросается на жертву»⁸.

Примечательно здесь упоминание волшебного колеса: оно привносит в миф магическое измерение.

У греков пантера выступает символом красивой куртизанки, ибо слово *pardalis* означает и «кошка», и «гетера». Приятный запах пантеры отсылает к чарующим ароматам гетеры, которые также сравниваются с волшебным колесиком, — и тем самым становится символом всякой ловушки, всякого обольщения.

АРОМАТНЫЙ КРИК

Христианство переняло это верование и, подвергнув дерзкой трансформации, сделало его элементом своей символики: благоуханная пантера превратилась в образ самого Христа. Впрочем, его вторичное использование, по-видимому, прошло несколько этапов. Эту эволюцию можно, в частности, проследить по различным сохранив-

⁷ Действительно, *iunx* — колесико с дыркой на веревочке — издает странное жужжание и обладает завораживающим действием. Сопоставление его с ароматом пантеры тем более значимо, что предмет этот использовался главным образом в любовной магии. Связи между *iunx*, эротикой, магией и притягательными свойствами запаха в общем виде показаны в книге Марселя Детьена: *Detienne M. Les Jardins d'Adonis, la mythologie des aromates en Grèce*. P.: Gallimard, 1972. P. 164–165.

⁸ *Элиан*. De natura animalis. v. 40.

шимся версиям «Физиолога»⁹. В первой версии, изданной Сбордоне, крик пробуждающейся после трехдневного сна пантеры — ароматный крик, чарующий всех прочих зверей, — уподобляется крику Иисуса Христа через три дня после смерти, наделяющему людей изысканным ароматом: «Когда она поест и насытится, то спит в своем логове; пробуждается же от сна на третий день и кричит громким голосом, и звери, привлеченные ароматом крика, идут к ней. Так же и Господь наш Иисус Христос, восстав на третий день из мертвых, вскричал: “Ныне здравствует мир видимый и невидимый”, и сошло на нас всех благоухание, на ближних и на дальних, и мир, по слову Апостола»¹⁰.

В третьей версии, опубликованной Сбордоне, это сравнение уточняется: ароматное дыхание пантеры символизирует слово Христово, влекущее и дающее утешение: «Пантера принимает образ Господа нашего Иисуса Христа. Ибо только пришел Он к нам от Отца своего и показался в миру Человеком, как источился из уст его добрый дух наставления, и на благоухание уст его сошлись пророки, и апостолы, и мученики, и весь хор святых, и в радости возвратились они в свои жилища»¹¹. Это отождествление вызывает метаморфозу кошки: из устрашающей, свирепой, одинокой она превращается в общительную и добрую: «Есть зверь, именуемый пантерой. “Физиолог” говорит, что она несравненно более красива и достойна любви, нежели любой другой зверь. Во сне источает она благоухание, и на этот запах собираются вокруг нее все прочие звери, и радуются аромату, а нарадовавшись, расходятся в веселии и довольстве по чащобам и полям»¹². Полная инверсия: аромат пантеры уже не

⁹ Латинские переводы различных греческих версий «Физиолога» известны с V века. Наиболее древние иллюминированные рукописи этого текста относятся к Каролингской эпохе.

¹⁰ *Physiologus* / Ed. par F. Sbordone. Milano; Roma, 1936. P. 61.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.*

смертельная ловушка, но щедрый дар остальным зверям. Хищница несет с собой уже не смерть, а блаженство.

Но самые законченные формы эта символика приобретает в средневековых бестиариях, включающих в себя многие элементы «Физиолога». Например, в бестиарии Эшмола¹³ красота кошки воплощает в себе божественное сияние, а пятна на ее шкуре, подобные «золотым глазкам», представляют многогранность ее совершенства: «Пестрая шкура пантеры символизирует слова Соломона о Господе нашем Иисусе Христе, коий есть Мудрость Бога Отца, Дух Понимания, Единый, Многий, Истинный, Кроткий, Совершенный, Милосердый, Твердый, Неколебимый, Верный, Дух всемогущий, всевидящий». Пантера красива, и Давид говорит об Иисусе Христе: «Он прекраснейший из сынов человеческих»¹⁴. Ее кротость — образ божественной доброты: «Пантера кротка», а Исайя говорит: «Возрадуйся, чтобы сердце твое ликовало, дочь Сиона, возглашай, дочь Иерусалима, что грядет к тебе твой царь, и сердце его полно кротости»¹⁵.

Отождествление благоуханного дыхания пантеры со словом Христовым закрепляется, но упор сделан на их необоримой и инстинктивной притягательности: «Как на сладостный аромат, источаемый пастью пантеры, сбегаются все звери, и окрестные, и из дальних мест, и следуют за ней; так и иудеи, каковые обладали по временам звериным инстинктом и были ближними по вере, что соблюдали они, и язычники, бывшие дальними, ибо не знали веры, услышали слово Христово и последовали за ним, говоря: “Сколь приятны твои слова устам моим, слаще

¹³ *Le Bestiaire d'Ashmole* (по имени известного английского коллекционера Элии Эшмола, 1617–1692), хранящийся в Бодлейанской библиотеке в Оксфорде, может быть датирован концом XII — началом XIII века. Его перевод на французский был выполнен Мари-Франс Дюкои и Сильвенем Луи (*Club du Livre*, 1984).

¹⁴ *Physiologus*. P. 84.

¹⁵ *Ibid.*

ЗАПАХИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

меда; благодать источают уста твои; и потому Господь благословил тебя на веки веков”»¹⁶.

Наконец, пантера, подобно Христу, торжествует над силами зла. Ее запах обращает в бегство дракона, как слово Иисуса заставляет отступить Сатану: «...Дракон дрожит от страха и бежит укрыться в подземном своем логовище; не в силах вынести благоухания пантеры, он погружается в оцепенение и сидит в яме своей, недвижимый и словно мертвый. Так и Господь наш Иисус Христос, истинная пантера, сошел с небес, чтобы избавить нас от власти Дьявола»¹⁷. Благоуханная пантера средневековых bestiариев, как в триптихе, являет собой одновременно и сияние Христа, и два аспекта его земного предназначения: увлечь человека к свету истины и освободить их от духа тьмы.

Перевод М. Микаэлян

¹⁶ Physiologus.

¹⁷ Ibid.

Жерар Дессон

ЧЕМ ПАХНЕТ ЖИВОПИСЬ*

ТРУП ОТДЫХАЕТ

В 1655 г. Рембрандт пишет полотно «Освежеванный бык». Тем самым в портретной галерее европейской живописи появляется фигура, не имеющая аналогов.

Жестокость выставленного напоказ таит в себе скандальное намерение автора — ввести в изображение потребность в субъекте. Быть может, впервые в западном искусстве живопись обретает запах.

Живопись пахнет; она наконец ощущает себя такой, какой представлялась перед тем, как исчезнуть, раствориться в изобразительности, определившей ее функцию и значение.

В традиционной теории искусства выпячивание материальной субстанции и обнажение приема всегда считалось покушением на нравственные и эстетические ценности. Зримый красочный материал сводит живопись к раскрашиванию — точно так же, как она сводит духовную сущность образа к материальности тела.

«Рембрандт окунает кисть в собственные испражнения»¹. Это безапелляционное суждение одного из современников Рембрандта соразмерно вопросу, поставленно-

* Главы из книги: *Dessons G. L'odeur de la peinture. P.: L'Aphélie-Essais, s.d. P. 11–15, 57–69.*

¹ *Mourgues R. Rembrandt kabbaliste. P.: La Baconnière, 1948. P. 129.*

му автором «Освежеванного быка» перед изобразительной живописью своего времени. Во всяком случае, данный комментарий явно амбивалентен: в нем присутствуют и материя, и запах.

Во всех оценках творчества Рембрандта, как положительных, так и отрицательных, на первый план всегда выступает скандальный характер его живописи. Когда Дидро говорит о «Ганимеде»², что тот «отвратителен», что «страх ослабил сфинктер его мочевого пузыря»³, то его мнение ничем принципиально не отличается от суждений современников Рембрандта, упрекавших художника в нетрадиционном использовании линий и пропорций. Об этом, например, с необычайной пронизательностью писал через шесть лет после смерти Рембрандта Я. фон Сандрарт: «...Он не боялся оспаривать наши законы искусства и противоречить им, игнорируя анатомию и пропорции человеческого тела»⁴.

Против течения. Именно так можно определить смысл его труда. С этой точки зрения «Освежеванный бык» представляет собой необычайно значимое для его творчества произведение. Впрочем, если рассматривать эту картину по законам эволюционной логики, призванной упорядочить путь художника, то картина эта — явно не на месте. В истории искусства ей скорее следовало бы отвести место, предшествующее знаменитым рембрандтовским портретам. Подтверждением тому служат «Лекции Королевской академии» Андре Фелисьена (1667): «Тот, кто рисует живых животных, вызывает более ува-

² Имеется в виду картина «Похищение Ганимеда». (Прим. пер.)

³ *Diderot D. Pensées sur la peinture, 1776–1781 // Diderot D. Œuvres esthétiques. P.: Garnier, 1968. P. 801.*

⁴ *Sandart J. von. Deutsche Academie der edlen Bau-Bild und Malherie-Kunste. Nurenberg, 1675 // Tout l'œuvre peint de Rembrandt. P.: Flammarion, 1971. P. 8.*

жения, чем тот, кто изображает мертвую и лишенную движения натуру; а так как человек есть самое совершенное творение Господа на земле, то очевидно также, что тот, кто, изображая человеческие фигуры, берет на себя функцию имитатора Бога, во многом превосходит всех остальных»⁵.

Но что тогда сказать о художнике, который после стольких созданных им портретов рисует быка? И к тому же освежеванного?

В 1655 г. Рембрандту более не нужно было доказывать свои достоинства живописца, а потому создание «кухонного» натюрморта в том же году, в каком были написаны и «Купальщица», и «Титус за чтением», и «Иосиф и жена Потифара», дает материал для размышлений.

Немногие комментаторы пожелали услышать вопрос, поставленный, причем весьма резко, данным натюрмортом — возможно, потому, что в противном случае им пришлось бы искать ответ на него во всем творчестве Рембрандта.

Между тем это был основополагающий вопрос — о соотношении между процессом создания живописного полотна и его результатом, вопрос провокативный, помещающий сам живописный акт на пересечении этики и эстетики. Разумеется, Рембрандт не писал картин, лишенных изобразительных образов, но его метод письма в конечном счете опрокидывает привычные ценности изображения, отрицая пресловутое тождество между искусством и изящным вкусом.

В глазах большинства своих современников Рембрандт действительно выглядел живописцем уродства, и это его восприятие эхом отзовется еще в XIX веке, в сужде-

⁵ *Félibien A. Conférences de l'Académie royale de peinture et de sculpture pendant l'année 1667. Genève, 1973 (предисловие).*

нии Эжена Фромантена: «Художник, влюбленный в красоту, он, однако, придавал земным вещам оболочку весьма уродливую»⁶.

«Уродство» Рембрандта — не продукт реалистического замысла, но скорее результат практики, противостоящей миссии «классического» художника изображать прекрасное. И потому сюжет «Быка» оказался необычайно плодотворным для осуществления подобной цели — не столько даже благодаря «модели», которую зритель «вычисляет» в мертвой натуре, изображенной на картине, сколько благодаря эффекту возвращения, который создаст картина, тематически повторяющая сюжет, уже встречавшийся в «Уроке анатомии доктора Тульпа», — сюжет отверстого, вспоротого тела.

Сдвиг, произошедший таким образом в живописном микрокосме, имя которому Рембрандт, может быть изменен теми усилиями, какие прилагались в последующие века, чтобы «забыть» этот диссонирующий голос, неожиданно зазвучавший в Голландии XVII века.

В Академиях художеств еще будут предприниматься попытки реставрировать утраченный живописный канон при помощи... трупа. Авторитет, носителем которого выступала прежде нормативная теория искусства и изобразительный канон, теперь символически передоверяется разнообразным «Трактатам по анатомии, в ее применении к Изящным искусствам», чья основная задача — создать фиктивную, беспроблемную историю искусства, континуальную и хранящую верность принципам классической эстетики. В своем «Трактате» 1886 г. Шарль Роше вновь будет утверждать, что миссия художника — «создавать из уродливого прекрасное»⁷.

⁶ Fromentin E. Les Maîtres d'autrefois. P.: Garnier, 1972. P. 259.

⁷ Rochet Ch. Traité d'anatomie, d'anthropologie et d'ethnographie appliqués aux Beaux-Arts. Paris, 1886. P. 111.

Примечательно, как под рационализмом анатомического описания четко проступает вся двойственность отверстого трупа: он даже становится объектом художественного теоретизирования, словно все еще сохраняет свою способность поколебать привычный способ изображения. Его вид — и даже сама мысль о нем — сводит с ума приверженцев этической и эстетической благопристойности, вызывая страх, равно метафизический и теоретический: «Кто при созерцании подобного человека не отпрянул бы в ужасе?»⁸

Этот ужас есть выражение нравственного искусства, закрепившего за живописным актом очистительную, ассенизаторскую задачу — разрешить проблему соотношения между процессом создания полотна и субъектным началом. И сделать это через возврат живописи к фигуративности и знаковости. Очистительная, дезодорирующая роль мыслящего образами искусства с помощью изображения вытесняет то живое начало, что заключено во всяком живописном акте.

В теории живописи, основанной на логике знака, запах трупа эквивалентен запаху живописи. Вообще-то запах трупа не есть запах смерти (ибо смерть запаха не имеет), но — запах субъективности: он, собственно, и возникает как результат ольфакторного восприятия и осмыслившего его дискурса: «Итак, юные художники, вы можете быть спокойны. Вам более не нужно будет вдыхать чумной воздух анатомических залов, выдерживать лицемерие того, что вызывает у вас отвращение. Ради вас мы оставим бедный труп в покое»⁹.

В 1886 г. изображение освежаванных, вспоротых объектов станет одной из примет современности (модерна), а запах живописи будет исходить от реалисти-

⁸ *Rochet Ch. Op. cit. P. 5.*

⁹ *Ibid. P. 110.*

ческих картин и картин импрессионистов: «Вовсе не творения, что выходят из-под кисти господ Милле, Курбе, Мане, смогут поднять Искусство и вывести Род Человеческий из той бездны, в которую он низвергся в области изящных форм»¹⁰.

Начиная с Рембрандта и кончая появлением первых художников «современности» — повсюду мы встречаем один и тот же дискурс, направленный против новой манеры письма. И все ту же рефлекторно-невротическую реакцию академиков на *волнительную странность* этой живописи, полной трепещущей жизни.

«ЭТА ПРОКАЗА НА КОЖЕ»

Пока слои краски могли служить подсветке картины, пока они создавали игру светотени, живопись Рембрандта не вызывала вопросов у современников. Тенденция эта в целом характерна для первого Лейденского периода, закончившегося в 1632 г., когда Рембрандт переселился в Амстердам. В то время его портреты востребованы, он богат, ему подражают, он — на вершине славы.

Но вскоре корпусное письмо начинает преобладать в его работах над фигуративным элементом, а на картинах, все меньше и меньше приковывающих к себе внимание, *зримой становится* краска. То, что должно было подчиняться изображаемому предмету, теперь фигурирует само по себе, выставляя напоказ свою густоту и то яростное растирание, которому краска подверглась, прежде чем попасть на холст, и которое Эмиль Верхарн назовет впоследствии «диким»: «Его мудрая манера письма, — скажет он, — уступает место горячечному жару, а на смену

¹⁰ *Rochet Ch. Op. cit. P. 226.*

размеренным, тщательно прорисованным линиям приходят резкие и дикие мазки».

Но, хотя пройти мимо данной эволюции в творчестве Рембрандта почти невозможно, не нужно преувеличивать тот ее резкий, однонаправленный характер, какой подсказан хронологическим подходом. На самом деле нетрадиционное обращение с живописным материалом присутствует уже в картинах Рембрандта первого периода, и «Голова смеющегося солдата» (1629) из гаагского собрания вполне может выдержать сравнение с этюдами, сделанными им уже в 1660 г. для «Святого Матвея» (1661) из собрания Лувра.

Верхарн подметит эту особенность, но сведет повторяемость живописных техник у Рембрандта к психологии художника: «Они, — пишет он, — варьировались постоянно. Но они не развивались по восходящей прямой. Иногда они возвращались к исходной точке, уже, казалось, забытой. Осмыслить их можно, лишь принимая во внимание все эти причуды». Во всяком случае, ясно одно: лишь отказавшись от прогрессистского видения истории, можно приблизиться к той живописи, имя которой — Рембрандт. Ее собственный «историзм» еще предстоит воссоздать — его нельзя смешивать с «восхождением» произведения к совершенству. Впрочем, комментаторы XVII и XVIII веков не обращали внимания на детали, направляя свою критику и даже насмешки в целом на *манеру создания живописных полотен* Рембрандта.

В 1685 г. Андре Фелибьен заметил: «Все его картины написаны в очень своеобразной манере, весьма отличной от той, что казалась столь отработанной и в какой писали обычно фламандские художники. Ибо часто он всего лишь наносил широкие мазки кистью и накладывал густыми слоями краски одну за другой, не давая себе труда сделать более плавными и мягкими переходы от одних тонов

к другим»¹¹. Описание, которое даст в 1686 г. «манере Рембрандта» Филиппо Бальдинуччи, свидетельствует о примате живописной массы над линией, при котором обнажение в самой картине приемов ее создания в значительной мере ставит под вопрос канон графической узнаваемости. Манера письма, «где исчезает контур, где фигуры создаются не внутренними или внешними линиями, но исключительно вихревыми движениями кисти, повторяющимися с большой силой <...>. Едва холст высыхал, он начинал работу заново, вновь нанося большие и малые мазки, так что толщина краски в иных местах достигала более чем полупальца»¹².

О том, насколько чрезмерное использование Рембрандтом материальной субстанции вошло в легенду, свидетельствует анекдот, рассказанный в 1720 г. Арнольдом Убракеном: «Говорят, однажды он нарисовал портрет, на который было нанесено столько краски, что казалось, будто можно приподнять картину, ухватив за нос изображенное на ней лицо»¹³. И все же в этом анекдоте за пародией проглядывает глубокая обеспокоенность — скорее теоретического, нежели эстетического плана. Значение этой «смелой одутловатости холста, переходящего в барельеф» (по выражению Верхарна) гораздо серьезнее, оно выходит за рамки простой светской провокации. Приближая картину к скульптуре, Рембрандт воистину способствует *исходу* живописи из пространства перспективы и организующих его законов. Стоило живописи совершить

¹¹ *Félibien A.* Entretiens sur les vies et sur les ouvrages des plus excellents peintres anciens et modernes. Paris, 1685 // Tout l'œuvre peint de Rembrandt. P. 10–13.

¹² *Baldinucci F.* Notizie de professori del disegno da Cimabue in qua. Florence, 1681–1728 // Tout l'œuvre peint de Rembrandt. P. 10–13.

¹³ *Houbraken A.* De Grootte Schonburg der Nederlantsche Konstschilders en Schilderessen. Amsterdam, 1718 // Tout l'œuvre peint de Rembrandt. P. 10–13.

этот квазивыход из пространства полотна, как она начала существовать в ином пространстве — если не в третьем измерении, то уже и не совсем в пространстве классической изобразительности. Корпусное письмо, занимая все большее место на полотнах Рембрандта и в суждениях его критиков, разрушало пластические каноны прекрасного. Жерар де Лересс, «северный Пуссен», в 1665 г. заказавший Рембрандту свой портрет, преклоняется перед его колористическим даром, но вместе с тем считает шероховатую фактуру его картин несколько смешной. Ибо если манера изображения напрямую связана с объектом изображения, то из этого следует, что комичность первой воспринимается как передача комичности другого. Возникает ощущение, что такое суждение одного художника о другом указывает на утрату личности или, по крайней мере, на ее искажение.

Демонстрируя, обнажая самое себя, живописность утрачивает свое обычное свойство — сублимировать изображенное на полотне; отныне она выражает лишь уродство и ужас. Фелибьен признавался: «Недавно мне показали одну из его картин, где все цвета существуют независимо друг от друга, а мазки отличаются такой необыкновенной густотой краски, что когда начинаешь рассматривать лицо вблизи, то кажется, будто в нем воистину заключено нечто ужасное».

Жюль Лафорг, в отличие от своих современников, прекрасно осознал, что, накладывая слой краски на лица, Рембрандт совершал нечто куда более значительное, нежели простое покушение на привычный изобразительный канон: он *заражал эти лица неизлечимым недугом*. Это интуитивное прозрение Лафорга мы находим в одной из его заметок, лапидарная формулировка которой сродни жесткой констатации: «Рембрандтовский тип. Все рембрандтовские типы двойственны, все слов-

но бы обладают ночным зрением — странное богатство с этой проказой на коже»¹⁴.

«Болезнь», о которой идет речь, гораздо шире изобразительного уровня, к которому, как может показаться, сводит ее Лафорг. Слова «эта проказа на коже» завершают фразу весьма неопределенную, несмотря на расплывчатое указательное местоимение «эта». Дело в том, что его определение относится ко всему творчеству Рембрандта и даже, возможно (или особенно?) ко всей живописи — той живописи, что диктует свои законы через официальные заказы и которая в середине XVII века внезапно оказывается поражена неизлечимой болезнью. Потому что болезнь — *живописна*, и в физическом, и одновременно в теоретическом плане, и Живопись, несмотря на все усилия Академии, никогда от нее не оправится.

Критики, говоря о живописи Рембрандта и не желая подвергать сомнению его мастерство — ведь он был признанным портретистом богатой голландской буржуазии, — обращают критические выпады, «естественно», на... модель! Картина не может быть красива, если изображенный на ней индивид некрасив от природы. Во всяком случае, именно этот довод приводит Убракен в оправдание «убожества» обнаженной натуры Рембрандта: «В изображении женских “ню” — сюжета самого по себе восхитительного, — он не сделал ничего такого, на чем бы стоило остановиться: у него постоянно возникают фигуры, одним своим видом внушающие отвращение; можно только удивляться, что такой талантливый и умный человек был столь неосмотрителен в выборе моделей». В комментарии этом примечательно прежде всего чувство глубокого разочарования перед женскими изображениями, не отвечающими общепринятой моде. И, что ни говори,

¹⁴ *Laforgues J. Mélanges posthumes. Genève: Slatkine, 1979. P. 170.*

эстетические вкусы любителей искусства оскорбляли не столько позы и жесты рембрандтовских персонажей, сколько само изображение плоти, не имевшее ничего общего с канонами обнаженной женской натуры.

«Эта проказа», о которой говорил Жюль Лафорг, скандальным образом проявилась и на телах двух «Сусанн», соответственно из гаагского (1637) и берлинского (1643) собраний, и на двух Вирсавиях, нью-йоркской (1643) и из коллекции Лувра (1654), и на теле Данаи из Эрмитажа (1635–1650), и в «Хендрике, купающейся в речке» из лондонского собрания, — картине, созданной в 1655 году, ставшем решающим и для Рембрандта, и для истории западной живописи.

Зримое присутствие на холсте материала и следов труда еще может показаться приемлемым в портретах старцев, которые сами по себе воспринимаются как «производное» от старого, как воплощение изношенности; но в изображении обнаженной натуры, то есть в сфере юности, красоты, живописности, где господствуют линия и смешанные полутона, это, наоборот, воспринимается как диссонанс.

РАССТОЯНИЕ ХОРОШЕЕ И ПЛОХОЕ

Возникновение корпусного письма в живописи Рембрандта, его устойчивость и повторяемость от картины к картине немедленно повлекли за собой корректировку дистанции, с которой следовало рассматривать холст. Фелибьен писал: «Несмотря на то что все созданные им портретные изображения не отличаются изяществом мазка, их притягательная сила велика; и если смотреть на них с нужного расстояния, они производят прекрасное

впечатление, кажется даже, что у них вполне подчеркнутые формы»¹⁵. Что меняется в подобной живописи, так это «пропорции» дистанции. Расстояние, с которого следует рассматривать картину, обусловлено уже не ее форматом (в этом случае расстояние увеличивалось пропорционально величине картины), но иными обстоятельствами. Оптический ракурс есть производное от идеологического задания: чтобы знак был читабелен, материал должен исчезнуть — а это значит, что расстояние, с которого нужно смотреть картины Рембрандта, приходит в конфликт с их форматом.

Фелибьен четко уловил эти новые условия восприятия картин Рембрандта, затронув попутно и противоречие, имманентно присущее его творчеству. С удивлением отметив «необыкновенную густоту краски», создающую впечатление, будто в лице, если рассматривать его вблизи, «воистину заключено нечто ужасное», критик добавлял: «К тому же, поскольку глаз не нуждается в большом расстоянии, чтобы охватить обычный портрет, я не представляю, какое удовольствие может доставить ему созерцание столь незавершенных картин»¹⁶.

О важности ракурса при *со-творении* зрителем картины пронизательно писал в «Опыте о живописи» (1766) Дени Дидро. Дистанция, с которой картину должно или можно рассматривать, оказывается в этом смысле настолько важным элементом живописи, что становится у Дидро одним из главных критериев ее типологии. «Есть два вида живописи, — пишет Дидро. — Один позволяет взору приблизиться к картине настолько, насколько это вообще возможно, не лишая его при этом способности видеть четко, так что зритель может рассмотреть изображенные на картине предметы во всех подробностях <...>. Вот прекрасная живопись, вот истинное подражание

¹⁵ Tout l'œuvre peint de Rembrandt. P. 10–13.

¹⁶ Ibid.

природе. Я, который применительно к данной картине есть то же, чем я являюсь применительно к природе, взятой художником за образец, я вижу ее все отчетливее по мере того, как мой глаз приближается к ней, и все менее отчетливо — по мере того, как мой глаз от нее удаляется. Но есть и другой вид живописи, также подражающий природе, но делающий это в совершенстве лишь с определенного расстояния; такая живопись, можно сказать, подражательна лишь в одной точке <...>; за этой точкой мы уже не видим более ничего; перед ней — еще менее. Картина здесь уже не картина; от холста и до определенного ракурса мы не можем точно сказать, что это такое. И все же не следует порицать эту манеру живописи, ведь она принадлежит знаменитому Рембрандту»¹⁷.

В этом тексте следует отметить робкое еще признание живописного факта как автономной реальности, существующей вне изобразительного канона. В отличие от Фелибьена Дидро, находясь перед картиной, которая «здесь уже не картина», призывает «не порицать эту манеру живописи». В этом смысле показательно, что расстояние, с которого следует рассматривать живопись Рембрандта, получает здесь особый статус: оно признается одним из составных элементов этой живописи, условием ее оригинальности.

У Рембрандта толщина слоев краски оказывается обратно пропорциональна размерам картины. Как подчеркивает Фелибьен, степень сдержанности мазка не зависит от формата портрета, и это тем более ощутимо, что Рембрандт работает в малом формате. Так, его этюды к портретам, редко превышающие размер 25×20 см, — это настоящие жестовые и пластические мизансцены. Краски наносятся широкими мазками, движение рук вытесняет графическую линию. Весь цикл «Страстей Христа»

¹⁷ *Diderot D. Op. cit. P. 692.*

1650 г., равно как и этюды к «Святому Матвею» из собрания Лувра (1660–1661), могут служить иллюстрацией этой особой манеры живописи.

Понятие расстояния становится в этих условиях рабочим термином, потому что сосредоточивает в себе теоретический сдвиг: переход от живописи, сфокусированной на знаке и изображении, к новому ее пониманию. В основе последнего лежит не знак, но значение, или, иначе говоря, построение живописного сюжета с помощью особой манеры письма, включенной в социальное поле портрета.

Рембрандт отчетливо сознавал, что именно он модифицировал, — он, прилагавший к написанным им портретам голландских буржуа своеобразные рекомендации по использованию. Так, в письме от 27 января 1639 г. он советует Константину Гуигенсу, секретарю штатгальтера Фридриха-Генриха: «Сударь, эту картину следует повесить в хорошо освещенном месте таким образом, чтобы разглядывать ее можно было с достаточного расстояния: тогда она будет смотреться наилучшим образом»¹⁸. Чтобы экономический обмен и торговля искусством продолжали функционировать, нужно, чтобы знак внушал доверие, чтобы материал на картине исчез, а на его месте явилось лицо — как торжество мимесиса; все же прочее, находящееся вне этого ракурса зрения, есть уже распад системы классической живописи.

Таким образом, Рембрандт определяет в своей практике письма два лика живописи. Тот, который мы бы назвали идеологическим, — местом иллюзии и метафизики знака; именно о нем говорит в своих «Мыслях» (1658) Паскаль, философски осмысляя основания письма, живописи и морали через определение «золотой середины»:

¹⁸ Tout l'œuvre peint de Rembrandt. P. 89.

«Если судишь о своем труде сразу же после его окончания, то еще не можешь от него отделиться, если слишком долго спустя, то уже не можешь в него войти. Так и картины, если смотреть на них со слишком близкого или слишком далекого расстояния. И лишь единственная маленькая точка и есть нужное место. <...> В искусстве живописи эта точка определяется перспективой, но кто ее определит для истины и морали?»¹⁹

Единственная точка зрения — «верный ракурс». Но во имя какой правды? Правды Логоса.

По обе стороны от этого идеологического пуанта — иное пространство, столь разрушительное и опасное, что Рембрандт, как мы видели, указывает границу, которую не следует переступать. Пренебрежение этой границей опасно для зрителя. Живопись — опасна. Вспомним еще один анекдот, поведанный Убракеном («De groote Schonburg»): Рембрандт будто бы отговаривал своих посетителей смотреть на картины со слишком близкого расстояния, уверяя, что «запах краски может им повредить»²⁰.

И действительно, лишь при соблюдении «правильного» расстояния в изобразительном каноне происходит сублимация удовольствия. Стоит только подойти поближе, и живопись сразу начинает доставлять неудобства. Доселе невидимое, неизображаемое становится зримым: тело, все тело вписывается в непристойную массу краски.

Искусство со слишком близкого расстояния становится ремеслом, Красота утопает в материи, а художник предстает всего лишь чернорабочим. Именно об этом говорит Убракен, оценивая картины Рембрандта: «...некоторые детали выписаны с самой большой тщательностью, тогда как остальные кажутся намалеванными кистью маляра, без всякого уважения к рисунку». И далее: «...каза-

¹⁹ Цит. по: Паскаль Б. Мысли / Пер. с франц. Ю. Гинзбург. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. С. 83 (№ 21 (381)).

²⁰ Tout l'œuvre peint de Rembrandt. P. 10–13.

ЗАПАХИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

лось, что его картины, если рассматривать их вблизи, халтурно сляпаны строительным мастерком»²¹.

Как выясняется, классический дискурс и в самом деле вытеснил иную манеру живописи, позволяющую увидеть не только изображаемое, но и (даже вопреки ему) ту связь, что существует между актом создания картины, подсознанием и наслаждением. И эту связь – то есть утверждение живописью бытия – будут игнорировать не только в XVIII веке, но и позже. Так, Эжен Фромантен еще в 1877 г. выскажется о «Ночном дозоре» вполне в том же духе: «Кажется, будто сама кисть увязает в этой тяжелой и топкой манере письма»²².

Верхарн лучше определит рембрандтовскую манеру письма: он, например, упоминает «мощные потоки слоев краски, в которых резвятся пальцы, нож и кисть по самую рукоятку...». А указав на счастье, какое испытывает художник при растирании краски, он заставит совсем иначе взглянуть на сущность ремесла.

Работа Рембрандта есть своеобразная «практическая теория», переосмысление привычных значений в процессе создания живописного полотна. Цвет освобождается у него от понятийной невыразимости, возвращаясь к своей исконной материальности. Именно в этом смысле нужно понимать высказывание Рембрандта, о котором писал Роже де Пиль: «И так как его однажды упрекнули за странное использование краски, которая придавала его картинам неровность и шероховатость, он ответил, что он – художник, а не маляр»²³.

Перевод Е. Дмитриевой

²¹Tout l'œuvre peint de Rembrandt.

²² Fromentin E. Op. cit. P. 440.

²³ Piles R. de. Abrégé de la vie des peintres, avec des réflexions sur leurs ouvrages. Paris, 1699 // Tout l'œuvre peint de Rembrandt. P. 11.

Анник Ле Герер

АРОМАТЫ ВЕРСАЛЯ В XVII—XVIII ВЕКАХ:
эпистемологический подход*

Когда говорят о ароматах Версаля, то на ум первым делом приходит королевский двор, где искусство казаться достигло своего апогея. В подобном контексте не вызывает удивления широкое использование как собственно духов, так и разнообразных душистых аксессуаров — саше, перчаток, надушенных вееров. Распространяясь в воздухе, аромат образует вокруг человека своеобразный ореол, продлевающий и возвеличивающий его присутствие. Он расширяет бытие и социальную сферу придворного.

Непосредственный контрапункт этому благоуханию — чудовищная вонь вокруг дворца, не ведающего отхожих мест. Тому имеются весьма красноречивые подтверждения, в частности следующее свидетельство Ла Морандьер, относящееся к 1764 г.: «Парки, сады и сам замок вызывают отвращение своей мерзостной вонью. Проходы, дворы, строения и коридоры наполнены мочой и фекалиями; возле крыла, где живут министры, колбасник каждое утро забивает и жарит свиней; а вся улица Сен-Клу залита гнилой водой и усеяна дохлыми кошками»¹.

Широкое применение духов легко объяснить их статусом предмета роскоши, указывающего на общественное

* *Le Guérier A. Les parfums à Versailles aux XVII et XVIII siècles: approche épistémologique // Odeurs et parfums / Textes rassemblés et publiés par D. Musset et Cl. Fabre-Vassas. P.: Ed. du CTHS, 1999. P. 133–141.*

¹ См.: *Cabanès A. Mœurs intimes du passé. Genève: Farnot, 1976. T. 1. P. 254 (P., 1908).*

положение человека, а также необходимостью бороться против вони, — однако, как мне кажется, из всего этого не вполне ясно, почему такое небывалое распространение получают ароматические составы. Во времена Людовика XV французский двор так пропитался ими, что в Европе его стали называть «надушенным двором». Тут требуется иное объяснение, которое бы сопрягалось с уже имеющимися. Его логика менее очевидна, хотя мне оно представляется решающим. Эту логику я попытаюсь прояснить, рассматривая ароматические смеси той эпохи и их применение с позиций не столько исторического, сколько эпистемологического подхода.

Чтобы лучше понять роль, отводившуюся духам, начнем с церемонии туалета: в данном случае она весьма показательна, ибо в ней прочитывается теория гигиены, во многом отличная от современных представлений. Туалет Людовика XIV, описанный герцогом Сен-Симоном*, не предполагает использования воды. Единственный ритуал, которому следует «король-солнце», — это омовение рук винным спиртом. В XVII веке туалет совершался в соответствии с совсем иными предписаниями, нежели в наше время. Его цель — обойтись без воды, считавшейся вредоносной, и, напротив, широко использовать душистые составы.

Напомним, что эта тенденция восходит к 1348 г., времени великой эпидемии черной чумы. С тех пор врачи настоятельно рекомендуют избегать мытья горячей водой, полагая, что оно ослабляет организм, открывая кожные поры воздействию зачумленного воздуха. Этот страх

* Мемуары Луи де Рувруа, герцога де Сен-Симона (1675–1755), посвящены последним десятилетиям царствования Людовика XIV и началу Регентства (1691–1723). Описание туалета Людовика см. в изд.: *Сен-Симон. Мемуары*. М.: Прогресс, 1991. Т. II. С. 317–319. (Здесь и далее знаком * отмечены прим. пер.)

перед водой и мытьем нарастает на протяжении XVI века и достигает наивысшей точки в XVII столетии. Ароматические продукты должны были заменить воду при совершении туалета. Однако они не только очищают кожу извне: считается, что они чистят также внутренности тела и предохраняют его от воздействия дурного воздуха.

Эти представления сегодня могут показаться удивительными, однако в основе их лежат две главные идеи: первая связана с тем, что можно обозначить как «реализм запаха»², а вторая — с особыми свойствами, которыми делили ароматы еще со времен Античности.

Действительно, проникая в нас, запах, независимо от нашего желания, заставляет вступить с его носителем в прямой и очень личный контакт. Поэтому очень рано сложилось представление о том, что запах, в силу своей всепроникающей способности, обладает большой эффективностью. Кроме того, считалось, что запах включает в себе принцип и действенность любого вещества. Из этого следовало, что запах — не только верный глашатай материальной действительности, не только активная, но и индивидуализированная реальность. Поэтому каждое вещество отмечено своим особым запахом: философ Гастон Башляр назвал это убеждение «субстанциалистским»³. Тем самым запахи цветов, дерева или камеди несут в себе энергию соответствующего растения.

Согласно унаследованной от Древней Греции традиции, ароматы, выделяющиеся под действием солнца, имеют огненную и противогнилостную природу, а значит, способны препятствовать разложению. Это важнейшее свойство уже само по себе определяет многообразие применений ароматических веществ: в них есть особая сила, позволяющая очищать, оздоравливать и укреплять

² *Bachelard G. La formation de l'esprit scientifique. P.: Vrin, 1980. P. 115.*

³ *Ibid. P. 102.*

душу и тело. Считается даже, что ароматические вещества увеличивают естественные защитные силы организма, изгоняя такие печальные и благоприятствующие недугам страсти, как страх и тоска.

Все это позволяет объяснить, почему в эпоху, когда опрятность мыслилась в терминах «очищения» и «защиты» от дурных запахов, основополагающая роль отводилась духам. По мнению врачей, они были способны избавить организм от отбросов и одновременно создать защитную преграду между кожей и зачумленным воздухом. В XVII и XVIII веках опасения вызывает не грязь как таковая, но загрязнение органов гуморальными жидкостями, застойным брожением, зловонными испарениями. Настоящее отсутствие чистоты — это не вши и блохи, а внутреннее разложение и миазмы. С точки зрения внутренней гигиены духи действуют примерно так же, как кровопускание или прием слабительного: препятствуя излишнему полнокровию, они помогают содержать в чистоте внутренние органы и кровь. А в придачу они должны очищать кожу извне без ущерба для ее прочности и защищать ее от воздействия воздуха.

Усиленное применение благовоний объясняется именно этой верой в их гигиенические и профилактические свойства. Быть опрятным — значит протирать кожу душистым болонским мылом с лимонным или апельсиновым запахом; ополаскивать лицо и руки ароматическим уксусом; опрыскиваться «Императорской водой» («Eau impériale»), «Венценосной водой» («Eau couronnée»), «Великолепной водой» («Eau superbe»). Надо наносить на руки мази из ириса, розного ладана и сладкого миндаля, очищающие их, но не повреждающие. Непременно нужно натирать зубы коричневой, апельсиновой, гвоздичной или лимонной пастой. Волосы рекомендуется содержать в чистоте при помощи сандалового, розового, лавандового, жасминового масла или мази.

Фактически в эту эпоху медицинские средства и парфюмерия не разделялись. Показательный факт: именно по приказу Антуана д'Акена*, первого медика Людовика XIV, Бленьи, врач Месье, брата короля, сверяет формулы различных ароматических составов и публикует их собрание, озаглавив его, между прочим, «Секреты красоты и здоровья».

Возьмем для примера один из самых знаменитых составов – «Воду королевы Венгерской» («Eau de la reine de Hongrie»); неразличение медицины и парфюмерии проявляется здесь особенно наглядно. Эта душистая вода на основе розмарина широко использовалась как средство туалета и при этом наделялась удивительными профилактическими и целебными свойствами. По легенде, когда семидесятидвухлетняя королева Венгрии излечилась с ее помощью от всех немощей, вернула себе красоту и здоровье и была просватана за польского короля. Бленьи оглашает внушительный перечень целебных свойств этого состава, предназначенного как для наружного, так и для внутреннего применения:

- если смочить им затылок, виски и запястья, то он восстанавливает испарившиеся телесные духи, прочищает застойные нервы, улучшает память, придает рассудительности, силы и веселья, бодрит чувства;
- один лишь его запах излечивает головную боль и «пары»;
- если вложить в уши ватку, пропитанную им, это избавит от мокроты и шума в ушах;
- если нанести его на живот, это облегчит почти все брюшные боли;

* Антуан д'Акен (1620–1696) – первый медик Людовика XIV с 1672 по 1693 г. Выступал против использования хины, ставшей модным средством в 1680-х гг. Современники считали его неловкость одной из причин смерти королевы Марии-Терезии, супруги Людовика XIV (1683).

- если нанести его на веки, это укрепит зрение;
- если омыть им все тело, это великолепно поможет при апоплексии, параличе, подагре и ревматизмах.

«Вода королевы Венгерской» помогает также при опухолях, ушибах и ожогах. Одно время ею очень часто пользуется госпожа де Севинье*. А госпожа де Ментенон** настолько уверовала в благодетельные качества «Воды», что рекомендовала маленьким пансионеркам Сен-Сира*** регулярно использовать ее для защиты от дурного воздуха.

Врачи единодушно уделяют столь важное место ароматам, духам и благовонным испарениям, поскольку убеждены в их удивительном свойстве: запахи как ничто иное способны обволакивать человека и проникать в глубину его тела. Когда в 1686 г. у Людовика XIV развивается опухоль, Антуан д'Акен лечит его душистым пластырем, куда, помимо прочих ингредиентов, входят галбанум, опопонакс, мирра, олибан и мастика. Как и все врачи того времени, первый придворный медик его величества считает, что жизненные силы этих пахучих благовоний могут, проникнув внутрь тела, исцелить от опухоли. По замечанию эпистемолога Франсуа Дагонье, «глубинная философия»⁴ отнюдь не чужда древним фармакологическим рецептам.

Эта вера в действенность душистых, легких, воздушных эманаций, безусловно, способствовала распростране-

* Мари де Рабютен-Шанталь, маркиза де Севинье (1626–1696): ее письма к дочери, содержащие большое количество бытовых деталей, в основном относятся к 1670-м гг.

** Франсуаза д'Обинье, маркиза де Ментенон (1635–1719) – воспитательница незаконнорожденных детей Людовика XIV и маркизы де Монтеспан, со временем занявшая место последней. По-видимому, с 1684 г. – морганатическая супруга Людовика.

*** Сен-Сир – женское учебное заведение, основанное в 1686 г. госпожой де Ментенон. Для его воспитанниц написаны две «библейские» пьесы Расина – «Эсфирь» и «Гофолия».

⁴ *Dagognet F. La raison et les remèdes. Essai sur l'imaginaire et le réel dans la thérapeutique contemporaine. P.: PUF, 1952. P. 76.*

нию ароматических составов и их разнообразному применению. Когда один из придворных медиков Людовика XIV создает распылитель для благовоний, он спешит подчеркнуть терапевтическое значение своего изобретения. Благодаря этому небольшому прибору, именуемому «королевской курильницей», уверяет он, душистые составы будут проникать непосредственно в легкие, сердце и кровеносные сосуды, полностью сохраняя все свои целебные свойства.

Об этой общности медицины и парфюмерии свидетельствует и множество иных, не столь многофункциональных продуктов. Например, «кюкюфы», лечебные колпаки, начиненные, в зависимости от финансовых возможностей владельца, либо благовониями, камедью и древесной смолой, либо мускусом и амброй. Их носят как ночью, так и днем, надевая под шляпу: похоже, они весьма полезны старикам, чувствительным к холоду и страдающим от головокружений, катаров, провалов памяти «и других старческих немощей»⁵. Существуют также косметические ткани и платки. Венерин платок – это кусок полотна, вымоченный на протяжении многих дней в ароматических составах; высушенный, он используется для сухого умывания лица. По тому же принципу изготавливаются ночные чепцы и повязки, предохраняющие от морщин.

В ароматических составах вымачивают и белье, используемое в чисто медицинских целях. Упомяну лишь несколько подобных приспособлений, где благовония применяются для точечной профилактики. Это и «бодрящие повязки», которые защищают лицо врача у изголовья больного чумой, и «защитные рубашки», специально ароматизированные для работы в госпитале и призванные оберегать от опасных испарений, которые исходят от

⁵ *Ettmuller M. Méthode de consulter et de prescrire les formules de médecine. Lyon: Thomas Amaulry, 1698. P. 385 (изд. посмертно).*

зачумленных. Для последних предназначены пропитанные благовониями саваны. Все эти средства должны воспрепятствовать распространению чумного духа, «нейтрализуя» его хорошими запахами.

Подобная логика, равно характерная для медицинского и для парфюмерного искусства, просматривается и в использовании животных и минеральных веществ, добавляемых к благовониям для усиления их действия. Стремясь повысить эффективность ароматических составов, врачи и фармацевты без колебаний прибегают к субстанциям животного и минерального происхождения. В 1655 г. Валло* изготавливает для Людовика XIV мазь, в состав которой входят перуанский бальзам, муравьиная эссенция и раковый спирт. Два последних компонента, весьма сложные в изготовлении, добавлены отнюдь не случайно, но в соответствии с определенной логикой. Лечение запахами и косметические приемы прошлого вполне «рациональны». Когда в ароматические составы добавляют легкое лисицы, волчью печень, медвежий жир, скорпионов, измельченных мокриц, белое мясо кита, пепел саламандры, масло из земляных червей, олений рог, золото, серебро или жемчуг либо даже кровь, мочу и экскременты, то делается это для усиления их лечебных свойств. Считается, что они впитывают силу других ингредиентов и переносят их внутрь организма, охваченного недугом или подвергающегося опасности. Например, добавление мяса гадюки в знаменитый териак должно сообщить этому сложному ароматическому составу свойства противоядия.

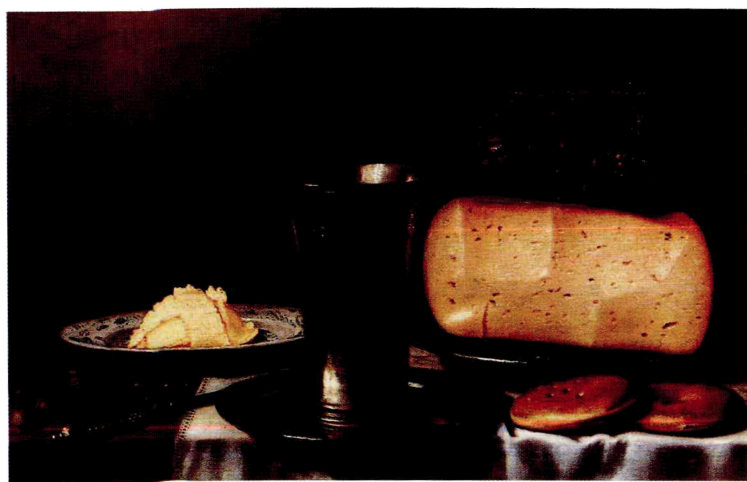
Другой пример – собачатина, которая входит в состав и мази против веснушек, и ароматического средства против ревматизма, именуемого «маслом рыжей собаки» и включающего шафран, алтей и зверобой.

* Валло – первый медик короля вплоть до 1671 г.

*Иллюстрация к статье О. Вайнштейн
«Историческая ароматика: одеколон и пачули»*

Поясное украшение, конец XIX — начало XX в.
Третья подвеска слева предназначена для духов

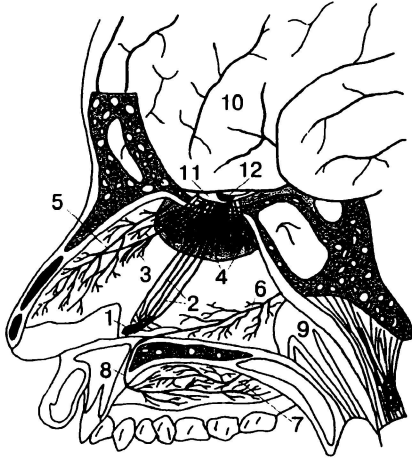

Вверху: Франсиско де Сурбаран. Натюрморт с лимонами, апельсинами и розой (фрагмент), 1633. Музей Саймона Нортон (Пасадена, Калифорния)

Внизу: Флорис Герритс ван Скоотен. Натюрморт со стаканом, сыром, маслом и выпечкой. Ок. 1640

Шарлотта и Генрих Брокар, 1864

Вид головы человека изнутри
 на уровне перегородки носа (схема)

1) вомероназальный орган; 2) волокна вомероназального и терминального нерва; 3) передняя ветвь терминального нерва; 4) волокна обонятельного нерва; 5-7) ветви тройничного нерва; 8) носонебный канал; 9) хоана (отверстие, соединяющее полость носа с носоглоткой); 10) передний мозг; 11) основная обонятельная луковица; 12) добавочная обонятельная луковица. Лиловым цветом выделена та часть носовой перегородки, где расположены чувствительные клетки, воспринимающие запахи (основной орган обоняния)

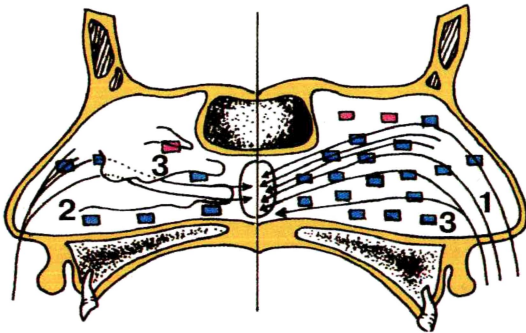
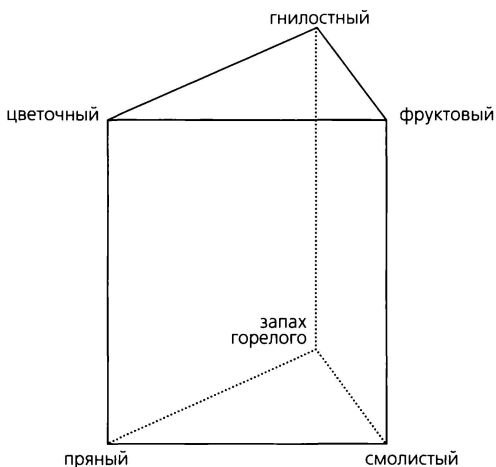

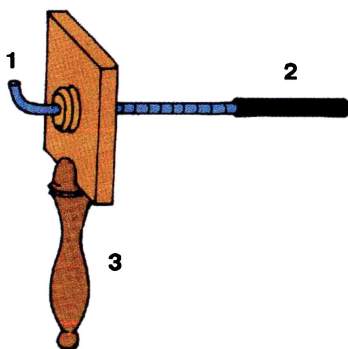
Схема опыта Паульсена (Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1882). Голова человека разрезана через полость носа (во время опыта половинки складывались вместе)

1) носовая перегородка; 2) боковая стенка носового хода с выступами носовых раковин; 3) кусочки лакмусовой бумаги, изменяющие цвет под действием паров аммиака. Аммиак попадает в нос с потоками воздуха (показаны черными стрелками), подобными тем, которые образуются при естественном дыхании. Розовые (не изменившие цвет) прямоугольники указывают места, недоступные для запаха, соответствующие зонам чувствительных клеток основного органа обоняния

Обонятельная призма Хеннинга (Der Geruch, Leipzig, 1916)

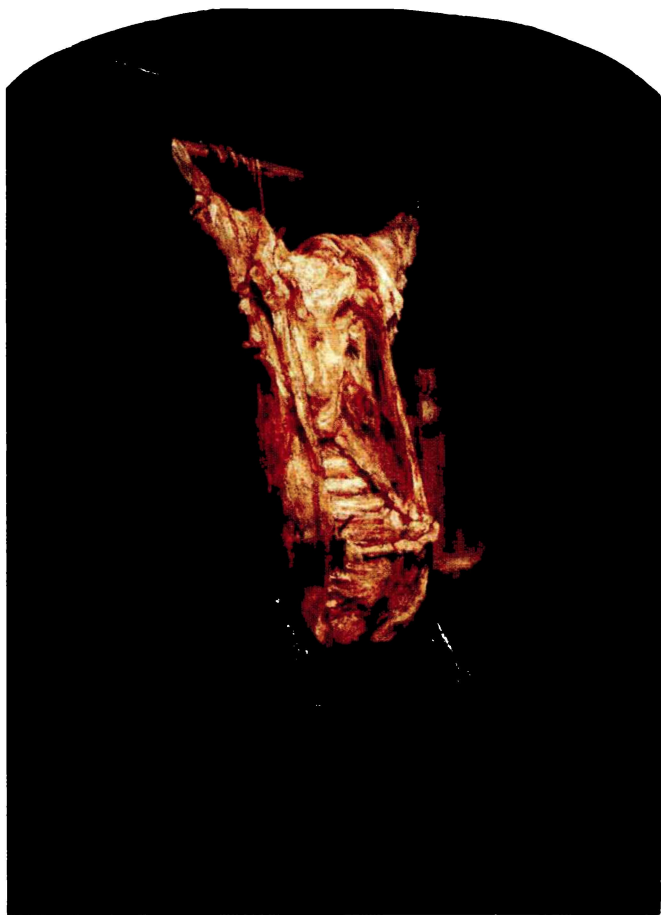
Ее создатель полагал, что в углах призмы размещены все основные (базовые) запахи, а остальные ароматы могут быть более или менее точно локализованы на сторонах или гранях призмы

Первый в истории науки прибор для изучения обонятельной чувствительности — ольфактометр, изобретенный Гендриком Цваардемакером (British Medical Journal, 1888)

- 1) стеклянная трубка, свободный конец которой вводится в ноздрю;
- 2) резиновая трубка, пропитанная изнутри пахучим веществом;
- 3) деревянная ручка держателя

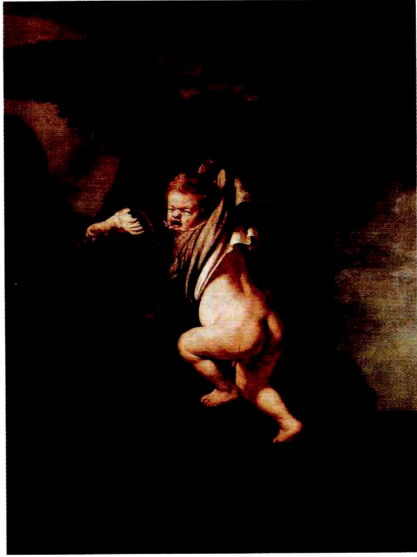

Рембрандт. Освеженный бык, 1655. Лувр, Париж

На соседней странице сверху: Рембрандт.
Похищение Ганимеда, 1635. Дрезденская картинная галерея

Внизу: Рембрандт. Купающаяся женщина, 1654.
Лондонская национальная галерея

Однако введение животных или минеральных ингредиентов не должно заслонять того факта, что и в лекарственных, и в косметических составах важен прежде всего запах. Как утверждал один из медиков Людовика XIV, аббат Руссо: «Все действие лекарства состоит в передаче им <...> определенного запаха»⁶. Это относится и к целебным составам, включающим вещества животного или человеческого происхождения с тошнотворным духом. Таково, например, «универсальное средство», рекомендуемое аббатом Руссо. Несмотря на такие компоненты, как яички, половой орган и почки оленя, человеческие экскременты, моча и кровь, этот бальзам должен обладать приятным ароматом.

Теми же предписаниями диктуется и выбор весьма мрачного лекарственного материала, высоко ценимого в эту эпоху, мумие; обращение к нему — это доведенная до пароксизма попытка усилить жизненную энергию ароматов. Аббат Руссо прямо говорит об этом: «Поскольку человек — повелитель всех тварей, то ни одно животное по своим целебным свойствам не может сравниться с человеческим телом»⁷.

Считалось, что это древнее средство пришло из Египта: расхитители гробниц собирали в саркофагах фараонов пахучую жидкость, по консистенции напоминающую мед. Однако повальное увлечение мумие вкупе с жадной наживы очень быстро привели к распространению более чем сомнительных составов, которые уже в XVI веке клеймил великий хирург Амбруаз Паре*. Но поскольку поклонников этого средства не могли переубедить

⁶ *Rousseau H. Préservatifs et remèdes universels tirés des animaux, des végétaux et des minéraux. P., 1706. P. 107.*

⁷ *Ibid. P. 107.*

* Амбруаз Паре (ок. 1509–1590) — известный хирург, близкий ко двору последних Валуа (Генриха II, Франциска II, Карла IX и Генриха III). Известен своими трудами о кровообращении.

никакие предупреждения, медики принялись за создание современных составов, которые бы обеспечивали больных качественным мумие. В XVII веке, когда увлечение мумие достигло своего апогея, одним из самых удачных рецептов его изготовления считался рецепт Кроллиуса. Действие входящих в него благовоний многократно усилено за счет ингредиента, максимально близкого к жизни, — тела молодого человека, умершего насильственной смертью. Согласно Кроллиусу, необходимо обзавестись трупом казненного преступника — молодого и желательного рыжего, поскольку рыжина есть символ жизненной силы. Затем отделить мясистые части, вытопить жир, хорошо промыть винным спиртом и держать под солнечными и лунными лучами два дня и две ночи, чтобы очистить содержащиеся в плоти жизненные принципы. Далее натереть их миррой, шафраном и алоэ и, наконец, подвесить над огнем, «как это делают с бычьими языками и свиными окороками, которые подвешивают над очагом, чтобы они приобрели восхитительный аромат»⁸.

Запах — «душа лекарства»⁹. Медики эпохи настолько в этом убеждены, что Фуркруа*, член Королевского медицинского общества, профессор химии Королевского ботанического сада, незадолго до Революции разрабатывает классификацию лекарственных средств, основанную на их запахах. Его номенклатура состоит из семи классов. Она содержит прежде всего амброзийные средства, которые благодаря сильному и очень действенному аромату стимулируют нервы и сердце. Подобным эффектом обладают серая амбра, мускус, циветта и сандаловое дерево.

⁸ См.: *Pénicher L. Traité des embaumements selon les Anciens et les Modernes avec une description de quelques compositions balsamiques et odorantes.* Paris: Girin, 1699. P. 253.

⁹ *Dagognet F.* Op. cit. P. 86–87.

* Антуан Франсуа, граф де Фуркруа (1755–1809) — политический деятель, химик и натуралист.

Есть и такие благовонные лекарства, как лилия, жасмин, тубероза, шафран, чей стимулирующий эффект проявляется еще быстрее. Ароматических лекарств очень много, и их свойства весьма разнообразны. Растения с терпким запахом — чеснок, лук-порей, галбанум, опопонакс — провозглашаются действенным защитным средством от чумы.

Многообразные достоинства, которые приписывали запахам медики, фармацевты и парфюмеры, естественно, поощряли неумеренное использование духов при версальском дворе. Для Людовика XIV это пристрастие в конце концов обернулось аллергией. Но прежде король лично наблюдал за изготовлением предназначенных для него благовоний, которым занимался знаменитый парфюмер Марсиаль. В XVIII веке, когда вода постепенно вновь начнет применяться при туалете, это не нанесет духам никакого ущерба: они широко используются для ароматизации ванны. И хотя при Людовике XV в версальском замке появляется несколько ванных комнат, это не отменяет широкого использования душистых смесей, ценимых за очищающий, предохраняющий и терапевтический эффект.

Решительный перелом происходит во второй половине XVIII века. Развитие химии мало-помалу заставляет усомниться в профилактической действенности ароматов, тогда как усовершенствование дистилляционных процессов позволяет создавать все более тонкие благовония. Все это ведет к обособлению парфюмерии, которая, отдаляясь от медицины и фармацевтики, обретает новый размах. В эпоху торжества сенсуалистской философии парфюмеры стремятся прежде всего потакать чувству обоняния, мало заботясь о том, чтобы защищать или исцелять от недугов. Этот разрыв с прошлым настойчиво подчеркивается в «Трактате о запахах» (1777) Антуана Дежана, парфюмера и специалиста по дистилляции: он сразу заявляет, что намерен вести речь только о благо-

ЗАПАХИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

вониях и стремится угодить лишь здоровым людям. Больные же, нуждающиеся в целительных ароматах, найдут их в трудах медиков и фармацевтов. Постепенно сходит на нет и использование целого ряда веществ животного и минерального происхождения, которые ранее добавлялись к благовониям для усиления их действия. Парфюмеры перестают упоминать и о профилактических и терапевтических достоинствах таких популярных прежде составов, как «Вода королевы Венгерской». Жан-Луи Фаржон, бывший парфюмер Марии-Антуанетты, а затем штатный парфюмер Наполеона, в своем знаменитом трактате «Искусство парфюмера» (1809) почти не упоминает о традиционных способах применения ароматических составов в терапии и профилактике.

Но хотя наступление рационализма лишило благовония былого значения, многовековая память об их сверхъестественных способностях жива и у современных парфюмеров. Нередко о былом «могуществе» напоминают названия духов: «Тайна» («Mystère») от Rochas, «Черная магия» («Magie noire») от Lancôme, «Чародейство» («Sortilège») от Le Galion. Так что, когда кутюрье Кристиан Лакруа выпускает духи «Жизнь» («La vie»), а Кларенс восхваляет достоинства своей туалетной «Живительной воды» («Eau dynamisante»), мы можем констатировать, что старинная вера в действенность ароматов по-прежнему остается частью нашей системы ольфакторных ценностей.

Перевод М. Неклюдовой

Этьен Бонно Кондильяк
ТРАКТАТ ОБ ОЩУЩЕНИЯХ*
(ФРАГМЕНТЫ)

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ОБ ОЩУЩЕНИЯХ, КОТОРЫЕ НЕ СПОСОБНЫ САМИ ПО СЕБЕ СУДИТЬ
О ВНЕШНИХ ПРЕДМЕТАХ

Глава I

О первых познаниях человека, обладающего только ощущениями обоняния

§ 1. *Статуя, ограниченная чувством обоняния, может познавать лишь запахи*

Познания нашей статуи, ограниченной ощущением обоняния, распространяются только на запахи. Она так же мало способна обладать идеями протяженности, фигуры или чего бы то ни было, находящегося вне ее или вне ее ощущений, как идеями света, звука, вкуса.

§ 2. *По отношению к себе самой она не что иное, как запахи, которые она ощущает*

Если мы преподнесем ей розу, то по отношению к нам она будет статуей, ощущающей розу. Но по отношению к себе она будет просто самим запахом этого цветка.

Таким образом, она будет запахом розы, гвоздики, жасмина, фиалки в зависимости от предметов, которые станут действовать на ее орган обоняния. Одним словом, запахи в этом отношении представляют собой лишь ее

* Кондильяк Э.Б. Трактат об ощущениях // Кондильяк Э.Б. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1982. Т. 2. С. 195–201, 210–212, 215–216, 218–221.

собственные модификации (modifications) или состояния (manières d'être), и она не сможет считать себя чем-либо иным, ибо это единственные ощущения, к которым она способна.

§ 3. *У нее нет никакой идеи материи*

Пусть философы, считающие столь очевидной истину, будто все материально, станут на минуту на ее место, и пусть они подумают, как они могли бы предположить, что существует нечто похожее на то, что мы называем *материей*.

§ 4. *Нельзя быть ограниченным в своих познаниях*

Таким образом, мы уже можем убедиться в том, что достаточно было бы увеличить или сократить число чувств, чтобы заставить нас высказывать суждения, совершенно отличные от тех, которые нам привычны; и наша статуя, ограниченная обонянием, может дать нам представление о классе существ, познания которого наименее обширны.

Глава II

Об операциях разума у человека, обладающего лишь обонянием, и о том, как различные степени удовольствия и страдания оказываются причиной этих операций

§ 1. *Статуя способна к вниманию*

При первом же ощущении запаха способность ощущения нашей статуи целиком находится под впечатлением, испытываемым ее органом чувства. Это я называю вниманием.

§ 2. *К наслаждению и страданию*

С этого момента она начинает наслаждаться или страдать; действительно, если способность ощущения целиком поглощена приятным запахом, то мы испытываем наслаждение; если же она целиком поглощена неприятным запахом, мы испытываем страдание.

§ 3. *Но не способна иметь желания*

Но у нашей статуи нет еще никакого представления о различных изменениях, которые она может испытать. Поэтому она чувствует себя хорошо, не желая ничего лучшего, или чувствует себя плохо, не желая чувствовать себя хорошо. Страдание не может заставить ее желать блага, которого она не знает, точно так же как наслаждение не может заставить ее бояться неприятностей, которые ей также незнакомы. Следовательно, как бы неприятно ни было первое ощущение, даже если бы оно вызывало острое страдание в органе обоняния, оно не может породить желания.

Если у нас страдание всегда сопровождается желанием не страдать, то о статуе мы этого не можем сказать. Страдание вызывает в нас это желание лишь потому, что указанное состояние нам уже известно. Усвоенная нами привычка рассматривать страдание как то, без чего мы существовали и без чего мы можем существовать, является причиной того, что мы не способны страдать, не испытывая тотчас же желания не страдать, и это желание неотделимо от связанного со страданием состояния.

Но статуя, которая в первый момент ощущает себя лишь благодаря испытываемому ею страданию, не знает, что она может перестать страдать, чтобы стать чем-то другим или вообще не существовать. У нее нет еще никакого представления об изменении, последовательности, длительности. Таким образом, она существует, не будучи в состоянии испытывать желания.

§ 4. *Удовольствие и страдание как причина ее операций*

Когда она заметит, что может перестать быть тем, что она есть, чтобы снова стать тем, чем она была раньше, то из состояния страдания, которое она станет сравнивать с состоянием удовольствия, воспроизведенным ее

памятью, у нее зародятся желания. Такова та уловка, благодаря которой удовольствие и страдание становятся единственной причиной, обуславливающей операции ее души и постепенно подготавливающей ее ко всем тем познаниям, к которым она способна; чтобы раскрыть предстоящее ей дальнейшее развитие, достаточно будет наблюдать удовольствия, которых она сможет пожелать, страдания, которых она должна будет бояться, и, соответственно, влияние тех и других.

§ 5. *Насколько была бы ограничена статуя, если бы она не имела памяти*

Если бы у статуи не оставалось никакого воспоминания об испытанных ею модификациях, то каждый раз она думала бы, что ощущает впервые; целые годы терялись бы в каждом данном мгновении. Так как ее внимание было бы всегда ограничено одним-единственным состоянием, она никогда не могла бы сравнить между собой два таких состояния и судить об отношениях между ними. Она наслаждалась бы или страдала, не испытывая еще ни желания, ни страха.

§ 6. *Зарождение памяти*

Но ощущаемый ею запах не исчезает полностью после того, как издающее запах тело перестает действовать на ее орган обоняния. Внимание, которое она обратила на него, удерживает его, и оно оставляет более или менее сильное впечатление в зависимости от степени сосредоточенности самого внимания. В этом заключается память.

§ 7. *Распределение способности ощущения между обонянием и памятью*

Когда наша статуя становится новым запахом, она еще продолжает обладать тем запахом, которым она была в предыдущее мгновение. Ее способность ощущения разделяется между памятью и обонянием: первая из этих способностей обращена к прошедшему ощущению, а вторая — к ощущению, имеющемуся налицо.

§ 8. *Таким образом, память есть лишь особая разновидность ощущения*

Таким образом, у статуи имеются два способа ощущения, отличающиеся лишь тем, что один из них относится к имеющемуся налицо ощущению, а другой — к ощущению, которого больше нет, но впечатление от которого еще продолжается. Поскольку статуя не знает, что существуют предметы, действующие на нее, не знает даже, что она обладает некоторым органом чувств, то различие между воспоминанием о каком-то ощущении и ощущением, имеющимся налицо, есть для нее обыкновенно лишь различие между слабым ощущением того, чем она была, и ярким ощущением того, чем она является теперь.

§ 9. *Переживание воспоминания может быть более ярким, чем переживание ощущения*

Я говорю «обыкновенно», ибо воспоминание не всегда бывает слабым переживанием, а ощущение — ярким переживанием. Действительно, всякий раз, когда память рисует статуе ее прежние состояния с большой силой, а орган чувства, наоборот, испытывает слабые впечатления, переживание имеющегося налицо ощущения будет гораздо менее ярким, чем воспоминание об ощущении, которого больше нет.

§ 10. *Статуя различает в себе последовательность*

Таким образом, в то время как один запах представлен в обонянии благодаря воздействию некоторого издающего запах тела на орган обоняния, другой запах находится в памяти, ибо впечатление от другого пахучего тела существует в мозгу, куда оно передано органом обоняния. Переживая эти состояния, статуя чувствует, что она уже не то, чем она была; познание этого изменения заставляет ее относить первое состояние к моменту, отличному от того, когда она испытала второе состояние; и это заставляет ее проводить различие между тем, чтобы существо-

вать определенным образом, и тем, чтобы вспоминать, что она существовала раньше другим образом.

§ 11. *Каким образом статуя бывает активной и пассивной*

Статуя активна по отношению к одному из своих способов ощущать и пассивна по отношению к другому. Она активна, когда вспоминает о каком-нибудь ощущении, потому что причина, напоминающая ей об этом, именно память, заключается в ней. Она пассивна в тот момент, когда она испытывает какое-либо ощущение, ибо вызывающая его причина находится вне ее, именно в издающих запах телах, действующих на ее орган обоняния*.

§ 12. *Статуя не может провести различия между этими двумя состояниями*

Но статуя, не будучи в состоянии догадаться о действии на нее внешних предметов, не может провести различия между причиной, находящейся в ней, и причиной, находящейся вне ее. Все ее модификации по отношению к ней таковы, как если бы она была обязана ими себе самой, и независимо от того, испытывает ли она некоторое ощущение или только вспоминает его, она никогда не замечает ничего другого, кроме того, что она находится или находилась раньше в таком-то состоянии. Следовательно, она не способна заметить никакого различия между состоянием, когда она активна, и состоянием, когда она совершенно пассивна.

* В нас находится причина (principe) наших действий, которую мы ощущаем, но которой мы не можем определить; ее называют *силой*. Мы одинаково активны по отношению ко всему, что эта сила производит в нас или вне нас. Мы активны, например, когда мы размышляем или приводим в движение какое-нибудь тело. По аналогии мы приписываем всем предметам, вызывающим какое-либо изменение, некоторую силу, которую мы знаем еще меньше; мы пассивны по отношению к впечатлениям, производимым на нас этими телами. Таким образом, существо активно или пассивно в зависимости от того, находится ли причина произведенного действия в нем или вне его.

§ 13. *Память становится для нее привычкой*

Однако чем чаще станет упражняться память, тем легче она будет действовать. Благодаря этому статуя приобретает привычку вспоминать без труда изменения, которые она испытала, и делить свое внимание между тем, что она есть, и тем, чем она была. Действительно, привычка есть не что иное, как способность легко повторять то, что делаешь, а легкость эта приобретается благодаря повторным действиям*.

§ 14. *Она сравнивает*

Если, испытав несколько раз запахи розы и гвоздики, она почувствует еще раз запах розы, то пассивное внимание, вызываемое обонянием, целиком будет обращено к имеющемуся в данный момент налицо запаху розы, а активное внимание, вызываемое памятью, будет распределено между воспоминаниями о запахах розы и гвоздики. Но различные состояния статуи не способны делить между собой способность ощущения, не становясь предметом сравнения. Действительно, сравнивать — значит не что иное, как уделять одновременно все свое внимание двум идеям.

§ 15. *Судит*

Если есть сравнение, то имеется и суждение. Наша статуя не может одновременно проявлять внимание к запаху розы и к запаху гвоздики, не замечая, что первый не есть второй, и она не может обнаруживать внимание к запаху розы, который она чувствует в данный момент, и запаху розы, который она чувствовала раньше, не замечая, что они представляют одну и ту же ее модификацию. Таким образом, суждение есть не что иное, как восприятие отношения между двумя сравниваемыми идеями.

* В данном случае, равно как и на протяжении всего предлагаемого труда, я говорю лишь о привычках, приобретаемых естественным образом; в сверхъестественном порядке все подчинено другим законам.

§ 16. *Эти операции становятся привычкой*

Чем чаще повторяются сравнения и суждения, тем легче начинает производить их наша статуя. Она приобретает таким образом привычку сравнивать и судить. Поэтому достаточно будет дать ей почувствовать другие запахи, чтобы заставить ее делать новые сравнения, выносить новые суждения и приобретать новые привычки.

§ 17. *Она становится способной к удивлению*

Она не испытывает удивления при первом переживаемом ею ощущении, ибо она еще не привыкла ни к какому суждению.

Точно так же она не испытывает удивления, когда, ощущая последовательно несколько запахов, она переживает каждый из них лишь одно мгновение. В этом случае она не останавливается ни на одном из произносимых ею суждений, и чем более она изменяется, тем более она должна себя чувствовать склонной к изменению.

Она не испытывает также удивления, если путем незаметных переходов мы приведем ее от привычки считать себя некоторым определенным запахом к суждению, что она есть другой запах, ибо в этом случае она изменяется, не замечая этого.

Но она не преминет испытать удивление, если внезапно перейдет от состояния, к которому она привыкла, к совершенно отличному состоянию, о котором она еще не имела идеи.

§ 18. *Это удивление придает больше активности операциям души*

Это удивление заставляет ее сильнее почувствовать разницу между ее состояниями. Чем более резок переход от одних к другим, тем больше ее удивление и тем больше ее поражает контраст между сопровождающими их удовольствиями и страданиями. Если ее внимание детерминировано удовольствиями и страданиями, которые чувствуются сильнее, то оно устремляется с большей энер-

гией на все ощущения, последовательно сменяющие друг друга. Она тщательнее сравнивает их и поэтому лучше судит об отношениях между ними. Таким образом, удивление усиливает активность операций ее души. Но так как оно усиливает ее лишь благодаря тому, что делает более заметной противоположность между приятным и неприятным ощущениями, то первоисточником способностей статуи всегда оказываются удовольствие и страдание.

§ 19. *Идеи, сохраняющиеся в памяти*

Если все запахи одинаково привлекают ее внимание, то они сохранятся в ее памяти в соответствии с тем порядком, в котором они сменяли друг друга, и благодаря этому окажутся связанными между собой.

Если ряд их очень велик, то впечатление от последних, как более свежее, окажется более сильным, а впечатление от первых незаметно ослабнет и под конец совсем исчезнет; все будет иметь такой вид, как если бы их вовсе не было.

Но те запахи, которые привлекли к себе лишь слабое внимание, не оставят после себя никакого следа и тотчас же будут забыты.

Наконец, те запахи, которые произведут особенно сильное впечатление на статую, всплывут в ее памяти с большей яркостью и поглотят ее настолько, что смогут заставить ее забыть другие ощущения.

§ 20. *Связь этих идей*

Таким образом, память — это ряд идей, образующих как бы некоторую цепь. Эта связь дает возможность переходить от одной идеи к другой и вспоминать самые отдаленные из них. Следовательно, мы вспоминаем о какой-нибудь идее, которую имели когда-то раньше, лишь потому, что все пробегаем с большей или меньшей быстротой весь ряд промежуточных идей.

<...>

§ 41. *Как укрепляются ее привычки*

Но мы в состоянии заставить упражняться ее память и все прочие способности. Для этого достаточно заинтересовать ее посредством различных степеней удовольствия или страдания в том, чтобы сохранить те или иные свои состояния или избавиться от них. Поэтому искусство, с каким мы станем регулировать ее ощущения, дает возможность укреплять и все более расширять ее привычки. Можно даже предположить, что она сумеет найти в ряду запахов такие различия, которые ускользают от нас. Между тем, вынужденная прилагать все свои способности только к одному виду ощущений, разве она не сумеет обнаружить более тонкую способность различения, чем мы?

§ 42. *Каковы границы ее способности различения*

Однако отношения, которые могут быть открыты посредством суждений, весьма немногочисленны. Она способна знать только, что какое-либо ее состояние тождественно состоянию, которое она пережила раньше, или отличается от него, что одно состояние приятно, а другое неприятно, что они более или менее приятны или неприятны.

Но сумеет ли она различить несколько запахов, ощущаемых одновременно? Даже мы приобретаем такую способность различения лишь в результате частых упражнений, да и то она заключена в довольно тесных границах; действительно, не найдется человека, который мог бы узнать по запаху содержимое какого-нибудь саше с духами. А всякая смесь духов должна, по моему мнению, быть таким саше для нашей статуи.

Только знакомство с издающими запах телами научило нас, как мы покажем в другом месте, распознавать два запаха в одном. Понюхав по очереди розу и нарцисс, мы затем имели возможность понюхать их одновременно. Благодаря этому мы узнали, что ощущение, которое у нас вызывают оба этих цветка вместе, состоит из двух других

ощущений. Если взять множество запахов, то мы различим в них только доминирующие, и мы даже не сумеем различить их, если запахи смешаны так искусно, что ни один из них не преобладает над другими. В этом случае они как бы сливаются воедино, подобно растертым вместе краскам; они соединяются между собой и смешиваются так основательно, что ни один из них не остается тем, чем он был раньше, и из нескольких запахов получается только один.

Таким образом, если наша статуя в первый момент своего существования ощущает два запаха, то она не будет думать, что ощущает одновременно два состояния. Но допустим, что, испытав их первоначально порознь, она затем станет ощущать их вместе, — узнает ли она их? Это кажется мне маловероятным. Действительно, так как она не знает, что получает их от двух различных тел, ничто не может заставить ее предположить, что испытываемое ею ощущение состоит из двух других ощущений.

В самом деле, если ни одно из этих ощущений не сильнее другого, то даже для нас они сольются; если же одно слабее, то оно лишь слегка изменит более сильное ощущение, и, взятые вместе, они будут казаться какой-то простой модификацией. Чтобы убедиться в этом, было бы достаточно ощутить запахи, которые мы не привыкли относить к различным телам; я убежден, что в этом случае мы не решились бы утверждать определенно, имеем ли мы дело с одним запахом или с несколькими. Но именно в таком положении находится наша статуя.

Таким образом, она приобретает способность различения лишь благодаря вниманию, направляемому одновременно на некоторое состояние, которое она испытывает в данный момент, и другое состояние, которое она испытала ранее. Следовательно, ее суждения не относятся к двум запахам, ощущаемым одновременно; их предметом являются лишь следующие друг за другом ощущения.

<...>

Глава IV

Об идеях человека, обладающего только обонянием

<...>

§ 3. Запах является для статуи лишь частной идеей

Нюхая последовательно несколько цветков одного и того же вида, статуя будет испытывать всегда одно и то же состояние, и это вызовет у нее лишь частную идею. Так, например, запах фиалки не сможет стать для нее абстрактной идеей, общей многим цветкам, ибо она не знает, что существуют фиалки. Таким образом, ей свойственна лишь частная идея некоторого состояния. Следовательно, все ее абстракции ограничиваются более или менее приятными либо более или менее неприятными состояниями.

<...>

§ 9. Она обладает некоторой идеей возможного

Так как у нас есть привычка быть каким-то запахом, перестать им быть и снова стать тем же самым запахом, то тогда, когда она не будет этим запахом, она будет считать, что может быть им, а когда она им будет, то сочтет, что может не быть им. Таким образом, она сможет рассматривать свои состояния как могущее существовать или не существовать. Но это понятие возможного не включает в себе знания причин, способных вызвать некоторое действие; наоборот, оно предполагает незнание их и основывается лишь на некотором привычном суждении. Когда, например, статуя думает, что она может перестать быть запахом розы и стать запахом фиалки, она не знает, что ее ощущение целиком зависит от некоторого внешнего объекта. Для того чтобы ее суждение оказалось ошибочным, нам достаточно предположить, что мы заставили ее непрерывно ощущать один и тот же запах. Правда, иногда ее воображение может помочь ей, но лишь в тех случаях, когда ее желание очень сильно, да и тогда это желание не всегда увенчается успехом.

<...>

§ 11. *Она обладает идеей прошедшей длительности*

В результате различения запахов у нее возникает идея последовательности. Действительно, она не может чувствовать, что она перестала быть тем, чем она была, не представляя себе в этом изменении длительности, состоящей из двух моментов.

Так как она может охватить отчетливым образом не более трех запахов, то в своей длительности она сможет различить не более трех моментов. За этим для нее будет существовать некоторая неопределенная последовательность.

Если предположить, что она может отчетливо вспомнить до четырех, пяти, шести состояний, то она сможет различать в своей длительности четыре, пять, шесть моментов. Каждый может выдвинуть по этому поводу свои гипотезы и заменить ими те, которые предпочитаю я.

§ 12. *Будущей длительности*

Переход от одного запаха к другому вызывает у нашей статуи лишь идею прошлого. Чтобы иметь идею будущего, она должна была бы испытать несколько раз один и тот же ряд ощущений и приобрести привычку думать, что после некоторого состояния должно следовать другое состояние.

Возьмем, например, такой ряд: нарцисс, роза, фиалка. Если эти запахи связаны между собой постоянно в таком порядке, то лишь только один из них станет действовать на орган чувства статуи, как тотчас же память напомнит ей другие запахи в том порядке, в котором они находятся по отношению к воспринимаемому запаху. Подобно тому как в случае запаха фиалки два других запаха всплывут в памяти как предшествовавшие ему и статуя представит себе прошлую длительность, так в случае запаха нарцисса запахи розы и фиалки всплывут в памяти как те, которые должны следовать за ним, и статуя представит себе будущую длительность.

§ 13. *Неопределенной длительности*

Итак, запахи нарцисса, розы и фиалки могут служить знаками трех моментов, которые она отчетливо различает. Таким же образом запахи, предшествующие им, и запахи, обыкновенно следующие за ними, будут знаками тех моментов, которые она смутно различает в прошлом и будущем. Поэтому, когда она станет обонять розу, ее память отчетливо воспроизведет запах нарцисса и запах фиалки и нарисует ей картину неопределенной длительности, которая предшествовала моменту, когда она обоняла нарцисс, и неопределенной длительности, которая должна следовать за моментом, когда она будет обонять фиалку.

§ 14. *Эта длительность является для нее вечностью*

Воспринимая эту длительность как неопределенную, статуя не может различить в ней ни начала, ни конца; она даже не может заподозрить их существование. Поэтому по отношению к ней длительность эта является абсолютной вечностью, и она чувствует себя точно так, как если бы она всегда существовала и никогда не должна была бы перестать существовать.

Действительно, не размышление о последовательности наших идей приводит нас к мысли о том, что у нас было начало и что нам придет конец, а внимание, уделяемое нами существам нашего вида, рождение и смерть которых мы наблюдаем. Человек, который знал бы только свое собственное существование, не имел бы никакого представления о смерти.

§ 15. *В статуе имеются две последовательности*

Идея длительности, вызванная первоначально последовательностью впечатлений, испытываемых органом чувства, сохраняется или воспроизводится с помощью последовательности ощущений, воссоздаваемых памятью. И, таким образом, даже когда пахучие тела уже не действуют на статую, она продолжает представлять себе

настоящее, прошедшее и будущее. Настоящее — благодаря состоянию, в котором она находится; прошедшее — благодаря воспоминанию о том, чем она была; будущее — благодаря мысли о том, что, испытав несколько раз одни и те же ощущения, она может испытать их еще.

Таким образом, в нашей статуе имеются две последовательности: последовательность впечатлений, испытываемых органом чувства, и последовательность ощущений, сохраняющихся в памяти.

§ 16. *Одна из этих последовательностей служит мерой для моментов другой*

Несколько впечатлений могут сменять друг друга в органе чувства, в то время как воспоминание об одном и том же ощущении имеется в памяти, и, наоборот, несколько ощущений могут всплывать последовательно в памяти, в то время как орган чувства испытывает одно и то же впечатление. В первом случае ряд впечатлений, испытываемых обонянием, служат мерой длительности воспоминания о каком-либо ощущении; во втором — ряд ощущений, всплывающих в памяти, служат мерой длительности впечатлений, испытываемых обонянием.

Если, например, статуя, обоняя розу, вспоминает запахи туберозы, нарцисса и фиалки, то о длительности своего ощущения она судит по последовательности, всплывающей в ее памяти; а если я быстро подношу ей ряд издающих запах тел, в то время как она вспоминает запах розы, то о длительности воспоминания этого ощущения она судит по последовательности, имеющей место в органе чувства. Таким образом, она замечает, что нет ни одного ее состояния, которое не могло бы длиться. Длительность становится отношением, под углом зрения которого она рассматривает все состояния вообще, и она составляет себе о ней абстрактное понятие.

ЗАПАХИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Если, обоняя розу, она последовательно вспоминает запахи фиалки, жасмина и лаванды, то будет ощущать себя запахом розы, который длится три мгновения; а если она вспомнит ряд из двадцати запахов, то будет ощущать себя запахом розы, длящимся неопределенное время; она не будет больше считать, что когда-то она стала этим запахом; она вообразит, что является им от века.

Джон Локк

ЭЛЕМЕНТЫ НАТУРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ*
(ФРАГМЕНТ)

Обоняние – еще одно чувство, как бы приводимое в действие телами на расстоянии, хотя то, что непосредственно воздействует на орган и производит в нас ощущение запаха, – это испарение, или невидимые частицы, которые, исходя от тел на расстоянии, непосредственно воздействуют на обонятельные нервы.

Пахнущие тела как бы непрерывно расточают испарения, или пары, при этом ощущимо не истощаясь. Так, зернышко мускуса может выделять ароматные частицы десятки лет, не растрачивая себя; из этого можно заключить, что выделяемые частицы очень малы; однако совершенно очевидно, что они гораздо больше световых лучей, свободно проходящих сквозь стекло; они превышают также по размеру магнетические испарения, свободно проходящие через все тела, в то время как частицы, производящие запахи, не проникают сквозь тонкие оболочки пузыря, а многие из них – и сквозь обычную белую бумагу.

Существует великое множество запахов, хотя у нас есть для них всего лишь несколько названий: сладкий, зловонный, кислый, прогорклый и затхлый – вот почти все наименования запахов; но хотя мы и говорим одинаково, что фиалка и мускус сладко пахнут, однако запах их совершенно различен.

* Локк Д. Элементы натуральной философии // Локк Д. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 2. С. 515–516.

Ален Корбен

МИАЗМ И НАРЦИСС*

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭМАНАЦИИ

ТЕЛЕСНЫЕ ЗАПАХИ

Каждый вид животных и каждый индивидуум, утверждает в 1756 г. Витгоф, обладает собственным запахом; этой достаточно распространенной идее посвятит обширнейшие комментарии Теофиль де Борде, специалист по glandулярным системам, хорошо известный нам как персонаж «Сна Д'Аламбера» Дидро. Тем самым античная наука передает это представление по наследству просвещенной медицине конца XVIII столетия.

Виталисты в данном вопросе придерживаются трех основных положений¹, четко изложенных Борде: «Каждая органическая часть живого тела обладает собственным способом существования, действия, чувствования и движения: у каждой есть собственный вкус, строение,

* Главы из книги: *Corbin A. Le miasme et la jonquille. L'odorat et l'imaginaire social, XVIII–XIX siècles.* P.: Aubier Montaigne, 1982.

Part I. Ch. 3. Les émanations sociales. P. 41–65.

Part III. Ch. 3. Les parfums de l'intimité. P. 207–234.

Ch. 4. L'ivresse du flacon. P. 235–246.

Dénouement: Les odeurs de Paris. P. 259–266. © Aubier, 1982

¹ Де Сез уже в 1786 г. считает, что именно благодаря Борде и Лорри, равно как и Бартезу, механицизм со всеми своими пружинами, насосами и рычагами потерпел поражение (*De Sèze. Recherches physiologiques et philosophiques sur la sensibilité ou la vie animale.* P.: Prault, 1786. P. 85).

внутренняя и внешняя форма, запах, вес и манера роста»². Второй пункт: каждый орган «непременно распространяет вокруг себя, в своей *атмосфере*, в своем отсеке, некие выделения, запах, испарения, которые по характеру и свойствам от него не отличаются, а потому являются его неотъемлемой частью <...>. Печень окрашивает желчью все, что ее окружает»³, а вокруг почек мясо имеет винный запах. Наконец, гуморы, как настоящие лаборатории, постоянно несут с собой в высшей степени пахучие «эксcrementные испарения»⁴, что свидетельствует об очищении и непрерывной регенерации организма. Конечной точкой такого очищения являются различные выделения (*excreta*): зловонные испарения, продукты менструации, пот, моча и фекалии. «Сточные трубы организма всегда при деле»⁵.

Подобные идеи будут вдохновлять медицину еще более ста лет. Их подробную разработку можно обнаружить у Брёда, Вире, Ландре-Бове⁶; на них основаны труды, которые ознаменовали своим появлением золотой век офрезиологии, и прежде всего «Трактат о запахах, обонянии и его органах», опубликованный в 1821 г. доктором Ипполитом Клоке. Спустя двадцать четыре года их вновь пускает в оборот Фализ⁷, а в 1885 г. телесные запахи ста-

² *Bordeu Th.* Recherches sur les maladies chroniques. T. I. P. 378.

³ *Ibid.* P. 379.

⁴ *Ibid.* P. 383.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Brieude.* Mémoire sur les odeurs que nous exhalons, considérées comme signes de la santé et des maladies // Histoire et Mémoires de la Société Royale de médecine. 1789. T. X; *Virey J.-J.* Des odeurs que répandent les animaux vivants // Recueil périodique de la Société de Médecine de Paris. T. VIII. an VIII. P. 161 sq. à 241 sq.; *Landré-Beauvais A.-J.* Séméiotique ou traité des signes des maladies. 2-e éd. P., 1815: «О симптомах, определяемых по запахам». P. 419–432.

⁷ *Isis E., Falize Ch.* Questions sur diverses branches des sciences médicales. I: «Какова ценность симптомов, определяемых по запаху изо рта?» Thèse, P., 12 avril 1839.

новятся предметом обширного и весьма обстоятельного труда доктора Монена⁸.

Особенно четко различаются ольфакторные характеристики гуморов. По Баррюелю, кровь мужчины пахнет иначе, чем кровь женщины. А специфический запах регул, позволяющий матерям надзирать за физиологией дочерей, происходит, как утверждает тот же Борде, от «некоего сокрытого присутствия, высокого содержания в менструальных выделениях невидимых эманаций»⁹. Вопреки утверждениям гидравликов, нельзя все сводить к простому переизбытку крови: эти выделения участвуют в процессе очищения гуморов. Подобная теория дает новую силу представлениям о гнилостном влиянии менструации, из-за которого могут портиться соусы и солонина. Как показала Ивонн Вердье, в этом по сей день убеждены жители деревни Мино¹⁰.

Разлагающее действие желчи также порождает дурные запахи, а индивидуальная атмосфера женщины насыщена молочным духом. Согласно Борде, жидкость эта пребывает в состоянии непрерывных приливов и отливов. «Наши женщины потеют молоком, мочатся молоком, плюют и сморкаются молоком и испражняются им же»¹¹. Случается, что молоко затопляет матку.

Однако определяющая роль, конечно же, принадлежит сперме — «образцовой» жидкости, под которую подстраиваются все остальные гуморы¹². Жизненная эссенция по определению, семя воздействует на весь организм, его запахом отмечены животные качества человека. Со-

⁸ *Dr Monin E. Les odeurs du corps humain. P.: Doin, 1885.* В это время возникает новый интерес к осфрезиологии.

⁹ *Bordeu Th. Op. cit. P. 435.*

¹⁰ *Verdier Y. Façons de dire, façons de faire. P.: Gallimard, 1979.* См. в общности P. 20–77.

¹¹ *Bordeu Th. Op. cit. P. 411.*

¹² *Ibid. P. 414.*

гласно Витгофу, семенная жидкость «питает» мужские органы и стимулирует фибры, она производит «то зловоние, какое исходит от здоровых мужчин»¹³ и какого не бывает у евнухов. У представителей сильного пола эта *aura seminalis*¹⁴ имеет посреднические функции, обеспечивая связь между душой и телом. «Неприятный» запах волосатого самца объясняется *разлитием*, оттоком семени в кровь и во внутренние органы, и потому не должен вызывать отвращения. Брэд, кроме того, подчеркивает, что в отличие от других эманаций этот запах всегда неизменен¹⁵. Теорию, согласно которой телесные ткани пропитаны особыми запахами, поддержал всем своим научным весом Галлер¹⁶; ученые неоднократно будут возвращаться к ней на протяжении всего XIX столетия¹⁷. Семенной душок, исходящий от обреченного на воздержание священника или от школьного наставника, неопрятного холостяка, станет одним из романических лейтмотивов, и еще в 1879 г. о нем будет с негодованием писать Жюль Валлес.

Запах внутренних органов и жидкостей, в той или иной степени содержащих продукты очищения, исходит из предназначенных для их извержения органов¹⁸. Согласно Борде, число их равно семи, и все отличаются сильным запахом: это «покрытая волосами часть головы, подмышечные впадины, кишки, мочевого пузыря, семенные каналы, пах и места между пальцами ног»¹⁹. Интенсивность выделений, признак животной витальности, свидетельствует о здоровье индивидуума и всей

¹³ *Bordeu Th. Op. cit. P. 412.*

¹⁴ *Ibid. P. 413.*

¹⁵ *Brieude. Op. cit. P. LI.*

¹⁶ *Haller A. de. Éléments de physiologie. P., 1769. T. II. P. 253.*

¹⁷ Она лежит в основе упомянутого выше труда доктора Монена.

¹⁸ По мнению Аристотеля, если внутренняя жидкость недостаточно нагревается и если продукты этого процесса не выводятся из организма, то она становится причиной гниения.

¹⁹ *Bordeu Th. Op. cit. P. 469.*

расы²⁰. Таким образом, научное основание подводится под весьма древние терапевтические навыки. Издавна считалось, что средства исцеления от всех недугов, вызванных нехваткой животных сил, следует искать в хлеву, полном молодых животных. Стареющий царь Давид обретал новые силы благодаря обнаженным девушкам, делившим с ним ложе. Подобным же способом Капиваччиус излечил одного чахнувшего молодого аристократа, а Боргав — немецкого принца, страдавшего от упадка сил. Некоторые старые учителя признавали, что на них благотворно влияет дух детских тел²¹.

Подобные взгляды заставляли весьма сдержанно относиться к личной гигиене. Этнологи и историки не раз обращали внимание на то, что крестьянки крайне неохотно моют детям голову, однако не всегда учитывали, что подобные навыки связаны с медицинскими знаниями, обретенными куда позже, нежели древнее уважение к грязи. Так, медики школы Монпелье предупреждали о вреде небдуманного использования воды. Слишком частые омовения, а тем более ванны, ведут к ослаблению животных сил, а значит, и сексуальных желаний. Борде доводилось знать «духмяных» здоровяков, которых подкосила гигиена и исчезновение запаха. «Когда кожа вымыта, сильные испарения и выделения исчезают, но угасают и все характерные особенности пола»²². Кроме того, *aura seminalis* и,

²⁰ Л. Пиесс в своих заметках 1844 г. по поводу издания труда Кабаниса «Отношения физического и морального в человеке» скажет, в частности, о специфических телесных запахах: «У слабых рас или слабых индивидуумов этот запах менее заметен; им в значительной мере отмечены виды, обладающие большим запасом животных сил, равно как и тела мощные и крепкие».

²¹ *Ingenhousz J. Expériences sur végétaux, spécialement sur la propriété qu'ils possèdent à un haut degré soit d'améliorer l'air quand ils sont au soleil, soit de le corrompre la nuit ou lorsqu'ils sont à l'ombre. P., 1787. P. 151* (труд впервые опубликован в Англии в 1779 г.).

²² *Bordeu Th. Op. cit. P. XLVII.*

соответственно, сексуальная притягательность «лучше сохраняется у людей неухоженных, которые не растрачивают время и силы на мытье»²³. Борде предостерегает горожан против «роскоши чистоплотности», особенно пагубной для рожениц и «пропотеваящих» больных.

Сходные предписания фигурируют и у Брёда: в этом вопросе он придерживается традиционной точки зрения, которую, впрочем, некоторые теоретики пытаются оспорить, ссылаясь на более тонкую чувствительность²⁴ и необходимость дезодорировать общественное пространство.

Испарения и выделения, исходящие из соответствующих органов, и образуют ту самую индивидуальную атмосферу, о которой на протяжении двух столетий твердили медики, подкрепляя свои рассуждения самыми нелепыми примерами. Уже Сократ говорил, что новобрачным нет необходимости прибегать к духам, поскольку от них веет нежнейшими ароматами. Монтень вслед за Плутархом повторяет, что от тела Александра исходил запах фиалок²⁵, Галлер пах мускусом, а г-н де ла Пейронни, как можно прочесть в Энциклопедии, «знавал одного весьма достойного человека, у которого во время летнего зноя исходил из-под левой подмышки удивительный мускусный дух»²⁶.

Индивидуальную атмосферу определяет целый ряд факторов, которые отсылают нас к хорошо известному ныне комплексу антропологических представлений²⁷.

²³ *Bordeu Th. Op. cit. P. 428.*

²⁴ См., например: *abbé Jacquin. De la santé, ouvrage utile à tout le monde. P., 1762. P. 283.*

²⁵ *Xenophon. Le Banquet; Montaigne. Essais. (Des senteurs). Éd. La Pléiade. P. 351.*

²⁶ Статья «мускус» шевалье де Жокура.

²⁷ Ср.: *Duchet M. Anthropologie et histoire au Siècle des Lumières. P.: Flammarion, 1977. Собственно, автор показывает, что тут следует говорить не об одной антропологии, а о нескольких (P. 409); все последующее не выходит за рамки антропологии, предложенной Бюффоном.*

Мне, однако, хотелось бы подчеркнуть их связь с медицинской теорией. Запахи живых существ варьируются в зависимости от состава гуморов, функционирования органов и интенсивности заполнения желудка. Все, что может оказать воздействие на эти составляющие, вызывает изменение запаха индивидуума. «Климат, в котором он обитает, и смена времен года, пища, которой он питается, и страсти, которым он подвержен, труд и искусства, в которых он упражняется, почва, с которой он соприкасается, воздух, которым он дышит, — все воздействует на состав как поглощаемых, так и выделяемых им испарений, отсюда и разница в запахах»²⁸. Согласно логике этих антропологических представлений, следует говорить не о неполноценности некоторых племен, но всего лишь об их «вырождении»²⁹, поскольку достаточно повлиять на один из перечисленных факторов, чтобы изменить запах тела.

Двигаясь от детства к старости, человек меняет ольфакторные характеристики: от кисломолочного запаха младенца к менее терпкому, сладковатому духу старости, казавшемуся Галлеру невыносимым³⁰. Промежуточный спектр включает нежный аромат отрочества, особенно заметный у молодых девушек. Половое созревание коренным образом меняет запах юношей, придавая им взрослую *aura seminalis*, однако не оказывает заметного влияния на запах, свойственный женщинам. «Пройдя через детскую терпкость, их вялые и малоразвитые фибры расслабляются, что придает их испарине безвкусный сладковатый душок...»³¹ Однако, как мы увидим, менструация и сексуальная активность временно изменяют их ольфакторный рисунок.

²⁸ *Brieude*. Op. cit. P. XLVII.

²⁹ *Duchet M*. Op. cit. P. 203.

³⁰ Ср.: *Brieude*. Op. cit. P. LV; *Dr Monin*. Op. cit. P. 51.

³¹ *Brieude*. Op. cit. P. XLIX.

Любопытно, что связь между особенностями индивидуального запаха и темпераментом, цветом лица и волос не представляет интереса для медицинского дискурса. Конечно, в нем может фигурировать специфический запах, свойственный желчным людям, или исходящая от рыжих вонь³², но возникают эти упоминания как бы сами собой, между делом. На состояние гуморов, а значит, и на индивидуальный запах, влияют страсти. Действие некоторых проявляется не сразу, но имеет глубинный эффект: они замедляют органические процессы, препятствуют выделениям. Так, люди, подверженные печали, утрачивают свой запах. И наоборот, приступы иных страстей обостряют дурной запах. Усиленное брожение желчи вызывает у тех, кто одержим гневом, вонь изо рта. Тошнотворная вонь подмышек, ветры и испражнения — последствия страха. Зловоние обжоры и винный перегар, несущийся от пьяницы, вписываются в традиционное представление о смердящих грешниках: святой Филипп Нери по запаху узнавал души, обреченные адским мукам. Тем самым получает подтверждение от противного и вера в благоухание святости³³.

Ingesta, т.е. воздух, напитки и пища, определяет *excreta*, а значит, и индивидуальный запах. «Негр, самоед, равно как и грязный готтентот, *должны* в той или иной мере

³² Ср.: Virey J.-J. Op. cit. P. 249.

³³ Этот вопрос подробно рассматривается в книге Ж.-Н. Вюарне; там же см. библиографию трудов об «ароматах святости», нередко совмещающихся с мирроисточением и нетленностью (Vuarnet J.-N. Extases féminines. P., 1980. P. 38—45; ср.: Dr Monin. Op. cit. P. 61). Еще при жизни от св. Треверы исходил запах розы, лилии и ладана, от св. Розалии — аромат розы, от св. Кажетана — апельсина, от св. Катерины — фиалки, от св. Терезы Авильской — жасмина и ириса, от св. Лидвины (ср. у Гюисманса) — корицы. После смерти благовонный дух исходил от Мадлен де Бацци, св. Этьена де Мюре, св. Филиппа Нери, св. Патерниена, св. Омера и св. Франсуа Олимпа. Психиатры XIX века сочтут этот феномен «невротическим симптомом» (ср.: Dr Monin. Op. cit. P. 61).

вонять»³⁴. Они — представители нецивилизованного мира, бурлящего животной энергией. «В жарких поясах пот негров столь смраден, что рядом с ними нельзя выдерживать ни минуты. Финны и эскимосы, обитающие вблизи полюса, распространяют вокруг себя нестерпимое зловоние»³⁵. То же самое относится и к казакам³⁶. Вире уточняет: «Негры, обитающие в западных регионах Африки, например, золоты, когда им жарко, воняют луком»³⁷. Когда в тропиках белые и чернокожие купаются вместе, последние, в силу своего запаха, чаще служат добычей для акул³⁸.

В подобных рассуждениях важное место отводится климату³⁹, свойствам воздуха и степени гнилости пищи — короче говоря, механизму загрязнения организма. Самеды столь же зловонны, как и негры: хотя климат в местах их обитания замедляет разложение внутренних жидкостей, однако эти дикари отдают предпочтение гнилой пище.

Такого рода анализ имеет мало общего с антропологическим дискурсом конца XIX века. Ибо аналогичные наблюдения делаются и на местном, французском материале, без каких-либо ссылок на расовое происхождение, уровень бедности и дурные гигиенические условия. Если

³⁴ *Brieude*. Op. cit. P. XLVIII.

³⁵ *Landré-Beauvais A.-J.* Op. cit. P. 423.

³⁶ *Cloquet H.* *Osphrésiologie ou Traité des odeurs*. 1821. P. 66.

³⁷ *Virey J.-J.* Op. cit. P. 248. См. в этой статье конкретные ссылки на многочисленные наблюдения путешественников касательно вони, исходящей от дикарей.

³⁸ *Cloquet H.* Op. cit. P. 15.

³⁹ В том широком толковании термина, которое присутствует у Бюффона, как и у Гельвеция, климат подразумевает не только географическое положение и метеорологические условия той или иной области, но и свойства почвы, и образ жизни ее обитателей, иначе говоря, сочетание природных параметров и результатов человеческой адаптации (ср.: *Duchet M.* Op. cit. P. 322).

после прохода казачьего войска его запах ощущается в воздухе и через несколько часов, то, по словам Клоке, то же самое относится и к ольфакторному шлейфу, тянущемуся за толпой «наших пастухов-горцев»⁴⁰. Запах «деревенщины» отличается от запаха городского жителя, поскольку гуморы первого менее испорчены и «ближе к растительной натуре»⁴¹. Сильнее воняют любители мясной пищи, т.е., на тот момент, именно горожане.

Население каждой области обладает своим специфическим запахом, который, как уже говорилось, зависит от характера питания. «Когда во время сбора урожая в нашу округу стекается разнообразный люд, то мы легко узнаем жителей Керси и Руерга по распространяющейся вокруг них луковой и чесночной вони, а овернцев — по кислому запаху свернувшейся молочной сыворотки»⁴². В целом запахи южных провинций более ярко выражены.

Свою гамму запахов имеют и различные ремесла, причем здесь факторами влияния выступают образ жизни и характер обрабатываемых веществ. Наших крестьян легко найти по следу, утверждает Брэд, и всем знаком сладковатый запах женских монастырей, говорящий о «слабой или неполной усвояемости»⁴³. «Кто же не узнает по запаху, — вопрошает он, — золотаря, кожевника, свечного мастера, мясника, и т.д.? <...>. Некоторое количество летучих частиц, проникающих в рабочих, исходит из тела вместе с гуморами, по-видимому, частично соединившись с ними <...>. Получившийся в результате запах является главным признаком здоровья рабочих»⁴⁴. Брэд не раз

⁴⁰ Cloquet H. Op. cit. P. 66.

⁴¹ Brieude. Op. cit. P. XL.

⁴² Ibid. P. L.

⁴³ Ibid. P. LI.

⁴⁴ Ibid. P. LI–LII. Герои Нугаре и Маршана на сцене сравнивают вонь, исходящую от золотаря, с запахами, присущими мяснику (*Nougaret et Marchand. Le vidangeur sensible, 1777*).

предсказывал, что тот или иной кожевник заболит, исключительно на том основании, что пациент утрачивал запах своей профессии. Как мы видим, у ученого нет ни малейшего чувства социальной брезгливости. Результаты ольфакторных наблюдений просто дополняют картину особенностей различных ремесел, которую пытались нарисовать все гигиенисты, начиная с Рамаццини.

Телесный запах присутствует и в медицинской семиологии. Уже Гиппократ относил его к разряду симптомов⁴⁵. О нашествии недуга сигнализирует исчезновение здорового и появление болезненного запаха. Путь к болезни, а затем и к смерти начинается с кислого запаха и ведет к щелочной гнилостности⁴⁶. Сетуя на «нехватку слов» для обозначения улавливаемых запахов, Борде констатирует, что медицина его времени «судит о природе тех или иных частей тела и об их здоровом или больном состоянии по запаху»⁴⁷.

Врач, таким образом, должен быть не только экспертом по части зловония: он должен уметь «вдумчиво принюхиваться» у постели больного⁴⁸. Сперва ему придется произвести непростой подсчет, чтобы определить, как *должен* пахнуть пациент, с учетом его возраста, пола, темперамента, цвета волос, рода занятий и, если возможно, его индивидуального запаха, отмечавшегося в здоровом состоянии. Далее врач обращается к регистру ольфакторных изменений, характерных для каждого недуга. По запаху больного он может поставить диагноз и судить о дальнейшем развитии болезни. В ходе подобного исследования особое внимание обращается, конечно, на «вы-

⁴⁵ Этот вопрос также поднимается в аристотелевском собрании «Проблемы».

⁴⁶ Здесь мы снова сталкиваемся с опасностью нарушения равновесия, в результате чего живой организм оказывается изнутри охвачен гниением.

⁴⁷ *Bordeu Th. Op. cit. P. 470.*

⁴⁸ *Brieude. Op. cit. P. LV.*

воды», прежде всего на дыхание, испражнения и особенно на гной, который в этом смысле удивительно выразителен. «Следует каждый день наблюдать за перевязкой ран и за всеми кожными нагноениями: свойства гнойного вещества изменяются, если больной подвержен бурным страстям, или же занимался слишком тяжелым трудом, или же трудился слишком долго, или же не соблюдает режим, или же неумеренно привержен крепким напиткам, или же ест острое, соленое или копченое, или же обитает в местностях болотистых либо отличающихся зараженным воздухом»⁴⁹.

В народе издавна было принято «вынюхивать» симптомы недуга. Опытные матроны и домочадцы, особенно в деревне, сами рассказывали медикам об изменении запаха пота, испражнений, мочи, плевков, язв или белья, соприкасавшегося с телом больного.

Было бы слишком утомительно цитировать авторов, занимавшихся семиологией запахов и составлявших их бесконечные каталоги. Все они сходятся на том, что зловоннее всего цинга. «Умелые лекари хорошо различают запах, исходящий от множественных гангренозных язв, особые запахи чахоточных, больных дизентерией или страдающих гнилыми, злокачественными лихорадками, и тот мышинный дух, что характерен для больничных и тюремных горячек»⁵⁰. Если кисломолочный запах роженицы сменяется зловонием, то можно диагностировать начало молочницы.

Наверное, содержательный анализ или даже простой лексикологический подсчет позволил бы точнее очертить поле обонятельных сравнений и определить объем осфрезиологического словаря, активнее всего использовавшегося, по-видимому, в эпоху Реставрации.

⁴⁹ *Brieude*. Op. cit. P. LXII; *Landré-Beauvais A.J.* Op. cit. P. 431.

⁵⁰ *Kirwan H.A.P.A.* De l'odorat et de l'influence des odeurs sur l'économie animale. P., 1808. P. 26.

После работ Прингла связь между методами, применяемыми многими медиками, теоретическими исследованиями гнилостного брожения, антропологическим курсом осфрезиологии и рядом стихийно возникших в народе терапевтических практик представляется очевидной. Конечно, уходящая в прошлое гуморная медицина, теория гнилостных лихорадок, витализм школы Монпелье и органицизм Бурде с медицинской точки зрения отнюдь не одно и то же, однако в них наиболее четко выразилась глубоко укоренившаяся вера в значение индивидуальных запахов. Теперь же приходит черед химиков взяться за изучение этой удивительной «ауры».

Эта забытая страница истории науки повествует о многих путаных и почти всегда нелепых попытках доказать наличие респираторного обмена, совершающегося через кожу, которые имели место до обнародования Лавуазье и Сегеном результатов своих исследований. Проблемы ставились самые разнообразные: так, двумя веками ранее Санкториус доказал существование неуловимых испарений, основываясь на измерениях колебаний веса. Можно ли наглядно выявить эти испарения, исчислив и исследовав выходящий через кожу газ? Или таким же способом обосновать ингаляцию душистых паров? Тогда ошибочно полагали, что подобные открытия могут пролить свет на механизмы инфицирования и распространения болезней.

Итак, химики, причем не последнего разбора, погружаются в теплую ванну, обвязавшись стеклянными колбами, чтобы собрать газы, выделяемые их руками, мышками или кишечником. В 1777 г. граф де Малли докладывает Берлинской академии о результатах анализа газов, выделенных его кожей: по его словам, это «фиксированный воздух». Круикшанк и Пристли решают повторить его опыт, причем последний относится к подобным манипуляциям без особого доверия. В 1780 г. Ингенхуз

сначала в Париже, а затем в Бадене тоже собирает воздух, просачивающийся сквозь кожу его рук: он считает, что это и есть «флогистоновый воздух» Пристли. Он помещает в ванну девятнадцатилетнюю девушку и констатирует, что ее летучие испарения имеют не менее неприятный запах, нежели те, что были собраны в его собственных подмышечных впадинах⁵¹. Следовательно, терапевтический эффект «молодого воздуха» является предрассудком. Жюрин берется усовершенствовать методы анализа⁵². Он повторяет этот эксперимент сначала с детьми в возрасте от десяти до девятнадцати лет, затем с мужчинами от тридцати шести до шестидесяти шести, а также с одной сорокалетней женщиной. Во всех случаях он получает газ, которому дает название летучей кислоты и который, по его мнению, выводит из тела флогистоновые элементы.

Поиски эти идут в ложном направлении и лишены научного интереса, однако в них отразились и исследовательская одержимость ученых, и те убеждения, под которые необходимо было подвести научную базу. В Италии каноник Гаттони, ученик Вольта, пытается измерить изменения в составе воздуха, происходящие в присутствии нездоровых и слабых тел. «При помощи известного количества денег я уговорил нескольких молодых нищих поместиться в кожаные мешки, похожие на бурдюки и доходившие им до поясницы; затем я велел затянуть их вокруг тела так плотно, как только возможно. Чтобы предотвратить соприкосновение внутреннего воздуха с внешним, я велел пришить к отверстиям мешков намоченные водой

⁵¹ Описание этих опытов см.: *Ingenhousz J. Op. cit. P. 151 sq.*

⁵² Он составит подробную записку, где во всех деталях расскажет о методе получения материала для анализа: *Jurine. Mémoire sur les avantages que la médecine peut retirer des eudiomètres // Histoire et Mémoires de la Société Royale de Médecine. 1789. P. 19–100* (прочитана на заседании 28 августа 1787 г.).

пелены и держал юных узников в этом неудобном положении столько, сколько они могли вынести. После чего я поместил их по грудь в чан с теплой водой, расположенный под огромной воронкой, подготовленной к приему воздуха из мешков; его собирали в большие стеклянные сосуды, методически заполняя их, дабы затем изучить полученный воздух при помощи эвдиометра»⁵³.

Жюрин и Гаттони почти таким же способом собирали свои кишечные газы. Первый к тому же извлекал их из кишечного тракта трупов, подвергая столь же методическому исследованию. Анализ имел целью показать вредность углекислых газов, скапливающихся в этих органах⁵⁴. Конечно, факт кожного дыхания доказан, однако на данный момент это лишь укрепляет веру в то, что миазмы проникают внутрь вместе с дыханием. Химики, даже пуская в ход эвдиометр, не могут зарегистрировать изменения индивидуальных запахов. Борде торжествует⁵⁵, высмеивая новую моду на изучение «ветров». Нос медика берет верх над приборами ученых.

Во всяком случае, одно кажется очевидным: зловоние может проникать в организм вместе с дыханием и влиять на индивидуальный запах. С нашей точки зрения это смехотворная нелепость, однако для той эпохи данная проблема несла в себе нешуточный эмоциональный заряд. Даже Биша признается: «Я заметил, что после пребывания в анатомическом театре мои ветры часто приобретают запах, аналогичный тому, который исходит от разлагающихся трупов. Это меня убедило в том, что не только легкие, но и кожа абсорбирует в себя молекулы

⁵³ *Gattoni J.-C. Histoire et Mémoires de la Société Royale de Médecine. 1789. P. 132.*

⁵⁴ Предпринятое Жюрином изучение кишечных газов в целом иллюстрирует идеи Бертолле, считавшего, что ветры образуются от гнилостного разложения мясной пищи.

⁵⁵ *Bordeu Th. Op. cit. P. 523.*

запаха. Я затыкал ноздри и держал во рту длинную трубку, конец которой выходил в окно, что позволяло мне дышать уличным воздухом. И что же, после часа работы в небольшой прозекторской рядом с парой весьма зловонных трупов мои ветры пахли примерно так же, как они»⁵⁶.

Удивительная ольфакторная бдительность по отношению к собственным эманациям, постоянно свидетельствующим о таинственном проникновении в тело гнилостных запахов. В ней уже угадывается то беспокойство, которое начинают вызывать чужие запахи.

УПРАВЛЯТЬ ЖЕЛАНИЕМ И ОТВРАЩЕНИЕМ

Влияние телесной атмосферы на жизнь людей осуществляется на двух различных уровнях: симпатии и антипатии, заражения и инфекции. Уже в 1733 г. Филипп Эке, декан медицинского факультета Парижского университета, объяснял конвульсии святого Медарда эротическим возбуждением, которое у одержимых этим недугом вызвано резким столкновением молекул, а в 1744 г. Гартли видел в сексуальном желании результат воздействия вибрации на тонкие нервные волокна. Убеждение, что чужой запах может притягивать или отталкивать, продолжает оставаться одной из литературных тем предреволюционной эпохи. Доказательство тому – воззрения симпатистов⁵⁷. Тифень де ла Рош уверяет, что «мужчины и женщины распространяют вокруг себя частицы невидимого вещества,

⁵⁶ Цит. по: *Dr Monin*. Op. cit. P. 239. Чтобы вполне оценить это наблюдение, следует вспомнить определение смерти, данное Биша.

⁵⁷ В связи с Эке (Necquet) см. также: *Ehrard J*. Opinions médicales en France au XVIIIe siècle: La peste et l'idée de contagion // *Annales. Économies. Sociétés. Civilisations*. Janvier-mars 1957. P. 55; *Hartley*. Explication physique des sens, des idées et des mouvements tant volontaires qu'involontaires. 1755. T. I. P. 449–451. О симпатистах см.: *Mauzi R*. L'idée de bonheur au XVIIIe siècle. P. 313–314.

именуемого симпатическим. Эти частицы воздействуют на наши органы чувств, вызывая тем самым склонность или отвращение, симпатию или антипатию: если симпатическое вещество, распространяемое женщиной, доставляет приятное впечатление чувствам мужчины, то он ее полюбит»⁵⁸. По Тифеню, это не что иное, как «транспирирующее вещество», о котором говорят медики⁵⁹. Тем самым каждый человек связан с другими множеством нитей, которые «щекочут» или «терзают» его фибры⁶⁰.

Художественное воплощение этой теории можно обнаружить в первой главе «*Erotika Biblion*» Мирабо, где Шекерли рассказывает об обитателях Сатурновых колец, каждый из которых источает особый запах, напрямую связанный с «нервными окончаниями чувств»⁶¹. Эти эманации могут переплетаться с запахом другого индивидуума, обеспечивая «крепкое сцепление» двух живых существ при помощи бесчисленного числа схожих молекул. На кольцах Сатурна не только чувства, но и знания передаются по воздуху.

Запах провоцирует желание: это клише. О его притягательной силе говорит Казанова⁶². Обоняние становится чувством любовного предвкушения, смутного томления, которое может обернуться разочарованием, если в дело вмешается зрение: пример тому – ошибка Дон Жуана, введенного в заблуждение «*odor di femmina*» Эльвиры⁶³. В 1802 г. Кабанис будет превозносить обоняние как симпатическое чувство; в конце XIX века Монен и

⁵⁸ *Roche T. de la. Amour dévoilé ou le système des sympathistes. 1749. P. 45.*

⁵⁹ *Ibid. P. 48.*

⁶⁰ *Ibid. P. 113.*

⁶¹ *Mirabeau. Erotika-Biblion. 1783. P. 19.*

⁶² См. его предисловие к собственным мемуарам.

⁶³ Подробный анализ этого эпизода см. в статье: *Wajeman G. Odor di femmina // Ornicar. № 7. P. 108–110.*

доктор Галопен⁶⁴ по-прежнему будут считать, что именно оно вызывает чувство взаимопритяжения.

Здесь ученые вновь выступают как поборники античных стереотипов. Мужская *aura seminalis* воспламеняет женское желание и разжигает аппетиты своего обладателя. Именно «смешанный аромат благовоний и роз», присутствующий «юношеской крови в период роста», которым веет от Фауста, заставляет дворцовых дам терять голову и жадно пить его дыхание⁶⁵. На самом деле статус мужского желания несколько более сложен. Медики никак не могут отрешиться от параллелей с животным миром; они по-прежнему убеждены, что сексуальная притягательность во многом связана с запахом месячных. Двойственная роль менструации хорошо известна: ее продукты тоже загрязняют организм, тем самым способствуя процессам гниения, но при этом в них содержатся неуловимые пары жизненной влаги⁶⁶. По мнению школы Монпелье, в этот момент цикла женщина становится средоточием природной витальности, от нее исходит сильный животный импульс, призыв к оплодотворению, она распространяет вокруг себя аромат соблазна. Спустя несколько десятилетий эту идею превосходно, хотя и старомодным образом, выразит Каде де Во, восхваляя атмосферу женщины, т.е. «регулярный дух, что позволяет изливаться жизненной влаге, содержащейся в ее резервуарах»⁶⁷. Отсюда особое отношение к женщинам, у которых нет этих правильных колебаний запаха, — к рыжим, пахучим всегда, гнилост-

⁶⁴ *Dr Galopin Aug.* Le parfum de la femme et le sens olfactif dans l'amour. Étude psycho-physiologique. P.: E. Dentu, 1886.

⁶⁵ *Goethe.* Le Second Faust / Trad. de Gérard de Nerval.

⁶⁶ На этом основании Ивонн Вердые заключает, что женщина участвует в дыхании космоса.

⁶⁷ *Vaux C. de.* De l'atmosphère de la femme et de sa puissance // Revue encyclopédique. 1821. P. 427–445 (цит. P. 445).

ным и притягательным, словно всегда пребывающим в состоянии месячных очищений, и к беременным, временно лишенным менструальных выделений⁶⁸.

Тех же взглядов будет придерживаться и Мишле, завороченный менструальным циклом своей молодой супруги. Однако несколько ранее происходит важный сдвиг, на который я хочу обратить внимание, чтобы больше к нему не возвращаться. В 1847 г. Пуше со всей очевидностью доказал гипотезу о самопроизвольной овуляции, выдвинутую в 1828 г.; в результате исчезает страх перед колдуньей, чьи месячные разъедают металлы и портят солонину. Женщина из вредоносной также становится творящей. Отныне менструальная кровь приобретает новое значение и начинает возбуждать мужское желание. Супруг, подобно гинекологу, становится историком цикла и всей той таинственной жизни, из которой ранее он был исключен и которую ныне ему надлежит контролировать. Судя по восхвалению регул и женских запахов в научном дискурсе, женщина обрела новую невинность, но отчасти утратила свои магические силы⁶⁹.

До и после регул витальные пары, которыми пропитана менструальная кровь, окрашивают своим запахом другие части тела: эти эманации воспевают поэты. Душистые волосы чаруют Парни и де Берниса⁷⁰ — покуда не настал черед Бодлера и «нюхачей» больших магазинов. Сексуальная притягательность потных подмышек и пропитанной потом рубашки — предмет многих исторических анекдотов. Говорят, что Генрих III на всю жизнь

⁶⁸ Ср.: *Verdier Y.* Op. cit. P. 52 sq.

⁶⁹ Ср.: *Borie J.* Une gynécologie passionnée // *Misérable et glorieuse la femme du XIX-e siècle.* P.: Fayard, 1980. P. 152–189. По этому поводу см. труды Терезы Моро (Thérèse Moreau).

⁷⁰ *Parny.* «Le cabinet de toilette»; де Бернис в стихотворении «Лето» воспевает «благоуханье белокурых кос» нимф (*Bernis M. de.* Les Saisons et les jours. Poèmes. 1764).

полюбил Марию Клевскую после того, как, проходя через комнату, где она только что переодевалась, вдохнул запах ее белья: ольфакторное откровение поражает, как удар молнии. Король влюбляется, почувствовав запах тела, как Вертер — увидев Шарлотту в обрамлении дверного проема⁷¹. Некий восточный султан выбирает себе наложниц по запаху их пропитанных потом туник⁷². Гете признается, что как-то украл у госпожи фон Штейн корсет, чтобы спокойно насладиться его запахом⁷³. Околдованная Барбе д'Оревилю пытается соблазнить жестокого аббата, послав ему свою рубашку. Гюисманс будет уверять, что его сводит с ума запах женских подмышек («Подмышка»)⁷⁴.

Более утонченный соблазн источает букет, украшавший грудь возлюбленной: его похищение воспевают Руссо⁷⁵ и Парни. Много можно сказать и о роли дыхания или о запахе туфли, услаждавшем Ретифа⁷⁶ задолго до того, как специалисты открыли фетишизацию кожаных предметов! Любопытно другое: полное отсутствие в эротическом дискурсе каких-либо упоминаний о соблазнительности вагинальных запахов вне менструального периода — возможно, эта тема была табуирована⁷⁷.

⁷¹ Ср.: *Barthes R. Fragments d'un discours amoureux*. 1977. P. 227.

⁷² Об этом, в частности, упоминается в книге: *Menuret J.-J. Essai sur l'action de l'air dans les maladies contagieuses*. 1781. P. 41.

⁷³ *Havelock E. La sélection sexuelle chez l'homme*. P. 126.

⁷⁴ Следует упомянуть и о том, что к концу XIX века эта тема обретает новый размах. Так, психолог Фере считал, что этот запах обладает бодрящим действием и потому может быть использован на производстве... Усталые гладильщицы ощущают прилив сил, вдыхая запах своих потных корсетов.

⁷⁵ *Rousseau J.-J. Émile*. P.: Garnier, 1966. P. 201.

⁷⁶ Как он признается в «Анти-Жюстине».

⁷⁷ Насколько мне известно, только после появления «Тропика Козе-рога» Генри Миллера (1939) он стал фигурировать в публичной речи и пополнил гамму запахов, о которых можно говорить. Автор расценивает знакомство с подобными запахами как своеобразный обряд ольфакторной инициации.

Однако половая зрелость не является решающим этапом тех ольфакторных изменений, которыми окрашена жизнь женщины. Предположения Ивонн Вердье справедливы и в этом случае. Регулы делают девушку, достигшую пубертатного возраста, соблазнительной, они напоминают о ее миссии — продолжении рода, однако их запах нестабилен. Только мужская сперма закрепляет женский ольфакторный рисунок: как и у многих животных, спаривание придает женским особям неповторимый запах⁷⁸. Полнота женственности во всех смыслах достигается именно через сексуальные отношения⁷⁹.

В этой связи весьма показательны расхожие анекдоты об удивительной ольфакторной проницательности, свойственной некоторым индивидуумам. Они ощущают не менструацию — по-видимому, она слишком очевидна, — но сексуальную активность, семенные пары, которые источают пропитанные спермой женские органы и гуморы. Смех Демокрита приветствовал оступившихся молодых абдеритянок. И с тех пор как в 1684 г. «Журналь де саван» написал о пражском монахе, способном по запаху узнать женщину, нарушившую супружескую верность, пример этот обошел все медицинские труды по соответствующей тематике.

Слишком частые совокупления приводят к тому, что гуморы женщины переполняются спермой, внутренние жидкости застаиваются и начинают невыносимо смердеть. Именно так проститутки становятся путанами⁸⁰. Об

⁷⁸ Эту тему подробно развивает Жан-Батист Сильва (*Silva J.-B. Dissertation où l'on examine la manière dont l'esprit séminal est porté à l'ovaire // Dissertations et consultations médicales de MM. Chirac et Silva. 1744. T. I. P. 188 sq.*).

⁷⁹ По данному вопросу см. труды Ивонны Книбелер (*Yvonne Kniebihler*).

⁸⁰ Ретиф высказывается в пользу уже неоднократно предлагавшегося этимологического объяснения слова «путана» (*la putain*) как производного от *лат. putida* (вонючая).

этом говорил уже Ювенал, а в начале XVIII века Ж.-Б. Сильва попытался научно обосновать это убеждение⁸¹, само по себе вполне достаточное, чтобы считать проституток опасными женщинами.

От недужного, заживо гниющего тела исходят вредоносные испарения и зловредные запахи. В этом смысле следует опасаться и животных: во время падежа скота угроза нависает и над человеком. Теперь считается, что воздух хлева не только не благотворен, но в высшей степени вреден для здоровья⁸². Так теория гнилых горячек берет верх над представлениями виталистов.

Еще более опасно соседство пораженного болезнью человека. Вокруг него образуется особая атмосфера, «более или менее протяженная, цепляющаяся за его одежду, обстановку, стены его комнаты: она тяжелее, весомее обычного воздуха, менее подвижна и упруга и надолго задерживается по углам помещения»⁸³. Об опасности немедленно оповещает вонь. Во время эпидемии лагерной горячки, которая в 1799 г. косила французскую армию, расквартированную в Ницце, «от несчастных солдат шел запах, похожий на запах горящего фосфорного газа, ощутимый и на большом расстоянии, но в особенности на тех

⁸¹ *Silva J.-B.* Op. cit. P. 189. В древности же, напротив, считалось, что женщины начинают смердеть от воздержания. Перерыв в супружеских отношениях, разлад между солнцем и землей, вызывал диосмию у жительниц Лемноса и чуть менее отчетливо — дурной запах у участниц Фесмофорий (ср.: *Detienne M.* Les Jardins d'Adonis. La mythologie des aromates en Grèce. P.: Gallimard, 1972. P. 173).

⁸² См. статью Буассье де Соважа (Boissier de Sauvages) в изд.: *Journal des savants.* Février 1746. P. 356. Цит. по: *Fodéré F.-E.* Traité de médecine légale et d'hygiène publique ou de police de santé... P., 1813. T. VI. P. 232. По поводу падежа скота в Виваре автор отмечает, что когда люди «на близком расстоянии вдыхают вонь, исходящую из желудков этих, пусть даже еще не околевших быков, то у них начинаются приступы колик, затем рвота и понос, от которого зачастую поразительным образом раздувается живот».

⁸³ *Ibid.* T. V. P. 298.

улицах и в тех домах, где было больше всего больных»⁸⁴. Даже выздоравливающие, утверждает Фодере, способствовали распространению болезни, пока не были «избавлены от своей атмосферы».

Миазмы и вонь передаются главным образом через дыхание⁸⁵. Остерегайтесь зловонного дыхания «больной твари», советовал Буассье де Соваж. Дыхание умирающего золотаря поражает насмерть товарища Жана-Ноэля Галле⁸⁶. Дыхание — признак жизни со всеми ее соблазнами, оно обеспечивает приток «живительного воздуха», но оно же дает выход скапливающимся в гуморах продуктам гниения и «флогистоновому воздуху», отравляющему все вокруг. В эту эпоху, одержимую воздухом и все нарастающим страхом перед заражением и миазмами, внимание прежде всего фокусируется на выделениях, дыхании и запахах чужого тела.

Голова идет кругом, если представить, сколько испарений скапливается в тех местах, где собирается много живых существ. «Социальные эманации»⁸⁷ воспринимаются как угроза, поэтому следует избегать вонючей толпы, смешения людей и животных. Отсюда тревожные подсчеты, сменяющие измерения почвенных испарений. Уже в 1742 г. Арбютно пытается оценить объем городских выбросов: «Потовые выделения по меньшей мере трех тысяч людей, размещенных на одном арпане земли, за тридцать четыре дня образовали бы над ним атмосферу высотой в семьдесят один фут. По плотности эта суб-

⁸⁴ *Fodéré F.-E.* Op. cit.

⁸⁵ Как говорит Руссо, «дыхание одного человека смертельно для другого». См. по этому поводу: *Dagognet F.* La cure d'air: essai sur l'histoire d'une idée en thérapeutique médicale // Thalès. 1959. P. 87.

⁸⁶ Подобное представление было отмечено Ивонн Вердые в Мино: «Она, как эпидемия, заразила мою сестру своим дыханием», — говорила одна старуха о своей знакомой (*Verdier Y.* Op. cit. P. 46).

⁸⁷ *Senancour.* Oberman. Éd. «Les Introuvables». Т. II. P. 48.

станция, возможно, соотносится с воздухом как восемьсот к одному, и, если три тысячи человек расселить на ста арпанах земли, все равно останется восемь дюймов этой субстанции, большая часть которой не рассеивается, но распространяется вместе с бесконечно малыми частицами *пахучих* эманаций и загрязняет воздух целого города, обладающего подобной протяженностью»⁸⁸. Девятью годами позже Буассье де Соваж тоже принимается за расчеты: «превратившись в испарения»⁸⁹, экскременты, образующиеся в результате ежедневного потребления одним горожанином пяти фунтов пищи, формируют вокруг пятнадцати футов его кожного покрова колонну высотой в четыре фута семь дюймов (и весом в пять фунтов). В городах плотность этой колонны удваивается, поскольку площадь, приходящаяся там на каждого жителя, не превышает половины площади его кожного покрова.

Само присутствие тел, даже здоровых, портит как городской, так и полевой воздух. К счастью, ветер и перемещение воздуха, происходящее за счет движения экипажей и горения очагов, отчасти помогает обновить атмосферную массу. Этого не происходит в закрытых пространствах, где скучено большое количество народу. Суда, госпитали, тюрьмы, казармы, церкви и театральные залы служат плацдармом для эпидемий, которые затем штурмуют город. Эта постоянная озабоченность по поводу скопления тел, теоретическую подоплеку которой мы только что рассмотрели, влияет и на систему социальных представлений внутри самого города, и на стратегию гигиенистов, занимающихся общественным пространством. Но пока химики школы Лавуазье не выработают четких нор-

⁸⁸ *Arbuthnot J. Essai des effets de l'air sur le corps humain. P., 1742. P. 241, 242.*

⁸⁹ *Sauvages B. de. Dissertation où l'on recherche comment l'air, suivant ses différentes qualités, agit sur le corps humain. Bordeaux, 1754. P. 56.*

мативных требований, озабоченность эта оказывается и главным источником хаоса.

Льяло и запахи больного города

Эмблемой этого сюжета может служить образ льяло, который постоянно тревожит социальное воображение в связи с проблемой гнили. «Первые впечатления от корабельного воздуха связаны с обонянием: это сложное сочетание эманаций, исходящих из трюма, запаха дегтя и зловония большого количества людей, живущих в тесноте»⁹⁰. Обстановка на судах в первую очередь вызывает озабоченность гигиенистов и требует исследования. В 1744 г. Галь констатирует: «Воздух [там] гораздо хуже, чем в тюрьмах»⁹¹. Несколько лет спустя виконт де Морог делает попытку распутать клубок запахов, сочетанием которых, как он полагает, и объясняется стремительное развитие цинготной гнили.

Судно — это «плавучее болото»⁹². Морская вода, просачивающаяся сквозь швы обшивки, лужи пресной воды, остающиеся после дождя или слишком щедрой мойки, влага, пропитывающая снасти и разрушающая древесину, покрывающая ржавчиной пушечные ядра и железо бал-

⁹⁰ Forget C. Médecine navale ou nouveaux éléments d'hygiène, de pathologie et de thérapeutique médico-chirurgicales. P., 1832. Т. I. P. 332. Отметим, что труд это достаточно поздний по сравнению с другими свидетельствами, приводимыми в этой главе.

⁹¹ Hales M.-E. Description du ventilateur par le moyen duquel on peut renouveler facilement l'air des mines, des prisons, des hôpitaux ou des maisons de force et des vaisseaux. 1744. P. 61.

⁹² Выражение принадлежит Форже (Forget C. Op. cit. P. 184). Далее обобщен целый ряд описаний той эпохи, в первую очередь Дюамеля дю Монсо (Monceau D. du. Moyens de conserver la santé aux équipages des vaisseaux; avec la manière de purifier l'air des salles des hôpitaux. P., 1759).

ласта, — все это способствует появлению черной, смертельно опасной грязи. Кроме того, все заразные жидкости стекаются в льяло, где смешиваются все виды зловоний. Это сочетание пресной и соленой воды, чей смрад усиливается при работе помпы, сравним по злокачественности с заброшенными солончаками. Морские смолы, прибрежные туманы и опасные сырые испарения позволяют уподобить корабль болоту.

Но судно — еще и средоточие бродильных процессов. Испарения исходят от деревянного корпуса и пенковых снастей, особенно если они новые. В трюме, где хранятся съестные припасы, «всегда жарко, влажно и смрадно, и человек слабого здоровья может упасть там в обморок»⁹³. Воздух там кажется более горячим, хотя это обман чувств. Застой усугубляет угрозу инфекции. Глубины трюма несут постоянную опасность для жизни всего судна. И обладают странной притягательностью. Об ужасе перед смрадными недрами с некоторым запозданием свидетельствуют плавание Артура Гордона Пима и путешествие Дракулы или разлагающийся груз «Призрачной линии»⁹⁴. Уровнем выше расположен камбуз, откуда «тянет испарениями от напитков и от пахучей, перебродившей провизии»⁹⁵.

Навоз и пот погруженного на корабль скота, птичий помет, запасы трески, гниющие останки крыс и насекомых, нечистоты, просачивающиеся под сундуки и собирающиеся в темных углах⁹⁶, порождают целый букет гнилостных запахов, отравляющих матросов и пассажиров. Летом вонь от галюна и разнообразных писсуаров становится невыносимой. Исторический факт: в 1821 г. экипаж «Артюра», судна, доставлявшего удобрения — высушен-

⁹³ *Monceau D. du. Op. cit. P. 29.*

⁹⁴ Роман Дж. Конрада.

⁹⁵ *Forget C. Op. cit. P. 186.*

⁹⁶ *Ibid. См. также: Fodéré F.-E. Op. cit. T. VI. P. 476 sq.*

ные экскременты — в Гваделупу, был уничтожен своим тошнотворным грузом. В воды Пуэнт-а-Питра он прибыл в состоянии Летучего Голландца⁹⁷.

Скученные тела и летучие продукты горения дополняют эту смесь. Ночью матросы спят вповалку на нижней палубе, в затхлом воздухе, в одежде, пропитанной потом и сыростью⁹⁸. Если пассажиру случится оказаться рядом с ведущим туда люком, у него от вони перехватывает дыхание. Нездоровые условия на корабле только усиливают вонь тех мест, которые традиционно являются источниками заразы в городе. У судна есть свой лазарет, и временами оно превращается в плавучий госпиталь. В его карцерах гниют закованные в кандалы матросы. А когда судно везет груз негров из Гвинеи, то, как подчеркивает Галь, «воздух там столь смраден, что вызывает тошноту и его едва можно вынести»⁹⁹.

Ученые тревожно высчитывают объемы испарений на кораблях¹⁰⁰, пытаются определить запахи, порожденные всей совокупностью эманаций, и оценить их опасность. В 1784 г. этой проблемой займется специальная комиссия Королевского медицинского общества¹⁰¹. Благодаря ее заключениям будет принято решение сжечь зара-

⁹⁷ *Parent-Duchâtelet. Recherches pour découvrir la cause et la nature d'accidents très graves, développés en mer, à bord d'un bâtiment chargé de poudre. 1821.* Половина экипажа погибла, оставшиеся в живых были больны.

⁹⁸ «Поток исходящих от них испарений», писал Дюамель дю Монсо, не может «раствориться в воздухе» (*Monceau D. du. Op. cit. P. 30*).

⁹⁹ *Hales M.-E. Op. cit. P. 53.*

¹⁰⁰ Так, виконт де Морог рассчитывает вес выделяемых и выдыхаемых испарений на тридцатипушечном фрегате и приходит к выводу, что объем зловонных эманаций примерно равен пяти кубическим футам воды (*Monceau D. du. Op. cit. P. 44*).

¹⁰¹ В ее состав, в частности, входили Маке, Лавуазье, Фуркруа и Вик д'Азир.

женные суда, даже если они еще пригодны для плавания. Так окончит свои дни фрегат «Мельпомена».

На суше нет худшего ольфакторного скандала, чем тюрьма. Ее зловоние говорит о том, что заключенные гниют заживо. Наследственная зараза смешивается в этом человеческом гноище с вновь образующейся гнилью. По словам Луи-Себастьяна Мерсье, Бисетр ощущается за четыреста туазов¹⁰². Один из сообщников Картуша прикидывается мертвым, чтобы, когда его вынесут, хоть несколько мгновений подышать вольным воздухом. А граф Штруензее, когда его выводят из темницы, чтобы отрубить голову, восклицает: «Какое счастье дышать свежим воздухом!»¹⁰³ В страшном венецианском узилище Казанова препирается с тюремщиком, чтобы тот избавил его от вони поганого ведра¹⁰⁴.

Недоступность чистого воздуха для заключенных — один из постоянных мотивов начала XIX века. Оберман сравнивает себя с узником, который после десятилетнего заключения выходит из грязной темницы и видит ясное небо¹⁰⁵. Пленники Пизарро поют о радости возвращения к вольному воздуху и свету¹⁰⁶. А Мишле в своем труде с полным основанием вновь и вновь обращается к истории тюремных запахов: «Под сырыми и мрачными сводами старинных монастырей, которые в наши дни почти повсеместно используются для этих целей, наперекор всем усилиям сохраняется почти неистребимый запас исторической грязи и тот не поддающийся определению

¹⁰² *Mercier L.-S. Tableau de Paris. Amsterdam, 1782–1788. Т. VIII. P. 1.*

¹⁰³ *Howard J. État des prisons, des hôpitaux et des maisons de force. P., 1788. Т. I. P. 214 (перевод английского издания 1784 г.).*

¹⁰⁴ *Casanova. Mémoires. Éd. Garnier. P. 547, 588.*

¹⁰⁵ *Senancour. Oberman. Т. I. P. 83.*

¹⁰⁶ Во французском варианте либретто «Фиделио» Бетховена, переведенном и переделанном Ж.-Н. Буйи, тюремщик Рокко ненадолго выпускает узников подышать воздухом.

запах, что вызывает отвращение уже при входе. Те, кто имел несчастье оказаться в темнице в царствование Людовика XIV, уверяли, что самой жестокой пыткой был для них испорченный воздух»¹⁰⁷.

В 1784 г. Говард негодует: «Был найден способ лишить узников этого природного подспорья жизненных сил, как называет его д-р Галь»¹⁰⁸. Он утверждает: «Тюремный воздух пропитывает заразой одежду посетителей <...>. Даже укус, которым пользуются, чтобы избежать заразного воздействия, вскоре приобретает невыносимый запах». Величайший наблюдатель тюремного уклада ни на миг не ослабляет ольфакторной бдительности.

По правде говоря, у скандала, вызванного тюремной вонью, долгая история, начавшаяся до задолго до Говарда. Бэкон считал «тюремный дух» и испарения самой опасной заразой после чумы¹⁰⁹. Свидетельством тому — длинный перечень катастроф. Взять хотя бы «черное заседание» оксфордского суда присяжных в 1577 г. На нем разбиралось дело Рональда Дженкинса, судимого за возмутительные речи. Во время судебного заседания по залу распространились «столь губительные пары, что почти все присутствующие задохнулись. Мало кому удалось спастись. Триста человек скончалось в Оксфорде, более двухсот заразились и умерли затем в других местах»¹¹⁰. В марте 1730 г. столь же трагически заканчивается заседание суда в Таутоне. Доставленные из Айвелчестера узники заразили всех бывших в здании: «Главный судья, адвокат, шериф и несколько сотен человек умерло от этой моровой горячки»¹¹¹.

¹⁰⁷ *Michelet J. Histoire de France. T. XIII. P. 317–318.*

¹⁰⁸ *Howard J. Op. cit. T. I. P. 13.*

¹⁰⁹ *Bacon. Histoire naturelle. P. 914.* Цит. по: *Pringle J. Observations sur les maladies des armées dans les camps et dans les garnisons. P., 1793. P. 293* (первое издание вышло в 1711 г.).

¹¹⁰ *Ibid. P. 293* (пересказ хроники Стоуи).

¹¹¹ *Howard J. Op. cit. T. I. P. 22.*

В этом трагическом перечне следует упомянуть и судебное слушание, имевшее место 11 мая 1750 г. в Олд-Бейли. Еще до его начала две сотни узников, чьи дела должны были рассматриваться в тот день, были, вопреки здравому рассудку, собраны в двух комнатах, соединенных с помещением для судей и со «скамьей подсудимых», которая в данном случае имела вид небольшой клетки, с дверью, открывавшейся в зал суда, и отверстием в верхней части перегородки. Все три помещения «не убирались уже несколько лет. Горячий, спертый воздух зала заседаний и испарения, исходившие от большого скопления людей, только усилили гниение. <...> Умерло два или три адвоката и один помощник шерифа»¹¹². Общее число жертв превысило сорок человек, «не считая людей низкого происхождения, чья смерть не получила огласки»¹¹³. В 1812 г.¹¹⁴ такой же трагический оборот получила судебная сессия в Лон-ле-Сонье. По мнению как Прингла, так и Линда, именно тюрьмы являются источником заразных болезней, опустошающих ряды армии и флота его величества.

Вплоть до открытий Пристли не проводилось четкой границы между ужасной «тюремной горячкой», порождением смрада, и обычным удушьем, возникающим при чрезмерном скоплении людей. Ученые не видели разницы между трагической участью ста сорока семи английских пленников в Бенгалии, посаженных в «черную нору» и там задохнувшихся¹¹⁵, и недугами, поражающими жертв злосчастных заседаний.

Тюремный смрад и вызванные им горячки тем более опасны, что в них отчасти повинны испарения прошлого.

¹¹² *Pringle J.* Op. cit. P. 295.

¹¹³ *Ibid.*

¹¹⁴ *Fodéré F.-E.* Op. cit. T. V. P. 311.

¹¹⁵ Этот случай бесконечно обсуждается учеными. См также: *Dr Banau et Turben. Mémoire sur les épidémies du Languedoc. 1786. P. 12.*

В таких условиях единственно верным решением будет перевести тюрьмы в другие места и снести старые постройки. Такой вывод содержится в отчете Лавуазье, составленном для Королевской академии наук сразу после посещения Сен-Мартена и Фор-Левека.

Полвека спустя эти рассуждения о гнилом зловонии тюремных помещений лягут в основу описаний городских жилищ рабочих и запущенных крестьянских домов. Камера станет тем оселком, на котором с XVIII века будет бесконечно оттачиваться справедливая критика нездоровых условий жизни.

По наблюдениям того времени, сложное сочетание гнилых запахов характерно и для атмосферы госпиталя¹¹⁶. Учащенное дыхание и смрадный пот больных, сплюнутый ими гной, сочащаяся из ран сукровица, испарения отхожих мест, запахи лекарств и компрессов — все это сливается воедино, и врач должен как следует разбираться в этой вони, чтобы не пропустить угрозу эпидемии. Пол, возраст, профессия и темперамент больного вызывают модуляции этого общего смрада, в котором выделяются эманации преобладающей заразы. Хуже всего, конечно, «больничная гниль», трупный дух, предвестник и глашатай смерти, который поднимается от гангренозных членов и насквозь пропитанных потом постелей, предназначенных для умирающих¹¹⁷.

Посещение и описание госпиталя играет роль инициационного обряда для всех тех, кто посвящает себя общественной гигиене, а звездой их рассказов становится

¹¹⁶ В данном случае различие между тюрьмой и госпиталем отчасти является анахронизмом. Однако к концу XVIII века оно становится в значительной мере оправданным.

¹¹⁷ По словам Женнете, это «ужасное смешение заразной гнили» становится кладбищем для бедняков: «Дыхание там отдает заразой, раны гниют, а пот имеет трупный запах» (*Genneté. Purification de l'air croupissant dans les hôpitaux, les prisons et les vaisseaux de mer... 1767. P. 10*).

удушающая вонь. Неутомимый Говард глух к шуму и мало тревожится об освещении, но постоянно анализирует свои ольфакторные впечатления: в этом смысле особенно показательны его описания лионских и мальтийских больниц¹¹⁸. Госпожа Неккер не боится посещать больничные палаты Бисетра, включая и ту, что носит имя святого Франциска, — настоящее «ляло парижского люда», чей смрадный дух «доводит до обморока даже самого отважного и сострадательного посетителя»¹¹⁹. Все госпитали равно омерзительны, добавляет Луи-Себастьян Мерсье. Это подтверждают и отчеты, опубликованные в VII год Революции по инициативе Франсуа де Нефшато.

Самое точное из имеющихся описаний — описание Отель-Дье, составленное Теноном¹²⁰. Пока задуманное превращение госпиталя в «машину для исцеления»¹²¹ еще не осуществилось, он предстает машиной для распространения заразы. Тенон не щадит читателя: полы пропитаны содержимым отхожих мест, стены заплесаны, соломенные тюфяки и перины умирающих отсырели. Как и в тюрьмах, источник заразы — уборные. На три помещения, где лежат 585 больных, приходится всего пять очков. Туда выливают горшки. «На них усаживаются; там скапливаются нечистоты, излишек переливается и постепенно растекается по полу до самой двери, которую от палаты для раненых отделяет лишь стена»¹²².

Потоки тошнотворного воздуха и миазмы циркулируют по зданию через лестничные пролеты. Они изливаются на террасы, возвращаются назад и застаиваются в уг-

¹¹⁸ Число ольфакторных впечатлений уменьшается, когда речь идет об английских учреждениях, что само по себе показательно.

¹¹⁹ *Mercier L.-S.* Op. cit. T. VIII. P. 7, 8.

¹²⁰ См.: *Tenon J.-R.* Mémoires sur les hôpitaux de Paris. 1788.

¹²¹ *Foucault M.* Les machines à guérir, aux origines de l'hôpital moderne. P.: Pierre Mardaga, 1979.

¹²² *Tenon J.-R.* Op. cit. P. 208.

лах. Пик вони — время, когда меняют повязки на ранах. А полюса ее известны всей Европе: это зал Святого Иеронима и лазарет для рожениц. Первый предназначен для операций и расположен над мертвецкой, «откуда поднимаются образующиеся там зловонные испарения»¹²³. «С той же стороны <...> находится весьма дурно пахнущая помойка, а рядом с ней, с антресолей и в особенности из родильного отделения в подвалы под террасой сливается моча, кровь и другие нечистоты»¹²⁴. Именно там, в родильном, стоит самый тяжелый смрад. Когда раскрывают постель роженицы, «от нее водоворотом поднимаются горячие и влажные пары, которые, распространяясь, сгущают воздух и придают ему столь явственную плотность, что зимой в утренние часы видно, как он расступается перед проходящим через это помещение, а пройти там без непреодолимого отвращения невозможно»¹²⁵.

Есть и другие места скопления людей, рассадники инфекции: помимо залов для судебных заседаний, продолжений тюрьмы, к ним относятся не только казармы¹²⁶, но и театральные залы. В последнем случае наибольшие нарекания вызывают ложи: считается, что они отравляют женщин с тонкими нервами¹²⁷. Оберман испытывает непреодолимое отвращение к Опере, «где вас прошибает пот от дыхания двух тысяч тел более или менее сомнительного здоровья и чистоплотности»¹²⁸. Иногда из-за

¹²³ Tenon J.-R. Op. cit. P. 223.

¹²⁴ Ibid.

¹²⁵ Ibid. P. 238.

¹²⁶ Еще до того, как число казарм стало значительным, штаб считал причиной эпидемий, истощавших французскую армию в 1743 г., большое скопление людей и затхлый воздух (*Corvisier A. L'armée française du XVIIe siècle au ministère de Choiseul // Le soldat. Т. II. P. 672*).

¹²⁷ *Mercier L.-S. Op. cit. Т. VII. P. 309.* Именно поэтому он выступает против балов.

¹²⁸ *Senancour. Op. cit. Т. II. P. 48.*

дурного запаха встревоженный зритель вынужден покинуть театр¹²⁹. Начиная с 17 июня 1789 г. доктор Гильотен будет изобличать «тяжелый и заразный» воздух зала Малых развлечений, где заседает Конституционное собрание. Но и атмосфера зала парижского Манежа покажется депутатам не менее вредоносной: в августе 1790 г. молодой Феликс Фольон будет приходить задолго до начала заседаний, чтобы предварительно подышать свежим воздухом Тюильри; без этого он не может высидеть на заседании¹³⁰.

В ту эпоху еще не проводили четкого различия между запахом бедных и богатых: источником гниения всегда служит толпа. Зловоние бедняков, заполняющих госпитали или тюрьмы, может дойти и сильных мира сего, а трупный дух, исходящий от богатых и пропитывающий собрания верующих, ничуть не менее опасен. После появления книги аббата Поре, вышедшей, напомним, в 1745 г., церковный смрад также начинает вызывать отвращение: критике подвергаются плохо замурованные склепы, сырые и протекающие своды. Пока не настал черед Вик д'Азира, волю своему возмущению дает Вольтер. Некоторые обители заразны — как, например, монастырь кафедрального собора в Агде¹³¹.

Вскрытие могил приводит к почти столь же драматическим последствиям, что и судебные заседания. Склепы, как и тюремные застенки, являются источником эпидемий. Филипп Арьес в своей книге приводит многочисленные рассказы о подобных несчастьях¹³².

Остается запах ремесленных мастерских — к которому сами мы весьма чувствительны. Однако объектом при-

¹²⁹ *Senancour*. Op. cit. P. 191.

¹³⁰ *Lemay E.H.* La vie parisienne des députés de 89 // L'Histoire. 1982. № 44. P. 104.

¹³¹ *Favre R.* Op. cit. P. 252. По поводу роли Вольтера см. P. 259.

¹³² *Ariès Ph.* L'homme devant la mort. 1973. P. 474—475.

стального ольфакторного внимания он станет сравнительно поздно. Более того, вплоть до эпохи Империи он будет вызывать гораздо меньше нареканий, чем тюремный, больничный или кладбищенский дух. Следовательно, мы должны остерегаться впасть в анахронизм. Людей того времени пугает именно запах скученных тел, но не дух тел работающих. Ремесленная мастерская представляет опасность, только если она воняет: тут зловонность и зловредность практически совпадают. Промышленный вред немислим без смрада. Больше всего жалоб вызывает не шум и даже – во всяком случае, во Франции – не дым, но именно запахи. В книге Рамаццини, чья прозорливость хорошо известна, главная роль отведена обонянию; автор даже признается, что вынашивает странную идею – написать однажды историю запахов¹³³.

Поэтому изучение профессиональных болезней ведется лишь в самых общих чертах. Серьезными опасностями чреваты лишь те занятия, где рабочий вынужден постоянно соприкасаться с брожением, гниением или теллурическими испарениями. Работа в каменоломнях, добыча нефти, труд землекопа связаны с риском, поскольку, как мы видели, рабочим приходится иметь дело с серой, минеральными смолами и производными мышьяка. Канатчикам может угрожать тошнотворное брожение пеньки, а «пропитанная вонючим маслом шерсть распространяет по их [ткачей] мастерской весьма неприятный запах, поэтому сами они мерзко пахнут и дыхание у них вонючее»¹³⁴.

Работа с животными жирами вредит здоровью свечных мастеров. «Вонь, исходящая от кожи, создает угрозу

¹³³ *Ramazzini. Essai sur les maladies des artisans / Trad. de Fourcroy. 1977. P. 199* (первое итальянское издание труда вышло в Падуе в 1713 г.). Он говорит о необходимости собрать «все, что разбросано по разным авторам, касательно этого предмета».

¹³⁴ *Ibid.* P. 513.

сапожникам и кожевникам», а прачки вдыхают «гибельные испарения» кипящего белья¹³⁵, умножающиеся от объема стирки. Болезни угрожают банщикам и владельцам парилен. Нездоровое ремесло и у конюхов. Сукновалы используют экскременты, «эти рабочие, постоянно находящиеся в жарких мастерских, окруженные заразной вонью мочи и гнилого масла, часто полуголые, почти всегда страдают худосочием»¹³⁶, поскольку вся масса их крови испорчена гнилостными молекулами. Но хуже всех — ремесло тряпичника, торгующего животными остатками.

Однако большинство составляют здоровые ремесленники, работающие в мастерских, где нет специфических запахов, вдали от брожения и гниения. Согласно классификации Рамаццини, дополненной Фуркруа и использованной как Патиссье, так отчасти и Паран-Дюшатле, главное здесь — характер используемых материалов, качество окружающей атмосферы и состав вдыхаемых паров. Здоровье рабочего зависит от них так же, как от пищи, климата или индивидуального темперамента. Крепость здоровья или его отсутствие никак не связывается с бедностью и особыми условиями проживания, с определенной социальной категорией и тем более с той или иной расой, над которой тяготеет рок биологического детерминизма¹³⁷. Принадлежность к ремесленному сословию не предполагает систематического смрада: от самого рабочего, как и от любого другого человека, зависит, будет ли он держаться в стороне от зловония.

¹³⁵ *Ramazzini*. Op. cit. P. 336. Страх перед испарениями, идущими из прачечных, продержится довольно долго. В эпоху Июльской монархии, когда в Париже повысятся требования к чистоте, в Совет по здравоохранению будут поступать многочисленные жалобы на бельевой пар.

¹³⁶ *Ibid.* P. 152–153.

¹³⁷ Исключение составляют евреи: хорошо известно, насколько это предубеждение укоренено в религиозной истории Запада.

Уже в начале века Лесаж обличал в «Жиль Блазе» мадридскую — на деле парижскую — вонь, однако подлинно трагических высот ольфакторный образ города достигает под пером Луи-Себастьяна Мерсье: «Если у меня спросят, как можно оставаться в этом грязном логове, где перемешаны все возможные пороки и недуги, где воздух отравлен тысячью гнилых испарений, среди боен, кладбищ и госпиталей, струящихся нечистот, потоков мочи и нагромождений экскрементов, среди красильных, дубильных и кожевенных мастерских, среди вечного дыма от невероятного количества дров и испарений от горящего угля, среди мышьячных, серных и смолистых частиц, бесконечно вылетающих из мастерских, где обрабатывают кожу или металлы; если у меня спросят, как можно существовать в этой бездне, где воздух тяжел, зловонен и столь густ, что виден невооруженным глазом и ощутишь в радиусе более трех миль, где он не обновляется, а лишь кружит по этому лабиринту домов; как, наконец, может человек добровольно гнить в этих тюрьмах, тогда как если б ему вздумалось отпустить подвластных его ярму животных, он увидел бы, как, ведомые одним инстинктом, они пустились прочь, искать в полях воздух, зелень и свободную землю, благоухающую ароматами цветов; если бы меня об этом спросили, то я бы ответил, что в силу привычки парижане притерпелись к сырости туманов, дурным испарениям и вонючей грязи»¹³⁸.

К этому перечню следовало бы добавить тюрьмы, церкви, смрадные клоаки на берегах Сены, например на набережной Жевр, и, конечно же, рынки — ольфакторную оправу самого сердца тошнотворного Парижа. Начиная с 1750 г. центральному рынку уделяется самое пристальное внимание¹³⁹. Его подземные подвалы с гни-

¹³⁸ Mercier L.-S. Op. cit. T. I. P. 137–138. На эту тему см. также P. 126–130.

¹³⁹ Boudon F. La salubrité du grenier à la fin du siècle // XVIIIe siècle. 1977. P. 171–180.

ющими овощами источают целую гамму зловония. На поверхности, в районе «дерьмовых ворот», прохожего душит рыбная вонь. А состояние мясных прилавков рождает безумное желание пустить все на снос.

Наблюдатели пытаются исследовать зловоние центральной части столицы, прежде оставшееся как бы непрозрачным. Им мы обязаны появлением множества неожиданно точных описаний, которые складываются во фрагментарный ольфакторный образ города, лишенный логической строгости и гармонии, характерной для визуальных впечатлений¹⁴⁰. Проследить потоки, образующие его ткань, — значит выявить рассадники миазмов, которые служат проводниками эпидемий. Позже из подобных представлений о городском пространстве возникнет новый взгляд на общество. Пока же собственно социологический замысел остается весьма расплывчатым. Развитию исследований мешает потенциальная угроза, связанная с запахом земли, воды, экскрементов, трупов и случайного скопления тел. Гигиенистов приводит в ужас запах вещей и гнилостного столпотворения, поэтому они заняты решением срочных проблем, что не способствует методическому анализу. Новый подход обозначится лишь в XIX веке, когда будет выработана иная стратегия, основанная на четком различии между лишенным запаха буржуа и вонючим простолюдином.

Но в канун Революции планы были совсем иными: поскольку смешение миазмов умножает опасность, нужно по возможности избавиться от путаницы и придать угрозам более упорядоченный характер. Так, архитектор Боффран предлагает выстроить отдельный рынок для каждого продукта¹⁴¹. Химики пытаются исследовать воздух в местах массовых скоплений людей и тем самым подтвер-

¹⁴⁰ На эту тему см.: *Fortier B. La politique de l'espace parisien // La Politique et l'espace parisien à la fin de l'Ancien Régime. P.: Corda, 1975.*

¹⁴¹ *Boudon F. Op. cit. P. 176.*

доть основательность теории Прингла. Долгое время эти довольно неловкие попытки заканчиваются ничем. Даже в руках Пристли эвдиометр оказывается не способен измерить степень испорченности воздуха ремесленной мастерской или корабельного трюма. Чуть больше удачи выпадает на долю Вольта и Гаттони, которые определяют качество воздуха в комнатах больных по скорости сгорания. Жюрин, долго и трудно пытавшийся исследовать воздух постелей, при помощи того же метода создает иерархию разных учреждений по степени гнилостности¹⁴²; первую позицию он отдает тюремной камере — теперь это самое опасное обиталище и с научной точки зрения. Однако ученые уже осознали, что все эти меры позволяют лишь установить соответствующие качества «витального воздуха», «горючего воздуха» и «меловой кислоты». Миазмы же по-прежнему неуловимы.

Наш краткий и схематичный обзор не может дать полного представления о разнообразии конкретного материала, которым оперирует данный дискурс. Однако в заключение подчеркнем: не нужно думать, будто запахи, преследовавшие подданных Людовика XVI, были навязчивее, чем прежде. С уверенностью можно судить лишь о феноменологии восприятия. Примерно с середины века запахи начинают ощущаться острее, как если бы порог толерантности вдруг резко понизился. Причем происходит это задолго до того, как городское пространство окажется замусорено промышленными отходами. Очевидно, что решающую роль здесь сыграла научная мысль, долго остававшаяся вне нашего поля зрения, ибо для нашей истории науки важнее всего истина, а многочисленные примеры исторических заблуждений не имеют значения.

¹⁴² Жюрин измеряет образцы «постельного воздуха» (*Jurine. Op. cit.* P. 71). О градациях загрязненного воздуха «жилых помещений» см. P. 90–91.

Остается последнее замечание. Все вышесказанное свидетельствует о существовании в определенных кругах повышенной чуткости к ольфакторной среде: речь идет о медиках, химиках и публицистах. Это не ставит под сомнение верность нашего наброска, однако мы сумели показать лишь малую часть более широкого процесса. Поэтому следует точнее оценить распространенность подобной тревоги и нарастание ольфакторной бдительности.

Перевод М. Неклюдовой

АРОМАТЫ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ*

Новое управление запахами, складывающееся параллельно с распространением *privacy* в домашнем быту буржуа, позволяет женщине стать весьма тонким режиссером. Производится тщательная регулировка телесных сигналов, рассчитанная на то, чтобы снизить интенсивность ольфакторного знака, с одной стороны, и закрепить за ним определенную ценность — с другой. Запреты делают многое недоступным для зрения, и в связи с этим неожиданное значение приобретает обоняние. «Воздух, окружающий женщину» становится неуловимо важным и волнующим элементом ее *sex-appeal*'а. Однако культ девической непорочности, новые представления о замужней женщине, о ее роли и добродетелях — все это по-прежнему налагает табу на чересчур прямые провокации. Возбуждать желания, не нанося ущерба стыдливости, — такова функция ольфакторной коммуникации на очередном витке утонченной любовной игры, символом которой становится новый союз женщины и цветка.

«Неукоснительная опрятность»¹

Новые доводы медицины доказывают: необходимо удалять грязь и нечистоты, чтобы уменьшить опасность

* НЛО. № 43 (2000). С. 60–86.

¹ *Comtesse de Bradi. Du savoir-vivre en France au XIXe siècle.* Paris: Levault, 1838. P. 210. Автор, урожденная Кейлак де Сейлан, была ученицей г-жи Жанлис.

заражения. С тех пор как Лавуазье и Сеген подсчитали, сколько побочных продуктов образуется в процессе кожного дыхания², врачи стали заботиться о том, чтобы ему ничто не препятствовало. Согласно физиологическим воззрениям Бруссэ, следует особенное внимание уделять гигиене секреторных органов, ответственных за «очищение»³ организма. Медицинская теория фрагментирует и тело, и связанные с ним гигиенические ритуалы. Самое существенное — содержать в чистоте руки, ноги, подмышки, пах и гениталии. Значение, которое Бруссэ придавал понятию раздражения, подтверждало вред от косметических составов, содержащих окиси металлов, и оправдывало их запрещение. Сенсуализм, влияние которого все еще было значительно, хотя он уже и стал объектом критических дискуссий, требовал ради сохранения остроты и точности осязания тщательно соблюдать гигиену⁴.

Каноны телесной эстетики предписывают тщательнейший уход за телом. Идеал аристократической перламутровой кожи, сквозь которую просвечивают пульсирующие голубые жилки, диктует косметические предпочтения. На протяжении практически целого столетия верхом совершенства неизменно почитается ослепительная белизна — белизна лилий и кожи мадам де Помпадур⁵; эстетический кодекс повелевает содержать в чистоте те

² *Duveen D.I., Klickstein H.S. Antoine Laurent Lavoisier's Contributions to Medicine and Public Health // Bulletin of the History of Medicine, 29, 1955.*

³ Это новое слово было введено в употребление Бруссэ.

⁴ Уходу за органами восприятия уделено немало места в пособиях по гигиене. Доктор Ростан (*Rostan L. Cours élémentaire d'hygiène. Paris: Bechet jeune, 1822. Т. 1. Р. 530*) в таком же духе пишет о том, как важна гигиена осязания.

⁵ «Цвет лица должен всегда сочетать в себе розы и лилии <...> пусть румянец просвечивает сквозь кожу — белую, тонкую, нежную и свежую», — предписывает Луи Кле (*Claye L. Les talismans de la beauté. 1860. Р. 90–91*).

части тела, которые одежда оставляет открытыми, как можно больше времени проводить в помещении, а на воздухе прятаться в тень и не снимать перчаток, защищающих «нежные, белые, упругие, пухленькие» ручки⁶.

Счистить с простолюдина грязь — значит обтесать его; убедить буржуа мыться — значит сделать его достойным, добродетельным представителем своего сословия. В этическом кодексе Бенджамина Франклина тринадцать принципов; чистоплотность — десятый из них; непосредственно за ней следуют моральная устойчивость и целомудрие⁷. «Гигиена бережет здоровье, прививает привычку к порядку, чистоте, умеренности и по этой причине является залогом красоты, ибо это драгоценное достоинство зиждется прежде всего на свежести здорового тела, на незапятнанности души»⁸. Видален устанавливает неожиданную связь между экономикой и чистотой⁹: чем шире распространена опрятность, тем меньше бесхозяйственного отношения к продуктам питания и одежде, тем легче заметить, проконтролировать, а в некоторых случаях и возместить ущерб; чистота становится одним из средств борьбы с потерями в производстве¹⁰. С этой точки зрения самое важное — научить не пачкаться, избегать

⁶ *Clay J.* Op. cit. P. 94. Ж.-П. Ришар (*Richard J.-P.* *L'univers imaginaire de Mallarmé.* 1961. P. 61, 92) увлекательно пишет о «сиянии первозданной белизны», о том, что белые цветы воспринимаются как цветырая и соотносятся с вечными снегами горных вершин. Хорошо известно, насколько символизм способствовал распространению моды на перламутровую кожу. У Малларме мы также встретим панегерики белоснежному цвету.

⁷ *Sombart W.* *Le Bourgeois.* Paris: Payot, 1926. P. 134.

⁸ *Mme Celnart.* *Manuel des dames ou l'art de l'élégance.* Paris: Roret, 1833. P. 100.

⁹ *Dr Vidalin P.-F.* *Traité d'hygiène domestique.* Paris: Delaunay, 1825. P. 159.

¹⁰ Ж. Геллер (*Heller G.* *Propre en ordre.* Editions d'En-bas, 1979) на примере кантона Во убедительно продемонстрировала, что с 1850 г. действовала стратегия превращения Швейцарии в страну чистоты как наивысшей добродетели, которая освящает все остальные, ибо основывается на посто-

любого контакта с нечистотами, очищать кожу от всех выделений.

Строгие требования стыдливости, как известно, и облегчают, и затрудняют введение в быт навыков гигиены. Небезынтересно при этом, что обоняние также оказывается вовлеченным в складывающуюся систему запретов. Ричард Сеннетт¹¹ перечисляет физические и психические расстройства, которыми страдали в Викторианскую эпоху буржуа, постоянно опасавшиеся случайно пустить ветры на людях. Учебники хорошего тона о подобных проблемах не упоминают, но в них говорится о совершенно новом типе ольфакторной деликатности. Не принуждайте слуг делать ничего такого, что им противно, пишет в 1838 г. графиня де Бради; если вы здоровы, разувайтесь и снимайте чулки сами¹².

Несмотря на ряд благоприятных условий, множество помех в распространении гигиены тела никуда не исчезает. Это прежде всего медленное обустройство жилищ необходимой техникой, продиктованное устойчивым недоверием медиков к неумеренному пользованию водой. Доказательство тому — масса ограничений и предосторожностей, которыми пестрят рассуждения врачей-гигиенистов. Ритм гигиенических процедур по-прежнему задается менструальным циклом. Редкие специалисты советуют принимать ванну чаще одного раза в месяц; Гуфланд совершает едва ли не дерзость, когда предписывает еженедельные омовения; еще смелее Фридлиндер: он,

янтве и целеустремленности. Исследовательница доказывает, что до начала Первой мировой войны за опрятностью жилища следили тщательнее, нежели за чистотой тела. Об этом см. также: *Guillon M.-H. L'apprentissage de la propreté corporelle à Paris dans la deuxième moitié du XIX siècle. Mémoire de D.E.A. Paris, VII. 1981.*

¹¹ *Sennett R. Les tyrannies de l'intimité. Paris, 1979. P. 145.*

¹² *Comtesse de Bradi. Op. cit. P. 180.*

хотя и осуждает излишнее пристрастие к купаниям, все же позволяет мыть детей дважды или трижды в неделю¹³.

Погружение в воду — определенный риск, и важно соотнести его продолжительность, температуру и регулярность с полом, возрастом, темпераментом, состоянием здоровья и временем года. Ванна — далеко не повседневное, привычное действие; она оказывает глубокое влияние на весь организм; на нее возлагают надежды психиатры, а в некоторых случаях — даже моралисты, что указывает на неоднозначность производимого ею эффекта¹⁴; к ней с опаской относятся гинекологи. Делаку напоминает, что продажная женщина страдает бесплодием оттого, что слишком заботится о чистоте своего тела. По его словам, многие женщины лишились радостей материнства из-за такого «нескромного ухода» за собой¹⁵. Еще страшнее то, что ванны опасны для красоты; женщины, ими злоупотребляющие, «обычно бледны, а их полнота имеет скорее мучнистый, чем цветущий вид»¹⁶. Девице, которая без оглядки плещется в ванне, может грозить даже слабоумие.

Туртель предупреждает, что лучше избегать водных процедур после еды, при недомогании и, разумеется, во время менструации. Ростан рекомендует принимающим

¹³ *Friedlander M.* De l'éducation physique de l'homme. Paris: Treuttel et Wurz, 1815. P. 54.

¹⁴ В 1804 г. врач советует: «Когда, колеблясь между восторгами сладострастия и достоинствами добродетели, юная девица с бледными щеками, бескровными губами, с глазами, которые увлажнены неволью текущими слезами, ищет уединения и находит удовольствие в меланхолических мечтаниях, пусть продолжительная горячая ванна окажет раздражающее воздействие на причины этой эротической истерики и подорвет силы этого избалованного чада природы» (*Marie de Saint-Ursin P.-J.* L'ami des femmes. P. 169). Здесь, выражаясь в терминах эпохи, речь идет о приложении «гигиены кокетства» к «гигиене темперамента».

¹⁵ *Delacoux.* Hygiène des femmes. Paris: Audin, 1829. P. 223—224.

¹⁶ *Ibid.* P. 226. А. Паран-Дюшатле объясняет свойственную проституткам полноту тем, что они слишком часто принимают ванны.

ванну смачивать голову водой, чтобы предотвратить прилив крови к мозгу¹⁷. Следует немедленно выйти из воды при вторичном появлении мурашек, немедленно вытереться и затем на короткое время прилечь на банкетке в ванной комнате, чтобы усталость после омовения прошла, а сырость не проникла в остальное жилище.

Предубеждение против ванн сохранилось вплоть до быстрой победы душа, который позволяет тратить меньше времени на туалет и избавляет от нарциссического соблазна. Их распространение сдерживал и запрет, наложенный на наготу. Вытирать гениталии после омовения — действие далеко не простое. «Закройте глаза, — советует своим читательницам г-жа Сельнар, — и не открывайте их, пока не закончите»¹⁸: дело в том, что вода может оказаться дерзким зеркалом. Доктор де Сент-Урсен пишет о смущении принимающей ванну девушки: «Неопытность опускается, зардевшись, в хрустальные волны, видит, как в них отражаются новые для нее самой красоты, и еще больше заливаается краской»¹⁹. Напыщенным слогом здесь говорится о том, что девочек начинают приучать к гигиене тела как раз тогда, когда они вступают в пубертатный период²⁰. «Принимайте ванну, если таков совет врача, — заключает графиня де Бради, — но без такового не купайтесь чаще раза в месяц. Есть нечто невыразимо праздное и расслабленное в привычке ложиться в ванну, очень мало подходящей для девицы»²¹.

С этого времени можно наблюдать очевидное расхождение между выспренними рассуждениями и бытовы-

¹⁷ *Rostan L.* Op. cit. T. 1. P. 507.

¹⁸ *Mme Celnart.* Op. cit. P. 37.

¹⁹ *Marie de Saint-Ursin P.-J.* Op. cit. P. 117.

²⁰ Об этом см.: *Guermont M.-F.* La grande fille. L'image de la jeune fille dans les manuels d'hygiène de la fin du XIXe siècle et du début du XXe siècle. Mémoire de maîtrise. Tours, 1981.

²¹ *Comtesse de Bradi.* Op. cit. P. 210.

ми привычками²². Люди принимают ванны, исполняя медицинские предписания. Купание для собственного удовольствия нуждается по меньшей мере в терапевтическом обосновании. Стоит ли удивляться тому, что вся процедура обставляется такими сложностями? Подача воды, наполнение и опорожнение жестяной лохани, чана или ванны попадают, подобно стирке или сезонной уборке жилища, в цикл торжественных домашних ритуалов и не могут войти в повседневный обиход.

Итак, главным новшеством по-прежнему остается гигиена отдельных частей тела. Доказательство тому — распространение (впрочем, не слишком широкое) ванночек для рук и ног, сидячих ванн и полуванн. Из стремления как можно меньше пачкаться, новой частоты омовений и ужесточения требований к ним складывается в буржуазном быту приучение к опрятности. Физиология телесных отправлений, значение которой подчеркивалось в учении Бруссэ, определяет не только ритуал туалета, разбитый на небольшие фрагменты, но и теорию и практику муниципального управления. И неукоснительная опрятность тела буржуа, и регулярный вывоз городских отбросов, на котором настаивали гигиенисты, суть проявления одного и того же проекта. Это проект борьбы с угрозой, исходящей от продуктов жизнедеятельности и понимаемой теперь не столько как риск заражения, сколько как опасность закупорки, засорения.

По мере распространения водных процедур растет и разнообразие лосьонов. Лосьон популярен как замена изгнанных из употребления духов и как обязательный атрибут растираний, высоко ценимых за свои укрепляющие и тонизирующие свойства. Вскоре появились и другие

²² Ср.: *Perrot P. Les dessus et les dessous de la bourgeoisie. Paris: Fayard, 1981. P. 228.*

гигиенические средства и процедуры. Исчезла мода на помаду для волос²³, что легко объяснимо. Уход за волосами предусматривает их расчесывание (причем время от времени — частым гребнем или щеткой) и заплетание в косу перед сном. Запрет Салернского кодекса пока остается в силе, и голову еще не моют. Чтобы очистить волосы от пыли, г-жа Сельнар рекомендует вытирать их сухим полотенцем²⁴; иногда, очень осторожно, модница может прибегнуть к мыльному лосьону, который следует наносить на волосы при помощи губки. Шампунь войдет в обиход лишь при Третьей Республике, а до этого времени запах, исходящий от волос, остается одним из важнейших козырей женщины, которой запрещено злоупотреблять духами.

Уточняются правила гигиены рта; чтобы придатьдыханию свежесть, Лонд советует ежедневно чистить щеткой все зубы (не только передние, как это делали обычно)²⁵, а г-жа Сельнар — пользоваться зубными порошками с отдушкой²⁶.

То, какой запах издает тело, зависит не только от уровня гигиены, но в еще большей степени — от качества и чистоты нательного белья²⁷. И в этой области движение вперед выражается в ускорении темпа. Врачи-гигиенисты стараются убедить публику в необходимости менять белье

²³ *Comtesse de Bradi*. Op. cit. P. 191.

²⁴ *Mme Celnart*. Op. cit. P. 8–12. Кроме того, она пишет, что можно втирать в волосы яичный желток, чтобы очистить их от жира. Доктор Тувенен также рекомендует время от времени мыть волосы теплой мыльной водой (*Dr Thouvenin*. *Hygiène populaire à l'usage des ouvriers des manufactures de Lille et du département du Nord*. 1842. P. 27).

²⁵ *Londe Ch*. *Nouveaux éléments d'hygiène*. Paris: J.-B. Baillière, 1838. Т. II. P. 5.

²⁶ *Mme Celnart*. Op. cit. P. 23.

²⁷ Быстрое распространение этой «невидимой одежды» (ср.: *Perrot Ph*. Op. cit. P. 259) является, на наш взгляд, событием чрезвычайной важности.

еженедельно. Вслед за новой периодичностью стирки²⁸ и подчеркнутым вниманием к приятному запаху свежего белья идет ароматизация корыт, тазов, сундуков, ящичков комода. Все это стимулирует распространение практических мер, оказавшихся предвестниками многих уже собственно гигиенических навыков²⁹.

Однако новые привычки даже в буржуазном быту укореняются довольно медленно, о чем свидетельствует редкость туалетных комнат. Биде приобретает популярность лишь к самому концу столетия³⁰; использование tub'ов — английского варианта ванны — долгое время остается признаком снобизма. Еще в 1900 г. добропорядочные парижские буржуа вполне удовлетворяются эпизодическим мытьем ног³¹. В кабинетах врачей той эпохи потому только имелось, как явствует из инвентарных списков, достаточно большое количество сидячих ванн, что медики находились на переднем крае борьбы за распространение гигиены³².

Покамест не было и речи о том, чтобы приобщить простолюдина к ритуалам, не вошедшим еще в повседневный обиход даже избранного общества. И простолюдину оставалось только прозябать в вонючей жирной грязи,

²⁸ Ср.: *Thuillier G.* Pour une histoire du quotidien au XIXe siècle en Nivernais. 1977. P. 124 и след.

²⁹ Видимо, так обстояло дело в Мино (ср.: *Verdier Y.* Façons de dire, façons de faire. Paris: Gallimard, 1979. P. 111–112). Для молоденькой девушки, недавно вышедшей из подросткового возраста, приятный запах новых тканей был радостной стороной зимнего обучения в швейной мастерской.

³⁰ По данным Ги Тюилье (Op. cit. P. 52), в 1900 г. в Невере (Бургундия) женщины из буржуазных семей широко пользовались как биде, так и гигиеническими прокладками; в обиход других слоев населения и то и другое вошло лишь после 1920 г.

³¹ *Martin-Fugier A.* La place des bonnes. La domesticité féminine à Paris en 1900. Paris: Grasset, 1979. P. 110.

³² *Leonard J.* Les médecins de l'Ouest au XIXe siècle. 1979. Т. III. P. 1468.

если он избегал общественных бань с их безобразным и беспорядочным развратом. В окрестностях Невера, как показал Ги Тюилье, гигиена тела перестала быть редкостью лишь после 1930 г.³³ До этого времени приучение к чистоте в школах, казармах и спортивных обществах оставалось делом чисто внешним; в этом легко убедиться, вспомнив ожесточенные споры об использовании гребня, о контроле наставников за опрятностью учащихся, а также советы, которые дает г-жа Фуйе в книге «Путешествие двух детей по Франции»³⁴.

Однако многие социальные группы уже сталкиваются с нормами, выработанными для буржуазии. Тюрьма даже в большей степени, чем пансион, остается лабораторией, где проходят испытание предварительные меры, свидетельствующие о новых требованиях. Виллерм еще в 1820 г. считал, что заключенные каждое утро должны причесываться и умываться, по нескольку раз на дню мыть руки и еженедельно — ноги³⁵. Он же находил нужным каждую неделю проверять опрятность арестантов, мыть вновь прибывших и советовал тюремному начальству коротко стричь заключенных. Столетие спустя гигиенисты будут требовать для школьников, в сущности, именно того же.

Кормилицам из провинции, нанимавшимся в семейства буржуа, приходилось соблюдать правила гигиены —

³³ Успехи в этой области были обусловлены широким распространением эмалированной жести, из которой стали делать недорогие тазы и прочие емкости большого объема. Новые требования, таким образом, проводят границу между поколениями.

³⁴ О том, что этому предшествовало, см.: *Thuillier G. Op. cit. P. 54–55.*

³⁵ *Dr Villerme L.-R. Des prisons telles qu'elles sont et telles qu'elles devraient être <...> par rapport à l'hygiène, à la morale et à l'économie politique. Paris: Mequignon-Marvis, 1820. P. 34.*

по всей вероятности, более жесткие, чем те, которым подчинялись сами родственники младенца. Медики рекомендовали кормилицам мыться не реже раза в месяц и постоянно содержать в чистоте рот, грудь и половые органы³⁶. Впрочем, каково было влияние этих женщин после их возвращения из города, сказать затруднительно.

В деревне приобщению традиционно грязных словесий, для которых единственной мерой гигиены было купание в реке, к господствующей системе знаков-ценностей, выстроенной по предписаниям ученых, должно было предшествовать налаживание регулярного водоснабжения. В этой области, еще очень мало изученной, основные сдвиги приходятся на середину столетия. Пример Мино здесь кажется вполне репрезентативным. Сложная система желобов, цистерн, сделанных из бука корыт, мостков для стирки белья и фонтанов с питьевой водой — зримое свидетельство некоей новой «водяной» архитектуры — встраивается в сельское землевладение; в 1875 г. вода в деревне подчиняется человеку³⁷, и, пока женщины отвыкают общаться друг с другом у колодца и осваивают новые пространства для своих работ, городская гигиена тела и жилища начинает, пусть очень робко, пронизывать быт деревни. И в этой среде управление потоками воды вскоре проложит дорогу для нового уклада повседневных действий.

³⁶ *Fay-Sallois F.* Les nourrices à Paris au XIXe siècle. Paris: Payot, 1980. P. 216.

³⁷ *Verdier Y.* Op. cit. P. 122–128. Ги Тюилье описывает аналогичные изменения в окрестностях Невера. За десять лет (с 1820 по 1830 г.) начала действовать настоящая «политика мест для стирки белья». В сельских общинах в 1840–1870 гг. водоснабжение быстро развивается. Однако для того, чтобы развернуть систематическую, координированную гигиеническую политику, потребовался закон от 15 февраля 1902 г. (*Thuillier G.* Op. cit. P. 14 и след.).

ОБОНЯНИЕ И НОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭЛЕГАНТНОСТИ

При конституционной монархии эlegantный мужчина — если только он не изображал из себя денди и не предавался «протiwоестественной» любви — духов не употреблял; самое большее, что он мог себе позволить, — это чуть слышный запах табака³⁸, который ни в коем случае не должен был сообщиться даме³⁹. Историки моды и костюма убедительно показали, что в эту эпоху нарочитость была не к лицу мужчине. Из нового кодекса мужской эlegantности, тонкость которого общеизвестна, были исключены ольфакторные элементы — если только не считать таким элементом само отсутствие всякого сильного запаха, свидетельствовавшее о тщательной гигиене, важнейшем признаке хорошего тона. Едва различимый, символический запах чистоты, исходящий от белья, отличает лишенного иных запахов буржуа, который больше не нуждается в чужих обличьях.

Напротив, женщине, ставшей демонстративным атрибутом мужчины и «ритуальной потребительницей производимых им благ»⁴⁰, препоручается знаковая функция — манифестировать положение и достаток отца или супруга. Отныне ее удел — шелковые ткани, яркие цвета, вычурная роскошь; они доказывают, что их хозяйка расточи-

³⁸ По свидетельству Дельфины де Жирарден, выпустившей свои «Парижские письма» под псевдонимом *vicomte de Launay*, в 1837 г. от эlegantного парижанина могло пахнуть табаком даже довольно ощутимо (*Lettres parisiennes* [1836–1839]. Paris: Charpentier, 1843. P. 317).

³⁹ Ср. деликатность героя романа Барбе д'Орвильи «Фальшивая любовница»: он, выкурив сигару, опасается садиться в коляску графини Лагинской (*Barbey d'Aurevilly J. La fausse maîtresse. La Pléiade. T. II. P. 218*).

⁴⁰ *Veblen Th. Theorie de la classe de loisir. Paris: Gallimard, 1978* (первое издание вышло в 1899 г.). P. 56, 58, 97. Об этом см. также работу Филлиппа Перро.

тельна, и отводят от нее малейшее подозрение в причастности к труду.

Правила элегантности в ольфакторной сфере делаются все сложнее и тоньше. Вплоть до конца века набор разрешенных запахов остается очень скудным; люди хорошего общества не обращают внимания на модные поветрия и соблюдают эстетику, утвержденную еще при дворе Марии-Антуанетты. В эпоху конституционной монархии врачи особенно настойчиво твердят о гигиене обоняния, имея в виду легкость и утонченность ольфакторных знаков, верность нежным растительным ароматам и отказ от тяжелых запахов животного происхождения: мускуса, амбры и цибетона⁴¹.

Это стремление к легкости и утонченности идет рука об руку с новым пониманием косметики, отождествляющим красоту с «элегантной опрятностью»⁴². Это выражается в отказе от белил, румян, пудры и умеренном использовании помады⁴³. Туртель превосходно подытоживает новые требования моды и гигиены: «Истинные косметические средства — лосьоны для чистой кожи, приготовленные на основе воды; масла, которые вместе с эмульсиями можно употреблять для очищения и смягчения кожи: свежее растительное масло, спермацет, масло какао, мыло, мелко растертый миндаль. И никаких окисей металлов», — добавляет он⁴⁴. Самое важное — уда-

⁴¹ В 1825 г. г-жа Гакон-Дюфур (*Mme Gacon-Dufour. Manuel du parfumeur. Paris: Roret. P. 31, 83*) подчеркивает как отказ от мускуса, так и предпочтение, отдаваемое одеколону и воде, настоянной на мелиссе. «Сильные запахи: мускус, амбра, флердоранж, тубероза и им подобные — должны быть решительно запрещены» (*Mme Celnart. Op. cit. P. 11*).

⁴² *Dr Tourtelle E. Éléments d'hygiène. Paris: Remont et fils, 1815. T. I. P. 434.*

⁴³ *Comtesse de Bradi. Op. cit. P. 214.*

⁴⁴ *Tourtelle E. Op. cit. T. I. P. 434–435.* Такого же мнения придерживается и Ростан (*Cours élémentaire d'hygiène. T. I. P. 528–529*).

лить пленку жира и грязи, чтобы кожа дышала, открыть поры — так возникает «воздух, окружающий женщину».

Все современники пишут о вытеснении духов из обихода; а профессионалы горько сожалеют об этом — в частности, Рimmel, один из известнейших парфюмеров⁴⁵. Элегантные женщины совсем забросили домашнюю парфюмерию, и значение этой утраты трудно переоценить: исчезла целая лаборатория запахов, в которой проходили тонкую выучку обонятельные рецепторы⁴⁶. Ароматические средства для ванн практически забыты, отмечал в 1860 г. Луи Кле⁴⁷. С тех пор как вышла из употребления пудра, вокруг обычая душить волосы разгорелась продолжительная полемика; видимо, на это решались только отчаянные кокетки⁴⁸.

Правила хорошего тона запрещают девушке пользоваться духами; подобные нескромные ухищрения вовсе не гармонируют с ее неискушенностью и слишком откровенно говорят о ее матримониальных устремлениях. И потом, разве этим девица не лишает себя надежнейшего оружия? Напротив, не стоит маскировать — разве что совсем слегка — запах, исходящий от хрупкого тела, ольфакторное целомудрие которого еще не исчезло под воздействием мужской спермы: «Девственница источает нежное благоухание майорана, более сладкое и пьянящее, чем любые аравийские ароматы»⁴⁹.

Сами духи ни в коем случае не должны соприкасаться с кожей. Разрешены только ароматические туалетные воды, т.е. дистиллированная вода, настоянная на лепест-

⁴⁵ *Rimmel E. Le livre des parfums. Bruxelles, 1870. P. 25 (франц. изд.).*

⁴⁶ *Ibid. P. 350.*

⁴⁷ *Claye L. Op. cit. P. 75.*

⁴⁸ Луиза де Шолье прибегает к этому средству, чтобы удержать Мари Гастона (*Mémoires de deux jeunes mariés. P. 381*).

⁴⁹ *Debay A. Les parfums et les fleurs. Paris, 1861. P. 49.*

ках роз, на подорожнике, клубнике, на зернышках бобов, и одеколоны⁵⁰. Между телом и источником запаха абсолютно необходимо расстояние. Правила ужесточаются, а наряду с этим оскудевает и разнообразие предметов, на которые можно наносить духи. Не противоречит хорошему тону, если белье, вынутое из ящика комода, сохраняет нежный запах, но надуть одежду духами — значит пойти наперекор всем правилам. Ароматы сконцентрированы на носовых платках⁵¹ и некоторых других предметах: на веере, на кружевной ленточке, которой перевязан крошечный бальный букетик, и, для самых чувственных женщин, — на перчатках, митенках, домашних туфельках.

Однако из новых запретов можно извлечь и немалые выгоды. Духами пропитываются предметы постоянного обихода, запах которых отражает и подчеркивает обаяние женщины. Духам поручено одновременно создавать ольфакторную оболочку, делать видимой «атмосферу женщины» и придавать ей ценность, иначе говоря — соединять несоединяемое. В конечном итоге установление дистанции оказывается средством соблазнения; дерзкая неприступность пропитана эротикой.

Эта сложная стратегия предписывает и поощряет отказ от запахов животного происхождения и моду на цветочные ароматы, которые, не вступая в соперничество с запахом тела, звучат как эхо удивительного содружества женщины и цветка.

«Упражнять обоняние следует, вдыхая ароматы природы на утренней заре», — поучал в 1838 г. Лонд⁵², а графиня де Бради примирительно замечала: «Я не одобряю готовые духи, но нахожу вполне позволительными арома-

⁵⁰ *Londe Ch. Op. cit. Т. II. P. 501.*

⁵¹ Излишне снисходительная г-жа Сельнар разрешает также окропить несколькими каплями одеколона рубашку и чулки (*Mme Celnart. Op. cit. P. 92.*)

⁵² *Londe Ch. Op. cit. Т. I. P. 59.*

ты живых цветов в тех случаях, когда они уместны»⁵³. Элегантность определяется здесь не только интенсивностью запаха, но и его происхождением. Набор самых «правильных» духов и туалетных вод окончательно сложился к середине эпохи Второй Империи. Хотя в 1860 г. парфюмеры трудятся над тем, чтобы сделать свою продукцию как можно более изысканной, набор ароматических композиций для носовых платков остается весьма небогатым; по мнению Риммеля, он состоит из шести основных ароматов: роза, жасмин, цветы апельсинового дерева, кассия, фиалка и тубероза⁵⁴. Дело парфюмера – придумывать новые сочетания классических элементов. Для производства помады можно использовать также нарцисс и жонкиль (желтый нарцисс), резеду, сирень, цветы боярышника, чубушник. Это не абстрактные предписания: в 1861 г. знаменитые парижские парфюмеры, по свидетельству Дебэ, «полностью отказались от сильных, возбуждающих, раздражающих нервы запахов <...> и специализируются на простых и невинных ароматах»⁵⁵.

У современников эта ольфакторная робость встречает одобрение. Врачи бесконечно повторяют аргументы, взятые на вооружение еще в конце прошлого столетия и доказывающие, что ароматы животного происхождения – не что иное, как продукт разложения. Они поздравляют друг друга с их практически полным исчезновением. Общепризнанная потребность в чистом воздухе также заставляет постоянно быть начеку. Страх перед неблагоприятным воздействием животных запахов на психику растет по мере развития психиатрии. «Злоупотребление

⁵³ *Comtesse de Bradi*. Op. cit. P. 220. На тех же основаниях строится перечень разрешенных духов у Делаку в 1829 г. (*Hygiène des femmes*. P. 233) и у г-жи Сельнар – в 1833-м (Op. cit. P. 92).

⁵⁴ *Rimmel E.* Op. cit. P. 369.

⁵⁵ *Debay A.* Op. cit. P. 42.

духами — источник всех неврозоз, — утверждает доктор Ростан в 1826 г. — Истерия, ипохондрия, меланхолия — вот наиболее частые последствия этой привычки»⁵⁶. Такая опасность грозит в первую очередь анемичным девицам: они, подобно беременным женщинам, могут страдать серьезными расстройствами обоняния — паросмией и даже какосмией (болезненным пристрастием к некоторым, в том числе и неприятным, запахам). «Бывают случаи, когда пациенты не только спокойно переносят, но и с жадностью вдыхают вонь жженого рога или иные столь же вредные запахи», — пишет в своей диссертации доктор Обри⁵⁷. Этих аргументов достаточно, чтобы девушкам, в большинстве своем слабым и анемичным, было запрещено душиться.

Неоднозначная мысль о безнравственности сильных и навязчивых запахов красной нитью проходит через рассуждения врачей, считающих нужным предостерегать своих читательниц. Незадолго до революции, последовавшей за открытиями Пастера, подобные нападки возобновятся с удвоенным ожесточением. Любовь к духам, склонность «к низменным чувственным удовольствиям»⁵⁸ — признаки «изнеженного, потакающего дурным наклонностям воспитания»; они усугубляют нервозность, ведут к женоподобию, поощряют разврат. «Нюхачи» Тардые

⁵⁶ Dictionnaire de médecine (Bechet), статья «odeur». Столь же суров приговор Фридендера (De l'éducation physique de l'homme. P. 70).

⁵⁷ *Obry Z.-A. Questions sur diverses branches des sciences médicales.* P. 13. Г-жа Сельнар переводит медицинские рекомендации на язык, доступный ее элегантным читательницам: «Бледность, худоба, круги под глазами, упадок сил, нервическая дрожь — обычные плоды неумеренного использования духов лицами с большей или меньшей склонностью к раздражению нервов» (Op. cit. P. 91). Дебэ советует отказаться от ношения надушенных перчаток, которые могут вызывать обмороки и другие неприятности (*Debay A. Hygiène des mains et des pieds, de la poitrine et de la taille.* Paris: Garnier frères, 1851. P. 20).

⁵⁸ *Dr Layet A. Odeurs // Dictionnaire Dechambre.* 1880.

вскоре пополнят список несчастных «извращенцев». В моде тонирующие и дезинфицирующие лосьоны.

Эта психиатрическая стратегия, в которой куда больше морализаторства, чем в прежние времена, когда гонения на тяжелые запахи были продиктованы прежде всего страхом перед инфекцией, способствует подъему слегка забытой науки о запахах, или осфрезиологии — подобно тому, как духи стали популярны после выхода в свет объемистых сочинений Ипполита Клоке. Особенный интерес к ольфакторной сфере проявляет экспериментальная психология⁵⁹.

Однако остановиться здесь значило бы сильно упростить ситуацию. Очевидно, что за устойчивой модой на естественные запахи и столь же устойчивым отрицанием дразнящих ароматов животного происхождения стоит нечто совершенно иное. Тонкая регламентация ольфакторного поведения содержит сведения о социальной психологии разных сословий; не вдаваясь глубоко ни в одно из ее ответвлений, намечу некоторые пути для дальнейшего исследования этой малоизученной области.

«Буржуа пользуется своим богатством не для того, чтобы производить эффект»; оно жизненно необходимо ему, пишет Робер Мози⁶⁰, и этого, как я уже говорил, было бы вполне достаточно, чтобы объяснить ненависть к духам как символу мотовства, распространение которого свидетельствует о невосполнимых убытках и обесценивает количественный подход к миру. Однако эта аргументация плохо приложима к буржуа XIX столетия. Он мало похож на описанного Вернером Зомбартом моралиста, который превыше всего ставит долг, отрицает радости жизни и чувственность как таковую. Снедаемый желанием узаконить свое положение, буржуа новой эпохи

⁵⁹ Изложение истории вопроса см.: *Combe A. Influence des parfums et des odeurs sur les névropathes et les hystériques. Paris: A. Michalon, 1905.*

⁶⁰ *Mauzi R. L'idée du bonheur au XVIIIe siècle. P. 271.*

мечтает о родословной; он жадно копирует аристократическую развязность. Постепенно он перестает строить из себя социального отщепенца и, можно сказать, вновь начинает жить напоказ: моды Шоссе д'Антен быстро обгоняют в великолепии скромное обаяние сен-жерменского предместья. Тут-то и следует искать ключ к разгадке. Вплоть до Июльской монархии правила хорошего тона определяются именно здесь. Филип Перро, в частности, убедительно продемонстрировал, как новое отношение к изящной простоте, укореняющееся в этой среде, формирует кодекс элегантности. Начиная с эпохи Реставрации иерархические различия становятся все тоньше, знаки — все сложнее; обозначаются неожиданные градации. Развитие гигиены отделяет зажиточных от бедняков; неуловимые для взгляда непосвященного оттенки дробят на части мир богатых. Непринужденное изящество ольфакторных знаков, без сомнения, также участвует в сложной стратегии изысканности⁶¹.

Кроме того, в этом кругу, где возникает и развивается элегантность, любовь к растительным и презрение к животным запахам могли быть интерпретированы как своего рода Реставрация; они означали одновременно и возвращение к модам последних дней Старого Режима, и неприятие вычурных и даже щегольских вкусов времен контрреволюции — по крайней мере, модных пристрастий «чудесниц» и выскочек эпохи Директории. Они также свидетельствовали о том, что при императорском дворе не принято одеваться роскошно, напоказ. И все же другие доводы кажутся мне более убедительными, нежели те, что отсылают только к моде, в пестроте которой можно найти подтверждение самым противоречивым гипотезам.

⁶¹ Г-жа Сельнар подчеркивает: в том, что касается духов, дороговизна и скромность идут рука об руку; растительный аромат улетучивается быстрее, чем запах животного происхождения, а значит, легкие духи предполагают большие расходы и большую состоятельность.

Из всех женских добродетелей XIX век превыше всего ценил стыдливость, целомудрие. Запрет, наложенный на макияж и дразнящие запахи, входит в сложную систему репрезентации — одновременно моральной, зрительной и эстетической. «Простая опрятность, изящество и естественная красота тела и души, милая веселость и скромность — вот лучшие косметические средства»⁶². Густые испарения отечных тел, тяжелые запахи и пудра с мускусным ароматом подходят только для будуара содержанки или для гостиной в публичном доме. Отталкиваясь от образа порочной женщины, легче дать определение элегантности.

За распространением символики женщины-цветка, естественной и едва уловимо пахнущей духами, стоит непреклонная воля к обузданию страстей. Нежный аромат — знак полупрозрачного тела, понимаемого как простое отражение души. Эта смелая стратегия должна обезвредить низменные склонности, смирить порывы самой женщины. Ей следует благоухать (и быть) розой, фиалкой, лилией, но ни в коем случае не мускусом или цибетоном⁶³; образы цветов вытесняют из речи слова, относящиеся к сфере плотского. И в самом царстве флоры образный ряд тяготеет к невинным — полевым или садовым — растениям; еще не пробил час тревожной, будоражащей экзотики лиан и странных цветов с ядовитыми венчиками. Стремясь удержаться от насмешек, ученые слишком долго отказывались от исследования слащавой символики, которая быстро сложилась вокруг образа юной девицы; за ней скрывается настойчивая, завораживающая тяга к сакрализации объекта. Пусть женщина так же убирает цветами себя и свое тело, как она украшает статую Девы Марии или переносные алтари в праздник Тела Господня; пусть переизбыток добродетелей обрам-

⁶² *Rostan L. Op. cit. T. I. P. 528.*

⁶³ См.: *Borie J. Mythologies de l'héritité au XIXe siècle. Paris: Galilée, 1981. P. 57.*

ляет ее жизнь подобно тому, как цветочные гирлянды обвивают картины, подаренные ей в день первого причастия, — и тогда вопрос о пагубной животной страсти исчезнет сам собой. Не стоит за рассуждениями врачей забывать о проповедях священников, которые в этой среде, возможно, оказывались куда более действенными.

ТОНКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕЛЕСНЫХ ЗНАКОВ

Нас по-прежнему занимает вопрос о глубинном значении стыдливости. Холодность с намеком, осторожный призыв, признание в смутной печали, краска смущения, постоянные упоминания о заблуждениях страсти, которым не пристало поддаваться, — не складывается ли все это в умелую сексуальную стратегию, куда встроена и тонкость ольфакторных знаков?⁶⁴ Не оказываются ли хитрыми эротическими ловушками естественное благоухание девичьего тела и хорошо пропускающая воздух одежда? «Духами следует пользоваться так, чтобы не угасало желание ощущать их запах»⁶⁵, — в нескольких словах Дебэ суммирует эротическую науку стыдливости. В рамках этой глобальной стратегии ольфакторная коммуникация несет особую нагрузку. Зов запаха менее очевиден и груб, он тоньше, а волнует, возможно, больше, чем нагота, и к тому же лучше соответствует двусмысленности всей стратегии соблазнения. Кроме того, он позволяет ничем не нарушить невинности внешнего облика. Любовные послания, исходящие от тела вместе с легким ароматом духов, не так угрожают целомудрию, как естественные формы, прикрытые, но при этом явленные взору или даже подчеркнутые тканью корсажа.

⁶⁴ См.: *Foucault M. La volonté de savoir. 1977, passim.*

⁶⁵ *Debay A. Op. cit. P. 50.*

Умелое вовлечение обоняния в игру сопровождает светскую жизнь — а может быть, и предшествует ей. Столь пристальное внимание к нюансам индивидуальных запахов характерно именно для этой эпохи и в дальнейшем уже не повторится. Ученый Баррюэль заявил, что им открыт научный метод, позволяющий распознавать эти оттенки; он предложил судебным властям свои разработки, касающиеся запаха крови⁶⁶. Еще до того, как стали использоваться отпечатки пальцев, он придумал ольфакторные отпечатки — неизвестная страница в истории идентичности.

Медики того времени единодушно полагали, что у человека запах гениталий не связан с репродуктивной функцией. Он направляет половой инстинкт животных, «но в роде человеческом это не так», — утверждает Ростан⁶⁷. По замечанию Лонда, эротические функции перешли к осязанию⁶⁸; только ласки могут возбуждать желание. У животных, пишет Ипполит Клоке, обоняние «разжигает неистовые страсти», в человеке оно будит «приятные ощущения»⁶⁹. Точно так же у негров, которые по развитию стоят ближе к животным (это доказали, как нам сообщают, антропологи Блюменбах и Земмеринг⁷⁰), развита повышенная восприимчивость к сексуальной компоненте запахов.

Будучи центром домашней сферы, женщина становится и ее режиссером; не выходя за границы стыдливости, она производит тонкую эротическую переакцентуацию во всем, что ее окружает, превращая собственный

⁶⁶ *Barruel M. Mémoire sur l'existence d'un principe propre à caractériser le sang de l'homme et celui des diverses espèces d'animaux // Annales d'Hygiène publique et de Médecine légale. 1829. P. 267–277.*

⁶⁷ *Dr Rostan. Ст. «odorat» // Dictionnaire de Médecine (Bechet). 1840.*

⁶⁸ *Londe Ch. Op. cit. T. I. P. 59.*

⁶⁹ *Dictionnaire des sciences médicales (Panckoucke). 1819. Ст. «odeur». P. 229.*

⁷⁰ *Dr Rostan. Op. cit. P. 237.*

мир в сплошь символический. Мир воображения этой эпохи прочитывается в интерьерах явственнее, чем где бы то ни было. Даже Бальзак признает в «Физиологии брака»: если в растительных ароматах нет ничего вызывающего, они могут украшать атмосферу спальни и будуара. Однако на мускус, а также на лилии и туберозы наложен запрет, и даже аромат роз вызывает некоторые сомнения.

Курильницы остаются неотъемлемой частью быта светской девушки⁷¹. Благовония в виде маленьких пирамидок или шариков по-прежнему в ходу⁷², но их зажигают преимущественно в комнатах больных. Теперь в большой моде ароматизированные свечи⁷³, польза от которых служит надежной порукой невинности. Отныне самое существенное — спрятать соблазнительные намерения за идеей пользы. Поэтому духи для белья — всего лишь гигиеническое средство. От почтовой бумаги исходит тонкий аромат, и никто не мешает думать, что его оставили пальцы писавшей письмо.

Бальзак стал искуснейшим живописцем передних и будуаров, где воздух напоен ненавязчивыми ароматами духов⁷⁴; так, умелая ольфакторная режиссура герцогини де Карильяно совершенно уничтожает Августину и открывает ей глаза на то, какая пропасть лежит между ней, дочерью суконщика с улицы Сен-Дени, и утонченной аристократкой («Дом кошки, играющей в мяч»). Будуар

⁷¹ Курильница упомянута в числе вещей, полученных в приданое Луизой де Шолье (*Balzac. Mémoires de deux jeunes mariés*. P. 213).

⁷² *Chaptal J.-A.* Op. cit. P. 109.

⁷³ *Debay A.* Op. cit. P. 43.

⁷⁴ Как известно, писателя вдохновляли апартаменты герцогини д'Абрантес. По мнению А. Кайо (*Caillot A.* Op. cit. P. 134), эпоха Директории вернула будуару все его прежнее значение, в особенности политическое. Именно тогда в моду входят парикмахеры. «Вся женщина — здесь... и в своей спальне» — так напишет о будуаре в 1857 г. барон Мортемар де Буасс (*Mortemart de Boisse A. La vie élégante à Paris*. Paris: Hachette. P. 89).

выступает как благоухающий полюс бальзаковского универсума, и это совершенно логично, поскольку на протяжении всего творчества романиста приятный запах ассоциируется с цветами / женщиной / парижанкой / молодой / влюбленной / богатой / ухоженной / живущей широко и свободно; миазмы отсылают к иным понятиям: ограниченность / грязь / скученность / бедность / старость / низкое происхождение.

Нет ничего дурного в желании окружить себя цветами и птицами. «Такова естественная склонность женщин», — утверждает графиня де Бради⁷⁵; даже проститутки, несмотря на свое падение, не утрачивают ее. В представлениях романтиков от Новалиса до Нерваля девушка, бесплотная и таинственная, легко откликающаяся на зов бесконечности, открывает, как полевой цветок, благоуханный путь к вершинам поэзии. Эта близость, эта скромная гармония ведет к символической метаморфозе, к смешению понятий; задолго до того, как силуэт Аврелии превратился в цветущий сад, Сенанкур пишет о простенькой фиалке: «Очарование и быстрота желаний, легкое беспокойство и некое предчувствие пустоты окружающего. Смутная потребность любить; тайное стремление быть любимой. Изысканность в привязанностях»⁷⁶. Мишле требует, чтобы супруг-садовник, вместо того чтобы срывать «бедный цветок» и наслаждаться его ароматом, как это делают чувственные мужчины, ухаживал за ним, «оставив его расти и пестуя так, как того требует его природа». «Одному необходима прививка, приток чужого сока; он еще молод и дик. Другой, поникший, ослабевший и доступный любому влиянию, нуждается лишь в том, чтобы его полили, чтобы в него проникла жизнь <...> его

⁷⁵ *Comtesse de Bradi*. Op. cit. P. 221. «Они приветствуют их с восторгом, словно счастливо обретенных сестер» (*Janin J. L'été à Paris*. Paris: Curmer, 1843. P. 238).

⁷⁶ Цит. по: *Raymond M. Senancour, Sensations et révélations*. 1965. P. 157.

любовная пыльца летит по ветру, и надобно ловить ее, собирать и, самое главное, оплодотворять»⁷⁷. Венчик невинного цветка, раскрывшегося и незащитного, доставляет наслаждение мужчине и заставляет его с удвоенной силой грезить об оплодотворении.

Благожелательное отношение к цветам — явление новое, и причина тому — открытый Яном Ингенхусом процесс фотосинтеза. «Тлетворные испарения цветов и листьев, — пишет ученый, — безусловно отличаются от тех, которые рождают благоухание: насколько первые по своей природе опасны, настолько вторые невинны. Аромат растений не имеет ничего общего с их ядовитыми мизмами»⁷⁸. Существеннейшее разграничение: пахучие растения перестают считаться самыми опасными; цветы приносят не более вреда, чем листья. Чтобы уберечься от риска, достаточно проводить ночи в комнате, свободной от цветов, в течение дня проветривать помещения, где они находятся, и не держать в жилище растения с пышной листвой. Более того, дыхание стоящего на свету цветка может стать для женщины лекарством от нервного перенапряжения. «Растение, не имеющее нервов, станет для нее нежным дополнением — успокоительным, освежающим, сравнительно невинным»⁷⁹. И все же Мишле, заботясь о нравственности, будет настаивать, чтобы «маленькие барышни» избегали слишком близкого соседства букетов, которое может им повредить.

Новейшие теории возвращают цветам былое значение. В садах XVIII века им отводилась несущественная

⁷⁷ *Michelet J.* La femme [1859]. Éd. Flammarion, 1981. P. 242–243.

⁷⁸ *Ingenhousz J.* Expériences sur les végétaux, spécialement sur la propriété qu'ils possèdent à un haut degré soit d'améliorer l'air quand ils sont au soleil, soit de le corrompre la nuit ou lorsqu'ils sont à l'ombre. Paris: T. Barrois, 1787–1789. T. I. P. LXXXVIII (исследование впервые вышло на англ. языке в Лондоне в 1779 г.).

⁷⁹ *Michelet J.* Op. cit. P. 127–128.

роль. В садике бедняка цветочная клумба, самое большое, окаймляла грядки; в английском парке с его искусственными ландшафтами обонятельное воздействие также имело вспомогательное значение. Цветочный аромат лишь дополнял впечатления, которыми человек был обязан более благородным чувствам — зрению и слуху. Тракаты начала XIX века, посвященные созданию парковых ансамблей, основывались на тех же принципах⁸⁰. Первые перемены пришли не из аристократических парков с бескрайними горизонтами, а из буржуазных садов с их оградками и теплицами.

Любовь к замкнутому тепличному пространству, столь характерная для XIX века, заслуживает внимания историков, занимающихся становлением частной жизни общества. Теплицы существовали в разных видах: это и зимний сад — жаркое помещение, где круглый год прекрасно чувствуют себя тропические растения; и оранжерея, где поддерживается умеренная температура и куда помещают растения, не переносящие зимних холодов. Сначала тепличные помещения были привилегией высокой аристократии, но постепенно они завоевали более широкую популярность — сначала в Англии⁸¹, затем в Центральной Европе и наконец во Франции. Специалисты указывали, что оранжерея непременно должна сообщаться с жилыми помещениями. В нее можно войти, не рискуя замерзнуть или промокнуть. Архитекторы задумы-

⁸⁰ Но кое-какие изменения все же намечаются. Теоретики перестают безоговорочно доверять природе и советуют сажать на клумбах ароматные цветы: ирисы, ландыши, фиалки, полевую герань. Внимание, уделяемое запахам, отчасти связано с возросшим интересом ко всему, что связано с дыханием. «По берегу реки растут душистые растения, целебные травы, чей бальзамический аромат, смешиваясь с ароматом сосновой смолы, насыщает воздух дивным запахом и расширяет легкие» (*Lalos J. De la composition des parcs et jardins pittoresques. 1817. P. 88*).

⁸¹ О том, что в Англии теплицы распространились раньше, чем в Европе, см.: *Texier E. Tableau de Paris. 1852. P. 154*.

вают оранжерею как очередной этап домашнего маршрута, окрашенного разными ароматами, который ведет к *pleasure ground*, т.е. в закрытый цветочный сад⁸². Он становится продолжением жилища и расширяет пространство частной жизни. Оборудованная цветочными беседками и скамьями для отдыха, в ненастную погоду оранжерея становится любимым местом прогулок; здесь происходят неожиданные встречи, завязываются интриги, назначаются свидания. Оранжерея дает возможность ускользнуть от любопытных взглядов, которые преследуют человека в обыкновенном домашнем пространстве, и выполняет функцию секретного хода, лазейки. В летнее время оранжерею, где сохраняется умеренная температура, уместно использовать как комнату отдыха, читальный зал, столовую, можно даже устраивать в ней танцы⁸³.

Но оранжерея таит определенную опасность, и о возможности ее «вредного воздействия» на жилые помещения не следует забывать. Растительные испарения, гнилостный запах почвы могут создать атмосферу болотной сырости, которая неизбежно проникнет в комнаты⁸⁴. Там, где есть оранжерея, необходима правильная вентиляция.

Постепенно оранжереи начинают украшать и дома буржуазии. «Сегодня это необходимое дополнение к любому мало-мальски приличному саду», — пишет барон

⁸² *Laborde A de. Description des nouveaux jardins de la France et de ses anciens châteaux. 1808. P. 210.*

⁸³ В 1857 г. Мортемар де Буасс описывал жилье элегантной женщины следующим образом: «Все окна выходили в садовую оранжерею, которая несколько раз за зиму с помощью гобеленов превращалась в небольшой зал, где господа и дамы из высшего общества разыгрывали шарady» (Ор. cit. P. 90).

⁸⁴ *Bailly C. Manuel complet théorique et pratique du jardinier. Paris: Roret, 1829. T. I. P. 223.*

Эрнуф в 1862 г.⁸⁵ В это время⁸⁶ во Франции распространяется мода на гостиную-оранжерею — вроде той, которая описана в «Добыче» Золя.

Очень рано — по крайней мере, в Центральной Европе — в стенах оранжереи устанавливается продуманное соответствие между женщиной и душистым оранжерейным цветком. Дело доходит до крайностей, когда оранжерея мало-помалу захватывает весь дом. Цветочные шпалеры украшают стены, зеленые растения карабкаются по лестницам, проникают в будуар. Жизненное пространство становится придатком к цветочному декору, атмосфера жилья насыщается растительными ароматами. Французский натуралист Бори де Сен-Венсан, попавший в Вену в 1805 г. в составе наполеоновской армии, рассказывает об изумительном впечатлении, которые произвели на него дома венской аристократии: «Мне показался очаровательным новый для меня обычай: почти все светские дамы украшали свое жилище оранжереями, где даже зимой разливалось благоухание самых редких и удивительных растений. Будуар графини С... произвел на меня поистине опьяняющее впечатление. Софа была окружена ветвями жасмина и дурманом, росшими прямо из земли. Будуар находился во втором этаже, рядом со спальней, но, чтобы попасть в него, надо было пройти через настоящие заросли из американского вереска, гортензий, камелий — напомним, что в то время все это было большой редкостью, — и прочих диковинных растений, миновать клумбы с фиалками, крокусами всех цветов и оттенков, гиацинтами и другими цветами, образующими настоящий газон. В другой части дома располагалась ванная комната, где цветы ириса и папируса обрамляли мраморный

⁸⁵ *Baron Ernouf. L'art des jardins. 3e éd. P. 328.*

⁸⁶ Ср.: *André E. Traité général de la composition des parcs et des jardins. 1879. P. 192.*

бассейн. Оконные проемы с двойными рамами тоже были украшены восхитительными цветущими растениями»⁸⁷.

Именно в ходе первой половины XIX века возникает новая садовая эстетика, освоенная сначала крупной, затем средней и наконец мелкой буржуазией. Это и есть центральное событие изучаемого нами дискурса, несколько замутненное, впрочем, влиянием иностранных парков. Новый тип сада возник в связи с тем, что садовым художникам пришлось осваивать небольшие замкнутые пространства. В этом случае соперничать с природой, пытаясь организовать живописный ландшафт, было бессмысленно. «У буржуа участок вокруг дома не превышает арпана»; сад или «искусственная рощица, состоящая только из одной площадки, остаются в этом случае единственной подходящей композицией»⁸⁸. Ограниченный узкими пространственными рамками, художник не в состоянии, используя законы оптики, организовать ландшафт таким образом, чтобы он доставлял наслаждение взгляду. Остается довольствоваться искусственным садовым пейзажем, «не лишенным приятности». В этом случае обонятельному впечатлению отводится далеко не последняя роль.

Планирование садового пространства приобретает актуальность как раз в тот момент, когда Габриэль Туэн возвращается к практике устройства парковых партеров, благодаря чему цветы «восстанавливаются в правах». Некоторые его ученики — прежде всего Балли — используют

⁸⁷ *Mangin A. Histoire des jardins anciens et modernes. 1887. P. 372. Цит. по: Musée des familles. T. I. 1834. Описание, данное Бори де Сен-Венсаном, не имеет ничего общего с метафорой «женщина — ядовитый цветок», которую мы находим у Золя и позже, в конце века, у символистов, так как было сделано много раньше. Оранжерея, которую Сомбреваль устраивает в Кене для своей «чувствительной» Калликсты, не грешит чрезмерной пышностью, поскольку в начале XIX века это было не принято (*Barbey d'Aurevilly. Un prêtre marié*).*

⁸⁸ *Boitard M. L'art de composer et décorer les jardins. T. II. P. 22.*

приемы учителя при освоении садового пространства и стремятся кодифицировать его планировку.

Если человек наделен вкусом, он не должен смешивать сад с огородом⁸⁹; ему следует отказаться от вульгарного обычая, распространенного в среде мелкой буржуазии, сажать цветы только на клумбах или обрамлять ими грядки⁹⁰. Сад, предназначенный для прогулок и отдыха, обычно окружен изгородью, а огород — стеной; в этом вопросе следует также избегать путаницы. Пространство, совмещенное с жильем, должно быть четко спланировано и структурно отделено от жилого дома, являясь при этом дополнением к нему. «Это что-то вроде еще одного, дополнительного помещения в здании», — пишет в 1808 г. Александр де Лаборд⁹¹.

Пребывание в саду подчиняется тем же правилам, что и жизнь в доме. Здесь также необходимо соблюдать «предельную» чистоту, «во всем должны присутствовать изящество и порядок». Сад «похож скорее на жилые апартаменты, поскольку он не имитирует естественный ландшафт, но представляет собой что-то вроде галереи, где определенным образом подобраны и расположены предметы живой природы»⁹². При создании такого сада необходимы метла и грабли.

Это парадоксальный проект: растительные апартаменты должны быть спланированы таким образом, чтобы в них хотелось как можно дольше гулять. Сад должен манить, в нем должно легко дышаться, чтобы человека тянуло ходить, а не сидеть. Он превращается в лабиринт из

⁸⁹ *Loudon J.-C. Traité de la composition et de l'exécution des jardins d'ornement. 1830. P. 194.*

⁹⁰ «Так было заведено в саду, который я помню с детства», — пишет г-жа Ролан (*Mme Roland. Mémoires particuliers. Éd. Mercure de France. 1966. P. 205*).

⁹¹ *Laborde A. de. Op. cit. P. 210.*

⁹² *Bailly C. Op. cit. T. II. P. 47.*

вилистых аллей, которые ввел в моду Туэн: желая избавиться от геометрического дробления и растительных инкрустаций, характерных для старинного французского парка, он предпочитал непринужденные цветники и изящно изогнутые клумбы.

Для того чтобы оживить прогулку и усладить отдых, рождается изощренная растительная архитектура: тенистые гrotты из ветвей, полные аромата и прохлады; зеленые коридоры, столь укромные и непроницаемые для постороннего взгляда, что юная неопытность не может здесь быть в безопасности. Подобно оранжереям в аристократических домах, сад становится главной площадкой для сцен любовного обольщения. Как раз тогда вырисовывается, а затем уточняется та кардинальная роль, которую играет в частной жизни буржуазии аллея сада⁹³. «Именно здесь с заалевших губ неволью слетает признание, предвестник будущего блаженства»⁹⁴.

От этих эфемерных зеленых конструкций времен Июльской монархии осталось очень мало (последние следы их были уничтожены запоздалой модой на теплицы и металлические туннели для выющихся декоративных растений, а в дальнейшем на искусственно выстроенные сады), и, чтобы восстановить их устройство, необходим особый подход — что-то вроде растительной археологии.

Для построек из зелени разрабатываются четкие определения⁹⁵. По Буатару, беседкой «следует называть короткую, замкнутую с трех сторон аллею под сводом из зе-

⁹³ Об этом свидетельствует, например, роль, которую играет сад в жизни героини романа Дюранти «Несчастье Генриетты Жерар». Характерна сцена пробуждения молодой девушки: «Она встала с постели, услышала пение птиц, вдохнула запах цветов, увидела, как изменился цвет неба» (Éd. «L'Imaginaire». Gallimard, 1981. P. 112).

⁹⁴ *Bailly*. Op. cit. P. 57.

⁹⁵ Эти определения мы заимствуем из цитированной выше книги Буатара.

лених ветвей, настолько густых, что туда не проникают лучи солнца» (и, добавим, посторонние взгляды). Этот миниатюрный променад должен быть осенен жимолостью, жасмином и душистыми ломоносами, опорой для которых служит легкая деревянная конструкция. Зеленые туннели, как правило, округлой формы, под легким металлическим сводом, требуют более прочного каркаса, покрытого, как и в предыдущем случае, вьющимися растениями. Что касается сидячего отдыха, то для этой цели предусмотрена простая скамья, поставленная рядом с бюстом или статуей, прообразом которых были изящные скульптурные композиции английских парков. Навесом для нее служат кусты ракиты или сирени. В самых роскошных садах предусмотрены были также домики для пикников, кабинеты, танцевальные залы и даже зеленые театры.

Поскольку пространство ограничено, прогулка по саду должна услаждать не только зрение, но и обоняние. Отсутствие живописного горизонта компенсируется великолепием цветов и их ароматом. Еще не возникла мода на сконструированные сады, с фонтанами и искусственными водоемами, поэтому слуховые впечатления (за исключением пения птиц) буржуазному саду пока неизвестны⁹⁶. Чувственная модель, сформированная пребыванием в беседке, постепенно распространяется, захватывая все пространство. Именно прогулка в саду — а не смешанный запах сложного букета, где цветы так нескромно прилегают друг к другу, — учит юную девушку любить «нежный аромат» и «полный загадок», язык «простых цветов»⁹⁷.

Цветы и кустарники, рекомендуемые мастерами садового искусства, источали нежный аромат, непривычный для современного человека. Предпочтение растений с наиболее сладким запахом отвечало, по-видимому, по-

⁹⁶ Ср. пение птиц в саду Модесты Миньон.

⁹⁷ *Michelet J.* Op. cit. P. 129.

чти повсеместному спросу на цветочную парфюмерию. Наибольшей популярностью пользуются запахи, практически утратившие значение впоследствии. Это резеда, воспоминание о которой преследует г-жу Лафарж даже в тюрьме Монпелье⁹⁸ и которая искупает приятным запахом свою невзрачную наружность; душистый горошек, в дальнейшем воспринимаемый как цветок бедняка; базилик, флокс, василек. Но главными цветами буржуазного сада бесспорно остаются вечерница и фиалка⁹⁹.

Цветы постепенно завоевывают дом, уже не довольствуясь туалетным столиком, который до сих пор был единственным отведенным для них местом. Они цветут в декоративных кадках, между оконными рамами, в напольных вазах¹⁰⁰. Законодатели изящного отдают предпочтение розам, жасмину, ландышам, резеде и фиалкам. Экзотические растения находят чрезмерно броскими¹⁰¹. Во Франции пока считается дурным тоном превращать жилые апартаменты в ботанический сад¹⁰².

⁹⁸ *Mme Lafarge*. Heures de prison. 1853. P. 92. Сладкий запах резеды, который г-жа де Стассвилль вдыхает, шутливо покусывая цветки, вызывает у нее воспоминание о трупe ребенка, закопанном в кадке с растением. Этот запах, проникающий в гостиную, настолько силен, что чувствительные дамы отказываются посещать ее дом (*Barbey d'Aurevilly*. Le dessous de cartes d'une partie de whist // Les diaboliques. Éd. «Folio». 1973. P. 219).

⁹⁹ «У кого в саду не растут в изобилии фиалки?» — спрашивает Балли. Вечерницу тоже «охотно используют для украшения клумб и цветников». «Левкои — их еще называют «курильницами» — также имеют большой успех благодаря своему запаху. Зато многие избегают туберозы, чей запах находят неприятным».

¹⁰⁰ Ср.: *Boitard M*. Le jardinier des fenêtres, des appartements et des petits jardins. 1823.

¹⁰¹ *Comtesse de Bradi*. Op. cit. P. 221.

¹⁰² Марсель Детьен пишет о растениях-симулякрах, которые греческие женщины выращивали в садах Адониса, т.е. на земляных площадках, предназначенных для «ложного» земледелия — в противоположность настоящему, которое культивирует злаки. В XIX веке женщины, принадлежащие к социальной элите, разводят цветы на клумбах и в горшках. Это

Во времена Второй Империи дамы начинают дополнять цветами свои наряды. «Живыми цветами украшают корсаж, рукава и юбку, причем не только оборки и воланы: иногда даже гладкая часть юбки отделана гирляндой»¹⁰³. Розы, белые левкой, ландыши, незабудки, цветки жасмина становятся непременным атрибутом искусной прически у юной модницы¹⁰⁴ — в отличие от зрелой женщины, которой, в соответствии с этикетом, не пристало украшать себя живыми цветами. С годами исчезает естественная гармония, роднящая девушку с цветком. Женщине, утратившей аромат юности, подходят лишь искусственные цветы, да и их использовать следует очень умеренно.

Новое поветрие подстегивает активность коммерсантов. В Париже издавна существовала Цветочная набережная, но теперь ее становится мало. Два раза в неделю цветы продают на городских площадях, а затем и на бульварах. Идя по новым улицам, «вы на секунду закрываете глаза и думаете, что перенеслись в дивный цветочный партер», пишет г-жа Троллоп, в устах которой похвала звучит особенно лестно, ибо в иных случаях она редко отдает должное парижскому изяществу¹⁰⁵. С началом

бесплезное занятие, которому дамы отдают едва ли не все свое время, могло бы служить наглядным подтверждением женской праздности, пенсированной, по счастью, деловой активностью их мужей.

¹⁰³ *Mme Amet née d'Abrantès* // *Le messenger de mode et de l'industrie*. 1er mars 1855.

¹⁰⁴ «Очаровательная прическа, которую недавно сделала императрица, представляла собой косу, уложенную надо лбом и украшенную крупными бутонами белых маргариток».

¹⁰⁵ *Texier E.* Op. cit. Т. II. Р. 170. В своей книге «*Tableau de Paris*», вышедшей в 1852 г., Тексье долго и обстоятельно рассказывает о расширении цветочной торговли и о великолепии зимних садов. Вечера в саду Мабиль кажутся ему более благоухающими, чем раньше. «Гармонические звуки оркестра Пилодо чувственно сочетаются с запахом роз и жасмина», — отмечает, в свою очередь, г-жа Аме (*Le Messenger... 15 juillet 1855*). Куда бы ни переносился придворный праздник, повсюду его сопровождает облако сладкого цветочного аромата.

Июльской монархии целый легион цветочниц выстраивается на мостах, вдоль улиц и тротуаров¹⁰⁶, что ставит новую проблему перед поборниками строгой морали.

Букетики и цветы в горшках перестают быть привилегией богатых и становятся доступны всем, «вплоть до самой бедной работницы, решившей украсить свою мансарду», отмечает Дебэ¹⁰⁷. «Они не покупают редких цветов, — пишет Поль де Кок о парижских гризетках. — Им достаточно левкоев и резеды, которыми они набивают графины: ведь нужен приятный запах, которого хватило бы на целую неделю»¹⁰⁸. Что может быть отрадней, чем образ молодой белошвейки, украсившей себя цветами. Опрятная комнатуха, напоенная ароматом живых цветов, становится антитезой вонючей деревенской бедности и заводскому распутству. Цветы сразу дают понять, что хозяйка работает в пристойном месте, как то подобает веселой, опрятной, трудолюбивой девушке¹⁰⁹, и доказывают, что даже в бедных чердачных квартирах есть место добродетели. Но букет на окне с раздернутыми занавесками может означать и нескромный призыв: подпольным проституткам тоже знаком язык цветов.

В сельской местности цветок лишен двусмысленности. Восковые венки, украшающие церковь, развивают у

¹⁰⁶ Ср.: *Davin. Le grimptemps à Paris. Le nouveau tableau de Paris. 1834, T. I. P. 209.*

¹⁰⁷ *Op. cit. P. 216.*

¹⁰⁸ *Kock P. de. Les grisettes. Le nouveau tableau de Paris. T. I. P. 174.* Давен, в свою очередь, считает душистый горошек с резедой любимыми ароматами гризетки и домохозяйки, которыми в припадке сладострастия они душат себе живот. Чуть проснувшись, девушка выходит в свой сад (*Op. cit. P. 211*). В 1852 г. Тексье высмеивает гризеток, обожающих резеду, и студентов, обожающих фиалки; «сентиментальный пехотинец» предпочитает подарить своей подружке букетик левкоев.

¹⁰⁹ В связи с этим ср.: *Zylberberg-Hocquard M.-H. Op. cit. P. 614.* Автор показывает, какое значительное место авторы народных романов уделяли цветам и птицам.

юных девушек вкус к невинным цветам¹¹⁰; старательно вышиваемые цветочные венчики предвещают первое робкое появление клумб, обрамляющих огороды. Этот новый пасторальный идеал, образцовым выразителем которого уже является юре из Арса, вдохновляет сельское духовенство; и он в немалой мере рассчитан на юных девушек¹¹¹. Дети и юные прислужницы Девы Марии внимательно следят за тем, чтобы алтарь был украшен цветами. А если в церковном саду их недостаточно, то нет ничего проще, чем посадить еще. Тем более что на праздник Тела Господня понадобятся целые корзины лепестков — ими принято усыпать путь, по которому движется крестный ход.

В контексте буржуазного сада девушка и цветок связаны своеобразным родством. Оказывается, лилиям, розам и фиалкам можно поведать о первом любовном томлении не хуже, чем клавишам рояля. И хоть белая лилия источает волнующий аромат, разве эта невинная чувственность, заключенная в цветке, может быть по-настоящему опасной? Если Жильят бросает вызов буре и разбивается на рифах, если отверженные ютятся в вонючей тесноте Жакрессарды, то Дерюшетта отдыхает сердцем в скромном душистом саду и поверяет ему свои целомудренные секреты. Девушка, по мнению Виктора Гюго, должна сама поливать свои клумбы; дядя «воспитал ее так, что она выросла скорее цветком, нежели женщиной»¹¹². Выходя вечером в сад, она кажется «цветочной душой этой сумрачной сени»¹¹³. Наступает весна, и любовь обостряет пронизательность Жильята, в расшифровке цветочной символики ему нет равных: «Глядя на душистые цветы, которые собирала Дерюшетта, он угадывал, какие

¹¹⁰ Ср.: *Verdier Y. Op. cit. P. 185.*

¹¹¹ Ср. также пастораль Сержа в начале «Проступка аббата Муре».

¹¹² *Les Travailleurs de la mer. Folio. P. 151.*

¹¹³ *Ibid. P. 482.*

запахи ей нравятся больше всего. Вьюнок был ее любимцем, а за ним шли гвоздика, жимолость, жасмин. Роза была лишь пятой. Дерюшетта любовалась лилией, но никогда не вдыхала ее аромата. Зная, какие запахи она любит, Жильят выстраивал в своем сознании ее образ, причем каждому запаху соответствовала определенная добродетель»¹¹⁴.

Историки литературы усердно описывали скученность Жакрессарды и прометеев труд человека на рифе. Но тот, кто не пригляделся внимательно к образу Дерюшетты, не сможет верно интерпретировать мечты и желания очаровательной и сумасшедшей буржуазии, которая главенствует в социальной игре. История резеды, лилии, розы ничуть не менее информативна, чем история угольных разработок. «Нежный аромат был для нее (для Могильщицы) источником неиссякаемого блаженства. Я видел, как она целый день наслаждалась запахом резеды, после одного из тех утренних дождей, которые словно раскрывают душу цветка...»; так Бальзак представляет себе загадочную гармонию, которая устанавливается между девушкой и природой¹¹⁵.

Культ душистых цветов пошатнулся к концу Второй Империи; новая парковая эстетика, порожденная вкусами Наполеона III, вызвала революцию в садоводстве. «Красивая листва с некоторых пор ценится не меньше, чем цветы», — пишет Эдуар Андре в 1879 г.¹¹⁶ Обонятельный критерий при отборе растений отныне не является единственным. Главное требование состоит в том, чтобы они нарядно смотрелись и, посаженные вместе, обладали декоративным эффектом. Особенным успехом пользуются цветные растения¹¹⁷; экзотические

¹¹⁴ Les Travailleurs de la mer. Folio. P. 171.

¹¹⁵ Le Médecin de Campagne. T. IX. P. 477.

¹¹⁶ Op. cit. P. III.

¹¹⁷ Ibid. P. 687–717.

виды перестают быть редкостью. В них нет недостатка, поскольку садоводство, поставленное на широкую ногу, стало настоящей индустрией — появились целые «растительные мануфактуры»¹¹⁸. Страстью самых состоятельных буржуа становятся ботанические музеи. В этих гигантских оранжереях царят уже не те простодушные, незамысловатые запахи, что были раньше. Нарядное растение становится коррелятом красивой женщины, о чем в достаточной мере свидетельствуют символистское искусство и, позднее, работы Альфонса Мухи. Роскошная и опасная, женщина становится еще прекраснее в окружении лиан и диковинных соцветий. Теперь она не боится вдыхать аромат лилии, но она и не поверяет отныне цветку свою душу¹¹⁹.

КОРОТКИЕ КОЛЕБАНИЯ ПАРФЮМЕРНОЙ МОДЫ

Мы, конечно, не имеем возможности исчерпать на этих страницах всю историю парфюмерной моды — она заслуживает целых томов. Мне хотелось бы лишь осветить несколько важных эпизодов, имеющих прямое отношение к истории чувственного восприятия. С момента восшествия на престол Людовика XVI и вплоть до композиций Коти нежные цветочные запахи ценились несравненно более всех остальных. Тем не менее короткие отклонения (в которых, впрочем, не просматривается никакой циклической закономерности) нарушали безраз-

¹¹⁸ *Alphand A., baron Ernouf. Op. cit. P. 326.*

¹¹⁹ В сельской местности (ср. цикл «Claudine») целомудренный союз девушки и цветка сохраняет свою значимость и противопоставляется столичной погоне за модой; следует также подчеркнуть, что символистское искусство продолжит сопоставление девушки со сладостным цветком. В этом смысле характерно романное творчество Теодора Фонтане и, в частности, утонченный цветочный символизм сада Эффи Брист.

дельное господство незамысловатых ароматов. В среднем каждые пятьдесят лет мускус и амбра переходят в краткое наступление.

В эпоху Террора выбор запаха зависел от политических пристрастий. Духи, получившие новое название, становятся признаком сплоченности. Тот, кто пользовался «Самсоновой помадой», считался патриотом. «Несмотря на запрет и угрозу гильотины, — пишет Кле, — мы не боялись надуть жабо и носовые платки Королевиной водой и эссенцией лилии»¹²⁰. После 9 термидора резкий запах духов щеголей-мюскаденов¹²¹ становится атрибутом сторонника реакции. После революции 1830 г. запах также указывал на политическую ангажированность: появились даже новые сорта мыла с соответствующими названиями — «Конституционное» и «Мыло трех славных дней»¹²².

В период Директории и особенно во времена Консульства и Первой Империи в моду снова входят тяжелые запахи животного происхождения. Кроме того, возрождение аристократии и появление новой знати давали сильный стимул для развития парфюмерии. Увлечение греко-римской древностью сделало популярными благовония и ароматические ванны. «Ни одна прическа не обходилась без античного масла, ценившегося на вес золота. Г-жа Тальен, после клубнично-земляничной ванны, отдавалась нежным прикосновениям губки, пропитанной духами и молоком»¹²³. По свидетельству очевидцев, Тю-

¹²⁰ *Claye L. Op. cit. P. 24.*

¹²¹ Клод Рифатер (*L'origine du mot muscadin. La Révolution française, 1909. Janvier — juin. P. 385—390*) предполагает, что изначально (август 1792) слово «мюскаден» обозначало гренадера Лионской национальной гвардии, т.е. выходца из обеспеченной семьи, банковского служащего или приказчика, на которого санкюлоты, составляющие ополчение центральных регионов, смотрят с презрением и недоверием. С самого начала название было с гордостью воспринято теми, к кому оно относилось.

¹²² *Mme Celnart. Manuel du Parfumeur. 1834. P. 225.*

¹²³ *Claye L. Op. cit. P. 27.*

ильри при Наполеоне благоухал сильнее, чем двор Людовика XVI. Каждое утро император выливал на волосы и плечи целый пузырек тончайшей кельнской воды и мощными движениями втирал ее в кожу. Все придворные знали, что Жозефина испытывает пристрастие к мускусу, амбре, цибетону и что она выписывает духи с острова Мартиника. В Мальмезоне ее будуар, насыщенный ароматом мускуса, продолжал пахнуть даже шестьдесят лет спустя¹²⁴. Читая переписку супругов, становится понятно, что запахи, исходящие от тела, играли важную роль в их сексуальных отношениях. Подобный обонятельный эротизм шел вразрез с рекомендациями врачей-гигиенистов и коренным образом отличался от эротизма, например, розовой воды, упоминаемой Ретифом де ла Бретоном.

Реставрация, как мы видели, выразилась и в сфере обоняния. С Реставрации начинается «царство пожилых женщин»¹²⁵, которым чужды возбуждающие ароматы. Испытывая слабость к цветочным запахам, престарелые законодательницы мод стремятся передать этот архаический вкус своим внукам. В 1838 г. г-жа де Бради произносит надгробное слово духам: «Духи окончательно вышли из моды. Они вредны для здоровья и не пристали порядочным женщинам, ибо чересчур притягивают внимание»¹²⁶. Слабый аромат пудры (*poudre à la maréchale*) в апартаментах покойной бабушки навевает Луизе да Шолье трогательные воспоминания о детстве¹²⁷.

Напомним, что именно в это время повсеместно распространяется запах табака, а также стремительно вошедший в моду запах камфары¹²⁸. Многие врачи, лечившие

¹²⁴ *Léonard Ch. Pfeiffer. Op. cit. P. 27.*

¹²⁵ *Dumas A. Art. cit.*

¹²⁶ *Comtesse de Bradi. Op. cit. P. 211.*

¹²⁷ *Mémoires de deux jeunes mariés. La Pléiade. T. I. P. 200.*

¹²⁸ *Debay A. Nouveau manuel du parfumeur-chimiste. 1856. P. 40.*

бедняков (в частности, доктор Распай), восхваляют табак за многочисленные целебные свойства. Его и жуют, и курят, им посыпают постель больного, а также используют для всевозможных компрессов, примочек и притирок.

К 1840 г.¹²⁹ гамма запахов расширяется. Табак не соперничает больше с ароматом цветов. По мере того как развивается мужская мода, делает первые шаги новая обонятельная эстетика. Возможно, здесь сказывается влияние неоламаркизма, который обращает особое внимание на опасность уснувших функций¹³⁰. Как бы там ни было, тринадцать лет спустя духи завоевывают двор Наполеона III так же, как некогда завоевали двор его дяди. Но речь идет уже о других духах¹³¹. Многочисленные данные, касающиеся объема производства, количества рабочих мест и общей коммерциализации парфюмерной отрасли, говорят о том, что изготовление духов было отныне поставлено на широкую ногу¹³². Использование достижений химии, изобретение пульверизатора, а затем гидрофера, позволяющего равномерно растворять препарат в воде, значительно способствовали развитию парфюмерной промышленности.

¹²⁹ В 1839 г. г-жа де Жирарден (Op. cit. P. 329) указывала на смягчение нравов, на отказ от канонов элегантной простоты и поощрение всего неожиданного и оригинального. Отметим, что, несмотря на успехи садоводства, автор сохраняет верность немудреным запахам жасмина и жимолости.

¹³⁰ Ср.: *Vigarello G.* Op. cit. P. 167.

¹³¹ Отказ от амбры и мускуса остается при императорском дворе жестким требованием, диктуемым законами нравственности и хорошего тона. В этом смысле характерен состав «Букета императрицы» — духов, созданных Герленом по высочайшему повелению. Несмотря на то что качество духов королевы Виктории, которыми она душилась во время официального визита 1855 г., было несомненным, в них все же присутствовал легчайший призыв мускуса, на что не замедлили обратить внимание модницы Тюильри (*Mme Amet née d'Abrantus.* Op. cit. P. 4).

¹³² Эти выводы являются результатом статистического исследования, в детали которого мы здесь не углубляемся.

За исключением «Кёльнской воды», т.е. одеколона, основные ароматы производятся в Париже и в Лондоне. Выставка 1868 г. стала триумфом парфюмерных достижений этих двух столиц¹³³. На долю Испании, Германии, России и Америки теперь остается лишь заурядная, точная продукция. Новые коммерческие договоры положили конец многочисленным подделкам, поставлявшимся из-за Рейна. Некоторые предприятия стремительно богатеют. Так, уже в 1858 г. фирма Gellée владела заводом в Нейи и филиалами в Санкт-Петербурге, Гамбурге и Брюсселе. Парижская парфюмерия не может функционировать без сырья, которое она импортирует со всех концов света. Однако основные поставки идут из Грасса и Ниццы, а также из Англии, где научились выращивать наиболее пахучие сорта лаванды. С середины века торговля с Востоком меняет вектор: Оттоманская империя уже не продает, а покупает парфюмерную продукцию. Самая драгоценная розовая эссенция отныне производится в Париже¹³⁴.

С 1840 г. ароматы становятся все более утонченными. Высокая парфюмерия исподволь, бережно готовит великие достижения будущего. Этот поздний отход от кантовских убеждений объясняется целым рядом исторических причин. Здесь и новый расцвет профессий, связанных с модой, и возвращение династии Бонапартов, и царившая в обществе космополитическая любовь к экзотике, и неустанные усилия Александра Дюма, стремившегося возродить интерес к духам XVIII века (братья Гонкур и многие коллекционеры, страстно увлеченные эпохой Людовика XV, ставили перед собой схожие задачи)¹³⁵.

¹³³ Ср.: *L'Hôte M.-L. Rapport concernant la parfumerie. Exposition internationale de 1889, classe 28.*

¹³⁴ *Claye L. Op. cit. P. 56.*

¹³⁵ Ср.: *Boime A. Les hommes d'affaires et les arts en France au XIX siècle // Actes de la Recherche en Sciences sociales. № 28. 1979. Juin.*

Отныне буржуа может без стеснения копировать аристократию и накапливать все новые и новые символические ценности. Именно в этом, кстати, состоял глубинный смысл «имперских празднеств». Духи воспользовались тем, что проклятия в адрес изнеженности и роскошной жизни несколько поутихли; характерный для новых времен поиск эстетического синкретизма (бодлеровские «Соответствия» — яркая иллюстрация этого факта из истории цивилизации) тоже пошел им на пользу. Сцены, на которых разыгрывались английские феерии, благоухали духами. В Париже по случаю премьеры «Африканки» тоже не замедлили прибегнуть к этой практике¹³⁶.

В 1832 г. Уорт создает парижскую haute couture¹³⁷. Его салоны, своими утонченными ароматами напоминающие оранжерею, подражают обстановке будуара и одновременно диктуют моду на нее. В это время и в Париже, и в Лондоне уже появляются имена великих парфюмеров: Аскинсон, Любен, Шарден, Виоле, Легран, Пиесс и, конечно же, Герлен. Парфюмерный букет становится все более сложным. В 1860 г. Кле, главный препаратор дома Виоле, утверждал, что для создания новых духов им необходимо три или четыре года лабораторной работы. Тем не менее новая эстетика только зарождается: ей еще трудно освободиться от догматических принципов, разработанных парфюмерами при Старом Режиме.

Однако на сцене уже появился новый персонаж. Это парфюмер-композитор. В 1855 г. Пиесс разрабатывает ольфакторную гамму¹³⁸, которая вызывает язвительные насмешки химиков. В первый раз создатели духов осмеливаются говорить о гармонии запахов, об идеальных со-

¹³⁶ Rimmel E. Op. cit. P. 24.

¹³⁷ Perrot Ph. Op. cit. P. 325–328.

¹³⁸ Piesse S. Des odeurs, des parfums et des cosmétiques. 2-е éd. 1877. P. 4–18.

ответствиях (гелиотроп/ваниль/флердоранж) и диссонансах (ладан/гвоздика/тмин)¹³⁹. Они пользуются той же лексикой, что и профессора консерватории, но с единственным отличием: в их предмете не существует теории, есть только практика. В умении оперировать запахами состоит основной секрет — и высшая тайна — новой дисциплины. Изысканная форма флаконов тоже свидетельствует о новых установках. Прочность хрусталя в сочетании с летучестью духов говорит о схождении противоположностей, а казавшиеся гениальными находки Бирото теперь вызывают лишь улыбку¹⁴⁰.

В 1884 г. Гюисманс окончательно формирует образ современного композитора. Дез Эссент обладает всем спектром композиторских приемов¹⁴¹. Его великое сочинение представляет собой гармоническую последовательность в рамках единого замысла. В нем присутствуют и фон, и основная тема. У Дез Эссента нет никаких рецептов, он руководствуется лишь своим поэтическим замыслом. Он творит пейзаж (с помощью «экстракта цветущего луга»), воссоздает атмосферу («легкий дождь из человеческих эссенций»), вызывает в памяти чувства («все эти прикрасы, приправленные хохотом, потом и жарким солнцем»), не забывает и о резком звучании повседневности («запах фабричной краски»). Двадцать лет спустя Коти создает духи «Origan».

Стремление к изысканности в названиях неотделимо от новых эстетических претензий. Расширение гаммы

¹³⁹ Ср.: *Debay A. Op. cit. P. 107.*

¹⁴⁰ В 1858 г. один только блеск для волос разливался компанией Gelléfrères во флаконы десятка разновидностей: плоские, квадратные, круглые, конусовидные, продолговатые, в форме скрипки, футляра, тыквы и т.д. (по результатам исследования в серии *Parfumeries, B.N. V. 403. Коллекция рекламных проспектов различных парфюмерных домов XIX–XX вв.*)

¹⁴¹ О понятиях «ольфакторная форма», «ольфакторная фраза» и о парфюмерной композиции см. замечательную книгу: *Moréno O., Bourdon R., Roudnitska E. L'intimité des parfums. 1974.*

компонентов, поиск неожиданных соответствий поощряют словесную изобретательность¹⁴². Целый лексический пласт парфюмерных наименований связан с поэтикой простого пейзажа. Выделяется несколько основных семантических групп. Названия со словом «букет» указывают на нежный и нестойкий запах полевых цветов (ср. духи «L'heure fugitive» [«Мимолетность»]). Фиалка, роза, лаванда — эти цветочные названия наиболее распространены в парфюмерном словаре. Семантика Востока тоже обладает немалой притягательностью. По мнению Риммеля, это связано с «Описанием Аравии» Нибура и с популярностью многочисленных рассказов о путешествии в Египет¹⁴³. Попав на берега Нила, Флобер составляет вдохновенный перечень запахов пустыни¹⁴⁴. Описание Стамбульского рынка будоражит воображение, которому рисуется великолепие гаремов. Однако парфюмерный словарь рождает, напротив, лишь выцветшее отражение восточных реалий. Одно лишь слово «Константинополь», пишут Эдмон и Жюль Гонкуры об Анатоле Базоше, «рождало в нем поэтическое настроение, когда мечты переплетаются с запахами и в голову приходят бесконечные мысли о Воде султанш, о благовонных курильницах гарема, о палящем солнце, к которому турки стараются повернуться спиной»¹⁴⁵.

И все же чаще всего создатели духов ссылаются на престиж аристократии и царствующих семей. Тем самым

¹⁴² См. 127.

¹⁴³ Самые известные из них: *Lane. Modern Egyptians*; *Sonnini. Voyage en Egypte*; *Duckett. La Turquie pittoresque*. Реконструкция дворца Бардо во время Выставки 1867 г. способствовала, наряду с Крымской войной, оживлению интереса ко всему, что связано с Востоком. Именно с этим г-жа Аме связывает первое, пока еще очень робкое, возвращение румян.

¹⁴⁴ *Correspondance*. Т. I. P. 558 (le 5 janvier 1850) и 568 (15 janvier 1850).

¹⁴⁵ *Goncourt E. et J. de. Manette Salomon*. P. 131.

высокая парфюмерия подчеркивает свою связь с королевскими дворами Европы. Спрос на духи отчасти объясняется той немеркнущей популярностью, которой пользуются известные королевские пары у современников Третьей Республики. Ностальгия по монархическому прошлому разжигает страсть к роскоши, а отсылка к именам принцесс гарантирует богатство товара. Благодаря «Jockey Club» («Жокейскому клубу»), «Bouquet de l'Impératrice» («Букету императрицы») или «Pommade de Triple Alliance» (духам «Тройственный союз») человек становится в один ряд с персонами самого знатного происхождения.

Проходят десятилетия, и обонятельная эстетика банализируется. Дешевизна ароматного мыла, поточная продукция одеколонов, повсеместное распространение галантерейных лавок, торгующих парфюмерными товарами, — все это сделало парфюмерную продукцию общедоступной. Флакончик духов стоит уже теперь на подзеркальнике у врача¹⁴⁶ или у небогатого чиновника. Еще до того, как туалетное мыло вошло в широкое употребление, всеобщий спрос на подешевевший одеколон свидетельствовал о том, что даже самые бедные слои общества объявили войну дурным запахам, исходящим от человеческого тела.

Перевод Е. Ляминой и М. Божович

¹⁴⁶ Léonard J. Op. cit. Т. III. P. 1468. Когда Антуан Маккар видит флаконы духов, которыми уставлен стол мэра Плассанса, у него начинается головокружение. Он впервые отдает себе отчет в том, какая социальная дистанция отделяет его от Ругонов, и это обстоятельство в конечном счете смягчает его гнев (La Fortune des Rougon. La Pléiade. Т. I. P. 271–272).

ОПЬЯНЕНИЕ И ФЛАКОН

ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ

Сенсуализм, почти безраздельно царящий в просвещенных кругах начала XIX века¹, побуждает превозносить чувственное счастье; это подтверждают частые упоминания ольфакторных наслаждений, особенно в сельской местности. Прекрасный пример этой просыпающейся чувствительности — творчество Бальзака, где влечения и чувства возникают в такт ароматному дыханию природы. Цветы, свежескошенное сено («Мараны», «Эль Вердуго»), смутные запахи деревни («Крестьяне», «Воспоминания двух новобрачных») и леса стимулируют чувственные желания героев. «Все эти мощные лесные ароматы вливали в меня свою благодать, свою мысль, свою душу. И я представил себе розовое платье, мелькающее среди деревьев извилистой аллеи»², — говорит Блонде. Ощувив благоухание весны, молодая женщина внезапно постигает свою судьбу³.

¹ См. свидетельство Шарля де Ремюза: *Rémusat Ch. de. Mémoires de ma vie*. Paris: Plon, 1958. Т. I. P. 110 sq.

² Цит. по: *Бальзак О. де. Крестьяне* / Пер. М. Линда // Бальзак О. де. Собр. соч.: В 24 т. М.: Правда, 1960. Т. 18. С. 10. (Далее цитаты из произведений Бальзака будут приводиться по этому изданию. — *Прим. пер.*)

³ Сельский священник // Т. 17. С. 239.

Менее изысканные запахи дюн и полей волнуют молодого Флобера: соленые испарения моря и водорослей, благоухание травы и крепкий запах навоза усиливают его ностальгию по Круассе прежних лет. К сожалениям при­мешивается у него романтическое влечение к запахам экс­крементов или трупов⁴. Двадцать лет спустя герой Гонку­ров Анатолий Базош, служитель Ботанического сада, купа­ется в «большом животном счастье». Подобное поведение свидетельствует о возвращении тяги к резким запахам⁵.

Обоняние — нечто большее, чем «мимо­летный шок»; открывая сосуществование моего «я» и мира, оно отныне улавливает параллельные изменения, происходящие в глу­бинах человеческого существа и благоухающем пейзаже. Обостряется внимание к ускользающим запахам времени. Обонятельная гамма, характерная для того или иного часа, дня и времени года, сопутствует той внутренней метеорологии, которую, вслед за Руссо, стремится выра­ботать Мэн де Биран. Желание отойти от философии Конди­льяка и постоянный самоанализ заставляют его переносить в сферу экспериментальной психологии, которую он пытается создать, приемы неогиппократовой медицины. «Мои чувства крайне изменчивы, и в смысле их действия, и в смысле восприимчивости к впечатлениям, — писал он в 1815 г. — Бывают, например, дни, когда я ощущаю самые ничтожные запахи; а в другие (и их большинство) не чув-

⁴ См. в «Переписке» Флобера описание его ночного бдения у гроба умершей сестры. В это же самое время элегантные жительницы Корреза толпами собирались у трибунала города Тюлья, чтобы подышать зловонием, исходившим от кишок бедняги Лафаржа.

⁵ «Природа поглощала все его чувства <...>, и он забывался, он терялся от того, что он видел, слышал и чем дышал». «В воздухе, которым дышал Анатолий, ощущался аромат цветущих виргиний <...>. В нем были и запахи дыма, и мускусные испарения, и дикие запахи вперемежку со сладостным ароматом роз «Бедро нимфы», кусты которых наполняли благоуханием вход в сад» (*Goncourt J., Goncourt E. Manette Salomon. P. 425*).

ствую ничего»⁶. Благословенные дни наполняют его таким восторгом, что он не может не взяться за перо; 13 мая 1815 г.: «Я счастлив благоуханным воздухом, которым дышу». 13 июля 1816 г.: «Воздух благоухает»⁷.

Однако с особой пронизательностью сумел описать гармонию между сезонными изменениями запахов и движениями души стареющий Сенанкур. «Фиалка цветет и осенью. Запах тот же, но наслаждение — совсем иное; во всяком случае, фиалка пробуждает уже другие чувства, другие мысли; наслаждение, доставляемое ею, быть может, менее страстно, зато и менее эфемерно, оно сокровеннее и мечтательнее»⁸.

С этого времени ольфакторная ассоциация превращается в лейтмотив. Мэн де Бيران подробно анализирует странное чувство обоняния, которое, полагает он, срывает покров, разделяющий сердце и мысль, разрушает границы между прошлым и настоящим и, заставляя осознать единство собственного «я», вызывает меланхолическое чувство *never more*. «Род воспоминаний, связанных с чувством обоняния, должен иметь ту же природу, что и сами чувства, то есть чисто эмоциональную; между запахами и внутренними впечатлениями, из которых складывается чувство сосуществования, существует в этом смысле особая близость. Запахи, связанные с теми спонтанными и невыразимыми ощущениями, какие мы испытываем в юности, всегда пробуждают в нас более или менее сходное чувство; мы вновь ощущаем себя молодыми, влюбленными, среди ароматных кущ. В такие моменты сердце действует независимо от мысли; когда же покровы спадают, мы вспоминаем все утраты, и душа наша погружается в меланхолию»⁹.

⁶ *Biran M. de. Journal. Ed. Vrin. T. I. P. 79.*

⁷ *Ibid. P. 77, 165.*

⁸ *Senancour. Promenade en octobre // Le Mercure du XIXe siècle. 1823. T. III. P. 164.*

⁹ *Biran M. de. Op. cit. P. 152.*

Личный опыт, явленный отдельными поэтами, быстро становится научной истиной: обоняние — это чувство «нежных воспоминаний», гласит «Словарь медицинских наук», изданный в 1819 г.¹⁰ Поле памяти, как и гамма дозволённых ароматов, оказывается сознательно сужено. В 1821 г. д-р Ипполит Клоке впадает в несвойственный ему лиризм: весенние запахи, признается он, вызывают «образ дорогого друга, покинувшего сей мир»; они зовут «вспоминать о славных событиях минувших дней либо обдумывать проекты грядущего счастья, свободные от ядовитой лжи честолюбия»¹¹. Д-р Берар в «Медицинском словаре» (1840)¹² выражается не столь пылко: обоняние «затрагивает воспоминания о прошлом и воображение»; не менее научнообразно изъясняется и Бальзак в следующих строках из «Луи Ламбера»: «То чувство, которое больше всего связано с мозговой системой и поэтому в случае поражения приносит незаметное сначала расстройство в мыслительные органы»¹³.

Вслед за Теннисоном, Томасом Муром и многими другими ностальгическому удовольствию воспоминаний предается Жорж Санд. В одном своем удивительно насыщенном тексте она связывает обонятельное воспоминание с присутствием матери и с онтологическим чувством. «Так, увидев цветущие вьюнки, она [мать] сказала мне: “Понюхай, они пахнут добрым медом; и не забывай их!” То было первое обонятельное открытие, какое я помню, и, повинувшаяся необъяснимой, хотя и *всем известной* связи между воспоминаниями и ощущениями, запах вьюнков всегда вызывает перед моим взором испанские горы и обочину дороги, где я собирала их в первый раз»¹⁴.

¹⁰ Статья «odeur».

¹¹ *Cloquet H.* Op. cit. P. 112.

¹² Статья «olfaction».

¹³ *Бальзак О. де.* Луи Ламбер / Пер. Г.В. Рубцовой. Т. 19. С. 227.

¹⁴ *George Sand.* Histoire de ma vie. La Pléiade. T. I. P. 557.

С этого момента слова о «заслоняющих явь виденьях»

Былых восторгов, вечно милых нам¹⁵,

становятся расхожим штампом. Вот еще один пример, на сей раз из другого регистра, поскольку здесь обонятельное ощущение связывается со слухом. «Я был совсем маленьким, — писал Альфонс Карр в 1870 г., — когда мой дорогой отец сочинил песенку, очень в то время популярную, на очень мрачную тему: о барселонской чуме 1821 г. Так вот, когда я напеваю эти два стиха <...>, я положительно ощущаю аромат резеды, и равным образом резеда сразу наводит меня на мысль о барселонской чуме и о том, когда она случилась».

Последняя ипостась этой избитой темы — духи дамы в черном, служащие путеводной нитью в детективном расследовании Рультабийля из романа Гастона Леру.

Чем банальнее выглядит тема, тем глубже становится анализ. Шарль-Леонар Пфейффер говорит в этой связи о возникновении «сложной памяти», резко отличающейся от прежних простых воспоминаний. Прояснить эту мысль поможет короткий отрывок из «Мадам Бовари»: «Эмма, полузакрыв глаза, глубоко вдыхала свежий ветерок. Оба молчали, теряясь в облаках грез. В томном благоухании жасминов подступала к сердцу обильная и молчаливая, как протекающая внизу река, нежность былых дней, в памяти вставали еще более широкие и меланхолические тени, подобные тянувшимся по траве теням недвижных ив»¹⁶.

¹⁵ Бодлер Ш. Аромат / Пер. В. Левика // Бодлер Ш. Цветы зла. М.: Высшая школа, 1993. С. 70. (Далее произведения Бодлера цитируются по этому изданию. — *Прим. пер.*)

¹⁶ Флобер Г. Госпожа Бовари / Пер. А. Ромма // Флобер Г. Избр. соч. М.: ОГИЗ, 1947. С. 112. Еще один пример сложной памяти: капитан Бертен, герой повести «Сильна как смерть», оказывается охвачен воспоминаниями,

Еще более утонченному сладострастию предается Доминик, черпающий в обонятельном воспоминании такие чувственные наслаждения, каких не могло бы ему доставить присутствие любимой женщины. «Мельчайшие особенности ее одежды и облика, экзотические духи, которые она любила и по которым я бы узнал ее с закрытыми глазами, все, вплоть до полюбившихся ей недавно цветов <...>, все это оживало с поражающей отчетливостью, но вызывало во мне иное волнение, чем ее присутствие: то была как бы сладостная тоска по вещам, которых больше нет»¹⁷. Для отвергнутого влюбленного, заточившего себя в деревне, зима — это прежде всего время гедонистических воспоминаний о шумах, видениях и запахах.

Вечность аромата — излюбленная тема Бодлера; обоняние у него обретает удушающую силу воспоминания. Что остается от человека и его любви тем, кому он был дорог? Аромат, заточенный во флаконе, запах, таящийся в недрах шкафа или могилы¹⁸. Вдыхая некоторые запахи, можно воскресить целое общество или цивилизацию

вдыхая — с воды — запах своей родной Корсики. «Воспоминания, те исчезнувшие, потонувшие в забвении воспоминания, которые вдруг возвращаются неизвестно почему. Они возникали так стремительно, с таким разнообразием и в таком обилии, что ему казалось, будто чья-то рука всколыхнула тину, обволакивавшую его память <...>. Всегда случался какой-нибудь повод к этому внезапному пробуждению воспоминаний, материальный и простой повод, чаще всего аромат, запах духов. Сколько раз женское платье, мимоходом пахнув на него легкой струей духов, вызывало в памяти давно уже стершиеся события! На дне старых туалетных флаконов он также не раз находил частицы своего бывшего существования. Всякие блуждающие запахи — запахи улиц, полей, домов, мебели, приятные и дурные, теплые запахи летних вечеров, морозный запах зимних ночей — всегда оживляли в нем забытое прошлое...» (*Мопассан Г. де. Сильна как смерть / Пер. Н.О. Лернера // Мопассан Г. де. Полн. собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1958. С. 222–223*).

¹⁷ *Фромантен Е. Доминик / Пер. И.Б. Мандельштама. Л.: Academia, 1930. С. 108.*

¹⁸ Некоторые парфюмеры превосходно поняли это и стали предлагать своим клиентам флаконы в форме «могил» для духов умершей возлюбленной.

былых времен. Одна почтенная пожилая дама была очень взволнована, уловив в Сен-Клу Людовика XVIII запах экс-крементов, царивший в Версале при Людовике XVI; она признавалась Виолле-ле-Дюку, что подобное аристократическое пренебрежение запахом дерьма пробудило в ней острую ностальгию по ушедшей молодости и рухнувшему Старому Режиму¹⁹. Теофиль Готье, одержимый видениями прошлого, рассчитывает на «гранитную прочность» древних благовоний, которые помогут ему «перенестись душой» в иную реальность²⁰. Нетленный ладан торжествует над временем; сквозь его священные испарения чувствительный верующий прозревает жертвоприношения прошлого. «Едкий запах времени»²¹ потрясает. Учебники парфюмерии уподобляются историческим сочинениям. Автор одного из них, Клэ, ясно осознает, что страсть к запахам неотделима от погружения в головокружительные бездны истории. Дез Эссент пытается воскресить прошлое путем научной реконструкции его ольфакторной среды; воссоздание запаха упраздняет историю. Обоняние, выявляющее единство неповторимого «я», утверждает и единство времен.

КАДИЛЬНИЦА В АЛЬКОВЕ

Раз ученые решительно утверждают, что у каждого человека есть свой специфический запах, значит, ощущать его, следить за малейшими ольфакторными изменениями своего тела — это осознавать свою природу, свою

¹⁹ *Viollet-le-Duc*. Dictionnaire de l'Architecture. Т. VI. Р. 164. Прогуливаясь по Фонтенбло, Фредерик и Розанетта ощутили это «испарение веков». См.: *Richard J.-P.* Littérature et sensation. 1954. Р. 190.

²⁰ *Готье Т.* Ножка мумии / Пер. Н. Гнединой; Арриа Марцелла / Пер. Е. Гунста // Готье Т. Два актера на одну роль. М.: Правда, 1991. С. 203, 459.

²¹ *Бодлер Ш.* Флакон.

сущность. Вдыхая запах «красного дождя» своей зрелости, Полина Кеню ощущает свое женское предназначение²². «Большая девочка» получает нарциссическое удовольствие, вдыхая в одиночестве свой запах и оцупывая себя взглядом.

Френология доводит эти идеи до предела; она утверждает, что «запах есть одно из проявлений живых существ, подобно линии, цвету и звучанию»²³. Известно, какое влияние оказала эта наука, в особенности на Бальзака. Добряк Бирото избрал профессию торговца парфюмерией, а мрачный Роген стал «вонючкой».

Медицина и френология, настаивая на соблюдении гигиены, тем самым управляли и эротическим поведением; если запах и в самом деле выявляет самую суть человека, то вдыхание чужого запаха обретает невероятное значение. Обоняние, чувство социального отторжения, является в то же время и чувством сближающим. Тонкие ароматические послания, белизна кожи, воздушный туалет зовут вдохнуть запах женщины²⁴. Обонятельная память о теле любимого существа не дает угаснуть страсти и подпитывает сожаления. Такое утонченное внимание отличает только буржуа. Благоухание возлюбленной — один из пунктов программы воспитания чувств²⁵.

²² Золя Э. Радость жизни // Золя Э. Собр. соч.: В 26 т. М.: Худ. лит., 1963. Т. 9. С. 560–561.

²³ *Thoré T. Dictionnaire de phrénologie et de physiognomie à l'usage des artistes, des gens du monde, des instituteurs, des pères de famille, etc. 1836. P. 314.*

²⁴ Запах любимой женщины, борющейся с болезнью, потрясает воображение Барбе д'Оревильи, словно именно эти флюиды были свидетельством беды. «Надо было почувствовать вокруг ее разгоряченного лихорадкой лица полные жизни вздохи ее платья, в которой заключена любимая женщина...» (*Barbey d'Aurevilly. Un prêtre marié. Gallimard, «Folio». P. 223.*)

²⁵ В этом отношении роман Сент-Бева «Сладострастие», по-видимому, выработал ту модель, которой будут вдохновляться Жорж Санд («Лелия») и Бальзак («Лилия долины»).

В этом смысле творчество Бальзака отражает как выводы медиков, так и кодекс эlegantности своей эпохи. Влекомый чарующим соблазном ольфакторных посланий, романист превращает «Лилию долины» в настоящую симфонию «запахового зова» («perfume appeal») ²⁶. «Она сделала несколько легких шагов, словно подставляя ветру свой белый наряд <...>. О моя лилия! Прекрасный цветок человеческий, моя мысль ласкает меня, а сердце целует! — восклицал я. — Всегда безупречная, ты высишься на стройном стебле, такая белая, гордая, благоуханная и одинокая!» ²⁷ Феликс де Ванденес словно вдохновлен Каде де Во. В бальзаковском повествовании естественные запахи женского тела влекут своим нежным цветочным оттенком; количественный анализ свидетельствует, что ольфакторный дискурс фокусируется прежде всего на волосах и, во вторую очередь, на открытых частях тела, которые, согласно новым правилам гигиены, следует поддерживать в чистоте и чей запах целомудрие не запрещает упоминать, поскольку они играют важную роль в социальных отношениях (таковы шея, декольте, корсаж, предплечье, кисть руки, лицо); встречаются, хотя и очень редко, намеки на благоухание бедер и талии.

Бодлер уничтожил то поэтическое уподобление женщины луговому цветку, которое, в свою очередь, пришло на смену благоуханной куще, чье назойливое присутствие было непременным атрибутом любовных сцен далекого прошлого. Ольфакторный силуэт женщины изменяется; его очертания уже не проступают в душистом облаке; сексуальное возбуждение вызывается запахом обнаженной плоти, обостренным жаркой влажностью постели, а не

²⁶ Выражение Шарля-Леонара Пфейффера: *Pfeiffer Ch.-L.* Op. cit. P. 49.

²⁷ *Бальзак О. де. Лилия долины* / Пер. О.В. Моисеенко и Е.М. Шишмаревой // Т. 8. С. 162–163.

приглушенными ароматами целомудренного тела. Визуальная метафора стирается. Женщина перестает быть лилией; она становится душистым саше, букетом запахов, которые исходят от «ароматического леса»²⁸ ее распущенных волос, кожи, дыхания, крови. Аромат женщины словно скрепляет собой эротическую интимность спальни и постели. Она подобна «кадильнице»²⁹ в алькове, она источает целую гамму запахов, негативным аналогом которой служит прогорклый табак и, хуже того, гнилой запах комнат – свидетельство ее отсутствия. Плотские флюиды одушевляют квартиру, которая превращается в арену непрекращающихся ольфакторных сражений. Атмосфера алькова рождает желание, вызывает бури.

В бодлеровской поэзии отражается сдвиг моды в направлении тяжелых запахов, а также господство модели сексуальной продажности. Чары влажной плоти, пристрастие поэта к животным запахам и, быть может, в еще большей мере его отвращение к отсутствию интимной гигиены³⁰ переносят в домашнюю обстановку запахи борделя и характерную для него тщательность туалета³¹. Судьи не простят Бодлеру подобного переноса эротической сцены³².

²⁸ Бодлер Ш. Шевелюра.

²⁹ *Он же*. Песнь после полудня / Пер. Эллиса // Бодлер Ш. Указ. соч. С. 88.

³⁰ См.: *La propreté des demoiselles belges*.

³¹ Что было подробно описано Мопассаном («Приятель Пасьянс»).

³² За рамки нашего исследования выходят бесконечные вариации поэта на темы духов, воображаемого путешествия, соответствий и воспоминаний. Заметим только, что бодлеровский поиск высшего опьянения, при котором происходит смешение всех чувств, может быть рассмотрен как завершение долгого пути, следы которого были изучены в давних работах: *Chais M.A. La correspondance des arts dans la poésie contemporaine*, 1919; *Pommier J. La mystique de Baudelaire*, 1932; а тема вечности аромата, как мы видели, занимала современников Бодлера, и обонятельное приглашение к путешествию относится также к коллективному бессознательному.

Как ни парадоксально, у Золя был плохой нюх³³. Испытания ольфактометром, проведенные Жаком Пасси³⁴, показали, что успехи романиста на этом поприще ничтожны. Факт этот не был известен Леопольду Бернару, который, однако, одним из первых счел навязчивое присутствие запахов в романах Золя приемом натуралистского письма³⁵. Ален Денизе, подвергнув цикл «Ругон-Маккаров» строгому анализу, приходит к более точным выводам³⁶. Золя воспроизводит, причем с большим запозданием, те ольфакторные наваждения, которые отличали допастеровскую медицину. Его описания запахов общественных мест и частных домов, жилищ бедняков и богачей отражает навязчивые идеи гигиенистского дискурса, сложившегося к 1835 г., сразу после великой эпидемии европейской холеры.

Равным образом предельно точные описания ольфакторного облика человека основывались на пессимистских верованиях, которые я пытался расшифровать. Система соответствий между окружающим пространством, чувствами, любовными страстями предстает венцом кропотливого труда гигиенистов, архитекторов и художников, в результате которого рамки интимной близости распадаются на отдельные ольфакторные фрагменты. Нежные забавы Кадины и Маржолена, страстные порывы Рене Саккар подчинены ритму ароматов. Атмосфера комнат, где находит убежище ее страсть к Максиму, за-

³³ О роли обоняния в повествовании Золя тоже можно написать много томов; об этом уже написано несколько специальных работ. Здесь я буду говорить об этой проблематике лишь в обобщенном виде.

³⁴ *Dr Toulouse E.* Enquête médico-psychologique sur les rapports de la supériorité intellectuelle avec la névropathie. Emile Zola. Paris, 1896. P. 163–165, 173–175.

³⁵ *Bernard L.* Les odeurs dans les romans de Zola.

³⁶ *Denizet A.* Les messages du corps dans les Rougon-Macqart, Mémoire de Maîtrise. Tours, 1981.

дает гамму ее чувств и наслаждений; самые чувственные восторги она вкушает в оранжерее с ее волнующими запахами.

Однако повествование Золя не только пассаистично. Ольфакторные послания, открывая герою его желания и его сокровенную природу, продвигают действие вперед или тормозят его. Очень часто обонятельные впечатления персонажей «Ругон-Маккаров», как отмечал уже Леопольд Бернар, «являются, осознанно или нет, первой и последней причиной их поведения»³⁷. Бодлеру не простили переноса в домашние рамки тяжелой атмосферы борделя с его вседозволенностью; не простят и Золя той драматической роли, которую он отводит запахам. Самым скандальным было, вероятно, то, что Золя презрительно поместил в один ряд с интеллектуальными и эстетическими чувствами, такими как зрение и слух, чувства растительные и животные — обоняние и осязание.

В мире Золя сенсорные способы соблазнения меняются в зависимости от того, к какому классу общества принадлежат персонажи. В простонародье преобладает осязание; и в деревне, и в городе клапаны желания открываются при соприкосновении с телом, чьи формы отчетливо видны; самец лапает самку. В среде буржуа влечениями и чувствами руководит обоняние. Препятствия, встающие на пути взгляда, заставляют угадывать манящие формы тела, избегающего любых, даже самых мимолетных, осязательных контактов³⁸. Ароматные флюиды противоположного пола без помех воздействуют на воображение, выявляют симпатию, разжигают кровь. Окружающая атмосфера коварно усиливает их влияние. Так возникают союзы.

³⁷ Bernard L. Op. cit. P. 8.

³⁸ В этом смысле характерна уединенная беседа мужчин на вечере у графини Мюффа («Нана», гл. III).

УПРАВЛЯТЬ РИТМАМИ ЖЕЛАНИЯ ПО-НОВОМУ

Примат осязания в народной среде предполагает краткий штурм; утонченность ольфакторных посланий отвечает ритму долгого буржуазного соблазнения. Летучие запахи располагают к смакованию, к предвкушению будущего опьянения; они символизируют прерывистость любовного диалога. Терпеливое вдыхание ароматов любимого существа предвосхищает будущие изысканные ласки³⁹. Подобно вуайеризму, некоторые типы ольфакторного поведения позволяют по-новому управлять ритмами желания. Нюхая надушенные предметы, можно вообразить себе присутствие возлюбленной лучше, чем рассматривая фотографию. Такое обоняние другого на расстоянии характерно для запоздалой и прерывистой любви Флобера к Луизе Коле. Оно стремится обрести тот таинственный контакт, какой позволяет Фредерику Морожить в атмосфере мадам Арну, а Леону — ощутить мерцающее присутствие Эммы⁴⁰. В ходе переписки образуется обширная коллекция ароматов, заключенных в письмах, домашних туфлях, носовых платках, перчатках и благоухающих волосах. Практика быстро превращается в разработанный ритуал; зрение в ней сочетается с обонянием. До нас дошли подробнейшие ее описания; достаточно привести несколько отрывков, датированных августом—сентябрем 1846 г.⁴¹

6 августа: «Я созерцаю твои домашние туфли, носовой платок, твои волосы, портрет, я перечитываю твои письма, я вдыхаю их мускусный запах».

8—9 августа: «Гляжу на твои домашние туфли <...>. По-моему, что люблю их так же сильно, как тебя <...> я

³⁹ См. сцену соблазнения Элен Гранжан доктором Деберлем в «Странице любви».

⁴⁰ См.: *Richard J.-P. Littérature et sensation*. 1954. P. 189.

⁴¹ *Flaubert G. Correspondance*. Ed. de la Pléiade. T. I.

вдыхаю их аромат, от них веет вербеной, и твое благоухание переполняет мне душу».

11 августа: «Во сне я жил в складках твоего платья, на концах легких завитков твоих волос. У меня они есть! О! как прекрасно они пахнут! Если бы ты знала, сколько я думаю о твоём мягком голосе, о твоих плечах, запахах которых я так люблю вдыхать!»

13 августа: «Здесь лежит перчатка. От нее так хорошо пахнет, мне кажется, что я еще вдыхаю аромат твоего плеча и нежное тепло твоей обнаженной руки».

14–15 августа: «Скажи мне, ты пользуешься вербеной, ты кладешь ее в твои новые платки? Положи ее и в рубашку, нет, не душись, лучшие духи – это ты, благоухание твоей собственной природы».

27–28 августа: «Спасибо за цветочек апельсинового дерева. Все твое письмо от него так прекрасно пахнет».

31 августа: «Спасибо еще раз за цветочки апельсинового дерева. Твои письма благоухают ими».

И, в форме букета, 20 сентября: «Тысяча поцелуев <...> этим длинным папильоткам, я несколько раз вдыхал их запах в домашней тувельке с синими дырочками: именно туда я положил прядь твоих волос; перчатка лежит в другой, рядом с ней медаль, а рядом – письма».

По ходу переписки число обонятельных отсылок растет вместе с нарастанием любовной страсти или когда приглашение к любви становится более настойчивым. Полвека спустя этот тип эротического поведения будет квалифицирован как фетишистский и невротический; сознаться в нем не на приеме у психиатра станет куда труднее. Золя делает его центральной темой «Радости жизни», романа о примате обонятельного влечения у невротика-вырожденца. Раз за разом толчок романному действию дает запах гелиотропа, исходящий от Луизы. Именно ольфакторной чувствительностью объясняется пронизательность доброй Вероники, просвещающей Полину отно-

нительно любви юной четы; запах перчатки, забытой Луизой, неделями сводит с ума несчастного Лазара.

«Перчатка из саксонской кожи сохранила крепкий, своеобразный запах зверя; любимые духи Луизы, гелиотроп, чуть смягчали его, примешивая аромат ванили. Лазар, очень чувствительный к запахам, взволнованный этим сочетанием цветка и плоти, растерянно застыл, прижав перчатку к губам и предаваясь сладостным воспоминаниям»⁴². Погружаясь «в жгучие воспоминания о другой», Лазар истощал свои силы в «настоящих оргиях»⁴³.

Итак, незадолго до того, как возбуждающие свойства запаха кожи стали поводом для широких сексологических дискуссий⁴⁴, обоняние уже оказалось замешано в весьма щекотливом процессе — аутосексуальности. Однако уже Эдмон де Гонкур подарил сестричку Лазару Золя⁴⁵. Шери, совсем еще юная девушка, до безумия одержима духами. Она даже испытывала запретные удовольствия от мускусного семечка. Она взяла за правило нюхать его тайком, в кровати, опьяняясь этим запахом до спазма. Мать Шери сошла с ума; сама она не желает выходить замуж и по неведению полагает, что зачала без мужчины. Этой самой оригинальной из героинь Эдмона де Гонкура уготована мрачная судьба, какую врачи гарантируют мастурбирующим женщинам; она умрет девственной, так и не познав иных наслаждений, кроме своего необычного заместительного удовольствия.

К моменту создания этого романа психиатры уже несколько десятилетий пытались создать научную картину обонятельного фетишизма. В 1857 г. Гардые прибегнул к латыни, описывая тайные практики «нюхачей», получав-

⁴² Золя Э. Радость жизни / Пер. М. Рожициной. Т. 9. С. 742.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См. их изложение: *Ellis H.* Op. cit. P. 169 sq. Хаген полагал, что запах кожи напоминает запах половых органов.

⁴⁵ *Chérie*, 1889.

ших наслаждение от запаха испражняющихся женщин⁴⁶. Десять лет спустя полицейский Масе описывает удивительное поведение таких «нюхачей», «любителей локонов» или похитителей платков, набрасывавшихся на посетительниц крупных магазинов, чтобы несколько секунд вдыхать аромат их надушенных затылков⁴⁷. Фере анализирует роль запахов в возникновении желания⁴⁸, Бине⁴⁹ посвящает себя изучению фетишизма и внимательно анализирует поведение Ретифа. Сексологи, Флисс и особенно Хаген, а впоследствии Хевлок Эллис, изучают ту огромную роль, какую играет обоняние в сексуальной сфере; но тут мы уже переходим в новый исторический период.

Нас в него вводит Гюисманс. Напомним, Дез Эссент возвещает появление в мире искусства новой фигуры — составителя ароматов; при этом одна из его бывших любовниц проявляет все признаки самого разнужданного обонятельного фетишизма. «Дама была нервной, истеричной, обожала умащать свой бюст благовониями, но настоящее, высшее наслаждение испытывала лишь тогда, когда в разгар ласк умудрялась почесать гребнем голову или вдохнуть запах сажи, известки, которую смочил дождь, а также дорожной пыли, прибитой летним ливнем»⁵⁰.

⁴⁶ *Tardieu A.* Les attentats aux mœurs. Éd. 1867. P. 183.

⁴⁷ *Macé G.* La police parisienne. Un joli monde. 1887. P. 263, 266, 272.

⁴⁸ *Féré Ch.* La pathologie des émotions. 1892. P. 438–441; *L'instinct sexuel, évolution et dissolution.* 1890. P. 126 sq., 210 sq.

⁴⁹ *Binet A.* Etudes de psychologie expérimentale. 1888. «Le fétichisme dans l'amour». P. 4. Он напоминает, что для Мореля, как и для Маньяна, эти пороки были лишь эпизодами наследственного безумия, характерного для вырождения. Бине кажется главным тот факт, что у «обонятельного фетишиста» запах вызывает непреодолимое влечение; он должен следовать за женщиной, флюиды которой его притягивают. Согласно Фере (Op. cit. P. 439), именно по этой причине Ламартин так любил девушек с постоянных дворов.

⁵⁰ *Гюисманс Ж.-К.* Наоборот / Пер. Е.Л. Кассировой. М.: Республика, 1995. С. 83.

Главное в книге Гюисманса — это пересмотр той иерархии запахов, которая на протяжении целого столетия казалась непререкаемой догмой. Дез Эссент коллекционирует живые цветы, похожие на искусственные, и отказывает естественным запахам в привлекательности. Зачарованный сельской местностью Пантен, пропитанной индустриальным запахом, он предлагает новое отношение к природе, прославляет ароматы современности⁵¹.

В эпоху Гюисманса история обоняния коренным образом меняется; она отражает главные тревоги своего времени. Криминальная наследственность и угроза вырожждения вскоре будут подробно описаны в романах Гастона Леру. Животным обонянием, весьма пригодившимся для работы, Рультабийль обязан бандитскому прошлому своего отца; волнующий аромат и исключительная красота его матери не помешают ему бросаться на землю и принюхиваться, стоя на четвереньках, дабы разгадать порученные ему полицейские тайны⁵².

В постдарвиновской антропологии особое внимание уделяется специфическому запаху различных рас и этносов. Жан Лоррен возмущается запахом негров, которых в большом количестве поселили на Марсовом поле в декоративной деревне, сооруженной специально для Всемирной выставки⁵³. Берийон считает⁵⁴, что именно запах

⁵¹ См.: *Cogny P.* La destruction du couple Nature-Société dans l'A rebours de J.-K. Huysmans; *Gaillard F.* De l'antiphysis à la pseudo-physis: l'exemple d'A Rebours // *Romantisme*. 1980. № 30.

⁵² *Le Mystère de la chambre jaune*. Le livre de Poche, 1960. Например, P. 84.

⁵³ *Lorrain J.* La ville empoisonnée. *Chroniques du Journal*, 1896–1902. 8 juillet 1896. P. 106–107. По поводу «смрада из черной деревни»: «А запах негра, затхлый запах соленого масла и перца, становится еще тошнотворнее, поднимаясь к небу перед грозой». Как мы видим, тон изменился.

⁵⁴ *Dr Bérillon.* Psychologie de l'olfaction: la fascination olfactive chez les animaux et chez l'homme // *Revue de l'hypnotisme*. 1908. Octobre. P. 98 sq. В этой статье возникает внушавшая тогда тревогу идея, согласно которой

поддерживает расовую ненависть в Соединенных Штатах и что на нем и был основан «апартеид». До того как патриоты ополчились на запах «бошей», д-р Кабанес описал пресный запах англичан, который, по его мнению, так сильно пропитывает комнаты, что остается в них в течение многих лет; одни, пишет он, приписывают этот запах соседству морских водорослей; другие считают, что он исходит от кожи, из которой сделаны чемоданы. Японский ученый Бунтаро Адаси разоблачает зловоние, источаемое западными людьми; а д-р Берийон, рассуждая о расовых противоречиях, заключает: «Нет ничего сильнее обонятельного отвращения»⁵⁵; поэтому он отводит обонянию удивительно большое место, усматривая в нем главный инструмент сохранения расы, «создания устойчивой семьи и солидарной семейной среды, пребывающей в безусловной зависимости от обонятельной близости и симпатии».

Остается еще одна, менее скабрзная, тема: образ благоуханной женщины в «Нескольких цветах» Убигана (1912) или в «Голубом часе» Герлена (1913). Благодаря развитию высокой моды в сфере парфюмерии складывается новый кодекс ольфакторной элегантности, и на новой сцене возникает белизна женщины и растительные символы ее убранства.

Перевод Е. Гальцовой

цивилизация ведет к вырождению; в этой перспективе было проанализировано уменьшение роли обоняния. Однако Берийон прекрасно осознавал также, что возврат к обонятельному поведению мог бы обозначать регрессию, что еще раз показывало, как недалеко друг от друга располагались оба фантазма.

⁵⁵ *Dr Bérillon*. Op. cit. P. 306. Доктор Берийон станет знаменитым в 1915 г. благодаря публикации своей работы: *Le Bromidose fétide de la race allemande, foetor germanicus*, — которую он написал после того, как разработал тему *foetor judaicus*. Мы знаем, какое большое значение придавал впоследствии расовому запаху Уильям Фолкнер в своем романе «Чужак».

«ПАРИЖСКИЕ ЗАПАХИ»

Летом 1880 г. по Парижу распространился столь сильный смрад, что общественное мнение возмутилось. «Первое, что говорили люди при встрече: “Вы чувствуете? Ну и вонища!” Все это походило на настоящее народное бедствие. Парижанин сходил с ума, префект измучился, а министр пребывал в раздражении»¹.

По многочисленным рассказам, посвященным этой катастрофе, легко составить целую иерархию различных форм отвращения². В них выражается архаический характер восприятия и неизменное присутствие опасений, восходящих к глубокой древности. В общественном мнении это бедствие сразу же стало стихийно (и ошибочно) связываться с наличием помоев и экскрементов в общественных местах — в ту пору никому еще и в голову не приходило винить промышленные запахи.

В октябре пресса уже неистовствовала. Проблема обсуждалась в Комитете по гигиене и санитарии Сены, затем в муниципальном Совете. Префект говорил о необходимости сформировать комиссию, состоящую по большей части из врачей. Из посвященной этому вопросу

¹ *Trélat E.* // *De l'évacuation des vidanges...* P. 25.

² См., например: *Chrétien J.* *Les odeurs de Paris.* P. 8.

литературы и особенно из отчетов экспертов³ видно, что стратегии дезинфекции общественного пространства более или менее потерпели крах. Несмотря на требования администрации, на проезжей части продолжает скапливаться грязь; в некоторых кварталах испражнения по-прежнему выбрасывают на мостовую; дети писают прямо на улице; днем и ночью из водостоков распространяется инфекция. Стремительный рост числа лошадей, используемых в столице, усложняет задачу муниципалитета; вокруг стоянок omnibusов образуются настоящие клоаки; с Марсова поля в сторону улицы Гренель и Гро Кайу расползаются тошнотворные испарения. О том же свидетельствовали и описания общественных зданий; отхожие места больницы Питье, равно как и те, которыми пользуются слуги в богатых кварталах, испускают немислимый смрад; что же говорить о жилищах простонародья? Судя по постоянным стенаниям, разве что то, что со времен Июльской монархии ничего не изменилось. Но совершенно очевидно: благодаря пастеровской революции были переосмыслены прежние категории чувствительности и терпимости. Более того, ослабление цензуры, связанное с победой Республики, и активные дебаты в муниципальном Совете усиливают общественный резонанс и способствуют суровому разоблачению злоупотреблений.

КРУШЕНИЕ ДОПАСТЕРОВСКИХ МИФОВ

Дело о «запахах Парижа» лучше всего доказывает быстрое распространение открытий Пастера. В 1880 г. уже ни один эксперт не сомневается в новых теориях. Миаз-

³ *Chrétien J.* Op. cit. P. 10 sq.; *Durand-Claye A.* Observation des ingénieurs du service municipal de Paris au sujet des projets de rapport présentés par MM. A. Girard et Brouardel. 1881 passim.

мы исчезают с научного горизонта⁴. У теории самозарождения больше не находится защитников. Дурной запах и угроза болезней перестают ассоциироваться друг с другом в сознании ученых: они убедились в том, что распространение заразы происходит за счет инфицированных микробов. «Повторим: не все, что воняет, непременно убивает, и не все, что убивает, непременно воняет»⁵, — провозглашает в ходе дебатов консерватор Бруардель. Уже в следующем году отрицание патогенности запаха закрепляется в «Словаре» Дешамбра⁶.

Одновременно исчезает и вера в то, что грязь и земля, богатые продуктами разложения, угрожают здоровью. Более того, словно по коперниковской схеме вращения, на смену ей приходит представление об их превосходных фильтрующих свойствах, открытых Шлезингом и признанных самим Пастером. Поскольку земля задерживает зараженные микробы, земные запахи и испарения служат отныне показателем чистоты воздуха; даже испарения сточных канав, как показал П. Микель, «могут содержать в себе пары инфицированных субстанций, но сами не содержат микробов»⁷. Благодаря новым открытиям снимается исконный страх перед кладбищем. В 1879 г. специальная комиссия пришла к заключению о безвредности кладбищ. «В газах, какие испускает закопанная в земле разлагающаяся материя, вовсе не содержится бактерий»⁸, — пишет в 1881 г. Шардуйе, а профессор Колен в то же время доказывает, что трупы захороненных животных безвредны.

Не менее ошибочно, считают специалисты, было бы полагать, что испарения, поднимающиеся над стоячей во-

⁴ За исключением того факта, что в течение некоторого времени микроб будут называть «микробным миазмом».

⁵ De l'évacuation des vidanges. P. 36.

⁶ Dr François-Franck. Art. «olfaction». P. 99.

⁷ Marié-Davy // De l'évacuation des vidanges. P. 65.

⁸ Цит. по: Ariès Ph. Op. cit. P. 533.

дой, содержат миазмы. Микель в 1880 г. показывает, что «вода, насыщенная органическими веществами, каковые пребывают на последней стадии разложения, может быть выпарена почти досуха, — притом что ни один из кишашщих в ней микробов не может перейти в пар. Путем конденсации этого пара мы смогли получить стограммовую дозу воды; у нее был столь же неприятный запах, как и у исходной жидкости, но никаких воображаемых миазмов в ней не было»⁹.

Благодаря этому отрицанию болезнетворности смрада обоняние постепенно вытесняется из сферы медицинской семиологии; врач перестал быть главным специалистом по запахам. Тем более что и ему свойственно отвращение к неприятным запахам, нарастающее в средних классах, к которым он себя причисляет. Отныне экспертом в области обоняния оказывается инженер-химик.

Замкнутый цикл, или поток

Однако, как ни парадоксально, предложенные учеными средства для избавления от неприятных запахов восходят к стратегиям, которые сложились еще в эпоху господства допастеровских мифов, получивших ныне смертельный удар. Все эксперты сходятся на том, что необходимо найти способ «радикально избавиться от нечистот»¹⁰, которые, как всем отныне известно, вызывают брюшной тиф. Кроме того, аргументами против утилизации человеческих испражнений выступали перуанское гуано, чилийские нитраты и особенно химические удобрения. И тем не менее складываются две противоположные стратегии дезинфекции. Общие положения первой были изложены в медицинских отчетах о «парижских запахах»;

⁹ Marié-Davy // De l'évacuation des vindanges. P. 65.

¹⁰ Trélat E. // Ariès Ph. Op. cit. P. 19.

она основана на принципе закрытого сосуда. Ее цель — предотвратить любой контакт между веществами, способными порождать множество микробов, и человеческой средой, подлежащей защите. Эта стратегия строится не на управлении потоками, но на герметичности, вакууме и применении насоса. Вода играет в этом процессе роль чистящего средства, а не растворителя.

Поэтому в проекте комиссии предусмотрено наличие полностью герметичной выгребной ямы, которая с этой целью должна быть сделана из металла. И в этой сфере преобладают медь и сталь. «Испражнения поступают из туалетов в совершенно непроницаемые трубы с металлическими стенками, никак не соприкасаясь ни с воздухом, ни с землей. Соединенные вместе, эти трубы унесут все стоки подальше от города, в особое место, где будут находиться все заводы, необходимые для их переработки»; «движение их обеспечивается всасывающими и нагнетательными насосами, с помощью вакуума или любым иным способом»¹¹. Выгребная яма служит здесь лишь первым звеном в герметически замкнутой цепи, терминалом которой является завод. Если только вся эта система не выходит прямо в море, как предлагал Пастер. Медики из упомянутой комиссии одержимы идеей — безусловно утопической — сделать испражнения бесцветными и ничем не пахнущими, а также предохранить население от любого контакта с ними.

Эта концепция нашла воплощение в целом ряде сооружений: в системе Лиермюра в Бельгии, в сети пневматического отвода, установленной Берлие в Лионе в 1880 г. Сам Бельгран в 1861 г. мечтал о подобном решении проблемы для столицы.

Этой стратегии противостоит стратегия инженеров коммуникаций, учитывающая зарубежный опыт и опира-

¹¹ *Durand-Claye A. // Ariès Ph. Op. cit. P. 21–22.*

ющаяся на выводы Международного гигиенического конгресса 1878 г. Сторонники второго проекта не скупилась на критику в адрес комиссии: предложенные врачами решения не учитывают возможности засора; они предполагают постоянное использование сложной системы насосов и кранов; а неизбежные ремонтные работы будут сопровождаться непереносимым смрадом.

Гораздо лучше остановить размножение микробов посредством быстрой циркуляции нечистот. Проект инженеров основывается на кинетических законах; главное в нем — не герметичность, а ускорение ритмов. Увлекаемые сточными водами экскременты перестают быть вредоносными. Никаких выгребных ям, труб, стоков, заводов по производству сульфата аммония; все хранилища следует уничтожить; вместо этого следует организовать «как можно более быстрое и безостановочное удаление экскрементов»¹² на поля аэрации, где очистительную функцию будет выполнять сама земля.

Проект инженеров опирается на открытия англичан, сделанные еще в допастеровскую эпоху. Ученые с другого берега Ла-Манша доказали, что испражнения становятся опасными и начинают источать очень дурной запах лишь на второй день; срок этот может быть продлен благодаря движению. В трудах англичан, посвященных загрязнению рек, была доказана безвредность сточных вод. На континенте же новые и смелые теории поддержал всем своим авторитетом Фресине¹³.

Теми же идеями вдохновлялись и создатели обширной канализационной сети Лондона, сконструированной в начале 1860-х гг. Аналогичные системы были построены в Брюсселе, Франкфурте-на-Майне, Данциге. Такую же прокладывают и в Берлине: комиссия во главе с Вир-

¹² *Durand-Claye A. // Ariès Ph. Op. cit. P. 23.*

¹³ *Ibid. P. 50.*

ховом отдала ей предпочтение. В Англии, как и Соединенных Штатах, вопрос о достоинствах и недостатках подобного метода уже не стоит; остается решить лишь одну проблему: обязательно ли создавать «separate system», т.е. две разных сети – одну для дождевой воды, а другую для стоков.

Очевидно, что быстрое удаление нечистот с помощью проточной воды представляет собой самую эффективную технологию дезодорирования как общественного, так и частного пространства. Длительное сопротивление, которое оказывали ей французские чиновники, – лучшее объяснение того, почему в городах страны по-прежнему стоял смрад.

СТАГНАЦИЯ, ИЛИ РАСТВОРЕНИЕ

Само это отставание – весьма значимый исторический факт. Противоречивые проекты гигиенистов прямо и непосредственно связаны с господствующими в обществе представлениями. Профессор Бруардель, самый решительный сторонник герметичной системы, был также и самым яростным защитником идеи официального регулирования проституции и домов терпимости. В обоих случаях сей запоздалый апостол замкнутого пространства и административного контроля отстаивает интересы чистоты; он выступает адвокатом бандерш и компаний по откачке испражнений, торговцев грешной плотью и накопления экскрементов. Не выдержав напора реформаторов, он проигрывает оба процесса.

Поборники движения и растворения не преминули подчеркнуть, что в основе их проекта лежит идея равенства. И действительно, он предусматривает «воду для всех». Авторы его раздражаются гневными речами в адрес эгоистичных владельцев доходных домов, отказывающих-

ся вносить абонентскую плату. В эпоху широкого распространения одеколона и душистого мыла инженеры-республиканцы из службы парижских коммуникаций требуют, чтобы с испражнениями богатых и бедных поступали одинаково; в подтверждение своей правоты они ссылаются на различия в составе и обработке данных веществ по социальным категориям и в зависимости от квартала.

В этой связи необходимо вспомнить о том, какое влияние оказала пастеровская революция на общественные представления и стратегии. Открытие болезнетворных микробов заставило пересмотреть эпидемиологию, разработанную Виллерме. Угроза заражения стала менее определенной и менее явной, но оттого внушающей еще большую тревогу. Любая вода должна быть «под подозрением»¹⁴, заявляет Мариэ-Дави; так и хочется добавить: любой человек тоже. Тем самым усиливалась биологическая солидарность, объединяющая различные элементы населения; ученые прекрасно это понимают. «Живя сообща в большом городе, мы все солидарны между собой <...>. Эти организмы (микробы) распространяются воздушным путем и проникают всюду — в наши квартиры, в наши легкие, в наши напитки и продукты <...>. Гигиену города невозможно обеспечить до тех пор, пока ей будет наноситься урон в бедных кварталах»¹⁵. Подобные убеждения приводят к новым мерам предосторожности и к пересмотру приоритетов в стратегии общественной гигиены¹⁶.

И все же не стоит преувеличивать современный характер этих идей. Опираясь на одни лишь новаторские речи, мы рискуем не заметить инерционности. Связь между микробами и грязью — которая теперь отождеств-

¹⁴ *Marié-Davy* // Ariès Ph. Op. cit. P. 69.

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ См. об этом цитированный выше рукописный отчет (*Murard L., Zylberman P. C.O.R.D.A., 1980*).

ляется с отбросами и пылью — по-прежнему считается догмой. В жилище бедняка в пятьдесят—шестьдесят раз больше микробов, чем в испарении самой зловонной сточной ямы, заявляет Мариэ-Дави в 1882 г.¹⁷ Сама по себе вонь больше не несет заразы, но она предупреждает о присутствии болезни. Народ с его тошнотворным запахом утратил монополию на заразность, но при этом остался самым грозным фактором риска.

Отныне в буржуазных семействах поселяется боязнь вырождения. В связи с этим болезнь начинает обозначать собой социальную границу¹⁸: микробы особенно охотно размножаются в крови простонародья; они расцветают в грязи и пороке; любимые их обиталища — улица, трущобы и седьмой этаж. Соприкасаясь с пролетарием, буржуа рискует не только подцепить заразу; он может стать жертвой биологической мутации: поднявшийся из социальной клоаки болезнетворный микроб, попав в его деликатную кровь, имеет все шансы превратиться в наследственный изъян. В таком случае под угрозой оказывается все потомство: генетическая наследственность может быть нарушена.

Таким образом, хотя опасность стала отныне менее определенной, а действие микробов, по сравнению с прежними миазмами, — менее явным, все социальные границы сохраняются, только обозначаются теперь более тонко. Новые требования прозрачности, проявляющиеся в законодательном регулировании проституции, — лишь наиболее наглядный пример коренного пересмотра социальных стратегий, в основе которого лежало прежде всего систематическое санитарное обследование населения.

¹⁷ *Marié-Davy* // Ariès Ph. Op. cit. P. 68.

¹⁸ См.: *Corbin A. L'herédosyphilis ou l'impossible rédemption* // *Romantisme*. 1981. № 1.

Эпилог

Однако же устойчивость «парижских запахов» свидетельствует о том, что управление городским хозяйством менялось очень медленно. Хотя закон об очистке города был принят еще в 1889 г., а строительство ашерского акведука завершилось в 1885-м, вплоть до начала Первой мировой войны в столице почти каждое лето стоял смрад. Ежегодно Адам, главный инспектор по предприятиям, подлежащим надзору, указывает на это бедствие; он даже составляет списки наиболее зловонных дней. Но все шло по-прежнему; не помогла даже реорганизация соответствующих служб, проведенная в 1897 г.

Время от времени проводятся кампании (наподобие тех, что организовывала полиция нравов), имеющие целью поднять общественное мнение против беспомощных городских властей. Кризис разражается летом 1911 г. Прохожие задыхались от вони, особенно по вечерам; по словам экспертов, пахло «ваксой либо некоей подогретой органической материей»¹⁹. На этот раз, благодаря Вернейлю, были обнаружены истинные виновники бедствия: ими оказались заводы по производству суперфосфата, расположенные в северном пригороде Парижа²⁰. Смрад источал рабочий пояс Парижа — как прежде омерзительная виселица Монфокон. На смену испражнениям в иерархии тошнотворных запахов пришла промышленность. Начинается формирование новой экологической чувствительности.

Перевод Е. Гальцовой

¹⁹ *Boudouard O. Recherches sur les odeurs de Paris. 1912. P. 6.* Автор приводит служебный отчет инспекции по предприятиям, подлежащим надзору, за 1899 г.

²⁰ Одиннадцать заводов в Обервилье, два — в Сен-Дени, три — в Иври, два — в Витри и один в самом Париже. См.: *Brouardel et Mosny. Traité d'hygiène. T. XII: Hygiène générale des villes et des agglomérations communales. 1910. P. 161.*

Ольга Вайнштейн

ИСТОРИЧЕСКАЯ АРОМАТИКА: ОДЕКОЛОН И ПАЧУЛИ*

Современному человеку вряд ли понравится запах пачулей, скромного растения из семейства мятных — он скорее воспринимается как резкий и малопрятный: «Пачули, не знавшие себе равных по едкости затхлого и ржавого запаха в необработанном виде», — писал о них Гюисманс¹. А вот в эпоху наполеоновской Империи пачули были в моде, и ни одна красавица не мыслила выхода в свет без их теплого смолистого аромата. Причина популярности пачулей скрывалась в индийских шальях: дамы носили неоклассические туники и, чтобы не замерзнуть, кутались в индийские кашемировые шали. А на Востоке кашемировые шали издавна прокладывали сухими пачулями, чтобы уберечь ткань от моли. Так землисто-древесный запах пачулей стал прочно ассоциироваться с красивыми шальями и превратился в символ модной экзотики. Дамы настолько обожали его, что парфюмерам пришлось срочно выпускать духи, настоянные на пачулях. От женщин, чьи образы запечатлены на полотнах Энгра и Давида, должно было веять пачулями.

К середине XIX века пачули, однако, уже утратили свою магнетическую привлекательность: прошла мода на

* Данная статья представляет собой расширенный вариант работы, опубликованной в журнале «Иностранная литература» (2001. № 8. С. 260–274).

¹ Гюисманс Ж.-К. Наоборот / Пер. Е.Л. Кассировой под ред. В.М. Толмачева. Здесь и далее цит. по изд.: Наоборот: три символистских романа. М.: Республика, 1995. С. 81.

Восток, и ориентализм временно отступил на задний план. В обонятельном пейзаже второй половины XIX века пачули стали неуместны и воспринимались как символ дурного вкуса. «Чем это Вы надушились, Пыльников? — спрашивают мальчика в романе «Мелкий бес». — Пачкулями, что ли?»² Реабилитировала пачули модельер-сюрреалистка Эльза Скьяпарелли, придумавшая в 1937 г. духи «Shocking». А еще позднее, в 60-х гг., пачулями увлеклись хиппи, проповедовавшие восточную мудрость и flower power³: на волне возрождения ориентализма к нам вернулся и старинный аромат.

² Соловьев Ф. Мелкий бес. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 298.

³ Власть цветов (англ.) — лозунг хиппи, призывавших преобразовать общество через братскую любовь и духовное очищение, символом которых являются цветы.

История с пачулями показывает, что «прочтение» запаха во многом зависит от культурного контекста. Но как складывается тот или иной контекст? Это не просто механический срез исторических обстоятельств, текущей ситуации в искусстве и в науке. Порой все решают почти незаметные нюансы, тонкие условности вкуса и этикета: те, что в свое время были аксиомами, настолько очевидными, что не подлежали обсуждению, а ныне оказались непонятны. Прихоти парфюмерной моды могут показаться необъяснимыми, но в истории успеха каждого аромата есть свои тайные причины.

Приглядимся — или принюхаемся — к истории всем знакомого одеколона. Родословная «Кёльнской воды» связана с итальянским семейством Феминис, владевшим старинным монастырским рецептом «Aqua Admirabilis», в состав которой входили бергамот, лаванда, розмарин, настоянные на виноградном спирту. Точные пропорции держались, разумеется, в тайне от посторонних. В 1709 г. глава рода, Джан Паоло Феминис, переехав в Кёльн, вызвал туда племянника, Джованни Марию Фарину, который обнаружил незаурядные способности, как мы бы сейчас сказали, менеджера и очень удачно стал продвигать продукт на рынке.

В период Семилетней войны (1756–1763) французские солдаты, побывавшие в Кёльне, привезли оттуда одеколон. Это была удивительная новинка, немедленно породившая спрос в Париже; тогда же возникло и французское название «Eau de Cologne» — «Кёльнская вода». Новизна и редкость одеколона обусловила его дороговизну в Европе. Очевидно, что его изначальный престиж был также связан с недоступностью, иностранным происхождением и тайной аромата. Самые известные личности стали увлекаться одеколоном: большой его поклонницей была, например, мадам Дюбарри⁴.

⁴ Графиня Дюбарри (1743–1793) — фаворитка Людовика XV.

Император Наполеон даже во время военных кампаний всегда имел при себе бутылочку с «Кёльнской водой», причем для него изготовили специальный флакон в форме валика, который можно было носить за отворотом сапога. Наполеон расходовал до двух флаконов в день⁵, при-

⁵ Столь высокое потребление одеколona свидетельствует о высоких гигиенических стандартах императора: известно, что в военных кампаниях он возил с собой складную ванну. Правда, для любовных утех допускались исключения; из похода он писал супруге: «Жозефина, прекращай мыться. Я спешу и через 8 дней буду у твоих ног». Очевидно, запах невымытого женского тела стимулировал его эротическое воображение.

чем он не только душился одеколоном, но и капал его на сахар, в воду для ванны, для полоскания, считая, что одеколон полезен как таковой и стимулирует работу мозга.

Приверженность императора «Кёльнской воде» служила мощной дополнительной рекламой: каждый любитель одеколona чувствовал себя причастным к вкусам наполеоновского двора. Одеколон в то время уже продавался в Париже, где в 1806 г. был открыт парфюмерный магазин Фарины. Три декады XIX столетия одеколон пользовался успехом и слыл элитарным запахом, однако на его репутацию роковым образом повлиял... технический прогресс в парфюмерии.

В 1830 г. был изобретен метод экстракции растворителями, позволяющий выделять душистости из эфирных масел. Так был получен ментол из мятного масла и гераниол из цитронеллового масла. Это позволило удешевить производство некоторых марок духов. Если раньше настоящие духи все-таки были предметом роскоши, то теперь некоторые ароматы стали доступны по цене для широкой публики и, соответственно, утратили оттенок престижности.

Эта драматическая судьба постигла и одеколон. Массовое производство лишило самую известную туалетную воду элитарности. Одеколон окончательно стал считаться дешевым запахом после того, как его полюбили младшие клерки. В это же время средний класс начал пользоваться одеколоном исключительно в гигиенических целях. Благодаря снижению цен одеколон довольно быстро превратился в популярную дешевую марку: в 1863 г. в Кёльне насчитывалось уже 63 парфюмерных магазина, торгующих одеколоном, причем все их владельцы претендовали на родство с семейством Феминис-Фарины.

Случай с одеколоном показывает, как безжалостно губит престиж аромата «downward mobility», способность спускаться вниз по социальной лестнице. Впрочем, нель-

зя сказать, что никто не пытался вернуть одеколону утраченную элитарность и имперскую ауру. В 1853 г. парфюмер Пьер-Франсуа-Паскаль Герлен специально для императрицы Евгении, супруги Наполеона III, создал марку «Императорский одеколон». В оформлении флакона был использован орнаментальный мотив пчел и сотов — деталь герба Наполеона. Эти соты, кстати сказать, украшают и флакон самых последних духов дома Guerlain «Aqua Allegoria».

На протяжении XIX века одеколоном пользовались как дамы, так и кавалеры: разделения духов на мужские и женские еще не существовало. Принц Уэльский, будущий Георг IV⁶, как-то раз «унюхал» приятный запах одной дамы на балу и с тех пор пользовался этими духами. Наполеоновское пристрастие к одеколону разделяли его придворные обоюбого пола⁷. Перемены в сфере мужских и женских запахов пока еще только назревали.

В целом эпоха Директории и Первой Империи была ориентирована на интенсивную чувственность. Желая получить наслаждение от жизни, в средствах не стеснялись. Легендарная мадам Тальен⁸ принимала ванны из молока, разбавленного малиновым и клубничным ароматизированными маслами. В парфюмерии то же стремление выражалось в пристрастии к интенсивным цветочным (типа пачулей и роз) и животным запахам.

Супруга Наполеона Жозефина в свое время тоже отдала дань моде на пачули. Но ее любимыми запахами

⁶ Георг IV (1762–1830) — король Англии с 1820 по 1830 г. В 1811–1820 гг. был принцем-регентом.

⁷ Последняя попытка возродить знаменитый исторический запах одеколона — новый аромат «Cologne» (Thierry Mugler). Интересно, что Тьерри Мюглер, возвращаясь к традициям XIX века, выпустил свой «Cologne» в унисексном варианте; он так и рекламируется: for men and women.

⁸ Мадам Тальен (1773–1835) — светская дама эпохи Директории.

были розы (в дворцовых садах Мальмезона цвели все виды роз) и мускус⁹. В начале XIX столетия ароматы с доминирующим животным элементом – мускус, амбра¹⁰, цибетин¹¹ – пользовались небывалым спросом, и про Жозефину говорили: «Без ума от мускуса». Наполеон же, напротив, мускус не переносил. Когда брак Жозефины с Наполеоном был расторгнут, она в отместку бывшему супругу надушила дворцовые апартаменты мускусом. Этот запах, по свидетельству мемуаристов, не выветривался несколько десятилетий и чувствовался еще в конце века.

Однако в 30-х гг. положение меняется. Период Реставрации завершается окончательным переходом от животных ароматов к легким цветочным¹². Мускус, амбра, цибетин вытесняются лавандой, розмарином, флердоранжем, акацией, фиалкой и туберозой. Теперь считается, что резкие животные запахи могут стать причиной неврозов, меланхолии, позднее – истерии у женщин. Ароматы животного происхождения переходят к куртизанкам, а благопристойным буржуазным дамам рекомендуется палитра легких цветочных запахов. Это соответствует новой риторике любовного кокетства: надо уметь возбудить желание, не нарушая внешних канонов скромности, вскружить голову кавалеру, не делая недвусмысленных авансов.

Женщине приличествует слабость, утонченность, деликатность чувств и поэтичность натуры. Поэтому

⁹ Мускус – пахучий секрет, получаемый из желез самца мускусной кабарги. В парфюмерии мускус используется в виде настоя, придает духам чувственную ноту.

¹⁰ Серая амбра – выделения кашалотов. Применяется в виде спиртового настоя в качестве «запаха морского побережья» и для фиксации композиции.

¹¹ Цибетин – сильно пахнущее вещество, добываемое из желез дикой эфиопской кошки виверры. Используется в парфюмерных смесях.

¹² Подробнее см. главу А. Корбена «Ароматы частной жизни» в настоящей книге (с. 366–411).

оптимальная метафорика женского образа — флоральная: женщина ассоциируется с цветком, невинным, слабым и прекрасным. Отсюда мода украшать свой наряд цветами, увлечение оранжереями и зимними садами. Светские героини романа Эжена Сю «Парижские тайны» устраивают дома роскошные зимние сады и украшают бальные платья живыми цветами: «В тот вечер на маркизе было платье из белого крепа, украшенное веточкой камелии, в чашечке которой сверкали, наподобие капель росы, полускрытые в ней бриллианты; веноч таких же цветов осенял ее чистый белый лоб»¹³.

Меняются и правила пользования косметикой: отброшены пудра, румяна и белила, столь популярные в XVIII веке. Отныне врачи утверждают, что кожа должна дышать, поры должны быть открыты, поэтому следует применять очищающие лосьоны, ополаскивать лицо мыльным раствором и увлажнять миндальным кремом. И хотя для вечерних выходов по-прежнему используется пудра, позволяющая достичь эффекта «жемчужной кожи», и черная подводка для глаз, в целом потребление косметики и духов сокращается.

Новые манеры требуют и иного обращения с духами: теперь их нельзя наносить прямо на кожу, как раньше. Полагается душить отдельные предметы туалета — носовые платки, веер, перчатки и митенки, кружева, окаймляющие бальный букетик цветов. Белье в доме должно благоухать свежим запахом лаванды.

За этими меняющимися канонами парфюмерного этикета стоят крупные сдвиги в жизни общества, и прежде всего оформление среднего класса как активной социальной силы. Новый класс хочет маркировать свой статус через особое отношение к телу, чему весьма способствует

¹³ Сю Э. Парижские тайны / Пер. О. Моисеенко и Ф. Мендельсона. М., 1989. Т. 1. С. 237.

ет развернутая как раз в это время санитарная реформа¹⁴. Забота о гигиене позволяет прежде всего отделить себя от «грязной» бедноты, выдвигая идеал стерильного буржуазного уклада. Другой же точкой отталкивания служит прежняя аристократия, употреблявшая слишком тяжелые животные ароматы. В поисках своего гигиенического стандарта средний класс снижает потребление духов, поскольку теперь уже не надо заглушать духами запах немытого тела, и открывает для себя преимущества частых купаний. Духи, напротив, начинают рассматриваться как нечто вредное, забивающее поры чистой кожи.

Описанный сдвиг в смысловой символической парфюмерии аналогичен происходившей в то же время революции в мужском костюме. Из мужского костюма уходит цвет: взамен ярких синих, зеленых, коричневых оттенков воцаряется унылый черный. Черный фрак и сюртук становятся мужской униформой: столетие, по словам Бодлера, предпочитает облачиться в траур.

Еще один признак в том же ряду подспудных перемен — изменения в диете. Блюда с большим количеством пряностей в 30-х гг. становятся немодными. Они ждут своего часа до новой волны увлечения Востоком ближе к концу века. Пока же средний класс опасается экзотики. Следуя сходной логике, буржуа-колонизатор относит экзотические ароматы к признакам «низшей», колониальной культуры. Это лишний раз доказывает, насколько в культуре все взаимосвязано: значимые изменения происходят комплексно, в нескольких сферах сразу.

Одновременно меняется отношение к сексу, что особенно заметно в Англии; пресловутая викторианская чопорность диктует подчеркнутую скромность: животные

¹⁴ Подробнее см.: *Vigarello G. Le propre et le sale. Paris: Seuil, 1985. P. 218–241.*

ароматы прочитываются как «нескромные». Буржуазная стыдливость предполагает повышенную бдительность в отношении женского тела — в середине века мода на кринолины окончательно скрывает естественные очертания женской фигуры. Все, что связано с «телесным низом», — сексуальные удовольствия, менструации, роды, — становится абсолютным табу в обществе.

Не случайно именно в этот период происходит решительный сдвиг в нормативных представлениях о женских и мужских запахах в парфюмерии: возникает потребность провести четкую символическую границу, исключаящую любые недоразумения. Счастливые заимствования понравившихся запахов (случай с принцем Уэльским) или универсальность одеколона теперь отнюдь не приветствуются.

С 30-х гг. традиция унисексных духов окончательно отступает, духи начинают отчетливо подразделяться на мужские и женские. В Англии, а потом и в других странах мужчины перестают пользоваться животными и цветочными ароматами. На их долю остаются «лесные» запахи — сосна, кедр, дубовый мох, отражающие метафорику охоты, затем к ним добавляется запах кожи, на что позднее делает ставку фирма «Гермес». Другие допустимые мужские запахи — аромат благородных сигар и табака, запах чистого тела и виски. Основные парфюмерные дома середины XIX века — Houbigant, Lubin, Piver — практически не выпускают специальных духов для мужчин. Отсутствие искусственного запаха у мужчин маркируется как новая культурная норма, символическая проекция честности, прямоты, порядочности.

Эта ситуация начнет понемногу изменяться лишь к концу XIX века, когда эстетика европейского декаданса санкционировала в образе идеального мужчины толику женственности или, по крайней мере, утонченной чувствительности. В 1889 г. Эме Герлен выпускает духи

«Jicky», в которых цибетин, лаванда и бергамот сочетаются с синтетическими кумарином, ванилином и линалолом. «Jicky» считается первым образцом современной парфюмерии.

Эме Герлен назвал духи в честь племянника Жака, которого домашние звали Jicky, но другая легенда гласит, что «музой» Эме была его подруга англичанка Jicky. Гендерная неопределенность, заложенная в названии, отразилась в спорах об адресате духов. По одной версии, этот сложный аромат изначально предназначался для дам¹⁵, но некоторые завзятые франты «перехватили» его и ввели в моду среди мужчин. Был даже зафиксирован случай отравления духами «Jicky», причем жертвой оказался один никому не известный юный денди. Однако существует и прямо противоположная версия: духи создавались для мужчин, а в итоге попали в арсенал женской парфюмерии.

В 1904 г. Герлен выпускает специальные мужские духи (на этот раз неопределенность адресата исключалась с самого начала!) с программным названием «Mouchoir de Monsieur» — для модников, любителей надушенных носовых платков. Затем появились мужские духи «Chevalier D'Orsay», и далее это стало обычным: табу было снято. Но оформление флакона духов для мужчин принципиально отличалось от женских своими прямоугольными очертаниями и сравнительной простотой украшений.

Небольшое отступление на ту же тему. 70-е гг. XX века отмечены расцветом феминизма: на сцене появляется энергичная, самостоятельная женщина. Как реагирует на это рынок парфюмерии? В 1973 г. компания Revlon запускает духи «Charlie», пользующиеся феноменальным успехом. Реклама «Charlie» акцентировала образ идеальной активной клиентки, которая носит брючный костюм в офисе, делает карьеру и сама приглашает мужчин на та-

¹⁵ См. официальный сайт guerlain.com.

нец в клубах. Через десять лет сходную стратегию применила фирма Jockey, специализировавшаяся на мужском белье. Ориентируясь на уже выявленную категорию потребителей, деловых дам, она предложила линию женского белья «Jockey for Her»: из хлопка, без традиционных кружев, — и сразу побила все рекорды продаж.

В наше время, по мере того как размываются традиционные представления о мужественности и женственности, идет постоянный пересмотр условных границ женских и мужских ароматов. Продолжается триумфальное шествие духов унисекс: самые известные из них — «Calvin Klein One» (1994) и «Calvin Klein Be» (1996). Из последних новинок унисексных ароматов наиболее успешны «Relaxing Fragrance» (Shiseido) и «Energizing Fragrance» (также Shiseido). Некоторые фирмы выпускают один аромат в мужском и женском вариантах, незначительно отличающихся друг от друга, как «Aqua di Gio» (Armani).

Но вернемся к культурным переменам в середине XIX века. В этот период символические границы между полами, напротив, очерчены как никогда ясно. Царство тонких цветочных ароматов — привилегия слабого пола. Развитое обоняние начинает ассоциироваться с такими женскими способностями, как интуиция, чувствительность, аккуратность. Напротив, чисто «мужской» орган восприятия — зрение, осмысляемое как умозрение, теоретическое познание, ведущее к практическому освоению нового пространства; это взгляд исследователя и завоевателя. «С одной стороны — географические карты, микроскопы и деньги; с другой — сосуды для благовоний, еда и духи»¹⁶.

После утверждения нового стандарта буржуазной мужской нейтральности запах начинает восприниматься

¹⁶ Classen C., Howes D., Synnott A. *Aroma. The cultural history of smell.* London: Routledge, 1994. P. 84.

как отклонение от нормы, признак «Другого». Носители запахов маркируются в общественном сознании как маргиналы. Среди представителей маргинальных категорий – дикарь, «savage» («другой» с имперской точки зрения); бедняк («грязные нищие, рабочие»), ребенок; куртизанка, использующая резкие запахи-афродизиаки; лица нетрадиционной сексуальной ориентации («другие» в рамках официальной морали) и, наконец, богема, вольные художники без определенных занятий.

Вытеснение на идеологическую периферию определенных запахов – восточных благовоний, тяжелых животных ароматов, человеческого тела – означало, что они получают явную негативную маркировку в культуре. А там, где есть табу, есть и возможность эффектно его нарушить, чем не преминули воспользоваться хитрые литераторы. Описание неприемлемых запахов развернулось в подробные «обонятельные» пейзажи у романистов и поэтов: Бальзак, Виктор Гюго, Бодлер, Малларме, Эмиль Золя использовали запах как прием для выражения оппозиционных настроений, для шокирования благонамеренной публики. Именно поэтому позднее у Оскара Уайльда, Гюисманса, Рильке и Мачадо запах с такой легкостью приобрел коннотации греха, соблазна, чувственного вызова.

В 1855 г. Бодлер пишет свой знаменитый сонет «Соответствия» (четвертый в сборнике «Цветы зла»). В нем запахи предстают ключевым символом вселенской гармонии («Соответствия» были навеяны чтением Сведенборга):

Есть запах чистоты. Он зелен, точно сад,
 Как плоть ребенка свеж, как зов свирели нежен.
 Другие – царственны, в них роскошь и разврат,
 Для них границы нет, их зыбкий мир безбрежен,

Так мускус и бензой, так нард и фимиам
Восторг ума и чувств дают изведать нам¹⁷.

Царство запахов для поэта — территория эстетизма, тайный код сенсуальных наслаждений. Но подобные воззрения в тот период были отнюдь не общепринятыми. Как известно, «Цветы зла» вскоре после публикации были осуждены цензурой. Бодлер постоянно играл на соединении двух табуированных мотивов: эротического тела и интенсивного запаха¹⁸. Вряд ли можно считать случайностью, что тексты наиболее выразительных и откровенных стихотворений сборника изобилуют упоминаниями экзотических и телесных ароматов — тут и «острый запах» нагого тела, ассоциирующийся с восточными благоуханиями, и «душистые юбки» возлюбленной, и аромат ее волос, «отягченный волною истомы»... Интересно, что аромат нередко упоминается в последней строке стихотворения: текст как будто оставляет читателю на память заключительный ароматический аккорд; так завершается, к примеру, стихотворение «Кошка»:

И соблазнительный, опасный аромат
Исходит, как дурман, ни с чем другим не схожий,
От смуглой и блестящей кожи¹⁹.

Вероятно, потому Бодлер и вопрошал читателя, случилось ли ему блаженствовать, вдыхая мускус и фимиам, — эти два полярных запаха, животный и растительный, аро-

¹⁷ Бодлер III. Цветы зла / Пер. В. Левика. М.: Наука, 1970. С. 20.

¹⁸ Подробный и пронизательный анализ темы запахов в бодлеровской поэзии можно найти у Сартра. См.: Бодлер. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники; Сартр Ж.-П. Бодлер. М.: Высшая школа, 1993. С. 435—442.

¹⁹ Сартр Ж.-П. Бодлер. С. 58.

мат страсти и аромат святости, обозначали для него символический диапазон обоняния, к которому должен быть подключен идеальный читатель. По поэзии Бодлера, действительно, можно изучать едва ли не весь ассортимент запахов эпохи, причем именно тогда границы ольфакторного пейзажа были существенно расширены.

Во-первых, на волне увлечения «колониальными товарами» на европейских рынках стали понемногу появляться восточные благовония. Ими увлекалась артистическая богема, создавшая моду на ориентализм. Во-вторых, на помощь эстетам пришла технологическая революция в парфюмерии.

Самый значительный прорыв произошел в 1868 г., когда английский химик Уильям Перкин создал первый синтетический запах: кумарин, душистое вещество ячменника, был получен из салициловой кислоты. Далее были синтезированы мускус (1888), ваниль (1890), фиалка (1893) и камфара (1896). Кумарин²⁰, имеющий запах свежескошенного сена, был использован в 1882 г. в духах Поля Парке из дома Houbigant, а затем в знаменитом «Jicky» (1889) Герлена, открывшем эру модернизма в парфюмерии.

Синтетические ароматы окончательно придали парфюмерии статус особого ремесла — наполовину науки, наполовину искусства. На Всемирной выставке 1867 г. был предусмотрен особый отдел для лекарств, мыла и духов. Многие парфюмеры, однако, отказались участвовать в этом мероприятии, потому что Наполеон III, патронировавший выставку, потребовал, чтобы парфюмеры писали на этикетке формулу духов, как аптекари — перечень ингредиентов лекарства. Но раскрыть формулу для парфюмеров означало поделиться с посторонними своими

²⁰ Сейчас в серии «Aqua Allegoria» фирмы Guerlain выпущены духи «Herba Fresca» на основе кумарина, воспроизводящие запах свежескошенного сена.

драгоценными секретами, чего они испокон веков избегали. Сопротивление новейшему коммерческому духу лишний раз подчеркнуло эзотеризм, присущий парфюмерному ремеслу.

С середины века происходит профессионализация парфюмерного дела, выделение его из смежных специальностей. Так, фирма Guerlain была создана в 1828 г., и вначале в ее каталоге числились и жир канадского медведя, и восточная пудра для полировки ногтей, и нюхательные соли, и белила для кожи²¹. Лишь позднее, в 1840 г., Пьер-Франсуа-Паскаль Герлен открыл бутик на рю де ла Пэ и стал специализироваться на духах. Он составил персональную туалетную воду для Оноре де Бальзака, а в 1853 г. — для императрицы Евгении, благодаря чему получил титул императорского поставщика. В дальнейшем фирма Guerlain долго сохраняла свою уникальность, оставаясь семейным делом и специализируясь только на парфюмерии²².

Итак, перечислим еще раз основные факторы, определявшие ольфакторную цивилизацию в середине XIX века: 1) профессионализация ремесла парфюмера и вытекающий отсюда эзотеризм; 2) утверждение нейтральной нормы буржуазных мужских запахов; 3) альтернативная эстетика чувственных запахов в литературе.

Сочетание этих факторов вызвало возникновение особого феномена: «парфюмерного» дендизма. Это был новый вариант эстетизма, характерный для второй половины века. Денди стали культивировать занятия парфюмерией как особую разновидность эстетского досуга. Они коллекционировали духи, размышляли о философии обоняния, соревновались в исследовании редких и экзотиче-

²¹ Подробнее см.: *Павья Ф.* Чарующий мир духов. М.: Внешсигма, 1997.

²² Сейчас фирма Guerlain принадлежит концерну LVMH, а Жан-Поль Герлен в 2001 г. был вынужден уйти на пенсию.

ских ароматов. Это было эзотерическое братство ценителей запахов, разработавшее свои теории и ритуалы. Адепты считали парфюмерию высшим искусством, наподобие алхимии или, позднее, «Игры в бисер» у Гессе. Напомним, что в романтической культуре самым символически насыщенным кодом считалась музыка. Как метаискусство музыка давала метафорический язык для описания других сфер. След этого влияния – такие музыкальные термины в парфюмерии, как «нота запаха», «аккорд», «гармонизация аромата».

Среди денди-эстетов, увлеченных поиском аналогий между запахами и звуками, большой популярностью пользовалась знаменитая книга Септимуса Пиесса о запахах, первое издание которой появилось в Лондоне в 1855 г.²³ Пиесс разрабатывал своего рода парфюмерно-музыкальный инструмент, который он назвал одофон. Приведем его описание по энциклопедии Брокгауза и Ефрона: «Различные природные ароматы действуют различно, смотря по их летучести, летучесть же подобна амплитуде звуковых колебаний, ибо чем меньше амплитуда, тем ниже звук и тем он продолжительнее действует на ухо, и чем меньше летучесть, тем слабее аромат и тем дольше он действует на обоняние; чем больше амплитуда, тем выше звук и тем интенсивнее и более кратковременно его действие, – так и в запахе сила обусловлена, как сказано, краткостью действия. Пиесс расположил все ароматические вещества по хроматической гамме, по которой гармонические ак-

²³ *Piessé G.W.S. The Art of Perfumery, and the Methods of Obtaining the Odours of Plants. With Instructions for the Manufacture of Perfumes for the Handkerchief, Scented Powders, Odorous Vinegars, Dentifrices, Pomatums, Cosmetics, Perfumed Soap, etc. To Which is Added an Appendix on Preparing Artificial Fruit-Essences Etc. London: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1855. Второе издание вышло в 1862 г., а французский перевод – в 1877 г. под заглавием «Des odeurs, des parfums et des cosmétiques»...*

	<i>fa</i> бобровая струя		<i>do</i> роза
	<i>mi</i> вербена		<i>si</i> корица
	<i>re</i> мелисса		<i>la</i> толунский бальзам
	<i>do</i> ананас		<i>sol</i> душистый горошек
	<i>si</i> перечная мята		<i>fa</i> мускусы
	<i>la</i> лаванда		<i>mi</i> ярись
	<i>sol</i> магнолия		<i>re</i> гелиотроп
	<i>fa</i> сѣрая амбра		<i>do</i> герань
	<i>mi</i> лимон		<i>si</i> ночная фиалка
	<i>re</i> бергамот		<i>la</i> перуанский бальзам
	<i>do</i> жасмин		<i>sol</i> Pergularia edulis
	<i>si</i> мята		<i>fa</i> бобровая струя
	<i>la</i> душист. бобы (Топка)		<i>mi</i> индийский тростник
	<i>sol</i> сирень		<i>re</i> ломонос
	<i>fa</i> жонкиль		<i>do</i> сандал
	<i>mi</i>		<i>si</i> гвоздика
	<i>re</i> менталь		<i>la</i> стиракс
	<i>do</i> камфора		<i>sol</i> Plumiera alba
	<i>si</i> божье дерево		<i>fa</i> бензойная смола
	<i>la</i> свежее сѣно		<i>mi</i> левкой
	<i>sol</i> флер д'оранж		<i>re</i> ваниль
	<i>fa</i> тубероза		<i>do</i> пачула
	<i>mi</i> акация		
	<i>re</i> фиалка		

корды будут образовывать приятные букеты. Вот пример духов аккорда: сандалу, герани, акации, флер д'оранжу, и камфары в виде эссенций, в равных количествах — это духи аккорда до»²⁴.

На одной из иллюстраций в книге Пиесса изображен автор: седовласый маэстро в белом лабораторном халате

²⁴ Тутурин Н.Н. Духи // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893. Т. XXI. С. 250–251. Подробнее об одофоне см. также: Sagarin E. The Science and Art of Perfumery. N.Y.: McGraw-Hill, 1945. P. 145.

вдохновенно играет на одофоне — фантастическом пианино, и под его проворными пальцами рождаются не звуки, а запахи. Возможно, именно книга Пиесса стала одним из источников для бодлеровских «Соответствий» — ведь «Цветы зла» были опубликованы как раз в 1855 г., и Бодлер читал по-английски. Добавим, что классификация Пиесса до сих пор в ходу у парфюмеров-любителей как средство «гармонизации» ароматического букета.

Эстетские парфюмерные увлечения воспринимались добропорядочной филистерской публикой весьма подозрительно: это нарушало базовую «нейтральную» норму среднего класса. Но играло свою роль и то обстоятельство, что настоящие хорошие духи были дороги. Постоянные траты на парфюмерию вызывали моральное неодобрение буржуа — для них это значило в буквальном смысле «пускать деньги на ветер», проявлять легкомыслие и фривольность. Эфемерность запахов слишком контрастировала с буржуазным пристрастием ко всему солидному, тяжелому, основательному. Даже покупка дорогих женских духов с целью «потребления напоказ» могла быть оценена по достоинству, только если попадался просвещенный любитель с развитым чувством обоняния.

Кто же реально может претендовать на звание «денди-парфюмера»? Прежде всего это профессиональные парфюмеры, которым был не чужд дендистский стиль. Достаточно взглянуть на фотографии знаменитых парфюмеров: и Эме Герлену, и Эрнесту Бо, и Эдмону Рудницка, и Жану Керлео свойственна особая сдержанная элегантность, старомодная щеголеватость. Кажется, будто они представляют особую касту эстетов-алхимиков.

Парфюмерией и в самом деле увлекались и многие денди XIX века. Бо Браммелл упражнялся в изготовлении сухих духов, которые затем дарил своим знакомым дамам. Пожалуй, более других увлекался парфюмерными экспериментами граф Д'Орсе: у него была собственная лаборатория, в которой он изготавливал духи. Его самый знамени-

тый аромат — «L'eau de Bouquet». Вот как описывает один из биографов графа его парфюмерные занятия: «Подобно Филиппу Орлеанскому в XVIII столетии, граф Д'Орсе страстно любил работать в лаборатории. В каждом из своих жилищ он оборудовал специальное помещение, тщательно охраняемое от посторонних, где находились пробирки, реторты и перегонные кубы. Там он часами дистиллирует, фильтрует, отмеряет препараты. Но, в противоположность Регенту, он не занимается ни алхимическими опытами по трансмутации металлов, ни исследованиями тонких ядов. Нет, влюбленный денди трудится ради прелестных дам, свивая для них невидимую душистую гирлянду, в которой сплетаются наилучшие цветочные запахи. Она будет называться "L'eau de Bouquet", и все красавицы отныне желают благоухать "Водой букета". Ее нежный романтический аромат переживет и XIX век, и графа Д'Орсе»²⁵.

Дальнейшая судьба парфюмерных экспериментов графа и впрямь была завидной: в 1908 г. была создана фирма Parfums d'Orsay. Президентом фирмы стала мадам де Герэн. Она одна из первых стала заказывать для духов флаконы Vassarat и Lalique. В архиве графа нашлись его записи, которые были использованы для производства духов «L'eau de Bouquet». В 1908 г. их переименовали в «Etiquette Bleue», а в 1911-м фирма выпустила парфюм «Chevalier d'Orsay», пользовавшийся феноменальным спросом. В 1922 г. за ним последовали духи «Le dandy»: дендистская традиция в парфюмерии получила успешное коммерческое продолжение²⁶.

²⁵ *Lestringuez P. Le chevalier d'Orsay. Montrouge, 1944. P. 31–32.*

²⁶ В 1916 г. фирма открыла несколько заводов и химическую лабораторию, мастерскую по созданию упаковки, типографию. В то время в Parfums d'Orsay работало более 500 человек, магазины фирмы располагались в Нью-Йорке, Лондоне, Брюсселе, Милане, Женеве. В 1936 г. у ее руля становится Жак Герэн. В военные и послевоенные годы, на протяжении

Самый яркий литературный образ денди-парфюмера был создан Ж.К. Гюисмансом в романе «Наоборот» (1884). Прототипом эстета-декадента Дез Эссента был граф Робер Де Монтестью (он же впоследствии был увековечен в образе барона де Шарлю в романе Пруста «В поисках утраченного времени»). «Парфюмерному дендизму» в романе посвящена отдельная глава, где подробно описывается увлечение героя запахами. «Дез Эссент уже долгие годы целенаправленно занимался наукой запахов. Обоняние, как ему казалось, могло приносить ничуть не меньшее наслаждение, чем слух и зрение, — все эти чувства, в зависимости от образованности и способности человека, были способны рождать новые впечатления, умножать их, комбинировать между собой и слагать в то целое, которое, как правило, именуют произведением искусства. И почему бы, собственно, не существовать искусству, которое берет начало от запахов?»²⁷

Обратим внимание, что для настоящих занятий этим искусством требуется «образованность» или, как сказано далее, «выучка»: дело не сводится к чувственному различению запахов, автора скорее занимают профессиональные аспекты парфюмерного ремесла. Напомним: роман был написан уже после того, как Перкин получил кумарин; уже были известны мирбан (искусственное миндальное масло, нитробензол), грушевая, яблочная и ананасовая эссенции. Вскоре после 1884 г. были открыты синтетические мускус, ваниль и фиалка. Видимо, Гюисманс серьезно увлекался новейшими тенденциями в парфюмерии — недаром в тексте вскоре возникает искусственный аромат свежескошенного сена, то есть как раз запах кумарина. И далее Дез Эссент рассуждает о том, что

40 лет, он сохранял традиции Parfums d'Orsay. В 1955-м были выпущены известные духи «Tilleul». В 1993-м группа Marignan купила контрольный пакет акций фирмы.

²⁷ Гюисманс Ж.К. Наоборот // Гюисманс Ж.-К. Указ. соч. С. 78.

«любое благоухание... может быть передано посредством искусного сочетания спиртов и солей»²⁸.

В технологических процессах парфюмерии — в экстракции растворителями, мацерации, анфлераже и химическом синтезе — он усматривает таинство абстракции, сравнимое со свободой художника, вольно изменяющего природные формы. Для него самое ценное — несходство окончательной композиции с изначальными элементами: «В парфюмерном искусстве творец как бы завершает создание исходно данного природой запаха, который берется за основу, а затем обрабатывается и доводится до совершенства на манер того, как гранится драгоценный камень»²⁹. Эта логика приводит к нарочито заостренному парадоксу: «В сфере обонятельного именно неестественность образа привлекала Дез Эссента больше всего»³⁰. «Неестественность» парфюмерии, таким образом, становится аналогом символического искусства, отказывающегося от простого воспроизведения жизненных фактов. Эстетика декаданса, провозгласившая апологию культуры в противовес природе, довела этот тезис до логического предела.

Кроме того, идея «неестественности» влечет за собой отказ от установки исключительно на «красивые» ароматы в парфюмерии: эстет ценит современные — и необязательно приятные — запахи. Он синтезирует «запах фабричной краски, одновременно и нездоровый, и чем-то возбуждающий. Опыты Дез Эссента этим не ограничились. Теперь он мял в пальцах шарик стиракса³¹, и в

²⁸ Гюисманс Ж.-К. Указ. соч. С. 78.

²⁹ Там же. С. 78–79.

³⁰ Там же. С. 78.

³¹ Стиракс — сиамская бензойная смола, которую добывают из дерева *Styrax Tonkinensis* в Лаосе и во Вьетнаме. Из нее экстракцией растворителями получают резиноид, используемый парфюмерами для округления запаха композиции.

комнате возник очень странный запах, сочетавший тонкое благоухание дикого нарцисса с вонью гуттаперчи и угольного масла»³². Так возникает объемная, расположенная в пространстве картина индустриальной окраины.

Этот обонятельный пейзаж — плод современной городской культуры, уже сформировавшей к концу XIX века особое умонастроение в стиле модерн. Оно подразумевает, в числе прочего, два элемента. Во-первых, апофеоз техницизма, преклонение перед индустриальными чудесами (синтетические ароматы, косметика, грядущий переход от газа к электрическому освещению и культ автомобиля в начале XX века). Во-вторых, удовольствие от ощущений, традиционно считавшихся неприятными, — дурных запахов, боли, зрелища разложения («Цветы зла» Бодлера, «Венера в мехах» Л. фон Захер-Мазоха). «Нездоровый» запах фабричной краски объединяет оба элемента.

Через восемь лет после написания «Наоборот» Гюисманс становится католиком-траппистом. В предисловии к изданию 1903 г. он делает обзор романа уже с религиозных позиций и, в частности, вновь обращается к теме запахов. Довольно забавно читать, как поздний Гюисманс упрекает Дез Эссента за то, что он был занят лишь мирской стороной запахов — духами, парфюмерными комбинациями. «Он мог бы взяться за церковные благовония — ладан, миро и тот таинственный фимиам, который упоминается в Библии...»³³ — благочестиво сокрушается Гюисманс, но тут в нем пробуждается денди-парфюмер времен молодости, и он на всякий случай подсказывает своему герою рецепт фимиама из Книги Исхода. Правда, в нем есть одна заковыка: в его состав входит хрящик, закрывающий раковину таинственного моллюска. Отсюда печальный вывод: «Нелегко, если не сказать невозмож-

³² Гюисманс Ж.-К. Указ. соч. С. 82.

³³ Там же. С. 10.

но, — ввиду неточного описания моллюска и мест его обитания — приготовить настоящий фимиам»³⁴. Задача оказывается сколь возвышенной, столь и неисполнимой, и в итоге хрящик мифологического моллюска становится залогом мировой гармонии — торжествует романтическая ирония.

Роман Гюисманса оказал огромное влияние на Оскара Уайльда. Он называл его «Кораном декаданса», и не случайно в «Портрете Дориана Грея» главный герой увлеченно читает «желтую книгу», которую дарит ему лорд Генри: это и есть «Наоборот». Эстетические теории Уайльда частично восходят к Гюисмансу. Идея неестественности культурного восприятия, высказанная в «Наоборот», была подробно развита Уайльдом в статьях «Упадок лжи», «Критик как художник».

Уайльдовский Дориан Грей во многом подражает эстетическим вкусам Дез Эссента и тоже отдает дань парфюмерному дендизму. Даже описание его увлечения парфюмерией строится по аналогичной схеме: «Он принялся изучать действие различных запахов, секреты изготовления ароматических веществ. Перегонял благовонные масла, жег душистые смолы Востока. Он пришел к заключению, что всякое душевное настроение человека связано с какими-то чувственными восприятиями, и задался целью открыть их истинные соотношения. Почему, например, запах ладана настраивает людей мистически, а серая амбра разжигает страсти? Почему аромат фиалок будит воспоминания об умершей любви, мускус туманит мозг, а чампак³⁵ развращает воображение? Мечтая создать науку о психологическом влиянии запахов, Дориан изучал действие разных пахучих кор-

³⁴ Гюисманс Ж.-К. Указ. соч. С. 10.

³⁵ Чампак (*Michelia champaca*) — дерево из семейства магнолий, встречающееся в Восточной Индии. Из цветов чампака изготавливается ароматическое масло.

ней и трав, душистых цветов в пору созревания их пыльцы, ароматных бальзамов, редких сортов душистого дерева, нарда, который расслабляет, ховений³⁶, от запаха которой можно обезуметь, алоэ, который, как говорят, исцеляет душу от меланхолии»³⁷.

Мотивы рассуждения, как легко заметить, примерно те же: мифология и символика запахов, связь физического и духовного; однако заметны и некоторые новые акценты. В этом пассаже, по сути, Уайльд развивает свою теорию «нового гедонизма», предписывающую расширять сферу чувственных наслаждений. Герою не терпится доискаться до сути психологического воздействия запаха. Но его вариант «парфюмерного дендизма» больше ориентирован на научно-позитивистский подход. В своих экспериментах Дориан Грей руководствуется позитивистской философией конца века. Его привлекают материалистические концепции Фохта и Бюхнера, которые пытались привить на немецкой почве учение Дарвина.

Очень скоро, в 1899 г., через восемь лет после публикации романа Уайльда, тот же ход мысли будет представлен в британской культуре у Хевлока Эллиса³⁸. В своем труде «Психология секса» он размышлял о том, почему неврастеники болезненно чувствительны к ароматам, как возникает иллюзия «запаха святости», отчего бывают обонятельные галлюцинации. Те же проблемы занимали в это время и известного французского врача Шарко³⁹. Он

³⁶ Ховения (*Hovenia dulcis*) – небольшое дерево с гладкими блестящими листьями и желтыми душистыми цветами; его также называют японским, или медовым, деревом. Встречается в Китае, Непале, Индии и Японии, отличается редкой красотой.

³⁷ Уайльд О. Портрет Дориана Грея / Пер. М. Абкиной. Цит. по: Уайльд О. Избранное. М., 1986. С. 143.

³⁸ Х. Эллис (1859–1939) – английский врач и писатель, автор семитомного труда «Психология секса» (1897–1928).

³⁹ Ж.М. Шарко (1825–1893) – французский врач, организовавший первую неврологическую клинику в парижском госпитале Сальпетриер, учитель Фрейда.

ставил опыты, пытаясь понять воздействие запахов на пациентов под гипнозом. А его ученик Фрейд вообще считал, что чувствительность к запахам — атавизм, симптом заторможенности в психическом развитии. Логическое завершение эти идеи получили у Макса Нордау⁴⁰, усматривавшего в увлечении запахами признак дегенерации.

Перечисляя эти концепции, мы не имеем в виду, что Уайльд буквально следовал тем или иным теориям, тем более что многие из них были сформулированы уже после выхода романа в свет. Скорее эти концепции составляли общую атмосферу эпохи, которую Уайльд превосходно ощущал. В этой атмосфере символизм теснейшим образом переплетался с натурализмом, поиск материалистических основ эмоций — с самыми запредельными мистическими переживаниями.

Квинтэссенция этих настроений — драма «Саломея», написанная Уайльдом по-французски в 1893 г. История библейской героини — популярный сюжет во второй половине XIX столетия: его использовал Флобер в «Саламбо» и Малларме в «Иродиаде», о Саломее философствует Дез Эссент в романе Гюисманса. Уайльдовский текст был переведен на английский лордом Альфредом Дугласом, и в том же году в Лондоне должна была состояться премьера. На роль Саломеи была приглашена Сара Бернар: автора ничуть не смущало, что ей к тому времени было 48 лет, он доверял артистическому таланту «этой змеи древнего Нила». Сара Бернар хотела сама исполнять танец Семи покрывал и настолько увлеклась этой идеей, что сама частично субсидировала постановку.

В оформлении спектакля все строилось на запахах. Представление было задумано как синкретическое зрелище, где место музыки занимали ароматы. В оркестровой яме планировалось установить гигантские курильницы,

⁴⁰ Макс Нордау (1849–1923) — немецкий писатель, философ, автор теории дегенерации в культуре.

ЗАПАХИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

испускающие по ходу представления различные благовония. Каждое действие и каждый герой имели свой ароматический камертон. Экзотические запахи должны были даже заменить занавес, отмечая начало и конец каждого акта. Саломея носила серьги в виде миниатюрных фиалок с благовониями, капающими ей на плечи. И, разумеется, ароматическая кульминация приходилась на танец Семи покрывал, которым соответствовали семь слоев запаха.

Подобная оркестровка запахами была призвана, помимо прочего, установить особый контакт между залом и сценой: после представления насквозь пропитанная благовониями публика, выходя на улицу, оказывалась рекламным сообщником режиссера. Уайльд задумывал коллективный перформанс, в котором через запахи публика вовлекалась в своеобразный ароматический заговор, поневоле превращаясь в массовку. Нечто подобное уже было сделано годом ранее на премьере его пьесы «Веер леди Уиндермир», когда сам автор и его друзья явились в театр с зеленой гвоздикой в петлице.

К сожалению, этому великолепному замыслу не суждено было осуществиться. Сначала сопротивлялась дирекция театра, заботившаяся о пожарной безопасности, а потом постановка «Саломеи» была и вовсе запрещена цензурой, усмотревшей в пьесе непристойные мотивы. Только в 1896 г. «Саломею» поставили в Париже, но неизвестно, была ли там реализована идея ароматической оркестровки.

Франсуа Сованья

ОТ МИАЗМА К ПРИЗНАКУ:

ОСФРЕЗИОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА У ДЖОВАННИ МОРЕЛЛИ *

Креонт. Изволь, открою, что от бога слышал.

Повелевает ясно Аполлон:

«Ту скверну (*miasma*), что в земле выросла фиванской,
Изгнать, чтобы ей не стать неисцелимой».

Эдип. Каким же очищением? Чем помочь?

Софокл. Эдип-царь. Ст. 95–99 /

Пер. С. Шервинского

Считается, что швейцарский итальянец Джованни Морелли был предшественником Фрейда, который говорил в одной своей статье (она вышла без имени автора), посвященной «Моисею» Микеланджело, что метод Морелли особенно близок «медицинскому методу психоанализа». Это утверждение повторяли — с некоторыми вариациями, на которых мы не будем здесь останавливаться, — такие авторы, как Эдгар Винд, Карло Гинзбург и Ричард Воллейм, и, напротив, жестко опровергал Джек Спектор. Мы неоднократно доказывали справедливость фрейдовского мнения. Напомним также, что «метод» Морелли восходит, как принято считать, к двум источникам. С одной стороны, отмечается бесспорное влияние палеон-

* *Sauvagnat F.* Du miasme à l'indice: la métaphore osphrésiologique chez Giovanni Morelli // *Odeurs du monde: écriture de la nuit / Textes éd. par D. Rey-Hulman et M. Voccaro.* P.; Montréal: L'Harmattan, 1998. P. 261–281.

© Editions l'Harmattan.

тологии, что впоследствии позволило Гинзбургу развить свою «признаковую парадигму», с другой — влияние различных теорий начертания, таких как графология и даже физиогномика, что представляется нам более спорным; да и сам Морелли неоднократно восставал против искусствоведов, опиравшихся на эти дисциплины. И еще, его концепция прекрасного всегда оставалась романтической, сложившейся под непосредственным воздействием Шлейермахера и Вакенродера, о чем нам напомнила недавно Джейни Андерсон.

Современные исследования, посвященные Морелли, со всей очевидностью доказывают, что создатель «науки об искусстве» («*scienza dell'arte*») заинтересовался искусством еще тогда, когда получал научное образование — обучался медицине в Мюнхене, а затем специализировался в области анатомии в Эрлангене, то есть с середины и до конца 1830-х гг., в те времена, когда его еще звали Иоганн Морелл¹. В этой двойной перспективе самой по себе не было ничего удивительного или шокирующего; удивляло и шокировало то, каким образом Морелли пытался сопрягать две эти сферы. Это тем более возмущало некоторых его коллег, что он добивался признания «экспериментальной» ценности своего метода атрибуции произведений искусства. В самом деле, совершенно ясно, что его позиция не имеет ничего общего с относительно спокойным примирением художественной практики и стремления к научности в том виде, в каком его проповедовала в середине века Философия Природы, проявившаяся, например, у Гете. По своему темпераменту Морелли, несомненно, был провокатором, и противостояние между эстетическими доктринами и научностью разрешалось им в общем-то в ущерб первым, причем действовал Морелли не без некоторой резкости, чем и заслужил у Фрей-

¹ Он итальянизировал свое имя в 1848 г., по-видимому, из патристического пафоса добавив к нему окончание *i*.

да эпитет «революционер». Впрочем, он и сам без колебания писал о том, что был вынужден иногда уподобляться некоторым варварским захватчикам и разбивать кое-кому головы, имея в виду критические выступления по поводу своих коллег. Эти жесткость и провокационность, как нам кажется, впервые нашли выражение в некоторых его ранних работах, где он уже подчеркнуто резко сближал художественную оценку и научную методологию.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ИСТОЧНИК МОРЕЛЛИЕВСКОГО «ПРИЗНАКА»

Фактически новое прочтение ранних работ Морелли² открывает нам перспективу более точную и вместе с тем более странную, нежели та, какой она представлялась интерпретаторам его творчества: мореллиевский «признак», оказывается, связан не только с традиционными медицинскими областями, такими как костная анатомия, но и с некоторыми биологическими исследованиями, процветавшими в середине XIX века, например, с осфрезиологией — наукой об обонянии, получившей развитие на рубеже XVIII—XIX веков. Если создатель «науки об искусстве» («*scienza dell'arte*») и собирался способствовать развитию «нюха» у искусствоведов, то лишь в метафорическом смысле этого слова; однако эта метафора, неприличная и оскорбительная, подразумевала разрыв с искусствоведческими методологиями эпохи. Этот разрыв обретет законченные очертания в его труде 1890 г. Сарказм молодого Морелла, еще «подростка», его ироническая резкость по отношению к искусствоведам опирались на современные открытия в области биологии, которой он не переставал интересоваться на протяжении всей

² *Anderson J. Balvi Magnus und Das Miasma Diabolicum. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1991.*

своей карьеры. Эта ирония, как мы увидим ниже, уже настолько затрагивает вопрос о ценности произведений искусства, что сама постановка вопроса, так сказать, удивительным образом строится на проблеме миазма. Нужно отметить, что молодой Морелл сильно отличается от того сенатора из Бергамо, который более сорока лет спустя тоже будет считать проблему атрибуции произведения искусства самым насущным вопросом, разрешив который можно лучше понять живописное творчество. Именно на этот вопрос впоследствии попытается обстоятельно ответить Морелли в труде «Принцип и Метод», где он стремился разграничить различные типы неравноценных «признаков». Но в середине 30-х гг. постановка вопроса казалась важнее попытки выработать некий метод; вопрос этот был обусловлен биологическими исследованиями эпохи, хотя на первый взгляд Морелли совершенно не заботили проблемы атрибуции.

Прежде чем обратиться к недавно переизданным текстам Морелла, необходимо дать краткий обзор проблематики миазма, поскольку этот термин, уничтоженный с приходом бактериологии, вышел за рамки современных научных понятий³. В самом деле, это понятие, как мы покажем ниже, связано с древнегреческой цивилизацией в двух ее аспектах: с одной стороны, с трагедией и характерными для нее религиозными категориями, а с другой — с гиппократовой медициной.

Термин «миазм» получит хождение начиная с XVII века благодаря возрождению гиппократовой медицины, особенно в медицинских школах Болоньи и Падуи — и Морелли будет прямо опираться на достижения этих школ. Подхваченный всеми европейскими языками, термин этот исчезнет по мере развития биологических исследований.

³ Так, Тиресий отвечает на настойчивые вопросы Эдипа, что он сам является «*gês têsde anosio miastori*», «нечистым существом, осквернившим страну».

ОТ КРОВАВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ К МЕДИЦИНСКОМУ МИАЗМУ И ОБРАТНО

Остановимся сначала на терминологических вопросах, связанных с гиппократовой медициной.

В древнегреческом языке термин «миазм» употреблялся в двух значениях.

С одной стороны, он принадлежит к героической и религиозной лексике; Вайи переводит его как «скверна, возникающая после убийства», в частности после кровавого преступления; примеры подобного словоупотребления можно в большом количестве почерпнуть как у Эсхила («Эвмениды»), так и у Еврипида или Софокла. У последнего, скажем, в «Эдипе-царе» (стих 97) разразившаяся в Фивах чума считается прямым следствием «скверны (миазма), что в земле взросла фиванской». В той же пьесе Эдип требует, чтобы из домов был изгнан «миазм», то есть скверна, воплощенная в виновном. Наконец, в стихе 313 Эдип просит Тиресия «избавить нас от скверны, которая может вызвать смерть». Такой смысл слова четко подтверждается его производными: так, *miaophonéo* означает «совершать преступление», *miaiphonia* — «жажда крови», а *miaiphonos* является одним из определений Ареса, бога войны. Этот термин происходит от глагола *miaino* (через удвоенную форму перфекта *metiasma*), который изначально значил или «красить» (такой смысл мы обнаруживаем в «Илиаде», 4, 144: речь идет о покраске в ярко-красный цвет, *phoiniki*), или же «осквернять». В этом случае осквернитель именовался однокоренным словом — *miastor*⁴. Напротив, с наступлением христианской эры интерес к термину *miasma*, по всей видимости, утрачивается; в греческом переводе Библии (так называемые «Семьдесят толковников») используется скорее термин *miansis* (например, Лев. 13:14), но отцы Церкви — как,

⁴ *Ramazzini. Essai sur les maladies des artisans. 1713.*

например, Порфирий Тирский (233–305) в трактате «О воздержании» — часто используют глагол *μίατο* в значении «осквернять», «пачкать», имея в виду сферу морали, особенно когда речь идет о язычестве. С другой стороны, возвращаясь к лексике трагедии, представляется вовсе не безразличным тот факт, что этот термин, а также однокоренные с ним слова чаще всего применяются к самому отвратительному убийству — убийству близких родственников.

Второй смысл этого понятия медицинский: так называлась инфекция, распространяющая болезнь. Наиболее существенна здесь, по всей видимости, отсылка к Гиппократу и его трактату «О ветрах»⁵. В этом трактате Гиппократ утверждает следующее: «В конечном счете при распространении болезней главными силами являются ветры». Он пытается показать, что внутренние и внешние ветры играют дестабилизирующую роль при таких различных болезнях, как эпилепсия, апоплексия, водянка, переломы, воспаления, илеус, колики, а также — и особенно — при разнообразных лихорадках. Он описывает два вида патологического воздействия ветров: с одной стороны, чрезмерность или недостаток, с другой — «осквернение (буквально: “быть оскверненным”, *memiasmenon*) болезнетворными миазмами». Таким образом, «в течение того времени, пока воздух осквернен миазмами, враждебными человеческой природе, люди заболевают; когда же воздух, наоборот, наполняется веществами, вредными для других животных видов, то он поражает именно эти виды». Речь идет о техническом смысле интересующего нас слова, включающем в себя все особенности гиппократовой медицины, которая открыто стремилась к тому, чтобы снова ввести «естественное» объяснение в область,

⁵ *Gourevich D., Gremek M., Pellegrin P. (éd.). Hippocrate. De l'art médical. P.: Librairie générale française, 1994. P. 585.*

отличающуюся религиозными коннотациями: в своем произведении «Священная болезнь» Гиппократ с самого начала объясняет, что, по его мнению, эта болезнь не имеет никакого отношения к богам. В таком употреблении термин оказывается свободен от любых моральных или религиозных коннотаций. Не исключено, что этот технический, медицинский смысл в какой-то степени стал преобладать в посттрагическом употреблении термина *miasma*, а религиозный или моральный смысл сконцентрировался в глаголе *miaino* и различных его производных.

Понятие это, похоже, не оставило никаких следов в народных языках и возникло лишь в поздних заимствованиях из латыни или технических терминов греческого, а трагико-религиозный смысл его возрождался только в литературных произведениях.

Когда в XVIII веке термин «миазм» вновь возник в итальянской медицине, он обладал техническим смыслом «зловоние, исходящее от разлагающихся субстанций (в особенности от стоячей воды и болот), распространяющееся в атмосфере и считающееся <...> причиной эпидемических инфекций; насыщенные испарения, инфицирующие воздух, ядовитые эманации. Существует также эманация чумы, которая происходит от больных тел; разный флюид». Таким образом, мы должны констатировать преобладание прежде всего медицинского смысла.

Подобную концепцию миазма мы встречаем у Рамаццини, на которого часто ссылается молодой Морелл. Этот падуанский врач, считающийся основателем трудовой медицины, предложил в начале XVIII века проект естественной истории запахов. В своих описаниях болезней и профессиональных рисков он в особенности разоблачает вред, связанный с некоторыми запахами, например, теми, что поднимаются над колодцами и представляют собой «металлическое испарение, в котором смешаны испаре-

ния мрамора, туфа и некоторых камней и которые оказывают явное воздействие на ноздри и мозг»; еще более опасным является запах, который исходит пробный камень; рядом с горой Дзибинио Рамаццини сумел распознать на расстоянии более мили зловонные испарения нефти, заражавшие рабочих. К этому интересу к опасным испарениям добавлялся все возрастающий в ту эпоху интерес к репродукции, которая, в свою очередь, через вопрос о самозарождении связывалась с эффектами разложения⁶.

Эти концепции, предполагающие непосредственное заражение через запах, еще больше упрочиваются в начале XIX века, по мере углубления исследований. Вплоть до 1803 г. в Институте Франции работала философская секция, занимающаяся «анализом ощущений и идей». В эту эпоху такие выдающиеся ученые, как Линней⁷, Алле, Лорри, Вирей, пытались дать определение запахам и разработать их классификацию.

Решающим моментом этого медицинского интереса к запахам станет труд Клоке «Осфрезиология»⁸, покрывающий одновременно и анатомо-физиологические исследования носа и органов обоняния, и собственно изучение запахов с точки зрения их классификации, а также определения их свойств как «признаков». С одной стороны, Клоке вновь проявляет интерес к классификациям и к изучению запахов, которыми прославился XVIII век; он даже упоминает случаи коллективного заражения запаха-

⁶ *Rostand J. Esquisse d'une histoire de biologie. P.: Gallimard, 1945.*

⁷ Согласно Линнею, существовало семь основных видов запахов: пряные (гвоздика, лавровый лист); благовонные (липа, лилия, жасмин); амбровые (амбра, мускус, *allium moschatum*); чесночные (чеснок, *assa foetida*, смола); козлиные (*odores hircini*), такие как запах козла, *gan satyrion*, мари вонючей; отгалкивающие (*odores tetrī*, бархатцы, пасленовые); зловонные (цветы *Veratrum*, *Stapelia variegata* и др.).

⁸ *Cloquet H. Osphrésiologie ou traité des odeurs, du sens et des organes de l'olfaction... 2-e éd. P.: Mequignon-Marvis, 1821.*

ми, получившие толкование в гиппократовой традиции миазма; но вместе с тем он принадлежит уже эпохе Лавуазье и мыслит в терминах «теплорода», отрицая идею «направляющего духа» (предложенную Бургавом), который «представлял бы собой, так сказать, материал запахов»⁹. Он напоминает: «Хьюгенс и Папен показали, что запах не может передаваться без воздуха». Так, роза, «помещенная в вакуум, сохраняет свой запах в течение двух недель; если мы откроем сосуд, то за два часа запах рассеется полностью». На деле медицинская наука о запахах, возникшая в начале XIX века, была полна сомнений, поскольку большая часть того, чему учила традиция, было поставлено под сомнение — как, например, лечение истерии с помощью фумигации. Но, как ни странно, самым достоверным аспектом труда Клоке является определение диагностических свойств запахов. В этой сфере Клоке поистине неисчерпаем, даже если вынужден признать, что подобный тип признаков является самым отвратительным из всех существующих. Самым важным он считает один постулат: наиболее определенные запахи являются и наиболее неприятными, ибо свидетельствуют о неблагоприятном диагнозе. Он отсылает к бесчисленным упоминаниям о подобных фактах в современных трудах. Так, например: «Некоторые врачи ставили неблагоприятные диагнозы, которые подтверждались землистым запахом, исходившим от тел больных». Эти зловонные испарения действительно были бесспорным признаком третьей стадии туберкулеза легких, гастроуденической лихорадки и др.

Таким образом, в момент, когда теорию миазма начал заслонять развивающийся научный анализ газов, диагностика оставалась, так сказать, одним из последних бастионов запаха. Клоке делает следующий вывод:

⁹ *Cloquet H. Op. cit. P. 69.*

Следовательно, Гиппократ был прав, причисляя запахи к признакам болезней¹⁰, и, как видно из вышеописанного, этим средством медицинской семиотики никогда не пренебрегали даже в самые древние времена, если возникала потребность в доказательствах; они возникали в огромном количестве, стоило только взглянуть на труды практикующих врачей каждого столетия. Но достойному признанию всей важности этого признака мешал тот факт, что почти все запахи, имеющие для медицины значение, неприятны, и мы склонны по большей части старательно избегать их, поскольку вообще боимся всего, что смердит. Скажем только, что это средство имеет очень большое значение и что во многих случаях оно могло руководить и человеком искусства в его творческой работе¹¹.

Поразительнее всего здесь то, что в момент, когда в научном контексте теории запахов видимо застопорились, на первый план выходит отсылка к диагностике, и в особенности к диагностике фатального исхода. Фраза «запах не обманывает» относится прежде всего к разлагающемуся телу, обреченному на смерть¹²: здесь, как это ни парадоксально, происходит сближение с первым, трагическим смыслом слова «миазм», о котором мы говорили выше. Именно к этой остаточной уверенности и отсылают, как нам кажется, упоминания Морелли о запахах в его ранних произведениях.

¹⁰ Ledel, 1656. Sec. 1. P. 7.

¹¹ В 1752 г. Ф. Ландер защитил диссертацию на довольно интересную тему: *De olfactus ad capienda signa usu. Halae Magdeburgiae*, in 4. В 1760 г. в Упсале С. Цирфогель защитил диссертацию на тему *De naribus internis*, где развивается мысль, относящаяся к анализируемому нами предмету: *Naribus valere admonidium conducit medico*.

¹² Запах смерти имеет центральное значение и в других культурах, как, например, у народов айе в Новой Каледонии.

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО НАД ИСКУССТВОВЕДЕНИЕМ В BALVI MAGNUS

В 1836 г. в Мюнхене, тиражом в 25 экземпляров, без имени автора, но в сопровождении гравюры, на которой были представлены «тела (Lieber) художника и писателя», вышла небольшая книжечка, в лучших традициях студенческих пародий. Это и была первая публикация — уже под псевдонимом — того, кто именовался тогда Йоганном Мореллом. Название произведения было «*Balvi Magnus, das ist kritische Beleuchtung des balvischen Missales*», эпитафия — «*Ex ungui leonem*»¹³ [льва узнают по когтям] с гротескным переводом на немецкий: «улитку узнают по ее ракушке» (sic). Это произведение восходит к литературному жанру студенческого фарса, и, разумеется, в нем узнаваемо множество моделей, из которых ближайшим по времени был написанный в 1835 г. Каулбахом парафраз «Корабля дураков» («*Das Narrenschiff*») — «Дом дураков» («*Das Narrenhaus*») с комментариями Гвидо Герреса и «рассуждениями об искусстве и о безумии». Атмосфера фарса царил в этой книге начиная с фронтисписа, да еще с ссылкой к животному, относительно сексуальности которого ломало себе голову не одно поколение биологов: проблема «признаков» была открыта! В книге якобы описывается открытие Беллори¹⁴ — этрусская роспись на античной

¹³ Эта латинская сентенция, вероятно, принадлежит Бальдо из Болоньи, создателю графологии в XVII веке; она была использована Гете в его труде, посвященном возникновению растений и животных. Морелли использовал ее в своей работе о берлинских галереях: «Если правда, как утверждают зоологи, что можно узнать *ex ungui leonem*, то я прошу своих уважаемых оппонентов взглянуть на ноги святой Люции и особенно на ее ноги, на которые совершенно напрасно не обращали внимания, ибо именно эти ноги и характеризуют художника, о котором идет речь».

¹⁴ Джованни Пьетро Беллори — главный вдохновитель неоклассицизма и «исправительной» концепции подражания; Эрвин Пановски писал о нем так: «Человек, который в академической речи, произнесенной в 1664 г.

ЗАПАХИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

вазе. На самом же деле речь идет о рисунке, на котором представлен молодой Иоганн Морелл в обществе студентов (по преимуществу художников): они выходят из таверны, прославляя достоинства знаменитого мюнхенского пива «Пшорр». Автор указывает, что величайшие искусствоведы бесконечно спорили относительно толкования этого изображения; в частности, Винкельман и Ричардсон¹⁵ согласились с Беллори, «что речь идет о вакханалии»; Лессинг же, напротив, не считает возможным высказываться по этому поводу; наконец, А.В. Шлегель поставил проблему с ног на голову: по его мнению, речь может идти только о Кане Галилейской. Подача темы, таким образом, предвещает более поздние работы Морелли, высмеивавшего искусствоведение, пусть даже ссылаясь на этрускологию, но делавшего это так, что искусствоведение начинало играть у него всеми гранями. Морелли словно и не может поступать иначе: он приво-

и использованной впоследствии в качестве введения к своему труду, названному «Жизни», пытается придать этой мысли [согласно которой произведения античного искусства «естественны», потому что они имитировали «очищенную или облагороженную» реальность] систематическое основание, вместе с тем является в сфере искусства самым авторитетным исследователем и археологом своего времени. В его случае речь идет не о художнике, рассуждающем о предметах искусства, но, согласно характерному для нашего времени выражению, о «критике искусства», и специалисте <...>. Итак, основой и поддержкой его концепций является снова понятие идеи, которая получает у него последнее и в некотором смысле окончательное определение <...>» (*Panofsky E. Idea. P.: Gallimard, 1983*). Винкельман испытает на себе большое влияние Беллори. В некотором смысле, как мы увидим позже, Морелли разделял этот идеал, несмотря на свою теорию «признака».

¹⁵ Джонатан Ричардсон одним из первых в начале XVIII века попытался рационализировать «connoisseurship», особенно в своем «Argument on Behalf of the Science of a Connoisseur». Тем не менее метод Ричардсона, который испытал на себе большое влияние Локка, не касался вопроса атрибуции произведений: он был сосредоточен на объективном методе, рационализированном оценочной сеткой, которая должна была определять значение данного произведения.

дит целый список предшественников романтической теории искусства и пытается найти среди них одного, который высказал бы наконец истину. Но, что характерно для этого раннего произведения, мишенью критики оказывается пока еще не атрибуция произведений искусства, но интерпретации самого произведения, автор которого заранее считается известным.

Себя Морелли представил на «фреске» в виде «борзой» — животного, у которого нюх развит значительно лучше, чем зрение, — «всегда настороже». В дальнейшем охотничья метафора будет возникать у Морелли постоянно, закрепив его рубленый стиль¹⁶, сглаженное подобие которого встречается у некоторых его последователей.

Кроме того, различные герои этой веселой вакханалии описываются как люди, способные претерпевать различные биологические трансформации — задержку развития, видимую смерть, в то время как жизнь человека поддерживается в форме яйца, чье остановившееся было развитие внезапно оживлялось благодаря какому-нибудь неожиданному событию. Так, один из изображенных на «фреске» аколитов с юмористическим именем Готфрид Умбилликус, якобы подробно описанный Рамаццини, останавливается в своем развитии на стадии яйца и долгие годы плавает в формалине, но затем внезапно пробуждается из-за вторжения целой орды варваров. Подобные сюжеты часто возникают в работах Морелли, любившего именовать себя «степным варваром».

Но если в первом произведении Морелли мы видим последовательное снижение традиционного искусствоведения, то второй его текст, прямо включающий в себя достижения осфрезиологической науки, сразу вводит нас в

¹⁶ Я бы еще назвал его «стилем корректора каталогов». Морелли позавидовал ему у того, кого можно было бы считать его настоящим учителем, у Отто Мюндлера. См.: *Sauvagnat F.* «Der schreckliche Morelli» (*La méthode Morelli et ses contemporains*) // *Ligeia*. 1994. Juin. № 13–14. P. 55–56.

этику «признака». Остановимся вкратце на его содержании, чтобы соотнести его с той этической позицией, которую Морелли будет развивать впоследствии.

MIASMA DIABOLICUM В ЭТИКЕ «ПРИЗНАКА»

Морелл пишет свою вторую книгу в Эрлангене, где специализируется в области сравнительной анатомии. Она называется «*Das Miasma diabolicum, das ist ein Aufruf an die christlich germanischen Gemeinen von Traugott Gotthilf Schneck, mit Hilfe der christlichen Brüder Dr Jonathan Kappelmeier, Physicus, und Fürchtegott Munkeler, Apotheker, herausgegeben mit Anmerkungen und einem gedrängten Lebensabrisse Schneck's versehen durch Nicolaus Schäffer, cand. Theologiae*» (Страсбург, 1839)¹⁷; это как бы проповедь — «призыв к христианским сообществам Германии», направленный против таинственной эпидемии, грозящей отравить тела и души добрых христиан. На самом деле этот труд представляет собой, с многих точек зрения, программу «лермолифомании», инициатором которой Морелли станет впоследствии, подавая при этом в гротескном ключе некоторое число «этических» воззрений, отношение к которым у него в дальнейшем уже почти не изменялось.

У истоков этого труда находится спор между протестантами-фундаменталистами, с одной стороны, и Шлейермахером — протестантским пастором и одним из столпов романтизма, борцом за религию разума, главной составной частью которой должны были стать естественные науки, в чем он проявлял себя последователем самого Сократа («*Über den Werth des Sokrates als Philosophen*»), — с

¹⁷ Переиздано в: *Anderson J. Op. cit.*

другой. Морелли преклонялся перед Шлейермахером и ненавидел протестантские группировки, в особенности «мистиков», которых было очень много в Эрлангене. Основой доктрины этих «мистиков» была критика религии просветителей, а их главными мишенями — Рафаэль, писавший женщин, и Шекспир; романтики же, напротив, высоко ценили обоих творцов. Фактически этот труд — довольно тяжеловесная пародия на идеи протестантской секты. Но вместе с тем благодаря сатире Морелли удается представить этические проблемы «признака», которые будут его занимать потом еще долгие годы.

Начинается его сочинение с проповеди о «ложных богах сынов земных», то есть о знании и об искусствах. Говоря о новой эпидемии, он объявляет и о новом открытии — «*miasma diabolicum*», то есть о «дьявольском миазме», который угрожает душам и телам истинных христиан. Но сначала автор осуждает светский интерес к плотским удовольствиям, противоречащий святой природе немецкого братства. Больше всего он настаивает на одной мысли: «ничто так не чуждо христианству, как изучение старой языческой литературы, Сократа и ложных божеств — Шекспира и Рафаэля». «Языческая литература» как бы ставится на одну доску с «миазмом» — именно в то самое время, когда в научной среде вопрос о миазмах вообще начал подвергаться сомнению.

Героя «*Miasma Diabolicum*» Шнека¹⁸ одолевает навязчивая идея: как точно определить, что принадлежит Богу, а что — Дьяволу; и он разрабатывает метод, основанный на обонянии. Предметом осмеяния здесь подвергается практика протестантской секты «мистиков», которые полагали, что умеют отличать добрых христиан по неким знакам на лице. Как объясняет Шнек, его метод служит

¹⁸ «Шнек» означает «улитка»; таким образом, это уже второе появление персонажа, который был представлен на фронтисписе «*Balvi Magnus*»!

для распознавания добрых христиан, ибо от них исходит особый запах, напоминающий благоухание роз. Затем идет весьма макаронический текст Доктора Джонатана Каппельмейера — длинное исследование по физиологии дыхательной системы, которое позволяет выявить принципиальное различие между природой добрых христиан и людей безбожных: последних отличает особая форма трахеи, бронхов, ларинкса; более того, благодаря тщательному обследованию во внутренней части желудочка Морганьи обнаруживаются «*glandulae diabolicae*», которые можно наблюдать только через микроскоп, увеличивающий в 2000 раз. На их поверхности находится особенный пузырек, внутри которого расположена ярко-красная корпункула, содержащая некое черное вещество; этот пузырек и является органом, выделяющим *miasma diabolicum*.

Затем следует описание своего рода скафандра, позволяющего добрым христианам уберечься от дьявольских миазмов, которые источают неверные; описаны две модели, одна для взрослых, другая — для детей.

Старинное понятие «миазма» предполагало, что обонятельное ощущение непосредственно обнаруживает саму «субстанцию» газа и дает точные и ощутимые указания на уровень его вредности. На этом понятии основывалась большая часть рассуждений гигиенистов XVIII века, как это показал А. Корбен¹⁹, что позволяло заранее оценивать уровень загрязнения того или иного квартала столицы, основываясь на исходивших оттуда запахах. Труды гигиенистов того времени были основаны прежде всего на научном изучении запаха, не столько с точки зрения удовольствия или неудобства, которые могло вызывать соседство тех или иных запахов, но в силу того, что тогда считалось возможным создать естественную

¹⁹ Corbin A. Le miasme et la jonquille. L'odorat et l'imaginaire social, XVIII–XIX siècles. P.: Aubier, 1982.

историю запахов. Ученые того времени были совершенно уверены в том, что обоняние способно дать непосредственный доступ к материи. Однако в целом ряде работ, начиная от Сталя, создателя флогистики, и до Лавуазье, открывшего возможность выделять различные составляющие воздуха, предлагалась диаметрально противоположная программа. Обоняние утратило свое значение при различных операциях, служащих для смешения или разделения элементов, которые превратились в поддающиеся измерению химические компоненты. В области изучения газов уже с конца XVIII века измерение заменяет собой ощущение, миазм вытесняется, а с ним и все его ассоциации с врагом рода человеческого. Тем не менее в сфере прикладных наук, например в медицине, обоняние сохраняет свое преобладающее значение, и в течение XIX века ему будут неоднократно посвящать теоретические труды²⁰; более того, оно остается первейшим и «непосредственным» указателем присутствия газа. Высмеивая секту «мистиков», претендовавших на то, чтобы распознавать добрых христиан по телесным особенностям, молодой Морелл в какой-то степени свидетельствует об этом «теоретическом» исчезновении субстанциализации, «дьяволизации» запаха. Но вместе с тем получалось, что то самое средство, реакционные признаки которого превеличивает Морелли, служило протесту против разделения этики и чувственного восприятия, которое требовал дух времени и особенно его «эмпирические» тенденции. Чтобы придать этим новым научным данным новый, «прогрессивный» смысл, пастор Шлейермахер, испытавший большое влияние просветителей, пытался пропа-

²⁰ Одним из последних, а может быть, и самым последним примером тому является тот психоаналитик, которого цитирует Ж. Лакан: он регулировал свою практику с помощью обонятельных феноменов (*Lacan J. Ecrits. P.: Seuil, 1966*).

гандировать новую чувствительность; он считал Сократа прямым предшественником Христа, а его идея о том, что итальянская живопись с ее чувственностью, пугающей пуританские души, и искусство Возрождения вообще являются парадигмой божественного характера красоты, была направлена против идей «мистиков». «Мистики» же отстаивали противоположный тип чувствительности, подвергая сомнению всякое эстетическое чувство живописи и отрицая вековую тематику миазма.

ЭТИКА И ПСЕВДОНИМЫ

Казалось, научный прогресс открыл новую главу в истории мимесиса; для фундаменталистской секты речь шла о том, чтобы вернуться к той форме отвращения, когда загрязнение приравнивалось к миазму, а греховные влечения — к взгляду. В этом случае, как и при многих других, эпидемия оказывалась карой за грехи, содеянные по дьявольскому наущению.

Шекспира ругали «за то, что он никогда не переступал порога церкви», а Рафаэля — за его неудержимое сладострастие. Мадонны Рафаэля, как объясняется в книге, суть лишь видения итальянских женщин, чья телесная красота обманчива. Речь идет в особенности о «Галатее» либо о «Любви Купидона и Психеи» с виллы Фарнезина, где очевиднее всего проявилась вся безбожность художника, отмеченная его плотской страстью к Форнарине²¹.

Но какую позицию выбирает молодой Морелли? Если сначала можно было подумать, что он только и делает, что критикует «мистиков» за умственную ограниченность, то теперь мы с удивлением обнаруживаем, что

²¹ О более позднем отношении Морелли к Рафаэлю см.: *Sauvagnat F. Giovanni Morelli et la Fornarina // Quarto: Revue de l'Ecole de la Cause Freudienne en Belgique. 1993. № 53.*

обоняние ассоциируется также с выявлением «признаков», и в этом смысле вовсе не безразличной оказывается вышеупомянутая самоидентификация его с борзой. Более того, мы видели, что Морелли окажется впоследствии моралистом «признаков» и будет требовать, чтобы они тайно служили исключительно определению *гения* художника. А вовсе не тому, чтобы вынюхивать ту или иную постыдную или пикантную особенность его нравов или как-либо угождать низменным инстинктам народа. Таким образом, можно в каком-то смысле сказать, что «мистики», представленные здесь в гротескном виде, воплощают своего рода сверх-я, которое Морелли впоследствии отнюдь не отвергал. Можно сказать, что, следуя типично подростковому типу поведения, молодой Морелл начинает с иронического выделения того, с чем он в конце концов будет себя идентифицировать в дальнейшей жизни. Речь идет об этике «признака» и связанном с ней решении проблемы атрибуции произведений искусства. Идея разработки методологии «признака» возникнет у Морелли после изменения в 40-х гг. его мировоззренческой перспективы, после его настоящего приобщения к искусствоведению благодаря таким специалистам, как Мюндлер.

Сложность его позиции в какой-то степени подтверждается тем, каким образом он подписывает свою книгу. Сам текст подписан Т.Г. Шнеком (улиткой) и братьями-христианами — физиком Джонатаном Каппельмейером (главой группы) и аптекарем Фюрхтеготтом Мункелером. Вся книга издана Николаусом Шеффером, студентом теологии — Морелл уже использовал этот псевдоним в «*Balvi Magnus*», — дополнив ее краткой биографией Шнека, в которой уточнялось, что он поклялся умирающему Шнеку обязательно опубликовать его произведение. Но в конце книги дана критическая статья некоего Доктора Арнульфа Думпфа — слово «*dumprf*» в каче-

стве определения запаха означает «затхлый», запах «закрытости». Этот критик разъясняет, что настоящим автором был Шеффер, а вовсе не Шнек, Каппельмейер или Мункелер, и что все это бесстыдный фарс, а его автор должен был бы научиться писать, и что подобные методы критики религии недопустимы. На что Шеффер отвечает, что автор этой критической статьи — откровенный язычник, враг истинной религии. Таким образом, получается, что молодой Морелл хотя бы и в ироническом ключе, но применяет к себе нравственную борьбу «мистиков».

На самом деле предложенные Морелли коннотации «признака» связаны не только со сравнительной анатомией, как это всегда считалось. Если проследить за развитием его идей о «не-эстетическом», то мы довольно быстро придем к «*miasma diabolicum*», то есть к простейшим формам жизни — кишачим и внушающим беспокойство вирусам, эпидемиям, посредством которых утверждается несколько уродливая форма стремления к знанию, за столь неакадемичный вид которых и боролся Морелли.

«ПРИЗНАК» КАК «НЕОБХОДИМОЕ ЗЛО»

Даже если сначала Морелли мало заботился о точных атрибуциях, начиная с конца 40-х гг. его взгляды меняются и на первый план выступает именно эта тематика. Мы уже показали в других работах, что это изменение происходило в связи с развитием у него патриотических чувств и модификацией его имени.

По-видимому, возврат к «осфрезиологической» тематике должен был тогда послужить опорой для точной атрибуции: эта наука призвана была охарактеризовать «признак» в его необходимости — а значит, и его «радикально» внеэстетический характер.

Таким образом, на сцене мореллиевских исследований снова возникала осфрезиология — как предельная

точка, как тот необходимый смрад, который заставит критиков прежде всего осознать свою этическую ответственность и не оскорблять художника, принимая его за другого. А потому критики должны, так сказать, совать свой нос в особенности деталей художественных произведений, таких как ногти, ноздри, кончики пальцев... даже если они и *più* не очень эстетичны. Более того, запах свидетельствует о непосредственном и мистическом (в большей или меньшей мере) контакте с художником; с медицинской точки зрения запах является по преимуществу вестником смерти или выздоровления, ибо, согласно Клоке, лишь на это он и может точно указывать. Таким образом, в тот момент, когда авторство картины определено неверно, совершается кровавое преступление (см. «Эдип-царь»). Этот лейтмотив преступления, совершенного искусствоведом, атрибутировавшим некое произведение художнику, который не мог его написать, становится у Морелли постоянным. Первые морельяницы, такие как Истлайк, считали, что это могло быть связано с тем фактом, что Морелли рано потерял отца. Великие художники могли быть для него в какой-то мере эквивалентом умершего отца, который мучается на небесах из-за оскорблений, нанесенных его имени. Следовательно, можно предполагать, что «осфрезиологическая» тематика молодого Морелла, связанная, как мы видели, с тематикой биологического зарождения, уходит своими корнями к этой несформулированной, бессознательной отцовской проблематике. Эта формулировка станет «окончательной» после публикации в 1874 г. в Lutzow's Archivien серии статей, посвященных Римским галереям.

Впоследствии необходимое употребление «не-эстетических» «признаков», обладающих способностью идентификации, будет всегда противопоставлено в работах Морелли вульгарному, развязному использованию некоторых деталей. Например, некоторые миниатюры, на

писанные в традициях немецкого барокко, на которых представлены и даже усилены недостатки кожи или волосатость, или произведения ряда итальянских художников, выставлявших напоказ некоторые нечистые части тела, чтобы понравиться извращенному вкусу толпы, или жанровая живопись, в которой акцентировались привычные и отвратительные детали, — все это лишь усиливало эту тенденцию отклонения от «признака».

ВЛИЯНИЕ ШЕЛЛИНГА

Но как понять, что такая «признаковая» доктрина могла быть интегрирована в эстетику, несомненно принадлежащую романтической эпохе? Для Морелли гениальный художник — тот, кто сумел подняться до уровня Бога. Но надо учитывать и другой фактор: Морелли был большим почитателем Шеллинга, о котором он много раз упоминает в своей переписке. Шеллинг был, несомненно, одним из его наставников. Одной из основных особенностей философии Шеллинга была его странная теория основания — *Grund*. Возможно, это была, как подчеркивал Миклос Вете²², первая теологическая философия, влияние на которую каббалы было иным по сравнению с тем, как оно до сих пор проявлялось в немецкой философии. Эта новая философия включала теорию основания, согласно которой Бог сам зависел от определения со стороны *Grund*. Впрочем, это *Grund* было представлено в некоторых текстах как осуществление зла, с несколько сатанинскими акцентами. Речь идет уже не о зле как простом лишении, каким оно представлялось в рассуждени-

²² *Sauvagnat F. De Morell à Morelli: la question de l'écriture chez le créateur de la 'scienza dell'arte' // L'écrit et la lettre: Ouvrage coll. Toulouse, 1995.*

ях томистов, но о зле необходимом, позитивном, исходя из которого и вопреки которому и должно осуществиться божественное присутствие. Здесь перед нами возникает та самая первичная тематика, которую мы обнаружим у Морелли практически без изменений. Чем более значителен тот или иной художник — а в этом вопросе Морелли был очень требователен, — тем больше у него вырабатывается индивидуальных особенностей и тем больше у него собственных автоматизмов. Гениальным становится тот, кто научился с ними бороться, как говорил еще Леонардо да Винчи. Морелли написал о том в своем комментированном переводе знаменитой статьи Шеллинга²³: истинная глубина художественного произведения может быть заключена только в сосуществовании «ужасного», «низкого», «отталкивающего» и того, что не перестает быть «благородным», «возвышенным». Примером такого произведения может служить «Божественная комедия» Данте, где каждая из крайностей обретает свою истинную ценность лишь в соотношении со своей противоположностью. Нам представляется, что именно шеллингианская проблематика *Grund* и вдохновляла Морелли на постепенную разработку его «метода», не будучи при этом прямым средством его оправдания. Он еще раньше подверг эту проблематику радикализации, поскольку, как мы уже показали, идентифицировал себя со зловредным персонажем, считая, что доказательство может проходить только посредством показа «не-эстетического» предмета, отвратительной детали.

²³ Schelling F. Über Dante in philosophischer Beziehung (1803). См.: Schröter M. Schellings Werke. München, 1977. S. 572–583. Однако необходимо заметить, что Шеллинг представляет целую серию эстетических медиаций, значительно более сложных, чем простая «дьявольская» оппозиция между добром и злом: считается, например, что ад представляет пластическую составляющую произведения, чистилище — живописную составляющую, в то время как рай демонстрировал возвышенное величие живописи как непосредственного представления света.

С другой стороны, важно отметить, что у Шеллинга тема *Grund* вывела на эмпирическую, сциентистскую тематику, как показал К. Фишер. Это, разумеется, может удивить — если считать, что большая часть творчества Шеллинга была вдохновлена работами Якоба Беме, который постоянно призывал презирать научное знание, предпочитая ему внутреннее озарение, и считал, что субъект сам в себе являет свою священную книгу. Но Шеллинг не разделял этой точки зрения, для него божество могло проявиться и в экспериментальных науках²⁴. Это, конечно же, позволяло Морелли более настойчиво демонстрировать свой метод, который он считал экспериментальным — хоть ему и удалось разъяснить его очень поздно и с очень большими трудностями.

ОТ КОНЕЧНОЙ ЦЕЛИ К МАТЕРИАЛЬНОЙ ПРИЧИНЕ

Пусть и посредством «дьявольской» фигуры, основные характеристики которой восходили к шеллингианскому проекту, Морелли доводил, так сказать, до логического предела проект другого своего предшественника, на который и пытался ответить в своем творчестве Шеллинг с его понятием глобальной интуиции. Речь идет о проекте Канта. Возникшие благодаря трансцендентальному схематизму антиномии переносились также и на эстетическое суждение. Для него суждение вкуса ставило следующую проблему: речь шла о решении, основанном не на концептах, ибо оно было просто субъективно, но вместе с тем оно должно было основываться на концептах, хотя бы потому, что «о нем спорили». Разрешение этой антиномии происходило в ущерб материальной и по-

²⁴ *Vetö M. Le mal selon Boehme // Jacob Boehme: Ouvrage coll. P.: Vrin, 1978.*

знавательной специфике предмета, концепт, в котором осуществлялось суждение вкуса, вовсе не предполагал, что что-либо касающееся предмета может быть познано или доказано. Тем не менее определяющий принцип суждения находился в концепте «того, что можно быть рассмотрено как сверхчувственный субстрат человечества».

Кант настаивал на особенностях прекрасного, которое было в большой мере независимо от воспринимаемого предмета («естественная красота — свободная — содержит в своей форме целеполагание, благодаря которому предмет заранее кажется определен нашей способностью суждения») — и в еще большей мере — от возвышенного, которое «не может быть включено ни в одну чувственную форму», где показанный на сцене ужас ясно свидетельствовал о реальности пропасти, которую разверз перед нами трансцендентальный схематизм. Но такой метод, которым и будет впоследствии вдохновляться Шеллинг, проводил разделение в большей мере в пользу цели, чем исходя из того, что являлось первопричиной. Чувство возвышенного в какой-то степени соответствовало, в области эстетики, категорическому императиву, характерному для моральной сферы; «границам представления», свойственным возвышенному, соответствовала свойственная категорическому императиву развоплощенность добра.

Таким образом, мореллиевский признак высказывал целую серию возражений той эстетико-моральной модели, к которой впоследствии будет *grosso modo* примыкать Шеллинг. В некоторой степени «Ganzheit» произведения искусства, согласно Шеллингу, по большей части ориентировано на понятие целеполагания, несмотря на то что понятие *Grund* предоставляло не очень подходящую медиацию. Но случай с мореллиевским «признаком» — совершенно иное дело, именно это и спровоцировало скандал, или, повторяя Фрейда, придало революционность, что вынудило Морелли публиковать свои произведения лишь

ЗАПАХИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

в виде фрагментов²⁵. Мореллиевский признак предстает как *предмет, не поддающийся ограничению*, по отношению к которому или, скорее, против которого и развивается произведение; речь идет, как отмечал Беренсон, об идиосинক্রазиях, но о таких идиосинক্রазиях, борясь против которых художник и реализовал свой гений. Мореллиевский знаток — это тот, кто умеет различить следы, оставшиеся от этой борьбы между творческим гением и зачастую малоприятными особенностями, которыми отличались его сенсорные привычки, кончики ногтей у Боттичелли, у кого-то другого — мочки ушей и т.п. Борьба между божественным создателем и его *Grund* разрешалась вовсе не посредством объединения глобальной интуиции, как у Шеллинга. Эта борьба должна прочитываться мореллиевским знатоком благодаря фрагментарным предметам, составляющим *материальную причину* творения, и какими бы ничтожными они ни были — ведь только они способны свидетельствовать об эстетическом выборе художника и только они могут действительно дать доступ к его *душе*.

Может быть, именно поэтому в начале творческого пути Морелли и возникает та загадочная фигура осфрезиологического признака, которая благодаря своим коннотациям трагического ужаса и медицинской достоверности позволит одновременно говорить о вопросе авторства-отцовства произведения искусства и предлагает ответ, который был бы не условен, но, наоборот, *материален*²⁶.

Перевод Е. Гальцовой

²⁵ *Sauvagnat F. De Morell à Morelli. P. 12.*

²⁶ То, что этот мореллиевский ход в какой-то мере обнаруживается безо всяких изменений в психоанализе, как того желал Фрейд, возможно, подтверждается концепцией Жака Лакана, согласно которой психоанализ характеризуется повышением роли материальной причины, в аристотелевском смысле этого слова.

Клодин Фабр-Васса

ДУХИ ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ *

ДЕВУШКИ-ЦВЕТЫ

«Сцена волшебных девушек-цветов в Клингсоре была непревзойденной; она действительно лучшая в ряду всех моих сценических и музыкальных сочинений <...>. Нам удалось достичь в ней глубочайшей наивности: девушки и вправду были настоящими цветами, похожими на огромные садовые цветы. Они рвали эти цветы и украшали ими свои головки с детской грацией, и это создавало неописуемо изящный, совершенный декоративный эффект»¹.

В таких выражениях Вагнер, на следующий день после праздника в Байрейте, описывает Людовику II Баварскому, своему царственному покровителю, премьеру «Парсифаля». Эта премьера, состоявшаяся 26 июля 1882 г., стала последней в жизни Вагнера: он был уже настолько слаб, что смог дирижировать лишь финальной сценой спектакля. Опера, задуманная в 1845 г., была набросана черне в 1864-м, а настоящая работа над ней началась в первых числах октября 1877 г., о чем Вагнер

* *Fabre-Vassas C. Parfum de correspondance // Odeurs et parfums / Textes réunis et publ. par D. Musset et C. Fabre-Vassas. P.: Éd. du CTHS, 1999. P. 211–220.*

¹ Письмо, опубликованное без указания переводчика в кн.: *Wagner R. Parsifal. Drame sacré en trois actes, livret et musique... Caen: Théâtre de Caen, 1995. P. 20–21.*

сообщает Жюдит Готье в письме, звучащем как крик о помощи: «Да, речь идет о музыке к Парсифалю, я больше не могу жить, не взявшись за такое дело. Помогите мне!»²; он прерывает работу, когда их переписка заканчивается — пятнадцать месяцев спустя, 15 февраля 1878 г.: «Впрочем, я сейчас так озабочен своими делами, отнюдь не приятными, что не нахожу свободного времени, чтобы продолжить “Парсифаля”. Пожалейте меня!» (Р. 96). Однако он возобновляет работу и заканчивает ее через четыре года, 13 января 1881 г., в Палермо, где поселился в роскошном «Отель де Пальм», к полному восторгу Козимы, о чем она пишет Жюдит: «У нас чудная погода, воздух наполнен благоуханиями, по-моему, мы очень удачно выбрали Палермо» (Р. 228). Роскошная гостиница, окруженная садом с экзотическими растениями и цветами, буйная зелень которых напоминает тропики, до сих пор остается одной из достопримечательностей города; здесь оставлены в прежнем виде и открыты для посещения апартаменты, где жили знаменитые постояльцы. Ги де Мопассан описал, какое впечатление произвела на него комната Вагнера и какое волнение он ощутил, приоткрыв дверцу шкафа, откуда «вылетел изумительный, сильный аромат, похожий на дуновение бриза, пронесшегося над розарием». Сопровождавший его метрдотель сказал: «Здесь он хранил свое белье, он его смачивал розовой эссенцией. Теперь этот запах никогда не исчезнет». Мопассан помечает в дорожном блокноте: «Я ощутил это дыхание цветов, запертое в шкафу, забытое, плененное там; и мне казалось, что я действительно обрел что-то от Вагнера в

² Все письма Вагнера написаны по-французски, но в издании, на которое мы ссылаемся (*Lettres à Judith Gautier par Richard et Cosima Wagner / Prés. et annot. par L. Guichard. P.: Gallimard, 1964*), впервые восстановлена пунктуация, грамматика и орфография, включая ошибки автора, и приводится полный текст подлинников. Слова, подчеркнутые Вагнером, даны в цитатах курсивом. Все цитаты приводятся по этому изданию (данная цитата — Р. 60).

этом дуновении, которое он любил, — частицу его души в этой мелочи, тайной и драгоценной, из тех, что составляют интимную жизнь человека»³.

Мне показалось интересным рассмотреть и соотнести ключевые звенья желаний и аромата, который одушевляет своим дыханием и письма к Жюдит, и зарождающееся творение.

Красавица Жюдит, дочь Теофиля Готье, вдохновительница многих знаменитых художников, сама занимается живописью, скульптурой, коллекционирует... К тому же она пишет стихи, романы, мемуары. «Маэстро» она посещает в 1868 г. в Люцерне — как музыкальный критик и журналист. Это их первая встреча: ей двадцать четыре года, ему пятьдесят шесть. Она становится подругой Козимы, которая старше ее на восемь лет, и способствует легализации ее союза с Вагнером, защищая их перед отцом Козимы — Францем Листом. Молодые женщины вступают в переписку, которая будет продолжаться и много лет после смерти их «Бога»⁴. Восторженная поклонница и «апостол» Вагнера, она стремится пропагандировать его творчество во Франции. 1877 г. стал годом признания таланта композитора и их второй встречи. Жюдит, во всем блеске модного в ту пору возраста «тридцатилетней женщины», получает от своих друзей приглашение на

³ *Wagner R. Parsifal*. P. 259, note 5. Визит Мопассана состоялся в 1885 г., через два года после смерти Вагнера. Л. Гишар отмечает: «Всех иногда удивляло и забавляло пристрастие Вагнера к ароматам».

⁴ Она обрывается 22 мая 1898 г. Скрытое соперничество двух хранительниц байрейтского сокровища стало явным в связи с постановкой «Парсифаля», которую Жюдит организовала в Париже, в юбилей Вагнера, не предупредив Козиму. В свое оправдание Жюдит объясняла Козиме, что речь идет о «вечере в узком кругу», данном на сцене ее «маленького полуразрушенного театра» (*Ibid.* P. 236, 355, note 2). Жюдит построила также целый миниатюрный театр: «марионетки, созданные, раскрашенные, одетые дивными руками вагнеровой феи» исполняли оперы Вагнера в «лиллипутском Байрейте» (А. де Ренье; цит. по: *Ibid.* P. 291–292).

праздник, который устраивают в честь Маэстро в Байрейте. Полагают, что в этом святилище имела место короткая идиллия: о ней свидетельствует несколько пылких (оставшихся без ответа) записок, адресованных Вагнером своей очаровательной ученице. Однако биографы не придали большого значения их мимолетному сближению. Чтобы понять, какое место заняла эта встреча в жизни и творчестве композитора, нужно рассмотреть тридцать пять писем, посланных Вагнером Жюдит в последующие месяцы. Жюдит Готье, знавшая им цену, долгое время хранила их в секрете, а затем передала своей крестнице, чтобы та впоследствии завещала их Национальной библиотеке. Однако на первый взгляд нет ничего невиннее, чем эти письма, зачастую просто «записки»; что может быть более легкомысленным, чем те экстравагантные, властные поручения, которые Вагнер дает своей послушной корреспондентке?⁵

Переписка началась по его инициативе; поводом для нее стало желание сделать подарок дочери Козимы, а затем и самой Козиме, чей день рождения совпадает с Рождеством; для этого он поручает Жюдит сделать несколько покупок. Ему нужны вещи — ткани, побрякушки, ларчики, домашние тувфли, духи — из числа тех, что называют «парижский товар». Жюдит живет в столице моды и элегантности, она женщина, причем женщина со вкусом — она соглашается. Поскольку дело идет о «сюрпризе», Вагнер принимает все меры предосторожности: письма следует адресовать некоему Шнаппауфу, цирюльнику и парфюмеру, большому любителю оперы, а потому готовому

⁵ О судьбе этих писем см. P. 20 и 31–34. Они остались неизвестны крупным биографам Вагнера, поскольку были поздно переданы в архив (18 марта 1933 г.) и поздно изданы; первое их издание, осуществленное Тьерсо (P.: Grasset, 1935), грешит неполнотой и неточностью. Даже Леон Гишар в конечном счете не принимает всерьез это «ребячество влюбленного старика» (P. 23).

играть роль Фигаро и служить почтовым ящиком и курьером. Однако уже после первого поручения становится ясно, что истинным получателем заказов будет сам Вагнер. Так, относительно саше, предназначенного для дочери Козимы, он уточняет: «Выберите запах по своему вкусу, но чтобы он был действительно Вам по вкусу. Добавьте полдюжины бумажных саше с пудрой, чтобы я мог переключивать ими мое собственное утреннее белье; это поможет мне хорошо ощущать Вас, садясь за фортепиано и сочиняя музыку “Парсифаля”» (Р. 60). Второе письмо содержит вопрос, на первый взгляд загадочный: «А духи для переписки?»; дело проясняется ниже: «Что касается наших духов для переписки, обдумайте их серьезно. Может быть, Вам подойдет “Эскизите” (“Изысканность”) Риммеля? Еще мне бы хотелось чистую Розу, но с сильным запахом. Напишите, что сколько стоит, я Вам сразу же вышлю деньги. На меня напало легкомыслие. Ах! я пишу музыку, и мне наплевать на всех и вся. Я любим и люблю. Наконец, я пишу музыку Парсифаля, Козима переводит его для Вас на французский. Посылаю Вам вместе с прочими образцами еще и образчик моей музыки» (Р. 62).

Итак, для Вагнера создание «Парсифаля» — либретто и музыки — идет под знаком духов. Под тем же знаком он располагает и эпистолярную связь с Жюдит, прося ее отыскать «духи для переписки», которыми будут благоухать листы каждого письма. Тому же служат и ароматные саше, которыми он переключивает нательное белье и к которым позднее добавится множество цветочных эссенций, подобных девушкам-цветам, обволакивающим Парсифаля облаком тонких и нежных ароматов. Эти душистые эманации призваны будить вдохновение, установить связь между ним и Жюдит: «Но еще раз прошу Вас, не скупитесь, и особенно покупайте побольше ароматов для ванны, вроде амбры и пр. ...Ванная у меня находится под мастерской, и я люблю, когда ко мне поднимаются запа-

хи» (Р. 79). Жюдит вдохновляет его, но и сама вдохновляется; ее духи превращаются в музыку, мотив для композиции, а музыка, повинувшись механизму обмена, в свою очередь, превращается в духи: «Через несколько дней я закончу первый акт; я потом Вам пришлю образцы», — и предупреждает: «Скоро Вы увидите небольшой отрывок» (Р. 87, 90, 94, 95). Перед тем как послать мелодию девушек-цветов, он пишет: «Последняя мелодия? Посылаю ее для вашего альбома. Но во втором акте вы увидите “чаровниц” Клингсора; это цветы из его заколдованного сада (тропического), он срывает их весной, и они живут до осени, чтобы соблазнять — очень изящно и простодушно, как юные девушки соблазняли героев Грааля» (Р. 68). И действительно, чаровницы пленяют Парсифаля голосами, словами, полными неги, и ароматом цветов, которым они окутаны и который передают ему — «аромату из ароматов», по словам одной из них, — своим дыханием.

Вагнер пытается уловить этот аромат у Жюдит, требуя, чтобы она отыскала «запах по своему вкусу», однако запах этот по сути всецело духовный — судя по обращениям, которые он повторяет из письма в письмо: «Душа моя», «нежная моя душа», «нежнейшая душа». Наконец, 24 декабря 1877 г. его поиски увенчались успехом: в изящной посылке он находит уникальный флакон, изготовленный по эскизу Жюдит специально для него: «Я плакал, извлекая творение Вашего изящества из ящичка, содержащего больше, чем я могу Вам выразить: аромат Вашей души» (Р. 82).

ГРААЛЬ-ЖЕЛАНИЕ

Если, по замыслу Вагнера, Грааль представляет собой «неистребимое желание любить, присущее челове-

ческому сердцу»⁶, а цель, толкающая рыцарей на поиски драгоценного сосуда, есть не что иное, как устремление самого желания, то как выглядит оно на страницах писем, выражающих его в образе ароматов?

Во-первых, поражает настойчивость, с какой Вагнер убеждает Жюдит быть «щедрой», «расточительной», отправляя ему посылки; об этом он напоминает в приказном тоне: «Не забудьте предаться парфюмерным излишества», «Что до парфюмерии, прошу Вас, покупайте до изнеможения; средства для ванной и т.д. — потоками, дюжинами»; «Да, еще постарайтесь найти пару губок для ванной, огромных, вогнутых, и вообще замечательных во всех отношениях» (Р. 92–93); «Я не знаю меры». Под стать количеству, «множеству», и разнообразию субстанций: масла, пудры, соли, спиртовые лосьоны, экстракты; и широчайшая гамма применения: духи во флаконах и с пульверизатором, ароматы для растворения и для разведения; и изобилие упаковок и емкостей: бумага, саше, коробки, флаконы, губки, пульверизаторы; и богатая палитра эссенций. Подобно девушкам-цветам, ароматы звучат на мажорный лад: ирис, вербена, роза, фиалка, сирень, амбра... Они часто сменяют друг друга, их отвергают, повинувшись необходимости, которая может показаться капризом, но в которой на самом деле проступает некий путь, упорный, настойчивый поиск; он намечается уже о поисках «духов для переписки» — в переходе от множественного числа к единственному и в сопровождающих его колебаниях: «Что касается наших духов для переписки, обдумайте их серьезно. Может быть, Вам подойдет “Эскизите” (“Изысканность”) Риммеля? Еще мне бы хотелось чистую Розу, но с сильным запахом» (Р. 62). Некоторое время он колеблется между этой розой и «Белой Розой» Аткинсона: «...Но я Вам советую попробовать про-

⁶ Цитата принадлежит М. Шнейдеру; см.: *Wagner R. Parsifal*. P. 14.

стю розовую пудру Риммеля; я помню этот запах, по-моему, это самый чистый и оригинальный аромат настоящей Розы» (Р. 85). Чистота и сила: два этих качества присутствуют при выборе аромата постоянно; но особенно они присущи «Бенгальской Розе», победившей «Белую Розу» в ходе поисков, ведущих от цветка к цветку, от розы к розе, от розы к «моей Розе», т.е. к Жюдит. Ибо когда духовный, почти мистический образ аромата необходим для выражения любовного чувства, а найденный наконец запах воспринимается как «духи Вашей души», то поиск этот — от сущности к чувствам — одновременно и попытка воссоздать телесный образ любимой женщины, попытка, проявляющаяся с самого начала переписки в неоднозначности языка, в игре аналогиями.

То же относится и к не менее тщательному поиску ткани, сопровождающему отбор духов и в некотором роде дополняющему и эксплицирующему его: «Мне нужно покрывало для шезлонга — красивое и необычное, я назову его “Жюдит”. — Слушайте! Найдите такую шелковую ткань, которая называется “Лампас” или что-то вроде. Желтый атласный фон — чем бледнее, тем лучше, — и на нем много цветов, розы; рисунок не слишком крупный, это не для занавесок; такой скорее используют для небольших кресел. Если желтого нет, тогда очень бледно-голубой. Мне нужно шесть метров! — Это для того, чтобы приятнее было работать по утрам над “Парсифалем”» (Р. 65). Задание кажется Вагнеру тем более сложным, что он хочет воплотить идеальный образ: «Поскольку я всегда вижу Вас тут — у моего письменного стола, справа, в шезлонге, вы смотрите на меня <...>». И действительно, после долгих дебатов, завершающихся посылкой образцов, а то и целых отрезков, — поочередно отвергаемых и отсылаемых назад Жюдит, чтобы она «поменяла», — выяснилось, что пресловутый розовый тон розы и бледно-

желтый «фон» найти невозможно⁷. Уже готовый сдаться, Вагнер делает новую попытку; в его письме ткань и духи смешиваются воедино: «О, моя дорогая Жюдит! — Хватит Вас утомлять этими глупостями! Обойдусь без розового атласа. — Что касается парфюмерии, следуйте только своему вкусу, как сочтете нужным. Все, что Вы мне предложите, я приму с благодарностью, хоть кольдкрем. Только мне нужны запахи (лучше всего роза!) более сильные, т.к. обоняние у меня скверное» (Р. 70). И дальше снова о ткани: «Мне не нужно ничего стильного, я хочу что-то нежное». Ибо поиски единственного цвета — это еще и поиск особой, одновременно шелковистой и блестящей фактуры: «Я хочу атлас, это единственный вид шелка, который мне нравится, на его складках так нежно играет свет» (Р. 72). Жюдит бегаёт по магазинам в любую погоду, простужается зимой на сырых парижских улицах — в поисках «Жюдит». Волнение Вагнера нарастает. «У меня все еще нет моего прекрасного покрывала», — жалуется он, а в конце письма — новое озарение: «Не надо атласа. Я без ума от определенного цвета, который найти нельзя: все, что есть, — это цвет замши, светло-желтый, или телесный. — Ах! если б это был цвет Вашего тела, я бы получил вместе с ним и желанную Розу!» (Р. 76). Он как будто готов отказаться от поисков. И в самом деле, он на время забывает о виде ткани, отказывается от цветочного мотива, который так страстно искал, наконец, отрекается даже от любимого цвета, но вскоре находит способ удовлетворить свое всепобеждающее желание, не слабеющее под магическим действием слов; он повелевает: «Забудьте раз и навсегда о розовом атласе: он совершенно лишний и никому не нужен <...> быть может, изменим расцветку, чтобы она была еще больше в моем вкусе: напри-

⁷ Одновременно столь же безмерные требования предъявляет в переписке с Жюдит и Козима (см. Р. 177–200).

мер, замшевые полоски будут серебристо-серые, а мои бледные и нежные розы — голубые» (Р. 79). Чуть позже, возвращаясь к этой идее, он пишет Жюдит: «Но если, кроме этого дела, Вы по-прежнему будете искать атлас моего любимого цвета, попробуйте найти в точности такой, как образец, который я посылаю <...>, по-моему, он называется “Офелия”!!» (Р. 92). Имя, звучащее как духи, имя женщины или, вернее, девушки «чистой и нежной», которая, украсив себя гирляндами полевых цветов, поет о своем горе и о своем безумии, а затем исчезает в волнах, подобно Ундине...⁸ Эту «Офелию-сирень», предназначенную для создания «Жюдит», найти также не удастся.

Итак, поиски аромата «чистой и сильной Розы» и поиски соответствующей ему «нежной бледно-розовой» ткани пронизаны одним и тем же импульсом. Из их идеального союза должен родиться образ любимой женщины, воссозданный желанием Вагнера. По ходу переписки ароматы располагаются согласно тонкой градации, от более нежных к более сильным; тем самым увеличивается разрыв между запахами легкими, которые остаются на поверхности тела, испаряются, растворяются в воде, — и тяжелыми экстрактами. Первыми — пудрой и любимыми эссенциями для ванны, которыми он хочет «поделиться» с корреспонденткой, — он пользуется сверх всякой меры, требуя еще и еще, тогда как «эссенции», предложенные Жюдит, не нравятся ему своей «излишней крепостью» и неприятным действием: «И к тому же Ваша головная боль из-за этой чересчур изысканной эссенции. Эти турецкие эссенции ужасны! Выбросьте их подальше» (Р. 72), — или же тем, что они трудны в обращении. Вагнер часто прикрывается своей «неловкостью», «неумелостью», «не-

⁸ *Shakespeare W. Hamlet / Trad. A. Gide. P.: Gallimard, 1959. P. 676–680, 685–686.*

способностью» и в итоге прямо признается в своих страхах. Жюдит вложила в одну из посылок свой портрет, и он пишет: «Я всякий час гляжу на Вашу чудесную картину: с темными волосами? (Вы ли это?) Вы меня пугаете своими “эссенциями”. Я могу натворить глупостей: вообще-то я предпочитаю пудру, она лучше ложится на ткань и т.д.» (Р. 79).

Страх перед ароматом, выбранным Жюдит, боязнь ее «эссенций», таких чужих и непохожих на «духи для переписки», призванные установить между ними «связь»; страх перед слишком красивой женщиной, которой он признается в одном из последних писем: «Это так — иногда я бываю ужасно глуп, как Парсифаль перед Граалем» (Р. 91). Значит, он узнает себя в своем несмелом герое, лишившемся дара речи при виде смеющихся, обольстительных девушек-цветов, полном смятения перед Кундри — «Ужасно красивой женщиной. — О! ну: женщиной ужасной красоты» — с длинными, распущенными черными волосами, в темно-красном платье, выражающей свое желание криком и смехом и называющей вещи и людей своими именами⁹.

⁹ Застенчивость Парсифаля (*Wagner R. Parsifal*. P. 55–63, [note 2]) подчеркивается девушками-цветами с помощью ряда эпитетов: скромный, трусливый, несмелый, тихий, нежный... О красоте Жюдит см. отзывы ее современников в книге Л. Гишара (Р. 293). Это описание Кундри вошло в первое, 1865 г., либретто Вагнера. Вот полный текст спора по поводу перевода слов «*Ein furchtbar schönes Weib!*»: «Ужасно красивая женщина. — О! ну: женщина ужасной красоты. — Но слово “ужасной” смешно! — Ладно: роковой красоты — не принято мной: Роковая?? скажем “пугающая” — нельзя: говорят “испуганная”, но не “пугающая”» (Р. 72). Жюдит перевела так: «женщина безумно красивая» (изд.: Р.: Colin, 1914. P. 22). В последнем акте «Парсифаля», в сцене, полной христианских мотивов, Кундри, преобразенная в Марию Магдалину, оmyвает ноги юноши, умащает их благовониями и вытирает своими волосами. 22 мая 1882 г. Жюдит посылает Вагнеру на именины поэму под названием *Adoremus* («Поклонение»), сопроводив ее акварелью на ту же тему (Р. 353–354).

PARSI FAL – FAL PARSİ

«Парсифаль: Быть может, мне снится сон? (*Робко поворачивается в ту сторону, откуда раздается таинственный голос. Цветочная изгородь расступается, и появляется молодая женщина дивной красоты. Это преобразившаяся Кундри, в странном наряде в арабском вкусе; она безмятежно возлежит на ложе из цветов.*) Меня ли зовут, меня, не имеющего имени?» «Кундри: Я звала тебя, простодушный безумец, *Fal Parsi*. Тебя, безумный простака, *Parsifal*»¹⁰.

В переписке с Жюдит именно Вагнер подбирает слова, относящиеся к Парсифалю, объясняет смысл, и их диалог очень быстро превращается в «лингвистический поединок», стержнем которого служит перевод на французский язык либретто оперы, порученный молодой женщине: «Это арабское имя. Его не поняли уже древние труверы. “Parsi fal” значит: “парс” – вспомните парсов, огнепоклонников, – «чистый»; “фаль” значит безумец в высоком смысле, т.е. человек не образованный, но гениальный (похоже, что английское *Fellow* связано с тем же корнем). Вы поймете (простите, узнаете!), почему у этого простака было арабское имя!» (Р. 66). Жюдит справляется у самых известных востоковедов и сообщает «Маэстро» их выводы: «“Fal» по-арабски никак не может значить “безумный”, самое большее – “избранник”»¹¹. Он возражает: «Я арабского не знаю; “Избранник” – это хорошо, но уже не годится: это безумный мальчик, необразованный, невоспитанный, все понимающий через страдание – вот что мне надо. – Будем искать, – может,

¹⁰ Цитирую по переводу Жюдит Готье, приведенному Л. Гишаром (Р. 254, note 2).

¹¹ См. Р. 257, note 4, 6. В первом варианте либретто Вагнер пишет: «Парцифаль. Замена “ц” на “с”, возможно, подчеркнет связь со словом “парс”, см. словарь Литтре: *Parsi* – принадлежащий к парсам. Последователь Зороастризма (поклонение огню). Их язык использовался при Сасанидах».

существует какой-нибудь арабский диалект, где есть такое значение» (Р. 73). Жюдит понимает это приглашение к совместным поискам буквально, но он тут же пресекает их следующим образом: «“Арабский диалект”, в котором слово “Fal” значит безумный, неотесанный, я выдумал сам; я хотел привязать это слово к какому-нибудь диалекту, потому что оно мне подходит! “Будем искать” я сказал не всерьез <...>. Впрочем, меня это не волнует, мне плевать на реальные значения арабских слов» (Р. 74–75).

Так же, как поиск духов и ткани, стремление найти точное слово вписывается в то же натяжение между реальностью и желанием. Отвергая «реальные значения», Вагнер делает выбор в пользу того, что он называет «возвышенным смыслом», — т.е. права поэта на полную свободу в использовании языка. Но это полномочие слов неотделимо от своего инструмента — естественного языка. Поэтому любой перевод грозит потерей смысла; применительно к «Парсифалю» Вагнеру удастся избежать этой угрозы следующим образом. Либретто, написанное раньше партитуры, поручается Козиме: она должна сделать первичный его перевод на французский — «жесткий», пресный, выдержанный в «до смерти строгих выражениях» — только для того, чтобы у Жюдит появилась возможность сократить разрыв между двумя языками — «поэтичным» немецким и «реалистичным» французским, по мнению Вагнера, — и найти соответствующее слово, не прибегая к дословному переводу¹². Задача Жюдит тем более трудна, что Вагнер не устает повторять: невозможно «передать хотя бы крупицу этого поэтического смысла на вашем языке, полном условностей», — сопровождая это заявление не слишком любезными комментариями

¹² О вопросах перевода см. Р. 68–73 и 183–188 (письмо Козимы к Жюдит). На упреки Жюдит по поводу ее перевода Козима отвечает с юмором, что она «не обидчивая».

относительно отяжелевшего французского вкуса и ума. А поскольку одновременно он подтверждает получение очередной материи, предложенной Жюдит, отвергая при этом и ткань, и ее наименование — «Помпадуры (?) (ужасное имя!)», — несмотря на уверения, что во всем полагается на ее «прекрасный вкус», то «лингвистическая ссора» вспыхивает уже в переписке и растворяется в ней. На какое-то время он наделяет ее, вдохновительницу, еще и властью возвращать душу словам. Он пишет ей: «О! самое невероятное — это что Вы изобилие в моей бедной жизни, такой спокойной и устроенной с тех пор, как у меня есть Козима. — Вы мое богатство, — мой пьянящий излишек (хорош французский, правда? — Но все равно! Вы меня понимаете)» (Р. 65). Этот «пьянящий излишек», который он находит в любимой женщине и ее духах, в поэзии слов и в том «возвышенном смысле», какой он придает «Парси Фалю», безумному, чистому «огнепоклоннику», лучше всего воплотился именно в музыке.

Заказывая в огромных количествах духи и возлагая на них такие надежды, он предвкушает: «Что ж! Когда они придут, я погружусь в Вашу благодетельную душу» (Р. 79); из «лингвистических ссор», где они оказываются противниками, он делает вывод: «Именно Вы, дорогая, заставляете меня как никогда горько сожалеть, что я не могу погрузиться в Вашу душу при помощи Вашего языка» (Р. 73); что же касается музыки, поэтического языка *rag excellence*, языка абсолютного желания, не нуждающегося в переводе, он пишет Жюдит: «Это позволяет лучше понять друг друга», — а когда их переписка на время прерывается, замечает: «Покуда мою роль будет играть Парсифаль» (Р. 83, 91).

Ибо, несмотря на обмен письмами, несмотря на желание «все поделить» поровну — духи, ткани, возражения против каких-то музыкальных отрывков, — партитура желания весьма непрочна. Оно летуче по сути своей, его

трудно измерить, трудно точно выразить; оно то бьет через край — и тогда это Кундри, кричащая, смеющаяся, и Вагнер, пишущий Жюдит: «Не надо кричать» или «смейтесь», — то истощается, — и тогда это бессловесный Парсифаль и Вагнер, ничего не понимающий, но как бы с проблесками ясновидения: «Как трагично все то, что реально! Но Вы будете любить меня всегда, — и я не смогу иначе, как бы мне ни хотелось» (Р. 80). А чуть позже он напишет слова, которые сведут на нет все предыдущие усилия: «Так знайте! Всем Вашим арабским духам не смыть этого пятна непонимания».

6 февраля 1878 г. Вагнер извещает Жюдит о получении ее последней посылки в следующих выражениях: «Холодная вода совершенно испортила флакончик с розовой эссенцией; по неловкости я уронил большой флакон, который хотел разбавить спиртом; он разбился, и вся эссенция пролилась на ковер; меня только удивило, как слабо она подействовала на мое обоняние, а я-то боялся получить 1000 мигреней» (Р. 95). А 15-го числа того же месяца он посылает ей последнее письмо — как бы дальний отголосок самого первого послания, давно ожидаемый конец, возвращающий к началу: «Дорогая душа моя! Я попросил Козиму взять на себя поручения, которыми я Вас так долго мучил, или, вернее, завершить их. Думаю, что правильно сделал, поручив ей (как жене) разобраться во всем окончательно, ведь никаких сюрпризов больше не предвидится! Впрочем, я сейчас так озабочен своими делами, отнюдь не приятными, что не нахожу свободного времени, чтобы продолжить “Парсифаля”. Пожалейте меня!»¹³

¹³ Одновременно Козима стремится взять ситуацию в свои руки, исходя из той же логики. Сначала она пишет Жюдит (13 февраля 1878 г.): «Мой муж велит поблагодарить Вас за Ваше последнее письмо и передать, что губки ему кажутся слишком дороги и что он обратится к своему другу в Лондоне, чтобы он нам достал подешевле. Он просит Вас прислать ему розовой эссенции; когда он разбил предыдущий флакон, то почти не по-

ЗАПАХИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Таким образом, переписка и работа над оперой прерываются одновременно.

Духи пролиты, флакон разбит, аромат исчез, развеялись чары девушек-цветов в саду Клингсора, Парсифаль погружается в молчание на долгие годы — вплоть до осени 1881 г., когда благоуханный воздух садов «Отель де Пальм» возвращает Вагнеру вдохновение и он заканчивает оперу, которая будет исполнена следующим летом в Байрейте.

В письме от 8 сентября 1882 г., рассказывая Людвигу II Баварскому, который не смог быть на премьере, об успехе представления, он вручает ему свое творение «как трагический цветок живого сада Святого Грааля» и, примеряя на себя «реальное значение» слова «fal», за которое так горячо ратовал, подписывает письмо: «Ваш вечный избранник».

После окончания празднеств в Байрейте он уезжает. Вновь Сицилия, Палермо и «Отель де Пальм». Он уже никогда не возьмет в руки дирижерскую, или, как он любил шутить, «волшебную», палочку, чтобы оживить пламенные садовые цветы. Нам остается лишь обретать музыку в аккорде их ароматного дыхания¹⁴.

Перевод А. Васильевой

чувствовал запаха, но все-таки хочет попробовать ее с очищенным спиртом». Далее она просит прислать взамен «тканей, которые ему не понравились, какое-нибудь произведение искусства». И постскриптум: «Если Вы еще не закупили ирисовое молочко, муж просит его не покупать: нам оно кажется слишком слабым». О том же говорится в письме от 26-го числа: «Мне ирисовое молочко понравилось, но для мужа оно слишком слабое; теперь он его заменяет одеколоном Любена. Я посоветовала пропорцию, чтобы запах действовал сильнее» (Р. 193–196).

¹⁴ См.: *Wagner R. Parsifal*. P. 77, note 2. Когда герой встречается с Кундри в сцене «Очарование Страстной пятницы», он противопоставляет прежние чудесные цветы только что распутившимся простеньким цветочкам: «Никогда их детское дыхание не говорило со мной столь нежным языком» (*Und sprach So lieblich traut zu mir*).

Жорис Карл Гюисманс

НАОБОРОТ*

(ФРАГМЕНТЫ)

ГЛАВА X

Во время подобной болезни, нередко истребляющей весь род до последнего потомка, чаще всего после кризиса наступает заметное облегчение. Так что в одно прекрасное утро дез Эссент, сам не зная почему, проснулся вдруг совершенно здоровым. Ни тебе изнурительного кашля, ни стука молоточка в затылке. Невыразимо блаженное состояние, легкая голова и ясные мысли – не мутно-сине-зеленые, а светлые, нежные, радужные, как мыльные пузыри.

Блаженство длилось несколько дней. Но однажды ближе к вечеру начались галлюцинации обоняния.

В комнате запахло франгипаном – итальянскими духами. Дез Эссент посмотрел по сторонам, не стоит ли где открытый флакон. Никакого флакона он не обнаружил. Он заглянул в кабинет, в столовую: запах проник и туда.

Он позвонил слуге. «Вы не чувствуете, чем это пахнет?» – спросил он. Старик заверил, что ничем не пахнет. Становилось ясно: невроз вернулся, вернулся в виде иллюзии обоняния.

Наконец дез Эссент изнемог от этого благоухания, стойкого, но мнимого, и решил подышать настоящими ароматами, надеясь, что такая гомеопатическая мера излечит его или, по крайней мере, избавит от назойливого франгипана.

*Цит. по: Гюисманс Ж.К. Наоборот. Три символистских романа / Сост. и послесл. В.М. Толмачева. М.: Республика, 1995. С. 77–85.

Дез Эссент пошел в кабинет. Там, у старой купели, служившей чашей для умывания, под большим зеркалом в ковanej лунно-серебристой раме, которая, словно стены колодца, обрамляла мертвую зеркальную зелень воды, на полочках из слоновой кости стояли флаконы всех форм и размеров.

Дез Эссент переставил их на стол и разделил на две группы: флаконы простых духов, а иначе говоря, настоянных на экстрактах или спирту, и флаконы духов необычных, с «букетом».

Затем он уселся в кресло и сосредоточился.

Дез Эссент уже долгие годы целенаправленно занимался наукой запахов. Обоняние, как ему казалось, могло приносить ничуть не меньшее наслаждение, чем слух и зрение, – все эти чувства, в зависимости от образованности и способностей человека, были способны рождать новые впечатления, умножать их, комбинировать между собой и слагать в то целое, которое, как правило, именуют произведением искусства. И почему бы, собственно, не существовать искусству, которое берет начало от запахов? Ведь есть же искусство, действующее звуковой волной на барабанную перепонку или цветовым лучом на сетчатку глаза? Мало кто способен при отсутствии знаний или интуиции отличить подлинного живописца от имитатора и Бетховена от Клапписсона. Тем меньше оснований без соответствующей выучки не спутать букет, который составлен подлинным художником, с той заурядной парфюмерной смесью, что предназначена для продажи во всяких лавках и лавочках.

В сфере обонятельного именно неестественность образа привлекала дез Эссента больше всего.

И действительно, запахи почти никогда не связаны с теми цветами, чье имя носят. Если бы художник работал только с исходным материалом природы, то создал бы

не произведение искусства, а бессмысленную и лишённую стиля подделку, потому что эссенция, полученная при перегонке лепестков, лишь очень отдаленно, очень приблизительно напоминает об аромате живого, еще не сорванного цветка.

И, пожалуй, любое благоухание, за исключением аромата неподражаемого жасмина, который противится быть похожим на что бы то ни было, может быть передано посредством искусного сочетания спиртов и солей. Оно не только воссоздает дух своего образца, но и добавляет к нему некую неуловимую изюминку, печать изысканности и исключительности, что является верным признаком шедевра.

Следовательно, в парфюмерном искусстве творец как бы завершает создание исходно данного природой запаха, который берется за основу, а затем обрабатывается и доводится до совершенства на манер того, как шлифуются драгоценный камень.

Постепенно тайны этой мало ценимой разновидности искусства открывались дез Эссенту. И теперь он понимал язык парфюмерии, столь же богатый и выразительный, как и язык литературы, но вместе с тем еще более лаконичный, хотя при первом ощущении расплывчатый и неясный.

Но чтобы постигнуть этот язык, ему пришлось прежде поломать голову над его грамматикой, разобраться в синтаксисе ароматов, а также вы зубрить правила, которым они подвластны. А как только язык был усвоен, дез Эссенту пришлось заняться и сопоставлением открытий мэтров-парфюмеров, среди которых были и Аткинсон, и Любен, и Шарден, и Вюлет, и Лезран, и Пиесс. Он дробил их фразу, вычислял удельный вес каждого слова, анализировал технику речевых оборотов.

Однако лишь практический опыт мог подтвердить или опровергнуть теоретическое знание, само по себе неполное и формальное.

Классическая парфюмерия была довольно скучной и однообразной и оставалась такой, какой ее создали древние химики. Она бормотала нечто невразумительное, поглощенная своими колбами и ретортами. Но вот наконец пришла романтическая эпоха и, преобразив ее, сделала молодой, гибкой, отзывчивой к новым веяниям.

История парфюмерии вторила истории французского языка.

Парфюмерный стиль эпохи Людовика XIII сложился из ценных в то время ирисового порошка, мускуса, лука-скороды и миртовой, или, как ее уже тогда именовали, ангельской, воды. И этих составных частей едва хватало, чтобы вслед за сонетами Сент-Амана найти ароматическую формулу рыцарского изящества эпохи. Позднее, при помощи мифа и ладана, этих властных мистических запахов, был найден ключ к претенциозности золотого века, к имитации возвышенного и витиеватого слога ораторского искусства – размашистого многословия Боссюэ и законодателей проповеднической моды. Еще позднее франгипан и уголь для раздувки кузнечных мехов уже без особых затруднений как бы примирили эпоху Людовика XV с ее ученой и усталой грацией. Затем пришла ленивая и нелюбопытная Первая Империя, пора одеколонов и розмариновых настоек. Парфюмерия по следам Гюго и Готье устремилась на Восток, создала свои тягучие напевы, нашла для себя неизведанные мелодии и неожиданные, доселе немислимые контрасты и, произведя переоценку старого арсенала средств, утончила их, привела в согласие с новым общим смыслом. Кроме того, она наконец решительно отвергла нарочитую старческую, к которой приговорили ее раз-

ные Малербы, Буало, Андрие, Баур-Лормианы, все эти не знающие меры пуристы поэтического языка.

Но развитие парфюмерии в 1830 г. не остановилось. Она менялась вместе с веком и шагала вперед рука об руку с другими искусствами. Так, отвечая пожеланиям коллекционеров и художников, обратилась она к темам китайским и японским и, создав альбомы ароматов, подражала цветочным букетам Такеоки, получая в лавандово-гвоздичной смеси запах фондеции, в соединении пачулей и камфары – диковинный привкус китайской туши, а в сочетании лимона, гвоздики и нероли – благоухание японской овени.

Дез Эссент изучал квинтэссенцию ароматов, исследовал и толковал их тайнопись. Для собственного удовольствия он был то психологом, то механиком, который, препарирруя запах, а затем вновь воссоздавая его, раскрывает секрет благоухания. Подобные опыты сделали его обоняние изощренным и практически не знающим промахов.

Винодел, к примеру, отведав всего лишь каплю вина, укажет на марку напитка; торговец хмелем определит его стоимость по запаху; поставщик чая из Китая также по запаху скажет, откуда чай, определит, в какой части Бохайских гор или в каком буддистском монастыре он выращен, уточнит, когда собран, назовет температуру сушки и даже установит не только какие растущие неподалеку деревья – слива ли, аглая, олива пахучая – на этот чайный куст влияли, но и как их запахи действовали на природу чайного листа, либо неожиданно высветлив его, либо смешав с суховатым букетом чая влажный дух цветов долины. Сходным образом дез Эссент, едва почувствовав даже не запах, а слабый аромат духов, мог тотчас перечислить все их компоненты, объяснить суть их взаимодействия, а также чуть ли не назвать имя художника, создав-

шего этот аромат или передавшего в нем особенность своего стиля.

Разумеется, дез Эссент собрал коллекцию всевозможных духов. У него был даже подлинный бальзам из Мекси, который изготавливается лишь в Петрейской Аравии и все права на его производство принадлежат Великому Султану.

И теперь дез Эссент сидел за столиком в своей туалетной комнате и, погруженный в мечты о создании нового аромата, был охвачен той нерешительностью, которая знакома всякому писателю, приступающему к работе после долгого перерыва.

Подобно Бальзаку, непременно переводившему для разминки целую кипу бумаги, чтобы взяться за что-то серьезное, дез Эссент нуждался в предварительном опыте на каком-нибудь пустяке. Он решил было изготовить парфюм гелиотропа, взял флаконы с миндалем и ванилью, но, передумав, решил заняться душистым горошком.

Однако никаких идей ему в голову так и не пришло; с чего начать, он не знал и стал продвигаться наугад. В сущности, в этом запахе много апельсина. Он сделал несколько произвольных сочетаний и наконец нашел нужную комбинацию, добавив туберозу, розу и каплю ванили.

Неуверенность прошла. Теперь дез Эссент испытывал даже легкое нетерпение и весь ушел в работу. Смешав касию с ирисом, он придумал новый эликсир, а затем, почувствовав в себе прилив энергии, двинулся дальше и решил взять гремющую ноту, чтобы сполна заглушить все еще слышавшийся в комнате лукавый шепоток франгипана.

Он выбрал амбру, острый тонкинский мускус и пачули, не знавшие себе равных по едкости затхлого и ржавого запаха в необработанном виде. Но, что бы ни предпринималось дез Эссентом, все равно ничто не могло изгнать из комнаты назойливого присутствия XVIII века. У него пе-

ред глазами стояли платья с оборками и фижмами. На стенах проступали силуэты «Венер» Буше, пухлых и бесформенных, словно набитых розовой ватой. Вспоминались также роман Фемидора и неутешная печаль прелестной Розетты. Дез Эссент вне себя вскочил на ноги. Чтобы покончить с этим наваждением, он глубоко, как только мог, вдохнул аромат нарда, который столь любят азиаты, но за явное сходство с запахом валерьяны недолюбливают европейцы. Сила запаха, напоминавшая удар кувалды по тонкой филиграни, оглушила его. От назойливого визитера не осталось и следа. Воспользовавшись передышкой, дез Эссент покинул пределы минувших столетий и на смену старым ароматам обратился к современным, куда более гибким и неизведанным.

Некогда он любил убаюкивать себя ароматическими аккордами. В этом ему помог поэтический прием – эффект бодлеровских «Непоправимого» и «Балкона», где последнее пятистишие перекликалось с первым и этим возвращением – рефреном – точно погружало душу в бесконечную меланхолию и истому.

Ароматы поэзии будили в нем мечты, то более далекие, то более близкие в зависимости от того, сколь регулярно в многоголосице ароматов стихотворения напоминал о себе напев печальной темы.

Вот и сейчас ему захотелось выйти на радующий глаз простор. И тут же перед ним открылся вольный деревенский пейзаж.

Сначала он опрыскал комнату амброзией, митчамской лавандой и душистым горошком, то есть смесью, которая оправдывает, если ее составил настоящий художник, свое название «экстракт цветущего луга». Потом он освежил этот луг туберозово-миндальной эссенцией – с добавкой апельсиновой корки, – и сразу запахло сиренью, медовой сладостью лондонской липы.

Этот быстрый, в несколько штрихов, набросок превратился для полусмежившего глаза дез Эссента в бесконечную даль, которую он слегка затуманил атмосферой женской и едва ли не кошачьей, когда к запаху юбок, пудры и румян добавил стефанотиса, айяпану, опопонакса, шифра, шампаки и сарканта. В полученную смесь он капнул жасмина, чтобы все эти прикрасы, приправленные хохотом, потом и жарким солнцем, казались не столь уж естественными.

Затем дез Эссент взял в руки веер, разогнал собравшиеся было облака и оставил нетронутым лишь запах деревни, который, то исчезая, то появляясь вновь, стал подобием песенного припева.

Но вот постепенно сделались незримыми женские юбки. Опустела и деревня. И тогда на воображаемом горизонте появились заводы, над которыми, как гигантские кубки с пуншем, дымили трубы.

На этот раз ветерок, поднятый дезэссентовым веером, принес запах фабричной краски, одновременно и нездоровый, и чем-то возбуждающий.

Опыты дез Эссента этим не ограничились. Теперь он мял в пальцах шарик стиракса, и в комнате возник очень странный запах, сочетавший тонкое благоухание дикого нарцисса с вонью гуттаперчи и угольного масла. Дез Эссент протер руки, спрятал стираксовый шарик в пузырек с плотно завинчивающейся крышкой. Запах фабрики улетучился, и снова ожил аромат луга и липы. Дез Эссент разбавил его несколькими каплями настойки «new town ha», и вот в воображаемом селении не стало сирени. Ее заменило сено: пришло новое время года, а с ним наступил черед и новых запахов.

Наконец дез Эссент сполна наслаждался всем, чем только хотел.

Затем он без промедления взялся за экзотические экстракты и для большей силы аромата выпустил на волю все оставшиеся во флаконах благовония. В комнате стало чудовищно душно: бурные вздохи разгулявшейся природы были ни на что не похожи. В этом искусственном сочетании несочетаемого заключалась определенная броскость и прелесть. Дух тропических перцев, китайского сандала и ямайкской гедиосмии соседствовал с чисто французским запахом жасмина, вербены и боярышника. На свет вопреки всем законам природы и временам года появились самые немислимые цветы и деревья. Среди этого многообразия и смешения ароматов было и нечто неразложимое – запах безмянный, незваный, неуловимый. Он то и будил в памяти настойчивый образ начальной декоративной фразы – благоухания луга, липы и сирени.

Неожиданно дез Эссент ощутил сильную боль. У него страшно закололо в висках. Когда он очнулся, то увидел, что сидит за столиком в своей туалетной комнате. Нетвердыми шагами он с трудом подошел к окну и открыл его. Свежий воздух ворвался в душную комнату. Чтобы размяться, дез Эссент стал ходить взад-вперед, наблюдая, как на потолке ползают крабы среди пропитанных солью водорослей, своим цветом напоминавших светлый морской песок. Плинтусы были также светлого цвета, а панели стен, обитые японским жатым крепом, – бледно-зеленого. По этой волнующейся поверхности плыл лепесток розы, а вокруг него, выведенные одним росчерком пера, резвились рыбки.

Но голова у дез Эссента все еще побаливала. Он перестал шагать из угла в угол и облокотился на подоконник. Головокружение прекратилось. Он плотно закрыл флаконы и заодно решил навести порядок в своих туалетных принадлежностях. С момента переезда в фонтенейский дом он к ним не притрагивался. И теперь был поражен бо-

гатством собственной коллекции, которая привлекала пытливым интерес не одной красавицы. Баночек и скляночек было несметное множество. Вот зеленая фарфоровая чашечка со шнудой, тем восхитительным белым кремом, который на щеках под воздействием воздуха сначала розовеет, а позже делается пунцовым и создает эффект яркого румянца. А вот в пузырьках, инкрустированных ракушками, – лаки: японский золотой и афинский зеленый, цвета шпанской мушки; другие золотые и зеленые, способные менять свой оттенок в зависимости от концентрации. Далее шли баночки с ореховой пастой, восточными притираниями, маслом кашмирской лилии, а также бутылочки с земляничным и брусничным лосьонами для кожи лица. Рядом с ними располагались китайская тушь и розовая вода. Подле вперемижку со щетками для массажа десен из люцерна находились разнообразные приспособления и приспособленница из кости, перламутра, стали, серебра и прочих материалов, наподобие щипчиков, ножничек, скребков, растушевок, лент, пуховок, чесалок, мушек и кисточек.

Он перебрал все эти предметы. Когда-то он обзавелся ими по настоянию одной из своих возлюбленных, от некоторых ароматов и запахов падавшей в обморок. Дама была нервной, истеричной, обожала умащать свой бюст благовониями, но настоящее, высшее наслаждение испытывала лишь тогда, когда в разгар ласк умудрялась почесать гребнем голову или вдохнуть запах сажки, известки, которую смочил дождь, а также дорожной пыли, прибитой летним ливнем.

Дез Эссенту припомнилось и другое. Он восстановил в памяти, как однажды вечером, не зная, чем заняться, из любопытства отправился с ней к ее сестре в Пантэн. И тотчас ожил в его воспоминаниях целый мир забытых мыслей и запахов. Пока сестры болтали и хвастались

платьями, он подошел к окну и сквозь пыльное стекло увидел грязную улицу и услышал шлепанье галош по лужам.

Эта картина, уже очень далекая, вдруг возникла перед ним с какой-то особенной четкостью. Пантэн, как живой, отражался в синевато-зеленоватом зеркале мертвой воды. Это отражение бессознательно притягивало дез Эссента. Он совершенно забыл о Фонтенее. Зеркало и улица вызвали к жизни старые мысли и наблюдения – стройные, грустные, несущие утешение. Он записал их тогда сразу же по возвращении из Пантэна в Париж:

«Да, пришло время больших дождей. И хлещет из водосточных труб, и журчит на мостовой вода. Навоз раскисает в лужах, и навозное кофе с молоком наполняет любое углубление. На каждом шагу прохожие принимают ножные ванны.

Небо низкое, дышать нечем, дома в черном поту. Из вентиляционных отдушин – вонь. Существование все гадже. Тоскливо. Дают всходы и начинают зацветать семена мерзости в человеческой душе. Трезвенник жаждет напиться как свинья, человек порядочный – совершит преступление.

Я же тем временем зрею у камина. На столе корзина с цветами, наполняющими комнату восхитительным ароматом бензойной смолы, герани и ветивера. Здесь, в Пантэне, на рю де Пари, в самый разгар ноября царит весна, и я посмеиваюсь над трусливыми семействами, которые от наступающих холодов удирают на Антибы и в Канны.

Но случившееся – вовсе не фокус жестокой природы. Пусть Пантэн поблагодарит промышленность за эту искусственную весну!

Ее цветы – из тафты и латуни, а ее запахи проникают сквозь оконные щели. Их породили дымки окрест-

ных фабрик да парфюмерное производство Пино и Сент-Джеймса.

И, спасибо парфюмерам, – иллюзия свежего воздуха доступна теперь как уставшим от непосильного труда мастеровым, так и мелким чиновникам, зачастую отцам многочисленных семейств.

Кроме того, благодаря этой иллюзии сделался возможным весьма мудрый способ лечения. Ведь чахоточные, посланные на юг, умирают в отрыве от родного дома, в глухой тоске по столичным излишествам, по причине которых и заболели. Но тут, в атмосфере искусственно поддерживаемой весны, чувственные воспоминания, подслащенные к тому же дамскими ароматами местных фабрик, станут для них источником неги и довольства. И парижский будучар, и присутствие девиц – все обеспечит своему пациенту за счет подобной подмены лечащий врач. Для успешного лечения часто требуется лишь немного фантазии».

.....

Да, уже давно нет ничего здорового. Вино и свобода в наше время дрянны и убоги. И надо уж очень постараться, чтобы убедить себя в том, что верхи общества достойны уважения, а низы – сострадания или помощи. А стало быть, заключил дез Эссент, вряд ли безрассудно и неэтично попросить ближнего немного пофантазировать – ведь это гораздо дешевле почти всех ежедневных безумств. Надо всего лишь представить, что Пантэн – искусственный Ментон или Ницца.

.....

«Да, но все-таки, – решил он, прервав свои размышления из-за внезапного приступа слабости, – не мешало бы соблюдать осторожность при опытах с ароматическими веществами. Они мне вредят». Дез Эссент вздохнул: «Ну вот, опять умеренность, опять страхи». Он вернулся к себе

*в кабинет, думая, что там скорей избавится от наважде-
ний обоняния.*

*Он настежь раскрыл окно и с наслаждением вдохнул
свежий воздух. Однако ему вдруг почудилось, что ветерок
принес запах бергамотовой эссенции с примесью жасмина,
смородины и розовой воды. У него перехватило дыхание.
«Может, – подумал он, – в меня вселился бес, один из тех,
кого в Средневековье заклинали и изгоняли?»»*

*Запах переменился, стал другим, но был по-прежнему
неотвязен. Теперь со стороны деревни, от холмов, веяло то-
луанским бальзамом, перуанской смолой, шафраном и толи-
кой амбры с мускусом. Через мгновение все в очередной раз пе-
ременилось: разрозненные дуновения слились воедино – и
снова запахло франгипаном! Франгипан – а дез Эссент без
промедления ощутил все его специфические особенности –
ворвался в окно прямо с фонтенейских полей, потряс изму-
ченное обоняние, словом, добил дез Эссента, и тот почти
замертво повалился без чувств на подоконник.*

Перевод Е. Кассировой под ред. В. Толмачева

ЗАПАХ, ТЕЛО И ГИГИЕНА

Жорж Вигарелло

ЧИСТОЕ И ГРЯЗНОЕ:
ТЕЛЕСНАЯ ГИГИЕНА СО ВРЕМЕН
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

I. ПРОНИКАЮЩАЯ ВОДА

В 1546 г. пораженная чумой Барселона осталась без продовольствия. Боясь заразы, соседние города и деревни прекратили с ней всяческие сношения, в том числе и торговые. А суда, посланные Советом пятисот на Майорку в надежде пополнить там городские запасы, были встречены пушечными выстрелами¹. Подобные эпизоды далеко не уникальны. В конце Средних веков и в классическую эпоху считалось, что основную опасность во время эпидемии представляют непосредственные контакты. Поэтому далеко не безопасно было и традиционное бегство из зараженного города: оно наталкивалось на откровенную враждебность окрестных жителей. В 1628 г. крестьяне камнями встречали беглецов из Лиона, и те в результате были вынуждены выбирать между скитаниями и возвращением в город². А в 1629 г. парламент Экса запретил обитателям Диня покидать его пределы: за исполнением этого указа наблюдала вооруженная охрана, вы-

* Главы из книги: *Vigarello G. Le propre et le sale. L'hygiène du corps depuis le Moyen Age.* P.: Seuil, 1985. © Editions du Seuil, 1985

¹ *Biraben J.-N. Les Hommes et la Peste en France et dans les pays européens et méditerranéens.* P.: Mouton, 1976. Т. II. P. 98.

² *Guiart J. La peste a Lyon au XVIIe siècle // Biologie médicale.* P., 1929. № 5. P. 5.

ставленная вокруг города соседними общинами³. В случае слушания последние грозили предать город огню. Зачумленные города превращались в ужасные ловушки.

В сообществах, временно замкнувшихся в своем страхе, внешние запреты ускоряли формирование внутренней регламентации, хотя это могло способствовать лишь локализации трагедии. Распоряжения мэров, эшевендов и купеческих старшин касались общественной гигиены: контакты постепенно ограничивались, часть помещений отделяли или объявляли обреченными. К примеру, в 1584 г. один из приемных покоев («Легат») парижского Отель-Дье был изолирован и предназначен исключительно для больных чумой⁴. Во многих городах нотариусы не имели права приближаться к пораженным домам; завещание диктовали на расстоянии, с верхних этажей, и в присутствии свидетелей⁵. Рекомендации касались также и личной гигиены: отказаться от всяческих контактов — значит избегать всего, что делает тело уязвимым для воздействия заразного воздуха, — горячащей члены тяжелой работы, «размягчающей» кожу жары и... мытья, поскольку под напором воды, особенно горячей, могут раскрыться поры, и тогда опасность станет совершенно определенной. Так что борьба с чумой выявляет представления, весьма далекие от наших: вера, что вода способна проникать сквозь кожу, не может не влиять на гигиенические практики.

Одни и те же опасения заставляют отказаться от частого посещения школ, церквей, парилен и бань. Необходимо ограничить сообщение людей и тем самым возможное распространение заразы. Причем в случае с банями динамика изоляции непосредственно связана с представ-

³ *Biraben J.-N.* Op. cit. T. II. P. 167.

⁴ *Brièle M.* Document pour servir à l'histoire des hôpitaux de Paris. P., 1883. T. I. P. 16.

⁵ *Guiart J.* Op. cit. P. 10.

лениями о теле и его функциях. Начиная с XV века врачи при каждой вспышке чумы обрушивались на эти заведения, где обнаженные тела соприкасаются друг с другом. Там перемешаны «люди, уже пораженные заразными болезнями»⁶, что не может не вызывать тревоги. Там велика опасность заразиться: «Заклинаю вас, бегите парилен и бань, или умрете»⁷. Но меры в этом направлении сперва принимаются нерешительно. Во время чумы 1450 г. Де Пар безуспешно взывал к парижским эшевенам, чтобы они закрыли парильни. Добился он лишь того, что на него ополчились владельцы этих заведений, и из-за их угроз ему пришлось бежать в Турне⁸. Однако временное закрытие бань и парилен, всегда имевшее место во время чумы, отвечало логике изоляции. С XVI века их закрывают систематически и официально. Так, указ парижского прево, неоднократно возобновлявшийся в период между эпидемиями 1510 и 1561 гг., запрещал «под угрозой взыскания посещать парильни, а хозяевам их разогревать до ближайшего Рождества»⁹. Подобные постановления принимаются во все большем числе городов. Запрет распространяется: в Руане его вводят в 1510 г.¹⁰, в Безансоне — в 1540 г.¹¹, а в Дижоне он существовал уже с конца XV века¹². Чаще всего к нему прибегали летом, когда жара благоприятствовала нашествию чумы.

⁶ *Delamare N. de. Traité de la police. P., 1722. T. I. P. 628* (первое издание вышло в 1698 г.).

⁷ *Bunel G. Œuvre excellente et à chacun désirant soi de peste préserver <...>. P., 1836. P. 17* (первое издание вышло в 1513 г.).

⁸ *Riolan J. Curieuses Recherches sur les écoles de médecine de Paris et de Montpellier. P., 1651. P. 218.*

⁹ *Delamare N. de. Op. cit. T. I. P. 628.*

¹⁰ *Boucher L. La Peste à Rouen aux XVIe et XVIIe siècles. P., 1897. P. 26.*

¹¹ *Limon M. Les Mesures contre la peste à Besançon au XVIe siècle. P., 1906. P. 9.*

¹² *Garnier J. Les étuves dijonnaises. Dijon, 1867. P. 28–29.*

Зияние кожи

Стоит ли приписывать историческое значение подобным запретам? Стоит, поскольку за страхом перед соприкосновением скрываются многие другие, в частности страх перед ненадежностью телесной оболочки. Виновата в том пористость кожи. Можно подумать, что ее поверхность становится зыбкой, а границы неопределенными: существуют лишь бесчисленные отверстия. За отказом от контактов стоит весьма специфическое представление о теле: жар и вода способствуют образованию трещин, в которые легко проскользнуть чуме. Подобные убеждения имеют точную датировку и проявляются весьма отчетливо; остается лишь оценить их влияние на гигиену классической эпохи. С этой точки зрения вышеупомянутые запреты обретают дополнительное обоснование. Бани и парильни опасны, поскольку открывают воздуху доступ к телу. Они оказывают почти механическое воздействие на поры, на некоторое время открывая органы любым внешним влияниям.

Иначе говоря, дело не в соприкосновении или близости, но в принципе зияния. Вымытый организм хуже сопротивляется яду, ибо распахнут ему навстречу и словно бы пронизуем. Зараженный воздух может проникнуть внутрь практически отовсюду: «Необходимо запретить парильни и бани, ибо плоть и состояние тела там размягчаются, поры открываются, и когда из них выходишь, то чумные испарения могут мгновенно проникнуть в тело и стать причиной внезапной смерти, что уже и происходило много раз»¹³. Уподобление тела обыденным предметам только подкрепляет этот образ проникновения. Главная роль здесь отведена архитектурной метафоре: организм сравнивается с домом, куда проникла и где поселилась

¹³ *Paré A. Œuvres. P., 1585. P. 56* (первое издание вышло в 1568 г.).

чума. Надо хорошенько запирать двери. Но вода и жар не дают это сделать. Они заставляют их отвориться и способствуют тому, чтобы брешь некоторое время не закрывалась. Чуме остается лишь оккупировать территорию: «Бани и общественные парильни должны в таком случае быть покинуты, ибо под действием их жара поры и маленькие кожные отдушины открываются с большей легкостью и туда входит чумной воздух»¹⁴.

Этот страх пронизывает весь XVII век. Почти ежегодные — в зависимости от места и времени — приходы чумы порождают одни и те же запреты: горячить тело — «значит открыть двери ядовитому воздуху и пить его полной чашей»¹⁵. Подобное «соприкосновение ядовитого воздуха»¹⁶ с разгоряченным телом, как правило, ведет к непоправимым результатам. Опасность становится роковой.

Первые целенаправленные усилия по борьбе с чумой, в особенности начиная с XVI столетия, выявляют пугающую картину: тело состоит из проницаемых оболочек. Его поверхности не препятствуют проникновению ни воды, ни воздуха, а при столкновении с недугом, чья вещественная основа скрыта от глаз, его границы становятся еще более неопределенными. Нельзя исключать и того, что поры слабы сами по себе и их слабость лишь отчасти связана с воздействием жара. Их следует постоянно оберегать от враждебного влияния. Именно поэтому во время эпидемии очень важен фасон и качество одежды: она должна быть гладкой, плотно сотканной и плотно прилегающей к телу. Тогда зачумленный воздух будет скользить по ней, не зная, за что зацепиться. Этот идеал непроницаемости достаточно стабилен, хотя до-

¹⁴ Houel N. Traité de la peste <...>. P., 1573. P. 16.

¹⁵ Jouysse D. Bref Discours de la préservation et de la cure de la peste <...>. Amiens, 1668. P. 3.

¹⁶ Rebecque C. de. Le Médecin français charitable. Lyon, 1683. P. 608.

пустимы и некоторые варианты: «Следует носить одежды из атласа, тафты, камлота и обьяра, у которых нет ворса и которые столь плотны и гладки, что дурному воздуху и инфекции трудно сквозь них проникнуть или на них удержаться, в особенности если их часто менять»¹⁷. Подобное одеяние — еще одно свидетельство в пользу того, что в XVI и XVII веках превалирует представление об опасной пористости тела, которое поэтому требует особого ухода: предпочтительнее не пользоваться ни шерстяными или хлопковыми материалами, поскольку они слишком проницаемы, ни мехами, поскольку в их длинном ворсе может скапливаться дурной воздух. Мужчины и женщины мечтают о гладких и герметичных одеяниях, полностью закрывающих их столь хрупкие тела. И если тафта и обьяр были материалами достаточно благородными, то на долю бедняков оставались «холсты и прорезиненные ткани»¹⁸.

Анализ гигиенических практик, в особенности тех, что связаны с чистоплотностью, невозможен без учета подобных рекомендаций. Если вода способна проникать сквозь кожу, то обращаться с ней следует особым образом. Инфильтрация ведет к повреждениям. Однако в некоторых случаях (по крайней мере если речь идет о гидротерапии) ее воздействие может быть целебным. Погружаясь в воды источников в Спа, Пуге или Форже, купальщики надеялись облегчить свои страдания. Горячие минеральные ванны, равно как и ванны «обычные», помогали, например, выводить камни: к этому способу прибегал Монтень¹⁹. Еще с их помощью можно вернуть сочность «слишком сухим» организмам: Ривьер предписывал

¹⁷ *Citoyens F.* Avis sur la nature de la peste. P., 1623. P. 20.

¹⁸ *Manget J.-J.* Traité de la peste et des moyens de s'en préserver. Lyon, 1722. P. 199.

¹⁹ *Montaigne M. de.* Journal de voyage en Italie. P.: Le livre de poche, 1974. P. 377–378 (первое издание вышло в 1774 г.).

их «изможденным и иссушенным телам»²⁰. Кроме того, они воздействуют на желтушный цвет и в некоторых случаях могут успокаивать приливы крови²¹. Их эффект основан на смешении жидкостей. Проникая в тело, они разбавляют слишком едкие и зловредные гуморы. Подобные процедуры «увлажняют гораздо лучше всех прочих средств»²².

Но чаще всего купание грозит нарушить внутренний баланс. Оно ослабляет, вредит и открывает путь не только чумному воздуху, но и другим опасностям. Уже в самых ранних рассуждениях по поводу парилен и чумной заразы заметны и менее определенные источники беспокойства: «Бани и парильни горячат тело и гуморы, ослабляют естество и открывают поры, а потому ведут к недугам и смерти»²³. В XVI и XVII веках болезни плодятся и распространяются все шире. Представления же о путях передачи инфекционных заболеваний, например сифилиса²⁴, весьма смутны, как и мнения о том, что именно может проникать вместе с водой. Взять, к примеру, парильные беременности, происходящие от того, что женские половые органы «впитывают» сперму, плавающую в теплой воде: «Женщина может зачать, пользуясь ванной, в которой некоторое время находились мужчины»²⁵. Опасности становятся все более разнообразными. «Инфильтрированная» кожа распахнута навстречу не только чуме, но и нездоровому воздуху, холоду и другим недугам. Речь идет о рассеянной по телу слабости, тем более всеобъемлющей и неопределенной, что сквозь поры ус-

²⁰ Rivière L. Les Pratiques de la médecine. Lyon, 1682. P. 10.

²¹ Rebecque C. de. Op. cit. P. 419.

²² Rivière L. Op. cit. P. 10.

²³ Le Forestier T. Régime contre épidémie et pestilence. P., 1495. P. 102.

²⁴ Ср.: Barraud G. L'Humanisme et la Médecine au XVIe siècle. Bruxelles, 1942. P. 83.

²⁵ Graff R. de. Histoire anatomique des parties génitales de l'homme et de la femme. Basle, 1699 (первое издание вышло в 1678 г.).

кользают гуморы, а следовательно, и силы. Эти отверстия открыты для двустороннего движения, и внутренние субстанции словно так и рвутся сбежать... Именно поэтому «мытьё ослабляет»²⁶ и способствует «слабоумию»²⁷. Оно «приводит в изнеможение силы и добродетели»²⁸. Иначе говоря, угроза не ограничивается одной заразой. Подобные представления становятся достаточно популярными, чтобы выплеснуться за рамки медицинского дискурса и стать частью менталитета, в конце концов лишившись какой-либо оригинальности. Как бы то ни было, теперь это общепринятая точка зрения. Мытьё немислимо без обязательных мер предосторожности: отдыха, постельного режима, оберегающих одежд. Эта процедура не может не вызывать озабоченности. И становится она все более сложной и редкой, поскольку число предохранительных мер растет, а полная безопасность по-прежнему остается недостижимой.

Одним майским утром 1610 г. посланец из Лувра прибывает в Арсенал, когда Сюлли принимает ванну. Складывается весьма непростая ситуация: Сюлли готов немедленно предстать перед королем, который его призывает, однако окружение министра и сам посланец уговаривают его не подвергать себя воздействию уличного воздуха: «Застав вас в ванне и видя, что вы хотите из нее выйти, чтобы исполнить повеления короля, он вам сказал (а мы были рядом с вами): “Сударь, не выходите из ванны, я боюсь, что если бы король, который столь тревожится о вашем здоровье и столь в нем нуждается, знал, в каком состоянии вы находитесь, то сам бы пришел сюда”»²⁹. Посланец Генриха IV решает вернуться в Лувр: он доло-

²⁶ *Monteux H. de. Conservation de santé et Prolongation de la vie. P., 1572. P. 96.*

²⁷ *Paré A. Op. cit. P. 1154.*

²⁸ *Ibid.*

²⁹ *Sully M. de. Mémoires. P., 1662. T. IV. P. 427.*

жит обо всем королю и получит новые приказания. Никого из присутствующих не удивляет, что подобные обстоятельства могут вторгаться в отношения между королем и его министром. Напротив, все настаивают, что Сюлли не следует подвергать себя опасности. И Генрих IV одобряет принятые меры предосторожности: «Сударь, король приказывает вам завершить мытье и запрещает вам сегодня покидать свои покои, ибо г-н Дю Лоран заверил его, что это повредит вашему здоровью»³⁰. Иначе говоря, был созван совет. Собраны разные мнения. Источник озабоченности очевиден, поскольку обращаются и к Дю Лорану, королевскому медику. Эпизод обретает очертания «государственного дела» и приводит в движение немалое количество народа. Но это еще не все, поскольку «опасность» остается реальной на протяжении нескольких дней: «Он повелевает вам ожидать его завтра в халате, домашних туфлях и ночном колпаке, чтобы недавнее купание не причинило вам вреда»³¹. Другими словами, соприкосновение с жидкостью способно «повредить». В каком-то смысле это характеристика «последствий» мытья как такового.

Вся эта суета вокруг ванны — отнюдь не много шума из-за пустяка: она показывает, что в XVII веке вода устойчиво ассоциируется с инфильтрируемостью тела, подтверждая тем самым главенствующую роль идеи о проницаемости его оболочек. Наконец, сам драматизм этой сцены парадоксальным образом свидетельствует, сколь редкостной была процедура принятия ванны.

Полвека спустя, когда врачи Людовика XIV решают прописать королю ванну, они исходят исключительно из медицинских соображений. У пациента «дрожь, приступы буйства, конвульсивные движения <...>, затем появилась

³⁰ *Sully M. de. Op. cit. P. 428.*

³¹ *Ibid.*

сыпь: красные и фиолетовые точки на груди»³². Купание может способствовать выздоровлению. Оно «увлажнит» тело, перенесшее за несколько дней восемь кровопусканий. Но и тут необходимы меры предосторожности: накануне слабительное и очищающий клистир, чтобы предотвратить переполнение желудка, которое может вызвать просачивающаяся вода; покой, чтобы не усилить жара; прекращение процедуры при малейшем признаке дурноты, чтобы избежать любых неожиданностей: «Я велел приготовить ванну, король вошел в нее в 10 часов, и на протяжении всего дня у него тяжесть и глухая боль в голове, которой никогда раньше не было, и во всех телодвижениях заметное изменение по сравнению с предыдущими днями. Я не хотел настаивать на повторной ванне, ибо заметил достаточно дурных последствий, чтобы понудить короля ее оставить»³³. Процедуру немедленно прерывают. Год спустя Фагон очень осторожно испробует ее в течение нескольких дней — в последний раз. «Король так и не пожелал свыкнуться с комнатной ванной»³⁴.

Озабоченность существует подспудно и принимает разные формы, как будто любое соприкосновение воды с телом по определению тревожно. Иногда проникновение воды, именно в силу насильственного характера, способствует восстановлению утраченного равновесия. Но глубинное потрясение, которое оно вызывает, требует неуспной бдительности. Открывающиеся отверстия, обмен, давление на гуморы — все это в первую очередь ведет к расстройству. Последствия тут могут быть самые разнообразные: «Купание без медицинской рекомендации и насущной необходимости не только не нужно, но чрезвычайно опасно для человека <...>. Оно разрушает

³² *Aquin A. d', Fagon G.-C., Vallot A. Journal de la santé du roi Louis XIV (1647–1711). P., 1862. P. 67.*

³³ *Ibid. P. 73.*

³⁴ *Ibid. P. 92.*

тело и, наполняя его, делает более восприимчивым к дурным качествам воздуха <...>, а вялые тела более болезненны, и существование их короче, нежели у крепких тел. Мытье наполняет голову парами. Опасно расслабляет нервы и сухожилия, и тот, кто никогда не жаловался на подагру, начинает ее чувствовать после мытья. Горячая ванна может убить плод в теле матери <...>»³⁵. В этот перечень разнообразных расстройств входят также «грудная слабость»³⁶, гидropsия и многочисленные недомогания, вызываемые испарениями³⁷.

Конечно, XVII столетие пыталось принять меры, чтобы оградить себя от подобных нападений, но процедура от этого только усложнялась. Что касается предосторожностей, то и они были продиктованы представлениями о пористости кожи. В 1615 г. Гийон рекомендует накануне мытья подвергнуть себя воздействию жара сухой парильни³⁸: это избавит тело от жидкостей и сделает проникновение воды менее опасным. Правила безопасности перед принятием ванны становятся все более обширными и сложными, однако факт проникновения воды в тело, равно как и сопряженные с ним опасности, остаются неизменным. Самое кардинальное — и вполне сумасбродное — решение этой проблемы было предложено Бэконом, который в 1623 г. потребовал, чтобы вода для мытья по своему составу была идентична внутрителесным жидкостям. Разве не должна она компенсировать вытекшие субстанции, не причинив вреда своим вторжением? Значит, нужно усовершенствовать составы для мытья,

³⁵ *Renaudot T.* Recueil général des questions traitées es conférences du bureau d'adresse. P., 1655. Т. II. P. 533.

³⁶ *Blégny N. de.* Livre commode des adresses de Paris. P., 1878. P. 184 (первое издание вышло в 1692 г.).

³⁷ *Rebecque C. de.* L' Apothicaire français charitable. Lyon, 1683. P. 474.

³⁸ *Guyon L.* Façon de contregarder la beauté <...> // Cours de médecine théorique et pratique. Lyon, 1689. Т. II. P. 221 (первое издание вышло в 1615 г.).

сделать их схожими с телесными, и тогда обмен между ними будет менее опасен: «Первое и главное требование должно быть в том, чтобы в состав ванны входили вещества, схожие по субстанции с плотью и телом и способные поддерживать и укреплять внутренности»³⁹. Конечно, все это несбыточные мечты, еще одна вариация на тему инфильтрации.

Эпидемии чумы обострили ощущение проницаемости границ тела: оно беззащитно перед чумным ядом. Столь быстрое и ужасное заражение заставляло предположить, что его активный принцип может проникать не только через дыхание, но и через кожу. Самая большая опасность должна грозить наиболее пористым телам. Организмы, приходящие в упадок за несколько часов, без сомнения, относятся к числу самых «проницаемых». Вот каково было обличье подлинной опасности. Таким образом, укоренившись благодаря чуме, эти страхи получили затем широкое распространение. Страх перед мытьем вышел за рамки эпидемии, а проницаемость кожи превратилась в источник постоянной озабоченности. Именно о ней думает в 1611 г. Эроар, предписывая юному Людовику XIII комнатный режим после двухкратного принятия ванны⁴⁰. Именно ее держит в уме Ги Патен, который время от времени упоминает ванну в своих медицинских трудах, но не говорит о ней ни слова в трактате о здоровье⁴¹. Главное место отводится ее механическим последствиям, амбивалентным в терапевтическом плане. И неверно было бы видеть в гравюре Р. Боннара «Дама, собирающаяся принять ванну»⁴² намек на обратное положение ве-

³⁹ Bacon F. Histoire de la vie et de la mort / Trad. P., 1647. P. 392 (ориг. изд.: London, 1623).

⁴⁰ Héroard J. Journal sur l'enfance et la jeunesse de Louis XIII (1613–1628). P., 1868. Т. II. P. 70.

⁴¹ Patin G. Lettres. P., 1846. Т. I. P. 109 (первое издание вышло в 1683 г.); Patin G. Traité de la conservation de la santé. P., 1682.

⁴² Bonnard R. Une dame qui va entrer au bain. P., 1691. Estampe BN.

щей. Да, сцена кажется интимной, несмотря даже на роскошь обстановки. Не видно ни врачей, ни лекарств. Служанка хлопочет вокруг разукрашенной ванны, покрытой кружевами, окруженной драпировками и увенчанной балдахинном. Из двух фигурных кранов, вделанных в стену, льется вода. Дама в шелках принимает цветок, который ей протягивает элегантный кавалер. Ситуация изысканна до аллегоризма. Может быть, ванна здесь — признак утонченности или любовная забава? Однако объяснение происходящему дает подпись рецептурного характера: «Ванна, принятая кстати, служит мне лекарством и остужает снедающий меня пламень»⁴³. Несмотря на эротическую двусмысленность, опрятность имеет ко всему этому лишь косвенное отношение. Речь идет о восстановлении утраченного равновесия и о том, что принимать ванну следует «кстати». Сама по себе вода — источник дисбаланса.

Прежде чем говорить о роли подобных представлений и об их значимости, необходимо оценить силу их воздействия на воображение. Они проявляются в различных областях, но повинуются единой логике.

В XVI веке меняется взгляд на детство: упор теперь делается на его хрупкость, что быстро актуализирует соответствующие представления. Кроме того, опять-таки в XVI веке широкое распространение получает тема инфильтрации. Считается, что тело новорожденного сплошь покрыто порами; отсюда необходимость массажа,

⁴³ *Bonnard R. Op. cit.* Что касается Одиже, то он косвенно подтверждает, что мытье в XVII веке не занимает значительного места. Описывая навыки, которыми должна обладать горничная на службе у благородной дамы, он уделяет много внимания уходу за бельем, умению располагать ленты и кружева и делать прически, а кроме того, упоминает «умение приготовить ножную ванну и мази для очистки рук» (Р. 102). На службе у благородного человека подобные навыки не нужны. Там требуется умение «брить и причесывать» и «держат одежду господина в чистоте и опрятности» (*Audiger. La Maison réglée. 1691. P. 51*).

на сей раз сочетающего воздействие руки и теплой воды. Теплая ванна должна очистить кожу от родовой крови и слизи и помочь придать телесным членам желаемую форму. Для такой лепки повитухи и используют жидкость. Погружение в воду позволяет произвести морфологические коррекции: «Также не забудьте, пока кости его членов размягчены после купания в теплой ванне, осторожно распрямить их и придать каждому ту форму, которая необходима для совершенства целого»⁴⁴. Итак, купание в первые дни жизни многофункционально, причем важна здесь далеко не только чистота. Особые приемы нужны именно потому, что тело пропитывается водой, которая помогает «придать членам необходимую форму»⁴⁵. В силу тех же соображений кожа младенца, менее прочная, чем любая другая, требует постоянных присыпок: «Чтобы укрепить кожу и предохранить ее от внешних воздействий, способных повредить ей из-за ее хрупкости, следует посыпать ее толчеными ракушками, которые могут быть найдены у любой реки или болота, или порошком из коровьего рога, или хорошо размельченной свинцовой крошкой, смешанной с вином»⁴⁶. Кожа должна быть насыщена самыми разнообразными веществами. Чтобы заткнуть поры, годятся и соль, и масло, и особенно воск. Тело даже вошат как предмет, требующий защитного глянца: «Как только ребенок выйдет из чрева, его следует обсыпать розами, истолченными с солью, дабы укрепить его члены»⁴⁷.

Свивальник, который закрывает уже обработанную кожу и стягивает члены, предварительно «умасненные ро-

⁴⁴ *Sainte-Marthe S. de. La Manière de nourrir les enfants à la mamelle.* P., 1698. P. 52 (первое издание вышло в XVI веке).

⁴⁵ *Valembert S. de. Cinq Livres de la manière de nourrir et gouverner les enfants.* Poitiers, 1565. P. 46.

⁴⁶ *Rodion E. Des divers travaux et enfantements des femmes / Trad.* P., 1583. P. 94 (первое издание вышло в 1537 г.).

⁴⁷ *Glainville B. de. Le Propriétaire des choses très utiles et profitables au corps humain.* P., 1518. S.p. (первое издание вышло в XIV веке).

зовым или черничным маслом <...> для закрытия пор»⁴⁸, имеет очевидную защитную функцию. Из тех же соображений младенцев довольно скоро прекращают купать. Иначе есть опасность, что и без того влажный организм будет пребывать в состоянии постоянной расслабленности. Мытье может помешать постепенному осушению плоти, которое и есть рост. Материал останется слишком податливым. С того момента, как новорожденный «выглядит опрятно, румян и всем телом красен»⁴⁹, возобновлять купания опасно. Так, дофиню, будущему Людовику XIII, до шестилетнего возраста не моют ноги выше ступней. После краткого купания при рождении следующее погружение в воду происходит только в семь лет⁵⁰.

Уязвимость пор вызывает беспокойность по разным линиям: они пересекаются и продолжают друг друга. Прежде всего, горячая вода поражает пассивное тело, пропитывая его и оставляя «открытым». Когда речь идет о детях, возникает к тому же целый ряд сравнений с мягкими и клейкими веществами: просто появляется искушение придать форму податливым членам. В конечном счете проблема состоит в том, чтобы соизмерять опасность купания с проницаемостью кожного покрова.

СУХОЙ ТУАЛЕТ

Все эти опасения и диктуемые ими тактики отвечают иной логике, нежели сегодняшние меры предосторожности, и предполагают совершенно чуждые нам представ-

⁴⁸ *Paré A.* Op. cit. P. 947.

⁴⁹ *Ettmuler M.* *Pratique de médecine spéciale.* Trad. Lyon, 1691. Т. II. P. 484 (первое издание вышло в 1685 г.).

⁵⁰ *Héroard J.* Op. cit. Т. I. P. 349: «Первое купание, посажен в ванну, вместе с ним Мадам (его сестра)».

ления о функционировании тела. К тому же они мало связаны с соображениями гигиены, хотя иногда оказывают на нее определенное давление. Такого рода «влияние» безусловно реально. Когда в книгах о здоровье XVI столетия упоминаются, скажем, некоторые телесные запахи, то констатируется и необходимость от них избавиться. Однако притирания и духи в подобных случаях считаются предпочтительней мытья. Следует протереть кожу надушенной материей: «Когда подмышки воняют козлом, следует собрать пучок роз и натереть ими кожу»⁵¹. Усердно втирать, чтобы придать приятный запах, но не мыть.

Не менее показательны в этом смысле и правила благопристойности. Начиная с XVI века именно они служат мерилom приличия и придворных вкусов. В учебниках хороших манер есть детальное описание «благородного» поведения во всех его бытовых подробностях: берутся ситуации конкретные, обыденные, общественные или частные, и рассматриваются с точки зрения приличий. В этих текстах часто упоминается и «телесная опрятность». Не так уж важно, что ванна в них не фигурирует, поскольку внимание сосредоточено на видимых частях тела — руках и лице: «Умывать утром лицо холодной водой не только пристойно, но и полезно»⁵². Иногда благопристойность еще теснее увязывается с гигиеной: «Мыть руки и лицо сразу после того, как встал с кровати, опрятно и здорово»⁵³.

Но предубеждение против воды характерно и для этой категории текстов. Начиная с XVII века жидкости воспринимаются с тем большим недоверием, что лицо «легко увязимо». Многие предписания той эпохи касают-

⁵¹ *Monteux H. de. Op. cit. P. 265.*

⁵² *Érasme D. La Civilité puérile. P.: Ramsey, 1977. P. 66 (первое издание вышло в 1530 г.).*

⁵³ *Anonyme. Bienséance de la conversation. Pont-à-Mousson, 1617. P. 34.*

ся протираания, а не умывания: «Пусть дети протирают лицо и глаза куском белой ткани, это позволяет счистить грязь и сохранить естественный цвет лица. Умывание водой вредит зрению, способствует болезням зубов и катарам, делает лицо бледным и более чувствительным к зимнему холоду и летнему зною»⁵⁴. Перед нами те же страхи, что и по поводу купания. Они влияют на навыки, модифицируя их. Речь идет уже не собственно о «мытье», хотя требование опрятности сохраняется (и в каком-то смысле уточняется). Один жест сменяется другим – вместо обливания возникают обтирания. Проследить влияние представлений о теле не составляет труда: проницаемая кожа уязвима для любых болезней.

Уже в начале XVII века дотошный гигиенист Жан дю Шен, перечисляя процедуры, следующие за утренним подъемом, настаивает на обтираниях. До этого о воде не было ни слова. Приведение себя в порядок связывается именно с обтирающим жестом. Это «сухой» и достаточно активный туалет: «Облегчив живот, следует причесаться и протереть голову, спереди назад, вместе с шеей, тканью или приспособленными для того губками, и продолжать это занятие до тех пор, пока голова не будет очищена от грязи. Протирая голову, можно прохаживаться, чтобы понемногу разминать руки и ноги»⁵⁵. Далее следует чистка ушей и зубов, но вода появляется лишь при ополаскивании рта и рук. Существует множество описаний утреннего туалета Людовика XIV, где фигурирует богато украшенный кувшин на серебряном блюде⁵⁶, из которого королю поливали руки водой, смешанной с винным спиртом.

⁵⁴ *Anonyme*. La Civilité nouvelle contenant la vraie et parfaite instruction de la jeunesse. Basle, 1671. P. 69.

⁵⁵ *Chesne J. du*. Le Portrait de santé. P., 1606. P. 361.

⁵⁶ *Saint-Simon L. de*. Mémoires. P.: Éd. Boissile, 1879–1928. T. XXVIII. P. 336.

Однако весь этот ритуал не предполагал умывания лица. А то, что зеркало держал слуга, подчеркивало «отсутствие поблизости туалетного столика»⁵⁷.

На более скромном уровне обтирания закрепляются в качестве нормы в уставах некоторых учебных заведений XVII в. Ученицы Жаклин Паскаль, равно как и воспитанницы урсулинок, встав с постели, ополаскивают руки и рот. Лицо же они, напротив, «протирают». В завершение туалета — уход за волосами, причем старшие причесывают младших. Использование воды по-прежнему ограничено. Воспитанницы урсулинок сперва одеваются и прибираются, а уж потом ополаскивают руки и рот: «Одевшись и быстро сложив свое рукоделие в туалетный стол, они должны вымыть рот и руки»⁵⁸. У Жаклин Паскаль, создавшей своеобразную оркестровку утреннего подъема, вода смешивается с вином для придания ей кислоты, однако предназначена она опять-таки не для лица: «Пока они убирают свои постели, одна из них готовит завтрак и все необходимое для мытья рук, и воду с вином, чтобы ополоснуть рот»⁵⁹. Еще в XVIII веке Жан-Батист де Ла Саль считал необходимым придерживаться подобных рекомендаций, ибо скрывающиеся за ними страхи были слишком серьезны, чтобы исчезнуть в одночасье: «Пристойно каждое утро протирать лицо белой тканью, дабы очистить его от грязи. Хуже умывать лицо водой, поскольку это делает его более чувствительным к зимнему холоду и летнему зною»⁶⁰. В 1746 г. Ретиф, посещая Школу певчих госпиталя Бисетр, проделывает те же процедуры. Применение воды по-прежнему допускается в строгих

⁵⁷ *Saint-Simon L. de*. Op. cit. Т. XXVIII. P. 340.

⁵⁸ *Ursulines. Règlements des religieuses ursulines de la congrégation de Paris*. P., 1705. Т. I. P. 131 (первое издание вышло в 1650 г.).

⁵⁹ *Pascal J. Règlement pour les enfants* (P., 1657) // *Pascal J. Lettres et Mémoires*. P., 1845. P. 232.

⁶⁰ *La Salle J.-B. de. Les Règles de la bienséance chrétienne*. Reims, 1736. P. 11.

границах: «Ни единый миг не терялся попусту: после подъема утренняя молитва, полоскание рта водой, смешанной с уксусом, завтрак»⁶¹. Эти обтирания весьма любопытны как пример того, что отказ от воды не отменяет заботы об опрятности. Существует норма, предполагающая определенный инструментарий и набор процедур. Напротив, ограничение мытья лишь способствует ее насаждению.

Беглый взгляд на приведенные тексты может заставить предположить, что начиная с XVI века требования к гигиене понижаются. Ведь речь идет о частичном отказе от воды! Но, приглядевшись, мы убеждаемся, что перед нами некоторое смещение акцентов: большее внимание уделяется обтираниям, белизне ткани, уязвимости и цвету кожи. Посвященные им тексты увеличиваются в объеме и становятся более детальными, как если бы необходимость в мерах предосторожности возросла. Если, к примеру, взять учебники хороших манер, то многие темы начинают разрабатываться более подробно. По сравнению с трактатом Эразма (1530) в руководстве Жана-Батиста де Ла Салья (1736) нормы становятся строже, хотя Эразм как раз упоминает необходимость умывания. Ла Саль шаг за шагом рассказывает об уходе за волосами, которые необходимо подстригать и расчесывать, регулярно очищать с помощью пудры и отрубей (но не мыть), об уходе за полостью рта, которую надо прополаскивать по утрам, тщательно протирая зубы, об уходе за ногтями, которые «следует обрезать каждую неделю»⁶². Все это есть и у Эразма, но описание его более сумбурно и менее развернуто. Текст Эразма – это быстрая череда зарисовок и предписаний; во всяком случае, он короче. К примеру, необходимость причесываться выражена там более сжато: «Не причесываться было бы недопустимой

⁶¹ *Rétif de La Bretonne N. Monsieur Nicolas*. P., 1924. Т. I. P. 138 (первое издание вышло в 1794 г.).

⁶² *La Salle J.-B. de*. Op. cit. P. 34.

небрежностью, но, если хочешь соблюсти благопристойность, не следует разукрашивать себя, как делают девки»⁶³. Ла Саль же в таких случаях говорит о способах и частоте ухода за волосами, описывает и разбирает его возможные формы. В итоге эти комментарии складываются в общую систему. Это относится и к уходу за лицом. Применение воды ограничивается. Но сама норма, благодаря неусыпному вниманию к малейшим подробностям, не только сохраняется, но и ужесточается. В пределе обтирания, обставленные таким количеством комментариев, могут стать частью новых требований. Забота об опрятности не снята с повестки дня, изменилось лишь ее преломление: тон здесь задают актуальные представления о теле. К тому же, конечно, мы не должны исходить из современных критериев: необходимо признать, что чистоплотность может определяться, помимо мытья, и иными факторами.

Но проблема этим не исчерпывается. Между XVI и XVIII веками, т.е. в тот момент, когда обретает форму страх перед чумной заразой, почти полностью отмирает ранее существовавший институт общественных бань и исчезает практика домашнего мытья. Можно предполагать, что образ проницаемого тела действительно сыграл здесь главную роль. Подобные практики заслуживают особого внимания: именно они оказались непосредственно затронуты отказом от воды. Почти полное их исчезновение и заставляет говорить об упадке гигиенических норм.

III. ВНЕШНИЙ ОБЛИК

Распространившись на нижнее белье, опрятность расширяет свою сферу влияния. Ее очертания становятся

⁶³ *Érasme D. Op. cit. P. 66–67.*

ся четче, а кодекс — строже: помимо традиционных лица и рук, в него теперь входят еще и манжеты, воротники, вуали и брыжи всех сортов. Вырисовывается некая карта с пересечениями силовых линий и россыпью точек притяжения. Набор знаков и мест становится тем самым более разнообразным.

Отличающая опрятность

Статус слова «опрятность» по-настоящему изменяется в XVII веке, в языке эпохи Людовика XIII и Людовика XIV. Чаще всего его можно встретить в портретах и описаниях, где оно выступает в качестве вердикта. Это деталь зарисовок, необходимый нюанс, иногда — характеристика манер и поступков. В любом случае оно заметно, а потому всегда значимо, смысловая же нагрузка не позволяет ему стать общим местом. В устах Таллемана это емкая и ясная оценка: «Я тысячу раз видел одного глухонемого, достаточно хорошо сложенного и довольно опрятного»⁶⁴. А вот маркиза де Сабле, наоборот, «всегда восседает на постели как квашня, причем постель не опрятней самой дамы»⁶⁵. Что же касается жены канцлера Сегье, то она «никогда не была красива, но всегда опрятна»⁶⁶. Сен-Симон в сходных выражениях говорит об «изысканной опрятности госпожи де Конти»⁶⁷ или о «благородной и опрятной»⁶⁸ манере одеваться госпожи де Ментенон. Как и Таллеман, он не видит необходимости давать разъяснения: этим словом все сказано, а значение

⁶⁴ *Tallemant des Réaux G. Historiettes. P.: Gallimard, Pléiade, 1960. T. II. P. 827* (написано в 1659 г.).

⁶⁵ *Ibid. T. I. P. 519.*

⁶⁶ *Ibid. P. 615.*

⁶⁷ *Saint-Simon L. de. Op. cit. T. XIII. P. 284.*

⁶⁸ *Ibid. T. XXVIII. P. 253.*

его, по-видимому, устоялось. Но сам факт упоминания, как и его сравнительная редкость, еще раз свидетельствует о том, что опрятность является знаком отличия. Им отмечены далеко не все, это проявление редкой благовоспитанности. Когда ссылки на опрятность учащаются и становятся более определенными, можно утверждать, что позиции ее усилились. Произнесение этого слова сразу же устанавливает систему различий.

В общих чертах речь идет о необходимости проиллюстрировать то, что нельзя назвать само собой разумеющимся. К примеру, когда во время Фронды госпожа де Ла Гетт останавливается на ночлег в замке Бовиллье, она просит одолжить ей на ночь какую-нибудь служанку. Хозяин замка видит в этом плохо замаскированную уловку: он подозревает, что его гостя на самом деле «очень важный вельможа», вынужденный из-за политических смут скрываться под чужим обличем. Поэтому он полон угодливого рвения: «Сударыня, тут есть лишь одна довольно сносная, и я вам сейчас же ее пришлю». Появляется молодая женщина, хорошо одетая и ухоженная: «Вошла девушка, весьма нарядная и очень опрятная»⁶⁹. Этим все сказано: для создания образа хватает одного слова. Изыщество девушки превосходит ожидания госпожи де Ла Гетт, а упоминание опрятности свидетельствует о ее удивлении. Этого слова как будто достаточно, чтобы сразу создать представление об исключительных манерах, достоинстве и особой благовоспитанности. Это немедленный знак отличия.

Но тут-то мы и сталкиваемся с изменением статуса слова. В XVII веке опрятность столь часто связывается с благородными манерами, что в конце концов становится их частью. Это отождествление понятий оказывает давление и на само слово: поскольку опрятность частично

⁶⁹ *La Guelle Mme de. Mémoires*. P.: Mercure de France, 1982. P. 116 (первое издание вышло в 1681 г.).

определяется внешним лоском, то это позволяет их уравнивать. Один термин может быть замещен другим. Происходит определенный сдвиг: неотъемлемая черта благородного облика, «опрятность» может служить и характеристикой благородства в целом. Благодаря этому традиционно-занудные песни по поводу «суетности уборов» обретают иное звучание. И не только потому, что придворное общество отвергает обвинение в суетности. Очевидно, что оно никак не может его принять. Меняется сама логика рассуждения. Отсутствие уборов можно теперь осудить как недостаток опрятности, т.е. как недопустимую небрежность. Различие между неопрятностью, неотесанностью и строгостью наряда размывается. Одно ассоциируется с другим. Собеседницы госпожи де Ментенон высказываются по этому поводу предельно ясно. Можно ли пренебрегать украшениями, «разве неопрятностью добиваются уважения»?⁷⁰ Ответ не оставляет ни малейшего сомнения: опрятность — это еще и особая «манера»: наряды должны быть хорошо скроены, по моде... К чистоте следует добавить элегантность. Одно невозможно без другого. В итоге для их обозначения достаточно одного прилагательного. И когда Таллеман говорит, что свита маршала де Граммона была «опрятна и хорошо одета», то, без сомнения, это определение вбирает в себя понятия порядка и приличия⁷¹.

В этом смысле показательна эволюция учебников хороших манер. Труды о «пристойности детских нравов» и, конечно, наставления для придворных уделяют, вслед за Эразмом, все больше внимания одежде. Однако ее опрятность далеко не сразу связывается с чистотой белья. Приличный наряд всегда в той или иной мере предполагает следование моде и обычаям: «Я хочу, чтобы наряд придворного был опрятен и благопристойен, чтобы он отве-

⁷⁰ *Maintenon Mme de. Education morale, choix de lettres.* P., 1884. P. 334.

⁷¹ *Tallemant des Réaux G. Op. cit. T. I. P. 531.*

чал требованиям скромности и благородства»⁷². Проходит немного времени, и эта совокупность свойств может быть передана одним словом. Когда придворный «опрятен», то этим все сказано: «Опрятность — это соответствие наряда человеку, так же как благопристойность — соотношение наших действий с окружающими, и потому, если мы хотим быть опрятными, наш наряд должен соответствовать нашей фигуре, положению и возрасту <...>. Имя закону, которому следует безусловно подчиняться в вопросах опрятности, — мода, и перед этой всемогущей властительницей должен склониться разум»⁷³.

Коль скоро опрятность целиком сводится к соображениям приличия и уместности, то эта характеристика приложима к самым разным группам и предметам. «Галантный Меркурий», описывая роскошный праздник, устроенный Кольбером в его новом замке Со и завершившийся фейерверком, не жалеет похвал: «Украшения и обстановка отличались той удивительной опрятностью, которая поражает взор не менее необычайной пышности». Крестьянки из окрестных деревень тоже постарались не ударить в грязь лицом. Надев лучшие наряды, они устроили танцы, тем самым продемонстрировав свою «опрятность»: «Все дороги были покрыты навесами из веток, под ними танцевали крестьянки, которые употребили все средства, чтобы предстать опрятными <...>»⁷⁴. Покои замка и скромные поселянки охарактеризованы одним и тем же словом: ведь в обоих случаях на всеобщее обозрение выставлено все самое лучшее.

Аналогичное словоупотребление мы находим и в рассказе о посещении в 1692 г. Сен-Сира епископом Шартрским. Та же амальгама значений: в учебном заведении

⁷² Castiglione B. *Le Parfait Courtisan* / Trad. P., 1624. P. 214 (написано в XVI веке).

⁷³ *Le Mercure galant*. P., 1677. Juillet. P. 274.

⁷⁴ *Ibid.* P. 280.

госпожи де Ментенон все «опрятно». Все на своем месте. Остается только восхищаться богатством предметов и симметрией их расположения. Достопочтенный епископ хочет осмотреть все. Три дня он обходит службы, сады, дортуары. Для него отворяют бельевую, он задерживается в церкви: как тонко тут белье, как величественна там деревянная резьба, — одним словом, во всем неподражаемая «опрятность». Епископ заглядывает в каждую келью, и все они, конечно, «чрезвычайно опрятны», везде имеется кружка и кувшин с водой. Зато об их отсутствии в дортуаре пансиона не упоминается ни словом. Собственно, слово «отсутствие» здесь неуместно, поскольку этот вопрос вообще не встает. Опрятность — это упорядоченность, мечта о правильности линий и элегантности. «Соразмерность» берет верх над «чистотой». Об этом так или иначе говорит каждый пример; «По обе стороны первой кафедры располагаются две часовенки, сделанные из дерева и стекла по подобию самой церкви, и одна из них, *весьма опрятно* убранная, украшена *весьма опрятной* железной решеткой, длиной около двух с половиной футов и высотой в три фута»⁷⁵.

Если говорить об одежде, то XVII век перестает проводить различие между модой и опрятностью. Опрятность — это прежде всего уважение канона. Подобное слияние элегантности и чистоты возможно лишь при признании абсолютного первенства внешнего вида, а необходимым условием переосмысления термина является систематическое предпочтение «внешнего». Это обновленное значение не возникло бы, если бы опрятность не стала ассоциироваться с тканями. Оно пользуется успехом, поскольку лежит в русле общих представлений, характерных для XVII века: опрятность — это часть искусства представления. В широком смысле имеется в виду ее

⁷⁵ «Procès verbal de la visite de l'évêque de Chartres à Saint-Cyr». Versailles, 1692. См.: *Lavallée T. Histoire de Saint-Cyr*. P., 1866. P. 309.

причастность к определенной общественной модели: королевскому двору как зрелищу и образцу для подражания. Дело здесь не только в очевидной знаковости одежды. Перед нами уже вполне сознательное культивирование иллюзионизма. Придворное искусство — искусство представления в точном смысле этого слова. Праздник в Со и оперные спектакли в Версале суть явления одного порядка: превыше всего в них ценится зрелищная сторона и чисто сценическая тактика. Таково все барочное искусство, в котором выставление напоказ является одновременно и средством маскировки: оно увлечено театральностью жеста, внешним блеском. Ведь и крестьянки в Со опрятны постольку, поскольку превратили свои улицы в сцену. Иллюзия длится, покуда сохраняется эта относительная упорядоченность. Все инвестируется в зрительный обман⁷⁶. В этом смысле белье весьма показательно, поскольку оно подается как знак того, что скрыто от глаз. Оно кажется тем, чем на самом деле не является. У него чисто представительские функции. Согласно строгому коду, каждая деталь внешнего вида коррелирует с остальными. Важно лишь видимое. И — по крайней мере для тех, кто диктует правила, — оно и определяет целое. Никогда нельзя пренебрегать деталями: как в композиции картины, здесь все продумано и неслучайно, и ни одну из частей нельзя рассматривать по отдельности.

Именно в силу подобной солидарности многие элементы становятся взаимозаменяемыми. Манера носить шляпу или чистота одежды — разве это не вещи одного ряда? «Во всем необходима опрятность. Не носите шляпу на затылке и не надвигайте ее на глаза, как делают фанфароны и сумасброды <...>. Не носите грязной, рваной, пыльной или вытертой одежды, возьмите за правило раз

⁷⁶ *Beaussant P. Versailles opéra. P.: Gallimard, 1981.*

в день чистить и вытряхивать ее»⁷⁷. Так множатся описания, в которых слово «опрятность» относится прежде всего к одежде, приобретая значение, в общем-то не свойственное ему теперь. Опрятность выражается не только в «белизне», но и в форме. Она касается не только материи, но и силуэта. С одной стороны, это чистота, с другой — внешняя благопристойность, признак благородства, и клубок этот распутается лишь с течением времени.

Но искусство представления не сводится к костюму. Картина продолжает усложняться. Теперь надо заняться переделкой лица. Начиная с XVI века притирания изменили его черты: бледные белила «Клуэ» и еще более бледные «Бронзино» придают коже алебастровый оттенок⁷⁸. На этом ровном опаловом фоне — алая прорезь губ. Все линии отличаются восковой определенностью. Несколько десятилетий спустя их контрастно оттеняют румяна. В XVII веке у всех знатных детей, которых рисует Ларжильер, крахмального цвета лица украшены вишневым румянцем. И румянятся не только женщины. На картине того же Ларжильера «Людовик XIV с семейством» мы видим целое собрание набеленных и нарумяненных манекенов с подведенными бровями, чьи театральные позы лишь вторят неестественности их черт⁷⁹.

Иллюзию усиливает еще одна важная мера: волосы покрываются пудрой. Это меняет весь облик: кажется, будто поставлена задача всеми средствами достигать все большей искусственности. Итак, теперь волосы следует не расчесывать, а пудрить. У этой практики имеется своя

⁷⁷ *Anonyme*. *La Civilité nouvelle* <...>. P. 103.

⁷⁸ Картина А. Бронзино «Лукреция Панчатричи» (1550) хороший тому пример. По этой теме см. недавнюю работу П. Перро (*Perrot P. Le Travail des apparences ou les transformations du corps féminin, XVIII–XIXe siècle*. P.: Seuil, 1984), который констатирует: «Ренессанс и классическая эпоха отличались редкостной грязью, однако красились от души» (P. 33).

⁷⁹ *Largillière L. Louis XIV et sa famille* (1711). Londres, coll. Wallace.

история. Пудру издавна использовали как сушащее средство. С ее помощью можно обойтись без мытья волос, не нанося урона их гибкости. Пудра заменяет безусловно небезопасную воду: «Даже если бы нужно было проредить волосяной покров на голове, к мытью все равно следовало бы прибегать с большой осторожностью <...>. Вместо этого втирайте прожаренные в печи хлебные отруби, почаще их меняя, или перед сном хорошо посыпьте волосы какой-нибудь сушащей и очищающей пудрой, а утром избавьтесь от нее при помощи расчески»⁸⁰. Пудра имела длительный успех при дворе Генриха III. Благодаря приятному запаху она стала не столько чистящим, сколько косметическим средством для волос.

Когда спустя несколько десятилетий аристократия начинает систематически пудриться, то объяснить это можно тем, что пудра акцентирует внешний вид. Она частично окрашивает и тем самым упорядочивает шевелюру. Общий облик становится еще более искусственным. Требуется как можно лучше замаскировать «натуру», как бы уплотнить завесу между взглядом и телом. По сути, это продолжение культа иллюзорности. Постепенно она распространяется на все видимое: как и покроем одежды, пудренные волосы становятся категорией опрятности. В качестве дополнительного штриха к общему виду они немедленно пополняют список требований, предъявляемых к физическому облику. Волосы пудрят даже те, чья жизнь не ограничена двором. Возьмем Бофора — противника усиления королевской власти, беспокойного и довольно бестолкового предводителя недовольных: как показывает его пример, к середине XVII века пудра для аристократических кругов постепенно становится нормой. Внешний вид этого смутьяна нередко «разочаровыва-

⁸⁰ *Liebault J. Trois Livres de l'embellissement et de l'ornement du corps humain. P., 1632. P. 215* (первое издание вышло в 1582 г.).

ет»: грязные воротнички, распущенные волосы. Однако правила Бофору известны. И стоит ему применить их на практике, как все приходят в восторг от его опрятности: «Вопреки обыкновению, он был наряжен. Этот самый неопрятный человек на свете явился с напудренной бородой и волосами, в пышном воротнике, синей перевязи и белом шейном платке: все присутствующие были изумлены такой опрятностью, и он принес им за нее свои извинения»⁸¹. Навык распространяется путем имитации. И вот уже матрона Скаррона принимает друга, лишь «заново причесавшись, завившись и напудрив волосы»⁸². Скаррон, конечно, подсмеивается над неловко и неуверенно двигающимися руками почтенной дамы. Однако именно эта внешняя форма и цвет и составляют самую суть опрятности. Норма задана. И Фюретьер, издеваясь над буржуа с их «темными, засаленными»⁸³ волосами, без сомнения, косвенно противопоставляет их пудре, которая для него нечто большее, чем признак утонченности. И, конечно, парик — высшему проявлению искусственности.

Роль пудры аналогична роли кружев на белье. Ее отсутствие становится признаком невоспитанности («неопрятности») или же знаком отречения от мира. В периоды разочарования кузина Людовика XIV, мадемуазель де Монпансье, демонстрируя тягу к аскезе, перестает пудриться, переделывает наряды и отказывается от некоторых привычек. Эти моменты социального отступничества фиксирует хроника ее несостоявшихся замужеств. Каждое горе, каждая обманутая надежда заставляет ее на время отказаться от некоторых знаковых деталей туалета.

⁸¹ *Montpensier A. de Mémoires*. P., 1735. Т. II. P. 196 (первое издание вышло в 1728 г.).

⁸² *Scarron P. Le Roman comique* (1651) // *Romanciers du XVII siècle*. P.: Gallimard, Pléiade, 1973. P. 560.

⁸³ *Furetière A. Le Roman bourgeois* (1666) // *Romanciers du XVII siècle*. P. 1048.

та и символов «опрятности». Отсутствие пудры красной нитью проходит через все эти периоды отрицания: «Я больше не ездила ко двору, не накладывала мушки и не пудрила волосы; я совсем пренебрегала прической, и волосы мои стали настолько неопрятными и длинными, что меня было не узнать»⁸⁴.

«ЧИСТЯЩИЕ» ДУХИ

У пудры есть еще одна, последняя функция: ее используют в качестве духов. В XVII веке она еще не имела того серебристого отлива, какой отличает белую взвесь, плотным слоем покрывавшую парики в следующем столетии. Она мерцает смутной, рассеянной белизной. И воспринимать ее нужно не только зрением, но и обонянием:

Дама никогда не заслужит одобрения,
Если ее голова не покрыта душистой пудрой⁸⁵.

В состав пудры входят сухие толченые эссенции⁸⁶. Их запах сочетается с неярким цветом. Иллюзия усложняется: теперь она не так очевидна, более изощрена. Опять маскировка — но несколько иного рода. Об этом говорят памфлеты начала XVII века, откликнувшиеся на очередное изменение моды: «Они все портят своими фальшивыми париками, посыпанными кипрской пудрой, чтобы заглушить более скверный запах»⁸⁷.

⁸⁴ *Montpensier A. de. Op. cit. T. I. P. 119.*

⁸⁵ *Anonyme. Discours de la mode. P., 1613. Цит. по: Quicherat J. Histoire du costume en France. P., 1877. P. 463.*

⁸⁶ *Renou J. de. Institutions pharmaceutiques. P., 1626. P. 186.*

⁸⁷ *Anonyme. La Mode qui court à présent et les singularités d'icelle. P., 1662. P. 3.*

В искусстве создания видимостей духи являются образцовым инструментом: они невидимы и потому тем более обманчивы. Пудрой пересыпают содержимое сундуков, чтобы за бельем закрепился ее запах. Иногда это позволяет не каждый день менять рубашку: «Бельевые коробки делаются как небольшие сундучки такого размера, что в них может поместиться двухдневный запас тонкого белья, потребный благородному человеку. Внутри и снаружи их обкладывают теми же душистыми материалами и материями, что и коробки для париков <...>»⁸⁸. К этому ряду относится и коричневая вода, которую следует «держатъ во рту», чтобы придать дыханию «приятный запах»⁸⁹; и курильницы, медленно источающие благовония, как это происходит на «великолепном» приеме⁹⁰, устроенном в честь Дона Карлоса в «Комическом романе», или же в галереях Сен-Жермена, когда туда вступает пышное посольство Солимана Аги⁹¹. Иногда ароматы так ударяют в голову, что открыть сундук становится настоящим испытанием. Когда в 1649 г. лакеи в Сен-Жермене распаковывают кофры королевы, присутствующим грозит удушье. Надо либо бежать, либо перестать дышать, пока их не проветрят. Такова логика запаха: он столь всепоглощающ, что останавливает дыхание⁹².

Однако духи не были открытием XVII века. Они многократно упоминаются в средневековых описях. Так, венгерская королева Клеманс, супруга Иоанна Гутина, к моменту кончины, т.е. в 1328 г., была обладательницей множества комков амбры, из которых один был украшен «золотом и камнями»⁹³. В инвентарной описи, сделанной

⁸⁸ *Barbe S. Le Parfumeur royal. P., 1691. P. 112–113.*

⁸⁹ *Guyon L. Op. cit. P. 338.*

⁹⁰ *Scarron P. Op. cit. P. 560.*

⁹¹ *Beaussant P. Op. cit. P. 88.*

⁹² *Montpensier A. de. Op. cit. T. I. P. 158.*

⁹³ *Douët d'Arcq L. Inventaire et vente après décès des biens de la reine Clémence de Hongrie (1328) // Nouveau Compte. P. 80.*

столетие спустя в замке Бо, упоминается «серебряная коробочка, а в ней мускус»⁹⁴. В королевских расходах с давнего времени есть записи о покупке розовой и жимолостевой воды и даже «виноградных листьев, роз и лаванды <...> для белья»⁹⁵. А в Броселианде, легендарном месте действия романа Кретьена де Труа (XIII веке), особым уважением пользуются придворные фрейлины, владеющие неким ученым знанием — умением получать розовую воду⁹⁶. Это свидетельствует и о ценности подобного навыка, и о его сравнительно малой распространенности.

И здесь реальные изменения также происходят в тот момент, когда белье начинает выставляться напоказ поверх одежды, а забота о его воздушной легкости приобретает систематический характер. Такое ощущение, что кружева должны особенно хорошо сохранять аромат духов: вспомним надушенные рубашки героев Маргариты Наваррской⁹⁷, благоухание «муфт и воротников» «ландышниц» Дюпона де Дрюсака⁹⁸ или же «имперское масло для стирки белья какого-нибудь великого властителя», которое описывается в «Секретах» Алексиса Пьемонте, чей труд несколько раз переиздавался на протяжении XVI века⁹⁹.

Вместе с бельем и правилами благопристойности этот вкус переходит в наследство XVII веку. Причем целый ряд требований уже можно не формулировать: они стали частью культуры привилегированных сословий, слишком «очевидной», чтобы нуждаться в оправдании.

⁹⁴ *Barthélémy L.* Inventaire du château des Beau en 1428 // *Revue des sociétés savantes*. P., 1877. Т. VI. P. 136.

⁹⁵ *Charbonnier P.* Guillaume de Murol. P.: Institut d'études du Massif central, 1973. P. 318.

⁹⁶ *Troyes C. de.* Perceval de Galois (XII à.). P., 1866–1867.

⁹⁷ *Marguerite de Navarre.* L' Heptameron (1548) // *Conteurs français du XVIe siècle*. P.: Gallimard, Pléiade, 1979. P. 789.

⁹⁸ *Dupont de Drusac G.* Controverses des sexes masculins et féminins. P., 1536. P. 62.

⁹⁹ *Piémontais A.* Les Secrets <...>. P., 1567.

Так, безусловно устарели томительные споры вокруг резких запахов, среди которых, в частности, обычно фигурировал чеснок — как укрепляющее средство, незаменимое при усталости и некоторых недугах. Поэтому, когда в XVI веке Буше с чуть заметной иронией восхваляет запахи, уже неприемлемые с точки зрения благопристойности, он все еще близок к народной культуре: «Чеснок — настоящая солдатская еда, как и лук, он повышает боевой дух <...>. И коли наши предки им питались, то и дышать им не стыдились <...>»¹⁰⁰. В XVII веке разрыв становится безоговорочным: между утонченными ароматами и всеми остальными запахами пролегает пропасть. Спорить теперь не о чем: «Чеснок да уксус по утрам»¹⁰¹ — еда, дарующая бодрость простонародью. Для тех же целей хорошо «держат в рту мирру»¹⁰². Но никому больше не придет в голову сравнивать эти два средства. Предпочтения определены чувствительностью и стоимостью. Кроме того, в парфюмерных и фармацевтических трактатах начинает складываться некоторая система различий, специально предназначенная для их читателей. В 1709 г. Лемери предлагает наиболее законченную классификацию, отделяя «королевские благовония» от «благовоний для буржуа» и «благовоний для бедных». Последние, впрочем, не имеют эстетической значимости. В их состав входит «обычное масло», смешанное с золой, и служат они лишь для «обеззараживания воздуха»¹⁰³.

XVII век наследует и ряд более ранних терапевтических представлений: благовония укрепляют силы. Их использование способствует телесной крепости, они «чудес-

¹⁰⁰ *Bouchet G. Les Sérées. Lyon, 1618. P. 140* (первое издание вышло в 1570 г.).

¹⁰¹ *Anonyme. <...> Préservatifs contre la peste. P. 19.*

¹⁰² *Ibid. P. 18.*

¹⁰³ *Lemery N. Recueil des plus beaux secrets de médecine. Amsterdam, 1709. P. 360–363.*

но обновляют мозг»¹⁰⁴ и очищают испорченный, опасный для здоровья воздух. Лучший тому пример — постепенная эволюция методов борьбы с чумой. Во время большой эпидемии 1348 г. в Авиньоне Шольяк в качестве спасительного средства рекомендует не только бегство, но и огонь: он очищает и «улучшает воздух»¹⁰⁵. Но мало-помалу как максимально эффективное начинает восприниматься именно горение душистых веществ. Ароматические испарения становятся бесспорными союзниками очистительного процесса. Сходным образом на смену сильным и стойким запахам, которые были призваны защищать рот во время чумы, постепенно приходят более нежные и «душистые»¹⁰⁶ ароматы. Теперь предпочтение отдается не резким запахам, но росному ладану, бензою, мирре, мускусу, розовому дереву: все они входят в состав пастилок, которые рекомендуется держать во рту. Остается уксус: его едкая свежесть препятствует гниению, спутницей которого считается чума. Прохожие на улице дышат сквозь тампоны, смоченные уксусом. Его кислота обладает активным действием. Однако благовония более эффективно препятствуют распространению заразы, поскольку очищают испорченный воздух. Очевидно, что их роль выходит за рамки социальной механики. Притягательные запахи даже с точки зрения их конкретного состава всегда будут представлять как оборотная сторона гниения: они не только улаживают чувства, но и оберегают — и даже воздействуют на физиологию, «замечательно укрепляя животные и умственные способности»¹⁰⁷.

¹⁰⁴ *Renou J. de. Institutions pharmaceutiques. P. 181.*

¹⁰⁵ *Chauliac G. de. La Grande Chirurgie. Lyon, 1592. P. 181 (труд XIV века).*

¹⁰⁶ *Piémontais A. Op. cit. P. 146.*

¹⁰⁷ *Renou J. de. Op. cit. P. 184.* Остается еще упомянуть квазимедицинское представление об очищении, свойственное XVII веку. В недавно представленной диссертации Анник Ле Герер очень тонко подмечено возможное сродство между озабоченностью городскими отбросами и вниманием

Итак, в искусстве создания видимости роль духов весьма многогранна. Они служат не только для маскировки или удовольствия, но и для «очищения» — в самом конкретном смысле. Внешнее, поверхностное обретает настоящую действенность. Уже мужское население Телемской обители считало необходимым надушиться перед тем, как оказаться в женском обществе, полагая, что тем самым они преобразуют свое тело: «Перед залами женской половины находились помещения для парфюмеров и цирюльников, через руки которых должны были пройти мужчины, когда они посещали дам»¹⁰⁸. Иначе говоря, благоговения помогают не только скрадывать, но устранять.

Франция классической эпохи воспринимает и активно расширяет запас подобных представлений. Пополняется арсенал средств, которые считаются укрепляющими лишь потому, что они ароматизированы. Таковы, к примеру, лечебные колпаки, которые благодаря подкладке из пудры обладают бодрящим действием и «своим ароматом заметно укрепляют животные силы»¹⁰⁹. Или душистые саше, которые носят между бельем и камзолом. Или предметы повседневного обихода, особым образом обработанные и преобразованные. Скажем, ткань, в которую заворачивают туалетные принадлежности — расчески, зеркальца, пудру, — сама может быть обернута надушенными покрывалами: «Посыпьте их крупной фиалковой пуд-

к очищению организма. Нечистоты, долго задерживающиеся в теле, могут представлять опасность, как и гниющие городские помои. В обоих случаях им сопутствуют горячки и эпидемии. Поэтому необходимы превентивные очищения желудка и кровопускания (*Le Guérer A. Sang et Encens. Anthropologie de l'odeur. Université de Paris VII, 1984*). Ле Руа Ладюри тоже подчеркивает социальное значение этих предупредительных мер: «Чем выше общественное положение, тем больше кровопусканий и очищений желудка» (см. его предисловие к изд.: *Grimmer C. La Femme et le Bâtard. P.: Presses de la Renaissance, 1983. P. 13*).

¹⁰⁸ *Rabelais F. Œuvres complètes. P.: Gallimard, Pléiade, 1955. P. 178.*

¹⁰⁹ *Renou J. de. Op. cit. P. 184.*

рой, затем покройте все объяром. Перед тем как положить объяр, слегка протрите его изнанку циветтой <...>¹¹⁰. В королевских описях конца XVII века фигурирует более сорока предметов подобного рода, причем двенадцать из них специально ароматизированы Марсьялем¹¹¹. В данном случае духи выполняют сразу несколько функций. Они непосредственно связаны с инструментарием опрятности. Они ублажают обоняние — и в то же время очищают. Это непосредственная изнанка «грязи» и способ от нее избавиться. Все достоинства искусства видимости становятся действенными: духи очищают, отражают и устраняют. Иллюзия обретает размах реальности.

Итак, выходить на улицу надушенным — не только эстетический жест. И прогуливаться, держа в руке комок амбры, — не просто дань моде. В этом отношении символична картина Парижа эпохи Генриха IV, набросанная одним итальянским путешественником и почти не менявшаяся на протяжении десятилетий: «По всем городским улицам течет поток зловонной воды, в который из каждого дома сливаются нечистоты, и отравляет воздух: поэтому приходится ходить с цветами в руках, чтобы их запахом перебить весь этот смрад»¹¹². Существенно с этой точки зрения и различие между несколькими парижскими больницами, отмеченное болонским путешественником Локателли, с любопытством взиравшим на Францию Людовика XIV: к примеру, атмосфера Отель-Дье отличается «зловонием», и больные там лежат вчетвером, а иногда и впятером в одной постели, что, как и в случае Кенз-Ван, где также собрано слишком много неизлечи-

¹¹⁰ *Barbe S.* Op. cit. P. 109.

¹¹¹ *Guiffrey J.* Inventaire général du mobilier de la couronne. P., 1885–1886. Т. II. P. 103 (XVII в.).

¹¹² *Ierni G. d'.* Paris en 1596 vu par un Italien / Publié par G. Raynaud. P., 1885. P. 6.

мых больных, создает постоянную опасность появления «чумы». Наоборот, «тишина» обстановки в Шарите и ее особый запах поражают посетителя. Там день и ночь по залам льются благовония от курильниц. И этот аромат, ощутимый во всех помещениях, очаровывает итальянского прелата. Разве благовония не оберегают тело? Именно их наличие воспринимается Локателли как важное отличие от других госпиталей. Приятные запахи изгоняют заразу, укрепляя даже самые поврежденные органы: «Возле каждой постели стоит небольшой престол, украшенный цветами, на нем — жаровня, куда время от времени подсыпает превосходные благовония служитель, исполняющий эту обязанность»¹¹³. Локателли столь увлечен, что на мгновение испытывает желание разделить участь несчастных — которые, заметим, так же скученны, как и в других местах.

Использование «противозапахов» — последнее средство из арсенала опрятности классической эпохи, обладающее защитным, почти терапевтическим действием. Но это тоже «зрелище», расширяющее образ белья и видимых участков кожи. Саше, упрятанные в подмышечные или подколенные впадины, скрытые в складках платья или под камзолом, — еще один инструмент для обдуманного манипулирования видимостями.

Но все же центральным элементом комплекса опрятности классического периода следует считать ограниченное использование воды. С этой точки зрения показателен жест герцогини Орлеанской: в августе 1705 г. ей приходится немало проехать по пыльным, раскаленным от солнца дорогам, и в Марли она прибывает измученная, обливаясь потом и с испорченными румянами. На ее лице столько дорожной пыли, что она соглашается его помыть: «Мне пришлось умыться, поскольку лицо мое было так за-

¹¹³ *Locatelli S. Voyage en France (1664–1665). P., 1905. P. 144.*

ЗАПАХ, ТЕЛО И ГИГИЕНА

пылено, что казалось, будто на меня надета серая маска»¹¹⁴. Случай действительно исключительный. Что касается всего остального, то она меняет рубашку, платье и «тряпки» и снова становится «опрятной». Чистым делает именно белье. В садах замка Марли бьет много источников, но кожа его обитателей почти не знает воды. Иначе говоря, представление об опрятности существует, но эта опрятность ограничена внешним, доступным взгляду.

Перевод М. Неклюдовой

¹¹⁴ *Princesse Palatine. Lettres.* P.: Mercure de France, 1982. P. 244 (первое издание вышло в 1843 г.).

Доминик Лапорт

NON OLET – НЕ ПАХНЕТ*

Крестьянское происхождение претит буржуа, и он всячески пытается его скрыть, изгнать даже из языка, указывающего на его сословие. XVIII век – Вольтер, Кондильяк, физиократы и т.д., а в конце XVII века Савари приложит огромные усилия, чтобы тщательнейшим образом изъять и заново определить слова «торговец» и «спекулянт», служившие презрительным обозначением этого сословия. «Есть народы, – пишет маркиз де Мирабо, – у которых существует лишь торговая коммерция, именуемая в обиходе просто коммерцией». Чтобы коммерцию можно было любить, ничем не рискуя, чтобы смыть с нее позор, пятнавший занятых в ней людей, «дух негоции и гражданства» должен освободить ее от призрака «грязных денег». Вот почему Бальзак имел право написать в «Сарразене», что «ни в одной другой стране аксиома Веспасиана не находит подобного понимания».

ЗОДОТОНОС

Согласно легенде, переданной Светонием, сын Веспасиана Титус осудил отца за введенный им налог на мочу. Тогда Веспасиан дал ему понюхать первые деньги,

* Глава из кн.: *Laporte D. Histoire de la merde (Prologue)*. P.: Bourgois, 1978. P. 65–77.

полученные из этого налога, и спросил, плохо ли они пахнут. Титус отвечал отрицательно. «А ведь это деньги за мочу», — сказал отец¹.

«Великий Рим» так детально разработал понятие *Cloaca Maxima* и столь брезгливо относился к тем, кто запачкал свои руки торговлей, что при Веспасиане был введен налог на мочу, который Константин распространил впоследствии на человеческие и животные экскременты, обозначенные деликатным именем *chrysagire*, «золотонос». Иногда его называли также «очистительным», или искупытельным, золотом. Ибо налог этот взимался с торговцев и людей, ведущих порочную жизнь, — одинаково презренных, обозначающих собой все самое дурное. Нищие, проститутки, торговцы, спекулянты, продавцы приравнивались к псам — которые, наряду с ослиами и прочими выючными животными, тоже облагались налогом на экскременты, — то есть к тем «обонятельным животным», которые, согласно Фрейдю, своим интересом к экскрементам заслужили «презрение человечества».

Достоин удивления, что от подобной практики сохранилось лишь знаменитое выражение «деньги не пахнут», хотя она основывалась на очевидной истине, отвергаемой любой политической экономией, упорное молчание которой сопоставимо лишь с долгом, тяготеющим над ней. Римское право непререкаемо: людей наказывают тем же способом, каким они согрешили. Ты занимаешься коммерцией, ты проститутка и спекулянт, твои руки пахнут нечистотами, и по этому запаху тебя, пса, можно отличить, ибо прохожий отшатывается от тебя. Ну так ты заплатишь так же, как согрешил: твоё дерьмо будет обложено налогом. Лишь золото, которое ты дашь сборщикам, может искупить твоё преступление. И в тот

¹ Светоний. Веспасиан. Кн. XXIII.

самый миг, когда ты смоешь свои грехи, твое золото, бывшее прежде зловонным, превратится в девственно-чистую силу, которая удалит его запах и собственными устами скажет: «Не пахнет». Какое замечательное стяжение смысла (*le sens*) и чувств (*les sens*) проявляется здесь в тонкой игре эквивалентов, синонимов и антонимов, симпатических связей золота и дерьма, чья логика редко получает столь четкое выражение на исторической сцене.

Быть может, никто лучше Константина и Веспасиана не использовал подобный тип шантажа, осуществляемого Государством-Воспитателем по отношению к своим подданным, эту блистательно свободную диалектику искупления и наказания, ставящую человека в младенческую зависимость.

Цивилизация достигает в ней своего апогея. Однако верноподданные римского права вовсе не воскликнули тотчас: «Почему мы, торговцы, проститутки, так красивы и свободны, почему, глядя на себя в зеркало, мы не чувствуем запаха? Потому что наш господин отмывает нас от дерьма». Напрасно они раз в четыре года с жалобами и стенаниями клали свои приношения к ногам Великого Сборщика, — они никогда не получали полного прощения; их очищение было лишь временным и случайным. Чтобы «аксиома Веспасиана» могла привести к исчезновению запаха, нужно было, чтобы римское право получило новое толкование в ходе процесса расширения рынка, когда деньги, пройдя через «великую социальную реторту», претерпели бы такое превращение и стали столь прозрачными, что тайна их происхождения сгинула бы навсегда; когда, развивая метафору из «Капитала», монеты бы перестали быть золотом и обратились в хрусталь.

Вот тогда, и только тогда можно будет написать: «Сдержанность, с какой господин и госпожа Ланти говорили о своем происхождении, о своем прошлом и о сво-

их связях с четырьмя сторонами света, недолго вызывала бы удивление в Париже. *Ибо ни в одной другой стране аксиома Веспасиана не находит подобного понимания. Здесь экую, даже запятнанную кровью или грязью, не выдают никаких секретов и воплощают в себе все.* Лишь бы высшее общество знало размер вашего состояния, и тогда вы будете принадлежать к классу людей, обладающих такими же суммами. Никто не потребует от вас предъявить ваши дворянские грамоты, ибо все знают, сколько они стоят. В городе, где социальные проблемы решаются при помощи алгебраических уравнений, авантюристы имеют прекрасные шансы. Даже если предположить, что эта семья имеет цыганские корни, она так богата, так привлекательна, что высшее общество, конечно, может простить ей ее маленькие тайны».

В толковании Барта, Бальзак подчеркивает переход «от Грамоты (дворянской) к Размеру (состояния), от буквы к цифре»². Поток товаров ускоряет подобное уравнивание, отрывает знак от его корней, от его первоначального референта. Движение крови прекратилось при переходе от благородства к низости³; буржуа навсегда замкнется в молчании относительно своего происхождения, подобном безгрешности «хрустальной монеты». Возвышение нового господина нарушает соотношения, свойственные его предшественнику: буржуазная политическая экономия, неспособная сказать, откуда взялись ее богатства, обреченная на непонимание прибавочной стоимости и первоначального накопления и ничего об этом не желающая знать, изобрела возможность сказать «я никогда не родился», превратить свое происхождение в чистый лист, выдвигая тела и вещи, ставшие товаром, в разряд знаков, абсолютно прозрачных, так что свет, проходя-

² Barthes R. S/Z. P. 46–47.

³ См.: Фуко М. История сексуальности, I.

щий сквозь эти предметы, ослепляет и делает невидимыми их контуры, превращая их в нечто непроницаемое и безвкусное, светящееся и лишенное запаха.

Как и деньги, тела, появляющиеся на сцене театра, перестают «стихийно» сообщать какие-либо сведения, не «выдают» своего происхождения, и через их сжатые рты не прорвется признание: «Мы рождены среди фекалий и мочи». Поэтому все знаки дерьма как такового должны исчезнуть, и прежде всего его запах: тогда отходы и подонки перестанут ассоциироваться с дерьмом, исчезнет запах и останется лишь материя.

ЧТО ТАКОЕ ДУХИ?

Из 57 способов, используемых в 1762–1853 гг. для дезинфекции выгребных ям, большинство – точнее, их количество трудно определить из-за того, что «полифармацевтическая» химия наивно пыталась использовать одновременно и магию отдельных растений, и таинственное влияние запахов, – сводится к рецептам ароматизации экскрементов с помощью бергамота, сока лимона и апельсина, лавандового спирта, лосьона из флердоранжа, гвоздики и множества масел и эссенций⁴.

Над этими странными сочетаниями, претендующими на роль дезинфицирующего средства, парижские золотари могли лишь посмеяться, говоря, что для них изготовляют «конфетки с флердоранжем» и что в конце концов «дерьмо превратится в жаворонков»⁵. Здесь чувствуется также некая анальная метафоричность. Один запах за-

⁴ См.: *Dr Cornay*. Rapport (16 nov. 1853); *Sponi A.* De la vidange, au passé, au présent et au futur. Mémoire aux magistrats qui administrent la ville de Paris. P., 1856.

⁵ *Ibid.*

меняет другой, украшая навоз, как в лучшие времена зарождения парфюмерии, и ставя тем самым проблему объекта и цели дезинфекции, когда все неприятное непосредственно связывается с запахом, который необходимо устранить или, по крайней мере, перебить другим, более сильным, но менее удушающим.

Подобный прием использует и современная реклама, называя «туалетной водой» средство, которое «сделает голубым воду в ваших туалетах»⁶, — игра слов, основанная на единственном числе выражения «вода для туалета» и воплощающая, по отношению к этимологии «зловония», парадокс воды окрашенной и дезинфицирующей. Ясно, что образы, на которых строится современная реклама в обычной повседневной жизни, основываются, как и прежде, на идее, что зловоние можно удалить если не путем исчезновения запаха, то хотя бы заслонив дурной запах хорошим: если есть опасность появления вони, вам предлагают — «против всякого ожидания» — запахи без затхлости: удушающий аромат сирени или незрелого лимона, сосны — то, что раньше называли «навязчивыми» запахами.

Однако, чтобы понять метод наложения приятного на неприятное и дурно пахнущее, а также отождествление дезинфекции и дезодорирования, недостаточно сослаться на отставание теории и наивность донаучных аналогий славного дикаря. С конца XVIII века и особенно с 1780-х гг., когда медицина начинает активно выступать на ниве общественной гигиены, все гигиенические принципы продолжают основываться на этой аналогии. Дезинфекция может производиться лишь в той или иной форме дезодорирования. Это тем более удивительно, что алхимики, врачи и парфюмеры уже давно нашли способы преобразования фекальной массы в вещество без запаха

⁶ Maison de Marie-Claire. Mars, 1977. P. 100.

или со слабым запахом, которое к тому же обладало терапевтическими, очищающими и украшающими свойствами и даже косметической ценностью.

Уже Башляр в своем «Мифе о пищеварении» отметил «первичную пищеварительную сущность» буржуазии и связал медицинские теории пищеварения, а также значение, придаваемое в медицине экскрементам, со своеобразным анальным характером цивилизации⁷. Как хорошее пищеварение представляется необходимым и достаточным условием доброго здоровья, точно так же плохой запах – будь то запах смерти или дерьма, кладбища или выгребной ямы – вреден сам по себе. Все, что в области патологии не имеет видимой причины, по праву и фактически считается «мефитическим» (ядовитым зловонием) – ключевое слово гигиены, – то есть отвратительными запахами, отравляющими воздух, и, переходя от человека к человеку, подобно эпидемии, сеет смерть и болезни.

То, что зловоние непосредственно связывается с нездоровьем, возможно, обусловлено самим мифом о пищеварении, когда хорошее пищеварение служит знаком хорошего здоровья, выражающегося как раз в отсутствии запаха: слабый запах экскрементов считается нормой. Итак, пищеварение и питание способствуют переходу от общества, основанного на благородстве крови, к обществу, озабоченному «здоровьем, потомством, продолжением рода, жизненностью социального тела»⁸, обществу, где правильное пищеварение, напрямую связанное с отсутствием запахов, имеет все шансы и все основания достигнуть всего, что полезно – полезно для здоровья, для потомства, для продолжения рода, а следовательно, для воспроизводства вообще, – и, поскольку это хорошее об-

⁷ *Bachelard G. La Formation de l'Esprit scientifique. P. 169 sq.*

⁸ *Фуко М. Указ. соч. С. 194.*

щество, оно перестает быть зримым, становясь почти недоступным для чувств, обеспечивая функционирование тела, но не раскрывая его особенностей.

Эти тела светопроницаемы: правильное пищеварение вписывается в такое общественное устройство, где «экую, даже запятнанные кровью или грязью, не выдают никаких секретов и воплощают в себе все», где отсутствие запаха — которое и для современного воображаемого по-прежнему есть признак хороших экскрементов — указывает на процесс обмена, становится обозначением всего зажиточного, привлекательного, прекрасного в эпоху, когда именно то, что остается после вычитания тел и их запахов, гарантирует воспроизводство богатств, свидетельством чему служит гигиенистский миф об исчезновении испражнений, об их «ликвидации», в первую очередь обонятельной, в ходе их интеграции в процесс производства.

Наступает время подражания природе во всем: воспроизведение парадоксальным образом равняется на саму природу, знаковость требует, чтобы социальное тело подражало природе — прекрасной по своей природе, — вплоть до внезапных обвинений в адрес дурных запахов: «Природа разместила во всех уголках земного шара растения, способные преобразовывать вредный и зловонный воздух в благовония» (Бернарден де Сен-Пьер).

Торжество знака, взаимозаменяемого, немедленно становится сообщником в деле устранения запаха: если запах не считается приятным и не заменяется на лучший, он всегда приравнивается к дурному. В этом смысле отсутствие запаха считается как бы начальным и конечным пределом понятия аромата, и особенно аромата естественного. Это можно назвать пределом, ибо «отсутствие» запаха вызывает у того, кто нюхает духи, чувство разочарования, но такой предел является также и отправной точкой, т.к. исчезновение дурного запаха может лишь приблизить к недоступной цели, а аромат — будь то запах

лимона или цветка апельсина – будет не чем иным, как подобным приближением.

Говоря об отравленном даре, «конфетках из флердоранжа», золотари подозревали, что бурное воображение, необходимое для удаления запаха дерьма и его превращения в «жаворонков», имело целью не столько оградить от несчастных случаев работников этой сферы, сколько, выражаясь грубо, «позолотить им пиллюлю» или подтолкнуть их в ловушку. Разве не мечта, ставшая почти явью, – идеал гигиениста, предполагающий полное исчезновение запахов, когда человек перестанет быть «нюхающим животным», каким был прежде, о чем ему напоминает «лучший друг человека», следующий за ним по пятам и обнюхивающий его, безусловно напоминая ему о тяжком бремени бесчестья? Цивилизация ненавидит запахи и изгоняет их с тем большим ожесточением, что власть стремится заполнить пространство, отделяющее ее от божественной чистоты; это ожесточение достигает пика при империализме, ополчившемся против чернокожих. Запахам нет места в триаде «гигиена – порядок – красота», лежащей в основе цивилизации. С точки зрения гигиены и порядка запах всегда подозрителен. Если он приятный, то заставляет подозревать, что за ним скрывается какая-нибудь гадость, незаметная из-за сильного аромата; запах наводит на мысль о пороке или разврате, указывает на сластолюбие.

КРАСИВЫХ ЗАПАХОВ НЕ СУЩЕСТВУЕТ: КРАСОТА` НЕ ПАХНЕТ

Враждебный порядку и гигиене, запах несовместим и с красотой.

В политэкономии чувств европейца эпохи Просвещения на первое место выходит орган зрения; запах задвигается в сумеречную тень и даже приравнивается как

ощущение к обскурантизму. Когда Кондильяк облачает свою статую пятью чувствами, он в дидактических целях обращается прежде всего к обонянию, чтобы показать, сколь неполноценной оказалась бы эта каменная глыба, будь она наделена лишь таким грубым чувством: «Нам казалось, что лучше начать с обоняния, потому что из всех органов чувств оно менее других способствует развитию человеческого познания»⁹.

Он считает, что приятный запах вызывает наслаждение, а неприятный — страдание; это различие в любом случае подходит к статуе, т.к. она «имеет внутреннюю организацию, подобную нашей» и не способна ни опровергнуть изначальную дисквалификацию запахов, ни сыграть роль в оправдании чувства обоняния. Как говорит в данном случае Кондильяк, обладая одним только обонянием, статуя не имеет никакого представления о материи: будучи слишком привязана к одному чувству, она не может достичь объемности запаха и остается на стадии если не минерала, то по крайней мере животного самого низкого вида: «Наша статуя, ограниченная обонянием, может дать нам представление о классе существ, познания которого наименее обширны»¹⁰.

Ограниченная чувством обоняния, статуя целиком превращается в запах. Между ним и ею нет никакой дистанции: она и есть запах. Поэтому отрицание, пренебрежение к запаху действует с удвоенной силой в иерархии органов чувств: будучи исключен из области познания, он презираем вдвойне, как наименее «способствующий развитию человеческого познания». Поэтому-то подобная «обонятельная» статуя, стоящая на уровне животного, обречена на самое жалкое положение, на величайшее невежество.

⁹ Кондильяк. Трактат об ощущениях. Гл. «Цель этого труда».

¹⁰ Там же. I, I. О первых познаниях человека, обладающего только ощущением обоняния.

Исключенное из области знания, обоняние отторгается и от эстетики. Здесь идеал красоты также основан на первоначальном критерии — «не пахнет»; именно он приводит в движение товары и знаки. Ничто не выдает происхождения того или иного состояния; под привлекательной маской госпожи де Ланти не видна грязь. Необходимо единственное условие, уже проверенное на уровне языка и города: красивое не должно пахнуть. Запах изгоняется окончательно, когда две части высказывания меняются местами: фраза «прекрасное не имеет запаха» приравнивается к «запах не бывает прекрасным». Такова формула, в которую облекается вытеснение экскрементов из эстетического дискурса. Так, в частности, происходит у Канта. Я могу сказать о розе, что она прекрасна, но я не могу этого сказать о ее запахе: «Вот роза, *которую я вижу*; при помощи суждения *о вкусе* я утверждаю, что она прекрасна. С другой стороны, суждение, являющееся результатом сравнения нескольких единичных суждений: «розы прекрасны», — это не эстетическое суждение, но логическое, основанное на эстетическом. *Что же касается суждения «роза приятна» (для обоняния), то оно является безусловно эстетическим и единичным; тем не менее это не суждение о вкусе, но суждение, относящееся к органам чувств»*¹¹.

Если предположить, что роза съедобна, то есть если предположить, что ее аромат может быть заменен на ее вкус, то все равно о нем скажут, что это «дурной вкус». Можно сказать о каком-нибудь блюде, что оно прекрасно: даже если это не говорит о его съедобности, этого достаточно, чтобы еда осталась в пределах прекрасного. Но с

¹¹ Кант. Критика способности суждения (выделено мною. — Д.Л.). Рассуждения по поводу идей Канта были вызваны вопросом, заданным Аленом Гроришаром на одном из моих семинаров, где я излагал свою работу, впоследствии напечатанную в «Аналитике» (*Laporte D. Contribution pour une histoire de la merde: la merde des asiles, 1830–1880 // Analytica. 1977. № 4. Juillet*).

запахом такого не бывает: хороший, приятный, даже дивный, он не может быть красивым. Так принято в обиходе. Запах не поддается означиванию. Он упорно склоняется к указанию, там, где еще может что-либо выдать. Следовательно, было бы чрезвычайно опрометчиво говорить о красивом запахе, поскольку невозможно проконтролировать последствия этого для самого понятия красоты. Если запах красив, значит, красоту можно нюхать, вдыхать. К чему может привести подобный подход? Не проступят ли кровь и грязь на девственной поверхности красоты? Запах может быть чудесным, но на нем навсегда останется печать его происхождения.

Ибо изначально это запах дерьма. В том числе и прежде всего в его провиденциальной природе: затхлость не портит приятный запах, поскольку растения «способны преобразовывать вредный и зловонный воздух в благовония». Он опять, как всегда, лишь навозоотражатель. Будучи противоядием от навоза, аромат тем самым подтверждает его присутствие, хотя и менее ощутимое, но стойкое. Это доказательство того, что он здесь, навоз. Это подтверждает отсутствие удовольствия от «хорошего» и «красивого». Когда я утверждаю, что роза красива, это суждение вкуса. При этом «удовольствие, приводящее к суждению вкуса, бескорыстно» (Кант). И напротив, запах розы не является красивым. Он может быть назван в лучшем случае приятным или хорошим. Однако «удовольствие, получаемое от чего-то приятного, связано с каким-нибудь интересом», и точно так же «удовольствие от того, что вкусно, связано с неким интересом»¹².

Что же такое интерес? Его следует понимать в исчислимом смысле. Ведь интерес — это мотивация вкуса. Но не любого вкуса, конечно, а именно отсутствие такого вкуса,

¹² Кант. Критика способности суждения.

который несовместим с деликатностью – понимаемой с точки зрения морали, красоты и величия, – отсутствие «грубого вкуса», «здорового и сильного вкуса»¹³, вкуса «отношений», как плотских, так и торговых. Он оживляет две стороны воспроизводства, плотские и коммерческие, и одно это позволяет не слишком сильно его презирать, хотя всем очевидна его низость: «Как бы он ни был неделикатен, этот вкус нельзя презирать, ибо благодаря ему большая часть человечества подчиняется великому запаху природы. Он является причиной большинства браков трудящихся классов человеческого рода. Мужчина будет придавать большое значение домашним добродетелям, хозяйству и приданому, если его не будут пичкать мыслями о прелестных личиках, томных взглядах, гордой осанке и пр., и если он не будет в этом знать толк»¹⁴.

Мотивацией этой склонности, еще не являющейся вкусом, являются секс и деньги. «Здоровый вкус, грубый и сильный» больше похож на аппетит, чем на чувство прекрасного. Он колеблется между вкусом и отвращением, вернее, он вызывает отвращение у человека со вкусом. Возможно, это пережиток нашего далекого прошлого, когда «периодичность сексуального процесса» сопровождалась у мужчины первостепенной ролью обоняния, более важного, чем зрение. Мужчина, еще не полностью оторвавшийся от земли, был чувствителен к «возбуждающей силе запаха», к «обонятельным возбудителям» менструальных выделений¹⁵. Запах и поныне расположен в пределах такого «вкуса», который свойственен животным и близок к функции воспроизводства.

Ибо если запах не может быть красивым, то он пребывает на зыбкой грани, отделяющей приятное, вкусное,

¹³ Кант. Наблюдения относительно чувства прекрасного и возвышенного.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Фрейд. Неудобство культуры.

грубое от всего, что вызывает отвращение, будучи в буквальном смысле обратной стороной прекрасного: «Ничто так не противоположно прекрасному, как то, что вызывает отвращение»¹⁶.

Что же вынуждает отдаляться от объекта отвращения, если не близкое соседство прекрасного, которое Кант, предвосхищая Фрейда, обозначает так: «Мы отдаляемся от того, что нам противно, заботясь о *чистоте...*»¹⁷

Прекрасное, чистое: перед нами два элемента фрейдовской триады, четко отмеченные женским началом, что естественно в попытке достичь чистого порядка (свойственного государственным речам), где бы он ни воплощался, в том числе в «Наблюдениях о чувстве прекрасного и величественного», в которых Кант развивает идею «Опыта национального характера» Юма¹⁸, чтобы доказать самодостаточность негритянской расы и мысль, исходящую от белой цивилизации, агонизирующей от цвета дерьма дикарей.

Можно ли удивляться тому, что эмпирическому и рациональному отрицанию «существования любой красоты в мире» Кант противопоставляет идею прекрасного, образующегося в природе в результате химических «реакций»; прекрасного, которое, точно золото алхимика, является непортящимся осадком, получаемым в результате соединения чистых веществ или, точнее, в результате внезапного затвердения полностью растворившейся материи, не похожей на «простую смесь в виде суспензии твердых составляющих»?

Если прекрасное, из которого исключен запах, существует в природе, значит, природа, безусловно, действует «как великая социальная реторта».

¹⁶ Кант. Наблюдения относительно чувства прекрасного и возвышенного.

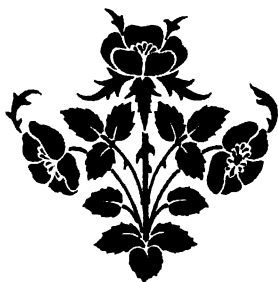
¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

Подобно тому, как пары, растворившиеся в атмосфере, состоящей из различных газов, превращаются вследствие охлаждения в снежные кристаллы, имеющие, благодаря различным сочетаниям газов, прекрасную художественную форму, – можно предположить, ничуть не умаляя телеологического принципа, что красота цветов, оперения птиц, раковин разной окраски и формы может быть произведена природой, ее способностью создавать формы, наделенные эстетической законченностью, без определенной цели, свободно, согласно законам химии, выделяющей материю, полезную для творчества¹⁹.

Перевод А. Васильевой

¹⁹ *Кант. Критика способности суждения.*

Оксана Гавришина

ИСТОРИЯ МЕЛКОЙ И НЕЗАМЕТНОЙ ПЫЛИ*

Книга американского исследователя Джозефа Амато носит междисциплинарный характер. Хотя Амато называет основным предметом изучения пыль, в действительности его интересы несколько шире: это мир малого, стоящего на границе видимого и невидимого, а главное, те сложные отношения, какие выстраиваются в разные эпохи у человека с микромиром на уровне научных теорий, обыденного сознания, медицинской практики, промышленного производства, а также социальной политики в области охраны здоровья и окружающей среды. В книге рассматривается период от Средних веков до современности, хотя суждения автора о времени до XIX века носят явно вторичный характер. Основной круг его источников относится к XIX–XX векам и включает специальные издания, популярные брошюры, речи политиков и другие образцы «дискурса о пыли». Исследуемый культурный ареал — западный мир в широком понимании, единое пространство Европы (которая чаще всего рассматривается недифференцированно) и США. Если воспользоваться определением автора, это история интеллектуальных открытий в описываемой сфере и обретения контроля над миром малого и невидимого.

Амато, казалось бы, не уделяет в своем исследовании специального внимания запаху — и тем не менее эта про-

* Рецензия на кн.: *Amato J.A. A History of the Small and Invisible Dust.* Berkeley, L.A.: Univ. of California Press, 2000.

блематика неявно (в точном смысле этого слова) присутствует в книге. Пыль как бы лишена запаха, она расположена на границе мира, доступного восприятию человеческих чувств. Если сделать шаг в сторону человеческого мира, мы столкнемся с грязью и нечистотами, источающими дурной запах. Шаг в сторону микромира означает отсутствие запаха, но не означает безопасности.

Пыль вездесуща, она проникает всюду. Пыль — самое долговечное вещество во Вселенной. Все, даже самые прочные материалы обращаются в пыль. Стираются монеты и клавиши фортепиано, рушатся города. В пыль обращается и человеческое тело при жизни и после смерти: среди источников пыли — волосы, кожа, кровь, экскременты, кости.

При этом пыль исторична. Каждая эпоха и каждый вид деятельности людей создает свою пыль. Есть природная и техногенная пыль. Пыль городов и пыль деревень. Пыль многолика. Различаются строительная, угольная, радиоактивная пыль, пыль, образующаяся после пожаров и взрывов, пыль Освенцима и пыль Чернобыля. К этому списку можно добавить и пыль в Нью-Йорке, поднявшуюся 11 сентября 2001 г. после обрушения башен Всемирного торгового центра. У каждой местности, особенно у каждого города, в силу климатических особенностей, свой цвет, запах, состав пыли (хотя жители настолько к ней привыкают, что не замечают ее). Впрочем, пыль в опыте человека представлена не только в соседстве с грязью и копотью. Пыль вулканического происхождения (пучелана) и цемент используются в строительстве. Пыль применяется при изготовлении стекла и кирпича. В порошок растираются краски. Сходную консистенцию имеют мука, тальк, мел, косметика и многое другое.

В течение многих веков пыль считалась мельчайшим по структуре веществом, которое способен увидеть человеческий глаз (пылинки в луче света). Подобно непрони-

цаемой темноте и коже, пыль являла собой границу между видимым и невидимым. В XX веке происходит революция в знании о мире малого. Наряду с макрокосмом открывается и микрокосм. Пыль перестает быть мельчайшим веществом. Одно за другим следуют научные открытия, переосмыслившие отношение к микромиру: обнаружение микробов, расщепление ядра атома, диагностика и лечение вирусных заболеваний, расшифровка структуры ДНК, исследования в области генной инженерии и др. Эта революция заставила людей осознать величие малого, но пыль не была полностью вытеснена со сцены истории. В восьми главах своей книги Амато последовательно прослеживает изменения в повседневных практиках и знаниях людей, связанных с «мелкой и незаметной» пылью.

В Средние века пыль — вполне привычный фон существования людей. Пыль покрывает все, она постоянно присутствует на теле человека. Тело чешется и зудит. Пыль, грязь, прах символизируют сферу низкого, бесформенного, распавшегося. Пыль напоминает о конечности человеческого существования. В то же время она — элемент единого универсума, объемлющего все живое и неживое, весь мир, от ангелов до червей, копошащихся во прахе. В обыденном сознании пыль на глубинном уровне связана с человеком, и это находит выражение в разного рода магических практиках. В качестве примера можно напомнить сохранившийся до настоящего времени запрет убирать в доме сразу после отъезда человека. В представлении врачей и алхимиков пыль занимает свое место среди четырех элементов: земли, воды, воздуха и огня. Пыль и грязь родственны друг другу, их питает земля, но пыль легче и подвижнее и в этом смысле принадлежит в равной мере и воздуху, и земле. И сама пыль, и порошкообразные составы широко использовались при изготовлении лекарств и в алхимических экспериментах.

Одна из несомненных удач книги — создание истории промышленной революции как история пыли. (Аматю обыгрывает слово *industry*, выделяя в нем «корень» *пыль*. Эта языковая игра хорошо выражает один из основных тезисов книги — об историчности пыли.) В индустриальной Европе отношение к пыли коренным образом меняется. Промышленная революция произвела объемы пыли, прежде неведомые аграрной Европе. Более того, она создала новую пыль. В XIX веке пыль определяла вид, запах и ощущение городской жизни. Она «видима» и «осязема», она — объект научного эксперимента, теоретизирования и морализирования.

Индустриальное общество «производило» не только пыль, но и средства борьбы с ней — от мыла до пылесоса. Оно объявляет пыль врагом номер один. Против нее выступают гигиенисты; либералы, вдохновленные новым научным знанием, встают на защиту рабочих, особенно шахтеров, домработниц и др. В то же время благодаря важным научным открытиям (например, пастеризации продуктов) человеческий быт качественно улучшается и рационализируется. Правительство борется с пылью и мусором с помощью законодательных актов. В социальном плане заметно повышается роль домохозяйки, поддерживающей чистоту и стоящей на страже здоровья семьи: «Жизнь есть борьба с пылью».

Во второй половине XIX — начале XX века, когда происходят значительные перемены в области промышленного производства и сфере потребления, возникает новый порядок повседневного существования. Появляется множество товаров «индустрии чистоты» — пластиковые зубные щетки, мыло, зубной порошок и зубная паста, чистящие средства, синтетические порошки, пятновыводители, крем для обуви, пылесосы и машины для уборки улиц. Кухня и ванная отныне становятся пространством,

аккумулирующим не пыль и грязь, а средства для поддержания чистоты. В рекламе эти помещения непременно изображаются сверкающими чистыми поверхностями. Меняется и состав мусора: все большее место занимает неорганический мусор, подвергающийся утилизации.

Новые поверхности — мебели, пола, потолка, внутренних и внешних стен — становятся более яркими и более гладкими. С них легко удалять грязь. Поддерживать чистоту некрашеного деревянного стола гораздо сложнее, чем стола с пластиковым покрытием. Появляются искусственные покрытия для пола, дешевые краски и обои. Помещения становятся светлее и чище: даже престижный ныне возврат к естественным материалам не отменяет главного требования — легкости уборки.

Однако процесс перехода к новому «порядку» был достаточно долгим: реальные изменения в сфере быта происходят только к концу 30-х гг., достигая пика в 1950-х гг. в США. Развитие химической промышленности и появление новой бытовой техники обеспечило заветный результат: победу над пылью.

В современном обществе пыль и грязь волнуют людей куда меньше, чем, например, повышенный радиационный фон и вирусы, устойчивые к антибиотикам. В послевоенную эпоху и домохозяйка, и гигиенисты утрачивают свое социальное значение и вытесняются на вторые роли. Пыль, стертая с поверхности вещей, переместилась в научные лаборатории. Она становится объектом исследования, регулирования в промышленности и обществе в целом.

На этом можно было бы, вместе с автором книги, поставить точку — если бы опыт второй половины XX века не внес значительных перемен в эту картину. Изгнанная пыль возвращается в новом обличье. Из последней границы видимого мира она становится форпостом мира невидимого.

Современная медицина и электроника работают со сверхточными технологиями. Различные отрасли производства требуют чистоты, сопоставимой со стерильностью операционной. Образовательные программы медиков, популярные журналы, массовый кинематограф и СМИ населили воображение людей детально продуманными, трехмерными образами, представляющими микромир. Внутри пыли теперь умещаются целые миры.

Как правило, эти представления вписываются в рамки экологического мышления, связывающего с миром природы понятие о естественном и предполагающего «мирное» сосуществование всех организмов. Однако и экологическое мышление не может избавиться от парадокса: человек должен заботиться о природе, но природа не всегда отвечает ему тем же.

Еще в начале XX века специалисты начинают выделять разные виды промышленной пыли, с которыми связываются различные заболевания. Все большее распространение получает аллергия, в том числе и аллергия на пыль. Возникает представление о «токсичных рабочих местах» и «токсичных квартирах». Пыль вновь привлекает к себе внимание. Угроза, зачастую смертельная, исходит от систем отопления, вентиляции и канализации.

Возможно, мы вправе говорить о том, что в 1980–1990-х гг. человечество переживает очередное изменение биологического порядка. Вопреки несомненному прогрессу медицины, безопасность человека выглядит скорее утопией. Причем угроза в значительной мере исходит именно от микромира. Возникают новые страхи и фобии. На смену гигиенистам приходят новые «культурные герои» — специалисты, контролирующие этот невидимый (и, если можно так выразиться, необогаемый), но потенциально опасный мир: инспекторы по охране окружающей среды, эпидемиологи, биохимики и др.

ЗАПАХ, ТЕЛО И ГИГИЕНА

Каким будут представлять себе микромир в будущем? По мнению Амато, на этот вопрос нельзя дать однозначного ответа. Человек по-прежнему стремится вписать мир малого в собственные моральные нарративы. Так что, полагает Амато, люди и впредь будут испытывать трепет перед пылью как границей человеческого мира и последним реквиемом всему живому.

В целом книга Джозефа Амато относится к «промежуточному» жанру современной гуманитарной продукции. С одной стороны, ее отличает богатство материала и междисциплинарный подход к нему, с другой — некоторая поверхностность и бесконфликтность. Новый масштаб исследуемого объекта создает эффект обновленного восприятия существующих контекстов, однако, по существу, это не изменяет картины. «Швы» между социальной историей, историей идей, историей техники и медицины в книге Амато слишком заметны. Если попытаться охарактеризовать ее одним словом, мы бы выбрали эпитет «приятная»: это приятная книга, свидетельствующая о должном уровне эрудиции ее автора, позволяющая читателю актуализировать ряд важных теоретических и предметных контекстов, наконец, удобная для чтения в модном интеллектуальном кафе.

Оксана Гавришина
ИСТОРИЯ ДЕРЬМА*

Книга французского исследователя Доменика Лапорта подчеркнута провокативна. И стиль, и заглавие книги носят пародийный характер. Объект пародирования заглавия, как точно замечает автор предисловия к американскому изданию и один из переводчиков книги Р. Эль-Хури, — историография школы «Анналов», позволяющая бесконечное следование определенной исследовательской логике: «История [+ любое слово]». Лапорт подставляет слово, которое, по его мнению, маркирует одну из границ современной конструкции культурного субъекта, и тем самым максимально отодвигает пределы мыслимого предмета исторического анализа: «История дерьма» — читай: «История отвращения». Стиль Лапорта не укладывается в привычные рамки академического письма. Он балансирует на грани эпатажа и конвенциональности, иронии и серьезности.

В тексте книги постоянно присутствуют два автора, от которых отталкивается и к которым притягивается мысль Лапорта: Карл Маркс и Зигмунд Фрейд. Сам же Лапорт стоит в ряду интеллектуалов, определивших облик французской теории 1970-х гг. (Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Делез, Ф. Гваттари). Его книга, если воспользоваться меткой характеристикой издателей, чрезвычайно емко

* Рецензия на кн.: *Laporte D. Histoire de la merde*. P.: Bourgois, 1978 (англ. пер.: *Laporte D. History of Shit / Trans. Nadia Benabid and Rodolphe el-Khoury*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000).

выражает специфику теоретических поисков 1970-х, «вовлекавших в единую орбиту теорию, политику, сексуальность, удовольствие, эксперимент и иронию».

Следуя этой логике, Лапорт пишет историю нечистот как историю субъективности XVI–XIX веков. При этом автор скорее ставит проблемы, чем предлагает их решение: французский подзаголовок (Пролог) может быть прочитан двояко: и как пролог в хронологическом смысле, и как введение в тему. По жанру книга ближе к развернутому эссе, чем к строгому исследованию. Лапорт работает широкими мазками; примеры его зачастую случайны, иногда не вполне корректны, но, безусловно, эвристичны и точны с точки зрения выявляемых ими проблем. Рассмотрим основные из них.

3. Фрейд: черты Цивилизации — чистота, порядок и красота.

ПОЛИТИКА НЕЧИСТОТ

Чистота языка и чистота улиц.

Описывая природу становящегося государства Нового времени, Лапорт использует базовую метафору сточной канавы, утилизирующей нечистоты, превращающей их в продукт и в конечном счете в золото, о происхождении которого, однако, забывать не следует.

Ролан Барт писал: «Слово “дерьмо” не пахнет». Лапорт, отталкиваясь от этой максимы, стремится уловить тот момент в существовании языка, когда он еще «источает зловоние», и тем самым разоблачить идеологию, которой подчиняется язык. Способность современного языка скрадывать дурные запахи не возникает спонтанно. Она указывает на долгую практику дисциплины, почти пуританских усилий, потребовавшихся для превращения

«вульгарных» языков в «благородные». Знаменательно, что время борьбы за чистоту языка (XVI век) совпадает по времени с запретом выплескивать нечистоты на улицу.

Важно также, что очистка речи и городских улиц от нечистот в XVI–XVIII веках предполагает определенную иерархию чувств и в этом отношении вполне соотносима с грандиозным визуальным экспериментом, осуществлявшимся в живописи и архитектуре этого периода. Новое городское пространство выступает прежде всего как объект взгляда. Для раннего Нового времени характерно подчеркнутое внимание к зрению и почти полное равнодушие к запаху. Если источник дурного запаха скрыт от взгляда, он не причиняет беспокойства.

Та же логика цивилизации как сточной канавы действует и в колониальной политике. «Варвары» справляют нужду где хотят, колонизаторы же вешают запретительные знаки. Лапорт обращает внимание на устойчивые параллели между цивилизационными стратегиями императорского Рима (одной из серьезных заслуг которого считалось строительство канализационной системы) и Британской империи в XVIII–XIX веках. Тыкать носом в дерьмо – привилегия власти. Формула власти такова: кто контролирует отправления, тот и владеет душой. Стыд за свое тело, источающее дурной запах, – явление достаточно позднее. Чистота имеет свою цену. Иными словами, право не источать дурной запах не дается даром: за ним стоит институт власти.

ЭКОНОМИКА НЕЧИСТОТ

Один из лейтмотивов книги Д. Лапорта – обратной стороной нечистот является золото. На протяжении всего исследуемого периода в культуре функционирует идея

«оборота» нечистот. В XVI–XVIII веках возрастает интерес к римским агрикультурным практикам, которые отличались, в частности, особым вниманием к органическим удобрениям, в том числе фекалиям. Экскременты широко использовались также в медицине и в косметике. То, что вызывает отвращение в один исторический период, оказывается нормой в другой.

Еще одна базовая метафора Лапорта: в основе любого производства лежит производство нечистот. Частные уборные – места первичного накопления. Автор связывает понятие собственности с представлением о «принадлежности» экскрементов. Подлинный смысл новой регламентации отправлений – не в гигиене, а в накопительстве. Собранные экскременты перестают быть «отходами»: они становятся символическим капиталом.

СОЦИОЛОГИЯ НЕЧИСТОТ

Одной из главных примет формирующейся субъективности становится «приватизация» телесных отправлений. Лапорт связывает с этими новыми практиками выделение частой сферы: зарождение современного представления об интимности и возникновение личного пространства. Утверждается норма, согласно которой естественные потребности должны отправляться в уединении. Ограничивается количество людей, присутствие которых так или иначе допускается при отправлении естественных потребностей. Наряду с формированием нового представления об индивидуальности, это указывает и на новые формы социальной дистанции. Исключаются соседи, случайные прохожие, представители других социальных групп. Так, Лапорт упоминает о том, что среди аборигенов Австралии нормальным считается разговари-

вать, отправляя естественные потребности. В Европе в результате описываемой трансформации частной сферы это становится недопустимым даже среди домашних.

Процесс этот имеет чрезвычайно важное для изучения истории запахов следствие. Переход от публичности телесных отправления к стыдливости и скромности был бы невозможен без понижения порога чувствительности к некоторым запахам внутри семьи. Нормой становится не замечать дурной запах при определенных условиях.

Дурной запах долгое время остается маркером социального различия (сословного, религиозного, национального и др.). Так, отсутствие или наличие денег в самых разных контекстах связывается с запахом. Устойчивый дискурс богатых: бедные вульгарны, испорченны, они дурно пахнут. Бедные, в свою очередь, подозревают в испорченности роскошь, сопровождаемую изысканным запахом. При этом и те и другие с поразительным согласием могут «унюхать» Другого (еврея или негра). Нечистоты, которые изгоняются из городов, являются нормой в сельской местности. В городах дурной запах также закрепляется за местами, чреватými социальными различиями, — такими, как рынки (Чрево Парижа).

ЭТИКА НЕЧИСТОТ

Рассмотрение различных аспектов проблематики нечистот в культуре раннего Нового времени выявляет принципиальную амбивалентность предмета. Двусмысленное отношение цивилизации к экскрементам до сегодняшнего дня отмечено, с одной стороны, желанием очистить места, в которых скапливается разного рода хлам (в том числе язык и городские улицы), а с другой — уверенностью в очистительных свойствах человеческих экскрементов.

Экскременты не воспринимались как нечто исключительно отрицательное. Одни и те же вещества в разных обстоятельствах могут считаться и полезными, и опасными. Так, после одного года (а лучше 3—4 лет) экскременты могут использоваться в качестве удобрения. Подобно душе, освобождающейся от греховного тела, экскременты также несут на себе его печать, и требуется время, чтобы они очистились от этого зла — иначе оно падет на головы людям, сожжет их поля, расплодит змей, наследниц Зла, соблазнившего Еву в райских кущах. «Зло» экскрементов не в них самих, но в их связи с плотью.

В XVI—XVIII веках, а в эпигонских формах и позднее экскременты рассматривались как потенциально полезные вещества. Здесь можно отметить и особую роль, которую отводили урине алхимики в поисках философского камня.

Положительные свойства нечистот с особой полнотой раскрываются, когда они лишаются свойственного им запаха. Если же от дурного запаха нельзя избавиться, его следует замаскировать более сильным и менее неприятным запахом. В исследуемый период была широко распространена практика использования различных трав и масел для ароматизации нечистот.

В XIX веке отношение к экскрементам меняется. Если прежде главным было не видеть нечистоты, то теперь столь же важным становится отсутствие запаха. С 1780-х гг. особое внимание уделяется вопросам гигиены. При этом дезинфекция оказывается теснейшим образом связана с дезодорацией. XIX век с невиданной ранее щепетильностью относится к дурным запахам. Запах нечистот, наряду с трупным запахом, принадлежит к числу наиболее шокирующих. Не случайно в Викторианскую эпоху кладбища и уборные становятся местами особой заботы и украшения. Хорошее здоровье считалось несомненным с дурным запахом. Воздействием запаха объяс-

нялись разного рода патологии. Запах гниения вызывал прямую ассоциацию со смертью. Отделение тел от их запаха становится гарантией репродукции общества. С запахом оказываются связаны не только болезнь и смерть, но и другие ставшие запретными темы: секс и сексуальные извращения.

Произошедшее изменение, однако, не изменило двойственного отношения к нечистотам и дурному запаху. Именно гигиенисты, выступавшие за новые нормы чистоты, утверждали и множили присутствие нечистот в своих дискурсивных практиках.

ЭСТЕТИКА НЕЧИСТОТ

Запах — антипод гигиены и порядка и в той же мере несовместим с красотой. Обоняние занимало самую низкую позицию в иерархии чувств. Согласно Э. Кондильяку («Трактат об ощущениях», 1754), запах менее всего участвует в процессе человеческого познания. Ему не находится места ни в эпистемологии, ни в эстетике. Он сопротивляется символизации. Любой, даже самый тонкий аромат несет на себе следы своего происхождения: все запахи в конечном итоге отсылают к запаху нечистот. Некоторые собственно парфюмерные запахи имеют сомнительные источники (мускус). Скрывая запах нечистот, парфюм лишь удостоверяет его присутствие.

«Роза прекрасна» — это суждение вкуса. Запах розы можно назвать приятным и изысканным, но к запаху неприменима категория прекрасного. Суждения вкуса, настаивает Кант, являются бескорыстными. Запах же является слишком сильным раздражителем, он не позволяет человеку сохранить беспристрастность. Он знаменует собой изнанку прекрасного, границу, по которой хороший вкус соприкасается с тем, что вызывает отвращение.

ЗАПАХ, ТЕЛО И ГИГИЕНА

Таким образом замыкается базовая триада цивилизации Фрейда: чистота, порядок и красота; в конце повествования она раскрывает всю свою двусмысленность, постоянный страх столкнуться с тем, что привлекает и отталкивает одновременно, является социальным табу и предметом настойчивого и подробного обсуждения в разного рода властных дискурсах, — нечистотами.

В заключение еще одно замечание. «Нечистоты» как объект исследования постоянно ускользают от исследователя. «Неудобный» для академического дискурса предмет анализа выявляет важную характеристику самого гуманитарного знания, неспособного избежать вскрытого Лапортом двойственного отношения к нечистотам в культуре. Первый эффект дистанцирования осуществляет сам автор, скрывая за мнимой академичностью вызов и эпатаж. Второй — американское издательство, оформив этот «вызов» в стильный томик, который независимо (или же вопреки) рассматриваемому в нем предмету можно воспринимать как объект прекрасного: золотая обложка, продуманный шрифт, изящно расположенные на полях номера страниц и указатели иллюстраций, лаконичная стилистика самих иллюстраций (фотографий, рисунков, гравюр), завершающих каждую главу. Это постоянное «ускользание» предмета еще раз удостоверяет важность избранной Лапортом проблематики для культурного анализа.

РЕЦЕПТЫ ДУХОВ И ТУАЛЕТНЫХ ВОД ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ*

ДУХИ: ИХ ДРЕВНОСТЬ

Древние народы относились к духам с большим уважением. Египтяне ими явно злоупотребляли: более или менее приятные ароматы исходили от самих людей и их одежд, они струились из гробниц и наполняли дома жителей этой страны, а во время праздничных шествий даже вода в сточных канавах наполнялась благоуханиями.

Разве Суламифь не погрузила свои пальцы в драгоценную мирру перед свиданием со своим возлюбленным?¹ Библия от первой до последней страницы благоухает нардом² и диким бадьяном; весь Восток сохранил любовь к духам.

* *The Lady's Dressing Room*, by Baroness Staff / Trans. Lady Colin Campbell. 1893 – Part III. P. 332–335. Книга выложена на сайте *Lee Jackson*. *The Victorian dictionary*. <http://www.victorianlondon.org/>

¹ В Песни песней Суламифь, обращаясь к возлюбленному, произносит: «Я встала, чтоб отпереть возлюбленному моему, и с рук моих капала мирра, и с перстов моих мирра капала на ручки замка» (Песнь песней. V, 5).

² Нард – нежное ароматное растение, близкий родственник валерианы. Обладает сладковато-пряным ароматом, с оттенками дерева и валерианы. Маслом из нарда Мария Магдалина умащала ноги Христа перед Тайной вечерей. Римляне использовали нард для приготовления духов. Римский врач второй половины I века н. э. Диоскурид, автор руководства «О простых лечебных средствах», считал это растение «согревающим и сушащим», полезным при тошноте, несварении желудка, нарушениях менструального цикла, воспалительных процессах и конъюнктивите.

У греков для каждой части тела был предназначен свой аромат: майоран — для волос, яблоко — для рук, тимьян — для шеи и коленей; кроме того, особым уважением у них пользовалась настойка на винных листьях. Едва ли такое смешение запахов могло быть очень приятным.

Древние научились пользоваться пульверизатором задолго до нас. Во время пиршества золотая афинская молодежь выпускала голубей, чьи перья предварительно смачивались самыми разными духами и которые, пролетая над праздничным столом, орошали гостей восхитительными ароматами.

В Риме рабы набирали в рот душистой воды и разбрызгивали ее на волосы своих хозяек. Римляне, особенно женщины, имели обыкновение сильно душиться и окружать себя сильными запахами. Плавт воскликнул по этому поводу: «Именем Поллукса! Воистину, приятно пахнет та женщина, которая совсем не надушена!»

На исходе Средневековья фаворитами среди ароматов были амбра и вербена. В XIII веке женщины развешивали свои наряды вместе с определенными сортами яблок, которые наполняли шкафы весьма изысканным ароматом.

Фаворитки Генриха III обожали запах нероли и красного жасмина. *Прекрасная Габриэль*³, попрекавшая беарнцев за их пристрастие к луку-порею, предпочитала аромат фиалкового корня и цветов апельсинового дерева. Косметика Анны Австрийской благоухала ванилью, а мадам де Помпадур душилась розой и жасмином.

³ Так (*фр.* la belle Gabrielle) современники называли французскую графиню Габриэль д'Эстре, славившуюся своей удивительной красотой. Перед чарами прекрасной блондинки с необычайно бледной кожей не смог устоять сам Генрих IV, сделавший Габриэль своей любовницей; от союза с ней у него родилось трое детей.

ВЫБОР ДУХОВ

Умеренное использование духов, обладающих стимулирующими и освежающими свойствами, рекомендовано с точки зрения гигиены, тогда как злоупотребление ими вредно для здоровья и противоречит представлениям о хорошем вкусе. Говорят, что духи, в особенности те, что приготовлены из лаванды, лимона, роз, фиалок и бензоа, могут влиять на внешность и телосложение.

Считается также, что запахи оказывают определенное воздействие и на душевное состояние человека. Мускус стимулирует восприимчивость; герань — нежность; бензой — мечтательность; темно-синие фиалки развивают склонность к благочестию, а белые — способствуют пищеварению. Существует мнение, что женщина, предпочитающая запах вербены лимонной, должна заниматься искусством: выбрав этот аромат, она тем самым будто бы обнаружила свою артистическую натуру.

Злоупотребление духами является ошибкой. Соблюдая меру, побрызгайте все ваше белье и одежду одними и теми же легкими духами с нежным ароматом, что, без сомнения, сделает вас еще более привлекательной.

Повторю: женщине следует отказаться от смешения ароматов. Она должна выбрать одни духи и пользоваться только ими. Ее вещи, включая книги и писчую бумагу, ее одежда, будуар и подушки в экипаже (которые в XVIII веке набивали душистыми травами, так называемыми «*травами из Монпелье*»)⁴, — все, вплоть до самой последней мелочи, должно источать один и тот же приятный аромат.

Остается только выбрать этот самый аромат. Одна знатная дама как-то заметила: «От Сатаны пахнет серой,

⁴ Монпелье — город на юге Франции, который славится своими травами и где находится знаменитый ботанический сад.

а от меня — фиалковым корнем». Едва ли она могла выбрать более изысканный аромат. Те, что влюблены в прошлое столетие, предпочитают *peau d'Espagne*⁵.

Мне кажется неверным считать ароматом запах русской кожи.

Для некоторых женщин довольно запаха розового дерева, который передается от гардероба хранящейся в нем одежде.

Другие предпочитают ароматы свежих трав и цветов, соответствующих сезону. Начинают они с фиалок, роз и резеды, которыми наполняют муслиновые саше⁶, ящики и даже карманы убранной в шкафы одежды. Однако приятный аромат этих цветов, которые рано или поздно завянут, окажется весьма нестойким и мимолетным. Сторонницы ароматов свежих трав и цветов запасают на зиму высушенные в тени цветки донника, мятлика лугового и подмаренника, набивают ими кисейные сумки и кладут среди своих вещей. Проходя мимо, такая женщина навеет вам воспоминания о цветущих лугах.

Наши предки всему предпочитали ароматное попури⁷, которым они наполняли свои саше. Предлагаю два рецепта для тех, кому нравятся подобные смеси.

⁵ Этот аромат, получивший название «испанская кожа», появился во Франции еще в XV веке; скорее всего, он был завезен туда из Испании, которая славилась своими парфюмированными кожами. Он пользовался особой популярностью в эпоху Возрождения, прежде всего для отдушки кожаных перчаток.

⁶ Саше — матерчатые (чаще всего муслиновые) мешочки, наполненные соцветиями и лепестками цветов, листьями травы и деревьев. Чтобы солнце не высушило их естественные ароматы, их собирают утром, в тот день, когда они впервые распустились. Потом пять дней их сушат, смешивают с другими ингредиентами (иногда на последнем этапе добавляют ароматические масла). Саше является натуральным ароматизатором воздуха. Обычно саше помещают в шкаф или комод, вешают на зеркало или у изголовья кровати.

⁷ Здесь попури — ароматическая смесь из сухих цветочных лепестков, сухие духи. Попури были особенно популярны в эпоху Просвещения.

- 1500 частей высушенных лепестков роз или измельченного фиалкового корня
- 250 частей измельченной кожицы бергамота
- 150 частей пряной гвоздики и корицы
- 250 частей высушенных цветков апельсина и стручков акации
- 1500 частей измельченного крахмала
- 500 частей измельченного фиалкового корня
- 50 частей лаванды
- 25 частей бензоя
- 25 частей цитрона
- 25 частей апельсиновой корки
- 10 частей бобов⁸
- 10 частей пряной гвоздики
- 10 частей корицы

Все аккуратно смешать. Совсем не обязательно, чтобы порошки были очень хорошо измельчены, поэтому, если они не покупные, вам не составит особого труда растолочь их самостоятельно.

Для приготовления второго попури возьмите:

- 750 частей размельченного флорентийского фиалкового корня
- 165 частей розового дерева
- 250 частей аира
- 150 частей цитрона
- 155 частей бензоя

Ими пользовались прежде всего в качестве натуральных освежителей воздуха. Попури из трав и цветов обычно помещали в вазочки из драгоценных металлов или фарфора.

⁸ Имеется в виду семя дерева из семейства бобовых и стручковых (*англ.* tonquin bean), которое имеет очень приятный запах и применяется для ароматизации нюхательного табака.

15 частей пряной гвоздики

31 часть корицы

Современная парфюмерия в сотрудничестве с химией создала восхитительные духи, среди которых не так уж сложно сделать хороший выбор. Изысканная женщина никогда не станет пользоваться слишком сильными или резкими духами, напротив — она выберет легкий, весьма утонченный и ненавязчивый аромат.

САШЕ

Изготовить саше совсем несложно. Для этого нужно взять квадратные кусочки ваты и просто посыпать их более или менее обильно вашей самой любимой ароматизированной пудрой. После этого ватные квадраты зашить в муслин, отделанный по краям кружевом. Можно просто разложить пудру в маленькие мешочки из батиста или тонкого шелка, красиво перевязав их подходящими по цвету лентами.

Саше для перчаток, кружев, носовых платков и чулок делаются очень легко. Только они должны быть объемнее и отделаны как можно красивее: большие квадраты из стеганого шелка просто складываются пополам и перевязываются лентами.

Многие изысканные женщины прокладывают шкафы и полки своих гардеробов тонким стеганым атласом приятной расцветки, подбитым надушенной ватой, которая поддерживается розочками из лент, и все это образует очень большое саше.

Таким образом, белье и всевозможные женские безделушки лежат на своеобразном благоухающем атласном ложе. Кружева, носовые платки и перчатки вложены в нежно пахнущее саше. Шляпные коробки наполнены

приятным ароматом; платья, костюмы, юбки и накидки развешаны в гардеробах и шкафах среди сумок, источающих восхитительное благоухание. Отовсюду струится один и тот же излюбленный аромат: от плательных швов и складок в рукавах, из-за воротничков и корсетных шнуровок. Женщина как будто окутана им со всех сторон.

Ты сможешь ощутить ее приближение прежде, чем она предстанет перед твоим взором. По благоуханию писчей бумаги ты догадаешься, от кого письмо, еще до того, как узнаешь почерк. Если вдруг ты забудешь возвратить взятую у нее книгу, аромат, исходящий от томаика, станет для тебя постоянным укором.

ТУАЛЕТНАЯ ВОДА

Я не рекомендую использовать туалетную воду или уксус для лица и рук; вместе с тем они обладают тонизирующими свойствами и потому могут быть весьма полезны для других частей тела.

Ниже приводятся четыре рецепта приготовления одеколona на самый разный вкус. Вам понадобится:

30%-ный спирт — 1 $\frac{3}{4}$ пинты⁹
экстракт лимона — 90 минимов¹⁰
экстракт бергамота — 90 минимов
экстракт цитрона — 45 минимов
экстракт лаванды — 23 грана¹¹
экстракт нероли¹² — 8 гран
экстракт розы — 2 капли

⁹ Пинта (*англ. pint*) — мера жидкости, принятая в Великобритании и США, причем британская пинта равна 0,57 л, а американская — 0,47 л.

¹⁰ Один миним (*англ. minim*) равняется 0,06 мл.

¹¹ Гран (*англ. grain*) — мера веса: 1 гран равен 64,8 мг.

¹² Нероли (*англ. neroline*) — растение семейства цитрусовых, произрастающее в Южной Европе (в основном в Италии) и в Африке. Из цветков

Полученную смесь хорошо взболтать, процедить и разлить по бутылочкам.

Экстракт лимона — $2 \frac{1}{2}$ драхмы¹³
 экстракт цитрона — $2 \frac{1}{2}$ драхмы
 экстракт бергамота — $2 \frac{1}{2}$ драхмы
 экстракт очищенной лаванды — $2 \frac{1}{2}$ драхмы
 экстракт желтофиоля — $2 \frac{1}{2}$ драхмы
 экстракт розмарина — 1 драхма
 экстракт тимьяна — $\frac{1}{2}$ драхмы
 очищенный спирт — $3 \frac{1}{2}$ пинты

Смешать спирт с экстрактами и профильтровать через бумагу.

Экстракт цитрона — $1 \frac{1}{2}$ драхмы
 экстракт бергамота — $1 \frac{1}{2}$ драхмы
 экстракт нероли — 15 минимов
 экстракт лаванды — 23 минима
 экстракт розмарина — 23 минима
 экстракт желтофиоля — 1 капля
 экстракт корицы — 1 капля
 настойка амбры¹⁴ — 20 минимов

нероли производится одно из самых дорогостоящих эфирных масел, обладающее антисептическим, успокаивающим и сосудорасширяющим действием. Свое название масло цветков горького апельсина получило от имени принцессы Анны Нерольской, которая постоянно смазывала им свои перчатки.

¹³ Драхма (*англ.* drachm, dram) — так называемая аптекарская мера веса, равная 3 скрупулам (соответственно 3,89 г).

¹⁴ Амбра (серая) — выделения, встречающиеся в кишечнике кашалота: воскообразное вещество, снаружи серого цвета, внутри желтого, красного или пестрого; располагается концентрическими слоями и покрыто тонкой кожицей. Амбра имеет мускусоподобный запах и содержит небольшое количество бензойной кислоты. Сейчас амбра употребляется почти исключительно в парфюмерии при составлении духов.

настойка бензоя¹⁵ — 1 $\frac{1}{2}$ драхмы
90%-ный спирт — 1 кварта¹⁶

Согласно изысканному рецепту прошлого столетия, для приготовления одеколona нужно взять:

экстракт бергамота — 2 $\frac{1}{2}$ драхмы
экстракт апельсина — 2 $\frac{1}{2}$ драхмы
экстракт лимона — 75 минимов
экстракт цитрона — 45 минимов
экстракт розмарина — 15 минимов
настойка амбры — 75 минимов
настойка бензоя — 75 минимов
90%-ный спирт — 1 $\frac{3}{4}$ пинты

При составлении смесей необходимо использовать только самый лучший спирт и не забывать о тщательном фильтровании. Свойства одеколona при хранении только улучшаются. В фирме Жана-Мари Фарина¹⁷ его держат в бочках разных размеров, изготовленных из кедрового дерева. Кедр не только хорошо сохраняет аромат одеколona, но и не сообщает ему собственный запах.

Лавандовую воду также можно приготовить в домашних условиях. Для этого нужно взять:

¹⁵ Бензой (синоним: бензойная смола, или росный ладан) добывается из тропических деревьев семейства стираксовых, растущих, в частности, в Индии и Индонезии. Применяется в парфюмерии и косметике в качестве консерванта.

¹⁶ Кварта (*англ.* quart) — мера жидкости, принятая в Великобритании и в США: британская кварта равняется 1,4 галлона, 2 пинтам, или 1,14 литра, в то время как американская — 0,946 литра.

¹⁷ Еще в XVIII веке Жан-Мари Фарина начал продавать в Кёльне так называемую Восхитительную воду (*фр.* l'Eau Admirable), формулу которой получил от своего дяди. Вскоре слава ароматной воды, вошедшей в историю под названием одеколona, дошла до Парижа и распространилась далеко за пределами Франции (см. статью О. Вайнштейн «Историческая ароматика: одеколон и пачули» в наст. сборнике).

- 1 унцию¹⁸ эфирного масла лаванды
- 1 каплю мускуса и
- 1 1/2 пинты винного спирта

Полученную смесь поместить в сосуд емкостью в 1 кварту, долго и тщательно взбалтывать. Настаивать в течение нескольких дней, после чего снова хорошенько взболтать и разлить по маленьким бутылочкам, которые должны плотно закрываться.

Или возьмите:

- 1 унцию очищенного экстракта лаванды и
- 1 3/4 пинты высококачественного бренди

Перед использованием разведите чайную ложечку смеси в стакане воды.

Воспользуйтесь этим же рецептом и для приготовления розмариновой воды, заменив эфирное масло лаванды унцией эфирного масла розмарина.

Раз уж зашла речь о розмарине, скажу несколько слов о приписываемых ему полезных качествах. Считается, что женщина, ежедневно пользующаяся розмариновыми духами или туалетной водой, навсегда останется молодой. Не поручусь за истинность этого утверждения. Вместе с тем розмарин, принадлежащий к семейству губоцветных, безусловно, обладает тонизирующими и стимулирующими свойствами.

Гвоздика известна своими антисептическими свойствами, что делает ее незаменимой туалетной принадлежностью. Из ее цветков можно приготовить изысканную туалетную воду с восхитительным ароматом. Для этого вам понадобятся:

¹⁸ Одна жидкая унция (*англ.* ounce) равна 8 драхмам 480 грамам, или 31,1 грамма.

РЕЦЕПТЫ ДУХОВ И ТУАЛЕТНЫХ ВОД...

8 унций лепестков гвоздики и
1 пинта 90%-ного спирта

Лепестки поместите в спирт на десять дней, затем профильтруйте через бумагу и добавьте 4 унции настойки бензоа.

Чтобы приготовить мятный спирт, возьмите:

2 $\frac{1}{2}$ драхмы очищенного экстракта мяты и
3 унции очищенного 90%-ного спирта

Перед употреблением 8–10 капель смеси разбавьте в стакане воды.

N.V. Ни в коем случае не используйте пшеничный бренди и денатурированный спирт.

ТУАЛЕТНЫЕ УКСУСЫ

Никогда не покупайте туалетный уксус, готовьте его самостоятельно.

Под названием уксуса продается уксусная кислота, которая очень вредна для кожи: она ее сушит, разъедает и приводит к образованию морщин.

Возьмите:

3 унции одеколона
5 драм настойки бензоа
1 $\frac{3}{4}$ пинты настоящего чистого Орлеанского уксуса¹⁹

¹⁹ Орлеанским (*англ.* Orleans vinegar) этот уксус называется в честь французского города Орлеана, где он был впервые изготовлен более 500 лет назад по особому методу. Орлеанский метод считается самым сложным и требует много времени.

Влейте в большую бутылку сначала одеколон и настойку, после чего добавьте уксус. Оставьте смесь на две недели, взбалтывайте ее каждое утро; затем профильтруйте через бумагу (специальные фильтры можно купить в любой аптеке).

Уксусы, приготовленные в домашних условиях, гораздо безопаснее покупных, но даже их необходимо использовать с большой осторожностью. Достаточно развести в изрядном количестве воды всего несколько капель, чтобы добиться освежающего эффекта.

Остерегайтесь использовать белый уксус²⁰ в любых ваших смесях!

Вот рецепт медицинского уксуса, который является прекрасным средством от угревой сыпи и прыщей:

мятная вода — 6 $\frac{1}{2}$ драхмы
 мятный спирт — 6 драхм
 спирт шалфея — 6 драхм
 спирт розмарина — 6 драхм
 спирт лаванды — 6 драхм
 Орлеанский уксус — 3 $\frac{1}{2}$ пинты

Приготовить лавандовый уксус совсем несложно. Возьмите:

6 драхм розовой воды
 1 $\frac{1}{2}$ унции лавандового спирта и
 2 $\frac{1}{4}$ унции Орлеанского уксуса

²⁰ Белый уксус готовится из белого вина.

Приготовление ароматического уксуса не потребует серьезных денежных затрат, если вы самостоятельно соберете необходимые для этого травы. Вам понадобится:

- 10 драхм высушенной травы полыни
- 10 драхм розмарина
- 10 драхм шалфея
- 10 драхм мяты
- 10 драхм садовой руты
- 75 минимов корицы
- 75 минимов пряной гвоздики
- 75 минимов фисташек

Поместите собранную таким образом смесь в кварту спирта на пару недель, затем добавьте туда две кварты белого винного уксуса и профильтруйте через бумагу.

С наступлением сезона цветов вы сможете приготовить самые изысканные цветочные уксусы, причем потратиться придется только на уксус. Вам понадобится:

- 1 $\frac{3}{4}$ пинты настоящего Орлеанского уксуса
- 1 $\frac{1}{2}$ унции прованских роз
- 1 $\frac{1}{2}$ унции розовых лепестков
- 5 драхм цветков жасмина
- $\frac{3}{4}$ унции цветков мятлика лугового
- $\frac{3}{4}$ унции цветков донника
- 5 драхм листьев вербены лимонной

Если вместо свежих вы используете сухие цветы, вам понадобится полторы кварты уксуса. Полученную смесь настаивать в течение месяца, затем профильтровать.

Для розового уксуса понадобится:

ЗАПАХ, ТЕЛО И ГИГИЕНА

3 унции высушенных лепестков красных роз и
1 $\frac{3}{4}$ пинты Орлеанского уксуса

Для настаивания достаточно восьми дней, по истечении которых бутылку с широким горлышком, куда были помещены лепестки и уксус, необходимо хорошенько взболтать, а лепестки, слив уксус, — выжать. Полученный настой оставить на пару дней, затем профильтровать.

Все цветочные уксусы готовятся из 3 унций высушенных лепестков или цветочных верхушек и 1 кварты уксуса. Самый душистый из них — уксус из ре�еды.

ОЧИЩАЮЩЕЕ МОЛОЧКО

Для приготовления молочка возьмите:

1 $\frac{1}{2}$ унции измельченного бензоя
 $\frac{3}{4}$ пинты 90%-ного спирта и
 $\frac{3}{4}$ пинты настоящего Орлеанского уксуса

Поместите все в бутылку и взбалтывайте каждое утро. По истечении двух недель профильтруйте смесь через бумагу.

N.B. Сначала необходимо поместить измельченный бензой в небольшое количество заранее приготовленной смеси спирта и уксуса, чтобы получить светлую жидкость; после этого, помешивая, вылить туда остатки спирта и уксуса, затем все перелить в бутылку.

Перевод Л. Алябьевой

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ольга Вайнштейн. Грамматика ароматов. Предисловие составителя</i>	5
--	---

ТЕОРИЯ ОБОНЯНИЯ

<i>Иммануил Кант. Антропология с прагматической точки зрения (фрагменты)</i>	17
--	----

<i>Георг Зиммель. Из «Экскурса о социологии чувств».</i> <i>Пер. К. Левинсона</i>	19
--	----

<i>Мишель Серф. Не торопитесь, молчите, вкушайте!</i> <i>Пер. Е. Гречаной</i>	37
--	----

<i>Констанс Классен, Дэвид Хоувз, Энтони Синнотт. Значение и власть запаха. Пер. О. Литвиновой</i>	43
--	----

<i>Алексей Левинсон. Пять писем о запахе</i>	52
--	----

<i>Бенуа Шаал, Катрин Руби, Люк Марлье, Робер Суссиньян, Файез Контар, Ришар Э. Трембле. Изменчивость и универсалии в воспринимаемом пространстве запахов. Межкультурные подходы к исследованию обонятельного гедонизма. Пер. И. Чунихиной</i>	89
--	----

<i>Виктория Гулимова. «Пять носов» человека и 2500-летняя история их изучения</i>	122
---	-----

<i>Люсьенн А. Рубен. Запаховые сигналы и пространство праздника в Евразии. Пер. М. Микаэлян</i>	170
---	-----

ЗАПАХИ В ПСИХОАНАЛИЗЕ

<i>Фрейд о запахах. Сост. Е. Марунина</i>	187
---	-----

<i>Анник Ле Герер. Три истории о носе и происхождение психоанализа. Пер. Е. Маруниной</i>	192
---	-----

<i>Виктор Куперман, Иосиф Зислин. Обоняние как инструмент визионера</i>	210
<i>В. Стил. Объект желания: Фетиш в современной парфюмерии (материал Е. Жирицкой)</i>	222

ЗАПАХИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Бальтасар Грасиан. Чуткий нос</i>	229
<i>Марсель Детьен. Священные благовония и пифагорейская кухня. Пер. О. Литвиновой и Е. Шифониной</i>	230
<i>Анник Ле Герер. Благоуханная пантера. Пер. М. Микаэлян</i> ...	275
<i>Жерар Дессон. Чем пахнет живопись. Пер. Е. Дмитриевой</i>	281
<i>Анник Ле Герер. Ароматы Версаля в XVII–XVIII веках: эпистемологический подход. Пер. М. Неклюдовой</i>	297
<i>Этьен Бонно Кондильяк. Трактат об ощущениях (фрагменты)</i>	309
<i>Джон Локк. Элементы натуральной философии (фрагмент)</i>	325
<i>Ален Корбен. Миазм и нарцисс (главы из книги) Социальные эманации. Пер. М. Неклюдовой</i>	326
<i>Ароматы частной жизни. Пер. Е. Ляминой и М. Божович</i>	366
<i>Опьянение и флакон. Пер. Е. Гальцовой</i>	412
<i>«Парижские запахи». Пер. Е. Гальцовой</i>	430
<i>Ольга Вайнштейн. Историческая ароматика: одеколон и пачули</i>	440
<i>Франсуа Сованья. От миазма к признаку: осфрезиологическая метафора у Джованни Морелли. Пер. Е. Гальцовой</i>	467
<i>Клодин Фабр-Васса. Духи для переписки. Пер. А. Васильевой</i>	493
<i>Жорис Карл Гюисманс. Наоборот (фрагменты) Пер. Е. Касировой под ред. В. Толмачева</i>	509

Содержание

ЗАПАХ, ТЕЛО И ГИГИЕНА

<i>Жорж Вигарелло. Чистое и грязное: телесная гигиена со времен Средневековья (главы из книги)</i>	
<i>Пер. М. Неклюдовой .....</i>	525
<i>Доминик Лапорт. Non olet – Не пахнет. Пер. А. Васильевой .....</i>	563
<i>Оксана Гавришина. История мелкой и незаметной пыли (рецензия) .....</i>	578
<i>Оксана Гавришина. История дерьма (рецензия) .....</i>	585
<i>Рецепты духов и туалетных вод викторианской Англии. Пер. Л. Алябьевой .....</i>	593

АРОМАТЫ И ЗАПАХИ В КУЛЬТУРЕ

Книга 1

Редактор серии
А. Красникова
Редактор
И. Стаф
Корректор
М. Смирнова
Дизайнер обложки
С. Кистенев
Компьютерная верстка
С. Пчелинцев
Верстка вклейки
Е. Сяряя

Налоговая льгота – общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
Тел.: (495) 976-47-88
факс: (495) 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 84×108/32
Бумага офсетная № 1. Тираж 3000. Печ. л. 19,25.
Заказ № 623
Отпечатано в ОАО «Типография “Новости”»
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2010 г.

Серия «Культура повседневности»

Жан-Клод Болонь
ИСТОРИЯ БЕЗБРАЧИЯ И ХОЛОСТЯКОВ
Пер. с французского О. Смолицкой

Когда-то безбрачие было для многих «залом ожидания», в нем задерживались только старые девы и закоренелые холостяки, их жалели, над ними смеялись. Сейчас безбрачия никто не стыдится, ряды холостяков все время пополняются теми, кто развелся. Известный бельгийский историк Жан-Клод Болонь рассказывает об эволюции понятия безбрачия и отношения к нему, знакомит читателей с образами и типажам западных холостяков, существовавшими с древних времен до наших дней.

ЖАН-КЛОД БОЛОНЬ

**ИСТОРИЯ
БЕЗБРАЧИЯ
И ХОЛОСТЯКОВ**

Эта книга — первое в России исследование запахов как аспекта нашей повседневной жизни. Авторы статей — отечественные и западные парфюмеры, биологи, лингвисты, психологи, антропологи — стараются расшифровать символические смыслы ароматов, понять, почему запахи неразрывно связаны с человеческим телом, с работой интуиции, памяти и воображения.

КАК КЛАССИФИЦИРОВАТЬ ЗАПАХИ? ЧТО ТАКОЕ
«СИНДРОМ ПРУСТА?» КАК СВЯЗАНЫ ДУХИ
«КРАСНАЯ МОСКВА» И «БУКЕТ ИМПЕРАТРИЦЫ»?

СРЕДИ «ГЕРОЕВ» КНИГИ — ПАТРИК ЗЮСКИНД,
БОДЛЕР, ОСКАР УАЙЛЬД, ФРЕЙД И ЗНАМЕНИТЫЙ
ПАРФЮМЕР ЭДМОН РУДНИЦКА. УЧЕННЫЕ
ПЫТАЮТСЯ СОЗДАТЬ НОВЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ —
«ИСТОРИЧЕСКУЮ АРОМАТИКУ» И «ГРАММАТИКУ
АРОМАТОВ», «ОБНЮХАТЬ» И ОСМЫСЛИТЬ
ОБОНЯТЕЛЬНЫЕ ПЕЙЗАЖИ РАЗЛИЧНЫХ
ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ.

ISBN 978-5-86793-719-5

9 785867 937195